

ШЕКСПИР

УИЛЬЯМ ШЕКСПИР

ПОЛНОЕ
СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ
В ВОСЬМИ
ТОМАХ

Под общей редакцией
А. СМЕРНОВА и А. АНИКСТА

Государственное издательство
«ИСКУССТВО»
Москва 1959

УИЛЬЯМ ШЕКСПИР

Государственное издательство
«ИСКУССТВО»
Москва 1959

**Гравюры художника
А. Г О Н Ч А Р О В А**

ГЕНРИХ IV
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Перевод
Е. БИРУКОВОЙ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Король Генрих IV

Генрих, принц Уэльский

Джон, принц Ланкастерский

} сыновья
} короля.

Граф Уэстморленд.

Сэр Уолтер Блент.

Томас Перси, граф Вустер.

Генри Перси, граф Нортемберленд.

Генри Перси, по прозванию Хотспер, его
сын.

Эдмунд Мортимер, граф Марч.

Ричард Скруп, архиепископ Йоркский.

Арчиболд, граф Дуглас.

Оуэн Глендаур.

Сэр Ричард Верпон.

Сэр Джон Фальстаф

Сэр Майкл, друг архиепископа Йоркского.

Пойнс.

Пето.

Гедсхил.

Бардольф.

Франсис.

Леди Перси, жена Хотспера и сестра Морти-
мера.

Леди Мортимер, дочь Глендаура и жена
Мортимера.

Миссис Куикли, хозяйка трактира в Ист-
чипе.

Лорды, офицеры, шериф, трактир-
ные слуги, извозчики, путеше-
венники, слуги.

Место действия — Англия в начале XV века.

А К Т I

С Ц Е Н А I

Лондон. Дворец.

Входят король Генрих, принц Джон Ланкастерский,
граф Уэстморленд, сэр Уолтер Блент и другие.

Король Генрих

Пусть мы в тревоге, от забот больны,
Но все ж дадим затравленному миру
Передохнуть, чтоб снова кличем бранным
На берегах далеких разразиться.
Не будет обгащать земля родная
Уст жаждущих своих сыновней кровью;
Не будет бороздить полей война,
И впредь не будет вражий конь топтать
Цветы лугов; враждующие лорды —
Одной природы, кровного родства,
Чьи взоры, словно молнии в бурном небе,
Еще недавно скрещивались грозно
В междоусобной яростной борьбе, —
Теперь, сомкнувшись стройными рядами,
Пойдут одним путем и не восстанут
На родичей, и близких, и друзей.
Клинок войны не поразит владельца,
Как меч не ранит, вложенный в ножны.
Итак, ко гробу дальнему Христа.
Чьим воином себя мы нарекли,
Под чьим крестом сражаться дали клятву,

Мы англичан на подвиг поведем.
Призвал их в чреве матери господь
Изгнать неверных из полей священных,
Которых господа стопы касались,
Четырнадцать веков тому назад
Нас ради пригвожденные к кресту.
Уж скоро год, как принято решение,
И снова это обсуждать — излишне.
С другою целью мы теперь собрались.—
Поведайте, кузен мой Уэстморленд,
Что наш Совет вчера постановил,
Чтоб сердцу дорогой поход ускорить.

Уэстморленд

Король, вопрос тот с жаром обсуждали,
И были многие статьи расходов
Вчера утверждены, когда примчался
Гонец из Уэльса с тяжкими вестями;
И худшая гласит, что Мортимер,
Который вел людей из Херфордшира
В бой с лютым, необузданным Глендауром,
Попался в руки грубые уэльца.
До тысячи солдат его убито,
И над телами мертвыми уэльки
Так мерзостно, так зверски надругались,
Что даже совестно вам рассказать.

Король Генрих

Я полагаю, весть об этой битве
Задержит наш поход в Святую землю.

Уэстморленд

Другое — в том же роде, государь.
Еще тревожнее, мрачнее вести
Пришли к нам с севера — и вот о чем.
В воздвижение юный Гарри Перси,
Что прозван Хотспером, и Арчиболд,
Прославленный и доблестный шотландец,
Сразились в Холмдоне.
Кровавый, горестный им выпал час,
Судя по грому ярой канонады
И по различным признакам другим.
Гонец в разгар жестокого сраженья,
Еще не зная об его исходе,
Вскочил в седло и ускакал стремглав.

Король Генрих

Здесь верный, ревностный и милый друг наш
Сэр Уолтер Блент,— он только что с коня,
И платье у него в пыли дорожной,—
Из Холмдона он в Лондон прискакал
И радостные вести нам привез.
Разбит граф Дуглас; видел сам сэр Уолтер,
Как десять тысяч храбрецов шотландских
И двадцать знатных рыцарей лежали
На поле брани, истекая кровью.
Отважным Перси были взяты в плен
Мордек, граф Файфский, Дугласа наследник,
И графы Атол, Меррей, Ангус, Ментит.
Не правда ли, почетная добыча?
Трофеи славные? Ведь так, кузен?

Уэстморленд

Бесспорно,
И принц такой победой бы гордился.

Король Генрих

Ты огорчил меня и вводишь в грех.
Завидно мне, что лорд Нортемберленд —
Отец такого доблестного сына,
Чье имя вечно на устах у Славы;
Он в нашей роще самый стройный ствол,
Фортуны он возлюбленный и гордость.
А я меж тем, хвале его внимая,
Взираю, как распутство и позор
Пятнают Гарри моего чело.
О, если б сказка обернулась былью,
И по ночам порхающая фея
Младенцев наших в люльках обменяла,
И мой бы звался Перси, а его —
Плантагенет! Да, мне б такого сына!..
Но бог с ним! — Что вы скажете, кузен,
О дерзком поведении Гарри Перси?
Всех пленников, захваченных в сраженье,
Он за собой оставил и готов
Мне передать лишь одного Мордека.

Уэстморленд

Тут наущенье дяди — это Вустер,
Заклятый недруг ваш; вот почему

Так хорохорится пред вами Перси
И дерзко поднял юный гребень свой.

К о р о л ь Г е н р и х

Но я уже призвал его к ответу.
Все это принуждает нас отсрочить
До времени поход в Святую землю.
Мы в будущую среду созовем
Совет в Виндзоре; известите лордов
И возвращайтесь поскорей, кузен.
Пусть наш остынет гнев,— тогда рассудим
И действовать начнем как надлежит.

Уэстморленд

Исполню, государь.

Уходят.

С Ц Е Н А 2

Лондон. Дом принца Уэльского в Лондоне.

Входят принц Генрих Уэльский и Фальстаф.

Ф а л ь с т а ф

Скажи-ка, Хел, который теперь час, дружище?

П р и н ц Г е н р и х

У тебя, я вижу, до того ожирели мозги от старого хереса, от обжорства за ужином и от спанья на лавках после обеда, что тебе невдомек спросить о том, что тебя кровно касается. На кой черт тебе знать, который час? Вот если бы часы вдруг стали кружками хереса, минуты — каплунами, маятник — языком сводни, циферблат — вывеской непотребного дома, а само благодатное солнце — пригожей горячей девкой в платье из огненной тафты,— тогда, я понимаю, тебе был бы смысл спрашивать, который час.

Ф а л ь с т а ф

Ну да, ты попал в точку, Хел! Ведь нам, охотникам за кошельками, потребна Луна да Большая Медведица, а совсем не Феб, этот «прекрасный странствующий рыцарь». И вот о чем я тебя попрошу, милый друг: когда ты станешь королем,— храни господь твою милость... виноват, я хотел сказать: твое величество, погумо что милости божьей тебе вовек не видать.

Принц Генрих

Почему это не видать?

Фальстаф

Ей-богу, не видать, даже той, которая испрашивается перед трапезой.

Принц Генрих

Ну, а дальше что? Валяй! Напрямик! Напрямик!

Фальстаф

Так вот, милый друг, когда ты станешь королем, смотри не позволяй, чтобы нас, ночную гвардию, обзывали дневными грабителями. Пусть нас зовут лесничими Дианы, рыцарями мрака, любимцами Луны и пускай говорят, что у нас высокая покровительница, потому что нами управляет, как и морем, благородная и целомудренная владычица Луна, которая и потворствует нашим грабежам.

Принц Генрих

Здорово сказано и чертовски верно! Все мы — подданные Луны, потому и наше счастье то прибывает, то убывает, совсем как море, — ведь и оно управляется Луной. Вот тебе пример: золото, подхваченное одним махом в понедельник вечером, растрачено с размахом во вторник утром; захвачено с возгласом: «Отдавай!» — а истрачено с криком: «Подавай!» Иной раз, когда отлив, скатишься к подножию лестницы, а другой раз, когда прилив, взлетишь на вершину... виселицы.

Фальстаф

Твоя правда, дружок... А что, разве наша трактирщица, с которой я гуляю, не сладкая бабенка?

Принц Генрих

Как мед Гиблы, старый греховодник!.. А что, разве не сладко тебе будет прогуляться за решеткой в куртке из буйволовой кожи?

Фальстаф

Что такое? Что ты там мелешь, дуралей? Это что еще за подвохи и подковырки? Какое мне, черт возьми, дело до буйволовой куртки?

П р и н ц Г е н р и х

А мне, черт подери, какое дело до нашей трактирщицы?

Ф а л ь с т а ф

Да ведь ты же не раз требовал ее к себе, чтобы сводить с ней счета.

П р и н ц Г е н р и х

А разве я когда-нибудь требовал с тебя твою долю?

Ф а л ь с т а ф

Нет, надо отдать тебе справедливость, здесь ты платил за все сам.

П р и н ц Г е н р и х

Ну да; так бывало здесь и всюду, пока у меня водились наличные, а уж когда я садился на мель, то пускал в ход свой кредит.

Ф а л ь с т а ф

Ну да, и пользовался им так широко, что всякий с полным правом мог назвать тебя полноправным наследником... Но скажи мне, милый друг, неужели, когда ты вступишь на престол, в Англии все еще будут красоваться виселицы? А этот старый шут закон неужели по-прежнему будет душить ржавыми цепями всякое проявление мужества? Смотри не вешай воров, когда станешь королем.

П р и н ц Г е н р и х

Нет, это будешь делать ты.

Ф а л ь с т а ф

Я? Вот замечательно! Ей-богу, из меня выйдет бравый судья!

П р и н ц Г е н р и х

Вот уж ты и неверно судишь,— я хочу сказать, что тебе будет поручено вешать воров, и из тебя выйдет замечательный палач.

Ф а л ь с т а ф

Ну что ж, Хел, уверяю тебя, мне это даже в некотором роде по душе,— это не хуже, чем заседать в суде.

П р и н ц Г е н р и х

Здесь тоже есть чем поживиться, правда?

Ф а л ь с т а ф

Ну да, ведь палачу достается платье казенного, и всякий знает, что у него богатый гардероб... Черт подери, я тоскую, как старый кот или как медведь на привязи.

П р и н ц Г е н р и х

Или как дряхлый лев, или как лютня влюбленного.

Ф а л ь с т а ф

Ну да, или как ноющая линкольнширская волынка.

П р и н ц Г е н р и х

А что если я сравню тебя с зайцем или с мрачным Мурским рвом?

Ф а л ь с т а ф

Вечно у тебя на языке всякие ядовитые сравнения! Ей-богу, ты самый изобретательный, канальский, расчудесный принц на свете! Но прошу тебя, Хел, не искушай меня всякой суетой! Видит бог, хотел бы я раздобыть себе доброе имя, да не знаю, где продается такой товар. Один старый лорд из Совета на днях вздумал отчитывать меня на улице — а все из-за вас, сэр! Положим, я и бровью не повел, но все-таки он говорил как мудрец. Правда, я даже не оглянулся, а все-таки он говорил как сущий мудрец, и к тому же на улице.

П р и н ц Г е н р и х

Ты правильно поступил. Ведь сказано: «Премудрость вопиет на стогах, и никто не внемлет ей».

Ф а л ь с т а ф

Ах, какая у тебя пагубная страсть к этим текстам! Ты, право же, способен совратить и святого. Ты причинил тяжкий вред моей душе, Хел,— да прости тебе бог! До знакомства с тобой я не был знаком с пороком, а теперь, по правде сказать, я здорово смахиваю на распутника. Но я решил исправиться и непременно исправлюсь. Ей-богу, если я этого не сделаю, я буду сущим подлецом. Не желаю я губить свою душу из-за какого-то королевского сына.

П р и н ц Г е н р и х

Где бы это нам завтра раздобыть денег, Джек?

Фальстаф

Черт возьми, где хочешь, дружище. Уж я-то раздобуду, а если нет, обзови меня подлецом и ругай на чем свет стоит.

Принц Генрих

Я вижу, что ты и впрямь вступил на путь истинный: от молитв да на охоту за кошельками.

Фальстаф

Что делать, Хел, это мое призвание, Хел, а для человека не грех следовать своему призванию.

Входит Пойнс.

А, Пойнс! Сейчас мы узнаем, наладил ли дело Гедсхил. О, если бы людям воздавалось по заслугам, то он наверняка угодил бы в самую пасть к сатане. Вот самый отъявленный из мерзавцев, что кричат честному человеку: «Стой!»

Принц Генрих

Здравствуй, Нед.

Пойнс

Здравствуй, любезный Хел. Ну, что говорит мсье Кающийся Грешник? Что говорит сэр Джон Сладкий Херес? Ну, Джек, как вы поладили с чертом насчет твоей души? Ведь ты ее продал ему в страстную пятницу за кружку мадеры и ножку холодного каплуна.

Принц Генрих

Сэр Джон верен своему слову — черт получит по договору сполна; ведь до сих пор сэр Джон всегда поступал согласно народной мудрости и «отдавал черту его долю».

Пойнс

Значит, Джек, ты угодишь в ад за то, что сдержал слово, данное черту.

Принц Генрих

Или же он угодит в ад за то, что обманул черта.

Пойнс

Слушайте, братцы мои, завтра в четыре часа утра всем быть у Гедсхила; в Кентерберии направляются паломники с богатыми дарами, а в Лондон едут купцы-толстосумы. Маски припасены у

меня для всех, а лошади у вас свои. Гедсхил почует нынче в Рочестере. Я заказал на завтрашний вечер ужин в Истчипе. Мы всё это обделаем, как за каменной стеной. Если вы поедете со мной, я набью ваши кошельки кронами, а не желаете, так сидите себе дома, и чтоб вас всех повесили!

Ф а л ь с т а ф

Слушай ты, Эдуард, если я не поеду с вами и останусь дома, я повешу вас всех за то, что вы поехали.

П о й н с

Да неужели, мясная туша?

Ф а л ь с т а ф

Ты едешь с нами, Хел?

П р и н ц Г е н р и х

Как! Чтобы я стал грабить? Чтобы я стал разбойником? Да ни за что на свете!

Ф а л ь с т а ф

Нет в тебе ни на грош ни честности, ни мужества, ни товарищеских чувств, и вовсе ты не королевский сын, если не умеешь раздобыть и десятка шиллингов.

П р и н ц Г е н р и х

Ну ладно, быть мне раз в жизни сумасбродом!

Ф а л ь с т а ф

Здорово сказано!

П р и н ц Г е н р и х

Ну, будь что будет, а я остаюсь дома.

Ф а л ь с т а ф

Ей-ей, когда ты взойдешь на престол, я стану изменником.

П р и н ц Г е н р и х

А мне наплевать.

П о й н с

Сэр Джон, дай мне, пожалуйста, поговорить с принцем с глазу на глаз. Я ему приведу такие доводы в пользу нашей затеи, что он согласится.

Фальстаф

Хорошо. И да пошлет тебе господь дух вразумления, а ему — слух, отверстый к поучениям, дабы сказанное тобой подвигло его, а услышанное им вызвало в нем доверие и настоящий принц ради потехи стал бы мнимым вором, ибо в наше скучное время надо же чем-нибудь позабавиться. Прощайте. Мы встретимся в Истчипе.

Принц Генрих

Прощай, запоздалая весна! Прощай, бабье лето!

Фальстаф уходит.

Пойнс

Слушайте, мой милый, драгоценный принц, поедемте завтра с нами. Я придумал славную шутку, но одному мне ее не разыграть. Фальстаф, Бардольф, Гедсхил и Пето ограбят людей, которых мы уже выследили; ни вас, ни меня при этом не будет; но даю вам голову на отсечение, что, как только они захватят добычу, мы ограбим их самих.

Принц Генрих

А как нам удастся отстать от них по дороге?

Пойнс

Мы им назначим место встречи, а сами выедем либо раньше, либо позже их. От нас будет зависеть не приехать вовремя, и тогда они отважатся одни на этот подвиг. Но не успеют они его совершить, как мы нагрянем на них.

Принц Генрих

Да, но они сразу узнают нас по коням, по костюму и по другим приметам.

Пойнс

Полноте! наших коней они не увидят — я привяжу их в лесу; маски мы переменим, когда расстанемся с ними; и к тому же, дружище, у меня припасены на этот случай клеенчатые плащи: они прикроют наше платье, которое им хорошо знакомо.

Принц Генрих

Все так, но я боюсь, что нам с ними не сладить.

Пойнс

Чего там! Двое из них чистокровные трусы, у них пятки всегда смазаны салом, а что до третьего, то не носить мне больше оружия, если он будет драться хоть на минуту дольше, чем следует. Вот будет потеха: какой невообразимый вздор станет молоть этот жирный плут, когда мы встретимся за ужином, — как он сражался по меньшей мере с тридцатью противниками, какие выпады делал, какие удары наносил, каким опасностям подвергался; мы с вами уличим его во вранье — и в этом вся соль шутки.

Принц Генрих

Ладно, я поеду с тобой. Приготовь все необходимое и завтра вечером приходи за мной в Истчип, я буду там ужинать. Прощай.

Пойнс

Прощайте, милорд. *(Уходит.)*

Принц Генрих

Я знаю всех вас, но до срока стану
Потворствовать беспутному разгулу;
И в этом буду подражать я солнцу,
Которое злоеющим, мрачным тучам
Свою красу дает скрывать от мира,
Чтоб встретили его с восторгом новым,
Когда захочет в славе воссиять,
Прорвав завесу безобразных туч,
Старавшихся затмить его напрасно.
Когда б весь год веселый праздник длился,
Скучней работы стали б развлечения;
Но редки празднества — и в радость всем.
Лишь необычное бывает мило.
Так я, распутные повадки бросив
И уплатив неожиданно старый долг,
Все обману дурные ожидания,
Являя людям светлый образ свой;
И, как в породе темной яркий камень,
Мой новый лик, блеснув над тьмой греховной,
Величьем больше взоров привлечет,
Чем не усиленная фольгой доблесть.
Себе во благо обращаю я злое
И, всем на диво, испуплю бывшее.

(Уходит.)

СЦЕНА 3

Лондон. Дворец.

Входят король Генрих, Нортемберленд, Вустер, Хотспер, сэр Уолтер Блент и другие.

Король Генрих

Была чрезмерно кровь моя спокойной,
Холодной, не вскипала от обид,—
И вы постигли нрав мой и попрали
Мое терпенье. Но предупреждаю:
Я буду впредь, как требует мой сан,
Суровым, грозным, вопреки природе.
Я был нежней елеса, мягче пуха
И потому утратил уваженье,
Что гордый дух лишь к гордому питает.

Вустер

Мой государь, наш дом не заслужил
Таких угроз от королевской власти —
Той самой власти, чье величье он
Своей рукою создал.

Нортемберленд

Государь...

Король Генрих

Уйди отсюда, Вустер. Вижу я
В твоих глазах вражду и непокорство.
О сэр, вы дерзки и высокомерны,
А государь не может потерпеть,
Чтоб хмурил брови перед ним вассал.
Покиньте ж нас; коль помощь и совет ваш
Потребуются, мы вас призовем.

Вустер уходит.

(Нортемберленду.)

Сказать вы что-то собирались?

Нортемберленд

Да,

Мой государь. На ваше приказанье
Вам выдать пленных, взятых Гарри Перси
Под Холмдоном, им не было дано,
Он говорит, столь резкого отказа,

Как это было передано вам.
Итак, во всем повинны кривотолки
Иль чья-то злая зависть, но не сын мой.

Хотспер

Я, государь, не отказал вам в пленных.
Но, помнится, по окончанье боя,
Когда, в крови, разгорячен резней,
Без сил, едва переводя дыхание,
Я, опершись на меч, стоял,— подходит
Какой-то лорд, опрытен, расфранчен,
Свеж, как жених; на ниву после жатвы
Был подбородок выбритый похож;
Как продавец духов, благоухал он;
Меж средним пальцем и большим держал
Он табакерку с порошком душистым
И то и дело подносил к ноздрям,
А нос чихал сердито всякий раз;
Болтал, смеялся франт; когда ж солдаты
Убитых проносили мимо, он
Мерзавцами, невежами бранил их
За то, что скверный, грязный труп ташили
Под носом его светлости при ветре.
Изысканно, по-дамски выражаясь,
Он стал расспрашивать меня и вдруг
Потребовал для вас, король, всех пленных.
А я, от ран запекшихся страдая,
Болтливым попугаем раздраженный,
Терпенье потеряв, в досаде крайней,
Небрежно отвечал не помню что:
Отдам иль не отдам; меня бесил
Его блестящий вид, и запах сладкий,
И то, что он, как фрейлина, болтал
О пушках, ранах, рвах — помилуй бог! —
И уверял, что от ушибов тяжких
Божественное средство — спермацет;
И крайне жаль, твердил он, в самом деле,
Что из утробы благостной земли
Противную селитру извлекают,
Которой столько славных рослых малых
Погублено коварно, и, не будь
Проклятых пушек, он бы стал солдатом.
На дерзкую, пустую болтовню
Уклончиво ему ответил я,
И вас прошу — не придавайте веры

Доносу лживому, чтоб он не встал
Меж верностью моей и вашей властью.

Б л е н т

При дапной обстановке, государь,
Все, что тогда ответил Гарри Перси —
В такое время и в подобном месте
Подобному лицу, — все, что сказал он,
Пускай умрет и не воскреснет вновь
Ему во вред; он взял слова обратно.

К о р о л ь Г е н р и х

Но все ж готов он пленников отдать
Лишь с оговоркою и при условии,
Чтоб выкуплен на средства наши был
Его безумный шурин Мортимер.
Клянусь, умышленно тот предал на смерть
Своих людей, которых в бой повел
С Глендауром, этим колдуном проклятым.
Чью дочь недавно, говорили нам,
В супруги взял граф Марч. Ужели мы
Свою казну опустошим на выкуп
Предателя? Заплатим за измену?
И сделку с трусом заключим, спасая
Тех, кто сгубил и предал сам себя?
Нет, пусть в горах бесплодных голодает!
Мне никогда не будет другом тот,
Кто у меня на выкуп Мортимера —
Крамольника — просить хоть пенни станет.

Х о т с п е р

Крамольник Мортимер!..
Он, государь, от вас бы не отпал,
Когда бы не превратности войны.
Об этом говорят красноречиво
Уста зияющие ран кровавых,
Тех ран, что принял на берегах Северна,
Пороших тростником, когда грудь с грудью
Он в поединке бился добрый час
С Глендауром славным, в храбрости с ним споря.
Бой трижды прерывался, трижды пили
Противники из быстрых струй Северна,
Что, кровожадным взором их испуган,
Бежал средь камышей дрожащих, пряча
Вздохмаченную голову под берег,

Борцов горячей кровью обогранный.
Нет, низменная хитрость никогда
Не прикрывалась ранами такими,
И никогда достойный Мортимер
Себя бы не изранил так для виду.
Так не корите же его крамолой!

Король Генрих

Солгал ты, Перси, про него, солгал:
С Глендауrom никогда он не сражался.
Я говорю тебе:
Скорее станет с дьяволом он биться,
Чем с Оуэном Глендауrom в поединке.
Не стыдно ли тебе? Но слушай, впредь
Не смей мне говорить о Мортимере!
Пришли своих мне пленных поскорей,
Не то к таким крутым прибегну мерам,
Что рад не будешь! — Лорд Нортемберленд,
Вам разрешаю удалиться с сыном.—
Скорее пленных шли — иль берегись!

Король Генрих, Блент и другие приближенные
короля уходят.

Хотспер

Когда б, рыча, стал требовать их черт,
Я не прислал бы их! Пойду к нему
И выскажусь. Все ж облегчу я сердце,
Хотя своей рискую головой.

Нортемберленд

Ты гневом пьян! Пстой и обожди.
Вот дядя твой.

Возвращается Вустер.

Хотспер

Молчать о Мортимере?

Проклятье! Буду говорить о нем!
Пусть не видать мне рая, если я
Его не поддержу! Да, для него
Всю кровь из этих жил за каплей каплю
Пролью на пыль дорог, но подниму
Растоптанного в прахе Мортимера
На высоту, где блещет Болингброк,
Король неблагодарный и порочный!

Нортемберленд

Брат, королем взбешен племянник твой.

Вустер

Что без меня зажгло такой пожар?

Хотспер

Оп, черт возьми, потребовал всех пленных!
Когда же я заговорил опять
Про выкуп шурина, он побледнел
И на меня метнул взор, полный гнева,
При имени его одним дрожа.

Вустер

Я не браню его: ведь Мортимера
Наследником признал покойный Ричард.

Нортемберленд

Признал, я был тому свидетель сам;
То было в день, когда король несчастный
(Господь нам да отпустит грех пред ним!),
В Ирландию с войсками отправлялся,
Откуда возвратился он внезапно,
Чтоб, трон утратив, пасть от рук убийц.

Вустер

В убийстве том винят нас и порочат
С тех пор широкие уста молвы.

Хотспер

Постойте! Говорите вы, что Ричард
Признал своим наследником законным
Эдмунда Мортимера?

Нортемберленд

Да, при мне.

Хотспер

Так не браню я короля, что смерти
Ему желает средь бесплодных гор.
Но вы-то, что корону возложили
На голову забывчивому пэру
И до сих пор из-за него несете
Клеймо зачинщиков убийства,— вы-то

Ужель терпеть согласны тьму проклятий.
Поссбниками преступленья слыть
Иль низшими орудьями его —
Веревкой, лестницей иль палачом?
Простите, что прибег к сравненьям грубым,
Изображая ваше положенье
И место при лукавом короле.
Ужели — о позор! — в дни наши скажут
Или потомки в хрониках прочтут,
Что два таких могучих, знатных лорда
Пошли на столь несправедный поступок —
Низвергли Ричарда — прости, господь! —
И, вырвав с корнем сладостную розу,
Терн, язву Болингброка посадили?
И скажут ли еще — о верх позора! —
Что одурачил нас, отверг, прогнал
Тот, для кого позору мы подверглись?
Нет. время не ушло; еще возможно
Вам возратить утраченную честь
И славу добрую восстановить.
Отмстите за насмешки и презренье
Монарху гордому, что день и ночь
Мечтает лишь о том, чтоб заплатить вам
За ваши все дела кровавой смертью!
Итак, я говорю...

В у с т е р

Молчи, племянник.
Я книгу тайн раскрою пред тобой
В ответ на твой вполне понятный гнев
И строки важные тебе прочту
О дерзком предприятии, что исполнить
Опасней, чем по зыбкому копыю
Через поток ревущий перебраться.

Х о т с п е р

А кто упал — прощай! — иди ко дну
Иль выплывай! Коль движется опасность
С востока к западу, наперерез
Честь устремится с севера на юг,—
И пусть дерутся! О, на льва охота
Кровь горячит сильнее, чем травля зайца!

Н ор т е м б е р л е н д

Одна лишь мысль о подвигах отважных
Его за грань терпенья унесла.

Хотспер

Клянусь душой, мне было б нипочем
До лика бледного Луны допрыгнуть,
Чтоб яркой чести там себе добыть,
Или вырвать в морскую глубину,
Где лот не достигает дна,— и честь,
Утопленницу, вытащить за кудри;
И должен тот, кто спас ее из бездны,
Впредь нераздельно ею обладать.
Не потерплю соперников по чести!

Вустер

Он целым миром образов захвачен,
Но лишь не тем, что требует вниманья.
Племянник дорогой, дай мне сказать...

Хотспер

О, смилуйтесь!

Вустер

Шотландцев благородных,
Чго взял ты в плен...

Хотспер

Оставлю за собой.
Клянусь, ему не дам ни одного.
Хотя б душа его без них погибла,
Не дам, клянусь рукой!

Вустер

Занесся ты,
Моих не хочешь слушать рассуждений.
Ты пленных сохрани...

Хотспер

Ну да! Еще бы!
Он выкупать не хочет Мортимера!
Я говорить не смей о Мортимере!
Но проберусь к нему в опочивальню
И крикну зычно в ухо: «Мортимер!»

Нет, больше!
Я терпеливо обучу скворца
Твердить одно лишь слово «Мортимер» —
И Болингброку подарю его,
Чтоб вечно в короле будил он ярость.

В у с т е р

Племянник, дай сказать хоть слово!

Х о т с п е р

От всех занятий отрекусь; одно лишь
Желанно мне — злить, жалить Болингброка!
И, если б я не знал, что принц Уэльский,
Буян и бражник, королю не мил
И тот несчастьем с сыном будет рад, —
Я б дал ему отраву в кружке эля.

В у с т е р

Прощай, племянник; мы поговорим,
Когда ты будешь расположен слушать.

Н о р т е м б е р л е н д

Ты что, осой ужален, сумасброд?
Потоком слов по-женски разразился,
Не внемлешь никому, лишь сам себе!

Х о т с п е р

Мне кажется, меня бичами хлещут,
Бьют розгами, иль жжет меня крапива,
Кусают муравьи, лишь речь зайдет
О хитреце проклятом Болингброке.
В дни Ричарда, — как замок тот зовется?
Ах, чтоб ему! — еще он в Глостершире,
Им Йорк владел, его безмозглый дядя, —
И там впервые я склонил колени
Пред королем улыбок Болингброком...
Проклятее!..
Когда из Ревенсперга прибыл он...

Н о р т е м б е р л е н д

То замок Баркли.

Х о т с п е р

Он самый!
Ах, сколько нежных, сахарных речей

Там расточал мне этот льстивый пес!
«Когда мое младенческое счастье
Войдет в года...», «Отважный Гарри Перси!»,
«Любезный родич»... Черту он родня!
Прости, господь! — Мы слушаем вас, дядя.
Я все сказал.

В у с т е р

Нет, коль не все,— кончай.

Мы подождем.

Х о т с п е р

Я все сказал, клянусь.

В у с т е р

Тогда вернемся вновь к шотландцам пленным.
Без выкупа их передай немедленно,
А сам чрез сына Дугласа собирай
В Шотландии войска. Я полагаю
На основании различных данных,
Которые в письме вам изложу,
Что без труда добьемся мы успеха.

(Нортемберленду.)

А вы, пока займется этим Перси,
В доверие, милорд, старайтесь вкрасься
К прелату славному, что всеми чтим:
Архиепископ он...

Х о т с п е р

Йоркский? Не так ли?

В у с т е р

Да.
На государя злобу он питает:
Ведь брат его, лорд Скруп, казнен в Бристоле.
Все, что сказал я, не предположенья
И не догадки личные мои,—
Нет, взвешено, рассчитано все это
И решено. Теперь предлог лишь нужен,
Чтоб в исполнение привести мой план.

Х о т с п е р

Я чувю: будет толк, клянусь в том жизнью.

Н о р т е м б е р л е н д

Не поднят зверь, а ты спускаешь свору.

Хотспер

Что ж, сразу видно: замысел прекрасен.
А к Мортимеру ведь примкнут шотландцы
И йоркские войска? Да?

Вустер

Без сомненья.

Хотспер

Придуманно, ей-богу, превосходно.

Вустер

У нас причин немало торопиться.
Снесем главу, чтоб головы сберечь.
Ведь, как бы скромно ни держались мы,
Он не забудет, что у нас в долгу:
Подозревать в нас будет недовольство,
Пока предлог не встретит для расплаты.
И, посмотрите, он уж начинает
Взор недовольный отвращать от нас.

Хотспер

Ну да! Ну да! Отмстим ему за все!

Вустер

Прощай, племянник. Действуй в тех пределах,
Что в письмах вам подробно укажу.
Когда приспееет срок — что будет вскоре, —
Примкну к Глендауру я и к Мортимеру.
Устрою так, чтоб там собрались сразу
И вы, и Дуглас, и все наши силы.
И счастье крепко в руки заберем,
Которое сейчас мы еле держим.

Нортемберленд

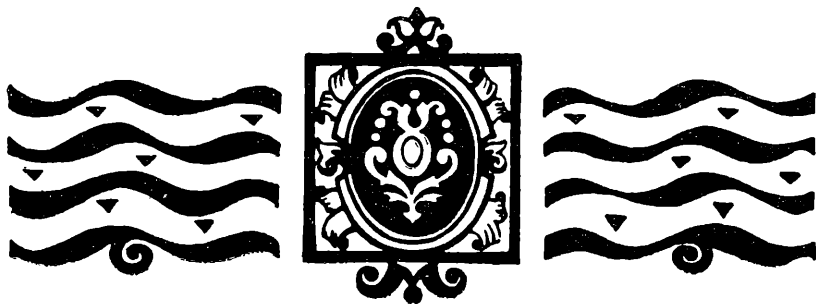
Прощайте, брат. Надеюсь на успех.

Хотспер

Прощайте! О, скорей бы день кровавый,
Когда в огне мечом стяжаем славу!

Уходят.

А К Т II

С Ц Е Н А 1

Рочестер. Двор гостиницы.

Входит первый извозчик с фонарем в руке.

Первый извозчик

Эй! Пусть меня вздернут, если сейчас не четыре часа утра. Большая Медведица стоит как раз над новой трубой, а моя лошадь еще не навьючена.— Эй, конюх!

К о н ю х
(за сценой)

Сейчас, сейчас!

Первый извозчик

Прошу тебя, Том, выколоти седло у Корноухого да подложи ему малость войлоку под луку: бедная скотина страсть как натерла себе загривок.

Входит второй извозчик.

Второй извозчик

Горох и бобы здесь до черта сырые, а от этого, известное дело, у бедной скотины заводятся черви в брюхе. В этом доме все пошло вверх дном с той поры, как помер конюх Робин.

Первый извозчик

Бедняга! Как вздорожал овес, ему и свет стал не мил; это и свело его в могилу.

Второй извозчик

Думается мне, на всей лондонской дороге нет хуже этого дома по части блох. Я стал весь пестрый, совсем как рябчик.

Первый извозчик

Как рябчик! Истинный бог, ни одного христианского короля еще не кусали так здорово, как нынче меня после первых петухов.

Второй извозчик

Ну да, от них не допросишься посуды; пруди себе прямо в камин, а от этого, известно, разводятся блохи, прямо как мальки.

Первый извозчик

Эй, конюх! Иди сюда живей! Чтоб тебя вздернули! Да иди же!

Второй извозчик

Мне надобно доставить в Черинг-Кросс окорок ветчины да два тюка имбиря.

Первый извозчик

Господи боже мой! Индюшки-то у меня в корзине совсем подыхают с голоду.— Эй, конюх! Чума на тебя! Есть у тебя глаза во лбу? Или ты оглох? Будь я подлецом, если проломить тебе башку не такое же благое дело, как выпивка! Иди сюда! Чтоб тебя вздернули! Свести в тебе пету!

Входит Гедсхил.

Гедсхил

С добрым утром, молодцы. Который час?

Первый извозчик

Думается мне, два часа-то уж будет.

Гедсхил

Одолжи мне, пожалуйста, фонарь,— мне надо проведать в копышке своего мерина.

Первый извозчик

Нет уж, дудки! Знаю я штуки почище твоих, ей-богу!

Г е д с х и л

Ну так ты одолжи мне, прошу тебя.

В т о р о й и з в о з ч и к

Одолжить-то я одолжу, но когда? А ну, угадай! Одолжить, говоришь ты? Черт побери, сначала я посмотрю, как тебя повесят.

Г е д с х и л

Скажите-ка, молодцы, к которому часу думаете вы добраться до Лондона?

В т о р о й и з в о з ч и к

Да в таком часу, что в пору будет ложиться спать при све-
чах, верно тебе говорю.— Идем, сосед Мегс, пора будить господ.
Они желают ехать с попутчиками, потому как у них уйма по-
клажи.

И з в о з ч и к и у х о д я т .

Г е д с х и л

Эй, слуга!

Т р а к т и р н ы й с л у г а
(за сценой)

Мигом, как говорит грабитель.

Г е д с х и л

Это все равно что сказать: «Мигом, как говорит трактирный
слуга». Ведь ты отличаешься от вора, как зачинщик от исполни-
теля: тебе принадлежит честь замысла.

В х о д и т т р а к т и р н ы й с л у г

Т р а к т и р н ы й с л у г а

С добрым утром, мистер Гедсхил. Дело обстоит именно так,
как я докладывал вам вчера вечером. У нас остановился один зем-
левладелец из Кентских лесов; он везет с собой триста марок зо-
лотом; вчера за ужином он при мне рассказывал об этом своему
спутнику. А тот смахивает на аудитора; у него тоже пропасть по-
клажи, не знаю уж, что там у него. Они уже встали и велели по-
дать себе завтрак; скоро тронутся в путь.

Г е д с х и л

Даю голову на отсечение, что они повстречаются с молодцами
святого Николая.

Трактирный слуга

Очень мне нужна твоя башка,— лучше побереги ее для палача. Ведь мне доподлинно известно, что ты не за страх, а за совесть чтить святого Николая.

Гедсхил

Что ты мне там толкуешь про палача? Уж если мне суждено быть повешенным, то будет болтаться жирная пара висельников, потому что вместе со мной вздернут и старого сэра Джона, а уж он-то далеко не скелет. Брось! Среди нас есть такие троянцы, какие тебе и во сне не снились: ради забавы они готовы оказать честь нашему ремеслу, а ежели дело выведут на чистую воду, они, спасая свое доброе имя, мигом все уладят. Я вожу компанию не с какими-нибудь бездомными бродягами, не с какими-нибудь громилами, что готовы тебя пристукнуть дубинкой из-за шести пенсов, не с какими-нибудь краснорожими усатыми пьянчугами, а с господами знатными и весьма приятными, с бургомистрами и богачами, которые умеют за себя постоять, которые охотнее ударят, чем откроют рот, охотнее говорят, чем пьют, и охотней пьют, чем молятся. Но нет, черт возьми, я соврал: они то и дело молятся своей святой покровительнице — государственной казне, или, вернее, они не умоляют ее, а умаляют, потому что стригут ее день и ночь и сделали из нее себе сапоги.

Трактирный слуга

Как! Из казны — сапоги? А они не промокнут в непогоду на дурной дороге?

Гедсхил

Ничего-ничего, благодаря правосудию они выйдут сухими из воды. Мы грабим как за каменной стеной, в полной безопасности. Мы раздобыли папоротниковый цвет и теперь ходим невидимками.

Трактирный слуга

Ну, положим, вас делает невидимками ночная темнота, а не папоротник.

Гедсхил

Итак, по рукам! Ты получишь свою долю добычи. Слово честного человека!

Трактирный слуга

Нет, уж лучше дай мне слово прожженного вора.

Г е д с х и л

Да ну тебя! Слово *homo*¹ подходит для каждого человека. Вели конюху вывести моего мерина из конюшни. Прощай, паршивый черт!

Уходят.

С Ц Е Н А 2

Большая дорога близ Гедсхила.

Входят принц Генрих и Пойнс.

П о й н с

Скорей-скорей, прячьтесь! Я увел коня у Фальстафа, и теперь он коробится от ярости, как накрахмаленный бархат.

П р и н ц Г е н р и х

Отойдем в сторонку.

Входит Фальстаф.

Ф а л ь с т а ф

Пойнс! Пойнс! Чтоб тебя вздернули! Пойнс!

П р и н ц Г е н р и х

Тише ты. толстобрюхий болван! Будет тебе горланить!

Ф а л ь с т а ф

Где же Пойнс, Хел?

П р и н ц Г е н р и х

Он вздумал взобраться на вершину холма. Пойду его поищу.
(*Делает вид, что ищет Пойнса.*)

Ф а л ь с т а ф

Что за проклятье — грабить вместе с этим жуликом! Мерзавец увел моего коня и привязал его черт знает где. Стоит мне пройти пешком еще четыре шага — и я захохнусь! А между тем я крепко надеюсь умереть как честный человек, если только меня не повесят за то, что я укукошу этого негодяя. Вот уже двадцать два года, как я каждый день и каждый час даю клятву, что брошу с ним водиться, но меня словно черт веревочкой связал с этим подлецом. Пусть меня повесят, если этот злодей не опоил меня

¹ Человек. (*Лат.*)

приворотным зельем! Да, так оно и есть, хлебнул-таки я зелья. Пойнс! Хел! Чума на вас! Бардольф! Пето! Пусть я с голоду подохну, если сделаю еще хоть один шаг вперед! Пусть я буду последним из проходимцев, что даром жуют хлеб, если бросить этих жуликов и стать порядочным человеком не такое же благое дело, как выпивка! Для меня пройти пешком восемь ярдов по неровной почве — все равно что для другого прошагать добрых семьдесят миль, и эти бессердечные негодяи отлично это знают. Последнее дело, если воры обманывают друг друга!

Слышен свист.

Фью! Чума на всех вас! Отдайте мне коня, мошенники вы этакие! Отдайте мне коня! И чтоб вас всех повесили!

Принц Генрих

Тихе ты, пузан! Ложись ничком, припади ухом к земле и прислушайся — не едут ли путники?

Фальстаф

А у вас есть рычаги, чтобы снова поднять меня на ноги? Черт подери! За все деньги, какие есть в казне твоего отца, не потащусь другой раз пешком в этакую даль! Какого черта вы надо мной так измываетесь? Я совсем опешил.

Принц Генрих

Врешь: не опешил, а спешил.

Фальстаф

Прошу тебя, дорогой мой принц Хел, помоги мне отыскать коня, добрейший королевский сын.

Принц Генрих

Провались ты, негодяй! Что я тебе — конюх?

Фальстаф

Ступай повесься на своей королевской подвязке! Уж если только я попадусь, я оговорю вас всех! Отравиться мне хересом, если про вас не сложат куплеты и не станут их распевать на самые гнусные мотивы! Терпеть не могу, когда шутка заходит так далеко, да вдобавок пешком.

Входят Гедсхил, Бардольф и Пето.

Гедсхил

Стой!

Ф а л ь с т а ф

Волей-неволей приходится мне стоять.

П о й н с

О, это наш лягавый; узнаю его по лаю.— Ну, Бардольф, что нового?

Б а р д о л ь ф

Прячьте лица! Прячьте лица! Надевайте маски! Королевские монеты спускаются с холма, они катятся в королевскую казну.

Ф а л ь с т а ф

Врешь ты, бездельник: они катятся в королевский кабак.

Г е д с х и л

Их достаточно, чтобы всех нас озолотить.

Ф а л ь с т а ф

Чтобы всем нам угодить на виселицу.

П р и н ц Г е н р и х

Ну, господа, вы вчетвером нападете на них на узкой тропинке, а мы с Недом Пойнсом засядем пониже; если они ускользнут от вас, то попадут к нам в руки.

П е т о

Сколько их там?

Г е д с х и л

Человек восемь или девять.

Ф а л ь с т а ф

Черт поberi, а они нас не ограбят?

П р и н ц Г е н р и х

Да ты никак струсил, сэр Джон Брюхач?

Ф а л ь с т а ф

Конечно, мне далеко до худобы и храбрости твоего деда сэра Джона Ганта, но я все-таки не трус, Хел.

П р и н ц Г е н р и х

Ладно, мы тебя испытаем.

Пойнс

Слушай, Джек, твой конь стоит вон за той изгородью; если он тебе понадобится, можешь его там найти. Прощай. Будь молодцом.

Фальстаф

Так бы его и пристукнул, разрази его гром!

Принц Генрих

Нед, где наши плащи?

Пойнс

Здесь, под рукой. Спрячемся.

Принц Генрих и Пойнс уходят.

Фальстаф

Ну, господа, каждый лови счастье за хвост! Все по местам!

Входят путешественники.

Первый путешественник

Идем, сосед. Мальчик сведет наших лошадей с горы. Пройдемся-ка немного пешком, поразомнем ноги.

Грабители

Стой!

Путешественники

Господи помилуй!

Фальстаф

Бей! Вали их! Режь глотку поганцам! Ах вы, ублюдки окаянные! Обжоры проклятые! Молодежь тоже хочет жить! Вали их! Обдирай их!

Путешественники

Ах, мы теперь разорены — и мы и наши семьи!

Фальстаф

Вздернуть вас, толстопузых мерзавцев! Это вы-то разорены? Нет, жирные скряги! Жаль, что все ваше добро не при вас. Ну, пошли, боровы, пошли! Ах вы, мерзавцы! Молодежь тоже хочет

жить! Вы, чего доброго, еще присяжные судьи? Ну, так мы вас рассудим, ей-богу.

Фальстаф и другие уходят, уводя с собой путешественников.

Входит принц Генрих и Пойнс, переодетые.

Принц Генрих

Воры связали честных людей. Если мы с тобой теперь ограбим воров и с легким сердцем вернемся в Лондон, разговоров об этом хватит на неделю, смеху — на добрый месяц, а славных шуток — на целый век.

Пойнс

Прячьтесь! Слышите, идут!

Входят грабители.

Фальстаф

Ну, давайте, друзья, разделим добычу, и до света — на коней! Если принц и Пойнс не самые отъявленные трусы, то нет справедливости на земле! Этот Пойнс не храбрее дикой утки.

В то время как грабители делят добычу, принц Генрих и Пойнс нападают на них.

Принц Генрих

Отдавайте деньги.

Пойнс

Мерзавцы!

После двух-трех ударов Фальстаф прочие убегают, бросив добычу.

Принц Генрих

Досталось без труда! Ну, на коней!
Бежали воры все — так ошалели
От страха, что не смеют подойти
Один к другому; каждый принимает
Товарища за стражу.— Едем, Нед!
Фальстаф, как в смертный час, исходит потом
И удобряет землю по пути.
Не будь он так смешон, он был бы жалок.

Пойнс

Как плут орал!

Уходят.

С Ц Е Н А 3

Замок Уоркуорт.

Входит Хотспер, читая письмо.

Хотспер

«Что касается меня, милорд, то мне бы весьма хотелось быть сейчас с вами, ибо вам известна моя любовь к вашему дому...». Ему бы весьма хотелось,— так почему же его здесь нет? Мне известна его любовь к нашему дому. Он показывает этим, что любит свой сарай куда больше нашего дома. Посмотрим, что дальше. «Задуманное вами предприятие опасно...». Что ж, это верно, все на свете опасно: например, простудиться, спать и даже пить. А я вам говорю, господин глупец, в зарослях крапивы опасностей мы сорвем цветок — безопасность. «Задуманное вами предприятие опасно, упомянутые вами друзья ненадежны, время неблагоприятно, и весь ваш план чересчур легковесен, чтобы преодолеть столь сильное сопротивление...». Вот как! А я вам скажу на это, что вы пустоголовый трус, негодяй и к тому же лгун! Что за безмозглая башка! Клянусь богом, наш план не хуже всякого другого, наши друзья преданны и надежны! Хороший план, хорошие друзья и весьма надежные. Отличный план, превосходные друзья! Что за бездушный подлец! Ведь сам архиепископ Йоркский одобряет наш план и весь предполагаемый ход действий. Черт побери! Попадись мне сейчас на глаза этот мерзавец, я раскроил бы ему череп веером его жены! Разве мой отец, мой дядя и я сам не участвуем в этом деле? А лорд Эдмунд Мортимер, архиепископ Йоркский и Оуэн Глендаур? Да к тому же и Дуглас? Разве они не обещали мне в письмах присоединиться ко мне с войсками девятого числа будущего месяца? И разве некоторые из них уже не выступили в поход? Что за гнусный нечестивец! Сущий язычник! Пожалуй, еще, при своей чистосердечной трусости и малодушии, он отправится теперь к королю и откроет ему весь наш замысел. О, я готов лопнуть от злости и надавать себе затрещин за то, что привлек эту простоквашу к такому почетному делу! Ну, да черт с ним! Пускай себе докладывает королю, у нас уже все готово. Я еду сегодня ночью.

Входит леди Перси.

Как дела, Кет? Через два часа я расстанусь с тобой.

Леди Перси

О мой супруг, скажи мне, почему
Ты в одиночестве проводишь дни?
В чем провинилась, что уж две недели,

Как изгнана я с ложа твоего?
Скажи, что похищает у тебя
Сон золотой, и аппетит, и радость?
Зачем твой взор склонен к земле и часто
Ты вздрагиваешь, сидя одиноко?
И почему утратил ты румянец
И, прав законных на тебя лишив
Свою жену, их отдал мрачным думам,
Проклятой грусти? Близ тебя не раз
Я сторожила твой тревожный сон
И слышала, как ты о войнах бредил,
Как горячил словами скакуна,
Кричал: «Смелее! В бой!» — и говорил
О вылазках, траншеях, схватках, рвах,
О брустверах, палатках, частоколах,
О василисках, пушках, кулевринах,
О пленниках, о тех, кто пал в бою,
О всех превратностях горячей битвы.
Сраженьями твой дух был так захвачен
И до того ты был взволнован снами,
Что бисер пота выступал на лбу,
Как пузыри на бешеном потоке,
И странно у тебя лицо менялось,
Как у того, кто переводит дух
При быстром беге. Что все это значит?
Тяжелой ты заботой угнетен.
Скажи мне все,— иль ты меня не любишь.

Хотспер

Эй, там!

Входит слуга.

Отправился с пакетом Джильямс?

Слуга

Да, с час назад, милорд.

Хотспер

Коней привел ли Бетлер от шерифа?

Слуга

Да, только что; лишь одного, милорд.

Хотспер

Какого? Корноухого? Гнедого?

С л у г а

Так точно.

Хотспер

Конь гневой мне дан судьбой!
Я поскачу на нем! О Espérance! ¹
Скажи, чтоб Бетлер в парк его привел.

С л у г а уходит.

Л е д и Перси

О выслушай меня, супруг!

Хотспер

Что скажешь мне, супруга?

Л е д и Перси

Отсюда что тебя уносит?

Хотспер

Мой конь, любимая, мой конь.

Л е д и Перси

Ах, вздорная мартышка!
У ласочки причуд, наверно, меньше,
Чем у тебя. Но, право, я должна
Узнать, в чем дело, Гарри, и узнаю!
Боюсь, что брат мой Мортимер решил
Бороться за свои права и просит
Тебя помочь ему. Коль ты пойдешь...

Хотспер

Пешком? В такую даль? Да я устану!

Л е д и Перси

Ну полно, полно, милый попугай!
Мне толком отвечай на мой вопрос.
Клянусь, тебе переломлю мизинец,
Когда всей правды не откроешь мне!

Хотспер

Прочь, баловница, прочь!
Любовь? Она сейчас совсем некстати.

¹ Надежда! (Франц.)

Не до тебя мне, Кет; теперь не время
Ни играм в куклы, ни турнирам губ.
Голов пробитых, сломанных носов
Давай побольше! Вот что люблю нам! —
Скорее мне коня! — Что скажешь, Кет?
Чего еще ты хочешь от меня?

Л е д и П е р с и

Так ты меня не любишь? В самом деле?
Что ж, не люби! Раз ты меня не любишь,
Я разлюблю себя. Не любишь больше?
Нет, в шутку ты сказал или всерьез?

Х о т с п е р

Ну, хочешь посмотреть, как я помчусь?
Вскочив в седло, готов тебе дать клятву
В любви безумной. Но послушай, Кет,
Не приставай с расспросами ко мне —
Куда собрался я и почему.
Спешу, куда мне долг велит; короче:
С тобой расстанусь нынче, друг мой Кет.
Я знаю, ты умна, но не умней
Супруги Перси; духом ты тверда,
Но все ж ты женщина; молчать умеешь,
Как ни одна из вас, и я уверен,
Не скажешь ты того, чего не знаешь.
Настолько, Кет, тебе я доверяю.

Л е д и П е р с и

Как! Лишь настолько?

Х о т с п е р

Ни на полдюйма больше! Но послушай:
Твой путь лежит туда ж, куда и мой.
Ты едешь завтра, — будешь вновь со мной.
Довольна ты теперь?

Л е д и П е р с и

Да, поневоле.

Уходят.

СЦЕНА 4

Трактир «Кабанья голова» в Истчипе.

Входят принц Генрих и Пойнс.

Принц Генрих

Нед, выйди, пожалуйста, из этой засаленной комнаты и помоги мне немного позабавиться.

Пойнс

Где ты был, Хел?

Принц Генрих

Сидел в компании трех-четырех дубовых голов среди трех-четырех десятков дубовых бочек. Я коснулся самой низкой струны самоуничижения. Да, милый мой, я побратался с целой сворой трактирных слуг и теперь зову их всех по именам: Том, Дик, Франсис. Они клянутся спасением души, что хотя я пока всего лишь принц Уэльский, но по своей обходительности я суций король, и заявляют мне напрямик, что я не какой-нибудь спесивый дурень вроде Фальстафа, а настоящий коринфянин, весельчак и добрый малый, и говорят, что, когда я стану королем, все молодцы Истчипа будут стоять за меня горой. Напиться у них называется «подрумяниться», и, если ты переведешь дыхание, не допив кружки, они кричат: «Валей!» — и заставляют тебя выпить залпом. Одним словом, в какие-нибудь четверть часа я так навострился, что теперь всю жизнь смогу пьянствовать с любым медником, беседуя с ним на его языке. Уверю тебя, Нед, ты много потерял, что не участвовал со мной в этом почтенном запании. Но, милый Нед, чтобы подсластить твое и без того сладостное имя, вот тебе на целый пенни сахару: мне его только что сунул в руку мальчишка-прислужник, который во всю свою жизнь не сказал по-английски ни слова, кроме «Восемь шиллингов шесть пенсов», или «Добро пожаловать» — и тут же пронзительный выкрик «Сейчас, сейчас, сэр!», или «Пинту муската в комнату Полумесяца», и тому подобное. Так вот, Нед, чтобы убить время до прихода Фальстафа, пойдешь, пожалуйста, в соседнюю комнату; я буду спрашивать юнца-слугу, почему он дал мне сахару, а ты поминутно зови: «Франсис!» — так, чтобы он ничего не мог мне ответить, кроме: «Сейчас!» Ступай туда, и я тебе покажу, как это делать.

Пойнс уходит.

Пойнс
(за сценой)

Франсис!

Принц Генрих

Отлично.

Пойнс
(за сценой)

Франсис!

Входит Франсис.

Франсис

Сейчас, сейчас, сэр! — Загляни-ка в Гранатовую комнату, Ральф.

Принц Генрих

Поди-ка сюда, Франсис.

Франсис

Что прикажете, милорд?

Принц Генрих

Сколько тебе еще осталось служить, Франсис?

Франсис

Ей-богу, еще пять лет, столько же, сколько...

Пойнс
(за сценой)

Франсис!

Франсис

Сейчас, сейчас, сэр!

Принц Генрих

Пять лет! Клянусь святой девой, еще немало времени тебе греметь оловянной посудой. Но скажи-ка мне, Франсис, хватит ли у тебя храбрости разыграть труса перед твоим контрактом — показать ему спину и удрать?

Франсис

О господи, сэр! Готов поклясться на всех библиях, какие есть в Англии, что у меня хватит духу.

По й н с
(за сценой)

Франсис!

Ф р а н с и с

Сейчас, сэр!

П р и н ц Г е н р и х
Сколько тебе лет, Франсис?

Ф р а н с и с
Дай бог памяти... В Михайлов день мне стукнет...

По й н с
(за сценой)

Франсис!

Ф р а н с и с
Сейчас, сэр! — Попрошу вас, милорд, обождать минуточку.

П р и н ц Г е н р и х
Но послушай, Франсис, кусок сахара, что ты мне дал, стоит пенни, так ведь?

Ф р а н с и с
О господи! Да хоть бы он стоил целых два пенни!

П р и н ц Г е н р и х
Я тебе дам за него тысячу фунтов; спроси у меня когда угодно, и ты их получишь.

По й н с
(за сценой)

Франсис!

Ф р а н с и с
Сейчас, сейчас!

П р и н ц Г е н р и х
Сейчас, Франсис? Нет, Франсис. Но завтра, Франсис, или, Франсис, в четверг, одним словом когда угодно, Франсис. Только, Франсис...

Ф р а н с и с
Что прикажете, милорд?

П р и н ц Г е н р и х

Согласен ты обокрасть вон того — в кожаной куртке со стеклянными пуговицами, гладко обстриженного, с агатовым перстнем на пальце, в серых чулках с подвязками из шерстяных лент, с медовой речью и с испанской мошной?

Ф р а н с и с

О господи, милорд, о ком вы это говорите?

П р и н ц Г е н р и х

Ну, я вижу, ты только на то и годен, чтобы разносить черный мускат. Но так и знай, Франсис, твоя белая холщовая куртка когда-нибудь да замарается. В Берберии, сэр, это так скоро не делается.

Ф р а н с и с

Что, сэр?

П о й н с

(за сценой)

Франсис!

П р и н ц Г е н р и х

Пошел, дурень! Разве не слышишь, что тебя зовут?

Принц Генрих и Пойнс начинают одновременно звать Франсиса; тот стоит растерянный, не зная, куда ему идти.

Входит б у ф е т ч и к.

Б у ф е т ч и к

Ну чего стоишь как вкопанный? Или не слышишь, что тебя зовут? Загляни-ка к гостям в ту комнату.

Ф р а н с и с уходит.

Милорд, этот старикашка сэр Джон с полдюжиной молодых стучится у дверей. Впустить мне их?

П р и н ц Г е н р и х

Пускай подождут немного, потом отворишь.

Б у ф е т ч и к уходит.

Пойнс!

Входит П о й н с.

П о й н с

Сейчас, сейчас, сэр.

Принц Генрих

Слушай, Фальстаф и остальные воры ждут у дверей. Ну и повеселимся же мы!

Пойнс

Мы будем беззаботны, как сверчки, дружище. Ну и ловко же вы одурачили мальчишку-слугу! Чем же это кончилось?

Принц Генрих

Я сейчас готов на все шутки в мире, какие только проделывались со стародавних времен нашего прадеда Адама до нынешнего новорожденного полуночного часа.

Входит Франсис.

Который час, Франсис?

Франсис

Сейчас, сейчас, сэр!

(Уходит.)

Принц Генрих

Подумать только, у этого малого запас слов меньше, чем у попуга, и все-таки он рожден женщиной. Все его дело — бегать вверх и вниз по лестнице, а все его красноречие — подавать счета. И все-таки мне далеко до шутливости Перси, Горячей Шпоры Севера. Укокошив этак шесть-семь дюжин шотландцев перед завтраком и вымыв руки, он говорит жене: «К черту эту мирную жизнь! Скучно без дела!» — «О мой милый Гарри, — спрашивает она, — сколько человек ты убил сегодня?» — «Напонт моего Чалого!» — говорит он и через час отвечает жене: «Человек четырнадцать, сушие пустяки». — Позови, пожалуйста, Фальстафа. Я буду изображать Перси, а этот проклятый боров — леди Мортимер, его жену. «Rivo!» — как говорят пьяницы. Позови этот кусок сала, этот окорок.

Входят Фальстаф, Гедсхил, Бардольф Пето, за ними
Франсис с бутылками вина.

Пойнс

Добро пожаловать, Джек. Где это ты обрелся?

Фальстаф

Чума на всех трусов, говорю я, разрази их гром! Аминь, аминь! — Подай мне кружку хереса, малый. — Лучше уж мне вязать носки, штопать их и надставлять пятки, чем вести такую со-

бачью жизнь! Чума на всех трусов! — Подай мне кружку хереса, негодяй! — Или нет больше добродетели на земле! (Пьет.)

Принц Генрих

Видел ли ты, как Титан лобзает тарелку с маслом («сей благодный Титан!»), и оно тает от ласковых речей солнца? Если не видел, то взгляни на этот брусок масла.

Фальстаф

Ах ты, плут! В херес опять подмешана известь. Чего и ожидать от подлеца, как не плутовства? Но все-таки трус похуже кружки хереса с известью. Гнусный трус! Ступай своей дорогой, старый Джек! Лучше уж тебе умереть. Пусть меня назовут выпотрошенной селедкой, если мужество, благородное мужество не исчезло с лица земли. В Англии осталось только трое порядочных людей, не угодивших на виселицу, да и то один из них ожирел и начинает стареть. Помоги им бог! Мерзок этот мир, говорю я. Хотел бы я быть ткачом — распевал бы себе псалмы и тому подобное. Повторяю: чума на всех трусов!

Принц Генрих

Ну что, тюк с шерстью? Что ты там бормочешь?

Фальстаф

И это — королевский сын! Пусть у меня больше не растут волосы на лице, если я не вышибу тебя из твоего королевства деревянным мечом и не погоню перед тобой всех твоих подданных, как стадо диких гусей! И это принц Уэльский!

Принц Генрих

Ну говори, пузатый ублюдок, в чем дело?

Фальстаф

Разве ты не трус? Отвечай-ка мне! Да и Пойнс тоже хорош!

Пойнс

Черт подери! Если ты, жирное брюхо, еще раз назовешь меня трусом, ей-богу, я заколю тебя.

Фальстаф

Чтобы я назвал тебя трусом? Да ты угодишь в ад раньше, чем я назову тебя трусом. Но я охотно отдал бы тысячу фунтов, чтобы научиться бегать так быстро, как ты. У вас обоих достаточно прямые плечи, и вы не боитесь показать спину. И это у вас называется помогать друзьям? Провались она, такая помощь! Ну, кто

из вас посмеет взглянуть мне в глаза? — Подать мне кружку хереса! Будь я подлец, если у меня во рту была хоть капля сегодня.

Принц Генрих

Ах, негодяй! Да ты еще губ не отер после выпитого вина.

Фальстаф

Ну что из того? (*Пьет.*) Я повторяю: чума на всех трусов!

Принц Генрих

В чем же дело?

Фальстаф

В чем дело? В том, что четверо из нас, здесь присутствующих, яныче утром захватили тысячу фунтов.

Принц Генрих

Где же они, Джек? Где они?

Фальстаф

Где они? Их отняли у нас: целая сотня напала на нас четверых.

Принц Генрих

Как? Целая сотня?

Фальстаф

Будь я подлец, если я не сражался добрых два часа носом к носу с целой дюжиной грабителей. Я спасся чудом. Куртка у меня проколота в восьми местах, штаны — в четырех; шит мой пробит, меч иззубрен, как ручная пила, — ессе signum!¹ Никогда я не дрался так яростно с тех пор, как стал мужчиной, но что я мог поделаться? Чума на всех трусов! Пусть вот они вам расскажут, и если они что-нибудь прибавят или убавят, то после этого они мерзавцы и ищады тьмы.

Принц Генрих

Рассказывайте, господа, как было дело.

Гедсхил

Мы вчетвером напали на дюжину...

¹ Вот знак (*Лат.*) в смысле: «вот доказательство».

Ф а л ь с т а ф

Их было по крайней мере шестнадцать, милорд.

Г е д с х и л

И связали их.

П е т о

Нет-нет, мы их не связывали.

Ф а л ь с т а ф

Врешь, плут, мы их связали всех до одного. Будь я еврей, гнусный еврей, если это не так.

Г е д с х и л

Только начали мы делить добычу, вдруг на нас напали еще человек шесть или семь.

Ф а л ь с т а ф

И развязали тех. А тут подоспели и остальные.

П р и н ц Г е н р и х

Как? И вы сражались против всех?

Ф а л ь с т а ф

Против всех! Не знаю, что ты называешь «против всех». Будь я пучком редиски, если я не сражался с пятьюдесятью. Не будь мне двуногим созданием, если на бедного старого Джека не обрушились пятьдесят два или пятьдесят три молодца.

П р и н ц Г е н р и х

Но, благодарение богу, ты ни одного из них не убил?

Ф а л ь с т а ф

Погоди благодарить бога: двоих я искрошил, как капусту. Да, с двумя-то я наверняка покончил счеты — с двумя негодями в клеенчатых плащах. Вот что я тебе скажу, Хел: если я тебе со-
врал, плюнь мне в глаза и обзови меня лошадью. Ты знаешь мой знаменитый выпад? Вот так я стоял, вот этак я орудовал клинком. Четверо молодцов в клеенчатых плащах как кинутся на меня...

П р и н ц Г е н р и х

Как — четверо? Ты только что сказал — двое.

Ф а л ь с т а ф

Четверо, Хел. Я сказал тебе, что четверо.

Пойнс

Да-да, он сказал — четверо.

Фальстаф

Эти четверо атаковали меня с фронта, да как здорово ударили! Я, не долго думая, отразил щитом разом семь ударов — вот этак.

Принц Генрих

Семь? Да ведь только что их было четверо.

Фальстаф

Это в клеенке-то?

Пойнс

Да, четверо в клеенчатых плащах.

Фальстаф

Семеро, клянусь рукоятью своего меча; будь я подлец, если не так.

Принц Генрих

Пожалуйста, не мешай ему, — скоро их окажется еще больше.

Фальстаф

Ты слушаешь меня, Хел?

Принц Генрих

Да, и мотаю себе на ус, Джек.

Фальстаф

Так и надо, об этом стоит послушать. Так вот, эти девять злодеев в клеенчатых плащах, как я тебе сказал...

Принц Генрих

Так, еще двое прибавилось.

Фальстаф

...как только сломались их клинки...

Пойнс

То с них свалились штапы.

Фальстаф

...начали отступать; но я стал преследовать их по пятам с оружием в руках и в один миг покончил с семью из одиннадцати.

П р и н ц Г е н р и х

Чудовищно! Из двух людей в клеенчатых плащах выросло одиннадцать!

Ф а л ь с т а ф

Но тут на беду черт принес еще трех паршивых мерзавцев, одетых в зеленое кендальское сукно. Они как нападут на меня с тыла, и ну меня теснить. А было так темно, Хел, что и собственной руки не разглядеть.

П р и н ц Г е н р и х

Эта ложь похожа на своего отца, породившего ее: она огромна, как гора, всем бросается в глаза, и нигде ее не спрячешь. Ах ты, безмозглый брюхач, ослиная башка, ублюдок, поганая, грязная куча сала!

Ф а л ь с т а ф

Ты рехнулся, что ли? Ты рехнулся? Или правда перестала быть правдой?

П р и н ц Г е н р и х

Да как же ты мог разглядеть, что те трое были одеты в зеленое кендальское сукно, если было так темно, что тебе и руки твоей не было видно? А ну-ка, оправдывайся! Что ты на это скажешь?

Ф а л ь с т а ф

Как! Под давлением? Черт подери! Да если бы меня вздернули на дыбу и терзали всеми какие ни на есть пытками, я и тогда ничего не сказал бы под давлением. Оправдываться под давлением! Да будь у меня столько оправданий на устах, сколько ежевики на кустах, и то я ни перед кем на свете не стал бы оправдываться под давлением.

П р и н ц Г е н р и х

Ни о каком давлении нет и речи! Этот полнокровный трус, этот лежебока, проламывающий хребты лошадям, эта гора мяса...

Ф а л ь с т а ф

Провались ты, скелет, змеиная кожа, сушеный коровий язык, бычий хвост, вяленая треска! Ух! За один дух не перечислишь всего, с чем ты схож! Ах ты, портновский аршин, пустые ножны, колчан, дрянная рапира!

П р и н ц Г е н р и х

Ладно, переведи дыхание и продолжай в том же роде, а когда устанешь подыскивать дурацкие сравнения, выслушай, что я тебе скажу.

П о й н с

Да примечай, Джек.

П р и н ц Г е н р и х

Мы видели, как вы вчетвером напали на четверых, связали их и завладели их добром. Посмотрите, как мой простой рассказ вас обличит. Затем мы вдвоем напали на вас четверых, в один миг заставили вас побросать добычу, захватили ее — да! — и можем показать ее вам хоть сейчас. — А ты, Фальстаф, унес свое брюхо так проворно, с такой отменной прытью и так ревел, прося пощады, и удирали во все лапаты, как впопугу доброму бычку. Ну и подлецы ты! Сам же иззубрил свой меч, а теперь говоришь, что он пострадал в бою. Посмотрим, какую хитрость, какую уловку, какую лазейку ты придумаешь, чтобы улизнуть от явного, как день, срама.

П о й н с

А ну, Джек, какую уловку ты изобретешь?

Ф а л ь с т а ф

Клянусь богом, я сразу тебя распознал, как узнал бы родной отец. Но послушайте, господа, как мог я посягнуть на жизнь наследника престола? Разве у меня поднялась бы рука на принца крови? Ты ведь знаешь, что я храбр, как Геркулес, но вспомни про инстинкт: лев, и тот не тронет принца крови. Инстинкт — великое дело, и я инстинктивно стал трусом. Отныне я всю жизнь буду высокого мнения о себе, да и о тебе тоже: я показал себя львом, а ты показал себя чистокровным принцем. Но, ей-богу, молодцы, я рад, что деньги оказались у вас. — Хозяйка, двери на запор, — нынче карауль, завтра молись! — Удаляцы, друзья, приятели, золотые сердца — уж не знаю, какими ласковыми словами назвать вас, — давайте же веселиться! Не разыграть ли нам экспромтом какую-нибудь комедию?

П р и н ц Г е н р и х

Согласен: на тему о твоём бегстве.

Ф а л ь с т а ф

Довольно об этом, Хел, если только ты меня любишь.

Входит х о з я й к а.

Хозяйка

Господи Иисусе! Милорд принц!

Принц Генрих

Ну что, миледи хозяйка? Что скажете?

Хозяйка

Да вот, милорд, там у дверей какой-то знатный придворный, ему надобно с вами поговорить, он уверяет, что его прислал ваш батюшка.

Принц Генрих

Дай ему монету с изображением моего батюшки и отошли его к моей матушке.

Фальстаф

Каков он из себя?

Хозяйка

Старик.

Фальстаф

Что побудило сего почтенного мужа в полночь покинуть постель? Передать ему надлежащий ответ?

Принц Генрих

Пожалуйста, Джек.

Фальстаф

Ей-богу, я его живо спроважу. (*Уходит.*)

Принц Генрих

Клянусь святой девой, вы отлично сражались, ты, Пето, и ты, Бардольф. Вы, оказывается, тоже львы: благодаря инстинкту вы удрали и не тронули принца крови. Тьфу, срам!

Бардольф

Ей-богу, я побежал только потому, что побежали другие.

Принц Генрих

А ну-ка, расскажи мне по совести, почему так иззубрен меч Фальстафа.

Пето

Да он иззубрил его своим кинжалом и заявил, что будет клясться на чем свет стоит, что клинок иззубрен в бою; он и нас уговаривал сделать то же самое.

Бардольф

И еще уговаривал разбередить себе носы репейником, чтобы пошла кровь, а потом чтобы мы замарали кровью свое платье и поклялись, что это кровь честных людей. Тут со мной случилось то, чего ни разу не бывало за последние семь лет: меня вогнала в краску его чудовищная наглость.

Принц Генрих

Ах, мерзавец! Да ты еще восемнадцать лет назад стащил кружку хереса, был пойман с поличным и с тех пор приобрел способность краснеть в любой момент. Ты мог действовать огнем и мечом — и все-таки удрал. Какой инстинкт руководил тобой?

Бардольф

(показывая на свой нос и щеки)

Милорд, вы видите эти метеоры? Знакомы вам эти протуберанцы?

Принц Генрих

Знакомы.

Бардольф

О чем все это, по-вашему, говорит?

Принц Генрих

О распухшей печени и тощем кошельке.

Бардольф

О горячем нраве, милорд, если правильно толковать.

Принц Генрих

Нет, если уж правильно толковать, то о виселице.

Входит Фальстаф.

Вот идет наш тощий Джек, кожа да кости. — Ну, что скажешь, чучело набитое? Сколько лет, Джек, ты не видал своих собственных колен?

Фальстаф

Моих собственных колен? Когда я был примерно в твоих годах, Хел, моя талия была не толще орлиной лапы; я мог бы про-

лезть сквозь перстень с большого пальца олдермена. Будь они прокляты, эти печали да огорчения; от них человек раздувается, как пузырь. Скверные вести! Твой отец прислал сэра Джона Бреси. Завтра утром ты должен явиться ко двору. Этот сумасбродный северянин Перси и тот уэлец, что вздул дубинкой Амамона, наставил рога Люциферу и принудил дьявола присягнуть ему на кресте уэльской алебарды,— как его, черт побери, зовут?..

П о й с

А, Глендаур!

Ф а л ь с т а ф

Оуэн Глендаур, он самый... Да еще его зять Мортимер, да старый Нортемберленд, да этот проворный Дуглас, всем шотландцам шотландец, что въезжает верхом на отвесную гору...

П р и н ц Г е н р и х

Тот самый, что на всем скаку попадает из пистолета в летящего воробья.

Ф а л ь с т а ф

Ты попал в точку.

П р и н ц Г е н р и х

Лучше, чем он в воробья.

Ф а л ь с т а ф

Да, этот негодяй не трус, он не ударится в бегство.

П р и н ц Г е н р и х

Так чего же ты, плут, хвалишь его за проворство?

Ф а л ь с т а ф

Да ведь он проворен верхом, кукушка ты этакая, а пеший опни на шаг не подается.

П р и н ц Г е н р и х

Конечно, Джек, инстинктивно?

Ф а л ь с т а ф

Будь по-твоему — инстинктивно. Так вот он тоже с вами, и еще какой-то Мордек и с ним добрая тысяча синих шапок. Вустер бежал нынче ночью. От этих известий у твоего отца поседела борода. Теперь земля будет дешевле тухлой макрели.

Принц Генрих

Значит, если июнь выпадет жаркий и эта междоусобная свалка продлится, мы будем покупать девственниц сотнями, как гвозди для подков.

Фальстаф

Клянусь мессой, ты прав, дружище; похоже, что будет бойкая торговля этим товаром. Но признайся, Хел, ты ведь здорово струсил? Для тебя, наследника престола, во всем свете не сыскать таких лютых противников, как этот сатана Дуглас, этот бес Перси и этот дьявол Глендаур. Неужели ты не струсил? Верно, у тебя все поджилки трясутся.

Принц Генрих

Ничуть, уверяю тебя; мне недостает твоего ивстинкта.

Фальстаф

Ну, так завтра ты получишь хорошую взбучку, когда явишься к отцу. Если любишь меня, приготовься к ответу.

Принц Генрих

Изображай моего отца и разбирай по косточкам мое поведение.

Фальстаф

Ты так хочешь? Изволь. Пусть этот стул будет моим тронem, этот кивжал — скипетром, а эта подушка — короной.

Принц Генрих

Складной стул сойдет за трон, свинцовый кинжал за золотой скипетр, а твоя жалкая лысина за сверкающую алмазную корону.

Фальстаф

Ладно, если в тебе сохранилась хоть искра благодати, я сумею тебя растрогать. Дай мне кружку хереса, чтобы у меня покраснели глаза и можно было подумать, что я плакал; ведь я должен говорить со страстью, на манер царя Камбиза.

Принц Генрих

Хорошо. Вот я отвечаю поклон.

Фальстаф

А я сейчас начну речь.— Встаньте поодаль, лорды.

Х о з я й к а

Господи боже мой, какая славная потеха!

Ф а л ь с т а ф

«Не плачь, супруга,— токи слез напрасны».

Х о з я й к а

Каков отец-то! Какой вид он на себя напускает!

Ф а л ь с т а ф

«Уйдите, лорды, с грустной королевой:
Полны слезами шлюзы глаз ее».

Х о з я й к а

Господи боже мой, у него это выходит точь-в-точь как у бродячих комедиантов, которые представляют всякие непотребства.

Ф а л ь с т а ф

Молчи, добрая пивная кружка! Молчи, славная наливка! — Гарри, меня удивляют не только места, где ты проводишь время, но и компания, какой ты окружен. Правда, ромашка, чем больше ее топчут, тем скорее растет, но молодость тем быстрее истощается, чем больше ее растрачивают. Что ты мой сын, я знаю отчасти из слов твоей матери, отчасти по моим собственным соображениям, но больше всего меня убеждает в этом плутовской блеск в твоих глазах и твоя дурацки отвисшая нижняя губа. Если же ты мой сын и надежда Англии, то почему ты так безнадежно опустился? Может ли благодатное небесное светило стать бродягой и лакомиться придорожной ежевикой? Такого вопроса не задаст никто. Может ли сын английского короля сделаться вором и охотиться за кошельками? Такой вопрос приходится ставить. Есть такое вещество, Гарри, о котором ты не раз слышал и которое известно многим в нашем королевстве под названием: деготь. Этот деготь, по свидетельству древних авторов, имеет свойство марать; такова же и компания, с которой ты водишься. Я говорю тебе это, Гарри, не сквозь хмель, а сквозь слезы, не в шутку, а в горький укор, не только словами, но и стонами. Но все же около тебя есть один достойный человек; я часто видел его с тобой, но только позабыл, как его зовут.

П р и н ц Г е н р и х

Не соблаговолите ли вы, ваше величество, сказать, каков он собой?

Ф а л ь с т а ф

Симпатичный представительный мужчина, уверяю тебя, хотя и несколько дородный; взгляд у него веселый, глаза приятные и весьма благородная осанка. На вид ему лет пятьдесят, или, вернее, уже под шестьдесят. Теперь я припоминаю — его зовут Фальстаф. Если это человек распутного поведения, значит, его наружность обманчива, ибо в глазах у него. Гарри, видна добродетель. Если дерево узнают по плодам, а плоды — по дереву, то я решительно заявляю: Фальстаф исполнен добродетели. Оставь его при себе, а остальных прогони. Теперь скажи мне, бездельник, скажи, где ты пропадал весь этот месяц?

П р и н ц Г е н р и х

Разве короли так говорят? Становись-ка на мое место, а я буду представлять отца.

Ф а л ь с т а ф

Ты свергаешь меня с престола? Пусть меня повесят за ноги, как кролика или зайца в мясной лавке, если у тебя это получится хоть наполовину так торжественно и величественно, как у меня.

П р и н ц Г е н р и х

Ну вот, я сел.

Ф а л ь с т а ф

А вот я встал. Будьте же судьями, господа.

П р и н ц Г е н р и х

Ну, Гарри, откуда ты явился?

Ф а л ь с т а ф

Из Истчипа, государь...

П р и н ц Г е н р и х

До меня дошли весьма серьезные жалобы на тебя.

Ф а л ь с т а ф

Ей-богу, государь, это все вранье. — Уж я позабавлю вас в роли молодого принца!

П р и н ц Г е н р и х

Ты божишься, скверный мальчишка? И ты еще смеешь смотреть мне в глаза? Злая воля совращает тебя с пути истинного, тобою овладел бес в образе толстого старика; приятель твой — ходячая бочка. Зачем ты водишь компанию с этой кучей мусора,

с этим ларем, полным всяких мерзостей, с этой разбухшей водяной, с этим пузатым бочонком хереса, с этим мешком, набитым требухой, с этим невыпотрошенным зажаренным менингтрийским быком, с этим почтенным Пороком, с этим седым Безбожием, с этим старым наглецом, с этим престарелым Тщеславием? На что он еще годен? Наливать и тянуть херес. В чем опрятен и ловок? Только в разрезании и пожирании каплунов. В чем искусен? Только в обмане. В чем проворен? Только в плутовстве. В чем достоин презрения? Решительно во всем. В чем заслуживает похвал? Ни в чем.

Ф а л ь с т а ф

Благоволите, ваше величество, высказаться яснее: о ком вы говорите, государь?

П р и н ц Г е н р и х

О мерзком, чудовищном совратителе молодежи — о Фальстафе, об этом седобородом сатане.

Ф а л ь с т а ф

Государь, я знаком с этим человеком.

П р и н ц Г е н р и х

Я знаю, что ты с ним знаком.

Ф а л ь с т а ф

Но если бы я сказал, что знаю за ним больше грехов, чем за самим собой, я бы солгал. Что он, к сожалению, стар, доказываю его седины, но что он, с позволения сказать, развратник — это я решительно отрицаю. Если пить сладкий херес — преступление, то помилуй боже беззаконника. Если быть старым и веселым грешно, то, значит, многие знакомые мне старые трактирщики угодят в ад; если тучность заслуживает ненависти, то, значит, тощие фараоны коровы достойны любви. Нет, мой добрый государь, прогоните Пето, прогоните Бардольфа, прогоните Пойнса, но что касается милого Джека Фальстафа, доброго Джека Фальстафа, преданного Джека Фальстафа, храброго Джека Фальстафа, который доблестен, несмотря на старость, не разлучайте его, не разлучайте с вашим Гарри. Ведь прогнать толстого Джека — значит прогнать все самое прекрасное на свете.

П р и н ц Г е н р и х

Я хочу его прогнать и прогоню.

Стук в дверь.

Хозяйка, Франсис и Бардольф уходят.
Вбегает Бардольф.

Бардольф

Милорд, милорд! У дверей шериф, и с ним грозная стража.

Фальстаф

Пошел вон, мерзавец! Доведем до конца игру. Мне надо еще многое сказать в защиту Фальстафа.

Входит хозяйка.

Хозяйка

Господи боже мой! Милорд, милорд!..

Принц Генрих

Ай-ай! Черт прискакал на смычке! В чем дело?

Хозяйка

У дверей шериф, и с ним целый отряд; они хотят обыскать наш дом. Впустить их?

Фальстаф

Слышишь, Хел? Никогда не называй подлинный червонец фальшивой монетой. Ты самый настоящий безумец, хотя с виду кажешься разумным.

Принц Генрих

А ты прирожденный трус, даже без всякого инстинкта.

Фальстаф

Отвергаю твою главную посылку. Если ты, в свою очередь, отвергнешь шерифа, прекрасно, если нет, пускай входит; и если я по дороге на казнь не сумею сохранить свое достоинство, то к черту все мое воспитание! Надеюсь, петля удавит меня так же быстро, как и всякого другого.

Принц Генрих

Иди спрячься за стенным ковром.— А вы все ступайте наверх.— Ну, господа, теперь надо принять вид честных людей со спокойной совестью.

Фальстаф

Были у меня и честность и совесть, да сплыли, а потому я лучше спрячусь.

Все, кроме принца Генриха и Пето, уходят.

П р и н ц Г е н р и х

Позвать шерифа.

Входят шериф и извозчик.

Ну, что вам нужно от меня, шериф?

Ш е р и ф

Прошу, милорд, прощения. В этот дом
Вбежали, укрываясь от погони,
Три иль четыре человека.

П р и н ц Г е н р и х

Какие люди?

Ш е р и ф

Один из них, милорд, известен всем —
Огромный, жирный...

И з в о з ч и к.

Жирный, словно сало.

П р и н ц Г е н р и х

Его здесь нет, могу заверить вас.
Я с поручением отослал его.
Но вам, шериф, своим ручаюсь словом,
Что завтра же в обед его пришлю,
Чтоб дал ответ он вам или другим
На обвинения, что ему предъявят.
Теперь я попрошу вас удалиться.

Ш е р и ф

Сейчас уйдем, милорд. У двух господ
Похищены ворами триста марок.

П р и н ц Г е н р и х

Возможно; если он ограбил их,
Ответит сам за все. Итак, прощайте.

Ш е р и ф

Милорд, спокойной ночи.

П р и н ц Г е н р и х

Не лучше ли сказать вам: «С добрым утром»?

Ш е р и ф

И впрямь, милорд: уж третий час, наверно.

Ш е р и ф и извозчик уходят.

П р и н ц Г е н р и х

Мошенник этот жирный всем известен

Не хуже, чем собор святого Павла.

Пойдем за ним.

П е т о

Фальстаф! — Спит как убитый за ковром и храпит, как лошадь.

П р и н ц Г е н р и х

Слышишь, как он тяжело дышит? Обыщи его карманы.

Пето обыскивает.

Что ты нашел?

П е т о

Ничего, кроме каких-то бумажек, милорд.

П р и н ц Г е н р и х

Посмотрим, что это за бумажки. Читай.

П е т о

«Засим каплун — два шиллинга два пенса. Засим соус — четыре пенса. Засим хересу два галлона — пять шиллингов восемь пенсов. Засим авчоусы и херес после ужина — два шиллинга шесть пенсов. Засим хлеб — полпенса».

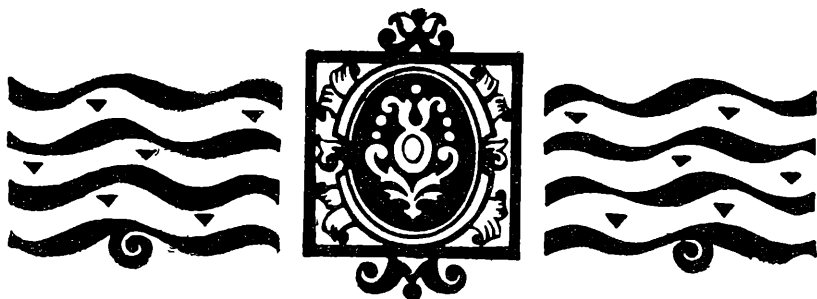
П р и н ц Г е н р и х

Возмутительно! Всего на полпенса хлеба при таком невероятном количестве хереса. Остальные бумажки спрячь, мы прочтем их как-нибудь на досуге. Пускай себе спит здесь до рассвета. Я должен утром явиться ко двору. Мы все отправимся на войну, и ты получишь почетную должность. Я определю в пехоту этого жирного негодяя: для него, я знаю, верная смерть — пройти пешком двести шагов. Деньги будут возвращены с избытком. Приходи ко мне завтра пораньше, а теперь прощай, Пето.

П е т о

Прощайте, мой добрый принц.

Уходят.

А К Т III

С Ц Е Н А 1

Бангор. Комната в доме архидиакона.

Входят Хотспер, Вустер, Мортимер и Глендаур.

Мортимер

Друзья верны, прекрасны обещанья;
Наш первый шаг надеждами богат.

Хотспер

Лорд Мортимер и вы, кузен Глендаур,
Прошу, садитесь.
Вы, дядя Вустер, тоже... Ах, проклятье!
Я карту позабыл.

Глендаур

Нет, вот она.

Присядьте, Перси; садьте, милый Хотспер.
Всегда, так называя вас, Ланкастер
В лице меняется и вам со вздохом
Желает быть уже на небесах.

Хотспер

А вам — в аду, лишь речь при нем зайдет
Об Оуэне Глендауре.

Г л е н д а у р

Я не могу его бранить за это:
Когда рождался я, чело небес
Пылающие знаки бороздили
И факелы; в час моего рожденья
Земля до основанья содрогалась,
Как жалкий трус.

Хотспер

Ну, положим, то же самое было бы, если б в ту пору окотилась кошка вашей матери, а вы бы и вовсе не рождались.

Г л е н д а у р

Я говорю: в час моего рожденья
Земля тряслась.

Хотспер

А я вам говорю:
Земля со мной отнюдь не схожа правом,
Когда тряслась от страха перед вами.

Г л е н д а у р

Был небосвод в огне, земля тряслась.

Хотспер

Ну, так земля дрожала, испугавшись
Огней небес — не вашего рожденья.
В природе страждущей бывают часто
Броженья странные; нередко землю
Беременную спазмами терзают
В ее утробе замкнутые ветры,
Которые, стремясь к освобождению,
Прабабку нашу землю так трясут,
Что рушатся замшелые твердыни
И колокольни. При рожденье вашем
Земля-праматерь, корчами страдая,
Тряслась от мук.

Г л е н д а у р

Кузен, я лишь немногим
Перечить мне позволю. Разрешите
Мне повторить: когда рождался я,
Пылающие знаки бороздили
Чело небес, бежали козы с гор,

Скот диким ревом оглашал поля.
Таковыми знаменьями я отмечен;
И ход всей жизни ясно показал,
Что не причтен я к заурядным смертным.
В краях, омытых бурными морями,
В Уэльсе, в Англии, в горах шотландских
Кто назовет меня учеником?
Но укажите смертного, что смог бы
За мной идти крутой стезей искусства
Иль в мудрых опытах со мной сравниться!

Хотспер

Я полагаю, никто здесь не умеет говорить по-уэльски лучше вас. Пойду обедать.

Мортимер

Молчи; с ума его сведешь ты, Перси.

Глендаур

Я духов вызывать могу из бездны.

Хотспер

И я могу, и каждый это может,
Вопрос лишь, явятся ль они на зов.

Глендаур

Могу вас научить, кузен, как чертом
Повелевать.

Хотспер

А я тебя — как черта посрамить:
Лишь правду говори — и посрамится.
Коль власть имеешь, призови его, —
И, поклянусь, его я прогоню.
Всю жизнь не лги — и посрамится дьявол.

Мортимер

Ну полно, бросим болтовню пустую.

Глендаур

Пытался трижды Генрих Болингброк
Со мною силой мериться, и трижды
Я с берегов Уая и Северна
Песчаных побережий гнал его,
Пришедшего без зова, в непогоду.

Хотспер

Босого — в непогоду? Черт возьми!
Как лихорадку он не подцепил?

Глендаур

Вот карта; все владенья мы разделим
Согласно тройственному соглашенью.

Мортимер

Архидиакон разделил страну
На совершенно равные три части:
От Трента и Северна на восток
И к югу Англия ко мне отходит;
На запад от Северна весь Уэльс
И область плодородная вот эта —
Глендауру. А тебе, кузен любезный,
Все эти земли к северу от Трента.
В трех списках заготовлен договор;
Осталось лишь печатями скрепить —
Мы это нынче сделаем, — и завтра
Ты, Перси, я и добрый лорд паш Вустер
Направим путь свой в Шрусбери, чтоб там,
Как мы уговорились, повстречаться
С твоим отцом и всем шотландским войском.
Глендаур, отец мой, не готов еще;
Но две недели можем обойтись
Без войск его.

(Глендауру.)

Меж тем вы соберете
Друзей, вассалов и дворян окрестных.

Глендаур

Я раньше к вам прибуду, господа,
И привезу с собою ваших дам.
Теперь же лучше вам тайком уехать,
Иначе океаны слез прольют
Супруги ваши, расставаясь с вами.

Хотспер

Мне кажется, что этот мой надел —
От Бертона на север — меньше ваших:
Смотрите, как излучина реки
Отхватывает от моих владений

Громадный полумесяц, кус изрядный
Земли отменной. Запружу здесь Трент,
И он помчит серебряные воды
По новому, как луч, прямому руслу;
Лишившая меня равнин богатых
Излучина крутая пропадет.

Глендаур

Как пропадет? Ничуть! Как прежде будет.

Мортимер

Но посмотри,
Как Трент в своем течение забирает
В другую сторону и клоч изрядный
Выхватывает из моих земель,
Тебя вознаграждая за ущерб.

Вустер

Но, сделав здесь при небольших затратах
Запруду, к северу тот мыс прирежем,
И выровняет Трент свое течение.

Хотспер

Так поступлю; затрат немного будет.

Глендаур

Не надо русло изменять.

Хотспер

Не надо?

Глендаур

Не быть тому!

Хотспер

А кто мне запретит?

Глендаур

Кто? Я!

Хотспер

Не понял вас! Скажите по-уэльски.

Г л е н д а у р

Не хуже вас язык английский знаю.
Я был воспитан при дворе английском
И в юности для арфы там сложил
Изрядное число прелестных песен,
Обогадив язык ваш и украсив.
За вами ж не было таких заслуг.

Х о т с п е р

О да,
И этому я рад от всей души.
Котенком лучше стать мне и мяукать,
Чем быть кропателем баллад несносных.
Скорей готов я слушать, как скоблят
Подсвечник медный или как скрипит
Немазанное колесо; все это
Так не набьет оскомины, как сладость
Поэзии жеманной: мне она —
Как дряблая рысца разбитой клячи.

Г л е н д а у р

Ну, пусть отводят Трент.

Х о т с п е р

Мне безразлично. Преданному другу
И вдвое больше дам земли. Но знайте:
Коль речь идет о сделке, я торгуюсь
Из-за девятой доли волоска.
Готов ли договор? Мы можем ехать.

Г л е н д а у р

Сияет месяц; можно ехать ночью.
Потороплю писцов и вместе с тем
К прощанью с вами подготовлю жен.
Боюсь, что дочь моя сойдет с ума, —
Так влюблена безумно в Мортимера.

(Уходит.)

М о р т и м е р

Как ты перечишь тестю! Постыдись.

Х о т с п е р

Иначе не могу: меня он злит
Рассказами о муравье и мыши,

О предсказаниях мудреца Мерлина,
О злом драконе и бесхвостой рыбе,
Бескрылом грифе и больном орле.
О спящем льве и крадущейся кошке —
И столько мелет всякой чепухи,
Что голова закружится. Послушай,
Вчера не меньше девяти часов
Перечислял мне имена чергей,
Ему подвластных. «Гм», «прекрасно», «дальше»
Я бормотал не слушая. Клянусь,
Несносен он, как загнившая кляча
Или сварливая жена; он хуже
Лачуги дымной. Предпочту я жить
На мельнице, жевать чеснок и сыр,
Чем дорогие лакомства вкушать
В роскошном замке, слушая Глендаура.

М о р т и м е р

По, право, он достойный человек.
Весьма начитанный и посвященный
В науки тайные; он храбр, как лев,
Отменно обходителен и щедр,
Как рудники индийские. Сказать ли?
Характер твой он ценит высоко
И нрав обуздывает свой горячий,
Когда ему перечишь; право, так.
Ручаюсь, нет на свете человека,
Который, раздразив его, как ты,
Не поплатился бы жестоко. Друг мой,
Не надо этим злоупотреблять.

В у с т е р

Да, вы, милорд, достойны порицанья.
Все эти дни вы только и старались,
Что вывести Глендаура из терпенья.
Исправить надо этот недостаток,
Хоть он порой доказывает храбрость,
Породу, пыл (и этим красит вас),
Но чаще он изобличает грубость,
Несдержанность, отсутствие манер,
Презрение к людям, самомнение, гордость.
Малейшее из этих скверных качеств
Отталкивает всех от дворянина
И прочие достоинства его
Зачеркивает, прелести лишая.

Хотспер
Урок хорош! Поучимся манерам! —
Вот наши жены. Распростимся с ними.

Входит Глендаур с леди Мортимер и леди Перси.

Мортимер

Досадно до смерти, что по-английски
Не говорит жена, я ж — по-уэльски.

Глендаур

Дочь, разлучаясь с вами, горько плачет;
Солдатом хочет быть и рвется в бой.

Мортимер

Скажите ей, что скоро привезете
Ее и тетю Перси в лагерь к нам.

Глендаур говорит что-то леди Мортимер по-уэльски; она отвечает ему
на том же языке.

Глендаур

Она прямо в отчаянии; эту капризную, своенравную негод-
вицу никак не образумишь!

Леди Мортимер что-то говорит Мортимеру по-уэльски.

Мортимер

Любимая, мне твой понятен взгляд;
Уэльскую чарующую речь,
Что льется из очей твоих припухших,
Я постигаю; если б не стыдился,
Огветил бы на этом же наречье.

Леди Мортимер снова что-то говорит по-уэльски.

Понятны нам обоим поцелуи —
И это самый нежный разговор.
Но все ж не знать мне отдыха, мой друг,
Пока язык твой мне родным не станет.
В твоих устах уэльский говор сладок,
Как песнь любви, что в лиственной беседке
Царица фей поет под звуки лютни.

Глендаур

Коль вы расстанетесь, сойдет с ума.

Леди Мортимер снова говорит Мортимеру что-то по-уэльски.

М о р т и м е р

О, в этом я невежда совершенный.

Г л е н д а у р

Дочь просит вас
Прилечь на этом мягком тростнике,
К ней на колени голову склонив,
Она ж вам неснь любимую споет,—
И бог отрадных снов смежит ресницы,
Вам кровь чаруя сладостной дремотой,
Что гранью служит между сном и явью,
Как служит гранью между днем и ночью
Тот ранний час, когда в свой путь лучистый
Еще не отправлялись кони солнца.

М о р т и м е р

От всей души я рад лежать и слушать;
Тем временем напишут договор.

Г л е н д а у р

Ложитесь;
А музыканты, что играть нам станут,
За сотни миль от нас в пространстве реют;
Но будут мигом здесь. Внимайте им.

Х о т с п е р

Иди сюда, Кет, ты само совершенство, когда лежишь. Иди
сюда, живо, живо; дай, я положу голову к тебе на колени.

Л е д и П е р с и

Пошел ты, дикий гусь!

Слышится музыка.

Х о т с п е р

Я вижу, знает черт язык уэльский:
Не мудрено, что так причудлив бес.
Клянусь душой, он музыкант прекрасный.

Л е д и П е р с и

В таком случае ты должен быть чрезвычайно музыкален, по-
тому что у тебя вечно какие-то причуды. Лежи смирно, разбой-
ник, и слушай — сейчас леди будет петь по-уэльски.

Хотспер

Я предпочел бы слушать, как моя сука Леди воет по-ирландски.

Леди Перси

Стукнуть тебя по голове?

Хотспер

Нет.

Леди Перси

Тогда молчи.

Хотспер

Ну нет, это женский недостаток.

Леди Перси

Так помоги тебе бог!

Хотспер

Пробраться в постель к уэльской даме?

Леди Перси

Что такое?

Хотспер

Тише. Она поет.

Леди Мортимер поет уэльскую песню.

Слушай, Кет, ты тоже должна спеть мне.

Леди Перси

Ей-богу, ни за что не стану.

Хотспер

«Ей-богу, ни за что не стану»! Душа моя, ты божишься, как какая-нибудь жена кондитера: «ей-богу, это не я», или «пропади я пропадом!», или «боже сохрани», или «ясно, как божий день».

К кисейным клятвам прибегаешь ты,
Как будто в Финсбери всю жизнь гуляла.
Клянись всегда, как подобает леди,
Изысканною клятвой, а «ей-богу»
И пряничные клятвы предоставь
Мещанкам, разодетым в пух и прах.
Ну спой же, Кет.

Л е д и П е р с и

Не стану.

Хотспер

Я вижу, ты боишься, что тебя примут за портного или за дрессировщика снегирей. Через два часа, когда договор будет подписан, я уеду. Если хочешь, приходи ко мне. *(Уходит.)*

Г л е н д а у р

Идемте, сын мой. Вы не рветесь в бой,—

Не то что Гарри Перси огневой.

Готов наш договор; его мы скрепим —

И на коней!

М о р т и м е р

Я всей душою рад.

Уходят.

С Ц Е Н А 2

Лондон. Зал во дворце.

Входят король Генрих, принц Генрих и лорды.

К о р о л ь Г е н р и х

Оставьте, лорды, нас. Должны мы с принцем

Поговорить вдвоем. Но будьте недалеко —

Вы можете понадобиться скоро.

Л о р д ы уходят.

Не знаю, чем прогневал я творца,

Что он в своем решение непостижном

Избрал орудьем кары и возмездья

Мою же кровь. Поступками своими

Меня предполагать ты заставляешь,

Что небесами призван ты служить

Бичом, отмщеньем за мои грехи.

Иначе непонятно, почему

Столь низкие, распутные влечения.

Столь грубый, грязный, мерзкий образ жизни,

Столь пошлые забавы и друзья,

С которыми ты сблизился и сросся,

Сопутствуют высокому рождению

И царственному сердцу не претят.

Принц Генрих

Раз вам угодно, государь, хотел бы
Во всех своих поступках оправдаться
И, без сомнения, могу сейчас же
Я опровергнуть многое, в чем люди
Меня винят. Но все ж, отбросив басни,
Что льстец с улыбкой шепчет королю
И собиратель новостей приносит,
Молю о свисхождении к проступкам
Беспутной, бурной юности моей
И подлинным раскаяньем своим
Прощенье ваше заслужить надеюсь.

Король Генрих

Бог да простит тебя! Но все же, Гарри,
Дивлюсь я склонностям твоим, далеким
От гордого полета наших предков.
Ты из-за грубости утратил место
В Совете нашем, где сменил тебя
Твой младший брат; ты потерял любовь
Придворных всех и принцев нашей крови.
Надежды, что так щедро подавал ты,
Погибли все, и каждый, как пророк,
Час твоего паденья предрекает.
Когда б я всех присутствием своим
Дарил так щедро, так всем примелькался,
Так истрепал свой образ средь гуляк,—
Общественное мненье, что открыло
Мне путь к престолу, сохраняло б верность
Монарху прежнему, забыв меня
В изгнании моем как человека,
Лишенного достоинств и заслуг.
Но редко я показывался людям,
И, как комете яркой, мне дивились.
Отцы шептали детям: «Это он»,
Другие ж: «Где? Который Болингброк?»
Похитил я приветливость у неба,
Облекся я смиренiem таким,
Что стали все сердца ко мне стремиться.
Меня встречали дружным криком даже
В присутствии законного монарха.
Так я достиг, что образ мой всегда
Был свеж и нов. Присутствием своим
Я вызывал восторг, как риза папы;

И тем пышнее, праздничней казалось
Всем появление мое, чем реже
Происходило. А король беспечный
Порхал везде и всюду, окруженный
Гуляками, пустыми шутниками,
Что, словно хворост,— вспыхнут и сгорят;
Роняя сан высокий средь глупцов,
Терпел глумленье над своим величьем
И, рангу вопреки, давал смеяться
Мальчишкам-зубоскалам, был мишенью
Для шуток безбородых остряков
И, завсегдатай многолюдных улиц,
Заискивал пред мнением толпы.
Народ, питая взор им ежедневно,
Объелся, словно медом, королем;
Всем сладость опротивела, которой,
Чуть меру превзойдешь,— и будет много.
И вскоре он, являясь пред народом,
Кукушку стал напоминать, чей крик
В июне неприметен; все смотрели
На короля ленивым, вялым взглядом.
Не возбуждал восторгов он, какие
Величье вызывает, словно солнце,
Что редко светит восхищенным взорам.
Сквозь сон, дремотно, веки опустив,
Ему в лицо смотрели с хмурым видом,
С каким глядят порою на врагов.
Всяк был им сыт, до тошноты пресыщен.
На тот же самый путь вступил ты, Гарри!
Ты царственных лишился преимуществ,
С подонками общаясь; всем глазам
Твой вид обыденный наскучил, кроме
Моих, тебя всегда готовых видеть
И, вопреки желанью, ослепленных
Вновь неразумной нежностью к тебе.

Принц Генрих

Мой добрый государь, я постараюсь
Себе быть верным впрямь.

Король Генрих

Покойный Ричард

Казался всем таким, как ныне ты,
Когда я высадился в Ревенсперге;
Я ж был таков, как ныне Гарри Перси.

Клянусь душой и скипетром своим,
Престола он достойнее, чем ты —
Наследник призрачный! Без всяких прав,
Без тени права он поля страны
Загромоздил оружием; не отступит
Перед оскаленною пастью льва
И, хоть не старше он тебя годами,
Епископов почтенных, старых лордов
Ведет на бой, в кровавую борьбу.
Какую честь бессмертную стяжал он
В борьбе со славным Дугласом, чья доблесть,
Чьи пылкие набеги, блеск побед
Хвалу ему снискали средь бойцов
И званье первого из полководцев
Во всех концах земли, где чтут Христа!
Три раза этот Хотспер, Марс в пеленках,
Дитя-боец, все планы сокрушал
Шотландца славного, взял в плен его,
Освободил и приобрел в нем друга,
Чтоб, рот заткнув старинному раздору,
Мир потрясти и пошатнуть наш трон.
Что скажешь ты? Нортемберленд и Перси,
Архиепископ, Дуглас, Мортимер,
Скрепив союз, восстали против нас.
Но что я говорю тебе об этом?
Зачем толкую о врагах тебе —
Ближайшему, закланному врагу?
Ведь допустить легко, что рабский страх,
Дурные страсти иль досады приступ
Тебя заставят, как паймита Перси,
Со мной сражаться, ползать перед ним
И угождать его порывам гневным,
Доказывая, как ты развращен.

Принц Генрих

Не говорите так; не быть тому!
Прости, создатель, тем, кто от меня
Так благосклонность вашу отвратил!
Все искуплю я головою Перси,
И на исходе доблестного дня
Я вновь дерзну назваться вашим сыном.
Тогда в одежду крови облекусь,
Черты покрою маскою кровавой,
Чтоб вместе с нею смыть и мой позор.
И в этот день, когда б ни воссиял он,

Тот сын любимый доблести и славы,
Тот храбрый Хотспер, тот всехвальный рыцарь
И ваш безвестный Гарри вступят в бой.
Пускай хвалы, что шлем его венчают,
Умножатся, а голову мою
Двойной позор покроет, — час придет,
Когда юнца заставлю променять
Блеск яркой славы на мое бесчестье.
Ведь Перси — мой приказчик, государь,
Что для меня деянья славы копит.
Я от него потребую такой
Отчет суровый, что вернет он мне
Всю славу, до малейшей похвалы,
Иль вырву счет я у него из сердца!
Клянусь вам в этом именем господним,
И, если бог даст подвиг мне свершить,
Молю вас, уврачуйте, государь,
Мне язвы застарелые беспутства.
А если нет, смерть все долги сотрет;
И я скорей сто тысяч раз умру,
Чем свой обет хоть на волос нарушу.

Король Генрих

Вот смертный приговор для сотни тысяч
Мятежников. Получишь пост высокий
И полномочия.

Входит Блент.

Что скажешь нам,
Мой добрый Блент? Ты, видно, торопился?

Блент

Да, сообщить пришел о спешном деле.
Лорд Мортимер, шотландец, известил,
Что Дуглас и союзники его
Десятого числа соединились
Под Шрусбери; коль дружба их прочна,
То никогда еще не угрожала
Столь тяжкая опасность государству.

Король Генрих

Пять дней назад об этом мы узнали,
И потому отправился в поход
Лорд Уэстморленд сегодня, с ним — принц Джон. —
Ты в среду, Гарри, выступишь, а мы —

В четверг, и место встречи — Бриджпорт. — Гарри,
Чрез Глостершир твой путь. Двенадцать дней
Потребуются, по моим расчетам,
Чтоб силы главные доставить в Бриджпорт.
Дел полны руки, поспешим в поход;
Промедлим мы — опасность возрастет.

Уходят.

СЦЕНА 3

Трактир «Кабанья голова» в Истчиппе.

Входят Фальстаф и Бардольф.

Фальстаф

Не правда ли, Бардольф, после нашего последнего дела я стал постыдным образом сдавать? Разве я не таю? Разве я не сохну? Кожа обвисла на мне, как широкое платье на старой бабе. Я сморщился, как печеное яблоко. Нет, надо мне покаяться, да поскорей, пока я еще на человека похож, а то я могу совсем впасть в уныние, и тогда у меня не хватит сил на покаяние. Будь я стручком перца, будь я ключей в пивоварне, если я не позабыл, как выглядит внутри церковь... Компания, дурная компания — вот что меня сгубило.

Бардольф

Сэр Джон, вы так расстраиваетесь, что, верно, не долго протянете.

Фальстаф

Да, так оно и есть. Ну спой мне какую-нибудь похабную песенку, развесели меня. У меня были самые благородные наклонности, какие подобают дворянину: я был в меру добродетелен, божился редко, играл в кости не чаще семи раз в неделю, ходил в непотребные дома не чаще одного раза в четверть часа, возвращал долги раза три или четыре, жил хорошо, держался в границах. А теперь я живу беспорядочно и вышел из всяких границ.

Бардольф

Да, вы так растолстели, сэр Джон, что вышли из всяких границ. Вы стали безграничны, сэр Джон.

Фальстаф

Исправь свою рожу, тогда и я исправлю свою жизнь. Ты у нас адмиральский корабль с фонарем на корме, а фонарь этот — твой собственный нос. Ты — Рыцарь Пламенеющего Факела.

Бардольф

Моя наружность, сэр Джон, вам ничем не мешает.

Фальстаф

Напротив, готов поклясться, она мне на пользу, как многим — вид черепа или *temento mori*¹. Всякий раз, когда я смотрю на твою физиономию, я вспоминаю об адском пламени и о богаче, который при жизни всегда одевался в пурпур, ведь он там в своем одеянии так и пылает, так и пылает!.. Если бы в тебе было хоть на грош добродетели, я бы стал клясться твоей физиономией; я говорил бы: «Клявусь этим пламенным ангелом!» Но ты человек отпетый, и, если бы не это пламя на твоей физиономии, ты был бы исчадием тьмы крошечной. Пусть деньги станут сором, если я не привял тебя за блуждающий огонек или за огненный шар в ту ночь, когда ты бегал по Гедсхилу и ловил моего коня. Да, ты непрерывное факельное шествие, вечный фейерверк! Я сберег добрую тысячу марок на свечах и факелах, таскаясь с тобой по ночам из трактира в трактир. Зато ты выпил на мой счет столько хересу, что он обошелся мне дороже, чем все свечи, будь они куплены в самой дорогой лавке в Европе. Вот уже добрых тридцать три года, как я поддерживаю огонь в этой саламандре, — да вознаградит меня бог за это!

Бардольф

Черт побери! Хотел бы я, чтобы мое лицо оказалось у вас в брюхе!

Фальстаф

Боже сохрани! Тогда бы я умер от изжоги.

Входит хозяйка.

Ну что, моя курочка? Допыталась ты, кто обчистил мои карманы?

Хозяйка

Эх, сэр Джон! Что такое вы говорите, сэр Джон! Неужто вы думаете, что я стану держать у себя в доме воров? Уж я обыскивала, уж я допрашивала вместе с мужем каждого слугу, каждого мальчишку, каждую служанку; и десятой доли волоска до сих пор не пропадало в нашем доме.

¹ Помни о смерти. (Лат.)

Ф а л ь с т а ф

Врешь ты, хозяйка! Бардольф здесь брился и потерял немало волос. Я готов поклясться, что у меня обчистили карманы. Молчи, баба, молчи!

Х о з я й к а

Это я-то баба? Как бы не так! Чтоб тебе провалиться! Истинный бог, меня сроду никто так не обзывал в моем доме!

Ф а л ь с т а ф

Молчи ты! Я знаю тебя насквозь.

Х о з я й к а

Нет, сэр Джон, вы не знаете меня, сэр Джон. А я вас знаю, сэр Джон. Вы задолжали мне, сэр Джон, а теперь затеваете ссору, чтобы увильнуть от расплаты. Я купила вам дюжину рубашек, чтобы было вам чем тело прикрыть.

Ф а л ь с т а ф

Из холста, из дрянного холста. Я отдал их женам булочников, и они понаделали из них себе сита.

Х о з я й к а

Нет, говорю вам как честная женщина: это было настоящее голландское полотно по восемь шиллингов за локоть. Кроме того, вы мне должны, сэр Джон, за еду и за питье, да еще я вам дала взаймы двадцать четыре фунта.

Ф а л ь с т а ф

(указывая на Бардольфа)

Он тоже пользовался всем этим,— пусть он и платит.

Х о з я й к а

Он-то? Да он нищий, у него нет ни гроша.

Ф а л ь с т а ф

Он — нищий? Ну погляди на его лицо. Кто же и богат, как не он? Пусть начекают монет из его носа, из его щек. Не стану я платить ни гроша. Ты, кажется, принимаешь меня за желторотого птенца? Нельзя спокойно вздремнуть у тебя в трактире, мигом обчистят карманы! У меня пропал дедовский перстень с печатью, который стоит сорок марок.

Х о з я й к а

Господи Иисусе! Принц говорил при мне, уж не знаю, сколько раз, что перстень этот — медный.

Ф а л ь с т а ф

Что такое? Твой принц болван и прохвост! Тысяча чертей! Скажи он это при мне, я бы его избил, как собаку.

Входят, маршируя, принц Генрих и Пето.

(Идет навстречу им, приложив к губам дубинку, как флейту.)
Ну что, дружок? Так вот куда дует ветер, черт возьми. Неужто всем нам придется маршировать?

Б а р д о л ь ф

Да, попарно, как в Ньюгетской тюрьме.

Х о з я й к а

Милорд, прошу вас, выслушайте меня.

П р и н ц Г е н р и х

Что скажешь, миссис Куикли? Как поживает твой муж? Он мне по душе — честный малый.

Х о з я й к а

Мой добрый принц, выслушайте меня.

Ф а л ь с т а ф

Брось ее, пожалуйста, и выслушай меня.

П р и н ц Г е н р и х

Что скажешь, Джек?

Ф а л ь с т а ф

Вчера вечером я вздремнул здесь за ковром, и у меня обчистили карманы. Этот трактир стал непотребным домом, здесь карманы обчищают.

П р и н ц Г е н р и х

Что же у тебя пропало, Джек?

Ф а л ь с т а ф

Поверишь ли, Хел? Три или четыре билета по сорок фунтов каждый и дедовский перстень с печатью.

П р и н ц Г е н р и х

Дребедень! Ему красная цена восемь пенсов.

Х о з я й к а

То же самое и я ему говорила, милорд, да еще сказала, что слыхала об этом от вашей милости; а он, милорд, сквернослов этаким, обозвал вас гнусными словами, да еще грозился вас поколотить.

П р и н ц Г е н р и х

Что такое? Не может быть!

Х о з я й к а

Не быть мне честной, правдивой женщиной, ежели это неправда.

Ф а л ь с т а ф

Честности в тебе не больше, чем сока в сушеном черносливе; правдивости не больше, чем в затравленной лисе; а что до твоей женственности, то девка Марианна в сравнении с тобой — жена пристава. Пошла вон, тварь, пошла!

Х о з я й к а

Какая я тебе тварь? Какая тварь?

Ф а л ь с т а ф

Какая тварь? Да такая, что не приведи бог.

Х о з я й к а

Никакая я не тварь, так и знай! Я жена честного человека, а ты, хотя и зовешься рыцарем, а сущий подлец, ежели смеешь так обзывать меня.

Ф а л ь с т а ф

А вот ты, хоть и зовешься женщиной, а сущее животное, ежели смеешь мне перечить.

Х о з я й к а

Какое я тебе животное, подлец ты этаким? Ну?

Ф а л ь с т а ф

Какое животное? Выдра!

П р и н ц Г е н р и х

Выдра, сэр Джон? Почему именно выдра?

Фальстаф

Потому, что она ни рыба ни мясо, и мужчина даже не знает, с какой стороны к ней подступиться.

Хозяйка

Ты сущий клеветник, ежели смеешь так говорить: ты и всякий другой мужчина отлично знаете, с какой стороны ко мне подступиться. Ах ты, мерзавец этакий!

Принц Генрих

Ты права, хозяйка, он на тебя жестоко клеветает.

Хозяйка

Он и на вас клеветает, милорд; он говорил на этих днях, что вы ему задолжали тысячу фунтов.

Фальстаф

Тысячу фунтов, Хел? Нет, целый миллион! Ведь твоя любовь стоит миллиона, а ты мне должен свою любовь.

Хозяйка

И еще, милорд, он обозвал вас болваном и грозился вас поколотить.

Фальстаф

Говорил я это, Бардольф?

Бардольф

И впрямь говорили, сэр Джон.

Фальстаф

Ну да, если он скажет, будто перстень у меня медный.

Принц Генрих

Я и говорю: он медный. А ну-ка, посмеешь ли ты исполнить свою угрозу?

Фальстаф

Знаешь, Хел, будь ты обыкновенным человеком, я бы посмел; но, поскольку ты принц, я боюсь тебя, как боюсь рычащего львенка.

Принц Генрих

А почему не как льва?

Фальстаф

Как льва, надо бояться самого короля. Или, ты думаешь, я стану тебя бояться, как твоего отца? Ну нет, лопни мой пояс, если стану.

Принц Генрих

О, если бы это случилось, брюхо отвисло бы у тебя до самых колен. Ах, негодяй, у тебя в утробе нет места ни для верности, ни для правды, ни для честности — она вся набита кишками да потрохами. Обвинять честную женщину в том, что она обчистила тебе карманы! Ах ты, ублюдок, бесстыжий разбухший мерзавец! Назови меня подлецом, если у тебя в карманах было хоть что-нибудь, кроме трактирных счетов, адресов публичных домов да грошового леденца от одышки. Ничего, кроме этой дряни, там не было. И все-таки ты стоишь на своем и не хочешь отказаться от своей лжи! И тебе не стыдно?

Фальстаф

Послушай, Хел, ты ведь знаешь, что Адам пал в дни невинности. Как же не пасть бедному Джеку Фальстафу в наш порочный век? Ты видишь, плоти у меня больше, чем у других людей, а потому и слабости у меня больше. — Так ты признаешься, что обчистил мои карманы?

Принц Генрих

Выходит, что дело было так.

Фальстаф

Хозяйка, я прощаю тебе. Ступай приготовь поскорее завтрак. Люби мужа, присматривай за прислугой, ублажай гостей. Ты должна признать, что я всегда готов выслушать разумные доводы. Видишь, я уже успокоился. Как, опять? Уходи, ради бога!

Хозяйка уходит.

Ну, Хел, что нового при дворе? Как, друг мой, обошлось дело с грабежом?

Принц Генрих

О мой драгоценный ростбиф, я, как всегда, твой ангел-хранитель. Деньги возвращены пострадавшим.

Фальстаф

Не люблю я, когда возвращают деньги: только двойная работа.

Принц Генрих

Теперь я помирился с отцом и могу делать все что хочу.

Фальстаф

Ну так ограбь сию же минуту казну.

Бардольф

Сделайте это, милорд.

Принц Генрих

Я достал тебе, Джек, место в пехоте.

Фальстаф

Я предпочел бы служить в кавалерии. Где бы мне разыскать ловкого грабителя, славного вора лет этак двадцати двух? Мне чертовски нужны деньги. Благодарение богу, эти мятежники не трогают никого, кроме порядочных людей. Честь и слава им за это!

Принц Генрих

Бардольф!

Бардольф

Милорд!

Принц Генрих

Вот это письмо доставь моему брату, принцу Джону Ланкастерскому, а другое — лорду Уэстморленду.

Бардольф уходит.

Ну, Пето, на коней! Ведь нам нужно сегодня до обеда проскакать тридцать миль.

Пето уходит.

Джек, жди меня завтра в Темпл-Холле, в два часа.

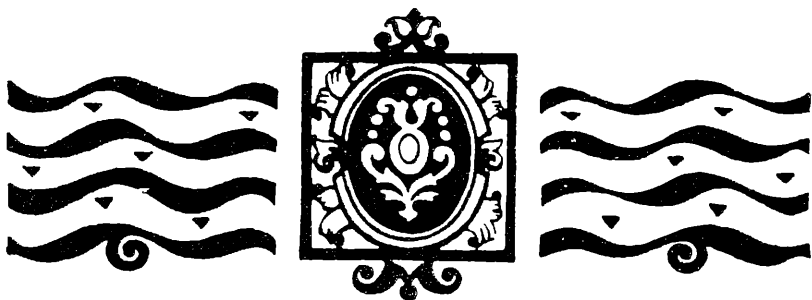
Там ты свое получишь назначение,
Приказ и деньги на снабжение войск.
Страна в огне. Высоко враг парит.
Ему иль нам паденье предстоит.

(Уходит.)

Фальстаф

Отменные слова! Прекрасный мир! —
Эй, завтрак! Барабаном стань, трактир!

(Уходит.)

А К Т IV

С Ц Е Н А I

Лагерь мятежников под Шрусбери.
Входят Хотспер, Вустер и Дуглас.

Хотспер

Прекрасно сказано, шотландец славный!
И, если б не казалась лостью правда
В наш хитрый век, такую бы хвалу
Вы приняли, какою в наши дни
Не оценен был ни один воитель
На рынке славы. Господом клянусь,
Не льстец я, вкрадчивая речь прегиг мне,—
Но заняли вы в сердце у меня
Почетнейшее место; так поймайте
Меня на слове и проверьте это.

Дуглас

Вы доблести король!
Нет на земле такого властелина,
Которому не дал бы я отпора.

Хотспер

Прекрасно, так и надо...

Входит гонец с письмом.

Хотспер

Что за письма?

(Дугласу.)

Мне остается вас благодарить.

Гонец

От вашего отца, милорд.

Хотспер

Как? От него? Что ж сам он не приехал?

Гонец

Не может он приехать — тяжело болен.

Хотспер

Черт побери! Нашел когда хворать —
В такие дни горячие! А кто
Ведет его войска? Кто их возглавил?

Гонец

Письму, не мне его известны мысли.

Вустер

Так граф сейчас в постели, говоришь?

Гонец

Дня за четыре пред моим отъездом
Он слег, милорд; когда я отправлялся,
Врачи за жизнь его весьма боялись.

Вустер

Сперва бы дал он исцелиться веку,
Потом хворал бы сам. Его здоровье
Нам дорого сейчас, как никогда.

Хотспер

Теперь хворать! Теперь слабеть! Болезнью
Он заразил все наше начинанье;
Она сюда проникнет, в лагерь наш.
Он пишет мне, что помешал недуг
И что не смог посланьями так скоро
Собрать друзей и не считал возможным
Довериться хотя б одной душе
В таком ответственном, опасном деле.

И все ж он смелый нам дает совет:
Хоть сил немного, дело продолжать,
Чтоб испытать Фортуны благосклонность.
Теперь уж поздно отступать, он пишет:
Ведь государь, наверно, извещен
О наших планах.— Ваше мнение, лорды?

В у с т е р

Хворь твоего отца — для нас увечье.

Х о т с п е р

Да, рана тяжкая; один из членов
Отрублен. Впрочем, нет, не так уж вредно
Его отсутствие, как мне казалось.
Разумно ль ставить на один удар
Все достоянье наше? Доверять
Такую ставку крупную капризу
Слепому случаю? Нет, неразумно;
Тем самым исчерпали б мы до дна
Свои надежды, подошли б к пределу,
Границам счастья нашего.

Д у г л а с

Вы правы.

Теперь же есть у нас в виду подмога,
И можем смело тратить мы в надежде
На будущие блага:
Возможность отступления скрыта здесь.

Х о т с п е р

Прибежище для нас и место сбора
На случай, если черт иль час недобрый
Прекрасную затею нашу сглазит.

В у с т е р

Все ж предпочел бы я, чтоб он был с нами.
По своему характеру наш план
Единства требует. Причин не зная.
Подумать могут, что удержан граф
Благоразумьем, верностью монарху
Иль неприязнью к нашим начинаньям.
Вполне возможно, что такая мысль
Союзников приток приостановит,
В них зародив сомнения и страх.
Вы знаете: оружие поднимая,

Должны мы устранить пытливость мысли
И все отверстия заткнуть и щели,
Чтоб глаз рассудка нас не подстерег.
Задержка графа, приподняв завесу,
Непосвященным ужасы откроет,
Что им не снились.

Хотспер

Далеко зашли вы.
Нет, нам его отсутствие на пользу;
Оно придаст затее славной блеску,
Величья и геройства; станут думать,
Что если мы без помощи его
Вступить в борьбу решились с королевством,
То с помощью отца перевернули б
Страну вверх дном. Итак, все хорошо,
И все суставы наши невредимы.

Дуглас

Не пожелаешь лучшего. У нас
В Шотландии не знают слова «страх».

Входит сэр Ричард Вернон.

Хотспер

Кузен мой Вернон, я вам рад, клянусь.

Вернон

Дай бог, чтоб весть моя была вам в радость.
С отрядом семитысячным подходит
Граф Уэстморленд, и с ним идет принц Джон.

Хотспер

Ну, не беда. Что дальше?

Вернон

Я узнал,
Что самолично выступил король
И направляется сюда поспешно
С большим, отлично снаряженным войском.

Хотспер

Добро пожаловать! Где ж принц Уэльский,
Пустоголовый, буйный ветрогон,
Что сообща с беспутными друзьями
Весь мир послал к чертям?

Вернон

Все в латах, в перьях.

Как ястребы, что по ветрам летят;
Крылами встряхивают, как орлы
После купанья; в золотых доспехах
Блестают, словно образа; свежи,
Как месяц май; как солнце в летний зной,
Великолепны; как бычки, буйны;
Резвей козлят. Я видел принца Гарри:
С опущенным забралом, в гордых латах,
В набедренниках, над землей взлетев
Меркурием крылатым, так легко
Вскочил в седло, как будто с облаков
Спустился ангел — укротить Пегаса
И мир пленить посадкой благородной.

Хотспер

Довольно! Хуже мартовского солнца
Грозят хвалы такие лихорадкой.
Пушай приходят; явятся, как жертвы,
К закланью убранные; принесем
Их, теплых и кровавых, в дар войне —
Увитой дымом огнеокой деве.
Марс, по уши в крови, в броне, пусть сядет
На свой алтарь. Я весь горю, узнав,
Что так близка богатая добыча,
Но все еще не наша. — Эй, коня!
Пушай стрелою громовой на принца
Меня помчит! Столкнувшись — Гарри с Гарри
И конь с конем, — сраженья не прервем,
Пока один не рухнет мертвецом.
Ах, будь Глендаур здесь!

Вернон

Есть еще известья.

Я слышал, проезжая через Вустер:
Он в две недели войск собрать не может.

Дуглас

Вот худшая из новостей.

Вустер

Клянусь,

Повеяло морозом от нее.

Хотспер

А сколько войск всего у короля?

Вернон

Да тысяч тридцать.

Хотспер

Пусть хоть сорок будет!

Хотя отца с Глендауром нет, в день славный

Одни с врагом мы вступим в бой неравный.

Идемте, смотр войскам дадим скорей;

День судный близится, — умрем бодрей.

Дуглас

Про смерть не говорите мне; поверьте,

Я на полгода защищен от смерти.

Уходят.

СЦЕНА 2

Проезжая дорога близ Ковентри.

Входят Фальстаф и Бардольф.

Фальстаф

Бардольф, ступай вперед, в Ковентри, и раздобудь мне бутылку хереса. Наш отряд пройдет через город без остановки; нынче вечером мы должны быть в Сеттон-Копхилле.

Бардольф

Вы дадите мне денег, капитан?

Фальстаф

Покупай на свои, на свои.

Бардольф

Бутылка хереса обойдется в ангел.

Фальстаф

Если тебе попадется ангел, возьми его себе за труды; даже если двадцать ангелов, бери их все; за чекан я отвечаю. Скажи моему лейтенанту Пето, чтобы он ждал меня на окраине города.

Бардольф

Слушаю, капитан. Прощайте. (*Уходит.*)

Фальстаф

Будь я маринованной селедкой, если я не стыжусь своих солдат. Я чертовски злоупотребил королевским приказом о вербовке: вместо полтораста солдат я набрал триста с лишним фунтов. Я вербовал только зажиточных хозяев, фермерских сынков, выбирал обрученных молодчиков, которых уже два раза оглашали в церкви, или таких изнеженных трусов, которым барабанный бой страшнее черта и которые боятся мушкетного выстрела, как зарезанная курица или подстреленная дикая утка. Я вербовал только маменькиных сынков, у которых храбрости в душе с булавочную головку, и все они откупились от службы; и теперь отряд мой состоит из прапорщиков, капралов, лейтенантов и ефрейторов, оборванных, как Лазарь на обоях, у которого псы богача лижут струпья. Все они отроду не были солдатами; это проворовавшиеся служащие, младшие сыновья младших братьев, беглые трактирные слуги да разорившиеся трактирщики — ржавчина долгих лет мира; они в десять раз обтрепаннее старого знамени. Этим сбродом я заменил откупившихся от службы. Можно подумать, что я набрал полторы сотни одетых в лохмотья блудных сыновей, которые еще недавно пасли свиней и питались помоями и отбросами. Какой-то дуралей, встретившийся мне по дороге, сказал, что я обобрал все виселицы и на вербовал покойников. Свет еще не видывал таких пугал. Ясное дело, я не могу провести их через Ковентри; ведь мерзавцы бредут раскорячившись, точно у них на ногах кандалы. Да и впрямь большинство из них я набрал по тюрьмам. Во всем моем отряде едва найдется полторы рубахи, да и то половинка рубахи состоит из двух салфеток, сшитых вместе и наброшенных на плечи на манер безрукавки глашатая, а цельная рубаха, по правде сказать, украдена у хозяина харчевни в Сент-Олбенсе или у красноносого трактирщика в Девентри. Ну, да это не беда, они разбудут сколько угодно белья на любом заборе.

Входят принц Генрих и Уэстморленд.

Принц Генрих

Ну как дела, разбухший Джек? Как дела, перина?

Фальстаф

А, Хел! Как дела, шалопай? Какой черт занес тебя в Уорикшир? — Добрейший лорд Уэстморленд, прошу прощения: я полагал, что ваша милость уже в Шрусбери.

Уэстморленд

По правде сказать, сэр Джон, мне давно пора там быть, да и вам тоже. Впрочем, войска мои уже там. Да будет вам известно, что король ждет нас всех. Нам придется маршировать всю ночь напролет.

Фальстаф

Ба! На мой счет будьте спокойны: я бдителен, как кот, который хочет полакомиться сливками.

Принц Генрих

Именно так, полакомиться сливками; ведь благодаря этому ты и сам превратился в масло. Но скажи мне, Джек, чьи это молодцы идут за нами?

Фальстаф

Мои, Хел, мои.

Принц Генрих

Никогда в жизни я не видал такого жалкого сброда.

Фальстаф

Ба! Они достаточно хороши, чтобы истыкать их копьями. Пушечное мясо, пушечное мясо! Они заполнят могилу не хуже других. Смертные люди, братец ты мой, смертные люди!

Уэстморленд

Да, но мне кажется, сэр Джон, что у них уж чересчур голодный и изнуренный вид: они прямо-таки похожи на нищих.

Фальстаф

Что до нищеты, ей-богу, не знаю, где они ее набрались, а что касается худобы, то я уверен, что они научились ей не у меня.

Принц Генрих

Не у тебя, готов поклясться, если только не называть худобой слой жира в три пальца на ребрах. Однако надо спешить, друзья мои: Перси уже выступил.

Фальстаф

Как! Король уже разбил лагерь?

Уэстморленд

Да, сэр Джон. Боюсь, как бы нам не опоздать.

Ф а л ь с т а ф

Ладно.

К началу пира и к концу боя спешат
Проворный гость и ленивый солдат.

Уходят.

С Ц Е Н А 3

Лагерь мятежников близ Шрусбери.

Входят Хотспер, Вустер, Дуглас и Вернон.

Хотспер

Мы вступим в бой сегодня.

Вустер

Невозможно.

Дуглас

Врагу на пользу будет промедление.

Вернон

Нисколько.

Хотспер

Что вы говорите мне?
Иль подкреплений он не ждет?

Вернон

Мы — тоже.

Хотспер

Но он дождется их, а мы — едва ли.

Вустер

Совет мой вам: в бой нынче не вступать.

Вернон

Не следует, милорд.

Дуглас

Плох ваш совет:
Он страхом, слабостью внушен.

Вернон

Граф Дуглас,

Не клевете! Я клянусь вам жизнью
И подтвердить готов своею жизнью,
Что, коль ведет меня святая честь,
Такой же мне советник бледный страх,
Как вам и как любому из шотландцев.
Покажет завтра битва, кто из нас
Трусливей.

Дуглас

Иль сегодня!

Вернон

Как хотите.

Хотспер

Сегодня в ночь!

Вернон

Поймите, это невозможно. Право,
Дивлюсь, что вы, столь славные вожди,
Не видите препятствий к наступлению.
Кузен мой Вернон с конницей не прибыл.
Лишь нынче Вустера войска пришли,
И спит сейчас в солдатах гордый пыл,
Усталостью притуплена отвага,
И в каждом всаднике лишь четверть силы.

Хотспер

Но конница врага в таком же виде:
Измучена, ослаблена походом,
А наша уж порядком отдохнула.

Вустер

У короля гораздо больше войска.
Племянник, ради бога, подождем,
Пока все наши силы будут в сборе.

Звуки труб, возвещающие прибытие парламентаря. Входит сэр Уолтер Блент.

Блент

Я к вам от государя с доброй вестью,
Коль встречу здесь почтительный прием.

Хотспер

Привет, сэр Уолтер Блент. Свидетель бог,
Хотел бы я, чтоб вы примкнули к нам.
Вы дороги иным из нас, и, право,
Досадно им, что вы, при всех заслугах
И добром имени, сейчас не с нами,
А заодно с заклятыми врагами.

Блент

Избави бог уйти из их рядов
В годину бед, когда, презрев свой долг,
Вы боретесь с помазанником божьим.
Но к делу. Государь велел узнать,
В чем недовольство ваше и зачем вы
Из лона мира вызвали вражду,
Жестокости уча народ покорный.
Коль вашими заслугами король
Мог пренебречь — он их высоко ценит.—
Поведайте, чем недовольны вы,
И ваши все желания сейчас же
Исполнит он и подарит прощенье
И вам и всем, кто вовлечен в крамолу.

Хотспер

Король ваш добр; мы знаем, что король
Умеет выбрать час для обещаний
И для расплат. Отец, я сам и дядя
Ему вручили королевский сан.
Когда лишь двадцать человек с ним было,
В глазах у света был он слаб, ничтожен,
Изгнанник жалкий, кравшийся домой,—
На берегу его отец мой встретил.
Когда же он поклялся перед богом
С невинными слезами, пылкой речью,
Что прибыл он сюда лишь как Ланкастер
Принять свой лен, вступить в свои права, —
Отец по доброте, его жалея,
Ему помочь дал слово и сдержал.
Когда все лорды и бароны края
Узнали, что к нему Нортемберленд
Примкнул,— они явились на поклон,
И крупные и мелкие, встречали
Его в деревнях, селах, городах.
Теснились на мостах и на дорогах,

Дары вручали, приносили клятву,
Наследников ему в пажы давали,
Его сопровождали по пятам
Толпою раззолоченной. И вскоре,
Мошь осознав свою, перешагнул он
Через клятвы, что отверженцем несчастным
На берегу пустынном Ревенсперга
Давал отцу. И вот — подумать только! —
Взял на себя он преобразовать
Эдикты и суровые указы,
Что бременем лежали на стране;
Вдруг стал кричать о злоупотребленьях,
Притворно плакать о страданиях края,
И, правосудия надев личину,
Он завладел сердцами тех, кого
На удочку ловил. Пошел он дальше:
Снес головы любимцам короля,
Которых тот оставил править краем,
В Ирландию отправившись войной...

Б л е н т

Довольно. Не за гем сюда я прибыл,
Чтоб это слушать.

Х о т с п е р

Я сейчас кончаю.
Потом он свергнул короля с престола,
А вслед за тем лишил его и жизни;
И тотчас край обременил налогом.
А в довершение зла он потерпел,
Чтоб родственник его граф Марч — который
Сам был бы королем — в плену остался,
Покинутый без выкупа в Уэльсе.
Меня срамил он после всех побед,
Поймать меня старался чрез шпионов,
Прогнал сурово дядю из Совета,
Отца отставил в гневе от двора,
За клятвой нарушал он клятву, зло
Творил за злом — и вот принудил нас
В войне искать спасения. Мы вникли
В его права и видим: слишком шатки
Они, чтоб долго власть его терпеть.

Б л е н т

Такой ответ доставить королю?

Хотспер

Нет; мы обсудим все же это дело.
Идите к королю, пусть даст поруку,
Что наш посол вернется невредимым,—
И дядя утром сообщит ему
Условия наши. А затем прощайте.

Блент

Хотел бы, чтобы приняли вы милость.

Хотспер

Возможно, что и примем.

Блент

Дай-то бог.

Уходят.

СЦЕНА 4

Йорк. Архиепископский дворец.

Входят архиепископ Йоркский и сэр Майкл.

Архиепископ

Скорей, сэр Майкл. Тот пакет с печатью
Быстрее птицы маршалу доставьте,
А этот — брату Скрупу, остальные ж —
По назначению. Если б знали вы,
Как важны письма, вы бы поспешили.

Сэр Майкл

Я содержание их
Угадываю, добрый лорд.

Архиепископ

Возможно.

Сэр Майкл, завтра десять тысяч смертных
Судьбы своей решения будут ждать
Под Шрусбери; как я узнал из писем,
Король, собрав поспешно много войск,
Сразится с лордом Гарри, и боюсь,
Сэр Майкл, что болезнь Нортемберленда.
На чьи войска рассчитывали так,
И вместе с тем отсутствие Глендаура,

Который также был их крепкой мышцей,
Но не пришел, удержан предсказаньем.—
Боюсь, что это все ослабит Перси,
И он не примет битвы с королем.

Сэр Майкл

Мой добрый лорд, не бойтесь:
Ведь там и Дуглас и лорд Мортимер.

Архиепископ

Там Мортимера нет.

Сэр Майкл

Но есть Мордек и Вернон, Гарри Перси,
Лорд Вустер также и большая рать
Бойцов отважных, доблестных дворян.

Архиепископ

Все это так. Но все ж король собрал
Цвет рыцарства со всех концов страны:
С ним принц Уэльский и принц Джон Ланкастер,
Отважный Уэстморленд и славный Блент
И множество соратников отменных,
Прославленных, испытанных вождей.

Сэр Майкл

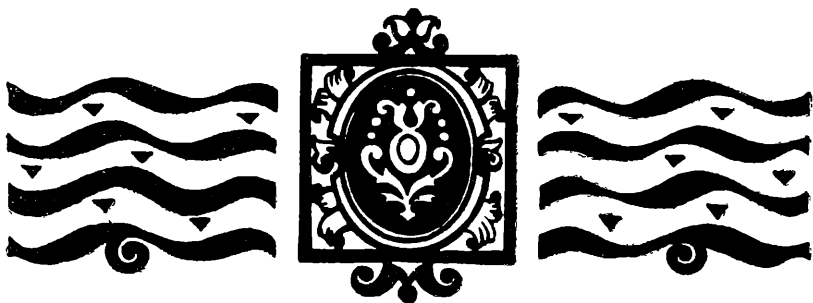
Милорд, поверьте, им дадут отпор.

Архиепископ

Надеюсь; но уместны опасенья.
Чтоб худшее предотвратить, спешите.
Ведь, коль победу не одержит Перси,
Король, пред тем как распустить войска,
Намерен посетить нас — он узнал,
Что в заговоре мы, — и будет мудро
Для обороны укрепиться нам.
Итак, спешите. Я пойду писать
Другим друзьям. Прощайте же, сэр Майкл.

Уходят.

А К Т V

СЦЕНА 1

Королевский лагерь под Шрусбери.

Входят король Генрих, принц Джон Ланкастерский, сэр
Уолтер Блент и сэр Джон Фальстаф.

Король Генрих

В каком кровавом блеске всходит солнце
Из-за холмов лесистых! День бледнеет
В его зловещем свете.

Принц Генрих

Южный ветер

Трубит, вещая солнца приговор,
И шелестом глухим листвы и свистом
Грозу пророчит нам и ураган.

Король Генрих

Соболезнует ветер побежденным;
Для победителей нет мрачных дней.

Трубы.

Входят Вустер и Вернон.

Ну что, лорд Вустер? Грустно, что мы с вами
Встречаемся в подобной обстановке.
Доверье наше обманули вы,
Принудив нас одежды мира сбросить

И члены старые сковать броней.
Прискорбно это все, милорд, прискорбно.
Что скажете вы нам? Иль вы решили
Войны проклятый узел развязать
И возвратиться в мирную орбиту,
Где ярким и естественным сияньем
Блестали вы? И быть вы не хотите
Явлением зловещим, метеором,
Предвестником грядущих грозных бед?

В у с т е р

Прошу вас выслушать меня, король.
Что до меня, я был бы рад, поверьте,
Остаток дней моих прожить в покое;
Я заявляю: не искал я распри.

К о р о л ь Г е н р и х

Вы не искали? Но откуда ж распри?

Ф а л ь с т а ф

Бунт на пути валялся,— он и поднял.

П р и н ц Г е н р и х

Молчи, молчи, сорока!

В у с т е р

Вы отвратили недовольный взор
От нашего семейства, государь.
А между тем, напомню, были мы
Вам первыми, ближайшими друзьями.
Я ради вас переломил свой жезл
В дни Ричарда; скакал и день и ночь,
Чтоб встретить вас, поцеловать вам руку,
Хоть по значению в стране и сану
Стоял я несравненно выше вас.
Я, брат мой и племянник возвратили
Вам родину, отважно бросив вызов
Опасностям. А вы нам поклялись —
В Донкастере вы дали эту клятву,—
Что посягать не станете на трон
И требовать намерены по праву
Лишь герцогство, наследье Джона Ганта.
Клялись мы в этом вам помочь. Но вскоре,
Как ливень, счастье пролилось на вас,
Поток величья хлынул; все тут было:

Отсутствие монарха, наша помощь,
Неправды тех разнузданных годин,
Страданий мнимых ваших ореол,
Противный ветер, у берегов ирландских
Так задержавший Ричарда в походе,
Что в Англии сочли его умершим.
Вы дивный рой удач не упустили,
Пленить сумели все сердца и вскоре
Добились, чтобы вам вручили скипетр.
Забыли вы донкастерскую клятву,
И, хоть вскормили мы величье ваше,
Вы поступили с нами, государь,
Как с воробьем птенец кукушки злобный:
Нас принялись теснить в родном гнезде.
От нашей пищи так вы разрослись,
Что к вам любовь приблизиться не смела
Из страха быть проглоченной. Пришлось нам,
Спасаясь, быстро улететь от вас
И собирать войска. Итак, вы сами
Против себя оружие сковали
Угрозами, обидным обращеньем
И нарушеньем клятв, что нам вы дали
В те дни, когда был замысел ваш юн.

Король Генрих

Да, вы уже об этом разгласили;
На площадях читали и в церквах,
Чтобы наряд восстанья приукрасить
Отделкой яркою, пленяя взор
Изменчивых глупцов и недовольных,
Что, рот разинув, потирают руки
При всякой новой бурной суматохе.
Бунт не терпел от века недостатка
В дешевых красках, чтоб раскрасить цели,
И в злобных нищих, жаждущих всегда
Кровопрлитных смут и беспорядков.

Принц Генрих

В обеих армиях немало душ
За наш раздор поплатятся сурово,
Коль до борьбы дойдет. Скажите Перси,
Что принц Уэльский, вторя мненью света,
Хвалить его готов. Клянусь душою,—
Коль в стороне мятеж оставить этот,—
Что средь дворян не сыщется такой

Отважно юный, ревностно отважный,
Бесстрашный рыцарь, что украсить мог бы,
Как Перси, подвигами наше время.
Что до меня, то, к своему стыду,
Я до сих пор был рыцарь нерадивый,
И он такого ж мненья обо мне.
Но заявляю пред лицом монарха:
Все превосходство Перси признавая,
Его деянья громкие и славу,
Намерен я, чтоб кровь солдат сберечь,
С ним счастья попытать в единоборстве.

Король Генрих

Даем тебе согласие, принц Уэльский,
Хоть для отказа много есть причин.—
Нет, Вустер, нет, мы любим свой народ,
И даже те нам дороги, которых
С дороги правой Перси совратил.
Мы предложили милость им; коль примут,—
И он, и вы, и все, да каждый станет
Опять мне другом, как и я — ему.
Так передайте Перси и ответ
Мне сообщите: что предпримет он?
Но, если он не покорится, знайте:
У нас в руках возмездие и кара,
И мы прибегнем к ним. Идите с богом.
Не станем слушать ваши возраженья.
Примите, поразмыслив, предложенье.

Вустер и Вернон уходят.

Принц Генрих

Клянусь душой, они его отвергнут.
Ведь Хотспер с Дугласом, объединясь,
Дерзнут вдвоем сразиться с целым миром.

Король Генрих

Итак, к своим отрядам, полководцы!
Ответ их получив, мы бой начнем,
И помоги нам, боже, в правом деле!

Все, кроме принца Генриха и Фальстафа, уходят.

Фальстаф

Хел, если ты увидишь во время битвы, что я упал, то, пожалуйста, прикрой меня своим телом: это будет дружеская услуга.

Принц Генрих

Только колосс может оказать тебе эту дружескую услугу. Прочитай молитвы и прощай.

Фальстаф

Хотел бы я, Хел, чтобы сейчас можно было лечь спать, зная, что все кончилось благополучно.

Принц Генрих

Но ведь ты должен заплатить богу дань смерти. (*Уходит.*)

Фальстаф

Еще срок не пришел, и у меня нет охоты отдавать жизнь раньше времени. К чему мне торопиться, если бог не требует ее у меня? Пусть так, но честь меня окрыляет. А что если честь меня обескрылит, когда я пойду в бой? Что тогда? Может честь приставить мне ногу? Нет. Или руку? Нет. Или унять боль от раны? Нет. Значит, честь — плохой хирург? Безусловно. Что же такое честь? Слово. Что же заключено в этом слове? Воздух. Хорош барыш! Кто обладает честью? Тот, кто умер в среду. А он чувствует ее? Нет. Слышит ее? Нет. Значит, честь неошутима? Для мертвого — неошутима. Но, быть может, она будет жить среди живых? Нет. Почему? Злословие не допустит этого. Вот почему честь мне не нужна. Она не более как щит с гербом, который несут за гробом. Вот и весь сказ. (*Уходит.*)

СЦЕНА 2

Лагерь мятежников.

Входят Вустер и Вернон.

Вустер

О нет, племянник мой не должен знать
О добром предложенье государя.

Вернон

Пусть знает он.

Вустер

Тогда погибли мы.
Невероятно, быть того не может,
Чтоб слово данное сдержал король:
Подозревать нас будет и, бесспорно,

При случае отмстит нам за обиду.
Косого взгляда с нас не спустит подозренье.
Измене доверяют, как лисе,
Что, хоть ручна и в холе за решеткой,
Все ж сохраняет предков дикий нрав.
Смотреть мы будем весело иль грустно,—
Перетолкуют криво наши взоры.
И будем жить мы, как быки в хлеву:
Тем больше холят их, чем ближе смерть.
Проступок Гарри может быть забыт;
Его оправдывает юность. пыл
И прозвище, что носит он по праву,—
Горячей Шпоры, движимой порывом.
Его грехи все на меня падут
И на отца: его мы воспитали,
И, раз его испорченность от нас,
Мы, как источник зла, за все заплатим.
Поэтому. кузен, пускай наш Гарри
О предложение короля не знает.

Вернон

Скажите что угодно,— я готов
Все подтвердить. Вот он.

Входят Хотспер и Дуглас.

Хотспер

Вернулся дядя.— Лорда Уэстморленда
Освободить.— Какие вести, дядя?

Вустер

Король немедленно сражение даст.

Дуглас

Ему пошлите вызов с Уэстморлендом.

Хотспер

Об этом, Дуглас, вы ему скажите.

Дуглас

Что ж, и скажу, скажу весьма охотно.

(Уходит.)

В у с т е р

Не видно милосердья в короле.

Хотспер

О нем просили вы? Помилуй бог!

В у с т е р

Я мягко наши изложил обиды,
Сказал, что он нарушил клятвы; он же
Солгал, поклявшись, что сдержал все клятвы;
Он называет нас бунтовщиками,
Изменниками, угрожает нас
Оружием державным покарать.

Входит Д у г л а с.

Д у г л а с

К оружию, рыцари! К оружию! Бросил
Я гордый вызов Генриху в лицо.
Отнес его заложник Уэстморленд;
Король немедля нападет на нас.

В у с т е р

(Хотсперу)

В присутствии монарха принц Уэльский
На поединок вызов вам послал.

Хотспер

О, если б можно было поединком
Наш спор уладить! Если б задыхаться
В бою лишь мне да принцу! Но скажи,
Как бросил Гарри вызов мне? С презреньем?

В е р н о н

О нет, клянусь моей душою. В жизни
Скромнее вызова я не слышал;
Казалось, брата вызывает брат
Померяться оружием в мирной схватке.
Он справедливость отдал вам во всем;
Хвалу воздал вам с красноречьем принца;
Как хроника, перечислял деянья,
Вознес вас выше всех похвал, прибавив,
Что нет похвал, заслугам вашим равных;
И с благородством истинного принца,
Краснея, начал порицать себя.

Так за распушенность себя бранил он,
Что в нем, казалось, говорили двое —
Учитель и питомец. Тут он смолк;
Но всем и каждому хочу сказать,
Что, если день вражды переживет он,
Еще никто не подавал отчизне
Таких надежд, которые так резко
Противоречат буйству юных дней.

Хотспер

Кузен, мне кажется, влюбился ты
В его безумства; в жизни не слышал я
О принце, столь неистово развратном.
Но, плох он иль хорош, его сегодня
В объятия рыцарские заключу,
И содрогнется он от ласк моих.—
К оружию все! Товарищи, друзья,
Солдаты, долг зажжет в вас рвенье лучше,
Чем речь моя; лишен я дара слова.

Входит первый гонец.

Первый гонец

Милорд, вот письма к вам.

Хотспер

Нет времени читать.—
Друзья мои, короток жизни срок!
Но если б жизнь на стрелке часовой
Верхом скакала и чрез час кончалась,
И то сочли б мы эту краткость долгой,
Когда бы прожили ее бесславно.
Коль будем жить, так свергнем королей,
А коль умрем, погибнут с нами принцы!
Нам совесть говорит: оружие свято,
Когда за правду поднято оно.

Входит второй гонец.

Второй гонец

Милорд, король подходит; приготовьтесь!

Хотспер

Спасибо, что меня он перебил,—
Не мастер говорить я. Лишь два слова:
Пусть долг исполнит каждый. Обнажаю

Свой меч, чтобы клинок его окрасить
Знатнейшей кровью,— с ней сегодня встречусь
В превратностях смертельных лютой битвы.
О Еспéгапсе! Перси! И вперед!
Пусть грозно грянут боевые трубы!
Под звуки их обнимемся, друзья!
Готов поставить небо против персти,
Что многие прощаются навек.

Трубы.

Они обнимаются и уходят.

С Ц Е Н А 3

Равнина между двумя лагерями.

Шум битвы.

Входят с разных сторон Дуглас и сэр Уолтер Блент.

Б л е н т

Скажи, кто ты, что в битве так упорно
Преследуешь меня? Иль ищешь славы,
За головой моей охотясь?

Д у г л а с

Знай,
Я Дуглас. За тобой гоняюсь в битве
Затем, что мне сказали: ты король.

Б л е н т

Тебе сказали правду.

Д у г л а с

За сходство с королем уж заплатился
Лорд Стаффорд. Я в бою пронзил его
Мечом взамен тебя. И то же, Гарри,
Тебе грозит, коль мне не сдашься в плен.

Б л е н т

Я не затем рожден, шотландец гордый,
Чтоб в плен сдаваться. Отомстит король
За Стаффорда!

Они сражаются. Дуглас убивает Блента.

Входит Хотспер.

Хотспер

Когда бы так при Холмдоне ты бился,
Ни одного б шотландца я не взял.

Дуглас

Конец! Победа! Вот король убитый!

Хотспер

Где?

Дуглас

Здесь.

Хотспер

Здесь, Дуглас? Нет, его лицо я знаю:
То славный рыцарь был, сэр Уолтер Блент;
В таких же он доспехах, как король.

Дуглас

Так шут с твоей душой, чтоб ей погибнуть!
Ты отдал дорого за сан заемный.
Зачем себя назвал ты королем?

Хотспер

У многих королевские доспехи.

Дуглас

Клянусь, я изрублю его доспехи,
Я искрошу весь гардероб его,
Пока не встречу короля!

Хотспер

Вперед!

Войска храбры. День славу принесет.

Уходят.

Шум битвы.

Входит Фальстаф.

Фальстаф

Хоть мне и удалось ускользнуть из Лондона, не уплатив по счетам, здесь я боюсь расплаты; ведь здесь сводят счета лишь ударами по башке... Постой! Кто это такой? Сэр Уолтер Блент! Вот вы и добились чести! Разве это не суета сует? Я горяч, как расплавленный свинец, и так же тяжел. Огради бог мою утробу

от свинца! Хватит с меня тяжести собственных потрохов. Я поставил своих оборванцев на такое место, где их живо искрошили; из полутора ста остались в живых лишь трое, да и те годны теперь лишь на то, чтобы остаток дней просить милостыню у городских ворот. Но кто это идет сюда?

Входит принц Генрих.

Принц Генрих

Что ты стоишь здесь праздну? Дай мне меч.
Немало рыцарей лежат недвижно,
И враг хвастливый попирает их
Копытами коней; отмщу за них. Дай меч.

Фальстаф

О Хел, прошу тебя, дай мне перевести дух. Сам султан Григорий не совершал таких бранных подвигов, как я сегодня. Я разделался с Перси: он вышел из строя.

Принц Генрих

Ну нет, он в строю и намерен тебя убить. Одолжи мне, пожалуйста, свой меч.

Фальстаф

Нет, видит бог, Хел, если Перси еще жив, ты не получишь моего меча. Если хочешь, возьми мой пистолет.

Принц Генрих

Давай мне его. Как? Он в кобуре?

Фальстаф

Да, Хел, он горяч, так горяч, что может сжечь целый город.

Принц Генрих вытаскивает из кобуры бутылку хереса.

Принц Генрих

Теперь не время для забав и шуток!
(Швыряет в Фальстафа бутылку и уходит.)

Фальстаф

Ладно, если Перси жив, я задам ему перцу. Конечно, если он попадется мне под руку. Если же нет, если я сам ему подвернусь,— пусть превратит меня в ростбиф. Не надо мне такой загробной чести, какой добился сэр Уолтер Блент. Я хочу жить, и, если смогу спасти жизнь,— отлично, если же нет, то честь придется незваной, и тогда всему конец. (Уходит.)

СЦЕНА 4

Другая часть поля сражения.

Шум битвы. Стычки.

Входят король Генрих, принц Генрих, принц Джон
Ланкастерский и Уэстморленд.

Король Генрих

Прошу тебя,
Мой Гарри, удались; ты весь изранен.—
И ты уйди с ним вместе, Джон Ланкастер.

Принц Джон

Нет, государь, пролью сперва я кровь.

Принц Генрих

Молю вас, государь, вернитесь к войску,—
Отсутствием своим друзей смутите.

Король Генрих

Сейчас пойду.
Тебя проводит Уэстморленд в палатку.

Уэстморленд

Идемте, принц, я вас сведу в палатку.

Принц Генрих

Меня, милорд? Мне помощь не нужна.
Не приведи господь, чтоб принц Уэльский
Из-за царапины покинул поле,
Где в прахе трупы рыцарей лежат
И торжествуют в бойне бунтари!

Принц Джон

Довольно отдыхать, лорд Уэстморленд.
Зовет нас долг — идемте, ради бога!

Принц Джон Уэстморленд уходит.

Принц Генрих

Клянусь, в тебе ошибся я, Ланкастер:
Не знал я, что в тебе столь гордый дух.
Джон, раньше я любил тебя как брата —
Теперь ты мне души моей дороже.

Король Генрих

Я видел, как свой меч скрестил он с Перси,
Отважный пыл являя, необычный
В столь юном воине.

Принц Генрих

О, этот мальчик
Нас окрыляет всех.

(Уходит.)

Входит Дуглас.

Дуглас

Опять король! Как головы у гидры,
Они растут! Я Дуглас, роковой
Для всех, носящих латы короля!
Кто ты, принявший короля обличье?

Король Генрих

Я сам король. Скорблю душою, Дуглас,
Что до сих пор мои встречал ты тени,
Но не меня. Моих два юных сына
Тебя и Перси ищут в вихре битвы.
Но коль тебя я, к счастью, повстречал,
С тобой в борьбе померюсь. Защищайся!

Дуглас

Боюсь, что вновь передо мной подделка.
Но все ж себя ты держишь королем.
Уверен я, ты — мой, кто б ни был ты.
С тобой справлюсь!

Сражаются. В ту минуту, когда королю угрожает опасность, возвращается принц Генрих.

Принц Генрих

Шотландец мерзкий, повернись ко мне,
Иль впредь не повернешь ты головы!
В мое оружие вселились души
Отважных Шерли, Стаффорда и Блента.
Тебе бросает вызов принц Уэльский,
Который верен слову своему.

Они сражаются. Дуглас бежит.

П р и н ц Г е н р и х

Что с вами, добрый государь? Мужайтесь!
Сэр Никлас Гауси помощи просил,
А также Клифтон: я к нему спешу.

К о р о л ь Г е н р и х

Постой, передохни немного.
Ты доказал, придя ко мне на помощь,
Что жизнь моя тебе безразлична.

П р и н ц Г е н р и х

О боже, как меня оклеветали
Твердившие, что жажду вашей смерти!
Ведь если б было так, я прочь ушел бы
И с Дугласом оставил вас одних,
А он своею дерзостной рукой
Так быстро причинил бы вам конец,
Как самый смертоносный в мире яд,
Меня избавив от трудов преступных.

К о р о л ь Г е н р и х

Ты, Гарри, к Клифтону спешь, я — к Гауси.

(Уходит.)

Входит Хотспер.

Х о т с п е р

Коль не ошибся я, ты — Гарри Монмут.

П р и н ц Г е н р и х

Иль ждешь, чтоб я от имени отрекся?

Х о т с п е р

Я — Гарри Перси.

П р и н ц Г е н р и х

Значит, пред собой
Мятежника прославленного вижу.
Я — принц Уэльский; и не думай, Гарри,
Что впредь со мной делить ты будешь славу:
Двум звездам не блистать в одной орбите,
И принц Уэльский вместе с Гарри Перси
Не могут властвовать в одной стране.

Хотспер

Сказал ты правду: смертный час пробьет
Для одного из нас,— и я хотел бы,
Чтоб славой. Гарри, ты был равен мне!

Принц Генрих

Я превзойду тебя на этом поле.
Сорву я лавры с шлема твоего,
Свое чело победно увенчаю.

Хотспер

Не потеряю я твоего бахвальства!

Сражаются.

Входит Фальстаф.

Фальстаф

Здорово сказано, Хел! Валий, Хел! Да, это тебе не детская игра, смею тебя уверить!

Возвращается Дуглас; он сражается с Фальстафом, который падает, притворившись мертвым.

Дуглас уходит.

Хотспер

(падает раненый)

О Гарри, ты мою похитил юность!
Охотней я расстанусь с брэнной жизнью,
Чем с блеском доблести, что отнял ты.
Мне это ранит мысль больней, чем тело.
Но мысль — рабыня жизни, жизнь — игрушка
Для времени, а время — страж вселенной —
Когда-нибудь придет к концу. О, мог бы
Пророчества теперь я изрекать,
Но холодная рука тлетворной смерти
Связала мне язык. Нет, Перси, ты —
Лишь пища для...

(Умирает.)

Принц Генрих

Червей, отважный Перси. Гордый дух,
Прощай! Как быстро сжалось честолюбье,
Подобно дурно сотканной одежде!
Когда вмещало это тело дух,
Ему и королевства было мало,
Теперь же двух шагов земли презренной

Ему достаточно. Здесь, на земле,
В живых нет равного тебе героя!
Когда б ты мог внимать моей хвале,
Ее так щедро я не расточал бы.
Я искаженные твои черты
Прикрою шарфом и, обряд свершив
Прекрасной дружбы, от тебя воздам
Я сам себе за это благодарность.
Прощай! Возьми хвалы с собой на небо,
А твой позор с тобой уснет в могиле,
Не будет в эпитафии помянут.

(Замечает Фальстафа, лежащего на земле.)

А, старый друг! Как! В этой груди мяса
Нет капли жизни? Бедный Джек, прощай!
Ты мне дороже был мужей достойных.
О, я уход оплакивал бы твой,
Когда б не распростился с суетой.
Столь жирной дичи смерть не поражала,
Хоть многим славным в битве взор смежала.
Пока тебя не выпотрошат, Джон,
Покойся тут, в кровь Перси погружен.

(Уходит.)

Ф а л ь с т а ф

Выпотрошат! Если меня сегодня выпотрошат, то завтра я тебе разрешаю посолить меня и съесть. Черт подери, вовремя я прикинулся мертвым, иначе этот неистовый шотландец мигом вышиб бы из меня дух. Притворился? Ну, это я соврал: и не думал я притворяться. Умереть — вот это значит притвориться, потому что тот, в ком нет жизни, — лишь подобие человека. Но притвориться мертвым. в то время как ты жив, значит вовсе даже и не притворяться, а быть подлинным и совершенным воплощением жизни. Главное достоинство храбрости — благоразумие, и именно оно спасло мне жизнь. Черт возьми, я таки побаиваюсь этого головореза Перси, хоть он и мертв. А что если он тоже притворился и вдруг возьмет да встанет? Ей-богу, боюсь, как бы он не оказался еще большим притворщиком, чем я. Поэтому лучше уж я добыю его; а потом стану клясться, что это я его убил. Почему бы ему не встать, как это сделал я? Меня могут обличить только глаза, а здесь меня никто не видит. Поэтому вот тебе, братец! *(Колет групп.)* А теперь, после этой новой раны в бедро, прошу пожаловать за мной. *(Взваливает групп Хотспера себе на спину.)*

Входят принц Генрих и принц Джон Ланкастерский.

Принц Генрих

Идем, брат Джон; ты девственный свой меч
Отважно кровью обагрил.

Принц Джон

Постой!

Что это? Разве мне не говорил ты,
Что видел толстяка сегодня мертвым?

Принц Генрих

Ну да, его я видел мертвым;
Лежал он весь в крови и бездыханный.—
Ты жив? Иль то игра воображенья?
Заговори! Коль слух не подтвердит,
Одним глазам не верим. Ты не призрак?

Фальстаф

Ну нет, я Джек Фальстаф без всякого обмана, и нет у меня
никакого двойника. Вот ваш Перси. *(Бросает труп на землю.)*
Если ваш отец вознаградит меня по заслугам, отлично; если же
нет, то пускай сам убивает второго Перси. Я рассчитываю теперь
стать либо графом, либо герцогом, смею вас уверить.

Принц Генрих

Как так? Я сам убил Перси, а тебя видел мертвым.

Фальстаф

В самом деле? Боже, боже, до чего изолгался свет! Не отрицаю, я лежал на земле бездыханным, и он тоже; но мы вскочили оба в один и тот же миг и сражались добрый час по шрусберийским часам. Если ты мне веришь, отлично, если же нет — да падет грех на голову тех, кто должен был бы вознаградить доблесть! Умереть мне на месте, если я не нанес ему вот эту рану в бедро! Если бы он ожил и стал отрицать это, я заставил бы его проглотить кусок своего меча.

Принц Джон

Я в жизни не слышал чудней рассказа.

Принц Генрих

Я не встречал чуднее молодца.—
Бери свой груз и с важностью гаши.

Что до меня, раз ложь тебе на пользу,
Ее согласен я раззолотить.

Трубят отбой.

Трубят отбой. Победу мы сгяжали.
Взойдем на холм, брат Джон, чтоб увидеть,
Кто из друзей остался жив, кто пал.

Принц Генрих и принц Джон уходят.

Фальстаф

Пойду за ними,— кажется, речь идет о награде. Награди боже того, кто меня паградит! Если меня возвеличат, я уменьшусь в объеме, потому что стану принимать слабительное, брошу пить херес и буду жить прилично, как подобает вельможе. (*Уходит.*)

СЦЕНА 5

Другая часть поля сражения.

Трубы.

Входят король Генрих, принц Генрих, принц Джон Ланкастерский, Уэстморленд и другие; за ними Вустер и Вернон под стражей.

Король Генрих

Всегда мятеж встречает воздаянье.—
Зловредный Вустер! Иль не предлагали
Мы всем прощение в ласковых словах?
Зачем ты извратил посластье наше,
Доверьем Перси злоупотребив?
Три наших рыцаря убиты нынче;
Отважный граф и воинов немало
Остались бы в живых,
Когда бы честно ты, по-христиански
Переговоры вел меж двух сторон.

Вустер

Себя спасая, так я поступил.
Спокойно я приму свою судьбу,
Раз неизбежное меня постигло.

Король Генрих

Его и Вернона казнить немедля,
Решим потом других виновных участь.
Вустер и Вернон уходят под стражей.
Что там на поле битвы?

П р и н ц Г е н р и х

Когда увидел благородный Дуглас,
Что отвернулось счастье от него,
Что славный Перси пал и что бегут
Его солдаты,— обратился в бегство,
Но сорвался с горы и так расшибся,
Что был захвачен в плен. В моей палатке
Теперь граф Дуглас. Государь, прошу вас,
Позвольте мне распорядиться им.

К о р о л ь Г е н р и х

Даю согласие от души.

П р и н ц Г е н р и х

Брат Джон,

Тебе предоставляю эту честь:
Отправься к Дугласу и отпусти
Без выкупа шотландца на свободу.
Он мужество свое запечатлел
На шлемах наших нынче, научив нас
И во врагах геройство уважать.

П р и н ц Д ж о н

Благодарю вас, брат, за порученье;
Его исполню я без промедленья.

К о р о л ь Г е н р и х

Теперь должны мы войско разделить.—
Ты, сын мой Джон, и ты, мой Уэсморленд,
Со всей поспешностью направьесь в Йорк —
Навстречу Скрупу и Нортемберленду,
Поднявшим меч, как сообщили нам.
Мы с принцем Гарри двинемся в Уэльс —
Сразимся с графом Марчем и Глендауром.
В стране угаснет мятежа пожар,
Коль встретит он второй такой удар.
Не отдохнем, на путь победный встав,
Пока не возвратим всех наших прав.

Уходят.

ГЕНРИХ IV
ЧАСТЬ ВТОРАЯ

**Перевод
Е. БИРУКОВОЙ**

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Молва (Пролог).

Король Генрих IV.

Генрих, принц Уэльский, впоследствии король Генрих V Томас, герцог Кларенс Джон, принц Ланкастерский Хемфри, принц Глостер	}	его сыновья.
--	---	--------------

Граф Уорик

Граф Уэстморленд

Граф Серри

Гауэр

Харкорт

Блент

} приверженцы короля.

Верховный судья.

Помощник верховного судьи.

Граф Нортемберленд

Ричард Скруп, архие-

пископ Йоркский

Лорд Маубрей

Лорд Хестингс

Лорд Бардольф

Сэр Джон Кольвиль

} противники короля.

Треверс

Мортон

} приближенные Нортемберленда.

Сэр Джон Фальстаф.

Паж Фальстафа.

Бардольф.

Пистоль.

Пойнс.

Пето.

Шеллоу

Сайленс

} деревенские судьи.

Девы, слуга Шеллоу.

Плесень

Тень

Бородавка

Мозгляк

Бычок

Фенг

Снер

Леди Нортемберленд.

Леди Перси.

Миссис Куикли, хозяйка трактира в Ист-чипе.

Долль Тершит.

Танцовщик (Эплилог).

Лорды, свита, офицеры, солдаты,
привратник, полицейские, гонцы,
слуги, сторожа, конюхи и т. д.

Место действия — Англия.

ПРОЛОГ

Уоркуорт. Перед замком Нортемберленда.
Входит Молва в одежде, сплошь разрисованной языками.

Молва

Внимайте все. Кто зажимает уши,
Когда гремит Молвы громовый голос?
Я к западу понурому с востока
На ветре мчусь, как на коне почтовом,
И разглашаю обо всех деяньях,
Готовых совершиться на земле.
На языках моих трепещет ложь;
Ее кричу на всех людских наречьях,
Слух наполняя вздорными вестями.
Про мир толкую, а меж тем вражда
С улыбкой кроткой втайне мир терзает.
И кто, как не Молва, кто, как не я,
Велит собрать войска для обороны,
Когда утроба времени чревата
Иной бедой, а не войной свирепой,
Как думается вам? Молва — труба;
В нее дудят догадки, подозренья
И зависть; так легко в нее трубить,
Что даже страшный многоглавый зверь —
Изменчивая, бурная толпа —
На ней играет. Но зачем я стапу
Здесь разбирать по косточкам себя?

Я мчусь пред королем, победу славя,
Что на кровавом поле шрусберийском
Он одержал над Хотспером младым,
Огонь восстанья дерзкого залил
Повстанцев кровью. Почему, однако,
Я вздумала сказать вам сразу правду?
Должна я раструбить, что Гарри Монмут
Пал от меча прославленного Перси
И что сраженный Дугласом король
Склонился гордой головой пред смертью.
Я разгласила это по селеньям
От царственного поля Шрусбери
До ветхих стен, источенных червями,
Где Хотспера отец Нортемберленд
Лежит в притворной хвори. Мчатся к замку
Усталые гонцы и все приносят
Лишь вести, что слышали от меня,—
Из лживых уст Молвы рассказ отрадный,
Что много хуже правды беспощадной.

(Уходит.)

АКТ I

СЦЕНА 1

Там же.

Входит лорд Бардольф.

Лорд Бардольф

Эй! Кто ворота стережет? Где граф?

Привратник отворяет ворота.

Привратник

Как графу доложить о вас?

Лорд Бардольф

Скажи:

Лорд Бардольф ожидает здесь его.

Привратник

Их милость прогуляться в сад пошли.

Благоволите постучать в ворота,

И граф ответит лично вам.

Входит Нортемберленд.

Лорд Бардольф

Вот он.

Привратник уходит.

Н ор т е м б е р л е н д

Чго скажете, лорд Бардольф? Каждый миг
Кровавые события порождает.

Година смут! Раздор, как борзый конь
Раскормленный, порвал узду и бурно
Несется вскачь, все на пути круша.

Л о р д Б а р д о л ь ф

Граф благородный, я из Шрусбери
Известия верные привез.

Н ор т е м б е р л е н д

Дай бог

Вестей хороших!

Л о р д Б а р д о л ь ф

Лучших не бывает.

Король едва ли не смергельно ранен;
Убит на месте вашим храбрым сыном
Принц Гарри; оба Бленга сражены
Рукою Дугласа; принц юный Джон
Бежал со Стаффордом и Уэстморлендом;
А боров Гарри Монмута — сэр Джон —
Взят лордом Перси в плен. Такой победой,
Такой борьбой, деяньями такими
Еще не украшались времена
С дней Цезаря.

Н ор т е м б е р л е н д

Откуда эти вести?

Вы были в Шрусбери? На поле битвы?

Л о р д Б а р д о л ь ф

Я говорил с приехавшим оттуда
Почтенным, родовитым дворянином.
Ручался он за правду слов своих.

Н ор т е м б е р л е н д

А вот и Треверс. мой слуга; во вторник
За новостями я его отпирал.

Входит Треверс.

Л о р д Б а р д о л ь ф

Милорд, я обогнал его в дороге,

И знает он не более того,
Что от меня ему пришлось услышать.

Нортемберленд

Ну, Треверс, чем порадуешь ты нас?

Треверс

Милорд, меня с пути вернул назад
С хорошей вестью сэр Джон Эмфревиль.
Он обскакал меня, затем что конь
Под ним резвее был. Но вот я вижу:
Другой несется всадник вслед за ним
Во весь опор, измученный; коня
Остановил, чтоб дать ему вздохнуть
И у меня узнать дорогу в Честер.
Спросил я о вестях из Шрусбери.
Ответил он, что сломлено восстание
И шпора Перси юного остыла.
Тут, опустив поводья и нагнувшись,
До половины шпоры он вонзил
В дрожащие бока несчастной твари
И вскачь ее пустил, не дожидаясь
Моих расспросов, словно пожирая
Пространство.

Нортемберленд

Что такое? Повтори!

Сказал он, что остыла шпора Перси?
Он из Горячей Шпоры стал Холодной?
Восстание сломлено?

Лорд Бардольф

Милорд, поверьте:

Когда ваш сын не одержал победы,
Готов отдать я все свои владенья
За шелковый шнурок, — клянусь в том честью;
И не о чем тут больше толковать.

Нортемберленд

Но почему тот встречный дворянин
О поражение сообщил?

Лорд Бардольф

Но кто он?

То, верно, был какой-то проходимец,

Что на коне ворованном скакал;
Сказал он наобум. Вот новый вестник.

Входит Мортон.

Нортемберленд

Его лицо, как лист заглавный книги,
Трагическую повесть предвещает;
Так берег выглядит, когда оставил
На нем следы набег мятежных волн.
Скажи мне, Мортон, ты из Шрусбери?

Мортон

Из Шрусбери бежал я, славный лорд,
Где маску грозную надела смерть,
Чтоб наших утрашить.

Нортемберленд

А что же сын мой?

И брат? Ты весь дрожишь, и бледность щек
Скорее, чем язык, про все расскажет.
Такой же вестник, слабый, павший духом,
Смертельно бледный, сломленный печалью,
Во тьме ночной отдернул полог ложа
Царя Приама, чтоб ему поведать,
Что в пламени пол-Трои; но Приам
Огонь увидел прежде слов гонца.
Так я — смерть Перси раньше, чем ты молвил.
Ты скажешь: «Сын ваш то свершил и это,
Так бился брат ваш, так достойный Дуглас»,
Хвалами жадный слух мой оглушая;
Потом, чтоб оглушить меня совсем,
Прервешь единым вздохом похвалы.
Сказав: «Ваш брат, и сын, и все убиты».

Мортон

Нет, Дуглас жив, и жив ваш брат покамест,
Но, что до сына вашего...

Нортемберленд

Он мертв!

Ты видишь, как догадлива тревога.
Кто услышать боится весть дурную,
Чутьем в глазах другого прочитает,
Что совершилось то, чего страшился.

Все ж, Мортон, говори; скажи, что граф твой
Предчувствием обманут,— и желанной
Ошибке я порадуюсь и щедро
Тебя за ту обиду награжу.

М о р т о н

Вы слишком высоки, чтоб вам перечить:
Ваш страх не без причин, вы не ошиблись.

Н о р т е м б е р л е н д

И все ж не говори, что Перси мертв.
В твоих глазах признание читаю.
Ты головой качаешь, словно правду
Сказать грешно иль страшно. Коль убит он,
Скажи; не оскорбит меня язык,
Который сообщит про смерть его.
Грех оболгать умершего; не грех
Сказать, что нет в живых того, кто умер.
Однако приносить дурные вести —
Неблагодарный долг, и речь гонца
Как погребальный колокол звучит,
Нам возвещающий кончину друга.

Л о р д Б а р д о л ь ф

Не верится, милорд, что сын ваш мертв.

М о р т о н

Мне горько, что я должен убедить
Вас в том, чего бы не хотелось видеть.
Но видел сам я: Хотспер, весь в крови,
Усталый, тяжело дыша, с трудом
Удары принца Гарри отражал,
Чей натиск яростный его повергнул,
Досель никем не сломленного, наземь,
Откуда не поднялся он живым.
Скажу я кратко: смерть того, чей дух
Последних трусов зажигал отвагой,
Едва о ней распространилась весть,
Пыл отняла у самых закаленных;
Его огонь в сталь наших превращал;
Когда ж его померкло пламя, все
В свинец тупой, тяжелый обратились.
И как тяжеловесные предметы,
Когда их бросят, с быстротой летят,
Так наше войско с тяжким горем в сердце
Такую легкость в страхе обрело,

Что с поля ринулось, ища спасенья,
Быстрее летящих к цели стрел. Тогда
Был слишком рано в плен захвачен Вустер,
А разъяренный, кровожадный Дуглас,
Чей грозный меч три раза убивал
Подобье короля, утратил храбрость
И, к беглецам примкнув, их стыд украсил.
Во время бегства, отступившись в страхе,
Он взят был в плен. Король в конечном счете
Победу одержал и против вас
Направил спешно войско с принцем Джовом
И Уэстморлендом. Вот и все известья.

Нортемберленд

Довольно будет времени для скорби.
Лекарством служит яд. Будь я здоров,
От этой вести я бы захворал;
Больного же, она меня целит.
И как бедняга, сломленный горячкой,
Чьи ноги подгибаются, как прутья,
Под ношей жизни, вдруг в бреду, как пламя,
Из рук сиделки рвется.— так и я,
От мук ослабнув, в муках нахожусь
Тройную силу! Прочь, костыль презренный!
Чешуйчатой перчаткою стальной
Одену руку! Прочь, колпак больного,—
Защита слабая для головы,
Которая теперь мишенью служит
Остервенелым от победы принцам!
Железом увенчайте мне чело,
И пусть нагрянет самый грозный час,
Какой обрушат время и вражда
На разъяренного Нортемберленда!
Пусть целуют землю небеса!
Пусть рука природы даст простор
Морским волнам! Порядок пусть погибнет!
И пусть не будет больше мир ареной
Для медленно возрастающей вражды.
Но пусть дух Каина в сердца вселится:
Тогда все ринутся в кровавый бой,
Придет конец трагедии ужасной
И похоронит сумрак мертвецов.

Треверс

Вам вредно горячиться так, милорд.

Лорд Бардольф

Не порывайте, граф, с благоразумьем.

Мортон

Жизнь ваших всех приверженцев зависит
От вашего здоровья: предаваясь
Безумной скорби, стубите себя.
Милорд, вы, прежде чем сказать: «К оружию!» —
Все взвесили превратности войны
И все случайности. Вы допускали,
Что сына мог сразить удар смертельный;
Вы знали, что шагает он над бездной
И что легко ему сорваться вниз;
Известно было вам, что тело сына
Доступно ранам, что отважный дух
Помчит его в кипенье битвы, — все же
Сказали вы: «Ступай!» — и не смогли
Поколебать все эти опасенья
Решенье твердое. Так что ж случилось?
Иль принесло восстание что-нибудь,
Чего бы не могли предвидеть вы?

Лорд Бардольф

Мы все, страдающие с вами, знали,
Что в бурные пускаемся моря.
Где шансов больше в десять раз, что мы
Погибнем все, — и все же мы решились,
Желанных ради благ пренебрегая
Опасностью, грозившей нам. Мы смяты,
Но вновь дерзнем, рискуя добром и жизнью

Мортон

Да, самая пора! Мой славный лорд,
Я слышал (достоверен этот слух),
Что уж собрал архиепископ Йоркский
Прекрасно снаряженные войска.
И этот пастырь узами двойными
Теперь связал приверженцев своих.
Вел за собой ваш сын тела — лишь тени,
Подобия людей, — затем что слово
«Восстание» разделило дух и тело;
Они дрались насильно, против воли,
Как пьет больной микстуру, и казалось,
На нашей стороне лишь их мечи:
Но, что до их ума и сердца, слово

«Восстанье» их совсем заледенило,
Как рыбу в озере мороз. Теперь же
Архиепископ освятил мятеж:
Святым и праведным его считают,
И увлекает он и дух и тело.
Он кровью Ричарда кропит повстанцев,
Соскобленною с помфретских камней;
Придал он распре вид небесной кары;
Твердит, что ходит по земле кровавой,
Стенающей под гнетом Болингброка,—
И стар и млад идут за ним толпой.

Н о р т е м б е р л е н д

Я знал об этом, но, сказать по правде,
Из памяти все вытеснило горе.
Пойдемте и обсудим сообща
Пути отмишенья, средства обороны.
Пошлем гонцов,— друзья прийти должны.
Как мало их и как они нужны!

Уходят.

С Ц Е Н А 2

Лондон. Улица.

Входит сэ р Д ж о н Ф а л ь с т а ф в сопровождении п а ж а, который
песет его меч и щит.

Ф а л ь с т а ф

Ну, великан, что сказал доктор про мою мочу?

П а ж

Он сказал, сэ р, что моча сама по себе хорошая, здоровая моча,
но что до ее владельца, то ему и невдомек, сколько в нем сидит
разных болезней.

Ф а л ь с т а ф

Всякого рода люди за честь почитают позубоскалить на мой
счет. Мозг человека — этого плохо слепого комка глины —
неспособен выдумать ничего смешного, кроме того, что выдумал
я или что выдуманно на мой счет. Я не только сам остроумен, но
и пробуждаю остроумие в других. Вот я сейчас иду перед тобой,
похожий на свинью, которая сожрала всех своих поросят, кроме

одного. Или я ничего не понимаю, или принц дал мне тебя в слуги только для того, чтобы рядом с тобой я казался еще тучнее. Ах ты, поганый корешок мандрагоры! Тебе больше пристало бы торчать у меня на шляпе, чем таскаться за мной по пятам. Никогда в жизни не прислуживал мне человек ростом с агат на перстне. Но я оправлю тебя не в золото и не в серебро, а в самую дрянную одежду и отошлю тебя назад, под видом драгоценного камня, твоему господину — драгоценному принцу, у которого пух еще не вырос на подбородке. Скорее у меня вырастет борода на ладони, чем у него на лице, — а он еще утверждает, что у него королевский вид. Когда-нибудь, вероятно, господь его доделает, но до сих пор у него нет ни одного лишнего волоска, и все сходство его с королевским лицом на монетах только в том, что цирюльник не заработает на нем и шести пенсов. А все же он петушится, словно уже тогда считался мужчиной, когда отец его был еще холостяком. Он может быть самого высокого мнения о своей особе, но в моих глазах он здорово упал, да будет ему это известно. — Ну, что же сказал мистер Домблдон насчет атласа мне на епанчу и на шаровары?

П а ж

Он сказал, сэр, что вы должны достать себе поручителя получше, чем Бардольф. Он не хочет привить ни вашу, ни его расписку: ему мало такого обеспечения.

Ф а л ь с т а ф

Чтоб ему угодить в ад, как богачу в притче! Чтоб у него язык присох к гортани! Ах ты, проклятый Ахитофель! Ах ты, окаянный «будьте любезны»! Водить джентльмена за нос обещаниями — и вдруг потребовать обеспечения? Эти сладкоречивые мерзавцы ходят теперь не иначе как в высоких сапогах и со связкой ключей у пояса, а когда человек хочет честно взять у них товар в долг, они требуют обеспечения! Я скорей позволю набить себе рот крысиным ядом, чем проглочу это поганое слово «обеспечение»! Я ждал, что он пришлет мне, как благородному рыцарю, двадцать два ярда атласа, а он мне: «обеспечение»! Да, уж ему-то обеспечен спокойный сон, потому что у него на лбу — рог изобилия, сквозь который просвечивает распутство его жены. А он того не видит, хоть у него и есть собственный фонарь. — Но где же это Бардольф?

П а ж

Он отправился в Смитфилд покупать для вашей милости коня.

Фальстаф

Я купил его самого в соборе святого Павла, а он купит мне коня в Смитфилде. Если я еще добуду жену в публичном доме, у меня будет славный слуга, славный конь и славная жена.

Входит верховный судья с помощником.

Паж

Сэр, вот идет джентльмен, который посадил принца под арест за то, что тот ударил его из-за Бардольфа.

Фальстаф

Уйдем скорей, я не хочу с ним встречаться.

Верховный судья

Кто это там уходит?

Помощник

Фальстаф, с разрешения вашей милости.

Верховный судья

Это тот, что обвинялся в грабеже?

Помощник

Тот самый, милорд; но с тех пор он отличился под Шрусбери и теперь, как я слышал, отправляется с каким-то поручением к принцу Джону Ланкастерскому.

Верховный судья

Как, в Йорк? Верните его.

Помощник

Сэр Джон Фальстаф!

Фальстаф

Мальчик, скажи ему, что я глух.

Паж

Говорите громче: хозяин мой глуховат.

Верховный судья

Я не сомневаюсь, что он глух ко всему хорошему. Пойдите троньте его за локоть: мне надо с ним поговорить.

Помощник

Сэр Джоя...

Фальстаф

Как? Такой молодой парень и просит милостыню? Разве теперь не военное время? Разве не найдется для тебя работы? Или королю не нужны верноподданные? А мятежники не нуждаются в солдатах? Хотя и срам быть на стороне врагов короля, но попросишь еще худший срам, чем быть на стороне самого худшего в мире мятежа.

Помощник

Вы ошиблись на мой счет, сэр.

Фальстаф

Как, сэр? Разве я сказал, что вы честный человек? Оставляя в стороне мою рыцарскую и воинскую честь, я солгал бы, если бы это сказал.

Помощник

Прошу вас, сэр, оставляя в стороне вашу рыцарскую и воинскую честь, разрешите мне сказать вам, что вы лжете, говоря, что я нечестный человек.

Фальстаф

Чтобы я позволил тебе это сказать? Чтобы я оставил в стороне то, что срослось со мной? Пусть меня повесят, если я тебе это позволю! А если ты себе это позволишь, то пусть тебя самого повесят! Прочь, паршивая шейка! Проваливай!

Помощник

Сэр, милорд желает с вами поговорить.

Верховный судья

Сэр Джон Фальстаф, на два слова.

Фальстаф

Мой добрый лорд! Да пошлет господь всяких благ вашей милости! Я счастлив видеть вашу милость на прогулке. Я слышал, что вы, ваша милость, были больны. Надеюсь, что ваша милость вышли на прогулку по совету врача. Хотя вы, ваша милость, еще не переступили пределов молодости, но все-таки уже в зрелых годах и, так сказать, вкусили горечи лет; поэтому я почтительно прошу вашу милость заботиться о своем драгоценном здоровье.

Верховный судья

Сэр Джон, я посылаю за вами перед тем, как вы отправитесь в Шрусбери.

Фальстаф

С разрешения вашей милости, я слышал, что его величество изволил возвратиться из Уэльса несколько недовольный.

Верховный судья

Речь идет не о его величестве. Вы не пожелали явиться, когда я за вами посылал.

Фальстаф

И еще я слышал, что с его высочеством приключилась эта самая проклятая апоплексия.

Верховный судья

Пошли ему бог здоровья! А теперь позвольте мне поговорить с вами.

Фальстаф

Насколько я могу судить, апоплексия — это нечто вроде латергии, с вашего разрешения, нечто вроде сонливости крови, какая-то окающая чесотка.

Верховный судья

Зачем вы все это мне говорите? Оставьте апоплексию в покое.

Фальстаф

Источником ее бывает сильное горе, чрезмерные занятия и расстройство мозга. Я читал о причине ее появления у Галена: эго род глухоты.

Верховный судья

По-видимому, вы страдаете этим недугом, ибо вы не слышите, что я вам говорю.

Фальстаф

Превосходно сказано, милорд, превосходно! Скорее, с разрешения вашей милости, я страдаю болезненным нежеланием слушать, недугом невнимания к тому, что мне говорят.

Верховный судья

Посадить бы вас в колодки, так вы живо бы исцелились от невнимания. Признаться, я охотно бы стал вашим врачом.

Фальстаф

Я беден, как Иов, милорд, но не так терпелив, как он. Ваша милость можете ввиду моей бедности прописать мне порцию тю-

ремного заключения, но хватит ли у меня терпения выполнить ваши предписания — в этом мудрец может усомниться не на какой-нибудь грош, а на добрый червонец.

Верховный судья

Я посылаю за вами, когда вам предъявили обвинение, грозившее вам смертью.

Фальстаф

А я не явился по совету одного законоведа, знатока сухопутного уложения.

Верховный судья

Дело в том, сэр Джон, что вы ведете распутный образ жизни.

Фальстаф

Всякий, кто пощеголял бы в моем поясе, не мог бы затянуться потуже.

Верховный судья

Средства ваши ничтожны, а траты огромны.

Фальстаф

Я предпочел бы, чтобы было наоборот: чтобы средства были огромны, а траты ничтожны.

Верховный судья

Вы совратили молодого принца с пути истинного.

Фальстаф

Молодой принц сам совратил меня: я был толстобрюхим слепцом, а он — собакой-поводырем.

Верховный судья

Хорошо, я не намерен беречь только что зажившую рану. Ваши заслуги в день битвы при Шрусбери несколько загладили ваши ночные подвиги в Гедсхиле. На ваше счастье, времена сейчас неблагоприятные, потому все так благополучно и сошло вам с рук.

Фальстаф

Милорд...

Верховный судья

Раз уж все улажено, то впредь ведите себя смирно — не будите спящего волка.

Ф а л ь с т а ф

Будить волка так же неприятно, как нюхать след лисицы.

В е р х о в н ы й с у д ья

Вы похожи на свечу, большая часть которой уже сгорела.

Ф а л ь с т а ф

На пудовую сальную свечу, милорд; можно было бы сравнить меня и с восковой свечой, с тех пор как я войсковой начальник.

В е р х о в н ы й с у д ья

Хоть бы седая борода устыдила этого повесу!

Ф а л ь с т а ф

Да, я всех превзошел по весу, по весу, по весу.

В е р х о в н ы й с у д ья

Вы всюду следуете за молодым принцем, как его злой ангел.

Ф а л ь с т а ф

Не совсем так, милорд: дурной ангел легковесен, а уж про меня этого никак не скажешь. Однако хоть я и полновесная монета, надо признаться, я теперь не очень-то в ходу. Ничего не поделаешь! Добродетель так мало ценят в наш торгашеский век, что истинным храбрецам остается только водить медведей. Ум человеческий превратился в трактирщика и тратит свою изобретательность на составление счетов. Все остальные дарования, присущие человеку, так заражены пороками нашего времени, что стали дешевле крыжовника. Вы уже старик и не понимаете, на что способны мы, молодежь. Вы судите о жаре нашей крови по горечи вашей желчи. А мы, находясь в авангарде молодежи, признаюсь, склонны иногда к сумасбродству.

В е р х о в н ы й с у д ья

И вы причисляете себя к молодежи, когда старость наложила на вас свою неизгладимую печать? Разве у вас не слезятся глаза? Не сухие ладони? Не желтое лицо? Не седая борода? Не опавшие икры и не разбухший живот? Разве у вас не сиплый голос, не короткое дыхание, не двойной подбородок и не половинный ум? Все в вас одряхлело от старости, а вы еще смеете называть себя молодым? Стыдитесь, стыдитесь, сэр Джон!

Фальстаф

Милорд, я родился в три часа пополудни с белой головой и довольно-таки круглым животом. Что до моего голоса, то я потерял его от приветственных возгласов и пения церковных гимнов. Не стану приводить вам других доказательств моей молодости. Дело в том, что я стар только умом и рассудительностью; а если кто захочет побиться со мной об заклад на тысячу марок, кто из нас двоих лучше прыгает, пусть выкладывает денежки, и посмотрим, чья возьмет! Что до пощечины, которую закатил вам принц, то он дал ее как невежливый принц, а вы приняли ее как благоразумный лорд. Я пожурил его за это, и молодой лев кается — правда, не облачившись в рубище и не посыпав главу пеплом, а надев новый шелковый камзол и попивая старый херес.

Верховный судья

Пошли господь принцу лучшего пригеля!

Фальстаф

Пошли господь приятелю лучшего принца! Никак не могу от него отделаться.

Верховный судья

Впрочем, король разлучил вас с принцем Гарри. Я слышал, вас посылают с принцем Джоном Ланкастерским против архиепископа и графа Нортемберленда.

Фальстаф

Да, этим я обязан вашей несказанной любезности. Но прошу всех вас, остающихся дома в сладостных объятиях мира, — молитесь, чтобы армий наши встретились в не слишком жаркий день, потому что, клянусь господом, я беру с собой только две рубашки и вовсе не желаю слишком сильно потеть. Если день выдастся жаркий и я буду размахивать чем-нибудь другим, кроме бутылки, — пусть мне никогда больше не плеваться белой слюной! Не успеет завариться опасное дело, как меня тотчас же бросают туда. Но ведь я не бессмертен. Однако так уж у нас, англичан, исстари повелось: раз уж нам подвернется что-нибудь хорошее, мы обязательно это затрепем. Если, по-вашему, я старик, то меня следовало бы оставить в покое. Видит бог, я желал бы, чтобы мое имя не нагоняло такой страх на врага. Я предпочту быть изъеденным ржавчиной, чем быть уничтоженным от постоянного употребления.

Верховный судья

Ну, будьте честным человеком, будьте честным, и да благословит господь ваш поход.

Фальстаф

Не одолжит ли мне ваша милость тысячу фунтов на обмундирование?

Верховный судья

Ни одного пенни, ни одного пенни. У вас слишком обременена совесть, чтобы взваливать на вас бремя нового долга. Счастливого пути! Передайте привет моему кузену Уэстморленду.

Верховный судья его помощник уходят.

Фальстаф

Пусть меня одуют трехпудовой колотушкой, если я это сделаю. Старость как же неразлучна со скупостью, как юность с распутством. Зато стариков терзает подагра, а юношей язвит Венера, так что обоим возрастам достается и без моих проклятий! — Эй, мальчик!

Паж

Что прикажете, сэр?

Фальстаф

Сколько там у меня в кошельке?

Паж

Семь гротов и два пенса.

Фальстаф

Никак не найду лекарства от карманной чахотки. Займы только затягивают эту болезнь, — она неизлечима. — Отнеси вот это письмо принцу Ланкастерскому, а это — старой миссис Урсуле, которой я каждую неделю даю клятву на ней жениться, с тех пор как у меня в бороде появился первый седой волос. Ну, пошел! Ты знаешь, где найти меня.

Паж уходит.

Язвит Венера эту подагру, или подагра — эту Венеру! Не та, так другая пошаливает в большом пальце моей ноги. Но не беда, если я буду прихрамывать: свалю все на войну, и тем больше прав у меня будет на пенсию. Умный человек все обратит себе на пользу, и я сумею извлечь выгоду из своих недугов. *(Уходит.)*

СЦЕНА 3

Йорк. Архиепископский дворец.

Входят архиепископ Йоркский, лорд Хестингс, лорд
Маубрей и лорд Бардольф.

Архиепископ

Теперь вам ясны наши цель и средства,
И вас прошу я высказать, друзья,
Открыто взгляд свой: ждате ли нам успеха?
Сначала вы, лорд-маршал: ваше мнение?

Маубрей

Я для восстания нахожу причины.
Но мне хотелось бы узнать, как можем
Еще себя усилить мы, чтоб смело,
Уверенно сражение принять
С могучими войсками короля.

Хестингс

Сейчас по спискам числится у нас
Лишь тысяч двадцать пять солдат отборных,
Но сверх того значительной подмоги
Мы ждем от славного Нортемберленда,
Чей дух огнем отмщения горит.

Лорд Бардольф

Итак, теперь вопрос лишь в том, лорд Хестингс,
Возможно ль нам с наличным нашим войском
Идти в сражение без Нортемберленда.

Хестингс

Нет, только с ним.

Лорд Бардольф

Вот в этом все и дело.
Раз без него мы чересчур слабы,
Не должно нам далеко заходить,
Пока не явится он на подмогу.
Не следует в таком кровавом деле
Догадок, вероятий допускать,
Расчетов на неверную поддержку.

А р х и е п и с к о п

Милорд, вы глубоко правы; лишь это
Сгубило Хотспера под Шрусбери.

Л о р д Б а р д о л ь ф

Вот именно; питался он мечтами,
Как воздух, обещания глотал
И тешился расчетами на войско,
Которое на деле оказалось
Ничтожнее малейшей из надежд.
Так, оболыщен, подобно сумасброду,
Воображеньем буйным, войско на смерть
Повел он и, зажмурясь, прыгнул в бездну.

Х е с т и н г с

Но никогда, поверьте, не вредило
Надеяться на помощь строигь плавн ..

Л о р д Б а р д о л ь ф

В такой войне, как наша, это вредно.
Когда уж все готово и в ходу,
Опасно жить надеждой. Так весною,
Когда на почки смотрим мы, надежда,
Что принесут они, созрев, плоды,
Нисколько не верней, чем опасенье,
Что их убьет мороз. Задумав строить,
Исследовать сперва мы станем почву,
Потом начертим план; когда ж готов
Рисунок дома,— вычислить должны,
Во сколько обойдется нам постройка.
Но коль превысит смета наши средства,
Что сделаем? Начертим план жилища
Размеров меньших иль затею бросим.
Тем более в таком великом деле,
Когда хотим разрушить государство
И возвести другое, мы должны
Исследовать и почву и чертеж,
Избрать фундамент прочный, расспросить
Строителей — знать средства наши, можно ль
Врага нам перевесить, а не то
Сильны мы будем только на бумаге,
Владея именами, не людьми;
И мы подобны будем человеку,
Который план строения начертит,

Но, увидав, что не хватает средств,
Оставит недостроенное зданье —
Нагой скелет — на произвол дождей
И на расправу яростной зиме.

Х е с т и н г с

Допустим, что блестящие надежды
Обманут нас и не пришлют нам в помощь
Ни одного солдата, — все ж у нас
Достаточно, я полагаю, войск,
Чтоб силою померяться с монархом.

Л о р д Б а р д о л ь ф

Как? Двадцать пять лишь тысяч у него?

Х е с т и н г с

Да, против нас не больше, даже меньше.
Ведь на три части должен был войска
Он разделить ввиду времен тревожных:
Одна пойдет с французами сражаться,
Другая — на Глендаура; нам грозит
Лишь третья. Он ослаблен разделеньем,
И пустотой его казна бренчит.

А р х и е п и с к о п

Бояться нечего, что соберет он
Свои раздробленные силы вместе,
Чтоб двинуться на нас.

Х е с т и н г с

Но он тем самым,
Оставив без прикрытия свой тыл.
Позволил бы французам и уэльцам
Ему вцепиться в пятки. Быть не может!

Л о р д Б а р д о л ь ф

Кто поведет на нас его полки?

Х е с т и н г с

Принц Джон Ланкастерский и Уэстморленд,
А на уэльцев — сам он и принц Гарри.
Но я не знаю, кто возглавит силы,
Что на французов двинутся.

Архиепископ

Приступим!

Должны мы огласить восстанья цель.
Пресытился народ любовью жадной,
И от избранника его тошнит.
Всегда непрочно, ненадежно зданье,
Основанное на любви толпы.
О чернь пустоголовая! Как шумно
Ты ввысь бросала имя Болингброка,
Когда он не был тем, чего так страстно
Ты для него желала! А теперь,
Когда наряжен он тебе по вкусу,
Ты так объелась королем, обжора,
Что хочешь изрыгнуть его. Не так ли
Ты Ричарда, презренная собака,
Извергла из утробы ненасытной?
Теперь изbleванное ищешь с воем,
Чтобы пожрать. Кому же нынче верить?
Те, что при жизни Ричарда желали
Ему кончины, в гроб его влюбились.
Ты, что бросала грязь ему в лицо,
Когда по гордым улицам столицы
Он шел, вздыхая, вслед за Болингброком,
Героем дня,— теперь кричишь: «Земля,
Верни его, а Генриха возьми!»
О дух людской! Что будет иль что было —
Желанно всем, а что теперь — не мило.

Маубрей

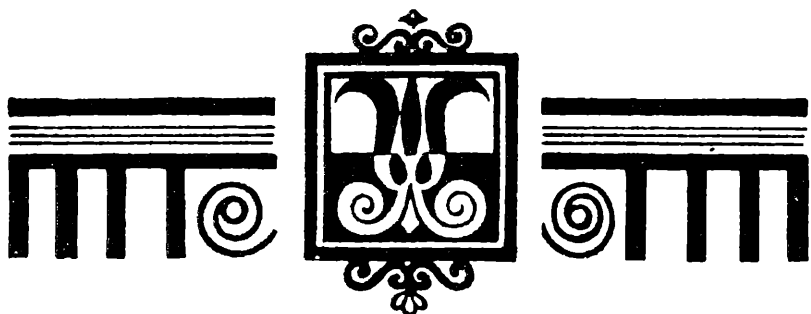
Так для похода нам войска стянуть?

Хестингс

Властитель-время нас торопит: в путь!

Уходят.

А К Т II

С Ц Е Н А I

Лондон. Улица.

Входят хозяйка и Фенг со слугой мальчиком, затем Снер.

Х о з я й к а

Мистер Фенг, вы дали ход моей жалобе?

Ф е н г

Дал.

Х о з я й к а

Где же ваш помощник? Что он — дюжий парень? Сможет постоять за себя?

Ф е н г

Эй, малый, где Снер?

Х о з я й к а

Господи боже мой! Добрейший мистер Снер!

С н е р

Вот и я! Вот и я!

Ф е н г

Снер, мы должны арестовать сэра Джона Фальстафа.

Х о з я й к а

Да, добрейший мистер Снер, я подала на него ко взысканию.

С н е р

Это может стоить жизни одному из нас, потому что он пустит в ход оружие.

Х о з я й к а

Ох-хо-хо, берегитесь его! Он кинулся с кинжалом на меня, в моем собственном доме, да еще как яростно! Честное слово, он как выхватит оружие, так уже ни на что не смотрит, а кидается на всех как дьявол, не пощадит тебе ни мужчины, ни женщины, ни ребенка.

Ф е н г

Попадись он только мне,— уж я его не побоюсь.

Х о з я й к а

И я тоже; я буду стоять с вами рядышком.

Ф е н г

Лишь бы мне его сцапать,— уж я его не выпущу!

Х о з я й к а

Если он уедет, я совсем пропала! Даю вам честное слово, он мне страсть сколько задолжал. Добрейший мистер Фенг, держите его покрепче! Добрейший мистер Снер, смотрите не упустите его! С разрешения вашей милости, он незамедлительно отправился в Паштетный ряд покупать себе седло. А потом он оглашен обедать в «Липардову голову», что на Лумбардовской улице, к мистеру Смуту, торговцу шелками. Убедительно вас прошу, раз уж моя жалоба принята и мое дело известно на весь божий мир, поскорее притяните его к ответу. Сто марок — немалые деньги для бедной одинокой женщины. И я терпела, терпела, а он все водил и водил меня за нос изо дня в день, так что и сказать стыдно. Разве честно так поступать с женщиной? Что я — осел или скотина какая, чтобы сносить обиды от всякого? Вот он идет, и с ним этот отъявленный мошенник Бардольф, у которого нос все равно как бутылка малаги. Делайте свое дело, делайте свое дело, мистер Фенг, и вы, мистер Снер, очень, очень прошу вас, делайте свое дело.

Входят Фальстаф, паж и Бардольф.

Фальстаф

Что такое? Чья кобыла подохла? В чем дело?

Фенг

Сэр Джон, я арестую вас согласно жалобе миссис Куикли.

Фальстаф

Прочь, мерзавцы! — Обнажи свой меч, Бардольф. Снеси башку этому негодяю, а шлюху эту брось в канаву.

Хозяйка

Это меня-то в канаву? Я тебя самого брошу в канаву. Попробуй только, попробуй только, попробуй, поганый ублюдок! Спасите, режут! Ах ты, проклятый убивец! Хочешь убить слуг божьих и королевских? Ах ты, смертогубийца! Суший смертогубийца! Мужеубивец — вот ты кто! И женоубивец тоже!

Фальстаф

Вышвырни их, Бардольф.

Фенг

На помощь! На помощь!

Хозяйка

Люди добрые, дайте сюда пару помочей! Не желаешь платить? Не желаешь? Не желаешь? Нет? Плати, плати, мерзавец ты этакий! Смертогубивец!

Фальстаф

Пошла прочь, судомойка, потаскушка, грязнуха! Уж я поглажу тебя по мягким местам!

Входит верховный судья с полицейскими.

Верховный судья

В чем дело? Эй, не затевайте ссоры!

Хозяйка

Милостивый милорд, будьте милостивы ко мне. Умоляю вас, заступитесь за меня.

Верховный судья

Вот как, сэр Джон! Буяните вы здесь?

К лицу ли это вам при вашем сале,

В такое время? Вам давно пора
Быть на дороге в Йорк.— Эй ты, голубчик,
Оставь его! Зачем на нем повис?

Х о з я й к а

Ах, высокочтимый лорд, с позволения вашей милости, я бедная
вдова из Истчипа, и он арестован по моей жалобе.

В е р х о в н ы й с у д ья

Какую сумму он вам должен?

Х о з я й к а

Какую там суму́, милорд? Да я сама из-за него скоро с сумой
по миру пойду. Он все сожрал у меня, не оставил ни кола, ни
двора; все мое достояние упрятал в свое толстое брюхо. Но погоди,
я вырву из утробы хоть часть своего добра, а не то стану по ночам
душить тебя, как злой дух!

Ф а л ь с т а ф

Ну, положим, я сам задушу духа, если навалюсь на него всем
телом.

В е р х о в н ы й с у д ья

Что это значит, сэр Джон? Стыдитесь! Может ли порядочный
человек выдержать такую бурю ругательств? Неужели вам не со-
вестно, что вы заставили бедную вдову прибегнуть к таким край-
ним мерам, чтобы вернуть свое достояние?

Ф а л ь с т а ф

Сколько всего я тебе должен?

Х о з я й к а

Истинный бог, и свою особу и уйму денег, ежели ты честный че-
ловек. Ты поклялся мне на золоченом кубке, сидя в Дельфиновой
комнате за круглым столом у камина,— а было это в среду после
Духова дня, когда принц разбил тебе голову за то, что ты сравнил
его отца с виндзорским певчим,— так вот, когда я промывала
тебе рану, ты поклялся, что женишься на мне и сделаешь меня
своей женой, знатной леди. Попробуй-ка отпираться! Помнишь,
еще тогда вошла соседка Кич, жена мясника, и назвала меня ку-
мушкой Куикли? Она пришла занять у меня немножко уксуса и
сказала, что готовит славное блюдо из раков; тебе захотелось от-
ведать их, а я тебе сказала, что, мол, раков вредно есть при от-
крытой ране. А потом, когда она ушла, помнишь, ты мне сказал,
что я не должна держать себя запросто с такой мелюзгой, да еще

прибавил, что, мол, скоро они будут меня называть «миледи»? А потом ты поцеловал меня и попросил тридцать шиллингов. Я заставляю тебя присягнуть на библии,— попробуй-ка отпереться.

Ф а л ь с т а ф

Милорд, это несчастная помешанная; она кричит на всех перекрестках, что ее старший сын весь в вас. Раньше она жила зажиточно, а теперь, по правде сказать, повредила в уме от бедности. А что до этих дураков полицейских, то, прошу вас, избавьте меня от них.

В е р х о в н ы й с у д ь я

Сэр Джон, сэр Джон, я отлично знаю вашу способность извращать истину. Ни ваш самоуверенный вид, ни поток слов, который вы извергаете с наглым бесстыдством, не заставят меня отступить от строгой справедливости. Вы, как мне представляется, злоупотребили доверием этой податливой женщины, заставив ее служить вам и кошельком и собственной особой.

Х о з я й к а

Истинная правда, милорд.

В е р х о в н ы й с у д ь я

Помолчи, пожалуйста.— Верните ей свой долг и загладьте причиненное ей зло; для первого нужны полноценные монеты, а для второго чистосердечное раскаяние.

Ф а л ь с т а ф

Милорд, я не могу оставить такую нахлобучку без возражений. Благородную смелость вы называете наглым бесстыдством. По-вашему, если человек молчит и кланяется, значит, он уж и добродетелен? Нет, милорд, при всем моем почтении к вам я вам не какой-нибудь проситель. Заявляю вам, что прошу избавить меня от этих полицейских, потому что я тороплюсь на службу по королевским делам.

В е р х о в н ы й с у д ь я

Вы говорите так, как если бы имели право поступать беззаконно. Однако докажите, что вы достойны своего звания, удовлетворив требования этой бедной женщины.

Ф а л ь с т а ф

Поди-ка сюда, хозяйка. *(Отводит ее в сторону.)*

Входит Гауэр.

Верховный судья

Что скажете, мистер Гауэр?

Гауэр

Король прибудет скоро с принцем Гарри.
Письмо, милорд, вам скажет остальное.

Фальстаф

Даю тебе слово дворянина.

Хозяйка

Ей-богу, вы мне и раньше то же самое говорили.

Фальстаф

Даю тебе слово дворянина. Слыхала? Больше ни слова об этом.

Хозяйка

Клянусь этой небесной землей, по которой я ступаю, придется мне заложить серебряную посуду и стенные ковры из столовой.

Фальстаф

Стаканы, стаканы — вот что нужно для питья; а что касается стен, то на них можно намалевать водяными красками какую-нибудь веселенькую картинку, или историю блудного сына, или немецкую охоту, и это будет в тысячу раз лучше всех этих занавесок да изъеденных молью ковров. Дай мне, если можешь, хоть десять фунтов. Если бы не твои капризы, право же, в Англии не нашлось бы бабенки лучше тебя. Ступай вымой лицо и возьми назад свою жалобу. Право же, тебе не следует со мной ссориться. Разве ты меня не знаешь? Ну полно, полно, я ведь знаю, что тебя натравили на меня.

Хозяйка

Не хватит ли тебе двадцати ноблей, сэр Джон? Право, мне не хочется закладывать серебряную посуду — видит бог, не хочется!

Фальстаф

Пусть будет по-твоему; я уж как-нибудь извернусь. А ты как была, так и останешься дурой.

Х о з я й к а

Ладно, я раздобуду вам денег, хотя бы мне пришлось заложить мои платья. Надеюсь, вы придете ужинать? Вы ведь разом со мной расплатитесь?

Ф а л ь с т а ф

Умереть мне на этом месте, если не так! (*Бардольфу.*) Ступай за ней, ступай за ней по пятам, по пятам.

Х о з я й к а

Хотите, я приглашу на ужин Долль Тершит?

Ф а л ь с т а ф

Разумеется! Пускай приходит.

Хозяйка, Бардольф, полицейские и паж уходят.

В е р х о в н ы й с у д ь я

(*Гауэру*)

Я слышал новости получше этих.

Ф а л ь с т а ф

Какие же это новости, добрейший лорд?

В е р х о в н ы й с у д ь я

Где ночевал сегодня государь?

Г а у э р

Сегодня в Безингстоке.

Ф а л ь с т а ф

Надеюсь, милорд, все благополучно? Какие новости, милорд?

В е р х о в н ы й с у д ь я

С ним все войска идут?

Г а у э р

Нет, пехотинцев тысячу пятьсот
И всадников пятьсот король послал
В подмогу молодому принцу Джону
Против епископа с Нортемберлендом.

Ф а л ь с т а ф

Скажите, благородный лорд, король возвращается из Уэльса?

Верховный судья
Я не замедлю письма вам вручить.
Идем со мной, добрейший мистер Гауэр.

Фальстаф

Милорд!

Верховный судья

В чем дело?

Фальстаф

Мистер Гауэр, могу я вас пригласить отобедать со мной?

Гауэр

Я нахожусь в распоряжении милорда; благодарю вас, добрейший сэр Джон.

Верховный судья

Сэр Джон, вы слишком тут задержались. Вам следовало бы уже вербовать солдат в графствах, через которые лежит ваш путь.

Фальстаф

Не угодно ли вам отужинать со мной, мистер Гауэр?

Верховный судья

Какой дурак научил вас таким повадкам, сэр Джон?

Фальстаф

Мистер Гауэр, если мне не к лицу такие повадки, значит, меня научил им дурак. — Так уж ведется у нас, фехтовальщиков: удар за удар — и мы квиты.

Верховный судья

Да вразумит тебя господь! Ты великий глупец.

Уходят.

СЦЕНА 2

Лондон. Другая улица.

Входят принц Генрих и Пойнс.

Принц Генрих

Видит бог, я ужасно устал.

Пойнс

Неужели? А я-то думал, что усталость не берет таких высоко-родных особ.

Принц Генрих

По правде сказать, она меня одолела, хотя от этого признания и блекнут краски моего величия. Может быть, тебе покажется низким и мое желание выпить легкого пива?

Пойнс

Я полагаю, принц должен быть достаточно хорошо воспитан, чтобы не напоминать о таком дрянном напитке.

Принц Генрих

Так, значит, у меня совсем не королевские вкусы, потому что, честное слово, я сейчас вспомнил об этом пойле. Но, конечно, такие низменные мысли идут вразрез с моим величием. Разве достойно меня помнить твое имя? Или узнавать тебя на следующий день в лицо? Или замечать, сколько у тебя пар шелковых чулок, а именно — что кроме этих у тебя есть еще другие, персикового цвета? Или вести счет твоим рубашкам — какая из них для праздничных дней и какая для будней? Но об этом лучше моего знает сторож при теннисной площадке, потому что, раз тебя там нет с ракеткой, значит, у тебя плохи дела с бельем; а ты уже давно туда не заглядывал, потому что твои нижние провинции поглотили все твои голландские запасы. Один бог знает, попадут ли в царство небесное те пискуны, которые сейчас завернуты в остатки твоего белья. Впрочем, повивальные бабки уверяют, что дети неповинны в своем рождении. К тому же благодаря этому возрастает население и умножаются родственные связи.

Пойнс

Как плохо вяжется эта праздная болтовня с вашими доблестными трудами на поле битвы! Скажите мне, много ли на свете молодых принцев, которые вели бы себя так, как вы сейчас, если бы отец их был так тяжело болен?

Принц Генрих

Сказать тебе одну вещь, Пойнс?

Пойнс

Скажите, только что-нибудь очень хорошее.

Принц Генрих

Сойдет для такого заурядного ума, как твой.

П о й н с

Ладно. Постараюсь выдержать удар, который вы мне готовите.

П р и н ц Г е н р и х

Так вот что я тебе скажу: мне не подобает казаться печальным теперь, когда мой отец болен; а все же признаюсь тебе как другу — ибо за неимением лучшего мне угодно называть тебя своим другом,— что я печален, очень печален.

П о й н с

Трудно поверить, чтобы это могло вас опечалить.

П р и н ц Г е н р и х

Клянусь моей рукой, ты воображаешь, будто я такой же законченный и нераскаянный приспешник дьявола, как ты и Фальстаф. Но проживем — увидим. Уверю тебя, у меня сердце обливается кровью при мысли о том, как тяжело болен мой отец. Но в таком дурном обществе, как твое, у меня нет ни малейшей охоты обнаруживать свою грусть.

П о й н с

Почему так?

П р и н ц Г е н р и х

Что бы ты подумал обо мне, если бы я вдруг заплакал?

П о й н с

Я подумал бы, что ты царственный лицемер.

П р и н ц Г е н р и х

И всякий подумал бы то же самое. Ты замечательный малый; ты всегда думаешь то, что и все другие. Твои мысли движутся всегда по самым проторенным дорогам. Действительно, всякий счел бы меня лицемером. Но что привело твою почтенную мысль к такому выводу?

П о й н с

Как что? Ваша распутная жизнь и чрезмерная привязанность к Фальстафу.

П р и н ц Г е н р и х

И к тебе.

П о й н с

Клянусь светом дня, я пользуюсь хорошей славой; я это слышал собственными ушами. Худшее, что обо мне могут сказать,— это то, что я младший сын и кормлю себя сам. Признаться, ни того, ни другого я не могу исправить. Клянусь обедней, вот идет Бардольф.

П р и н ц Г е н р и х

А с ним и мальчишка, которого я приставил к Фальстафу. Когда он поступал к нему, это был христианский ребенок, а теперь — смотри, что за обезьяну сделал из него этот жирный плут.

Входят Бардольф и паж

Б а р д о л ь ф

Храни господь вашу милость.

П р и н ц Г е н р и х

А также и вашу, благороднейший Бардольф.

Б а р д о л ь ф

(пажу)

Ах ты, добродетельный осел, застенчивый дурень, ну чего ты краснеешь? Почему ты сейчас покраснел? Девчонка ты, а не солдат! Велика важность — лишить невинности кружку в две кварталы!

П а ж

Он только что окликнул меня, милорд, через красную оконную решетку, и я никак не мог отличить его лица от окна; наконец я разглядел его глаза; мне показалось, что он сделал две дыры в новой юбке трактирщицы и смотрит сквозь них.

П р и н ц Г е н р и х

Не правда ли, мальчик сделал успехи?

Б а р д о л ь ф

Пошел прочь, ублюдок, двуногий заяц, прочь!

П а ж

Пошел прочь, мерзкий сон Алфеи, прочь!

П р и н ц Г е н р и х

Объясни нам, мальчик, что это за сон.

П а ж

Да ведь Алфее приснилось, милорд, что она разрешилась от бремени горящей головней; поэтому я и называю его сном Алфеи.

П р и н ц Г е н р и х

Такое истолкование стоит кроны. Получай, мальчик. *(Дает ему монету.)*

П о й н с

О, если бы можно было уберечь от червей этот прелестный бутон! Вот тебе шесть пенсов, пусть они предохранят тебя от зорчи.

Б а р д о л ь ф

Если его не повесят вместе с тобой, виселица много потеряет.

П р и н ц Г е н р и х

А как поживает твой хозяин, Бардольф?

Б а р д о л ь ф

Хорошо, милорд. Он слышал, что ваша милость прибыли в город. Вот вам письмо от него.

П о й н с

Вручено с должным почтением. Ну, как поживает твой хозяин Бабые Лето?

Б а р д о л ь ф

В добром телесном здоровье, сэр.

П о й н с

Зато его бессмертная часть нуждается во враче. Однако это его мало тревожит: ведь душа, хотя и больна, не может умереть.

П р и н ц Г е н р и х

Я позволяю этому волдырю обходиться со мной запросто, как моей собаке, и он этим пользуется: смотрите, что он мне пишет.

П о й н с

(читает)

«От сэра Джона Фальстафа, рыцаря...». Он тычет всем в глаза своим званием при каждом удобном случае, совсем как те родственники короля, которые, уколов палец, всякий раз говорят: «Вот пролилась королевская кровь». — «Как так?» — спросит иной, при-

творившись, что не понял; и ответ следует так же быстро, как шапка слетает с головы просителя: «Я бедный родственник короля, сэр».

П р и н ц Г е н р и х

Да, они так желают попасть к нам в родню, что готовы добраться до Иафета. Но вернемся к письму.

П о й н с

«От сэра Джона Фальстафа, рыцаря, королевскому сыну, наследнику своего отца, Гарри, принцу Уэльскому,— привет». Со всем как официальная бумага!

П р и н ц Г е н р и х

Брось!

П о й н с

«Буду в краткости подражать славным римлянам». Без сомнения, он имеет в виду свое короткое дыхание, одышку. «Вверяю себя твоей милости, а тебя — милости божьей, и покидаю тебя. Смотри не приближай к себе Пойнса, — он злоупотребляет твоей благосклонностью и так обнаглел, что клянется, будто ты собираешься жениться на его сестре Нелль. На досуге кайся в своих грехах, если придет охота. Затем до свидания. Остаюсь твой или не твой (смотря по тому, как ты со мной обойдешься) Джек Фальстаф для моих друзей, Джон для моих братьев и сестер и сэр Джон для всей Европы». Милорд, я обмакну это письмо в херес и заставлю Фальстафа проглотить его.

П р и н ц Г е н р и х

Ты заставишь его проглотить десятка два его собственных слов. Но неужели, Нед, ты так забылся? Ты хочешь женить меня на своей сестре?

П о й н с

Пошли господь девчонке всякого счастья! Но только я никогда этого не говорил.

П р и н ц Г е н р и х

Однако мы, как дураки, теряем время даром, а души мудрецов, витая в облаках, смеются над нами. — Твой хозяин здесь, в Лондоне?

Б а р д о л ь ф

Да, милорд.

П р и н ц Г е н р и х

Где он сегодня ужинает? Что, старый боров по-прежнему кормится в своем старом хлеву?

Б а р д о л ь ф

На старом месте, милорд, в Истчипе.

П р и н ц Г е н р и х

В какой компании?

Б а р д о л ь ф

С эфесцами, милорд, людьми старого закала.

П р и н ц Г е н р и х

Ужинают какие-нибудь женщины с ним?

П а ж

Ни одной, ваша светлость, кроме старой миссис Куикли да еще миссис Долль Тершит.

П р и н ц Г е н р и х

Это что еще за тварь?

П а ж

Она приличная дама, сэр, родственница моего хозяина.

П р и н ц Г е н р и х

Она такая же ему родственница, как приходская корова городскому быку. А не накрыть ли их нам за этим ужином, Нед?

П о й н с

Я ваша тень, милорд; я последую за вами.

П р и н ц Г е н р и х

Слушай, мальчик, и ты, Бардольф: ни звука вашему хозяину о том, что я вернулся в Лондон. Вот вам за молчание. *(Дает им деньги.)*

Б а р д о л ь ф

Я проглотил язык, сэр.

П а ж

А что до меня, то я буду держать язык за зубами.

Принц Генрих

До свиданья. Ступайте.

Бардольф и паж уходят.

Эта Долль Тершит, вероятно, нечто вроде проезжей дороги.

Поинс

Ручаюсь вам, такая же накатанная, как между Сент-Ольбеппсом и Лондоном.

Принц Генрих

Как бы это нам посмотреть нынче вечером на Фальстафа в его настоящем виде так, чтобы он нас самих не заметил?

Поинс

Наденем кожаные куртки и передники и будем прислуживать ему за столом вместо трактирных слуг.

Принц Генрих

Из бога вдруг стать быком? Ужасное падение! Впрочем, это случилось с Юпитером. Из принца стать мальчишкой-прислужником? Постыдное превращение! Так будет со мной. Ведь во всяком деле, чтобы добиться успеха, нужна некоторая доля безумия.— Идем, Нед.

Уходят.

СЦЕНА 3

Уоркуорт. Перед замком.

Входят Нортемберленд, леди Нортемберленд и леди Перси.

Нортемберленд

Прошу вас, милая жена и дочь,
Идти путем суровым не мешайте,
Не досаждайте мне убитым видом,—
И без того тревожны времена.

Леди Нортемберленд

Я замолкаю; поступай как знаешь,
И пусть тобою управляет разум.

Нортемберленд

Увы, супруга, честь моя в залоге,
И лишь отъезд мой выкупит ее.

Леди Перси

О, ради бога, на войну, отец,
Не уезжайте. Вспомните, ведь вы
И поважнее не сдержали слова,
Когда ваш сын, когда мой милый Гарри
На север взоры устремлял в надежде
Увидеть вас,— но ждал напрасно он!
Что удержало дома вас тогда?
В тот день погибла честь его и ваша.
Пусть небо вашей чести блеск вернет!
Его же честь сияла, словно солнце
На небе голубом. Ее блистанье
Всех рыцарей английских побуждало
На подвиги. Был зеркалом наш Гарри,
В которое смотрелась молодежь.
Одни безногие не подражали
Его походке; торопливость речи,
Его врожденный недостаток, стала
Для храбрецов манерой говорить,—
И тот, кто внятно говорил и плавно,
Достоинство менял на недостаток,
Чтоб стать, как он; все в нем — походка, речь,
Привычки боевые, развлечения,
Причуды — было зеркалом, скрижалю,
Достойным подражанья образцом.
И он — о дивный муж, средь смертных чудо! —
Покинут вами был в тяжелый миг
(Единственный, остался он один!)
На растерзанье злему богу брани
И принужден сражаться был на поле,
Где имя лишь ему защитой было,—
И в том повинны вы! О, никогда
Не оскорбляйте памяти его,
Обет, повстанцам данный, исполняя!
Пускай они идут своим путем.
Архиепископ с маршалом сильны.
Когда б имел мой драгоценный Гарри
Хоть половину войска их,— теперь
Я слушала б рассказ о смерти принца,
Обвив руками Хотспера.

Н о р т е м б е р л е н д

Зачем

Вы дух во мне смутили, дочь моя,
Папомнив вновь о промахе минувшем?

Нет, я пойду опасности навстречу,
Иль на меня она сама нагрянет
В неожиданный час.

Л е д и Н о р т е м б е р л е н д

В Шотландию беги

И выжидай, пока народ и лорды
На деле не докажут мощь свою.

Л е д и П е р с и

Коль им сломить удастся короля,
Примкните к ним, чтоб укрепить их силы
Стальной подпорой. А сперва, молю вас,
Их предоставьте собственной судьбе.
Ведь так вы поступили с вашим сыном —
И стала я вдовой. Но, сколько б я
Ни прожила еще, не хватит слез,
Чтоб орошать цветок воспоминаний
И до небес его взрастить в честь Перси.

Н о р т е м б е р л е н д

Идем, идем со мной. Моя душа
Морским волнам подобна в час прилива,
Когда замрут они, границ достигнув.
К архиепископу примкнул бы я,
Но тысяча причин тому помехой.
Я изберу Шотландию; там буду,
Пока не призовет успех оттуда.

Уходят.

С Ц Е Н А 4

Лондон. Комната в трактире «Кабанья голова» в Истчипе.

Входят двое слуг.

П е р в ы й с л у г а

Что это ты принес, черт возьми? Печеные яблоки? Разве ты
не знаешь, что сэр Джон терпеть не может печеных яблок?

В т о р о й с л у г а

Клянусь обедней, ты прав. Принц как-то поставил перед ним
тарелку с печеными яблоками, да и говорит: «А вот еще пять та-
ких, как ты, рыцарей»; потом снял шляпу и прибавил: «Честь имею

раскланяться с шестью круглыми желтыми сморщенными рыцарями». Эта шутка ужасно рассердила сэра Джона, но потом он забыл о ней.

Первый слуга

Ну, так накрывай на стол и ставь яблоки. Да разыщи Сника с его музыкантами,— миссис Тершит захотелось послушать музыку. Поторапливайся; в комнате, где они ужинали, очень жарко, и они сейчас придут сюда.

Второй слуга

Слушай, сейчас сюда явится принц с мистером Пойнсом; они наденут наши куртки и передники, но только сэр Джон не должен этого знать: Бардольф предупредил меня об этом.

Первый слуга

Истинный бог, славная будет потеха!

Второй слуга

Пойду поищу Сника. (*Уходит.*)

Входят хозяйка и Долль Тершит.

Хозяйка

Ей-богу, душечка, у вас, думается мне, сейчас замечательная температура; пульза у вас бьется так великолепно, что лучше и желать нельзя, а личико у вас, даю вам честное слово, красное, как все равно роза,— истинная правда! — но только вы, ей-богу, уж слишком много хлебнули канарского, а это вино на редкость забористое, и не успеешь спросить: «Что это со мной?» — как оно тебе уже всю кровь надушило. Ну как вы себя чувствуете?

Долль

Чуточку получше. Хм-хм...

Хозяйка

Значит, все прекрасно. Доброе сердце дороже золота. А вот и сэр Джон.

Входит Фальстаф напевая.

Фальстаф

«Когда Артур взошел на трон...»

Вынесите посудину.

Первый слуга уходит.

«Он славный был король».

Ну, миссис Долль, как вы себя чувствуете?

Х о з я й к а

Ей стало дурно, грудь сдавило; ей-богу, так.

Ф а л ь с т а ф

Все вы, женщины, таковы: чуть вас придавить, уж вам и дурно.

Д о л ь

Ах ты, паршивый негодяй! Ничего другого в утешение мне не скажешь?

Ф а л ь с т а ф

Это из-за вас я так разжирел, миссис Долль.

Д о л ь

Из-за меня? Толстеют от обжорства да от болезней, а я тут ни при чем.

Ф а л ь с т а ф

Если обжорством мы обязаны поварам, го болезнями обязаны вашей сестре: мы подхватываем их у вас, Долль, у вас. Согласись с этим, невинная бедняжка, согласись.

Д о л ь

Да, а вы подхватываете наши цепочки и драгоценности.

Ф а л ь с т а ф

«Рубины, золото и перлы...». Вы же знаете, что тот, кто храбро дерется, выходит из битвы хромым. Сперва смело бросаешься в брешь с поднятым копьем, а потом смело идешь к лекарю. Смело атакуешь заряженную мортиру, а потом...

Д о л ь

Чтоб тебя вздернули, поганый морской угорь, чтоб тебя вздернули!

Х о з я й к а

Опять принялись за старое! Стоит вам встретиться, как сейчас же начинаете ссориться. Ей-богу, вы оба такие шершавые, как все равно сухари: ни одного достатка друг дружке не хотите спустить. Ну и времена пошли! Один из вас должен уступить,

и, конечно, это вы, миссис Долль, потому что вы слабейший сосуд и, как говорится, порожний сосуд.

Д о л л ь

Разве может слабый и порожний сосуд выдержать такую необъятную, полную до краев бочку? Ведь он так нагружился бордосским, что столько не влезет и в корабельный трюм. Ну ладно, помиримся, Джек. Ты едешь на войну, и кто знает, встретимся ли мы еще с тобой.

Входит первый слуга.

Первый слуга

Сэр, пришел прапорщик Пистоль и хочет вас видеть.

Д о л л ь

Вздернуть бы его, проклятого буяна! Не пускайте его сюда,— это первый сквернослов в Англии.

Х о з я й к а

Если он буян, не пускайте его сюда ни за что на свете. Нет, честное слово, у меня есть соседи; не надобно мне буянов. Самые лучшие люди оказывают мне почет и уважение. Заприте двери! Не пушю я к себе буянов! Не затем я столько лет на свете прожила, чтобы впустить к себе буянов. Заприте двери, прошу вас.

Ф а л ь с т а ф

Но послушай, хозяйка...

Х о з я й к а

Будьте спокойны, сэр Джон, мы не пустим сюда буянов.

Ф а л ь с т а ф

Да разве ты не слышишь, что это мой прапорщик?

Х о з я й к а

Дудки, сэр Джон! Нечего об этом толковать. Ноги вашего буяна прапорщика не будет в моем доме. Я была на днях у мистера Тайзика, начальника полиции нашего квартала, и он мне сказал,— а было это в прошлую среду: «Соседка Куикли,— сказал он мне (мистер Домб, наш пастор, был при этом),— пускайте к себе только приличных людей, потому что,— сказал он,— про вас идет дурная слава». Ну, я, конечно, понимаю, к чему он это сказал. «Потому что,— сказал он,— вы честная женщина и пользуетесь уважением; так смотрите принимайте гостей с разбором.

Ни за что не пускайте,— сказал он,— всяких буянов». И я не пушу их к себе. Послушали бы вы только, как он все это говорил. Нет, не надо мне буянов.

Ф а л ь с т а ф

Он вовсе не буян, хозяйка, а, право, самый безвредный шулер. Его хоть по спине гладь, как маленькую левретку. Он даже индюшки не обидит, если она взберошит перья и станет защищаться. Зови его сюда, малый.

Х о з я й к а

Шулер, говорите вы? Я не запру своих дверей перед честным человеком, а перед шулерами и подавно, но, ей-богу, я терпеть не могу буянов. Со мной прямо дурно делается, едва услышу слово «буян». Потрогайте меня, господа, посмотрите, как меня трясет, ей-богу, правда.

Д о л ь

И впрямь вы дрожите, хозяйка.

Х о з я й к а

А то как же! Честное-благородное слово, дрожу как осиновый лист. Я прямо-таки не выношу буянов.

Входят Пистоль, Бардольф и паж.

П и с т о ь

Да хранит вас бог, сэр Джон!

Ф а л ь с т а ф

Добро пожаловать, прапорщик Пистоль. Иди сюда, Пистоль, я заряджу тебя кружкой хереса, а ты пали в хозяйку.

П и с т о ь

Я пальну в нее двумя пулями, сэр Джон.

Ф а л ь с т а ф

Она огнестойкая, приятель, ее такими зарядами не пробьешь.

Х о з я й к а

Не стану я пить вашу огнестойкую; ни для кого на свете не стану пить больше, чем следует.

П и с т о ь

Тогда перейду к вам, миссис Дороти; возьму и выпалю в вас.

Д о л л ь

В меня? Плевать мне на тебя, паршивый черт! Ах ты жалкий, грязный, подлый плут! Нищий, у которого и рубашки-то нет на плечах. Прочь, вшивый жулик, прочь! Я — лакомый кусочек для твоего хозяина.

П и с т о л ь

Знаем мы вас, миссис Дороти.

Д о л л ь

Прочь, дрянной карманный воришка! Шелудивый мошенник, прочь! Клянусь этим вином, я всажу нож в твою поганую глотку, ежели ты посмеешь со мной озорничать. Пошел прочь, ты, пивная бутыл! Истасканный фехтовальщик! С каких это пор, сэр, вы набрались такой прыти? Подумаешь, нацепил себе шнурки на плечи! Экая невидаль!

П и с т о л ь

Разрази меня гром, если я не оборву тебе за это оборки.

Ф а л ь с т а ф

Будет, Пистоль. Не смей здесь палить. Проваливай-ка отсюда.

Х о з я й к а

Да, добрейший капитан Пистоль, только не здесь, дорогой капитан.

Д о л л ь

Капитан! Ах ты, окаянный, проклятый обманщик, и тебе не стыдно, что тебя величают капитаном? Будь я на месте капитанов, я бы тебя отдула за то, что ты берешь на себя чужое звание, не дослужившись до него. Ты-то капитан? Такая-то мразь? Да с какой это стати? За то, что ты рвешь оборки у бедных потаскушек в публичных домах? Это он-то капитан? Повесить его, мерзавца! Он питается прокисшим черносливом да черствыми пирогами. Капитан! Убей меня бог! Эти негодяи скоро так же испоганят слово «капитан», как испоганили слово «обладать», которое раньше было отменным словечком, а потом стало непристойным. Настоящим капитанам следовало бы положить этому конец.

Б а р д о л ь ф

Уходи-ка ты отсюда, добрейший прапорщик.

Ф а л ь с т а ф

Послушай, миссис Долль...

П и с т о л ь

Мне — уйти? Ни за что! Уверю тебя, капрал Бардольф, я способен ее разорвать! Уж я ей этого не спущу!

П а ж

Пожалуйста, уйдите отсюда.

П и с т о л ь

Нет, клянусь моей рукой, сначала отправлю ее в ад, в проклятое озеро Плутона, в крошечную бездну вместе с Эребом, на страшные муки! Эй, подавайте крючки и удилице! Хватайте ее, псы! Тащите ее, Парки! Не Ирина ли перед нами?

Х о з я й к а

Успокойтесь, добрейший капитан Пустоль! Ей-богу, время уже позднее. Умоляю вас, разнуздайте свой гнев.

П и с т о л ь

Вот шутка, нечего сказать! Одры.
Татарские некормленные клячи,
Что в день и тридцать миль не пробегут,
Держают с каннибалами равняться,
С троянцами и с Цезарем? Ну, нет!
Пусть будут прокляты, и царь их Цербер,
И пусть громами грянет небосвод!
Нашли из-за чего сцепляться!

Х о з я й к а

Ей-богу, капитан, вот это так крепкие слова!

Б а р д о л ь ф

Уходите-ка, добрейший прапорщик, не то дело дойдет до драки.

П и с т о л ь

Пусть людидохнут, как собаки! Пусть
Короны, как булавки, отдают!
Иль нет Ирины здесь?

Х о з я й к а

Даю вам честное слово, капитан, такой здесь не имеется. Ну и времена пошли! Что ж я, по-вашему, стану ее укрывать! Ради создателя, успокойтесь!

П и с т о л ь

Ешь и толстей, моя Калиполида.

Эй, хересу подать!

Se fortuna mi tormenta,

Lo sperare mi contenta¹.

Что залпы нам? Пускай сам черт палит!

Эй, хересу мне! — Ну, ложись, милашка.

(Снимает шпагу и кладет ее на стол.) Мы дошли до точки без всяких «и так далее».

Ф а л ь с т а ф

Советую тебе, Пистоль, успокоиться.

П и с т о л ь

Милейший рыцарь, целую твой кулак. Иль мы не любовались с тобою вместе Большой Медведицей?

Д о л ь -

Ради господа бога, спустите его с лестницы. Видеть я не могу этого окаянного ирода.

П и с т о л ь

Спустить меня с лестницы? Знаем мы этих галлоуэйских кляч.

Ф а л ь с т а ф

Бардольф, швырни его, как грош в орлянку! Если он переливает из пустого в порожнее, пусть ему самому будет пусто!

Б а р д о л ь ф

Ну, проваливай отсюда!

П и с т о л ь

Что? До резни дошло? Прольется кровь!

(Хватает шпагу.)

Прими в объятья, смерть, век жалкий сократи мне!

Пусть жуткие, зияющие раны

Трех призовут сестер! Ты, Атропос, ко мне!

Х о з я й к а

Ну и каша заварилась.

¹ Если судьба преследует меня, то надежда меня утешает. (Итальянская пословица.)

Ф а л ь с т а ф

Мальчик, подай рапиру.

Д о л ь

Джек, прошу тебя, не обнажай шпаги! Прошу тебя!

Ф а л ь с т а ф

(обнажая шпагу)

Проваливай отсюда!

Х о з я й к а

Ну и заваруха! Уж лучше закрыть мне заведение, чем вечно терпеть такие страсти и уж а с т и! Быть убийству, помяните мое слово. Горе мое горькое! Да спрячьте же вы свое обнаженное оружие, спрячьте, говорю, обнаженное оружие!

Б а р д о л ь ф и П и с т о л ь уходят.

Д о л ь

Прошу тебя, Джек, успокойся. Мерзавец ушел. Ах ты, мой храбрый негодный ублюдок!

Х о з я й к а

Он не ранил вас в пах? Мне кажется, он коварно метил вам прямо в живот.

Входит Б а р д о л ь ф.

Ф а л ь с т а ф

Ну что, ты выставил его за дверь?

Б а р д о л ь ф

Да, сэр. Негодяй был пьян. Вы его ранили, сэр, в плечо.

Ф а л ь с т а ф

Негодяй! Как он смел задирать меня!

Д о л ь

Ах ты, мой драгоценный плутишка! Ах ты, моя бедная обезьянка! Как ты вспотел. Постой, дай мне вытереть тебе лицо; подставь мне свою мордочку. Ах ты, мой жирный ублюдок! Ей-богу, я тебя без памяти люблю. Ты храбр, как Гектор Троянский, один стоишь пяти Агаемнонов и в десять раз лучше всех девяти героев. Ах, негодник!

Ф а л ь с т а ф

Проклятая гадина! Уж задам я жару этой скотине!

Д о л ь

Сделай это, потешь свою душу! А уж я за это погрею тебя под одеялом.

Входят музыканты.

П а ж

Музыканты пришли, сэр.

Ф а л ь с т а ф

Пусть играют.— Играйте, господа.— Сядь ко мне на колени, Долль.— Этакий мерзкий буян! Удрал от меня, как ртуть, мерзавец!

Д о л ь

Да-да. А ты обрушился на него, как церковная башня. Ах ты, мой миленький молочный поросенок с Варфоломеевской ярмарки! Когда ты наконец перестанешь драться днем и фехтовать ночью, когда начнешь чинить свое старое тело для отправки на тот свет?

Входят, в глубине сцены, принц Генрих и Пойнс, переодетые трактирными слугами.

Ф а л ь с т а ф

Замолчи, милая Долль. Брось вещать на манер мертвой головы, не напоминай мне о конце.

Д о л ь

Скажи мне, что за человек молодой принц?

Ф а л ь с т а ф

Добрый малый, хотя и вздорный. Из него вышел бы недурной эконо́м, он неплохо бы резал хлеб.

Д о л ь

Говорят, что Пойнс очень умен.

Ф а л ь с т а ф

Он-то умен? На виселицу бы этого павиана! Ум у него тяжелый, как густая тьюксберийская горчица, а остроумия в нем не больше, чем в молотке.

Д о л л ь

Почему же принц так его любит?

Ф а л ь с т а ф

Потому, что он такой же тонконогий, здорово играет в шары, ест морских угрей с укропом, глотает с вином огарки, играет в чехарду с мальчишками, перепрыгивает через скамейки, изящно сквернословит; потому, что сапоги сидят на нем гладко, как на вывеске, и потому, что он не вызовет ссоры, передавая сплетни. У него еще много других дурацких талантов, доказывающих слабость ума и гибкость тела, и за все это принц держит его при себе. Он сам точь-в-точь такой же. Если их поставить на чашки весов, достаточно будет и волоска, чтобы один перевесил другого.

П р и н ц Г е н р и х

Не отрубить ли уши этой колесной ступице?

П о й н с

Отколотим его на глазах у его шлюхи.

П р и н ц Г е н р и х

Смотри, этот истасканный старикашка заставляет чесать себе затылок, как попугай.

П о й н с

Разве не чудно, что желание на столько лет переживает силу?

Ф а л ь с т а ф

Поцелуй меня, Долль.

П р и н ц Г е н р и х

Сатурн нынче в соединении с Венерой. Что говорит на этот счет календарь?

П о й н с

Посмотрите, как этот огненный Тригон, его слуга, шепчется со старой счетной книгой своего хозяина, с его памятной книжкой, с его справочником.

Ф а л ь с т а ф

Ты только притворно ласкаешь меня.

Д о л л ь

Ей-богу, я целую тебя от всей души.

Ф а л ь с т а ф

Стар я стал, стар...

Д о л л ь

Ты мне милей всех этих паршивых юнцов.

Ф а л ь с т а ф

Какой материи подарить тебе на юбку? Я получу деньги в четверг, а завтра у тебя будет новая шляпка. Спой мне веселую песенку. Уже поздно, пойдем спать. Ты забудешь меня, когда я уеду.

Д о л л ь

Ей-богу, ты доведешь меня до слез, если будешь говорить такое. Чтобы я хоть раз нарядилась до твоего возвращения! Ну давай дослушаем до конца.

Ф а л ь с т а ф

Эй, Франсис, хересу!

П р и н ц Г е н р и х и П о й н с
(приближаясь)

Сейчас, сейчас, сэр.

Ф а л ь с т а ф

Ба! Ты, должно быть, незаконный сын короля! А ты не брат ли Пойнса?

П р и н ц Г е н р и х

Ах ты, карта греховных земель, какую жизнь ты ведешь?

Ф а л ь с т а ф

Получше твоей. Я дворянин, а ты трактирный слуга, который только и делает, что таскает бутылки.

П р и н ц Г е н р и х

Верно, сэр, и потому я оттаскаю тебя за уши.

Х о з я й к а

Да хранит господь вашу светлость! Добро пожаловать в Лондон! Благословение господне на вашу драгоценную голову! Господи боже мой, это вы из Уэльса воротились?

Ф а л ь с т а ф
(кладя руку на голову Долль)

Клянусь бранным телом и зараженной кровью этого создания, я рад тебя видеть, непотребный и безумный отпрыск царственного древа.

Д о л ь л ь

Что такое, жирный дуралей? Плевать я хочу на тебя!

П о й н с

Милорд, он увильнет от наказания и обратит все в шутку, если вы не отколотите его сгоряча.

П р и н ц Г е н р и х

Ах ты, грязная куча сала! Что за пакости ты говорил обо мне при этой честной, добродетельной, благовоспитанной даме?

Х о з я й к а

Да благословит вас господь за вашу доброту! Она и в самом деле такая.

Ф а л ь с т а ф

Разве ты слышал?

П р и н ц Г е н р и х

Да, и ты, конечно, узнал меня, как и в тот раз, когда бежал от меня в Гедсхиле. Ты знал, что я стою у тебя за спиной, и говорил все это нарочно, чтобы испытать мое терпение.

Ф а л ь с т а ф

Нет-нет, ничего подобного: я не подозревал, что ты все это слышишь.

П р и н ц Г е н р и х

Я заставлю тебя сознаться, что ты умышленно оскорбил меня, и тогда — я уж знаю, как с тобой поступить.

Ф а л ь с т а ф

Я тебя не оскорблял, Хел; клянусь честью, и не думал оскорблять.

П р и н ц Г е н р и х

Как! Разве ты не говорил, что я эконою, что я гожусь лишь на то, чтобы резать хлеб, и еще бог знает что?

Ф а л ь с т а ф

Я не оскорблял тебя, Хел.

П о й н с

Как это так — не оскорблял?

Ф а л ь с т а ф

Не оскорблял, Нед, уверяю тебя; вовсе не оскорблял, достойный Нед. Я говорил о нем дурно при падших созданиях, чтобы эти падшие создания не вздумали его полюбить. Делая это, я поступал как заботливый друг и верноподданный, и твой отец должен быть благодарен мне за это. Никакого оскорбления, Хел, никакого, Нед, уверяю вас, дети мои.

П р и н ц Г е н р и х

Сознайся, что сейчас только из страха, единственно лишь из трусости ты оскорбляешь эту достойную даму, чтобы примириться с нами! Это она-то падшее создание? И твой паж тоже падшее создание? И честный Бардольф, у которого нос так и пылает рвением, тоже, по-твоему, падшее создание?

П о й н с

Отвечай, гнилой пень, отвечай.

Ф а л ь с т а ф

Дьявол отметил Бардольфа неизгладимой печатью, и лицо его служит Люциферу плитой для поджаривания пьяниц. Что касается пажа, то, хотя ангел-хранитель еще не совсем его покинул, дьявол порядком его одолевает.

П р и н ц Г е н р и х

Ну, а женщины?

Ф а л ь с т а ф

Одна из них уже давно в аду и поджаривает там бедных грешников. Что касается другой, то я ей задолжал и не знаю, попадет ли она за это в ад.

Х о з я й к а

Ручаюсь, что нет.

Ф а л ь с т а ф

Да, я тоже думаю, что нет: я полагаю, что ты за это и так достаточно поплатилась. Но за тобой водится другой грех: ты про-

тивозаконно кормишь своих посетителей мясом; за это, я думаю, тебе придется-таки повыть.

Х о з я й к а

Да ведь все трактирщики так поступают. Великое дело — одна или две бараньи лопатки за весь пост!

П р и н ц Г е н р и х

Вы, сударыня...

Д о л л ь

Что скажете, ваша светлость?

Ф а л ь с т а ф

Его светлость хочет сказать такое, против чего возмущается вся его плоть.

Стук в дверь.

Х о з я й к а

Кто это там стучит так громко? Посмотри, Франсис.

Входит П е т о.

П р и н ц Г е н р и х

Какие вести, Пето?

П е т о

В Уэстминстере король, родитель ваш.
До двадцати измученных гонцов
Примчались с севера; а по дороге
Я обогнал десяток капитанов:
Без шапок, все в поту, они стучатся
В трактиры и питейные дома
И всюду ищут, где сэр Джон Фальстаф.

П р и н ц Г е н р и х

Мне стыдно, Пойнс, что я теряю даром
Здесь время драгоценное, когда
Гроза восстания собралась над нами,
Как тучи, что приносит южный ветер,—

И дождь вот-вот застигнет нас врасплох.
Мой плащ и шпагу.— Доброй ночи, Джек.

Принц Генрих, Пойнс, Пето и Бардольф уходят.

Фальстаф

Перед нами самый лакомый кусочек ночи, и нам надобно уходить, не отведав его!

Стук в дверь.

Опять стучат.

Входит Бардольф.

Бардольф

Вас требуют сейчас же ко двору;
Ждут у дверей с десятка капитанов.

Фальстаф

(пажу)

Заплати музыкантам, малый.— Прощай, хозяйка.— Прощай, Долль. Вот видите, мои милые, как гоняются за достойными людьми. Человек недостойный может себе спокойно спать, а дельных людей сразу же — за бока. Прощайте, милые бабенки. Если меня не отправят тотчас же, я еще повидаяюсь с вами.

Долль

Говорить невмочь... Сердце так и разрывается... Ну, прощай, дорогой Джек, смотри береги себя.

Фальстаф

Прощайте, прощайте.

Фальстаф и Бардольф уходят.

Хозяйка

Ну, счастливого тебе пути. Когда зазеленеет горох, исполнится двадцать девять лет, как я с тобой знакома. Уж такой честный, верный человек... Ну, счастливого тебе пути.

Бардольф

(за сценой)

Миссис Тершит!

Хозяйка

Что там такое?

Бардольф
(за сценой)

Скажите миссис Тершит, чтобы она шла к моему хозяину.

Хозяйка

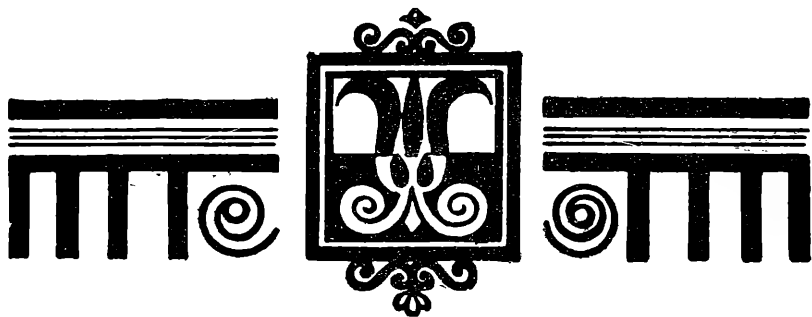
О беги, Долль, беги! Беги со всех ног, милая Долль!

Долль всхлипывает.

Да идешь ты, что ли, Долль?

Уходят.

А К Т III

С Ц Е Н А 1

Уэстминстер. Дворец.

Входит король Генрих в ночном одеянии, за ним — паж.

Король Генрих
Позвать мне графов Уорика и Серри.
Но, прежде чем прийти, пусть эти письма
Они прочтут и вникнут в них; спешу.

Паж уходит.

О, сколько подданных моих беднейших
Спокойно спят сейчас! — О сон, о милый сон!
Хранитель наш, чем я тебя испугнул,
Что ты не хочешь мне смежить ресницы?
Зачем охотнее приходишь ты
На жесткую постель в лачуге дымной,
Где дремлешь под жужжанье мух ночных,
Чем в ароматные чертоги знатных,
На ложе пышное под балдахином,
Где сладостные звуки нежат слух?
Божок ленивый, ты приходишь к черни
На грязный одр, а с царственного ложа
Бежишь, как если б сторож колотушкой
Иль колокол набатный гнал тебя.
Зачем над бездной на вершине мачты
Глаза смыкаешь незаметно юнге,

Укачивая в колыбели моря,
Когда хватает ураган свирепый
За гребни разъяренные валы,
Чудовищные головы лохматит
И к облакам вздымает с диким ревом,
Который пробудил бы мертвеца?
Как можешь ты, пристрастный сон, баюкать
Промокшего до нитки юнгу в бурю,
А в тихий, безмятежный час ночной,
Когда к тебе располагает все,
Отказываешь королю в покое?
Счастливый, мирно спи, простолюдин!
Не знает сна лишь государь один.

Входят Уорик и Серри.

Уорик

Привет мой, государь, и с добрым утром.

Король Генрих

Как? Разве утро, лорды?

Уорик

Второй уж час пошел.

Король Генрих

Тогда и вам скажу я: с добрым утром.
Прочли вы письма, что послал я вам?

Уорик

Да, государь.

Король Генрих

Тогда вы поняли, каким недугом
Поражено все тело государства;
Болезнь растет и угрожает сердцу.

Уорик

Но это временное лишь расстройство,
И можно возвратить стране здоровье
Советом благотворным и лекарством;
Остынет скоро лорд Нортемберленд.

Король Генрих

О господи, когда б могли прочесть
Мы Книгу судеб, увидеть, как время

В своем круговращенье сносит горы,
 Как, твердостью наскучив, материк
 В пучине растворится, иль увидеть,
 Как пояс берегов широким станет
 Для чресл Нептуновых; как все течет
 И как судьба различные напитки
 Вливает в чашу перемен! Ах, если б
 Счастливый юноша увидеть мог
 Всю жизнь свою — какие ждут его
 Опасности, какие будут скорби,—
 Закрыв бы книгу он и тут же умер.
 Прошло лишь десять лет,
 Как с Ричардом дружил Нортемберленд;
 С ним пировал он, а спустя два года
 Меж ними разгорелась уж война;
 Лишь восемь лет назад был Перси мне
 Всех ближе, обо мне радел как брат,
 Любовь и жизнь к моим ногам слагая;
 Пылая рвением, Ричарду в лицо
 Он бросил вызов. Кто из вас, милорды,
 При этом был?

(Уорику.)

Не вы ль, кузен мой Невиль? —
 Когда сквозь слезы Ричард, подвергаясь
 Злым оскорблениям Нортемберленда,
 Слова пророческие произнес:
 «Нортемберленд, ты лестница; по ней
 Кузен мой Болингброк на трон восходит»,—
 Хоть, видит бог, об этом я не думал,
 И, если бы не нужды государства,
 Не сочетался б я вовек с величием.
 «Придет пора,— так Ричард продолжал,—
 Придет пора, когда постыдный грех,
 Созревший, как нарыв, прорвется бурно».
 Так он предрек непрочность нашей дружбы
 И все, что происходит в наши дни.

У о р и к

Есть в жизни всех людей порядок некий,
 Что прошлых дней природу раскрывает.
 Поняв его, предсказывать возможно
 С известной точностью грядущий ход
 Событий, что еще не родились,
 Но в недрах настоящего таятся
 Как семена, зародыши вещей.

Их высидит и вырастит их время.
И непреложность этого закона
Могла догадку Ричарду внушить,
Что, изменив ему, Нортемберленд
Не остановится, и злое семя
Цветок измены худшей породит.
А почвой для нее могли служить
Лишь вы один.

Король Генрих

Все это неизбежно?
Так мужественно встретим неизбежность.
Она теперь взывает громко к нам.
Слышал я, тысяч пятьдесят собрали
Граф и епископ.

Уорик

Быть того не может.
Ведь все, чего страшимся мы, молва
Удваивает, словно эхо — голос.
Прошу, прилягте снова, государь.
Клянусь душою, сил, что вы послали,
Достаточно, чтоб усмирить восстание.
Но, чтобы успокоить вас вполне,
Я сообщу вам верное известие:
Глендаур скончался. Эти две недели
Больны вы были, государь, и вредно
Вам бодрствовать в столь неурочный час.

Король Генрих

Я вашему последую совету.
Скорей бы смуту одолеть, а там —
Направим путь, друзья, к святым местам.

Уходят.

СЦЕНА 2

Глостершир. Двор перед домом судьи Шеллоу.

Входят с разных сторон Шеллоу и Сайленс, Плесень, Тень,
Бородавка, Мозгляк и Бычок; в отдалении — слуги.

Шеллоу

Пожалуйте, пожалуйста, пожалуйста, сэр. Дайте мне вашу руку,
сэр, дайте вашу руку. Честное слово, вы ранняя птичка. А как вы
поживаете, мой добрый кузен Сайленс?

С а й л е н с

С добрым утром, добрый кузен Шеллоу.

Ш е л л о у

А как поживает моя кузина, ваша дражайшая половина?
И ваша прелестная дочь, моя крестница Эллен?

С а й л е н с

Все такая же дикарка, кузен Шеллоу.

Ш е л л о у

А вот из моего кузена Вильяма, с позволения сказать, вышел, кажется, отличный студент? Он все еще в Оксфорде, не правда ли?

С а й л е н с

Да, сэр, и на моем иждивении.

Ш е л л о у

Пора бы уж ему в адвокатскую школу. Я в свое время учился в Климентовом колледже, и там до сих пор, наверно, вспоминаю о сорванце Шеллоу.

С а й л е н с

Тогда вас называли «весельчаком Шеллоу», кузен.

Ш е л л о у

Боже милостивый, как только меня не называли! И каких только штук я не вытворял, да еще как ловко-то! Там учился вместе со мной маленький Джон Дойт из Стаффордшира, и черный Джордж Барнс, и Франсис Пикбон, и Уилл Скуил из Котсолда. Таких четырех головорезов не сыскать было во всех колледжах. Смею вас уверить, уж мы-то знали, где раки зимуют, и к нашим услугам были всегда самые лучшие женщины. Был там еще Джек Фальстаф, ныне сэр Джон; в то время он был еще мальчишкой и служил пажом у Томаса Маубрея, герцога Норфолка.

С а й л е н с

Тот самый сэр Джон, кузен, что приехал к нам вербовать солдат?

Ш е л л о у

Тот самый сэр Джон, тот самый. Помню, как он на моих глазах проломил голову Скогану у ворот школы, когда был еще вот таким малышом. В тот самый день я еще дрался с Самсоном

Стокфишем — фруктовщиком на задворках Греевского колледжа. Ах, господи Иисусе, веселое было времечко! И подумать только, сколько моих старых приятелей уже умерло!

Сайленс

Все там будем, кузен.

Шеллоу

Разумеется, разумеется, совершенно верно, совершенно верно. Смерть, как сказал псалмопевец, есть удел каждого: все мы умрем. А в какой цене пара добрых волов на Стемфордской ярмарке?

Сайленс

Право, кузен, не знаю; я там не был.

Шеллоу

Да, от смерти не уйдешь. А что, жив еще старик Дебл, ваш земляк?

Сайленс

Умер, сэр.

Шеллоу

Ах, господи Иисусе, умер! Он отлично стрелял из лука. И вдруг умер... Да, отменный был стрелок. Джон Гант очень его любил и, бывало, ставил на него большие заклады. Умер!.. Он попадал в цель с двухсот сорока шагов, а легкую стрелу пускал с двухсот семидесяти; поглядеть на него — душа радовалась. А почему теперь овцы?

Сайленс

Смотря по товару. Два десятка добрых овец идут за десять фунтов.

Шеллоу

Так старик Дебл умер?

Сайленс

Вот идут, кажется, двое из отряда сэра Джона Фальстафа.

Входит Бардольф с одним из солдат.

Бардольф

С добрым утром, почтенные джентльмены. Будьте добры сказать, кто из вас судья Шеллоу.

Шеллоу

Я Роберт Шеллоу, сэр, скромный эсквайр здешнего графства и королевский мировой судья. Чем могу служить?

Бардольф

Мой капитан, сэр, свидетельствует вам свое почтение. Мой капитан, сэр Джон Фальстаф — видный дворянин, клянусь небом, и отважный полководец.

Шеллоу

Благодарю за поклон. Я знал его как славного рубаку. Как поживает добрейший рыцарь? Осмелюсь спросить, как здоровье миледи его супруги.

Бардольф

Простите, сэр, но солдату предпочтительнее обходиться без жены.

Шеллоу

Хорошо сказано, честное слово, сэр. В самом деле хорошо сказано. Предпочтительнее обходиться без жены? Превосходно! Да, так оно и есть. Отличные изречения всеми ценятся и всегда ценились. «Предпочтительнее» — ведь это происходит от слова «почтительнее». Отличное изречение.

Бардольф

Прошу прощения, сэр, это слово мне доводилось слышать. «Изречение», говорите вы? Клянусь дневным светом, я не знаю никаких «изречений». Но, что касается слов, сказанных мною, я готов своим мечом доказать, что это истинно солдатские слова, под стать любому командиру, клянусь небом! «Предпочтительнее» — это значит, когда человек, как говорится, предпочитает... Или когда человек находит, что он предпочитает... или, еще вернее, думает, что предпочитает, — а это самое главное.

Шеллоу

Совершенно верно.

Входит Фальстаф.

А вот и добрейший сэр Джон! Вашу руку, вашу почтенную руку, сэр. Честное слово, у вас отличный вид, и вы молодо выглядите для своих лет. Добро пожаловать, добрейший сэр Джон!

Ф а л ь с т а ф

Очень рад видеть вас в добром здравье, дорогой мистер Роберт Шеллоу.— Мистер Шуркард, если не ошибаюсь?

Ш е л л о у

Нет, сэр Джон, это кузен Сайленс, мой сослуживец.

Ф а л ь с т а ф

Добрейший мистер Сайленс, вам весьма к лицу такая мирная должность, как мирового судьи.

С а й л е н с

Благодарю покорно вашу милость.

Ф а л ь с т а ф

Фу, какая жара! Ну что же, господа, приготовили вы мне с полдюжины годных рекрутов?

Ш е л л о у

Разумеется, приготовили, сэр. Не угодно ли вам присесть?

Ф а л ь с т а ф

Покажите мне, пожалуйста, рекрутов.

Ш е л л о у

Где список? Где список? Где список? Дайте взглянуть, дайте взглянуть. Так, так, так, так. Да, сэр, именно так. Релф Плесень. Я буду их выкликать, и пусть они выходят, пусть выходят, пусть выходят. Посмотрим. Где же Плесень?

П л е с е н ь

Я здесь, с вашего разрешения.

Ш е л л о у

Что скажете, сэр Джон? Парень недурно сложен, молодой, крепкий и из хорошей семьи.

Ф а л ь с т а ф

Тебя зовут Плесень?

П л е с е н ь

Да, с вашего разрешения.

Ф а л ь с т а ф

Так пора тебя встряхнуть.

Ш е л л о у

Ха-ха-ха! Превосходно, ей-богу! Ведь вещи покрываются плесенью, когда залежатся. Замечательно! Честное слово, прекрасно сказано, сэр Джон, отлично сказано.

Ф а л ь с т а ф

(к Шеллоу)

Отметьте его.

П л е с е н ь

Довольно уже меня метили, пора бы меня оставить в покое. Моя старуха без меня совсем пропадет. Разве ей одной управиться с хозяйством да со всей работой? Нечего вам меня метить, найдутся молодцы более пригодные для этого дела, чем я.

Ф а л ь с т а ф

Ну, помалкивай, Плесень. Мы тебя забираем. Пора тебя встряхнуть, Плесень.

П л е с е н ь

Встряхнуть!

Ш е л л о у

Молчи, приятель, молчи! Стань в сторонку. Или ты позабыл, где находишься? — Перейдем к следующему, сэр Джон. Посмотрим, посмотрим... Симон Тень!

Ф а л ь с т а ф

Черт возьми, хорошо бы сейчас посидеть в тени. Думается мне, из него выйдет хладнокровный солдат.

Ш е л л о у

Где Тень?

Т е н ь

Здесь, сэр.

Ф а л ь с т а ф

Тень, чей ты сын?

Т е н ь

Моей матери, сэр.

Ф а л ь с т а ф

Сын своей матери? Это весьма вероятно. И к тому же тень своего отца: ведь сын женщины есть тень мужчины, а не его подобие. Да, частенько так бывает.

Ш е л л о у

Как он вам нравится, сэр Джон?

Ф а л ь с т а ф

Тень пригодится летом: отметьте его. У нас уже немало теней в списках.

Ш е л л о у

Томас Бородавка!

Ф а л ь с т а ф

Где он?

Б о р о д а в к а

Здесь, сэр.

Ф а л ь с т а ф

Тебя зовут Бородавкой?

Б о р о д а в к а

Да, сэр.

Ф а л ь с т а ф

Ты, я вижу, препаршивая бородавка.

Ш е л л о у

Отметить и его, сэр Джон?

Ф а л ь с т а ф

В этом нет надобности; ведь одежда висит на нем, как на шесте, и ноги у него как две черточки,— он и так смахивает на отметку в списке.

Ш е л л о у

Ха-ха-ха! Славная шутка, сэр, славная шутка! Браво, браво! — Франсис Мозгляк!

М о з г л я к

Здесь, сэр.

Фальстаф

Ты каким ремеслом занимаешься, Мозгляк?

Мозгляк

Я женский портной, сэр.

Шеллоу

Отметить и его, сэр?

Фальстаф

Отметьте. Но, будь он мужской портной, он бы сам разметил нас мелом.— Что, сделаешь ты в неприятельских рядах столько прорех, сколько наделал в женских юбках?

Мозгляк

Изю всех сил постараюсь, сэр. Уж будете мною довольны.

Фальстаф

Хорошо сказано. Молодец, женский портной! Хорошо сказано, храбрый Мозгляк. Ты будешь столь же отважен, как разъяренный голубь или доблестная мышь. Отметьте женского портного, мистер Шеллоу, да получше, покрепче.

Мозгляк

Хотелось бы мне, чтобы и Бородавку забрали.

Фальстаф

Хотелось бы мне, чтобы ты был мужским портным, тогда бы ты его починил и сделал годным для маршировки. Я не могу сделать простым солдатом того, кто ведет за собой целую армию. Удовлетворись этим, грозный Мозгляк.

Мозгляк

Понял, сэр.

Фальстаф

Благодарю тебя, почтеннейший Мозгляк.— Кто следующий?

Шеллоу

Питер Бычок с лужка.

Фальстаф

Ну, посмотрим на Бычка.

Бычок

Здесь, сэр.

Фальстаф

Ей-богу, видный парень! — Отметьте Бычка, пока он не заревел.

Бычок

О господи! Добрейший господин капитан!..

Фальстаф

Как! Тебя еще не отметили, а ты уже ревешь?

Бычок

О господи! Я больной человек, сэр.

Фальстаф

Какая же у тебя болезнь?

Бычок

Проклятая простуда, сэр; кашель, сэр. Я схватил его на королевской службе — в день коронации, сэр, когда звонил на колокольне.

Фальстаф

Ладно, ты отправишься на войну в халате. Мы выгоним из тебя простуду, я распоряжусь, чтобы твои друзья звонили по тебе. — Все теперь?

Шеллоу

Я вызвал на два человека больше, чем вам требовалось, вам надобно только четырех, сэр. — А теперь прошу ко мне отобедать.

Фальстаф

Я готов выпить с вами, а обедать мне некогда. Честное слово, я рад был свидеться с вами, мистер Шеллоу.

Шеллоу

О сэр Джон, помните, как мы с вами провели ночь на ветряной мельнице на Сент-Джорджских лугах?

Фальстаф

Лучше не вспоминать об этом, добрейший мистер Шеллоу, лучше не вспоминать.

Шеллоу

Веселая была ночка! А что, Дженни Ночная Пташка еще жива?

Фальстаф

Жива, мистер Шеллоу.

Шеллоу

Никак ей не удавалось сладить со мной.

Фальстаф

Никак. Она, бывало, говорила: «Терпеть не могу мистера Шеллоу».

Шеллоу

Клянусь мессой, я умел бесить ее. Славная была бабенка. Ну что, она еще держится?

Фальстаф

Постарела, сильно постарела, мистер Шеллоу.

Шеллоу

Понятно, что постарела. Да как же ей не быть старой? Ведь у нее уже был сын Робин Найтуэрк от старого Найтуэрка, прежде чем я поступил в Климентов колледж...

Сайленс

Это было пятьдесят пять лет назад.

Шеллоу

Да, кузен Сайленс, если б ты только знал, что мы перевидали с этим джентльменом на своем веку! Верно я говорю, сэр Джон?

Фальстаф

Да, частенько мне приходилось слышать, как бьет полночь, мистер Шеллоу.

Шеллоу

Приходилось, приходилось, сэр Джон, ей-богу, приходилось. Нашим лозунгом было: «Не зевай, ребята!» Ну, идемте обедать, идемте обедать. Господи, вот славное было времечко! Идемте, идемте.

Фальстаф, Шеллоу и Сайленс уходят.

Бычок

Добрейший господин капитан Бардольф, замолвите за меня словечко, и вот вам за это четыре монеты по десяти шиллингов французскими кронами. Честное слово, сэр, для меня идти на войну — все равно что на виселицу. О себе самом, сэр, я и хлопотать бы не стал, но потому как мне больно неохота, и уж очень мне желательно с друзьями остаться; не будь этого, сэр, я бы ни-почем не стал о самом себе хлопотать.

Бардольф

Ладно, огойди в сторонку.

Плесень

Добрейший господин капрал-капитан, ради моей старухи замолвите за меня словечко. Ежели я уйду, то некому будет по хозяйству работать, а она у меня старенькая и сама не может управиться. Я дам вам сорок шиллингов, сэр.

Бардольф

Ладно, отойди в сторонку.

Мозгляк

Ей-богу, мне все нипочем: смерти не миновать. Ни в жизнь не стану труса праздновать. Суждено умереть — ладно, не суждено — еще лучше. Всякий должен служить своему государю, и, что бы там ни было, а уж тот, кто помрет в этом году, застрахован от смерти на будущий.

Бардольф

Хорошо сказано. Ты молодец.

Мозгляк

Ей-богу, не стану я труса праздновать.

Входят Фальстаф, Шеллоу и Сайленс.

Фальстаф

Ну, сэр, кого же из них мне забирать?

Шеллоу

Четверых, по вашему усмотрению.

Бардольф
(тихо, Фальстафу)

Сэр, на два слова. Я получил три фунта, с тем чтобы освободить Плесень и Бычка.

Фальстаф

Ладно, пусть будет так.

Шеллоу

Ну, сэр Джон, кого же вы выберете?

Фальстаф

Выбирайте вы за меня.

Шеллоу

Хорошо. Возьмите Плесень, Бычка, Мозгляка и Тень.

Фальстаф

Плесень и Бычка? Ты, Плесень, оставайся дома, пока не придешь в полную негодность. А что до тебя, Бычок, то тебе еще надо подрасти для службы. Вы оба мне не нужны.

Шеллоу

Сэр Джон, сэр Джон, вы действуете в ущерб себе. Эти двое — самые лучшие, а мне хотелось, чтобы у вас были под началом отборные солдаты.

Фальстаф

Уж не собираетесь ли вы, мистер Шеллоу, учить меня, как выбирать солдат? Велика важность — сложение, сила, статпость, рост, осанка! Мне важен дух солдата, мистер Шеллоу! Возьмите Бородавку. С виду — совсем жалкий оборванец. Но поверьте, он будет заряжать и разряжать ружье быстрее, чем кузнец бьет молотом; он будет напирать и ломить вперед с быстротой малого, что катит бочку с пивом. А этот тощий парень Тень — вот каких солдат мне нужно. Неприятелю никак в него не попасть: это все равно что целиться в лезвие перочинного ножа. А в случае отступления — как шибко побежит этот Мозгляк, женский портной! О, подавайте мне неприглядных рекрутов — и я не взгляну на рослых! — Бардольф, дай-ка Бородавке мушкет.

Бардольф

Держи, Бородавка. Шагом марш! Так, так, так.

Ф а л ь с т а ф

Посмотрим, как ты управляешься с мушкетом. Так, очень хорошо... Продолжай... Очень хорошо... Отлично... О, подавайте мне плюгавых, тощих, старых, сморщенных, лысых стрелков! Здорово, Бородавка, ей-богу! Ты славный прыщ. Вот тебе шесть пенсов.

Ш е л л о у

А все-таки он не мастер своего дела; еще не наострился. Помню, когда я был еще в Климентовом колледже и изображал на Артуровых играх в Майленд-Грине сэра Дагонета, там был один маленький ловкий человечек,— вот уж здорово палил из мушкета! Повернет его и так и этак, и туда и сюда, а потом прицелится — пиф-паф, трах-тарарах! — и отскочит назад, а потом опять — и туда и сюда... Этакого ловкача мне больше никогда не увидеть.

Ф а л ь с т а ф

Эти молодцы мне подходят, мистер Шеллоу.— Да хранит вас бог, мистер Сайленс; не буду тратить с вами лишних слов.— Прощайте, господа. Благодарю вас. Мне еще до ночи надо сделать добрых двадцать миль.— Бардольф, выдай новобранцам мундиры.

Ш е л л о у

Да благословит вас господь, сэр Джон! Да поможет он вам во всех делах ваших! Да пошлет нам бог мирные времена! На обратном пути заезжайте ко мне. Возобновим старое знакомство. Может статься, я отправлюсь с вами ко двору.

Ф а л ь с т а ф

Видит бог, я бы очень хотел этого, мистер Шеллоу.

Ш е л л о у

Ладно. Уж как сказано, так и будет сделано. Да хранит вас бог.

Ф а л ь с т а ф

Прощайте, благородные джентльмены.

Сайленс и Шеллоу уходят.

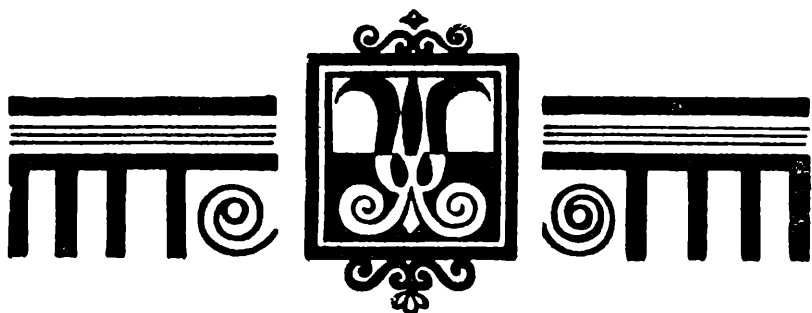
Бардольф, уведи солдат.

Бардольф и рекруты уходят.

Фальстаф

На обратном пути уж я постригу этих судей! Насквозь вижу этого Шеллоу. Боже ты мой, до чего мы, старые люди, подвержены пороку лжи! Этот дохлый судья только и делал, что хвастал передо мной своей разгульной молодостью и своими подвигами на Торнбульской улице, и каждое третье слово было ложью, которую он подносил слушателю аккуратнее, чем платят дань турку. Я его помню в Климентовом колледже; он похож был на человечка, вырезанного в конце ужина из корки сыра. Голый он был точь-в-точь как раздвоенная редька с вырезанной наверху смешной рожей. Он был так тош, что близорукому его нипочем бы не разглядеть. Это был настоящий призрак голода; и притом похотлив, как мартышка, так что женщины звали его мандрагрой. Вечно он плелся в хвосте у моды и распевал обтрепанным потаскушкам песни, которые подслушивал у извозчиков, да еще при этом клялся, что сам сочинил эти романсы и серенады. И теперь эта шутовская рапира стала эсквайром и развязно говорит о Джоне Ганте, как если бы тот был ему названным братом. А я готов поклясться, что он видел его всего раз в жизни в Тильт-Ярде, когда Гант проломил ему голову за то, что он затесался в свиту лорд-маршала. Я присутствовал при этом и сказал Джону Ганту, что он отколотил свое собственное прозвище. Ведь его со всей его одежей можно было запрятать в шкурку угря; в футляре от гобоя ему было бы просторно, как в каком-нибудь дворце. А теперь у него и поместье и рогатый скот... Непременно заведу с ним дружбу, когда вернусь, и будь я не я, если не сделаю себе из него два философских камня. Если старая шука глотает молодую плотву, то, по закону природы, у меня все основания проглотить судью. Дайте срок, и все будет в порядке. *(Уходит.)*

А К Т IV

СЦЕНА 1

Йоркшир. Лес Голтри.

Входят архиепископ Йоркский, Маубрей, Хестингс
и другие.

Архиепископ

Как этот лес зовется?

Хестингс

Голтрийский лес, коль вам угодно знать.

Архиепископ

Здесь остановимся и разошлем
Разведчиков — узнать число врагов.

Хестингс

Они уже отправлены.

Архиепископ

Прекрасно.

Друзья мои, собратья по оружию,
Я должен вам сказать, что получил
Письмо недавно от Нортемберленда,
Холодное по тону и по смыслу:
Хотел бы, пишет, к нам примкнуть, но с войском,
Достойным имени его и сана.
Такого не собрав, он удалился

В Шотландию, чтоб дать созреть удаче.
В конце письма возносит он молитву,
Чтоб выдержало наше начинанье
Опасности и страшный бой с врагом.

Маубрей

Так рухнули надежды на него,
Разбившись в прах.

Входит гонец.

Хестингс

Ну что, какие вести?

Гонец

В порядке стройном с запада подходит
К нам неприятель; он от нас лишь в миле,
И, судя по пространству, что он занял,
В его рядах должно быть тысяча тридцать.

Маубрей

Как раз мы столько и предполагали.
Так двинемся и в поле встретим их.

Входит Уэстморленд.

Архиепископ

Кто этот рыцарь в боевых доспехах?

Маубрей

Я полагаю, это Уэстморленд.

Уэстморленд

Вам шлет привет, желает вам здоровья
Наш полководец герцог Джон Ланкастер.

Архиепископ

Так с миром говорите, Уэстморленд:
Чем вызван ваш приход?

Уэстморленд

Я речь свою

К вам обращаю, ваше преподобье.
Когда бы в образе своем восстанье
Явилось к нам — толпой презренной, гнусной
Мальчишек, попрошайек, оборванцев,

Под предводительством юнцов свирепых,
Под знаком ярости,— я говорю,
Когда б мятеж проклятый нам предстал
В своем природном, подлинном обличье,—
То вы, святой отец, и вы, милорды,
Своей прекрасной честью не прикрыли б
Уродливую наготу кровавой
И мерзкой смуты. Лорд архиепископ,
Вы, чей престол храним гражданским миром,
Чья борода в дни мира поседела,
Чью мудрость и ученость мир вскормил,
Чье облачение белое — эмблема
И голубиной чистоты и мира,—
Зачем вы переводите себя
С благословенного паречья мира
На грубый, яростный язык войны,
В могилы превращая ваши книги,
Чернила — в кровь и перья ваши — в копьа,
А вдохновенный голос ваш — в трубу,
Гремящую суровый клич войны?

А р х и е п и с к о п

Спросили вы: зачем я сделал так?
Вот краткий вам ответ: мы все больны;
Излишествами и развратной жизнью
Себя мы до горячки довели,
И нужно кровь пустить нам. Заразившись
Той хворью, Ричард, наш король, погиб.
Однако, благородный Уэстморленд,
Не в качестве врача сюда я прибыл
И не как враг спокойствия и мира
Вступил в ряды бойцов. Нет, лишь на время
Я принимаю грозный вид войны,
Чтоб воздержаньем души излечить,
Пресыщенные счастьем, от застоя
Очистить кровь, готовую свернуться.
Теперь я выскажусь яснее. Взвесил
Я справедливо, на одних весах,
Восстанья зло и зло, какое терпим,—
И перевесили страданья наши
Предполагаемый ущерб. Мы видим,
Куда течет поток времён, и нас
Событий бег из мирной сферы вырвал.
Мы перечень подробный всех обид,
Нам причиненных, в должный час предъявим.

Давно его представить мы хотели,
Но не добились доступа к монарху.
Когда желали перечислить мы
Свои обиды, нас не допускали
Те лица, что чинили нам обиды.
Опасности едва минувших дней,
Чей след еще не высохшею кровью
Начертан на земле родной, примеры,
Что каждый миг встречаем в наше время,
Принудили нас меч поднять — хоть это
И чуждо нам — не с тем, чтоб мир нарушить
Иль ветвь его хотя б одну сломить,
Но чтобы мир нам подлинно упрочить
Не только на словах, но и на деле.

Уэстморленд

Когда король не принял ваших жалоб?
Чем оскорбил он вас? Какие пэры
Вас обижали по его приказу?
Что побудило ваше преподобье
Восстанья свиток дерзкий и кровавый
Скрепить своей божественной печатью
И освятить раздора ярый меч?

Архиепископ

Хоть государство всем нам брат, — оно
Сейчас мне лютый враг из-за расправы,
Постигшей моего родного брата.

Уэстморленд

Во мстителе здесь нет нужды, поверьте;
А будь она, — вам не пристало мстить!

Маубрей

А почему бы не пристало нам?
Ведь в памяти у нас еще свежи
Удары дней былых, а в настоящем
Мы терпим гнет несправедливой руки,
Что душист нашу честь!

Уэстморленд

Добрейший лорд,
Постигнув роковую неизбежность
Событий наших дней, вы убедитесь,
Что ваш обидчик — время, не король.

Но все ж мне кажется, что лично вам
Ни наше время, ни король не дали
Ни на волос для жалоб оснований.
Иль вам не возвратили всех владений,
Которые имел родитель ваш,
Достойный, благородный герцог Норфолк?

Маубрей

Да разве мой отец права утратил
И должен был я снова в них вступить?
Король, его любивший, должен был
Лишь силой обстоятельств, против воли
Его изгнать. В тот миг, когда отец
И Болингброк, встав на стременах,
Коней ретивых шпорой горяча,
С копьём наперевес, спустив забрала,
Сверкали взорами сквозь сталь решетки
И подала труба сигнал к сраженью,—
Тогда, тогда что удержать могло бы
Отца от смертоносного удара?
Но бросил жезл свой государь, не зная,
Что жизнь его на том жезле висела,—
В тот миг он бросил жизнь свою и жизни
Всех тех, кто от меча иль по доносам
В правление Болингброка принял смерть.

Уэстморленд

Пустое говорите вы, лорд Маубрей!
В те времена граф Херифорд считался
Одним из самых доблестных бойцов.
Как знать, кому бы счастье улыбнулось?
Но если бы отец ваш победил,
Из Ковентри не вынес бы он славы,
Затем что вся страна единодушно
Его хулила, а молитвы всех
За графа Херифорда возносились,
Которого боготворил народ
И чествовал превыше короля.
Однако отклонился я от цели.
Сюда я послан царственным вождем
Узнать, чем недовольны вы, а также
Сказать, что вас он выслушать согласен,
И, коль законны требованья ваши,
Готов он их исполнить, устранив
Все то, что возбудило в вас вражду.

Маубрей

Он вынужден вступить в переговоры;
И движет им расчет, а не любовь.

Уэстморленд

В вас говорит, лорд Маубрей, самомнение.
Не страх таится в предложенье нашем,
А милость. Вот пред вами наше войско:
Оно, готов поклясться я, надежно,—
И мысль о страхе допустить нельзя.
У нас в рядах имен блестящих больше,
И воины искусней в ратном деле,
Оружье лучше, выше цель,— должны
Мы и храбрее быть. Не говорите ж,
Что вынуждено предложенье наше.

Маубрей

Не допустил бы я переговоров.

Уэстморленд

Так, значит, стыдно вам своих поступков:
Не выдержит гнилье прикосновенья.

Хестингс

Уполномочен ли принц Джон вести
Переговоры от лица монарха.
Принять решение и условия мира?

Уэстморленд

Со званьем полководца неразлучны
Все полномочья: празден ваш вопрос.

Архиепископ

Тогда, милорд, возьмите этот свиток:
В нем перечень всех требований наших.
Пусть все условия по статьям исполнят,
Сторонники все наши — здесь и всюду —
Оправданы пусть будут по закону,
Пускай подпишет принц свое согласие
Желанья наши выполнить — и тотчас
Мы в берега покорности вернемся,
Рукою мира мощь свою сковав.

Уэстморленд

Ваш свиток принцу я вручу. Милорды,
Мы на глазах у наших войск сойдемся
И, если будет воля божья, миром
Закончим это дело, если ж нет,
Тогда пускай мечи на поле брани
Решат наш спор.

Архиепископ

Да будет так, милорд.

Уэстморленд уходит.

Маубрей

Мне говорит какой-то тайный голос,
Что прочным этот мир не может быть.

Хестингс

Не бойтесь. Если мир мы заключим
На основание тех определенных,
Пространных требований, что мы ставим,
Мир будет каменной скалы прочней.

Маубрей

Да, но мы будем на таком счету,
Что всякий вздорный и ничтожный повод,
Нелепый, незначительный предлог
Напомнит государю о восстание;
И, будь мы в верности своей готовы
Идти на жертву за него, нас будут
Провеивать таким суровым ветром,
Что легче станут зерна, чем мякина,
И в нас добра не отличат от зла.

Архиепископ

Нет, нет, милорд. Заметьте, государь
Устал от вздорных и досадных распрей.
Он увидал, что, умертвив врага,
В наследниках двух новых наживаешь,
И потому захочет, без сомненья,
Он со своих табличек все стереть,
Наветчиков из памяти изгнав,
Чтоб не будили в нем воспоминаний

О прежних неудачах. Он ведь знает:
В стране не выполоть всех сорных трав,
Как подозрительность его хотела б;
Его друзья с врагами так сплелись,
Что, если вырвет с корнем он врага,
Тем самым нанесет ущерб и другу.
Страна подобна женщине сварливой,
Что до побоев мужа довела,
Когда же он занес над ней кулак,
Дитя протягивает, чтобы этим
Карающую руку удержать.

Х е с т и н г с

К тому ж король переломал все розги
О прежних оскорбителей своих;
Теперь недостает орудий казни,
И мощь его, как лев, когтей лишенный,
Грозить лишь может, не терзать.

А р х и е п и с к о п

Вы правы.

И потому поверьте мне, лорд-маршал,
Что если мы поладим с ним, то мир,
Как сломанная кость, что вновь срослась,
Прочней лишь будет впредь.

М а у б р е й

Да будет так!

Вот возвращается лорд Уэстморленд.

Входит Уэстморленд.

Уэстморленд

Принц приближается. Угодно ль вам
С ним встретиться, милорды, меж войсками?

М а у б р е й

Идемте с богом, ваше преподобье.

А р х и е п и с к о п

Привет снесите принцу. Мы идем.

Уходят.

СЦЕНА 2

Другая часть леса.

Входят с одной стороны — Маубрей, архиепископ, Хестингс и другие, с другой — принц Джон Ланкастерский, Уэстморленд, офицеры и свита.

Принц Джон

Добро пожаловать, кузен мой Маубрей.—
Приветствую вас, лорд архиепископ,
И вас, лорд Хестингс, как и всех других.—
Вам несравненно больше подошло б,
Милорд архиепископ, быть средь паствы,
Собравшейся на колокольный звон
И проповеди внемлющей смиренно,
Чем в этот грозный час в стальной броне
Воспламенять крамольников толпу
Под грохот барабанов, превращая
Слова в мечи, а жизнь благую в смерть.
Тот, кто владеет сердцем государя,
Созрев под солнцем милости его,
Коль обратит во зло его доверье,—
Ах, сколько бед он может натворить
Под сенью королевской! Так и вы,
Милорд архиепископ. Как глубоко
Вы вникли в слово божье! Это было
Известно всем. И были вы для нас
Господнего парламента оратор;
Для нас вы были голосом господним,
Глашатаем, посредником усердным
Меж благодатью, меж святыней горней
И грешной суетой. Кто б мог поверить,
Что вы свой сан во зло употребите,
Воспользуетесь благодатью неба,
Как пользуется низкий фаворит
В делах бесчестных именем монарха?
Под лживую личиной божьей воли
Вы наших подданных вооружили
На божьего наместника — монарха
И, мир небесный и земной нарушив,
Собрали полчища.

Архиепископ

Добрейший принц,
Мы не пришли нарушить мир земной —

Но, как сказал я лорду Уэстморленду,
Година смуты нам велит, сплотившись,
Прибегнуть к столь чудовищному средству,
Чтоб оградить себя. Я предъявил
Вам перечень обид, нам причиненных.
С презреньем был отвергнут он двором,
И это породило гидру войн,
Чей грозный взор вы усыпить могли бы,
Законные исполнив наши просьбы.
Тогда покорность, сбросив гнет безумья,
К монаршим кротко склонится стопам.

Маубрей

А нет — мы до последней капли крови
Сражаться будем.

Хестингс

Если ж мы падем,
Союзники подхватят наше знамя;
Тех перебьют — другие сменят их, —
И будет зло плодиться; станет распря
Переходить из рода в род, доколе
В стране рождаться будут поколения.

Принц Джон

Вы чересчур, лорд Хестингс, близоруки,
Чтоб в даль веков грядущих прозревать.

Уэстморленд

Угодно ль высказать вам, ваша светлость,
Как смотрите вы на условия их?

Принц Джон

Я одобряю все, и принимаю,
И честью рода нашего клянусь,
Что ложно поняли монарха волю
И что иные из придворных наших
Употребили власть его во зло. —
Милорд, исправлено все будет скоро,
Клянусь душою. Если вы довольны,
Своих солдат по графствам распустите;
Поступим так же мы. И меж войсками
Мы выпьем вместе, дружески обнявшись,
Чтоб всякий подтвердил, придя домой,
Что восстановлены приязнь и мир.

А р х и е п и с к о п

Мне ваше слово, принц, порукой служит.

П р и н ц Д ж о н

Даю охотно слово и сдержу.

Я за здоровье ваше пью сейчас.

Х е с т и н г с

(одному из офицеров)

Ступайте, возвестите мир войскам;

Пускай заплатят им и всех распустят;

Им это будет в радость. Поспешите.

О ф и ц е р уходит.

А р х и е п и с к о п

Я пью за вас, достойный Уэстморленд.

У э с т м о р л е н д

А я, милорд, за вас. Когда б вы знали,

Каких трудов мне стоит этот мир,

Охотней пили б вы. Я полагаю,

В моей любви вы скоро убедитесь.

А р х и е п и с к о п

Не сомневаюсь в ней.

У э с т м о р л е н д

Душевно рад.—

Здоровье ваше пью, кузен лорд Маубрей.

М а у б р е й

Мне вовремя желаете здоровья:

Внезапно стало как-то худо мне.

А р х и е п и с к о п

Перед напастью люди веселы,

А тяжесть в сердце предвещает счастье.

У э с т м о р л е н д

Так будьте веселы; порыв печали

Внушает вам, чтоб радости вы ждали.

А р х и е п и с к о п

Поверьте, у меня легко на сердце.

Маубрей

Тем хуже, если правильна примета,
За сценой крики.

Принц Джон

Объявлен мир. Вы слышите — ликуют?

Маубрей

Услышать бы победы ликованье!

Архиепископ

С победою одной природы мир:
В нем обе стороны покорены,
Но без потерь.

Принц Джон

Ступайте, Уэстморленд,
И наше войско также распустите.

Уэстморленд уходит.

Милорд, давайте мы солдатам нашим
Прикажем здесь пройти, чтоб увидеть
Противников недавних.

Архиепископ

Пусть, лорд Хестингс,
Пред тем как разойтись, пройдут пред нами.

Хестингс уходит.

Принц Джон

Надеюсь, ночь мы вместе проведем?

Входит Уэстморленд.

Что ж наша армия стоит недвижно?

Уэстморленд

Вы им стоять велели — не уйдут,
Пока от вас приказа не получат.

Принц Джон

Они свой знают долг.

Входит Хестингс.

Хестингс

Милорд, рассеялось все наше войско:
Как распряженные быки — спешат
На юг, на север, запад и восток;
Как школьники, которых отпустили, —
Стремятся кто домой, кто на забавы.

Уэстморленд

Весть добрая; в награду за нее
Вас арестую, Хестингс, за измену, —
А также вас, епископ и лорд Маубрей.

Маубрей

Достойно ль, честно ли так поступать?

Уэстморленд

А заговор честней?

Архиепископ

Где ж верность слову?

Принц Джон

Не давал я слова;

Лишь обещал я сделать улучшения,
Каких вы требовали, и клянусь —
Я все исполню свято. Что до вас,
Изменники, готовьтесь встретить кару
За действия свои и за восстанье.
Мятеж был вздорен: глупо было рать
Вести на нас, безумно — распускать. —
Бить в барабан, преследовать ораву!
Не нам, а господу победы слава!
До плахи их сберечь; на ложе том
Измена дух испустит со стыдом.

Уходят.

СЦЕНА 3

Другая часть леса.

Шум битвы. Стычки.

Встречаются Фальстаф и сэр Джон Кольвиль.

Фальстаф

Как ваше имя, сэр? Скажите, пожалуйста, какого вы звания
и откуда родом?

Кольвиль

Я рыцарь, сэр, и зовут меня Кольвиль из Долины.

Фальстаф

Ну, хорошо: имя ваше — Кольвиль, звание — рыцарь, а место жительства — долина. Имя Кольвиль останется и впредь за вами, но отныне ваше звание будет изменник, а место жительства — тюрьма; там достаточно глубокие подвалы, так что вы по-прежнему будете Кольвилем из Долины.

Кольвиль

Не вы ли сэр Джон Фальстаф?

Фальстаф

Кем бы я ни был, сэр, я не хуже его. Что же, сдаетесь вы, сэр, или мне придется потеть из-за вас? Если так, то капли моего пота станут слезами ваших близких, оплакивающих вашу смерть. Итак, повергнись в страх и трепет и умоляй меня о пощаде.

Кольвиль

Мне думается, вы сэр Джон Фальстаф, и потому я сдаюсь вам.

Фальстаф

У меня в утробе целая куча языков, и они всем и каждому выбалтывают мое имя. Будь у меня брюхо хоть сколько-нибудь обыкновенных размеров, я был бы самым проворным малым во всей Европе. Моя утроба губит меня.— А вот и наш полководец. Входят принц Джон Ланкастерский, Уэстморленд, Блент и другие.

Принц Джон

Жар миновал. Погоню прекратить;
Трубить отбой велите, Уэстморленд.

Уэстморленд уходит.

Фальстаф, где были вы все это время?
Когда все кончено, вы появились.
Клянусь, проделки эти вас заставят
У виселицы проломить хребет.

Фальстаф

Странно было бы, милорд, если бы этого не случилось. Известно, что хула и попреки всегда служат наградой за доблесть.

Что же я, по-вашему,— ласточка, стрела или пушечное ядро? Разве я, несчастный старик, могу мчаться с быстротой мысли? Я спешил сюда сломя голову, загнал больше ста восьмидесяти почтовых лошадей, прискакал сюда и, хоть весь еще в дорожной пыли, тут же проявил высокую геройскую доблесть, взяв в плен сэра Джона Кольвиля из Долины, бешеного рыцаря и доблестного противника. Но мне это нипочем! Он увидел меня и сдался, так что я, по чести, могу сказать вместе с крючконосым римским молодцом: «Пришел, увидел, победил».

П р и н ц Д ж о н

Вы обязаны этим скорей его учтивости, чем своей доблести.

Ф а л ь с т а ф

Но я знаю только одно. Вот он, я вам его передаю и прошу вашу милость записать мой подвиг наряду с другими деяниями сегодняшнего дня; а не то, клянусь богом, я велю сложить особую балладу, а над заглавием изобразить Кольвиля, целующего мои ноги. Если вы меня к этому принудите, то, клянусь словом дворянина, вы все покажетесь рядом со мной позолоченными грошами и мне удастся на ярком небе славы затмить вас, как полная луна затмевает небесные светила, которые кажутся по сравнению с ней булавочными головками. Поэтому воздайте мне должное, и пусть доблесть будет превознесена.

П р и н ц Д ж о н

Твоя доблесть слишком тяжела, чтобы ее возносить.

Ф а л ь с т а ф

Так пусть она воссияет.

П р и н ц Д ж о н

Она слишком мутна, чтобы сиять.

Ф а л ь с т а ф

Делайте с ней что угодно, добрейший принц, называйте ее как хотите, лишь бы мне это послужило на пользу.

П р и н ц Д ж о н

Так ты зовешься Кольвиль?

К о л ь в и л ь

Да, милорд.

П р и н ц Д ж о н
Ты, Кольвиль, всем известный бунтовщик.

Ф а л ь с т а ф
А в плен его взял всем известный верноподданный.

К о л ь в и л ь
Таков же я, как и мои вожди,
Приведшие меня; будь я начальник,
Дороже обошлась бы вам победа.

Ф а л ь с т а ф
Не знаю, за сколько они себя продали, но ты, добрый малый,
отдался мне даром, за что я и приношу тебе благодарность.

Входит Уэстморленд.

П р и н ц Д ж о н
Прекращена погоня?

Уэстморленд
Бьют отступление, кончилась расправа.

П р и н ц Д ж о н
И Кольвиля и присных всех его
Отправить в Йорк и там казнить немедленно.
Вам поручаю, Блент, его стеречь.
К о л ь в и л ь под стражей и Блент уходят.

Мы ко двору отправимся, милорды.
Слышал я: тяжело болен государь;
Весть о победе пусть опередит нас.

(Уэстморленду.)

Кузен, ее снесите королю,
Чтобы его утешить и ободрить,
А мы за вами следом поспешим.

Ф а л ь с т а ф
Милорд, позвольте мне направить путь
Через Глостершир, а возвратясь домой,
Меня не обойдите похвалой.

П р и н ц Д ж о н

Прощайте, сэр. Мне сан велит о вас
Дать лучший отзыв, чем вы заслужили.

(Уходит.)

Ф а л ь с т а ф

Дай бог, чтобы у тебя хватило на это ума; это было бы похуже твоего герцогства. Клянусь честью, этот рассудительный юнец недолюбливает меня. Его ни за что на свете не рассмешишь; да это и не удивительно: ведь он не пьет вина. Из таких благонаправных юношей никогда не получается толку. Легкие напитки и пристрастие к рыбным блюдам до того охлаждают им кровь, что они впадают в какую-то мужскую бледную немочь, а когда женятся, то производят на свет одних девчонок. Большей частью они дураки и трусы. Пожалуй, некоторые из нас недалеко бы от них ушли, если бы не прибегали к горячительным напиткам. Добрый херес производит двоякое действие: во-первых, он ударяет вам в голову и разгоняет все скопившиеся в мозгу пары глупости, мрачности и грубости, делает ум восприимчивым, живым, изобретательным, полным легких, пылких, игривых образов, которые передаются языку, от чего рождаются великолепные шутки. Второе действие славного хереса состоит в том, что он согревает кровь; ведь если она холодная и неподвижная, то печень становится бледной, почти белой, что всегда служит признаком малодушия и трусости; но херес горячит кровь и гонит ее по всему телу. Она воспаляет лицо, которое, как сигнальный огонь, призывает к оружию все силы человека, этого крохотного королевства; и вот полчища жизненных сил и маленькие духи собираются вокруг своего предводителя — сердца, и оно, раззадорившись и гордясь такой свитой, отваживается на любой подвиг, — и все это от хереса. Таким образом, военное искусство — ничто без хереса, ибо он приводит его в действие, а ученость — не более как золотой клад, оберегаемый дьяволом, пока херес не выведет ее на свет и не пустит в ход и оборот. Потому-то и храбр принц Гарри, что холодную кровь, унаследованную им от отца, он, словно тощую и бесплодную почву, утучнил, оросил и обработал усердными выпивками, вливая в себя кружку за кружкой благодатного хереса. Вот почему он горячий и храбрый. Будь у меня хоть тысяча сыновей, я первым долгом внушил бы им следующее жизненное правило: избегать легких напитков и пить как можно больше хересу.

Входит Бардольф.

Ну что, Бардольф?

Бардольф

Войско распушено, и все разошлись по домам.

Фальстаф

Пускай себе! Я отправлюсь через Глостершир и там навещу мистера Роберта Шеллоу, эсквайра. Я уже порядком размял его между пальцами и скоро буду запечатывать им письма. Идем.

Уходят.

СЦЕНА 4

Уэстминстер. Иерусалимская палата.

Входят король Генрих, Кларенс, Глостер, Уорик и другие.

Король Генрих

Коль даст господь со смутю покончить,
Что кровью обагрят наш порог,
Мы юношество наше поведем
На те поля, где нам пристало биться,
И обнажим лишь освященный меч.
Наш флот готов, и собраны войска;
Избрали мы наместников себе;
Благоприятно все желанья нашим;
Лишь сил телесных нам недостает,
Да надо подождать, пока повстанцы
Не подпадут ярму законной власти.

Уорик

Здоровье и победа, государь,
Придут к вам скоро.

Король Генрих

Сын мой Хемфри Глостер,
Где принц, твой старший брат?

Глостер

Мне говорили,
Отправился он в Виндзор на охоту.

Король Генрих

А с кем?

Г л о с т е р

Не знаю, добрый государь.

К о р о л ь Г е н р и х

Не с братом Кларенсом поехал он?

Г л о с т е р

Нет, государь, брат Кларенс перед вами.

К л а р е н с

Чего желает государь отец мой?

К о р о л ь Г е н р и х

Тебе добра, мой сын. Но почему
Не с братом ты? Тебя он очень любит,
А ты меж тем пренебрегаешь им.
Всем братьям он тебя предпочитает.
Ты должен дорожить его любовью;
И братьям много принесешь добра,
Когда меня не станет, — как посредник
Меж ними и величьем королевским.
Так не чуждайся брата, не теряй
Всех преимуществ милости монаршей,
Холодным равнодушьем к братней воле
В его груди не притуляй любви.
Он добр, когда внимательны к нему,
И слезы жалости легко роняет;
Как день, его рука щедра на благо.
Но в гневе он становится кремнем,
Суров и необуздан, как зима,
Порывист, словно ветер леденящий,
Что налетает на пороге дня.
С характером его считаться нужно;
За промахи почтительно кори,
И лишь тогда, когда в нем кровь играет;
Но если он угрюм, оставь его,
Пока, набушевавшись, не замрут
В нем страсти, как на берегу морском
Кит издыхает. Томас, помни это —
И станешь для друзей щитом, а братьев
Ты свяжешь, словно обруч золотой,
Чтоб не дал течь сосуд с их общей кровью,
Куда примешан будет неизбежно

Со временем наветов лютый яд.
Пусть выдержит сосуд — будь яд сильней,
Чем аконит, губительней, чем порох.

К л а р е н с

Внимателен и ласков буду с братом.

К о р о л ь Г е н р и х

Так почему ж не в Виндзоре ты с ним?

К л а р е н с

Там нет его: он в Лондоне сегодня
Обедает.

К о р о л ь Г е н р и х

А с кем? Тебе известно?

К л а р е н с

Да, государь, с ним Пойнс и все любимцы.

К о р о л ь Г е н р и х

На тучной почве сорняки обильны;
Он, юности моей прекрасный образ,
Опутан ими: потому я с грустью
В грядущее бросаю взгляд пред смертью.
Кровавыми слезами плачет сердце,
Лишь я представляю гнусную пору,
Гнилые времена, что к нам нагрянут,
Едва усну я с предками моими.
Когда разгул не будет знать узды,
Когда лишь гнев и пыл дружить с ним станут,
Когда войдет его распутство в силу, —
О, как помчится он на крыльях страсти
К опасностям и страшному паденью!

У о р и к

Вы судите о нем, король, превратно;
Товарищей своих он изучает,
Лишь как язык чужой: чтоб овладеть им,
Необходимо заучить порою
И самые нескромные слова.
В дальнейшем, как известно, с отвращеньем
Их избегают. Так и принц наш бросит
Со временем, как площадную брань,
Своих друзей; о них воспоминанье

Ему послужит образцом и меркой,
Чтобы судить верней о прочих людях;
Былое зло пойдет ему на пользу.

Король Генрих

Нет, пчелы редко покидают пададь,
Где мед их сложен.

Входит Уэстморленд.

Кто там? Уэстморленд?

Уэстморленд

Здоровья вам и много дней счастливых
Вдобавок к тем вестям, что я привез!
Принц Джон, ваш сын, целует руку вам;
Епископ, Маубрей, Хестингс и другие
Подверглись каре вашего закона,
Крамолы меч в ножны надежно вложен,
И всюду расцвела олива мира.
О том, как все произошло, прочтете
Подробно в донесенье, государь.

Король Генрих

Ты птица вешняя, мой Уэстморленд,
Что на исходе зимних бурь вещает
Рождение дня.

Входит Харкорт.

А вот еще известья.

Харкорт

Храни вас небо от врагов, король!
Когда ж они восстанут, пусть падут,
Как те, о ком пришел я сообщить.
Узнайте: разгромил шериф Йоркширский
Объединенные войска шотландцев
И англичан, которых в бой вели
Нортемберленд могучий и лорд Бардольф.
О том, как битва шла, благоволите
В посланье этом, государь, прочесть.

Король Генрих

Что ж худо мне от радостных вестей?
Иль не приходит никогда Фортуна
С руками, полными даров, и лишет

Каракулями дивные слова?
Она дает здоровье беднякам,
Лишая их еды, а богачей
Пирами дразнит, наградив болезнью:
От изобилия не дает вкусить.
Мне радоваться бы известиям добрым,
Но меркнет взор, и голова кружится...
О, подойдите! Мне нехорошо.

Г л о с т е р

Крепитесь, государь!

К л а р е н с

Отец державный!

У э с т м о р л е н д

Глаза откройте, государь, очнитесь!

У о р и к

Не бойтесь, принцы: с государем часто
Случаются подобные припадки.
Все отойдите. Воздуху побольше!
Сейчас оправится король.

К л а р е н с

Нет, нет:

Не выдержит он долго этих мук.
Заботы, напряжение сил духовных
Разрушили души его ограду,
И жизнь вот-вот сквозь бреши улетит.

Г л о с т е р

Народные меня пугают толки
О порожденьях страшных, о младенцах,
Зачатых без отцов. Природы строй
Нарушен — словно год перескочил
Через месяцы, их спящими застав.

К л а р е н с

В реке прилив был трижды без отлива,
И — хроника живая — старики
Толкуют, что подобное явление
Случилось перед тем, как Эдуард,
Наш предок, тяжело заболел и умер.

Уорик

Потише, принцы; государь очнулся.

Глостер

Боюсь, удар сведет его в могилу.

Король Генрих

Прошу меня поднять и отнести
В другой покой, но только осторожней.

Уходят.

СЦЕНА 5

Другая комната во дворце.

Король Генрих в кровати; Кларенс, Глостер, Уорик
и другие.

Король Генрих

Любезные друзья, не надо шума,
Но пусть ласкает нежная рука
Чуть слышной музыкой мой дух усталый.

Уорик

Позвать в покой соседний музыкантов.

Король Генрих

Корону положите на подушку.

Кларенс

Глаза ввалились. Как он изменился!

Уорик

Потише.

Входит принц Генрих.

Принц Генрих

Кто видал, где герцог Кларенс?

Кларенс

Я здесь, мой брат, и в горести большой.

Принц Генрих

Как? Дождь под кровом, а не на дворе?
Что с государем?

Г л о с т е р

Из рук вон плохо.

П р и н ц Г е н р и х

Знает про победу?
Скорей ему скажите.

К л а р е н с

Ему при этой вести стало худо.

П р и н ц Г е н р и х

Когда от радости он занемог,
Бог даст, оправится и без лекарства.

У о р и к

Милорды, тише! — Принц, умерьте голос.
Родитель ваш как будто задремал.

К л а р е н с

В другую комнату уйдемте все.

У о р и к

Угодно ль, принц, вам с нами удалиться?

П р и н ц Г е н р и х

Нет, я останусь возле короля.

Все, кроме принца Генриха, уходят.

Зачем лежит корона на подушке,
Такая беспокойная подруга?
Тревоги блеск! Забота золотая!
Как часто двери сна ты держишь настежь
Бессонной ночью — и с тобой он спит!
Но не таким здоровым, сладким сном,
Как тот, кто в грубом колпаке ночном
Храпит себе до утра. О величье!
Чью голову сдавил венец, тому
Ты — как роскошный панцирь знойным днем,
Что, охраняя, жжет. Лежит пушинка
У врат его дыханья, но не дрогнет.
Когда б дышал он, стала б шевелиться
Пушинка легкая. Король! Отец мой!
Да, крепок этот сон; он разлучил
С короной много королей английских.

По праву ты получишь от меня
Дань горьких слез и тягостной печали:
Тебе, отец, ее заплатят щедро
Моя природа, нежность и любовь.
По праву получу я от тебя
Венец, как твой прямой наследник. Вот он!

(Надевает корону.)

Да сохранит его на мне господь!
Пусть все силы мира соберутся
В одной руке чудовищной — не вырвать
Ей у меня наследственного сана;
Оставлю сыну своему венец,
Как ты его оставил мне, отец.

(Уходит.)

Король Генрих

(очнувшись)

Лорд Уорик! Глостер! Кларенс!

Входят Уорик, Глостер, Кларенс и другие.

Кларенс

Вы звали, государь?

Уорик

Вам лучше, государь? Что вам угодно?

Король Генрих

Зачем меня покинули вы, лорды?

Кларенс

Здесь, государь, остался принц, мой брат.
Он собирался сторожить ваш сон.

Король Генрих

Принц Генрих? Где он? На него взглянуть бы!
Его здесь нет.

Уорик

Открыта дверь; ушел он.

Глостер

Чрез покой,
Где мы сидели, он не проходил.

Король Генрих
Корона где? Кто взял ее с подушки?

Уорик
Лежала здесь, когда мы уходили.

Король Генрих
Принц взял ее. Позвать его скорей! —
Иль так не терпится ему, что принял
Мой сон за смерть?
Его пришлите, Уорик, побранив.

Уорик уходит.
Проступок принца наряду с болезнью
Ускорит смерть мою. — О сыновья!
Как быстро, целью золото избрав,
Встает природа на дыбы!
Вот для чего в заботах неразумных
Отцы терзают думою свой сон,
Заботой — мозг, трудами — кости;
Вот для чего накапливают груды
Червонцев, что достанутся другим;
Вот для чего детей мы обучаем
Наукам и военному искусству!
Мы, как пчела, из каждого цветка
Собрав сладчайший сок
И крылья воском облепив, рот — медом,
Летим обратно в улей — и как трутней
За труд нас убивают. Эту горечь
Пред смертью должен испивать отец.

Входит Уорик.
Где тот, кто ждать не стал, пока болезнь,
Союзница его, со мной покончит?

Уорик
В соседней комнате нашел я принца.
Струились слезы по щекам прекрасным;
Так искренне он предавался горю,
Что, глядя на него, насилье злое,
Весь век свой упивавшееся кровью,
Омыло б нож слезами. К нам идет он.

Король Генрих
Но почему он взял с собой корону?
Входит принц Генрих.

А вот и он. — Ко мне приблизься, Гарри. —
Уйдите все, оставьте нас одних.

Уорик и прочие уходят.

Принц Генрих

Не думал я ваш голос вновь услышать.

Король Генрих

Желание — отец той мысли, Гарри:
Я слишком зажился, тебе я в тягость.
Ужель так жаждешь ты занять мой трон,
Что мой венец спешишь надеть до срока?
О юность глупая! К величью рвешься,
Не зная, что оно тебя раздавит!
Но потерпи: лишь чуть заметный ветер
Подъемлет облако моей державы,
Мой день померк: оно прольется скоро.
Похитив мой венец, который стал бы
И так твоим чрез несколько часов,
Ты пред моим концом скрепила печатью
Предположенья горшие мои.
Вся жизнь твоя доказывала ясно,
Что ты меня не любишь, и хотел ты,
Чтоб в смертный час я в этом убедился.
На сердце каменном своем в мечтах
Ты наточил уж тысячу кинжалов,
Чтоб полчасу моей похитить жизни.
Как! Полчасу не мог ты потерпеть?
Тогда ступай и вырой мне могилу.
Вели звонить в колокола, вещая
Не смерть мою — твою лишь водаренье.
Те слезы, что на мой прольются гроб,
Елеем станут, чтоб тебя помазать.
Смешай меня скорее с бrenным прахом;
Жизнь давшего тебе отдай червям.
Слуг прогони моих, нарушь указы,
Пришла пора глумиться над порядком.
На троне — Генрих Пятый! Встань, тщеславье!
Прочь, мудрые советники! Прочь, слава!
К английскому двору со всех сторон
Беспутные собирайтесь обезьяны!
Соседи, извергайте прочь подонки!
Коль есть у вас бездельник, что бранится,

Пьет, кутит ночью, грабит, убивает,
Грехи отцов творит на новый лад,
Возрадуйтесь — он вам не будет в тягость:
Ведь Англия его тройную мерзость
Двойною позолотою покроет
И даст ему почет, и власть, и должность.
Намордник, сдерживающий распутство,
Сорвет король, и разъяренный пес
Всех, кто безвиновен, ринется терзать.
О бедный край, больной от войн гражданских!
Я не сберег тебя от смут заботой,—
Что ж будет, коль заботой станет смута?
О, снова превратишься ты в пустыню,
Где будут волки лишь бродить, как встарь!

Принц Генрих

О государь, меня простите! Если б
Не слезы — влажная словам преграда,—
Прервал бы я урок благой, хоть горький.
Вам не сказать бы этих скорбных слов,
Мне ж — не внимать так долго... Вот венец ваш!
Да сохранит надолго вам его
Небесный венценосец! Если он
Дороже мне, чем ваша честь и слава,
Пусть навсегда останусь на коленях,
В смиренном положении, что внушил
Мне дух, исполненный любви и долга.
Лишь знает бог, как больно ждалось сердце,
Когда, войдя, застал вас бездыханным.
Коль притворяюсь, пусть умру бесславно,
И мир, доверью чуждый, не увидит
Той перемены, что замыслил я.
Придя взглянуть на вас, я счел вас мертвым,
И, полумертвый сам от этой мысли,
С укором обратился я к короне.
Как если бы сознание было в ней:
«Заботы, сопряженные с тобою,
Все соки вытянули из отца.
Хоть высшей пробы золото твое,
Но для меня нет худшего на свете;
Другое, низшей пробы, драгоценней,
Затем что исцеляет от недугов.
Ты ж, хоть прекрасно, славяно, погубило
Носившего тебя!» С таким укором
Надел корону я, отец державный,

Чтоб с нею, как с врагом, что предо мной
Родителя убил, вступить в борьбу,
Как долг велит наследнику престола.
Но если радостью она растлила
Мне кровь, вселила в душу мне гордыню
И если суетной, мятежной мыслью
Я ринулся с приветом ей навстречу,
Пусть бог навек лишит меня короны
И превратит в ничтожного вассала,
Что в страхе перед ней колени гнет!

Король Генрих

О сын мой!
Господь внушил тебе корону взять,
Чтобы в отце твоём любовь усилить
Разумным оправданием твоим!
Поди сюда, сядь у моей кровати
И выслушай, как думается мне,
Последний мой совет. Известно богу,
Каким путем окольным и кривым
Корону добыл я; лишь мне известно,
С какой тревогой я носил ее.
К тебе она спокойней перейдет,
При лучших обстоятельствах, законней:
Все, чем запятнан я в борьбе за власть,
Сойдет со мною в гроб. На мне корона
Базалась символом захватной власти;
В живых немало оставалось лиц,
Что помогли мне ею завладеть,
И это вечно порождало смуту,
Кровопротитья, рая мир непрочный.
Всем этим страхам я навстречу шел,
Своей рискуя жизнью, как ты видел.
В мое правление была страна
Ареной бурных драм. Но смерть моя
Изменит в корне все: что захватил я,
Теперь по праву перейдет к тебе:
Наследственный венец носить ты будешь.
Хоть будешь тверже ты стоять, чем я,
Где ж твой непрочен трон: свежи обиды.
Мои друзья, что стать должны твоими,
Зубов и жал лишились лишь недавно.
С их помощью кровавой стал я править
И moi страшиться, что меня их мощь
Низринет вновь. Опасность отвращая,

Я многих истребил и собирался
Вести в Святую землю остальных —
Чтоб не дали им праздность и покой
В мои права внимательней всмотреться.
Веди войну в чужих краях, мой Генри,
Чтоб головы горячие занять;
Тем самым память о былом изгладишь.
Еще сказал бы, но дышать мне трудно
И говорить нет сил. Прости, о боже,
Мне путь, которым к власти я пришел,
И сыну в мире сохрани престол!

Принц Генрих

Он вами, государь,
Был добыт, сохранен и мне вручен:
Незыблемы мои права на трон.
Отстаивать их стану неуклонно
Пред всей вселенною в борьбе законной.
Входит принц Джон Ланкастерский.

Король Генрих

Смотри, смотри, идет мой Джон Ланкастер!

Принц Джон

Здоровья, мира, счастья вам желаю!

Король Генрих

Ты мир и счастье мне несешь, здоровье ж
На крыльях юности, увы, умчалось
От голого, иссохшего ствола.
Тебя увидел — и мой труд земной
Теперь закончен. Где лорд Уорик?

Принц Генрих

Уорик!

Входит Уорик.

Король Генрих

Не носит ли особого названья
Покой, где мне сегодня стало хуже?

У о р и к

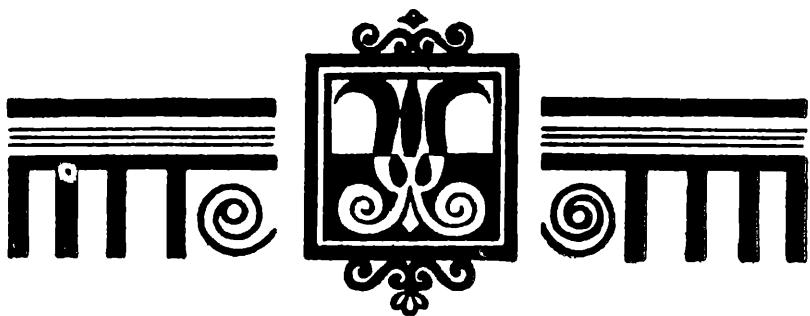
Милорд, зовется он Иерусалим.

К о р о л ь Г е н р и х

Хвала творцу! Там должен жизнь я кончить.
Мне предсказали много лет назад,
Что я окончу жизнь в Иерусалиме,
И полагал я — что в Святой земле.
В ту комнату меня снесите; там,
В Иерусалиме, небу дух предам.

Уходят.

А К Т V

С Ц Е Н А 1

Глостершир. Комната в доме Шеллоу.

Входят Шеллоу, Фальстаф, Бардольф и паж.

Шеллоу

Клянусь петухом и сорокой, я не отпущу вас сегодня, сэр.—
Эй, Деви!

Фальстаф

Прошу извинить меня, мистер Роберт Шеллоу...

Шеллоу

Не извиню; никак не могу извинить; не принимаю никаких извинений; никакие извинения вам не помогут; не должно быть никаких извинений.— Эй, Деви!

Входит Деви.

Деви

Здесь, сэр.

Шеллоу

Деви, Деви, Деви, Деви... Постой, Деви... Постой, Деви, постой... Ах да, позови повара Уильяма.— Сэр Джон, я не принимаю ваших извинений.

Д е в и

Слушаю, сэр. А повесток ваших я так и не мог вручить. Да, вот еще, сэр, чем же мы засеем ту большую пашню — пшеницей?

Ш е л л о у

Да, красной пшеницей, Деви. Но позови повара Уильяма... Есть у нас молодые голуби?

Д е в и

Да, сэр. А вот счет кузнеца за ковку лошадей и за плуги.

Ш е л л о у

Проверь счет и заплати.— Сэр Джон, я не принимаю ваших извинений.

Д е в и

А еще, сэр, надо бы купить новую цепь к ведру. Да, вот еще, сэр: прикажете вычистить из жалованья Уильяма за мешок, который он потерял на днях на рынке в Хинкли?

Ш е л л о у

Он должен возместить убыток.— Несколько штук голубей, Деви, да парочку цыплят, да ножку баранины, да еще чего-нибудь хорошенького, вкусенького. Растолкуй это повару Уильяму.

Д е в и

А военный господин останется у нас на ночь, сэр?

Ш е л л о у

Да, Деви. Надо его угостить на славу. Друг при дворе лучше, чем пенни в кошельке. Угости как следует и его людей, Деви; ведь они отъявленные негодяи и в случае чего станут трепать мое имя.

Д е в и

Положим, у них самих довольно-таки обтрепанный вид, сэр; белье на них страсть какое грязное.

Ш е л л о у

Хорошо сказано, Деви. Но принимайся за дело, Деви.

Д е в и

Очень прошу вас, сэр, поддержите Уильяма Уайзора из Уинкота против Климента Перкса из Хилля.

Шеллоу

На Уайзора поступило много жалоб, Девы. По-моему, этот Уайзор отъявленный плут.

Девы

Вполне согласен с вашей милостью, что он плут, но, видит бог, надо же когда-нибудь и плуту получить поблажку по просьбе приятеля. Честный человек, сэр, может сам за себя постоять, а плут не может. Я служу вашей милости верой и правдой вот уже восемь лет, и если мне нельзя раз или два в полгода поддерживать плута против честного человека, значит, у вашей милости ко мне совсем мало доверия. Ведь этот плут — мой честный друг, сэр; поэтому я очень прошу вашу милость решить дело в его пользу.

Шеллоу

Ну, хорошо; я его не обижу. А теперь ступай, Девы.

Девы уходит.

Где вы, сэр Джон? Скорей, скорей снимайте сапоги. — Вашу руку, мистер Бардольф.

Бардольф

Я рад видеть вашу милость.

Шеллоу

Благодарю тебя от всей души, добрейший Бардольф. (*Пажу.*) Добро пожаловать, великан. — Идемте, сэр Джон.

Фальстаф

Сейчас иду, добрейший мистер Роберт Шеллоу.

Шеллоу уходит.

Бардольф, присмотри за нашими лошадьми.

Бардольф и паж уходят.

Если бы меня распилили на части, то вышло бы четыре дюжины таких бородатых монашеских посохов, как мистер Шеллоу. Удивительное дело, до чего духовно уподобились друг другу хозяин и слуги: имея его всегда перед глазами, они стали смахивать на придурковатого судью, а он, постоянно разговаривая с ними, стал походить на лакея с ужимками судьи. Благодаря постоянному общению их мысли настроились на один лад и жмутся друг к другу, как стадо диких гусей. Имей я нужду в мистере Шеллоу,

я постарался бы подольститься к его слугам, намекнув на их близость к хозяину; нуждайся я в их услугах, я бы польстил мистеру Шеллоу, сказав, что никто не управляет слугами лучше, чем он. Известно, что как умное поведение, так и дурацкие повадки заразительны подобно болезням,— поэтому надо выбирать себе приятелей весьма осмотрительно. Я сделаю этого Шеллоу мишенью для своих шуток и буду забавлять принца Генриха, пока не сменяется шесть мод, что равняется продолжительности четырех суточных сроков или двух процессов,— и он будет хохотать без интервалов. О, как сильно действует выдумка, приправленная клятвой, или шутка, сказанная с мрачным видом, на молодчика, еще не испытавшего, что такое ломота в плечах! Вот увидите, принц будет хохотать до тех пор, пока его лицо не сморщится, как промокший, скомканный плащ!

Шеллоу
(за сценой)

Сэр Джон!

Фальстаф

Иду, мистер Шеллоу, иду. (Уходит.)

СЦЕНА 2

Уэстминстер. Зал во дворце.

Входят с разных сторон Уорик и верховный судья.

Уорик

А, это вы, милорд? Куда идете?

Верховный судья

Как чувствует себя король?

Уорик

Прекрасно: кончились его тревоги.

Верховный судья

Надеюсь, жив?

Уорик

Ушел он в путь последний,
И в нашем мире больше нет его.

Верховный судья

Зачем король не взял меня с собою?
За то, что верно я ему служил.
Теперь обидам буду предоставлен.

Уорик

Да, молодой король не любит вас.

Верховный судья

Я знаю, и порядки новых дней
Во всеоружии хочу я встретить.
Действительность не может быть ужасней
Того, что мне фантазия рисует.

Входят принц Джон Ланкастерский, Глостер, Кларенс,
Уэстморленд и другие.

Уорик

Вот Генриха умершего потомство
Скорбящее. Будь у живого Гарри
Характер худшего из младших братьев,
Как много бы осталось здесь дворян,
Что спустят парус перед грубым сбродом!

Верховный судья

Увы, боюсь, что все пойдет вверх дном.

Принц Джон

Привет, кузен мой Уорик! С добрым утром.

Глостер и Кларенс

Привет, кузен!

Принц Джон

Мы словно разучились говорить.

Уорик

Владеем речью мы, но так печален
Ее предмет, что нас лишает слов.

Принц Джон

Так мир тому, кто вызвал нашу скорбь!

Верховный судья

Мир нам! Спаси нас бог от горшей скорби.

Г л о с т е р

Добрейший лорд, вы потеряли друга.
Готов поклясться, на лице у вас
Не маска грусти — истинная скорбь.

П р и н ц Д ж о н

Хоть не уверен в милости никто,
Но вам прием холодный обеспечен.
Как грустно! Если б все иначе было!

К л а р е н с

Да, вам придется угождать Фальстафу,
Идя наперекор своей природе.

В е р х о в н ы й с у д ь я

Все, что я делал, принцы, делал честно,
Руководимый беспристрастным духом.
Я милости выпрашивать не стану
У короля по-нищенски, с позором.
Коль не помогут правота и честь,
К усопшему отправлюсь государю
И расскажу, кем прислан я к нему.

У о р и к

Вот принц идет.

Входит король Генрих Пятый со свитой.

В е р х о в н ы й с у д ь я

Да сохранит вас бог, мой государь!

К о р о л ь Г е н р и х

В наряде новом, пышном, что зовется
Величеством, не так удобно мне,
Как думаете вы. Я вижу, братья,
К печали вашей примешался страх.
Здесь английский, а не турецкий двор.
Не Амурат — преемник Амурата,
А Генрих — Генриха. Но все ж печальтесь.
О братья добрые, вам грусть пристала.
Так царственно являете вы горе,
Что вас возьму за образец, и траур
Носить я стану в сердце. Да, печальтесь,
Но в меру, помня, что должны мы бремя
Все сообща нести. Что до меня,

Клянусь, я буду вам отцом и братом.
Вы лишь отдайте мне свою любовь,
А я уж сам возьму заботы ваши.
Вы плачете о Генриха кончине,
И плачу я. Но Гарри жив, который
В дни счастья эти слезы превратит.

Принц Джон и другие
Мы, государь, не ждем от вас другого.

Король Генрих
Все как-то странно смотрят на меня.
(Верховному судье.)

В особенности вы: ведь вы, конечно,
Уверены, что вам я враг.

Верховный судья
Уверен,
Что если взвесить здраво, то у вас
Нет оснований для вражды ко мне.

Король Генрих
Нет?
Иль может принц с призываньем столь высоким
Забыть, как оскорбляли вы его?
Как! Отчитать, бранить, в темницу бросить
Наследника? Иль этого вам мало?
Иль это можно в Лете утопить?

Верховный судья
Я действовал от имени монарха,
Власть вашего отца являл собою,—
И вот, когда я исполнял закон,
Радея лишь о благе всех сограждан,
Угодно было вам забыть свой сан,
Закона мощь, величье правосудья,
Монарха образ, воплощенный мной
В судейском кресле,— и меня ударить;
И вас за оскорбление короля
Я, смело пользуясь мне данной властью,
Под стражу взял. Коль поступил я дурно,—
Теперь, когда надели вы корону,
Не возражайте, если ваш наследник
Нарушит приговор ваш, правосудье

Прогонит со скамьи его священной,
Прервет закона ход, притупит меч,
Что ваш покой блюдет и безопасность,
Нет, больше: если образ ваш растопчет,
Над вашим представителем глумясь.
Вы царственный свой разум спросите,
Представьте, что случилось это с вами,
Что вы отец и что у вас есть сын,
Который так попрал величье ваше,
Так все законы грозные презрел,
Так надругался дерзостно над вами;
Потом представьте, что, за вас вступившись,
Я вашей властью принца усмирил.
Обдумав это, обо мне судите.
Как государь, скажите беспристрастно,
В чем я свои нарушил полномочья
Иль верность властелину моему.

Король Генрих

Милорд, вы правы: взвешено прекрасно;
Так сохраняйте же весы и меч.
Желал бы я, чтоб, возрастая в славе,
Вы дожили до дня, когда мой сын,
Вас оскорбив, подобно мне смирится.
Тогда я повторю слова отца:
«Я счастлив, что есть подданный бесстрашный,
Который принца осудить дерзнул;
И счастлив я, что у меня есть сын,
Который отдал в руки правосудья
Свое величье». Вы меня к тюрьме
Приговорили,— я приговорю вас
Носить и впредь тот меч, который с честью
Вы до сих пор носили. Обращайтесь
С ним так же смело, честно, как в тот раз,
Когда он был направлен на меня.
Вот вам рука моя. Отцом мне будьте:
Что вы шепнете мне, я вслух скажу
И волю подчиню свою смиренно
Советам вашим мудрым и благим.—
И я прошу вас всех поверить, принцы,
Что в гроб с отцом сошло мое беспутство,
С ним страсти все мои погребены,
И строгий дух отца воскрес во мне,
Чтоб ожидания обмануть людские,
Всех посрамить пророков, истребить

Дурное мнение, что меня клеймит
За внешние былые проявления.
Кровь гордая, что до сих пор во мне
Текла разгульно, свой изменит ход
И устремится в океан, где, слившись
С волнами царственными, заструится
Спокойно, величаво. Мы теперь же
Парламент наш высокий созовем
И изберем советников надежных,
Чтоб Англия ни в чем не уступала
Тем странам, где правление совершенно;
Чтоб и война и мир иль оба вместе
Привычны и знакомы были нам.
Во всем, отец, вам будет первый голос.
Короновавшись, тотчас созовем,
Как я упомянул, весь наш Совет.
Когда ж по воле неба стану править,
Ни принц, ни пэр не пожелает ввек,
Чтоб сократился мой счастливый век.

Уходят.

СЦЕНА 3

Глостершир. Сад при доме Шеллоу.

Входят Фальстаф, Шеллоу, Сайленс, Бардольф,
паж и Деви.

Шеллоу

Нет, вы непременно должны осмотреть мой сад, и там в беседке мы с вами отведаем прошлогодних яблок моей собственной прививки; съедем тарелочку варенья с тмином и еще что-нибудь.— Идемте, кузен Сайленс.— А потом в постель.

Фальстаф

Ей-богу, у вас славное поместье, очень богатое.

Шеллоу

Пустырь, пустырь, пустырь. Мы нищие, нищие, сэр Джон. Только и хорошего, что воздух.— Накрывай, Деви! Накрывай, Деви! Так, хорошо.

Фальстаф

Этот Деви у вас мастер на все руки — и слуга и управляющий.

Шеллоу

Хороший слуга, хороший слуга, превосходный слуга, сэр Джон. Клянусь мессой, я выпил за ужином слишком много хереса. Да, хороший слуга. А теперь садитесь, садитесь.— И вы, кузен, тоже.

Сайленс

Ну, господа, давайте теперь, как говорится:

(Поет.)

«Гулять, пировать всю ночь напролет,
Хвалить небеса за удачливый год.
Всюду мясо в котлах, спрос на девок растет,
Пляшет, поет счастливый народ.
Эй, веселей!
Говорю вам, друзья: веселей!»

Фальстаф

Вот весельчак! — Добрейший мистер Сайленс, сейчас выпью за ваше здоровье.

Шеллоу

Поднеси-ка вина мистеру Бардольфу, Деву.

Деву

Добрейший сэр, садитесь. Я сейчас буду к вашим услугам. Садитесь, добрейший сэр.— Господин паж, любезный господин паж, садитесь. Ваше здоровье! Если не хватит чего съестного, мы вознаградим себя выпивкой. Уж не взыщите: чем богаты, тем и рады. (Уходит.)

Шеллоу

Веселей, мистер Бардольф! — И ты тоже, мой маленький воин, будь веселей.

Сайленс

(поет)

«Веселей, веселей! Жена — ерунда;
Коротка ль, высока ль — баба дрянь всегда.
Пир горой, когда с бородой борода.
Да здравствует праздник веселый!
Веселей, друзья, веселей!»

Фальстаф

Никак не думал, что мистер Сайленс такой молодец.

Сайленс

Кто? Я? Мне уже случалось в жизни повеселиться разок-другой.

Возвращается Девн.

Девн

Вот вам блюдо яблок. *(Ставит блюдо перед Бардольфом.)*

Шеллоу

Девн!

Девн

Что прикажете, ваша милость? *(Бардольфу.)* Сейчас буду к вашим услугам.— Стакан вина, сэр?

Сайленс

(поет)

«Кубок с вином блещет огнем.
Выпью за ту, что в сердце моем.
Кто весел, всех долговечней!»

Фальстаф

Славно, мистер Сайленс!

Сайленс

Будем веселиться. Перед нами еще самая приятная часть ночи.

Фальстаф

Ваше здоровье, мистер Сайленс! Много лет вам здравствовать!

Сайленс

(поет)

«До дна я выпью кубок мой,
Будь он хоть в милю глубиной!»

Шеллоу

Достойный Бардольф, за твое здоровье. Если тебе чего-нибудь хочется и ты не требуешь, пеняй на себя.— Твое здоровье, мой

маленький плутишка, твое здоровье.— Пью за здоровье мистера Бардольфа и всех лондонских кавалеров.

Д е в и

Я еще надеюсь на своем веку побывать в Лондоне.

Б а р д о л ь ф

Очень бы хотел увидеть тебя там, Девин...

Ш е л л о у

Клянусь мессой, вы там осушите вдвоем добрую кварту. Хе-хе!
Не правда ли, мистер Бардольф?

Б а р д о л ь ф

Совершенно верно, сэр,— пинты в четыре.

Ш е л л о у

Отлично сказано, черт возьми! Этот плут не отстанет от тебя, будь спокоен. Уж он не отступится, он мастер по этой части.

Б а р д о л ь ф

Да и я тоже не отстану от него, сэр.

Ш е л л о у

Вот слова, достойные короля. Будьте как дома, веселитесь!

Стук в дверь.

Посмотрите, кто там пришел. Эй, кто там?

Д е в и уходит.

Ф а л ь с т а ф

(Сайленсу, который выпил стакан до дна).

Так, теперь вы оказали мне честь.

С а й л е н с

(поет)

«Окажите мне честь —
Меня в рыцарский сан возвесть,
Саминго!»

Так ведь?

Ф а л ь с т а ф

Так.

Сайленс

Вот видите. Согласитесь, что и старый человек иногда еще кое на что пригодится.

Возвращается Деву.

Деву

С позволения вашей милости, там пришел какой-то Пистоль; он привез вести из дворца.

Фальстаф

Из дворца? Пусть войдет.

Входит Пистоль.

Что скажешь, Пистоль?

Пистоль

Да хранит вас бог, сэръ Джон!

Фальстаф

Какой ветер занес тебя сюда, Пистоль?

Пистоль

Не тот злой ветер, который не приносит ничего доброго. Милейший рыцарь, ты теперь одна из самых веских персон в королевстве.

Сайленс

Клянусь святой девоу, он самый увесистый, если не считать моего кума Пуфа из Барсона.

Пистоль

Пуф?

«Пуф» тебе в зубы, гнусный, подлый трус! —
Сэръ Джон, я твой Пистоль, твой верный друг.
Я сломя голову сюда примчался
И радостную весть тебе привез —
Бесценные известья, дни золотые.

Фальстаф

Выкладывай их скорее, да только говори по-человечески.

П и с т о л ь

Плевать мне на весь свет и всех людишек!
Я речь веду об Африке златой!

Ф а л ь с т а ф

Презренный ассириец, что за вести?
Король Кофетуа знать правду хочет.

С а й л е н с

(поет)

«И Робин Гуд, и Джон, и Скарлет».

П и с т о л ь

Допустят ли дворян на Геликон,
Чтоб лаiali на царственные вести?
Тогда, Пистоль, пади в объятья фурий!

Ш е л л о у

Почтенный джентльмен, я не знаю, из каких вы будете.

П и с т о л ь

Тогда скорби об этом.

Ш е л л о у

Прошу прощенья, сэр. Если, сэр, вы прибыли с вестями из дворца, я полагаю, вам остается одно из двух — или выложить их, или же хранить при себе. Знайте, сэр, что король облек меня некоторой властью.

П и с т о л ь

Какой король? Ответь, прохвост, иль сгибнешь!

Ш е л л о у

Генрих.

П и с т о л ь

Какой? Четвертый или Пятый?

Ш е л л о у

Генрих Четвертый.

П и с т о л ь

К черту же твой сан! —
Сэр Джон, стал королем твой кроткий агнец.
Он — Генрих Пятый. Правду говорю.
Когда солгал я, покажи мне фигу,
Как гордые испанцы.

Ф а л ь с т а ф

Как! Старый король умер?

П и с т о л ь

Он мертв, как гвоздь дверной.
Сказал я правду.

Ф а л ь с т а ф

Скорей, Бардольф! Седлай моего коня! — Мистер Роберт Шеллоу, выбирай какую хочешь должность в государстве — она твоя. — Пистоль, я осыплю тебя почестями!

Б а р д о л ь ф

Счастливый день!
Он мне дороже рыцарского звания!

П и с т о л ь

Что? Вести хороши?

Ф а л ь с т а ф

Отнесите мистера Сайленса в постель. — Мистер Шеллоу, лорд Шеллоу, будь чем хочешь: я — наместник Фортуны. Надевай сапоги, мы будем скакать всю ночь. — О драгоценный мой Пистоль! — Живо, Бардольф!

Б а р д о л ь ф уходит.

Ну, Пистоль, расскажи мне еще что-нибудь; да придумай для себя что-нибудь хорошенькое. — Надевайте сапоги, мистер Шеллоу! Я знаю, молодой король тоскует по мне... Возьмите первых попавшихся лошадей: законы Англии мне подвластны. Счастье всем моим друзьям, и горе лорду верховному судье!

П и с т о л ь

Пусть коршуны ему терзают печень!
«Куда ты скрылось, счастье?» — так поется.
Оно вот здесь! Привет блаженным дням!

Уходят.

СЦЕНА 4

Лондон. Улица.

Входят полицейские, которые тащат хозяйку Куикли и Долль Тершит.

Хозяйка

Ах ты, отпетый негодяй! Истинный бог, я готова помереть, лишь бы мне увидеть тебя на виселице! Ты вывихнул мне плечо!

Первый полицейский

Констебли передали ее мне. Пусть не сомневается: мы угоstim ее кнутом на славу. Из-за нее было недавно убито два человека.

Долль

Врешь, живодер окаанный, врешь! Пусти, говорю тебе, проклятая постная твоя рожа! Если я выкину дите, что сейчас ношу, лучше бы тебе пришибить родную мать, поганец ты этакий, испытая хая!

Хозяйка

О господи, если бы только сэр Джон был здесь! Уж он бы учинил тут над кем-нибудь кровавую расправу. Молю бога, чтобы она выкинула плод своего чрева.

Первый полицейский

Что ж, тогда у тебя будет опять дюжина подушек; а сейчас их у тебя только одиннадцать. Да ну же, ступайте за мной. Человек, которого вы избили вместе с Пистолем, умер.

Долль

А я тебе говорю, плюгавый человечиска с курильницы, тебя самого за это здорово выпорют. Ах ты, синяя навозная муха! Ах ты, грязный оголодавший палач! Если тебя не выпорют, не носить мне больше короткого платья.

Первый полицейский

Ну ты, странствующий рыцарь в юбке, идем.

Хозяйка

Господи боже мой, неужто правда одолеет силу? Ну, да мы еще посмотрим!

Долль

Идем, негодяй ты этакий, идем. Веди меня к судье.

Хозяйка

Идем, голодный пес.

Долль

Ах ты, ходячая смерть!

Хозяйка

Скелет ты этакий!

Долль

Идем, сухарь, идем, негодай!

Первый полицейский

Ладно, идем.

Уходят.

СЦЕНА 5

Площадь перед Уэстминстерским аббатством.

Входят два служителя, посыпая площадь тростником.

Первый служитель

Не жалей тростника, не жалей тростника!

Второй служитель

Уже два раза трубили.

Первый служитель

Раньше двух часов они не вернутся с коронации. Живей, живей!

Служители уходят.

Входят Фальстаф, Шеллоу, Пистоль, Бардольф и паж.

Фальстаф

Станьте возле меня, мистер Роберт Шеллоу. Уж я добыюсь у короля для вас всяческих благ. Я подмигну ему, когда он будет проезжать мимо нас,— вы увидите, как он со мной обойдется.

Пистоль

Да укрепит господь твои легкие, добрый рыцарь

Фальстаф

Поди сюда, Пистоль; стань позади меня. (К Шеллоу.) Как жаль, что я не успел заказать всем нам новое платье,— охотно бы

выложил тысячу фунтов, что занял у вас! Впрочем, не беда; наш скромный наряд как нельзя более кстати — он доказывает, как я спешил увидеть короля.

Шеллоу

Вот именно.

Фальстаф

Он доказывает мою искреннюю привязанность.

Шеллоу

Вот именно.

Фальстаф

Мою преданность...

Шеллоу

Вот именно, вот именно, вот именно.

Фальстаф

Сразу видно, что я скакал день и ночь и совсем позабыл... даже в голову не пришло... терпения не хватило переодеться...

Шеллоу

Именно так.

Фальстаф

Вот я стою здесь, весь в пыли, весь в поту, сгорая от желания его увидеть, бросив все свои дела, как будто у меня нет другой заботы, как только увидеть его.

Пистоль

Это *semper idem*¹, ибо *absque hoc nihil est*² — все, как говорится, одно к одному.

Шеллоу

Так оно и есть.

Пистоль

Мой рыцарь, разожгу в тебе я печень
И благородный гнев:
Прекрасная твоя Елена, Долль,

¹ Всегда то же. (Лат.)

² Без этого ничто не существует. (Лат.)

В оковах тяжких, в мерзостной тюрьме;
И ввержена туда
Презренною и грубою рукой.
Отмщение, встань из черных бездн,
Обвитое змеей Алектю страшной!
В темнице Долль! Пистоль сказал лишь правду.

Ф а л ь с т а ф

Я дам свободу ей!

За сценой радостные клики и трубные звуки.

П и с т о л ь

Не море ли шумит? Я слышу рокот труб.

Входит король Генрих Пятый со свитой; в числе других вер-
ховный судья.

Ф а л ь с т а ф

Храни тебя господь, король мой Хел!

П и с т о л ь

Пусть небо сохранит сей дивный отпрыск славы!

Ф а л ь с т а ф

Храни тебя господь, мой милый мальчик!

К о р о л ь Г е н р и х

(верховному судье)

Милорд, ответьте этому безумцу.

В е р х о в н ы й с у д ь я

В уме ль вы, сэр? С кем говорите вы?

Ф а л ь с т а ф

(королю Генриху)

С тобой! Король! Юпитер! Жизнь моя!

К о р о л ь Г е н р и х

Старик, с тобой я незнаком. Покайся!

Седины вовсе не к лицу шутам.

Мне долго снился человек такой —

Раздувшийся от пьянства, старый, грубый;

Но я проснулся, и тот сон мне мерзок.
Впредь о душе заботься, не о теле.
Обжорство брось: знай, пред тобой могила
Зияет — поглотить тебя готова.
Дурацкой шуткой мне не отвечай.
Не думай, что такой же я, как прежде.
Известно богу — скоро мир увидит,
Что я от прошлого навек отрекся
И отрекись от всех, с кем знался раньше.
Когда услышишь, что я вновь таков,
Как прежде, приходи ко мне и будешь
Моим руководителем в распутстве.
До той поры тебя я изгоняю,
Как всех прогнал, кто совращал меня.
Под страхом смерти вам запрещено
Теперь к особе нашей приближаться
На десять миль. Вам средства к жизни дам,
Чтобы нужда на зло вас не толкала;
И, если вы исправитесь, дадим
Вам должность в меру ваших сил и знаний.—
Милорд судья, я поручаю вам
Дать неотложный ход моим словам.
Идем.

Король со свитой уходит.

Ф а л ь с т а ф

Мистер Шеллоу, я должен вам тысячу фунтов.

Ш е л л о у

Да, сэр Джон, и я прошу вас вернуть мне их сейчас же: я еду домой.

Ф а л ь с т а ф

Это едва ли возможно, мистер Шеллоу. Но не огорчайтесь; скоро меня позовут к нему тайком. Видите ли, он должен был так обойтись со мной при всех. Не сомневайтесь в своем повышении: я все же придам вам весу.

Ш е л л о у

Не знаю, как вы это сделаете,— разве что только наденете на меня свой камзол и набьете его соломой. Очень прошу вас, добрейший сэр Джон, отдайте мне хоть пятьсот фунтов из тысячи.

Фальстаф

Не сомневайтесь, я сдержу свое слово. То, что вы сейчас видели, не более как маска.

Шеллоу

Боюсь, что эту маску не снимут до самой вашей смерти, сэр Джон.

Фальстаф

Не бойтесь масок. Идемте со мной обедать.— Идем, лейтенант Пистоль; идем, Бардольф. За мной еще пришлют сегодня же вечером.

Входят принц Джон, верховный судья и стража.

Верховный судья

Взять сэра Джона Фальстафа; немедленно
Свести во Флит — и всех друзей его.

Фальстаф

Милорд, милорд!..

Верховный судья

Нет времени. Все скажете вы после.—
Ведите их.

Пистоль

*Se fortuna mi tormenta,
Lo sperare mi contenta.*

Все, кроме принца Джона и верховного судьи, уходят.

Принц Джон

Мне по душе поступок государя;
Намерен прежних спутников своих
Он обеспечить, но их всех изгнал
И не вернет, пока не убедится
В их скромном и разумном поведении.

Верховный судья

Да, это так.

Принц Джон

Король созвал парламент свой, милорд?

Верховный судья

Созвал.

Принц Джон

Готов ручаться: не пройдет и года,
Как наш король, огонь и меч пошлет
Во Францию. Об этом птичка пела
И, кажется, пленить его сумела.
Идем, милорд.

Уходят.

Э П И Л О Г

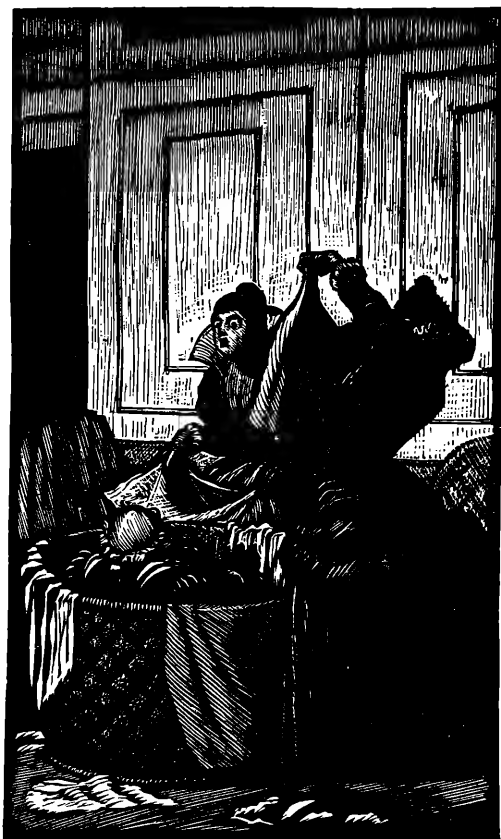
(Произносится Танцовщиком)

Я появляюсь перед вами прежде всего со страхом, затем с поклоном и, наконец, с речью. Страшусь я вашего неудовольствия, кланяюсь по обязанности, а говорю, чтобы просить у вас прощения. Если вы ждете от меня хорошей речи, то я пропал,— ведь то, что я имею сказать, сочинил я сам, а то, что мне следовало бы вам сказать, боюсь, испорчено мною. Но к делу,— я все-таки попробую. Да будет вам известно (впрочем, вы это сами знаете), что недавно я выступал здесь перед вами в конце одной пьесы, которая вам не понравилась, и просил у вас снисхождения к ней, обещав вам лучшую. Признаться, я надеялся уплатить вам свой долг вот этой пьесой. Если же она, как неудачное коммерческое предприятие, потерпит крах, то я окажусь банкротом, а вы, мои любезные кредиторы, пострадаете. Я обещал вам явиться сюда — и вот я пришел и поручаю себя вашей снисходительности. Отпустите мне хоть часть долга, а часть я вам заплачу и, подобно большинству должников, надам вам бесконечных обещаний.

Если мой язык вымолит у вас оправдание, не прикажете ли вы мне пустить в ход ноги? Правда, это было бы легкой расплатой — отплатиться от долга. Но чистая совесть готова дать любое удовлетворение, и я на все пойду. Все дамы, здесь присутствующие, уже простили меня; если же кавалеры не простят, значит, кавалеры не согласны с дамами — вещь, совершенно невиданная в таком собрании.

Еще одно слово, прошу вас. Если вы еще не пресытились жирной пищей, то ваш смиренный автор предложит вам историю,

в которой выведен сэр Джон, и развеселит вас, показав прекрасную Екатерину Французскую. В этой истории, насколько я знаю, Фальстаф умрет от испарины, если его уже не убил ваш суровый приговор; как известно, Олдкасл умер смертью мученика, но это совсем другое лицо. Язык мой устал, а когда мои ноги также устанут, я пожелаю вам доброй ночи. А затем я преклоню колени, но лишь для того, чтобы помолиться за королеву.

ВИНДЗОРСКИЕ НАСМЕШНИЦЫ

Перевод

С. МАРШАКА и М. МОРОЗОВА

Стихи в переводе С. Маршак а

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Сэр Джон Фальстаф.

Фентон, молодой дворянин.

Шеллоу, судья.

Слендер, племянник судьи Шеллоу.

Форд	} виндзорские горожане.
Пейдж	

Уильям, сын Пейджа.

Сэр Хью Эванс, пастор, уроженец Уэльса.

Каюс, врач, француз.

Хозяин гостиницы «Подвязка».

Бардольф	} свита Фальстафа.
Пистоль	
Ним	

Робин, паж Фальстафа.

Симпл, слуга Слендера.

Регби, слуга Каюса.

Миссис Форд.

Миссис Пейдж.

Анна Пейдж, дочь миссис Пейдж.

Миссис Куикли.

Слуги Пейджа, Форда и т. д.

Место действия — Виндзор и его окрестности.

А К Т I

С Ц Е Н А I

Виндзор. Перед домом Пейджа.

Входят Шеллоу, Слендер и сэр Хью Эванс.

Шеллоу

Нет, дорогой сэр Хью. И не уговаривайте меня. Я подам жалобу в Звездную палату. Да будь он двадцать раз сэром Джоном Фальстафом, он не смеет оскорблять меня, эсквайра Роберта Шеллоу!

Слендер

Мирового судью в графстве Глостершир, и согам¹.

Шеллоу

Да, племянник Слендер, и cust — alogum².

Слендер

Да, и сверх того еще ratulorum³. И природного дворянина, ваше преподобие, который подписывается armigero⁴. Да, да, на всех счетах, приказах, квитанциях, обязательствах: armigero!

¹ В присутствии. (Лат.)

² Хранитель актов. (Лат., искаж.)

³ Актов. (Лат., искаж.)

⁴ Имеющий герб. (Лат., искаж.)

Шеллоу

Что? Да, ты прав, племянник Слендер, ты совершенно прав,—судью и природного дворянина, который носит свой герб по крайней мере триста лет.

Слендер

Все наши покойные потомки были джентльмены, и все наши будущие предки будут джентльмены. Они носили, носят и будут носить двенадцать серебряных ершей на своем гербе!

Эванс

Двенадцать серебряных вшей на своем горбе?

Шеллоу

Да, на своем старом гербе!

Эванс

Я и говорю, на своем старом горбе... Ну что ж, человек давно свыкся с этой божьей тварью и даже видит в ней весьма хорошую примету: счастливую любовь, говорят.

Слендер

Я имею право рассчитывать по крайней мере на четверть этой дюжины. Не так ли, дядюшка?

Шеллоу

Женись — и ты получишь свою долю.

Эванс

И будешь носить ее на своем горбе. Но, впрочем, это не относится к делу. По простому разумению моему, если сэр Джон Фальстаф оскорбил вас, мистер Шеллоу,— мой долг служителя церкви уладить дело миром.

Шеллоу

Нет! Этим делом займется королевский Совет! Это больше, чем оскорбление. Это мятеж!

Эванс

Королевским советникам не подобает заниматься мятежом. В мятеже нет страха божия. А королевские советники любят страх божий и не любят мятежей. Примите это к сведению, сэр.

Шеллоу

Клянусь жизнью! Будь я помоложе, я бы просто взялся за меч, и дело с концом!

Эванс

А еще лучше взяться за ум, и дело с концом. Тем более что мне на ум приходит мысль, которая, быть может, принесет вам умиротворение. Анна Пейдж, дочь мистера Пейджа, прекрасная девица.

Слендер

Анна Пейдж? Помню, помню. У нее каштановые волосы, и говорит она так тонко-тонко, ну, как все женщины.

Эванс

Это лучшая девушка на свете! Семьсот фунтов стерлингов чистыми деньгами и много фамильного золота и серебра... Все это оставил ей дедушка на смертном одре,— да уготовит ему господь радостное пробуждение. И она вступит во владение своим приданым, чуть только ей исполнится семнадцать лет. Вот я и думаю: не лучше ли нам бросить споры да раздоры и... *(тихо, к Шеллоу)* женить мистера Авраама Слендера на мисс Анне Пейдж?

Шеллоу

Вы говорите, дедушка оставил ей семьсот фунтов?

Эванс

Семьсот, а отец, пожалуй, оставит еще больше.

Шеллоу

О, я знаю эту девицу и очень высоко ценю ее достоинства.

Эванс

Еще бы не ценить! Семьсот фунтов деньгами и надежда на второе наследство...

Шеллоу

Ну что ж, зайдем к доброму мистеру Пейджу. А что, Фальстаф — у него?

Эванс

Не стану вам лгать. Я презираю лжецов, как презираю тех, кто не говорит правды, или, вернее, говорит неправду. Да, рыцарь

сэр Джон Фальстаф сейчас находится у мистера Пейджа. Но, умоляю вас, доверьтесь вашим доброжелателям. Сейчас я постучу в дверь. *(Стучит.)* Эй! Хо! Да пошлет господь благословение дому сему!

Пейдж
(за сценой)

Кто там?

Эванс

Благословение божье, то есть я, ваш покорный слуга, пастор Эванс, а со мной судья Шеллоу и молодой мистер Слендер, который, я надеюсь, скажет вам нечто приятное, если вы отнесетесь к нему благосклонно.

Входит Пейдж.

Пейдж

Рад видеть вас, почтенные джентльмены. Благодарю вас, мистер Шеллоу, за олений окорок, который вы мне прислали в подарок.

Шеллоу

И мне весьма приятно видеть вас, мистер Пейдж. Да порадуется ваше доброе сердце этот добрый окорок! Я хотел послать вам мясо получше, да уж такой олень попался на охоте. Как поживает добрая миссис Пейдж? Я благодарен вам обоим. Да, от всей души благодарен!

Пейдж

Это я, сэр, должен благодарить вас.

Шеллоу

Нет уж, сэр, я вас благодарю! Хотите вы этого или не хотите, а я вас благодарю.

Пейдж

Рад видеть и вас, любезный мистер Слендер.

Слендер

А как поживает ваш рыжий кобель, сэр? Мне говорили, будто его недавно обогнали на собачьих бегах.

Пейдж

Нет, сэр, это была ошибка судьи.

С л е н д е р

Э-э, вы не хотите сознаться, не хотите сознаться!

Ш е л л о у

Ему и не в чем сознаваться. Это ты путаешь, племянник, это ты что-то путаешь. Отличная собака!

П е й д ж

Дворяжка, сэр!

Ш е л л о у

Нет, сэр, отличная собака. И красивая собака. Что можно еще прибавить? Отличная, красивая собака. Сэр Джон Фальстаф у вас?

П е й д ж

У меня, сэр. И мне бы очень хотелось вас помирить.

Э в а н с

Вот это слова истинного христианина!

Ш е л л о у

Но он оскорбил меня, мистер Пейдж.

П е й д ж

Сэр, он до некоторой степени сознается в этом.

Ш е л л о у

Сознаться — это еще не значит оправдаться! Он оскорбил меня, не правда ли, мистер Пейдж? Да, да, оскорбил! Другого слова не придумаешь. Поверьте: вам говорит Роберт Шеллоу, природный дворянин, что его крѡвно оскорбили.

П е й д ж

А вот и сам сэр Джон Фальстаф!

Входят Фальстаф, Бардольф, Ним, Пистоль и паж Фальстафа Робин.

Ф а л ь с т а ф

Что же, мистер Шеллоу, вы собираетесь жаловаться на меня королю?

Ш е л л о у

Рыцарь, вы побили моих слуг, подстрелили моего оленя и ворвались в дом моего лесничего.

Ф а л ь с т а ф

А дочку вашего лесничего я не поцеловал?

Ш е л л о у

Рыцарь, вы за это ответите!

Ф а л ь с т а ф

Пожалуйста, хоть сейчас! Да, сэр, я все это сделал... Вот я и ответил.

Ш е л л о у

Об этом будет доведено до сведения королевского Совета.

Ф а л ь с т а ф

Тем лучше для вас. Вы доставите лордам случай от души посмеяться над вами.

Э в а н с

Сэр Джон! *Pausa verba*¹, в молчании благо.

Ф а л ь с т а ф

Какая там палка верба? Слендер, я вам, кажется, проломил голову... Что вы имеете против меня?

С л е н д е р

Черт возьми, сэр, проломить голову — это дело уголовное. Так сказать, головоломное дело. Да к тому же ваши негодяи — Бардольф, Ним и Пистоль — заташили меня в таверну, напоили пьяным и обобрали до нитки.

Б а р д о л ь ф

Ах ты, бенберийский сыр! *(Обнажает меч.)*

С л е н д е р

При чем же тут сыр?

П и с т о л ь

Эх ты, Мефистофель, черт остробородый! *(Обнажает меч.)*

С л е н д е р

При чем же тут черт?

Н и м

Режь его, палка верба, режь! Это мне по характеру!

¹ Поменьше слов. *(Лат., искаж.)*

С л е н д е р

Где же мой слуга Симпл? Вы не знаете, где он, дядюшка?

Э в а н с

Спокойней, прошу вас! Давайте разберемся в этом деле. Ясно, что у нас в данном казусе трое третейских судей: лично мистер Пейдж — ну да, мистер Пейдж, затем лично я — ну, конечно, лично я, и в конце концов, напоследок, хозяин «Подвязки».

П е й д ж

Да, мы трое должны их выслушать и добиться какого-нибудь соглашения.

Э в а н с

Отлично! Я изложу обстоятельства дела в своей записной книжке, а потом мы разберем все это как можно тщательнее.

Ф а л ь с т а ф

Слушай, Пистоль!

П и с т о л ь

На то даны нам уши, чтобы слушать!

Э в а н с

Вот черт и его бабушка, прости меня господа! Как он торжественно выражается, этот малый.

Ф а л ь с т а ф

Пистоль, ты стянул кошелек у мистера Слендера?

С л е н д е р

Да, он! Клянусь этими перчатками, он! Не вернуться мне в мой родовой замок, если не он! У меня в кошельке было семь раз по четыре пенса в новеньких шестипенсовых монетах, да еще фишки для игры в кости. Я их купил у одного парня за два шиллинга и два пенса. Клянусь вот этими перчатками!

Ф а л ь с т а ф

Это правда, Пистоль?

Э в а н с

Как можно называть правдой кражу?

П и с т о л ь

Тише ты, иностранец с Уэльских гор!

Сэр Джон, мой господин, на поединок
Его я вызываю. Пусть немедля
Он обнажит игрушечный свой меч
Иль отречется подлыми устами
От слов своих. Ты лжешь, нагар и накипь!

С л е н д е р

Ну, в таком случае, он! Клянусь перчатками, он! (*Указывает на Нима.*)

Н и м

Будьте осторожны, сэр, не давайте волю своему характеру. Мне и не такие крючки, как вы, на крючок попадались. Я еще вам покажу свой характер!

С л е н д е р

В таком случае, клянусь шляпой, меня обокрал вон тот, с красным лицом. (*Указывает на Бардольфа.*) Правда, я не могу точно вспомнить, что было со мной, когда вы меня напоили, но ведь нельзя же считать меня совершенным ослом!

Ф а л ь с т а ф

А ты что скажешь, Скэрлет и Джон?

Б а р д о л ь ф

Что же я могу сказать, сэр? Этот джентльмен до того наклюкался, что лишился своих семи чувств.

Э в а н с

Пяти чувств. Какое невежество!

Б а р д о л ь ф

Не знаю, сударь, я его чувств не считал. И, будучи под мухой, он и попал в эту пертурбацию.

С л е н д е р

Да-да, помню, ты и тогда говорил по-латыни, но не в этом дело. А дело в том, что теперь я даю себе слово напиваться в лежку только в компании честных, любезных, богобоязненных людей. Уж если напиваться, так напиваться с теми, у кого есть страх божий, а не с пьяными мошенниками.

Э ванс

Эти слова говорит сама добродетель!

Ф альстаф

Итак, джентльмены, все обвинения были сейчас опровергнуты. Вы свидетели.

Входит миссис Форд, миссис Пейдж и Анна Пейдж,
которая несет вино на подносе.

Пейдж

Нет, дочка, неси вино обратно, мы будем пить дома.

Анна Пейдж уходит.

Слендер

О небо, это мисс Анна Пейдж!

Пейдж

Здравствуйте, миссис Форд.

Ф альстаф

Миссис Форд, клянусь честью, я рад встретиться с вами. С вашего разрешения, добрая миссис Форд! (*Целует ее.*)

Пейдж

Жена, проси этих джентльменов к столу. Пойдемте, друзья, у нас сегодня к обеду горячий паштет из оленьей печенки. Я надеюсь, мы зальем вином вашу ссору.

Все, кроме Шеллоу, Слендера и Эванса, уходят.

Слендер

Ах, если бы у меня была сейчас при себе моя книжка сонетов и любовных песен! Она мне нужнее, чем сорок шиллингов.

Входит Симпл.

Что это значит, Симпл? Где ты пропадал? Ты думаешь, кажется, что порядочный джентльмен может сам себе прислуживать, а? Ты захватил с собой мою книжку загадок?

Симпл

Книжку загадок? Да вы же сами, сударь, отдали их этой пышке Алисе в день всех святых, за две недели до Михайлова дня.

Шеллоу

Ну, идем, идем, племянник. Мы ждем тебя. Но сначала я должен сказать тебе два слова. Есть тут одно предложение или, так сказать, намек издалика со стороны его преподобия сэра Хью Эванса. Ты меня понял?

Слендер

Да, сэр, вы увидите, как я благодарен. Я сделаю все, что полагается в таких случаях.

Шеллоу

Да нет, пойми меня.

Слендер

Я уже понял, сэр.

Эванс

Нет, вы сперва послушайте, мистер Слендер. Я вам изложу, что от вас требуется, если только вы к этому способны.

Слендер

Нет-нет, я сделаю все, что посоветует мне мой дядюшка Шеллоу, с вашего позволения. Он мировой судья в своем округе, хоть по мне этого и не видно.

Эванс

Да не в том суть. Дело касается вашей женитьбы.

Шеллоу

Да-да, именно так.

Эванс

На мисс Анне Пейдж.

Слендер

Ах, только-то? Ну что ж, я готов жениться на ней... На тех или иных условиях.

Эванс

На каких именно?

Слендер

Я уже сказал: на тех или иных.

Э ван с

Но можете ли вы расположить к себе эту девуцу? Сспособны ли вы объясниться в любви? Дайте нам услышать это из ваших собственных уст, или губ, ибо многие философы утверждают, что уста и губы — одно и то же. Скажите же точно: можете ли вы проникнуться расположением к этой девице?

Шеллоу

Племянник мой, Авраам Слендер, можешь ли ты полюбить ее?

Слендер

Надеюсь, что могу, сэр. Я сделаю все, что требуется от разумного человека.

Э ван с

Ах, небесные лорды и леди! Мистер Слендер, вы должны дать нам определенный ответ. Хотите ли вы довести свои желания до сведения этой девицы?

Шеллоу

Одним словом: женишься ли ты, если тебе дадут хорошее приданое?

Слендер

Я сделаю даже больше, дядюшка, если вы этого потребуете. Для вас — хоть в воду!

Шеллоу

Да нет, пойми, что я хочу сказать, пойми, дорогой племянник. Я хочу все устроить к твоему удовольствию. Я спрашиваю, можешь ли ты полюбить ее?

Слендер

Во всяком случае, я на ней женюсь, сэр, если вам это угодно. И если даже вначале между нами и не будет особенной любви, то, с божьей помощью, мы еще больше разойдемся, когда сойдемся, то есть еще больше сойдемся, когда разойдемся. Но, раз вы говорите — женись, — я и женюсь. Это я решил аллегорически и безразвратно.

Э ван с

Ну вот и хорошо. То есть вы плохо выражаете свои мысли; должно быть, вы хотели сказать: «категорически» и «безвозвратно». Но намерения у вас прекрасные.

Шеллоу

Да, мне кажется, намерения у него есть.

Слендер

Конечно, есть, а если нет, пусть меня повесят!

Входит Анна Пейдж.

Шеллоу

Вот она, прелестная мисс Анна Пейдж. *(Кланяется.)* Глядя на вас, сударыня, мне хочется быть молодым.

Анна

Обед на столе, джентльмены. Мой отец просит вас пожаловать.

Шеллоу

Не смею ослушаться, прекрасная мисс Пейдж.

Эванс

Да будет воля божья! Но главное — не опоздать к предобеденной молитве.

Эванс и Шеллоу уходят.

Анна

(Слендеру)

Прошу и вас, сэр, к столу.

Слендер

Нет, благодарю вас от всего сердца. Честное слово, мне и здесь хорошо.

Анна

Вас ждут к обеду, сэр.

Слендер

О, я не голоден, благодарю вас, честное слово! *(Симплу.)* Эй, малый! *(Анне.)* Это мой слуга. *(Симплу.)* Ступай-ка, прислуживай за обедом моему дядюшке, мировому судье и дворянину Шеллоу.

Симпл уходит.

Да, иной раз и мировые судьи пользуются слугами своих племянников. У меня всего только трое слуг и мальчишка паж. Это до

тех пор, пока не помрет моя матушка. Что поделаешь! До получения наследства я живу так, как должен жить бедный, но благородный дворянин.

А н н а

Пожалуйте, сэр, мне велено вас привести — без вас не сядут за стол.

С л е н д е р

Честное слово, мне есть не хочется. Но я благодарю вас так, как будто бы я уже пообедал.

А н н а

Ах, сэр, я очень прошу вас — войдемте в дом.

С л е н д е р

Я предпочел бы погулять здесь, сударыня, благодарю вас. Знаете, меня на днях ранили в ногу. Это случилось как раз тогда, когда я защищал свою голову. Я фехтовал на мечах и кинжалах с одним мастером фехтования. Кто проиграет, должен был съесть целое блюдо тушеного чернослива. И, честное слово, с тех пор я не выношу ничего тушеного или жареного. Где это так лают собаки? Уж не медведей ли привели в город?

А н н а

Да, кажется, мне что-то об этом говорили.

С л е н д е р

О, это прекрасная забава! Клянусь, во всей Англии нет человека, который бы столько прозаклаживал на медвежьей травле, сколько я. А вам, наверное, страшно бывает, когда медведя спускают с цепи?

А н н а

Разумеется, сэр.

С л е н д е р

А меня хлебом не корми — только дай посмотреть медвежью травлю. Я раз двадцать видел, как Секерсона спускали с цепи, и даже дергал его за цепь. Честное слово, женщины при этом так кричали и визжали, что и описать невозможно. Ведь женщины их не выносят. Медведи — это такие грубые и неприличные животные!

Входит Пейдж.

Пейдж

Где же вы, дорогой мистер Слендер? Мы вас ждем.

С л е н д е р

Мне не хочется есть, сэр, благодарю вас.

П е й д ж

Клянусь петушиными потрохами, мы вас заставим с нами отобедать! Ну-ну, заходите, сэр, прошу, прошу. *(Пропускает Слендера вперед к двери.)*

С л е н д е р

Нет, я вас прошу, войдите прежде меня!

П е й д ж

Следуйте за мной, сэр. *(Входит в дом.)*

С л е н д е р

Сударыня, вы должны войти в дверь первой.

А н н а

Что вы, сэр! Пожалуйста, пожалуйста.

С л е н д е р

Честное слово, я первым не войду, я не такой невежа!

А н н а

Умоляю вас, сэр.

С л е н д е р

Так и быть, чтобы не спорить с вами, я буду на этот раз невежей. Но вы сами этого пожелали!

Уходят.

С Ц Е Н А 2

Там же. Э в а н с, Симпл.

Э в а н с

Беги, Симпл, отыщи дом, где живет доктор Каюс. Там ты найдешь некую миссис Куикли. Она у него не то кормилица, не то нянька, не то кухарка, а может быть, и прачка или штопальщица.

С и м п л

Очень хорошо, сэр.

Э в а н с

Нет, дальше будет еще лучше. Отдай это письмо миссис Куикли. Она близко знакома с мисс Анной Пейдж. Я пишу ей, чтобы она замолвила словечко в пользу твоего господина, Авраама Слендера. Ну, беги с богом, а я пойду кончать с божьей помощью обед. Сейчас подадут сыр и яблочки!

Уходят.

С Ц Е Н А 3

Комната в гостинице «Подвязка».

Входят Фальстаф, Пистоль, Ним, Бардольф, хозяин гостиницы, Робин.

Ф а л ь с т а ф

Послушай-ка, почтенный хозяин «Подвязки»!

Х о з я и н

Что скажешь, мой толстый буян? Произнеси нам свое ученое, мудрое слово!

Ф а л ь с т а ф

Мне придется распустить свою свиту.

Х о з я и н

Давно пора, трактирный Геркулес, гони их в шею! Пусть убираются — топ-топ-топ.

Ф а л ь с т а ф

Я сижу на десяти фунтах в неделю!

Х о з я и н

Ах ты, Цезарь-кесарь, жирное брюхо — тощий карман! Так и быть, я тебя избавлю от Бардольфа: возьму его к себе. Он будет у меня откупоривать, цедить, разливать. Правильно я говорю, мой храбрый Гектор?

Ф а л ь с т а ф

Пожалуйста, возьми его, хозяин.

Хозяин

Сказано — сделано. (*Бардольфу.*) Следуй за мной, малый. Посмотрим, умеешь ли ты наливать пиво так, чтобы пены было побольше, а пива поменьше. Лови меня на слове, идем. (*Уходит.*)

Фальстаф

Ступай, ступай с ним, Бардольф. Разносить пиво в трактире — прекрасное ремесло. Из старого плаща можно сделать новенький передник, из потрепанного кавалера — свеженького трактирного слугу. Ступай себе с богом, малый.

Бардольф

Вот жизнь, о которой я всегда мечтал! (*Уходит вслед за хозяином.*)

Пистоль

О жалкий раб! Неужто сменишь ты
Свой меч на вертел, шлем на кружку пива?

Ним

Он был во хмелю зачат и рожден в похмелье. Вот откуда у него такой характер.

Фальстаф

По совести сказать, я рад, что избавился от этой огненной рожи. Он воровал слишком откровенно. Как неумелый певец, он не соблюдал в этом деле ни меры, ни такта.

Ним

Порядочный вор крадет с передышкой. Украл — отдохни маленько, а потом опять за дело.

Пистоль

«Укрась»! Как низко это выраженье!
«Приобрести» — так в свете говорят.

Фальстаф

Слушайте, друзья, я скоро останусь без подметок!

Пистоль

И наживешь мозоли.

Фальстаф

Ничего не поделаешь, придется, кажется, пускаться во все тяжкие.

П и с т о л ь

Без пищи не живет и вороненок!

Ф а л ь с т а ф

Кто из вас знает Форда — жителя этого города?

П и с т о л ь

О нем я слышал: ценный человек!

Ф а л ь с т а ф

Мои честные парни, знаете ли вы, что у меня на сердце?

П и с т о л ь

Два пуда жира с лишком!

Ф а л ь с т а ф

Брось шутки, Пистоль. Сейчас мне не до жиру, быть бы живу. Для того чтобы жить, нужны деньги. Короче говоря, я собираюсь приударить за женой Форда. Я замечаю с ее стороны некоторые признаки благосклонности. Беседуя со мной, она жеманилась, улыбалась, зазывала меня соблазнительной улыбкой. Если перевести это с языка чувств на простой английский язык, то все в ней говорит: Фальстаф, я твоя.

П и с т о л ь

Видно, он уже успел ее изучить и перевести с пути добродетели на английский язык.

Н и м

Глубоко закинут якорь! Не так ли?

Ф а л ь с т а ф

Говорят, она располагает кошельком своего мужа, как своим собственным, а в кошельке у мужа целый легион золотых ангелов!

П и с т о л ь

Пошли за ними легион чертей!

Н и м

Признаюсь, и мне по душе золотые ангелы. Недаром говорят, что у меня ангельский характер.

Ф а л ь с т а ф

Я написал миссис Форд вот это письмо. А другое такое же письмо написал жене мистера Пейджа, которая тоже строит мне глазки. Еще сегодня она пристально изучала каждую подробность моей фигуры. Лучи ее сияющих глаз то скользили по моей могучей ноге, то золотили мое внушительное брюхо.

П и с т о л ь

Сияло солнце над навозной кучей!

Н и м

(Пистолю)

Благодарю тебя за этот пышный стих!

Ф а л ь с т а ф

Да-да, она изучала мою наружность с таким вниманием, что взор ее прожигал меня насквозь, как луч солнца через зажигающее стекло. Вот и для нее письмецо. Эта дама тоже располагает кошельком своего мужа. Она, как Гвиана, полна золота и всяческого изобилия. Я буду их казначеем, а они моими казначействами. Одна будет для меня Ост-Индией, другая — Вест-Индией, и с обеими я заведу выгодные дела. Ступай, Ним, отнеси это письмо миссис Пейдж. А ты, Пистоль, отнеси это письмо миссис Форд. Мы еще поживем, ребята, мы еще поживем!

П и с т о л ь

Как! Сводником мне стать? Я — честный воин.
Клянусь мечом и тысячей чертей!

(Бросает письмо на стол.)

Н и м

Мой характер не позволяет мне заниматься такими подлыми делами. Я берегу свою ампутацию.

Ф а л ь с т а ф

(Робину)

Держи покрепче эти письма, мальчик,
Направь свой парус к золотым краям.
А вы, мошенники, ступайте к черту!
И топайте копытами, покуда
Другое стойло не найдете вы.
Фальстаф теперь не тот, он научился
Расчетливости века своего,

Французской бережливости. Вы — черти!
Пускай останусь я с одним пажом:
Без вас двоих мы больше сбережем.

Фальстаф и Робин уходят.

П и с т о л ь

Пусть ястреб расклюет твою печенку!
Играя в кости, я прожить сумею,
Покуда есть на свете дураки,
Ты ж по миру пойдешь, фригийский турок!

Н и м

Не в моем характере много болтать. Я скажу одно: месть!

П и с т о л ь

Ты хочешь мстить?

Н и м

Клянусь Луной и небом!

П и с т о л ь

Чем — острым словом или острой сталью?

Н и м

И тем и другим. Но прежде всего я позабочусь о том, чтобы мистер Пейдж узнал, какова любовь Фальстафа к его жене.

П и с т о л ь

А от меня узнает Форд,
Что этот старый, толстый черт
Себе поставил целью
Поймать его голубку в сеть,
Его деньгами завладеть,
А заодно постелью!

Н и м

Что касается меня, то я человек с характером... Я доведу Пейджа до того, что он пустит в ход отраву. От ревности он заболит желтухой. Ибо в гневе я опасен. Вот какой у меня характер!

П и с т о л ь

Ты настоящий бог мщения. Я следую за тобой. Вперед!

Уходят.

СЦЕНА 4

Комната в доме доктора Каюса.

Входит миссис Куикли, Симпл и Джон Регби.

Миссис Куикли

Послушай-ка, Джон Регби. Ступай, пожалуйста, к окошку да посмотри, не идет ли домой хозяин, доктор Каюс. А не то, ежели он, не дай бог, найдет в доме посторонних, тут уж не поздоровится ни божьим заповедям, ни нашему доброму английскому языку.

Регби

Ладно, я буду сторожить.

Миссис Куикли

Ступай. А я за это угощу тебя вечером стаканом теплого вина с сахаром. Посидим с тобой у камина и выпьем, когда угольки начнут гаснуть.

Регби уходит.

Вот честный, исполнительный, добрый малый! Другого такого слуги не найдешь: и не сплетник и ссоры никогда не затевает. Одно плохо: слишком много молится, такая уж у него слабость. Ну, да и все мы не без греха! (*Симплу.*) Так ты говоришь, что тебя зовут Симпл?

Симпл

Да, лучшего имени для меня не выдумали.

Миссис Куикли

А мистер Слендер — это твой хозяин?

Симпл

Хозяин.

Миссис Куикли

Это который же Слендер? Уж не тот ли, что носит большую бороду? Широкую и круглую, как нож у перчаточника?

Симпл

Да нет! Какая там борода! У него этакое маленькое, бледенькое личико с этакой маленькой, желтенькой бородкой.

Миссис Куикли

Он, кажется, человек тихого нрава — Слендер?

С и м п л

Да. Но при случае он не уступит никому, кто слабее его. Он раз даже подрался со сторожем крольчатника.

М и с с и с К у и к л и

Что ты говоришь! Ах, так я его знаю. Это тот, который ходит, вытягивая носки и задрав голову? Вот этак...

С и м п л

Он, он самый и есть.

М и с с и с К у и к л и

Что ж, дай бог Анне Пейдж муженька не хуже этого! Скажи его преподобию мистеру Эвансу, что я сделаю все, что смогу, для твоего господина. Анна Пейдж — хорошая девушка, и мне хотелось бы...

Р е г б и

(за сценой)

Беда! Беда! Хозяин идет!

М и с с и с К у и к л и

Ну, будет нам трепка! (*Симплу.*) Иди сюда, молодой человек, посиди немного в этом чуланчике.

С и м п л прячется в чулан.

(*Затворяет за ним дверь.*) Хозяин пробудет дома недолго. (*Кричит.*) Эй, Джон Регби, Джон, где же ты?

Входит Ка ю с.

(*Притворяется, что не видит его.*) Ступай, Джон, проведай хозяина. Что-то он долго не идет домой. Уж не заболел ли он? (*Напевает.*)

Вниз по дорожке, вниз по дорожке...

Ка ю с

(*смотрит на нее подозрительно*)

Что ты пель? Я не люблю такой пустяки. Достань из мой чулан и дай мне un boitier¹, коробка пилюль! Понимай, што я говорил. Зелёни коробка!

М и с с и с К у и к л и

Сейчас подам. (*В сторону.*) Хорошо еще, что он не пошел

¹ Коробка. (*Франц.*)

сам доставать свои лекарства. Если бы он нашел в чулане этого парня, он бы поднял меня на рога, как бык! *(Идет за коробкой.)*

Каюс

Пф, пф, пф! Какой жара! А мне надо ходить на королевски двор лечиль один важни персон.

Миссис Куикли
(возвращается)

Вот эта коробка, сэр?

Каюс

Полёжи на мой карман. Скоро, скоро. *Dérêche*¹. Где эта плют Регби?

Миссис Куикли
(кричит)

Эй, Джон Регби! Джон!

Входит Регби.

Регби

Я здесь!

Каюс

Жак Регби, бери моя рапир и ходи за мной на королевски дворец.

Регби

Слушаю, сэр.

Каюс

О, дьябль, я опоздал! *Qu'ai j'oublié?*² Там в чулян лечебни травки — *les simples*. Надо браль его на королевски двор!

Миссис Куикли

Ах ты, господи! Если он найдет в чулане парнишку, он взбесится!

Каюс

*O diable, diable!*³ *(Идет к чулану и открывает дверь.)* Кто это в мой чулян? Вор, мошенник! *(Вытаскивает Симпла за шиворот.)* Регби, моя рапир!

¹ Поторапливайся! *(Франц.)*

² Не забыл ли я чего-нибудь? *(Франц.)*

³ Ах, черт, черт! *(Франц.)*

Миссис Куикли

Ах, сударь, что с вами? Успокойтесь!

Каюс

Почему я должен быть спокойник?

Миссис Куикли

Право, этот юноша — честный малый.

Каюс

А что делаль честни мали мой чулян? Честни мали не сидит чужой чулян!

Миссис Куикли

Да вы не сердитесь, сударь, уж очень вы флегматичны! Выслушайте всю правду. Этот парень пришел сюда с поручением от его преподобия мистера Эванса.

Каюс

Так-так...

Симпл

Клянусь вам, сударь, от него. Его преподобие прислал меня к миссис Куикли, чтобы она...

Миссис Куикли

Молчи!

Каюс

Пет, ты сам мольчи! А он пускай говорил!

Симпл

Мистер Эванс просил эту госпожу, вашу служанку, замолвить доброе словечко мисс Анне Пейдж за моего господина на счет его женитьбы, так сказать.

Миссис Куикли

Только и всего! Ну нет, уж лучше я суну палец в огонь!

Каюс

Тебя послал сэр Хью? Отшень карошо! Регби, бумага! (Симплу.) А ты жди немножко. (Садится за стол и быстро пишет.)

Миссис Куикли
(тихо, Симплу)

Он еще сегодня тихий. Кабы он вышел из себя, у нас бы уши не выдержали — такая бы пошла милохолия! Ну да ладно: я сделаю для твоего хозяина все, что могу. Беда только в том, что мой хозяин, этот французский доктор... Ведь я могу называть его хозяином, раз я управляю всем его домом — стираю, глажу, варю пиво, жарю, пеку, стелю постель...

Симпл
(тихо, ей)

Не легкая служба!

Миссис Куикли
(тихо, ему)

Еще бы легкая. Ложусь поздно, встаю рано и целый день не знаю покоя... Так знай: мой хозяин — скажу тебе на ушко — сам влюблен в мисс Анну Пейдж. Она, конечно, за него не пойдет, потому что сердце ее принадлежит другому.

Каюс
(встает и дает Симплу письмо)

Эй ты, обезьян! Неси это письмо мистер Эванс. Я визиваль его на дуэль. Буду кололь ему горло Виндзорский лес. Буду отучиль эта обезьян поп мешалься чужой дела... Да-да, а ты можешь уходиль домой. Тебе нетшего делаль на мой чулян... Diable! Я отрежу ему нос и ушей!

Симпл уходит.

Миссис Куикли

Да ведь он не для себя старается, а для своего друга.

Каюс

О, для себя, для свой друг — это все равно! Ты сам мне говорил: Анна Пейдж выйдет только за доктор Каюс. Я хочу убиваль этот плют, преподобий Эванс. Я буду браль секундант хозяин «Подвязка». Diable! Анна Пейдж будет мой.

Миссис Куикли

Сэр, вы же знаете, что девушка от вас без ума. Ей-богу, все наладится. А народ пусть себе болтает что хочет.

Каюс

Регби, ходи за мной на королевский двор.— Ей-богу, если я не получай Анна Пейдж, ви будет летай отсюда, голёва вперед.— Ходи за мной, Регби! (*Быстро уходит.*)

Регби уходит за ним.

Миссис Куикли

Да, сударь, вы женитесь на Анне. (*Затворяет дверь.*) Как бы не так! Держи карман шире!.. Я-то знаю, что у моей Анны на душе. Ни одна женщина в Виндзоре не знает ее так, как я знаю, и никого она так не слушается, как меня.

Голос Фентона: «Эй, есть ли тут кто-нибудь?»

Миссис Куикли

Кто там? Входите, сударь!

Входит Фентон.

Фентон

Здорово, тетушка Куикли! Как поживаешь?

Миссис Куикли

Благодарю вас. Уж, верно, неплохо, ежели о моем здоровье справляется такой джентльмен, как ваша милость.

Фентон

Что нового? Как поживает прекрасная мисс Анна Пейдж?

Миссис Куикли

Что правда, то правда, сэр: она и прекрасная, и честная, и милая девушка, наша мисс Анна, и уж такой ваш друг, скажу вам по секрету.

Фентон

Ну, а как, по-твоему, идут мои дела? Добьюсь я своего?

Миссис Куикли

Конечно, сэр, все в руке божьей. А все-таки, мистер Фентон, я готова присягнуть, что она любит вас. У вашей милости, кажется, есть родимое пятнышко над глазом?

Фентон

Да, есть, но что из того?

Миссис Куикли

А вот сейчас сами узнаете. Ах, какая она чудачка, эта Анна Пейдж! На днях мы целый час проболтали с ней об этой родинке. Ох, и насмеешься же с ней! Но ей-то самой совсем не до смеху. Она все больше грустная и задумчивая. Такая милохотливая, как говорят. Может, о вас-то она и грустит, сэр...

Фентон

Я сегодня же с ней увижусь. Вот тебе деньги, и не забывай о моем деле. Похлопочи за меня. Если увидишь ее раньше, чем я, замолви ей словечко.

Миссис Куикли

Уж будьте спокойны! А когда мы встретимся с вашей милостью в следующий раз, я еще больше расскажу вам и о вашей родинке и обо всех поклонниках нашей милой мисс Анны.

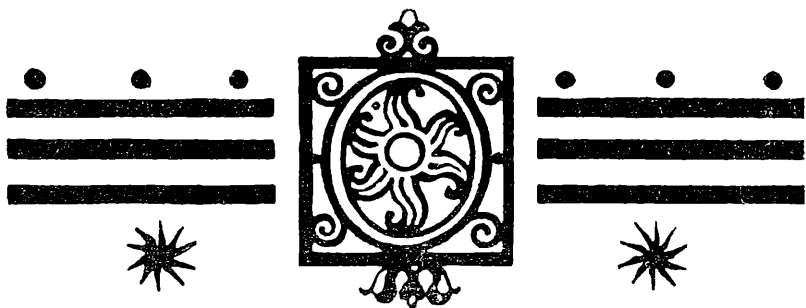
Фентон

Ну, прощай, я тороплюсь. *(Уходит.)*

Миссис Куикли

Прощайте, ваша милость.— Вот это благородный молодой человек. Однако дела его плохи. Анна, кажется, его не любит. Мне ли не знать, что у нее на сердце? Да ну их всех!.. Что такое я собиралась делать? Совсем забыла! *(Уходит.)*

А К Т II

С Ц Е Н А 1

Перед домом Пейджа.

Входит миссис Пейдж с письмом в руках.

Миссис Пейдж

Каково! Я не получала любовных писем, даже когда была в расцвете молодости и красоты, а вот сейчас удостоилась этой чести. Посмотрим. (*Читает.*) «Не спрашивайте, почему я люблю вас. Ибо, хотя любовь и прибегает к разуму, как к врачу, она не внемлет его советам. Вы не молоды, не молод и я. Вот и основание для взаимности. Вы веселы, весел и я. Ха-ха! Вот другое основание для взаимности. Вы любите херес, и я люблю херес. Что же может связать двух людей теснее? Знай же, миссис Пейдж, и поверь слову солдата, я люблю тебя! Я не скажу: «Сжался надо мной», ибо такие слова неуместны в устах воина. Я говорю просто: «Полюби меня».

Итак, с почтительным поклоном
Я остаюсь Фальстафом Джоном,
В тебя без памяти влюбленным,
Готовым драться эскадроном
И шпагой с целым эскадроном!
Ответа ждет, к ногам припав,
Твой верный раб

Сэр Джон Фальстаф».

Миссис Пейдж

Ах он, Ирод иудейский! О порочный, порочный свет! Старая развалина, которая, того и гляди, рассыплется, а туда же — разыгрывает из себя молодого волокиту. Да как он посмел, наглец, так писать ко мне. Разве я подала этому фламандскому пьянчуге какой-нибудь повод? Мы с ним и трех раз не встречались. Что такое я могла ему сказать? Кажется, я не была при нем ни слишком веселой, ни слишком развязной, прости меня бог! Положительно, я внесу билль в парламент об истреблении мужского пола! Как бы мне наказать его? А наказан он будет. Непременно будет! Это так же верно, как то, что брюхо у него туго набито пудингами.

Входит миссис Форд.

Миссис Форд

Миссис Пейдж! А ведь я как раз шла к вам.

Миссис Пейдж

А я к вам, миссис Форд. Здоровы ли вы? Что-то вы нынче нехорошо выглядите.

Миссис Форд

О нет, вы ошибаетесь! У меня есть доказательство, что вы неправы.

Миссис Пейдж

А по-моему, у вас плохой вид.

Миссис Форд

Ну, будь по-вашему. Хотя, как я вам уже сказала, у меня есть доказательство того, что я прекрасно выгляжу... О, миссис Пейдж, дайте мне совет!

Миссис Пейдж

Что случилось, дорогая моя?

Миссис Форд

Ах, моя дорогая, не будь одного крошечного препятствия, я могла бы добиться большой чести.

Миссис Пейдж

Не обращайтесь внимания на мелочи и добивайтесь чести. В чем, однако, дело?

Миссис Форд

Если бы я не боялась греха, я могла бы попасть в рыцарское сословие.

Миссис Пейдж

Что за пустяки! Не может этого быть! Сэр Алиса Форд!.. Ну, какой из вас рубака-рыцарь!.. Нет уж, по-моему, вам лучше сохранить свое скромное, но честное имя: миссис Форд.

Миссис Форд

Однако довольно нам болтать попусту. (*Достает письмо.*) Вот читайте, читайте, и вы сами увидите, каким образом я могла бы получить рыцарское звание. Пока глаза мои будут способны глядеть на мужчин, я буду самого дурного мнения о толстяках! Он вел себя так прилично, восхвалял женскую скромность, осуждал безнравственность. Я могла бы поклясться, что мысли и слова его — в полном согласии. А на самом деле они оказались так же далеки друг от друга, как сотый псалом и песенка о зеленых рукавах. И какая буря выбросила на наш Виндзорский берег этого кита, из брюха которого можно вытопить столько бочек жира! Как бы мне проучить его? Лучше всего, пожалуй, подать ему кое-какие надежды, помучить его ожиданием... Пускай жарится в собственном масле на огне сладострастия. Вы когда-нибудь видали что-нибудь подобное?

Миссис Пейдж

(*сравнивая оба письма*)

Слово в слово, буква в букву. Только в одном письме сказано «прекрасная миссис Пейдж», а в другом — «прекестная миссис Форд». Вот и вся разница. Но чтобы вас не очень огорчала эта обидная и загадочная история, позвольте вам показать кое-что. Это близнец вашего письма. Но мы дадим ход вашему, а мое письмо останется при мне. У этого толстяка, надо думать, припасены сотни таких писем, и не проставлены только имена. Наши письма, наверно, уже второе издание. Скоро он их, пожалуй, начнет печатать в тысячах оттисков и заведет для этого у себя дома печатный пресс. Ведь ему все равно, что и кого тискать. Но я скорее согласилась бы стать великаншей и лежать под горой Пелионом. Положительно, легче найти двадцать развратных голубок, чем одного целомудренного мужчину!

Миссис Форд

(*читает письмо к миссис Пейдж*)

Да, точно такое же письмо. Тот же почерк, те же слова... Не высокого же он о нас мнения!

Миссис Пейдж

Тут можно заподозрить собственную добродетель. Должно быть, я до сих пор сама не знала себя. Зато он знает какие-то мои слабости. Иначе он не решился бы так дерзко брать меня на абордаж.

Миссис Форд

Вы называете это «брать на абордаж»? Ну, я могу поручиться, что у меня бы он ниже палубы не проник.

Миссис Пейдж

Да и у меня тоже. Если бы ему удалось пробраться ко мне в трюм, мой корабль никогда больше не вышел бы в плавание. Ну, хорошо же, мы отомстим ему за это. Назначим ему свидание, подадим ему надежду и будем водить за нос до тех пор, пока он не заложит свою последнюю клячу хозяину гостиницы «Подвязка».

Миссис Форд

Знаете, дорогая, чтобы проучить этого старого потрепанного волокиту, я готова отдать все что угодно... Кроме чести, разумеется. Ах, если бы мой муж увидал это письмо! Это дало бы ему повод для ревности на всю жизнь.

Миссис Пейдж

Да вот, кстати, и он сам, мистер Форд, а с ним и мой муженек. К счастью, мой Пейдж так же далек от ревности, как я от измены. Так мы оба и держимся от греха подальше.

Миссис Форд

Ах, вы счастливее меня, миссис Пейдж!

Миссис Пейдж

Однако мы с вами еще не придумали, как нам проучить этого сального рыцаря. Идите-ка сюда.

Садятся под деревом. Входят парами Форд и Пистоль, Пейдж и Ним.

Форд

А все-таки я надеюсь, что это не так!

Пистоль

В таких делах надежда — пес бесхвостый!
Сэр Джон Фальстаф пленен твоей женой.

Ф о р д

Но подумайте сами, сэр, моя жена уже не так молода.

П и с т о л ь

Он ловит всех — и молодых и старых,
Богатых, бедных, знатных и безродных.
Любую дичь готов он ощипать.
Форд, берегись!..

Ф о р д

Скажите на милость — влюблен в мою жену!

П и с т о л ь

Ее он любит сердцем, полным жара,
И печенью горячей, как огонь.
Не допусти! Или навек заслужишь
Ты украшение страшное...

Ф о р д

Какое, сэр?

П и с т о л ь

Рога олени! А пока прощай!
Следи за ней, шныряют ночью воры,
Следи за ней, иль трижды не успеет
Прокуковать кукушка, у тебя
На голове рога ветвиться будут.—
Идем, капрал! —
Пейдж, верь ему: он говорит резонно.
(Уходит.)

Ф о р д

Я буду терпелив и доберусь до правды!

Н и м

(Пейджу)

Я говорю вам сухую правду, сэр. Не в моем характере врать. Он нанес мне обиду особого характера — он потребовал, чтобы я отнес записку любовного характера вашей жене. Но у меня есть меч, и при случае он больно кусается. А Фальстаф любит вашу жену, вот и все! Меня зовут капрал Ним. Запомните: меня зовут Ним, а Фальстаф любит вашу жену. Прощайте. Хватит с меня Фальстафа и его хлеба с сыром! Это мне не по характеру. Прощайте! (Уходит.)

Пейдж и Форд стоят задумавшись.

Пейдж

Как странно говорит этот капрал: характер да характер... Он обращается с английским языком, как с неприятелем.

Форд

Я изобличу этого Фальстафа!

Пейдж

В жизни своей не видел я такого косноязычного и болтливого мошенника!

Форд

А если все это окажется правдой? Что тогда?..

Пейдж

Ни за что не поверю этому проходимцу, даже если бы за него поручился сам епископ!

Форд

Этот Пистоль кажется мне разумным малым... Ладно же, хорошо.

Миссис Пейдж и миссис Форд подходят к ним.

Пейдж

Ну что, Мег, как дела?

Миссис Пейдж

А ты куда идешь, Джордж? Послушай-ка...

Беседуют в стороне.

Миссис Форд

Что с тобой, милый Фрэнк? Ты что-то невесел.

Форд

Невесел? Нет. Я очень весел. Иди-ка ты домой. Ступай, ступай! *(Отворачивается от нее.)*

Миссис Форд

Ну вот! Опять какие-нибудь пустяки взбрели в голову.— Пойдемте, миссис Пейдж.

Миссис Пейдж

Пойдемте. *(Мужу.)* Не опоздай к обеду, Джордж. *(Тихо,*

к миссис Форд.) Посмотрите, кто идет сюда. Ее-то мы и пошлем к этому жалкому рыцарю!

Миссис Форд

Поверьте мне, я и сама уже думала о ней. Она как раз подходящая для этого особа.

Входит миссис Куикли

Миссис Пейдж

Вы пришли навестить мою дочь Анну?

Миссис Куикли

Да, сударыня. Как поживает милая мисс Анна?

Миссис Пейдж

А вот зайдите к нам и увидите. Кстати, нам нужно с вами потолковать кое о чем.

Миссис Пейдж, миссис Форд и миссис Куикли уходят
в дом.

Пейдж

Ну что, мистер Форд?

Форд

Вы слышали, что мне сказал этот плут?

Пейдж

Да, а вы слышали, что мне сказал другой?

Форд

Вы думаете, в их словах есть доля правды?

Пейдж

Да ну их, этих негодяев! Никогда не поверю, чтобы этот рыцарь осмелился приставать к нашим женам. Да к тому же оба доносчика — бывшие слуги, которых Фальстаф прогнал от себя, — двое мошенников, оставшихся без дела.

Форд

Так это его бывшие слуги?

Пейдж

Вот именно.

Ф о р д

От этого мне не легче... А где он живет? В гостинице «Подвязка»?

П е й д ж

Да, в гостинице. Если он в самом деле хочет пробраться в мой дом, я готов оставить для него все двери открытыми и принять на свою голову все, что перепадет ему от моей жены, кроме пощечины да крепкого словца, конечно.

Ф о р д

Я тоже верю своей жене. Но я не желаю оставлять их вдвоем. Некоторые мужья слишком доверчивы. Я бы за свою головой не поручился. Меня не так-то легко успокоить.

П е й д ж

Глядите-ка, мистер Форд, вон идет этот говорун, хозяин «Подвязки». Что-то он больно весел сегодня. Либо у него хмель в башке, либо деньги в кошельке.

Входит х о з я и н гостиницы.

Ну, как дела, хозяин?

Х о з я и н

А твои как, молодчага? О, ты настоящий джентльмен? *(Оборачивается.)* Эй, cavaliero¹ судья, что же вы?

Ш е л л о у

(входит запыхавшись)

Иду, хозяин, иду! — Двадцать раз приветствую вас, добрейший мистер Пейдж. Пойдемте с нами — нас ждет сегодня недурное развлечение.

Х о з я и н

Расскажите им, в чем дело, cavaliero судья. Ну, рассказывайте, рассказывайте, почтеннейший!

Ш е л л о у

Сэр, нынче должна состояться дуэль между сэром Хью Эвансом, уэльским попом, и Каюсом, французским лекарем.

Ф о р д

Милейший хозяин, на два слова.

¹ Кабальеро. *(Португал.)*

Х о з я и н

Что скажешь, удалец?

Отходят и беседуют.

Ш е л л о у

(*Пейдж*)

Вы пойдете с нами посмотреть на дуэль? Наш веселый хозяин будет секундантом. Он уж им назначил место для встречи, и каждому — другое место. Говорят, этот поп шутить не любит. Я вам объясню, в чем будет состоять наша потеха.

Отходят в сторону и тихо разговаривают между собой.

Х о з я и н

(*Форду*)

Уж не хочешь ли ты затеять тяжбу с моим толстым рыцарем, моим благородным постояльцем?

Ф о р д

Нет, зачем же?.. Слушай! Я пришлю тебе кувшин подогретого хереса, если ты представишь меня Фальстафу и скажешь, что моя фамилия не Форд, а Брук. Так, просто для шутки, Брук.

Х о з я и н

Вот тебе моя рука, храбрец. Я открою тебе все входы и выходы, и будешь ты Брук. Наш рыцарь не прочь пошутить. (*К Шеллоу.*) Ну идем, что ли, приятель?

Ш е л л о у

Мы готовы, хозяин.

П е й д ж

Говорят, этот француз ловко владеет шпагой.

Ш е л л о у

Пустяки, сэр, тут дело только в сердце, в храбрости сердца, сэр, а не во всяких там пассадах да эстокадах. В былое время я своим мечом обращал четверых молодцов в бегство, словно крыс, а про эстокады и не слышал.

Х о з я и н

(*зовет*)

За мной, мальчики, за мной! Бегом!

Пейдж

Пойдем, пожалуй, хоть, признаться, я не охотник до драки. Бранись сколько хочешь, а зачем драться?

Шеллоу и Пейдж уходят вслед за хозяином.

Форд

Пейдж — доверчивый глупец. Он слишком полагается на свою жену. А я не могу так легко отделаться от подозрения. Когда мы были у Пейджа, моя жена была все время в обществе Фальстафа. Что они там делали, — не знаю, но я это расследую. Под именем Брука, как под маской, я все выведу у самого Фальстафа. Если она честна, труды мои не пропадут даром. Если же нет... Истина будет мне наградой! *(Уходит.)*

СЦЕНА 2

Комната в гостинице «Подвязка».

Входят Фальстаф и Пистоль.

Фальстаф

Не дам ни одного пенни.

Пистоль

Пусть устрицей мне будет этот мир.
Его мечом я вскрою!

Фальстаф

Ни одного пенни. Тебе, видно, мало того, что ты не раз закладывал и перезаклаживал мое доброе имя. Мало того, что я трижды поручился за тебя и за твоего собутыльника Нима. Без меня вы бы уже давно смотрели сквозь решетку, как пара павлинов. Я еще попаду в ад за то, что поклялся моим друзьям джентльменам, что вы хорошие солдаты и храбрые парни. А когда миссис Бриджет потеряла ручку от веера, я поручился своей рыцарской честью, что ты тут ни при чем.

Пистоль

А разве я с тобой не поделился,
Тебе пятнадцать пенсов заплатив?

Фальстаф

А ты думаешь, я стал бы даром губить свою душу? Ну, довольно, не болтайся возле меня, я тебе не виселица. Короткий нож

и чужой карман — вот все, что тебе нужно. Отправляйся в свой родовой замок, который называется перекресток на большой дороге. Негодяй! Он отказался отнести мое письмо потому, что, видите ли, честь ему не позволяет. Ах ты, беспредельная подлость! Разве ты не знаешь, что даже я иной раз поступаюсь своей честью? Да, я, я сам иногда, забыв страх божий, прячу свою честь в карман по необходимости: передергиваю карту, изворачиваюсь, плутую, а ты, проходимец, хочешь прикрыть свои лохмотья, свои разбойничьи повадки, свои кабацкие речи и площадные ругательства плащом чести! Скажите пожалуйста, он не пожелал отнести мое письмо! Это унизило бы его достоинство!

П и с т о л ь

Я каюсь и сдаюсь. Чего еще
От человека требовать возможно?

Входит Р о б и н

Р о б и н

Сэр Джон, вас хочет видеть какая-то женщина.

Ф а л ь с т а ф

Пускай войдет.

Входит миссис К у и к л и. Робин и Пистоль беседуют в стороне.

М и с с и с К у и к л и
(приседая)

С добрым утром, ваша милость!

Ф а л ь с т а ф

С добрым утром, прекрасная дама.

М и с с и с К у и к л и

О нет, сударь, с вашего позволения, я не дама.

Ф а л ь с т а ф

Ну так прелестная девица.

М и с с и с К у и к л и

Была и мать моя такая же девица
В тот час, когда мне довелось родиться.

Ф а л ь с т а ф

Охотно верю. Что же тебе от меня угодно?

Миссис Куикли

Разрешите сказать вам два слова, сэр.

Фальстаф

Хоть две тысячи слов, красавица. Слушаю со вниманием.

Миссис Куикли

Здесь, в Виндзоре, сэр, живет некая миссис Форд. (*Оглянувшись на Робина и Пистоля.*) Сэр, прошу вас, подойдите ко мне ближе. Я, видите ли, сама живу у доктора Каюса, сэр.

Фальстаф

Вот как! Что же миссис Форд?

Миссис Куикли

Именно о ней речь. Но сделайте милость, сэр, отойдите в сторонку.

Фальстаф

Ручаюсь тебе, нас никто не слышит. (*Указывает на Пистоля и Робина.*) Это все мои люди, мои люди.

Миссис Куикли

Ах, ваши? Да благословит их господь и сделает не только вашими, но и своими.

Фальстаф

Итак, что же миссис Форд?

Миссис Куикли

Уж такая она добрая женщина... Боже мой, и проказник же вы, ваша милость! Да простит господь вас и всех нас, грешных.

Фальстаф

Ну, а что же миссис Форд, миссис Форд что?

Миссис Куикли

Говоря ни коротко, ни длинно, вы совсем вскружили ей голову. И как вам это удалось? Просто удивительно! Самому блестящему из придворных — ведь вы знаете, к нам в Виндзор частенько наезжает двор, — так вот, самому блестящему придворному кавалеру не удавалось до такой степени вскружить ей голову. А ведь тут были и рыцари, и лорды, и другие знатные джентльмены — и все в каретах. Клянусь вам, карета за каретой, письмо за письмом, подарок за подарком. И все это пахнет духами — сплошной му-

скус! — все так и шелестит шелками и парчой. А какие любовные записки, вежливые, а л и г а н т н ы е! Я уж не говорю о вине и сластях — все было самое дорогое, самое сладкое. Кажется, ни одна женщина в мире не устояла бы, а она не мигнула им даже глазом. Мне и самой нынче утром предлагали двадцать золотых ангелов, но на кой черт мне эти ангелы,— я беру их только за честные дела. А уж ее, клянусь вам, не могли уговорить пригубить бокал вина даже самые важные люди, а ведь это были графы, да что там графы! Вся королевская стража в полной форме! Но я уверяю вас, что ей все это нипочем.

Ф а л ь с т а ф

Да что ж мне-то она велела передать? Говори покороче, мой дорогой Меркурий в юбке.

М и с с и с К у и к л и

Так вот что: она получила ваше письмецо, за которое благодарит вас тысячу раз, и просит передать вам, что ее мужа не будет дома между десятью и одиннадцатью.

Ф а л ь с т а ф

Между десятью и одиннадцатью?

М и с с и с К у и к л и

Именно так, и в это время вы можете прийти взглянуть на картину,— она говорит, вы знаете, на какую. Мистера Форда дома не будет. Ах, как трудно ей, бедняжке, жить с ним! Он у нее такой ревнивый, такой ворчливый — просто терпенья нет!

Ф а л ь с т а ф

Значит, между десятью и одиннадцатью? Женщина, передай ей мой поклон и скажи, что я буду.

М и с с и с К у и к л и

Передай, сударь. Но у меня есть к вам еще одно поручение — тоже от дамы, от миссис Пейдж, сэр, которая шлет вам сердечный привет. И я должна сказать вам на ушко, что она тоже особа скромная, добродетельная, ни одной молитвы не пропустит — ни утренней, ни вечерней. Другой такой во всем Виндзоре не сыщешь. Она просила сказать вашей милости, что ее муж редко уходит из дому. Но она надеется когда-нибудь улучшить минутку. Ах, никогда еще я не видала, чтобы женщина так сходила с ума по мужчине! Уж нет ли тут колдовства с вашей стороны, ваша милость?

Фальстаф

Нет, уверю тебя. Привлекательная внешность, мужественная осанка — вот и все мое колдовство.

Миссис Куикли

Да благослови вас за это бог!

Фальстаф

Постой, голубушка, как ты думаешь, рассказали эти дамы друг дружке, что любят меня?

Миссис Куикли

Вот была бы потеха!.. Да нет, не такие уж они простушки, как вы думаете. Вот была бы штука!.. Миссис Пейдж просит вас прислать к ней вашего пажу. Ее муж питает к нему такую нежную антипатию. Он очень честный человек — мистер Пейдж. Ни одной женщине в Виндзоре не живет так хорошо, как ей: делает все что хочет, говорит что вздумает, покупает, тратит деньги, ложится когда ей угодно, встает когда ей заблагорассудится — все по ее желанию. И, сказать по совести, она заслуживает этого. Уж если есть одна любезная женщина во всем Виндзоре, так это именно она, миссис Пейдж. Вы должны послать ей вашего пажу, ничего не поделаешь.

Фальстаф

Что ж, я готов.

Миссис Куикли

Непременно пошлите. Ведь он может служить вам посредником. Только придумайте какое-нибудь тайное слово, чтобы дитя не поняло, что оно передает. Нехорошо детям знать про наши греховные дела. Мы-то, старики, — другое дело: мы видали виды и умеем держать язык за зубами.

Фальстаф

Прощай, голубушка, да кланяйся обоим. Вот тебе кошелек. И помни, что я еще твой должник. — Робин, ступай-ка с этой женщиной.

Робин и миссис Куикли уходят.

Эта новость мне по душе!

Пистоль

(с восхищением смотрит вслед миссис Куикли)

Посыльная Амура — это сводня!
Вперед, Пистоль, плыви за ней вдогонку,
Все паруса раскрой, пали из пушек!
На abordаж! Она твоя добыча!

(Уходит.)

Фальстаф

Ну, что ты скажешь на все это, старый Джон? Продолжай в том же роде! Твое старое тело послужит еще тебе лучше прежнего! Кажется, немало потрачено, а есть что пустить в оборот. Ну, спасибо тебе, мое доброе старое тело! Пусть говорят, что ты грубо сколочено, — да зато прочно!

Входит Бардольф с кубком хереса.

Бардольф

Сэр Джон, там внизу ждет какой-то мистер Брук. Он желал бы поговорить с вами. Это он послал вам бутылку хереса.

Фальстаф

Мистер Брук, говоришь?

Бардольф

Мистер Брук, сэр.

Фальстаф

Ну ладно, зови мистера Брука.

Бардольф уходит.

Люблю таких мистеров Бруков, которые, прежде чем войти, угощают хозяина хересом. (Поднимает кубок.) Ага, миссис Форд и миссис Пейдж, попались вы на мою удочку. Ваше здоровье, прекрасные дамы! (Пьет.)

Входит Бардольф, за ним — Форд, переодетый, с мешком денег в руках.

Форд

Да благословит вас бог, сэр.

Фальстаф

И вас, сэр. Вы хотите поговорить со мной?

Ф о р д

Простите, что я осмелился беспокоить вас без предупреждения.

Ф а л ь с т а ф

Милости просим. Что вам угодно, сэр? (*Бардольфу.*) Ступай отсюда, трактирный слуга, марш!

Б а р д о л ь ф уходит.

Ф о р д

Сэр, я человек, который истратил на своем веку немало денег. Моя фамилия Брук.

Ф а л ь с т а ф

Добрейший мистер Брук, мне очень приятно с вами познакомиться.

Ф о р д

Добрейший сэр Джон, я горжусь знакомством с вами. Я буду откровенен, сэр Джон: мне кажется, что в настоящее время у меня больше лишних денег, чем у вас. Поэтому-то я и взял на себя смелость явиться к вам без приглашения. Люди говорят: кати монету пред собой, и будет рад тебе любой.

Ф а л ь с т а ф

Да, деньги — славные солдаты, всюду себе дорогу пробьют.

Ф о р д

Правильно, сэр! Вот у меня, кстати, целый мешок с деньгами, надоело мне его носить. Разделите со мной, сэр Джон, эту тяжелую ношу. Возьмите половину или даже все целиком.

Ф а л ь с т а ф

Благодарю вас, сэр, но я не знаю, чем я заслужил это лестное право быть вашим носильщиком?

Ф о р д

Я вам объясню, сэр, если вам угодно меня выслушать.

Ф а л ь с т а ф

Говорите, говорите, дорогой мистер Брук. Я рад служить вам.

Ф о р д

Сэр, я слышал, вы — человек ученый, и поэтому поймете меня с двух слов. Я давно имею желание, но только не имел случая с

вами познакомиться. Позвольте же открыть вам тайну, которая обнаружит перед вами некоторые мои слабости. Но, добрый сэр Джон, умоляю вас, слушая эту исповедь, не закрывайте глаз и на свои собственные провинности. Надеюсь, вы будете снисходительны ко мне, если припомните, что и сами вы не без греха.

Ф а л ь с т а ф

Очень хорошо, сэр. Слушаю вас.

Ф о р д

Здесь в Виндзоре живет одна дама. Мужа ее зовут мистер Форд.

Ф а л ь с т а ф

Ах, вот как! Ну и что же?

Ф о р д

Я давно люблю ее и, клянусь вам, пожертвовал для нее многим. Я следовал за ней по пятам, ловил каждый случай встретиться с ней, платил дорогой ценой за каждую счастливую возможность хотя бы мельком взглянуть на нее. Я раздавал подарки направо и налево, поверите ли, чтобы только разузнать, какой подарок хотела бы она получить. Короче говоря, я преследовал эту женщину так, как любовь преследовала меня. Я не упустил ни одного удобного случая. Но все мои усилия и деньги, потраченные мной, не принесли мне никакой награды. Нельзя же считать наградой горький опыт, который обошелся мне дороже, чем самый крупный бриллиант! Весь этот опыт можно выразить двумя беглыми строчками поэта:

Преследуя любовь, мы гонимся за тенью,
А убегаем — нас преследует любовь.

Ф а л ь с т а ф

Ну и что же, подает ли вам эта дама хоть какую-нибудь надежду?

Ф о р д

Ни малейшей!

Ф а л ь с т а ф

А вы добивались от нее ответа?

Ф о р д

Никогда!

Ф а л ь с т а ф

В таком случае какая же это любовь?

Ф о р д

Увы, моя любовь была подобна прекрасному зданию, воздвигнутому на чужой земле! Я потерял волшебный замок только потому, что построил его не там, где должен был строить.

Ф а л ь с т а ф

А для чего, собственно, вы рассказываете мне это, сэр?

Ф о р д

О, когда вы дослушаете до конца, вы узнаете и поймете все! Видите ли, сэр, мне эта дама кажется честной и неприступной, но ходят слухи, что с другими она бывает иной раз чересчур весела и так далеко заходит в своем легкомыслии, что вызывает немалые подозрения... Так вот в чем суть дела, сэр Джон. Вы дворянин, прекрасно воспитанный, блестящий собеседник, джентльмен по происхождению и манерам, обладающий доблестью воина, учтивостью царедворца и глубокомыслием ученого...

Ф а л ь с т а ф

Ну что вы, сэр, помилуйте!

Ф о р д

Вы и сами это отлично знаете! (*Кладет мешок с деньгами на стол.*) Вот мои деньги, тратьте их, тратьте! А когда все истратите, возьмите еще. Располагайте всем моим состоянием. Я ничего не прошу у вас взамен. Уделите только часть вашего времени на то, чтобы всеми средствами испытать честность этой добродетельной жены Форда. Пустите в ход всю вашу галантность, обворожите ее, вскружите ей голову. Если это и вправду удастся кому-нибудь, то перед вами она, конечно, не устоит.

Ф а л ь с т а ф

Но позвольте, сэр, если вы ее любите, то какой же вам расчет предоставлять мне пользоваться тем, о чем вы сами так страстно мечтаете? Мне кажется, что вы действуете вопреки вашим собственным интересам.

Ф о р д

Ах, поймите мою военную хитрость, сэр Джон! Эта дама кажется мне такой целомудренной, что я боюсь открыть ей свои греховные помыслы и чувства. Чистота ее сверкает таким блеском, что я не смею даже смотреть на нее. Но, если бы у меня в руках были какие-нибудь улики, я бы действовал смелее. Я бы заставил ее покинуть неприступную крепость нравственной чистоты, доброго имени, супружеской верности и тысячу других укреплений,

которые сейчас так защищают ее от меня. Ну, что вы на это скажете, сэр Джон?

Фальстаф

Во-первых, мистер Брук, я готов воспользоваться вашими деньгами. Во-вторых, дайте руку. В-третьих, не будь я джентльменом, если жена Форда не будет принадлежать вам!

Форд

Ах, сэр, как вы добры!

Фальстаф

Она ваша!

Форд

А деньги ваши, сэр Джон. Все мои деньги в вашем распоряжении.

Фальстаф

А миссис Форд в вашем распоряжении! Скажу вам по секрету: я сегодня же буду у нее. Она мне сама назначила свидание. Как раз перед вашим приходом здесь была женщина, которую можно назвать ее доверенным лицом или посредницей. Свидание наше состоится между десятью и одиннадцатью часами, когда не будет дома ее мужа, этого ревнивого негодяя Форда. Приходите ко мне сегодня вечером, и я вам расскажу, как у меня подвигаются дела.

Форд

Я счастлив, что познакомился с вами. Кстати, знаете ли вы Форда в лицо?

Фальстаф

А ну его ко всем дьяволам, этого жалкого, бедного рогоносца. Я с ним незнаком. Впрочем, я ошибся, назвав его бедным: у этого ревнивого рогатого подлеца, говорят, уйма денег. Потому-то его жена мне так и понравилась. Она будет тем ключом, который откроет передо мной сундук этого подлого ревнивца. Поверьте, мистер Брук, меня ждет богатая жатва.

Форд

А вам бы не мешало знать его в лицо, сэр Джон, хотя бы для того, чтобы избежать неприятной встречи с ним...

Фальстаф

Очень я боюсь этого лавочника, торгующего соленым маслом! Он сойдет с ума от одного моего взгляда. Моя дубинка засвер-

кает, как метеор, над его рогатой головой и приведет его в трепет. Ты можешь мне поверить, дорогой Брук, я поставлю на колени этого мужика, а ты будешь лежать в постели с его женой. Приходи ко мне сегодня вечером. Форд — негодай, а я еще один титул ему прибавлю: ты узнаешь, что он не только негодай, но и рогоносец! Приходи же пораньше. (*Уходит.*)

Форд

Ах, гнусный волокита! У меня сердце готово лопнуть от нетерпения. Ну кто теперь посмеет сказать, что моя ревность ни на чем не основана! Жена подслала к нему сводню, назначила час свидания... Все между ними решено. Кто бы мог это подумать! О, какая мука иметь неверную жену! Она осквернит ваше ложе, вытрясет деньги из ваших сундуков, обесчестит ваше доброе имя... Мало того! Вам не только нанесут чудовищное оскорбление, но тот, кто вас оскорбит, еще приклеит вам отвратительное прозвище... Ох, эти прозвища, клички! Что перед ними имена чертей и нечистых духов! Сатанаил, Вельзевул, Люцифер, Барбазон — все это звучит красиво. А вот «рогач», «рогоносец»... Да самого дьявола так не называют! Нет, я не таков, как мой сосед Пейдж. Это настоящий осел, доверчивый осел. Подумать только, он верит своей жене, он не ревнует! А я скорее доверю фламандцу горшок масла, уэльскому попу — кусок сыра, ирландцу — бутылку виски, конокраду — коня, чем моей жене ее собственную честь! Что только не придет женщине в голову: козни, хитрости, каверзы... И все, что женщина задумала сделать, она сделает, разобьет себе голову, а сделает... Господи, благодарю тебя, что ты наделил меня ревностью!.. Одиннадцать часов — вот час моей мести... Я помещаю их свиданию, разоблачу жену, отомщу Фальстафу и всласть посмеюсь над Пейджем! Пора!.. Лучше три часа прождать, чем на одну минуту опоздать. Рогоносец, рогоносец, рогоносец! (*Уходит.*)

СЦЕНА 3

Поле близ Виндзора.

Входят Каюс и Регби.

Каюс

Жак Регби!

Регби

Сэр?

Каюс

Котори есть тшас?

Р е г б и

Ровно час с того часа, когда мистер Эванс должен был драться с вами на шпагах.

К а ю с

Шорт бобри! Он спасалъ своя голёва, что не пришло! Верно, карошо молился на свой пиблей, что не пришло. Если бы он был аккюратни человек, он был бы уже мертви человек!

Р е г б и

Он, видно, не дурак, сэр! Знал небось, что ваша милость убьет его, поэтому и не пришел.

К а ю с

Дьябль! Я его сделаю мертви, как солений селедка! Возьми рапир, Жак. Я буду тебе показывать, как я буду его убиваль.

Р е г б и

Что вы, сэр! Я не умею драться на рапирах.

К а ю с

Трюс, бери рапир!

Они фехтуют.

Р е г б и

Пощадите, сэр! Сюда идут.

Входят хозяин гостиницы, Слендер, Шеллоу и Пейдж.

Х о з я и н

Здорово, храбрый доктор!

Ш е л л о у

Благослови вас бог, доктор Каюс.

П е й д ж

Мое почтение, милейший доктор.

С л е н д е р

С добрым утром, сэр.

К а ю с

Зачем ви — одна, две, три, шетире — все пришло сюда?

Х о з я и н

Посмотреть, как ты будешь делать все эти выпады, траверсы, волны, пунторевверсы, пассадо, парировки, монтаны, как ты носишь удар за ударом, как налетаешь и отбиваешься. Ну что, он уже убит, мой эфиоп? Отвечай, мой храбрый Гален, мой Эскулап, мое бузинное сердце! Мертв, убит?

К а ю с

Шорт! Этот поп Эванс перви трюс на вес мир! Он не показаль сюда даже свой нос.

Х о з я и н

Зато ты, доктор,— храбрый король мочегонов, мастер рапиры и клистира!

К а ю с

Господа, ви будет свидетель, что я жду этот поп уже шесть-семь-два-три тшас... А она все еще не пришла!

Ш е л л о у

Что же, это очень умно с его стороны, милый доктор. Он врач душ человеческих, вы врач плоти. А если плоть и душа начнут воевать друг с другом, тогда все на свете пойдет кувыркком.— Не правда ли, мистер Пейдж?

П е й д ж

Однако вы, почтенный мистер Шеллоу, тоже, как говорят, недурно дрались, прежде чем сделались судьей и стали мирить людей.

Ш е л л о у

Недурно, мистер Пейдж, совсем недурно! Да и сейчас, хоть я уж не молод и занимаюсь делами мира,— а руки у меня чешутся, чуть только я завижу шпагу. Ведь, кто бы мы ни были — судьи, врачи или служители церкви,— а кровь у нас с рождения соленая и горячая. Все мы рождены женщиной, мистер Пейдж!

П е й д ж

Что верно, то верно, мистер Шеллоу.

Ш е л л о у

Да, уж это так, мистер Пейдж.— Доктор Каюс, я пришел сюда, чтобы проводить вас домой. Я мировой судья и присягал в том, что буду служить делу мира. Вы показали себя искусным врачом, а сэр Хью — мудрым и терпеливым пастырем. Идемте, доктор, идемте.

Каюс

Этот поп — трюсливи пьёс! Я ему отрежу ушей!

Хозяин

Он тебе и сам даст подзатыльника, чего доброго.

Каюс

Что это значиль — «подзатыльник»?

Хозяин

Значит — даст тебе удовлетворение!

Каюс

Отшень карошо. Я хотель полючаль подзатыльник! И полючю ее!

Хозяин

Получишь, получишь, уж я об этом позабочусь.

Каюс

О, я вам отшень благодарю!

Хозяин

Не стоит благодарности. *(Тихо, чтобы Каюс не слышал.)* А вы, мистер Шеллоу, мистер Пейдж, и вы, cavaliero Слендер, поспешите через весь город на Лягушечье болото.

Пейдж

(тихо)

Сэр Хью там?

Хозяин

Там. Узнайте, как его дела. А я приведу туда доктора через поле. Согласны, джентльмены?

Шеллоу

Хорошо, мы идем.

Пейдж, Шеллоу, Слендер

Прощайте, дорогой доктор!

Пейдж, Шеллоу и Слендер уходят.

Каюс

Шорт! Я убью этот поп за то, что она хочет делаль свадьба мадемуазель Анна Пейдж на этот обезьян Слендер!

Х о з я и н

И в самом деле, убей его. А пока вложи в ножны свое нетерпение, опрыскай холодной водой свой гнев и пойдем-ка со мной через Лягушечье болото. Я проведу тебя тихонько к ферме, где сейчас гостит твоя Анна Пейдж, и ты приударить за ней. Ловко придумано?

К а ю с

Тысяча дьябль, благодарю! Тысяча дьябль, я вам люблю! Клянусь моя голова, я буду рекомендовать мой пациент на ваш отель: все граф, лорд, джентльмен.

Х о з я и н

А уж я за это постараюсь расстроить твою свадьбу с Анной Пейдж!

К а ю с

Это отшень карошо! У вас благородни душа!

Х о з я и н

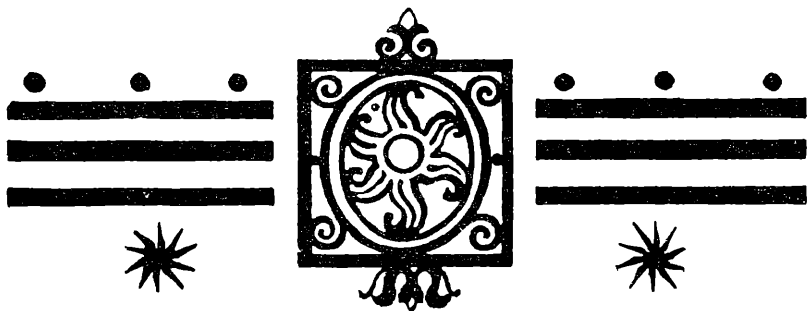
Ну, пошли!

К а ю с

Следуй за мной, Жак Регби!

Уходят.

А К Т III

С Ц Е Н А 1

Поле близ Лягушечьего болота.

Входят сэр Хью Эванс и Симпл.

Э в а н с

О ты, верный служитель мистера Слендера, друг Симпл, во святом крещении Сэмюэл! Посмотри-ка, не приближается ли к вам с той или иной стороны мистер Каюс, именующий себя доктором медицины?

С и м п л

Сэр, я смотрел и в сторону церкви и в сторону леса, не смотрел только еще в сторону Виндзора.

Э в а н с

Всепокорнейше прошу тебя, Сэмюэл, устрями свой взор и в сторону города Виндзора!

С и м п л

Слушаю, сэр! *(Смотрит в сторону города.)*

Э в а н с

Ох, да простятся мне грехи мои! Велик гнев мой, и душа моя в смятении!.. Хоть бы он и в самом деле обманул меня и не явился на место поедивка... Иссохло сердце мое от печали... С ка-

кой отрадой разбил бы я об его нечестивую голову все его про-
бирки, реторты и колбы с чужой мочой. Да прости меня небо!..
(*Напеваает.*)

Здесь у ручья под сенью скал
Поют нам птицы мадригал.
Мы над ручьем с тобой вдвоем
Венки душистые сошьем!

О небесное милосердие, слезы туманят мои глаза! (*Напеваает.*)

В тени деревьев над ручьем
Свой мадригал нам птицы пели,
Когда с тобою мы вдвоем
У вавилонских рек сидели!

С и м п л

Сэр Хью, он идет сюда!

Э в а н с

Ну, что же, милости просим! (*Напеваает.*)

У вавилонских рек сидели...

О небо, сохрани и помилуй тех, кто поднимает меч за правду!
Чем вооружен мой противник?

С и м п л

Оружия не видать, сэр... Впереди идет мой хозяин — мистер
Слендер, за ним его дядюшка — судья мистер Шеллоу, и еще ка-
кой-то джентльмен. А идут они со стороны Лягушечьего болота,
перебираются через изгородь.

Э в а н с

Подай мне плащ. Нет, лучше держи его наготове.

Входят Пейдж, Шеллоу, Слендер.

Ш е л л о у

Как дела, дорогой служитель церкви? С добрым утром, сэр
Хью. Странно видеть игрока без костяшек и школяра без книги.

С л е н д е р
(*вздыхает*)

О прекрасная Анна Пейдж!

П е й д ж

Здравствуйте, любезнейший мистер Эванс.

Э в а н с

Да будет над всеми вами небесное милосердие.

Ш е л л о у

Пастырская речь и рыцарский меч — как видно, вы владеете и тем и другим, почтенный сэр Хью.

П е й д ж

А душой вы все еще юноша! В одном камзоле, панталонах и чулках, без плаща — а погода самая ревматическая.

Э в а н с

Всякое явление имеет свое объяснение, сэр.

П е й д ж

Мы явились сюда, чтобы оказать вам дружескую услугу.

Э в а н с

Какую?

П е й д ж

Один весьма достойный джентльмен, вообразив, что его оскорбил другой джентльмен, тоже весьма достойный, потерял, так сказать, равновесие и вышел из границ терпения.

Ш е л л о у

Я прожил на этом свете не двадцать лет, а по крайней мере четырежды двадцать. Но никогда еще я не видел, чтобы человек его положения, солидности и учености доходил до такого, можно сказать, исступления...

Э в а н с

Кто же этот джентльмен?

П е й д ж

Кажется, вы его знаете. Это некий мистер Каюс, знаменитый доктор из Франции.

Э в а н с

Да простит меня небо, но лучше б вы мне рассказали про миску овсяной каши, чем про него!

П е й д ж

Почему?

Э в а н с

Потому, что миска овсяной каши столько же понимает в латыни и в медицине, сколько ваш знаменитый доктор! Но при этом миска овсяной каши — не трус и не подлец! Да простит господь мои прегрешения!

Вдали показывается Каюс с обнаженной шпагой в руке.

П е й д ж

Боюсь, что это и есть тот человек, который собирается драться с ним.

С л е н д е р
(вздыхает)

Ах, прекрасная Анна Пейдж!

Ш е л л о у

Пожалуй, это так, если судить по его оружию. Не пускайте их близко друг к другу! Это доктор Каюс!

Подходят Каюс, хозяйин и Регби.

П е й д ж

Спрячьте ваше оружие, дорогой пастырь!

Ш е л л о у

И вы спрячьте свое, дорогой лекарь!

Х о з я и н

Разоружите их и заставьте вступить в переговоры. Пусть они пощадят свои головы и не щадят языков — ни своих собственных, ни нашего английского!

У противников отнимают оружие.

К а ю с
(тихо, Эвансу)

Прошу вас сказать мне по секрет — почему вы не приходили фехтовать со мной на рапир?

Э в а н с
(тихо)

Потерпите, сударь, не горячитесь, пожалуйста!

Каюс

Шорт! Ви есть трюс! Ви есть обезьян, пьёс!

Эванс

(тихо, Каюсу)

Умоляю вас, сэр, не делайте меня, да и себя посмешищем в глазах моих прихожан и ваших пациентов, смирите свой гнев. Я желаю мира с вами и найду случай дать вам полное удовлетворение. (Громко.) Ну, погоди у меня, негодн! лекаришко! Я разобью все твои банки и склянки с мочой о твой петушинный гребень за то, что ты забываешь о времени и месте дуэли!

Каюс

Шорт! Жак Регби и ви, хозяин отель «Подвязка», будьте свидетель: разве я не ждал на свой время и свой место этот поп, чтобы убивать его? Разве я не ждал?

Эванс

Клянусь спасением моей души — место дуэли здесь, под моими погами! Призываю хозяина гостиницы «Подвязка» в свидетели!

Хозяин

Тише вы оба, французский пластырь и уэльский пластырь, лекарь духа и лекарь брюха!

Каюс

Очень карошо, ликолепно!

Хозяин

Да тише же, говорю я! Слушайте лучше, что скажет вам хозяин гостиницы «Подвязка». Ну, кто из вас посмеет сказать, что я не политик, не хитрец, не Макиавелль? Разве мог я допустить, чтобы убили моего лекаря и аптекаря, который дает мне порошки и травы и прочие отравы? Мог ли я допустить, чтобы убили моего дорогого исповедника и проповедника, который меня наставляет и обставляет?! Дайте-ка мне ваши руки. — Ты, сэр небесный. Так! — И ты, сэр телесный! Так! — Старые школяры, я обманул вас обоих. Вместо одного места дуэли я назначил вам целых два. Каждому свое. Зато ваши могучие сердца все еще бьются, ваши шкуры целы и невредимы, и вам остается покончить дело стаканом горячего хереса. В залог мира беру себе ваши шпаги. Ну, за мной, мои мирные ребята! За мной, за мной, за мной!

Шеллоу

Ох уж этот хозяин гостиницы! Ну и сорви-голова... Вперед, джентльмены, вперед!

Слендер
(тихо)

О прелестная Анна Пейдж!

Шеллоу, Слендер, Пейдж и хозяин уходят.

Каюс

Ага! Вот как? Ви хотите делаль нас дурак, des sots? Ха-ха!

Эванс

Хорошо же... Он обратил нас в посмешище! Так давайте же заключим отныне дружеский союз, дабы, пораскинув мозгами, придумать вместе достойное возмездие сему нечестивому, низкому, подлому грешнику, хозяину «Подвязки»!

Каюс

Шорт бобри! От вес мой сердце! Он обещаль проводить мне то место, где Анна Пейдж. Шорт бобри! Он и тут обмануль мне.

Эванс

Ладно, он поплатится за это своей башкой. Следуйте за мной, почтенный доктор!

Уходят.

СЦЕНА 2

Улица в Виндзоре.

Входят миссис Пейдж и Робин.

Миссис Пейдж

Ну, иди вперед, мой маленький кавалер. До сих пор ты следовал за своим господином, а теперь ведешь даму. Что тебе больше нравится: указывать путь моим глазам или любоваться пятками твоего господина?

Робин

Мне гораздо приятнее быть настоящим мужчиной и служить прекрасной даме, чем бегать за хозяином, как собачонка.

Миссис Пейдж

Какой же ты, однако, льстец! Я уверена, что из тебя выйдет отличный придворный.

Входит Форд.

Форд

Рад встретиться с вами, миссис Пейдж. Куда это вы идете?

Миссис Пейдж

Хочу навестить вашу жену. Она дома?

Форд

Да, дома! И не занята ничем. Даже болтовней, потому что ей пока не с кем болтать. О, я уверен, что, если бы ваши мужья отправились на тот свет, вы с ней составили бы прекрасную пару!

Миссис Пейдж

Две пары — с нашими новыми мужьями.

Форд

(показывая на Робина)

Где раздобыли вы такого хорошенького петушка?

Миссис Пейдж

Мне достал его мой муж у этого... как его?.. Я не могу запомнить его имя... Мальчик, как зовут твоего господина?

Робин

Сэр Джон Фальстаф.

Форд

Сэр Джон Фальстаф?

Миссис Пейдж

Вот именно. А я все забываю... Кажется, он приятель моего мужа. Так вы говорите — ваша жена дома?

Форд

Да-да.

Миссис Пейдж

Разрешите мне навестить ее, сэр. Я так скучаю, когда долго не вижу ее.

Миссис Пейдж и Робин уходят.

Форд

Ну где у этого Пейджа мозги? Где у него глаза? Есть ли у него голова на плечах? Должно быть, все это у него спит, перестало ему служить. А между тем этот юркий мальчишка переносит любовные записки с быстротой пушечного снаряда. Пейдж во всем потворствует своей жене, исполняет все ее капризы. И вот, радуйтесь! — его жена идет к моей жене с мерзким мальчишкой, пажом Фальстафа. Это первая капля, по которой узнаешь, что будет ливень! Мальчишка подослан Фальстафом. Настоящий заговор! Они собираются вместе загубить свои души! Ну что же, я поймаю этого соблазнителя под своей крышей. Отомщу жене, сорву маску скромности с лицемерной миссис Пейдж и докажу Пейджу, что он — терпеливый и добровольный Актеон. И какую бы жестокую кару я ни придумал для этих заговорщиков, все мои ближние скажут только: так им и надо!

Бьют часы.

Часы подают мне знак. Уверенность велит мне начать розыски. Я найду там Фальстафа. Не смеяться надо мной будут люди, а восхвалять меня; это так же верно, как то, что земля стоит на месте. Фальстаф окажется там. Иду!

Входят Пейдж, Шеллоу, Слендер, хозяйка гостиницы, Эванс, Каус и Регби.

Все

Мистер Форд! Здравствуйте, мистер Форд! Рады вас видеть, мистер Форд!

Форд

И я рад видеть такую веселую компанию. Прошу, прошу вас пожаловать ко мне в гости. У меня дома приготовлено для всех вас развлечение.

Шеллоу

Простите меня, дорогой мистер Форд, но я не могу.

Слендер

И я не могу, сэр. Мы все собираемся обедать у мисс Анны Пейдж. И я не откажусь от этого, нет, ни за какие деньги!

Шеллоу

Мы тут, видите ли, затеваем свадьбу прекрасной мисс Анны Пейдж с племянником моим Слендером и ожидаем нынче благоприятного ответа.

С л е н д е р

Надеюсь, вы будете ко мне благосклонны, дорогой папаша Пейдж?

П е й д ж

Не сомневайтесь, любезный мистер Слендер. Я всецело на вашей стороне. А вот жена моя со мной не согласна — она стоит горой за вас, почтенный доктор Каюс!

К а ю с

Да, шорт бобри, я это знаю. И ваш прелестный дочь в меня влюблен. Так говорил мой служанка миссис Куикли.

Х о з я и н

А что вы думаете, господа, о молодом мистере Фентоне? Он пляшет, порхает, в глазах у него юность, а на устах праздник; он пишет стихами и пахнет духами — не то апрелем, не то маем. Этот добьется своего, добьется! У него даже на пуговицах написано, что он добьется своего в конце концов!

П е й д ж

Но только не с моего согласия! У этого джентльмена нет никакого состояния. Он водил дружбу с беспутным принцем Гарри и Пойнсом. Да и слишком уж он высокого круга и чересчур учен. Нет, я не позволю ему строить свое благополучие на приданом моей дочери. Если он хочет жениться на ней, пусть берет ее так — без денег! А приданое достанется голько тому, кто получит мое согласие на брак. Но на брак с Фентоном я не согласен.

Ф о р д

Прошу вас от всего сердца, господа, пойдемте же ко мне обедать. Уж если не все, то хоть кто-нибудь из вас! Поверьте: нас ждет не только угощение, но и веселая забава. Я покажу вам некое чудо природы. Пожалуйста, доктор, и вы, мистер Пейдж, и вы, пастор!

Ш е л л о у

Ну что ж, прощайте, господа. *(Слендеру.)* Нам легче будет уладить наше дело у мистера Пейджа без них.

Шеллоу Слендер уходит.

К а ю с

Иди домой, Жак Регби. Я тоже скоро будет приходить.

Регби уходит.

Хозяин

Будьте здоровы, любезные мои! Я иду к своему старому, доброму рыцарю сэру Джону Фальстафу и выпью с ним по кружке канарского.

Форд
(в сторону)

Врешь, чертов трактирщик! Пусть он сперва хлебнет вина из моей бочки и попляшет под мою дудку! (Громко.) Ну что ж, идем, джентльмены!

Все

Идем-идем, посмотрим на ваше чудо природы!

Уходят.

СЦЕНА 3

Комната в доме Форда.

Входят миссис Форд и миссис Пейдж.

Миссис Форд

Джон! Роберт!

Миссис Пейдж

Живее! Живее! Где бельевая корзина?

Миссис Форд

Все, все готово. А Робин где?

Входят двое слуг, неся большую корзину.

Миссис Пейдж

Сюда, сюда, сюда!

Миссис Форд

Ставьте ее. Так.

Миссис Пейдж

Объясните вашим людям, что им делать. Нужно торопиться.

Миссис Форд

Слушайте! Как я вам уже говорила, вы оба, Джон и Роберт, ждите у пивоварни. Как только я кликну вас, сейчас же бегите

сюда и немедленно, не мешкая, взвалите эту корзину на плечи и как можно скорее несите ее на берег к прачкам. Там вы опрокиньте корзину и вывалите все, что в ней находится, в грязную канаву около Темзы.

Миссис Пейдж

Поняли?

Миссис Форд

Я повторила им это по крайней мере двадцать раз. Надо надеяться, что они наконец запомнили.— Ну, ступайте и приходите, как только я вас позову.

Слуги уходят. Входит Робин.

Миссис Пейдж

А вот и Робин.

Миссис Форд

Ну что, петушок, какие вести?

Робин

Сударыня, мой господин сэр Джон Фальстаф находится у заднего крыльца вашего дома и просит разрешения войти.

Миссис Пейдж

А скажи нам, маленький плутишка, ты остался нам верен?

Робин

О да, миссис Пейдж! Клянусь честью, мой господин не знает, что вы здесь, миссис Пейдж. Он грозитя дать мне вечную свободу, то есть попросту выгнать меня вон, если я расскажу вам о его свидании с миссис Форд.

Миссис Пейдж

Ты очень хороший мальчик. Своей скромностью ты заработал себе новый камзол и штаны... Ну, я пойду спрячусь.

Миссис Форд

Да, пора. А ты, мальчик, скажи своему господину, что я одна.

Робин уходит.

Так вы, дорогая миссис Пейдж, не забудьте вашей роли.

Миссис Пейдж

Не беспокойтесь за меня. Если я плохо ее сыграю, можете меня освищать.

Миссис Форд

Ну, за дело! Погоди, раздувшийся пузырь, погоди, разбухшая тыква, мы научим тебя отличать горлиц от ворон!

Миссис Пейдж уходит. Входит Фальстаф.

Фальстаф

«Тебя ли я нашел, алмаз небесный!» Честное слово, я готов умереть в этот блаженный миг! Довольно пожил я на свете. Я достиг предела своих желаний... О благословенный час!

Миссис Форд

О дорогой сэр Джон!

Фальстаф

Миссис Форд, я не умею лукавить, не умею льстить. Лучше уж я прямо открою свое грешное желание. Мне хочется, чтобы твой муж был мертв. Говорю это перед всевышним: тогда бы я сделал тебя моей благородной супругой.

Миссис Форд

Меня — вашей супругой, сэр Джон? Ах, к сожалению, из меня не выйдет знатной дамы!

Фальстаф

А ну-ка, пусть двор французской королевы покажет мне еще хоть одну такую, как ты! Твои глаза могут соперничать с бриллиантами. Твое чело, дуги твоих бровей будут казаться еще прекраснее, когда волосы твои причешут по венецианской моде — этаким шлемом или корабликом.

Миссис Форд

Лучше уж я похожу в простом платочке, сэр Джон. Да и платочек, боюсь, уж мне не к лицу.

Фальстаф

Грех говорить так. Не будь несправедливой к себе! Из тебя выйдет настоящая придворная дама. Твоя прелестная упругая походка словно создана для того, чтобы ты ходила в пышных полу-

круглых фижмах. «Судьба твой враг, а друг тебе природа», как сказал поэт. И ты не скроешь этого, как ни старайся!

Миссис Форд

Поверьте, сэр Джон, во мне нет ничего подобного.

Фальстаф

А за что же, в таком случае, я тебя полюбил? Значит, в тебе есть нечто особенное, сверхъестественное, необычайное... Да что там! Я уже сказал, что не умею льстить, рассыпаться в любезностях, доказывать тебе, что ты — то, да се, да это, как делают тощие, шепелявые щеголи, которые похожи на женщин в мужском наряде и от которых пахнет духами, как в аптеке лекарствами. Я не умею говорить красно, но я люблю тебя, одну тебя. И ты достойна этого.

Миссис Форд

Не обманывайте меня, сэр! Я боюсь, что вы любите миссис Пейдж.

Фальстаф

С тем же правом ты могла бы сказать, что я люблю прогуливаться перед воротами долговой тюрьмы, которая мне так же ненавистна, как дым от жженой извести.

Миссис Форд

Ах, только небо знает, как я люблю вас, сэр Джон! Может быть, когда-нибудь вы и сами в этом убедитесь...

Фальстаф

Продолжай в том же духе. Я оправдаю твою любовь.

Миссис Форд

О, я в этом уверена и потому буду продолжать в том же духе.

Вбегает Робин.

Робин

Миссис Форд! Там у наших дверей — миссис Пейдж... Она вся красная, потная, еле дышит и непременно хочет вас видетьсию же минуту!

Фальстаф

Я не хочу попадаться ей на глаза! Я лучше спрячусь за ковер.

Миссис Форд

Спрячьтесь, прошу вас! Миссис Пейдж — ужасная сплетница.

Фальстаф прячется. Входит миссис Пейдж.

Что случилось? Что с вами?

Миссис Пейдж

Ах, миссис Форд, что вы натворили! Вы пропали, опозорены, вы погибли безвозвратно!

Миссис Форд

Да что же такое случилось, милая миссис Пейдж?

Миссис Пейдж

Как — что случилось, миссис Форд? Ваш муж — такой честный человек, и вы подаете ему повод для подозрений!

Миссис Форд

Какой повод я ему подаю?

Миссис Пейдж

Уж лучше и не спрашивайте! О, я так ошиблась в вас!

Миссис Форд

Ах, боже мой, да в чем же дело?

Миссис Пейдж

Ваш муж идет сюда со всей виндзорской стражей. Он уверяет, будто у вас здесь находится какой-то посторонний джентльмен, которого вы спрятали у себя, воспользовавшись его отсутствием. Они собираются обыскать, обшарить весь дом. Вы погибли!

Миссис Форд

Но ведь все это неправда!

Миссис Пейдж

Дай-то бог, чтоб это было неправдой и чтобы в вашем доме и в самом деле не оказалось ни одного постороннего мужчины! Но все-таки ваш муж идет сюда, а за ним — добрая половина

жителей Виндзора! Они намерены искать спрятавшегося у вас джентльмена. Я решила предупредить вас. Если вы уверены, что никого у себя не спрятали, я очень рада. Но, если у вас и вправду скрывается мужчина, спровадьте его, спровадьте поскорей отсюда! Да не стойте же так! Придите в себя! Спасайте свое честное имя — или навсегда распрощаетесь с достойной семейной жизнью!

Миссис Форд

Ах, что мне делать?.. У меня и в самом деле сейчас находится один джентльмен... Это мой преданный друг, и я не столько боюсь своего позора, сколько угрожающей ему опасности... Я бы охотно дала тысячу фунтов, чтобы в эту минуту его не было у меня в доме!

Миссис Пейдж

О, какой стыд! Но теперь уже поздно рассуждать!.. Ваш муж — за дверями. Нужно скорее что-нибудь придумать. Только что же? В доме этого человека спрятать невозможно. Ах, как я обманулась в вас!.. Погодите, погодите, тут стоит какая-то корзина. Если ваш друг не очень высок и не слишком толст, он сможет, пожалуй, залезть в нее. А мы накроем его грязным бельем, приготовленным для стирки, а так как сейчас идет большая стирка, двое ваших слуг отнесут корзину на Детчетский луг к прачкам.

Миссис Форд

Мой друг слишком толст, чтобы поместиться в такой корзине! Что же мне делать?

Фальстаф

(выходит из-за ковра)

А ну-ка, покажите мне эту корзину! Помещусь, как-нибудь помещусь... Это неплохо придумано, а уж я как-нибудь втиснусь! *(Выбрасывает из корзины белье и влезает в корзину.)*

Миссис Пейдж

Как! Сэр Джон Фальстаф? Это вы? *(Тихо.)* А ваше письмо ко мне, благородный рыцарь?..

Фальстаф

(тихо)

Я люблю тебя. Только выручай!.. Ну вот я и поместился. Клянусь, никогда больше...

Миссис Форд и миссис Пейдж накрывают его грязным бельем.

Миссис Пейдж

Мальчик, помоги спрятать твоего господина.— Теперь зовите слуг, миссис Форд. О вероломный рыцарь!

Робин уходит.

Миссис Форд

Джон! Роберт! Джон!

Входят слуги.

Возьмите-ка эту корзину белья и несите к прачкам! Да где же шест для корзины? Не мешкайте, тащите скорей на Детчетский луг. Живее!..

Слуги несут корзину.

Входят Форд, Пейдж, Каюс и сэр Хью Эванс.

Форд

Пожалуйте, пожалуйста, господа! Если окажется, что подозрения мои были напрасны и тут никого нет, смейтесь, издевайтесь надо мной сколько хотите! Я этого стою... Это еще что такое? Куда вы несете корзину?

Слуги

К прачкам, сэр,— куда же еще!

Миссис Форд

Не все ли тебе равно, куда несут корзину? Только и не хватало, чтобы ты стал заниматься стиркой грязного белья.

Форд

Да-да, стиркой! Именно стиркой! Я должен смыть пятно со своего доброго имени! Да разве его смоешь...

Слуги уносят корзину.

Джентльмены, мне сегодня приснился сон. Я вам его расскажу. Но сначала возьмите ключи от всех наших комнат. Вот они, вот! Ступайте направо, налево, вверх, вниз, ищите, шарьте, обыскивайте, заглядывайте во все углы! Пусть лисица забилась в нору, мы ее оттуда выкурим! Надо только запереть выход на улицу. *(Запирает дверь.)* Готово! Начнем охоту!

Пейдж

Успокойтесь, милейший мистер Форд. Стоит ли так выходить из себя?

Ф о р д

Вы правы, мистер Пейдж. Пойдемте, господа. Я обещал вам развлечение. За мной!.. (*Уходит.*)

Э в а н с

Поистине ревность лишает рассудка!

К а ю с

Шорт бобри! У нас во Франс нет такой фасон. Во Франс нет такой мод ревноваль.

П е й д ж

Ну что ж, пойдемте-ка за ним, джентльмены. Поглядим, чем кончится эта облава!

Все, кроме миссис Пейдж и миссис Форд, уходят.

М и с с и с П е й д ж

(к миссис Форд)

Вот это славно! Нечаянно мы с вами разыграли двойную шутку.

М и с с и с Ф о р д

Я сама не знаю, что мне было бы приятнее: проучить мужа за ревность или наказать Фальстафа за распутство.

М и с с и с П е й д ж

Как он, наверное, перепугался, ваш толстый друг, когда мистер Форд спросил, что находится в корзине.

М и с с и с Ф о р д

Пожалуй, после такого перепуга ему в самом деле полезно будет выкупаться.

М и с с и с П е й д ж

Он стоит петли, этот жирный бездельник! Всех господ такого рода следовало бы выкупать в грязной луже, а потом повесить.

М и с с и с Ф о р д

Кажется, до моего мужа каким-то образом дошли слухи, что Фальстаф будет здесь. Я никогда еще не видала Форда в таком сумасшедшем припадке ревности.

М и с с и с П е й д ж

Я кое-что придумала, чтобы еще раз проучить Фальстафа. Одной холодной ванной его не вылечишь.

Миссис Форд

Не послать ли нам завтра утром к нему эту пройдоху миссис Куикли? Пусть она извинится перед ним за то, что его выкупали в прохладной воде, и снова подогреет его надежды. А мы уж позаботимся о том, чтобы опять охладить его пыл!

Миссис Пейдж

Так и сделаем! Назначим ему свидание завтра в восемь часов и посулим награду за сегодняшнюю неудачу.

Входят Форд, Пейдж, Каюс и Эванс.

Форд

Я никак не могу найти его. Может быть, этот плут только хвастался тем, чего не в силах был добиться...

Миссис Пейдж
(к миссис Форд, тихо)

Вы слышите?

Миссис Форд

Нечего сказать, мистер Форд, хорошо вы обходитесь со своей женой!

Форд

По заслугам.

Миссис Форд

Дай бог, чтобы ваши дурные мысли никогда не оправдались!

Форд

Аминь.

Миссис Пейдж

Вы сами себя жестоко наказали, мистер Форд.

Форд

Что ж, приходится терпеть.

Эванс

В этом доме — ни в комнатах, ни в сундуках, ни в кладовых, ни в чуланах, ни в каминах — не прячется ни одна живая душа. Если это не так, пусть не простятся мне грехи в день страшного суда.

Каюс

Шорт бобри! Я тоже не видаль здесь никакой шеловек.

Пейдж

Ох, мистер Форд, мистер Форд! И как вам не стыдно! Какой злой лукавый дух, какой дьявол подсказал вам эти подозрения? Нет, ревность — это тяжкая ноша. Я бы не согласился носить ее в душе за все богатства Виндзорского замка.

Форд

Что поделаешь, мистер Пейдж! От своей вины страдаю больше всего я сам.

Эванс

Вы страдаете от грешной совести. Ваша жена — честная женщина, лучшая из пяти тысяч и даже из пяти тысяч пятисот женщин.

Каюс

Он тшесни мадам.

Форд

Я пригласил вас к обеду. Пойдем пока прогуляться в парке. Прошу у вас у всех прощения. Я объясню вам как-нибудь, почему я все это затеял. Миссис Пейдж и ты, жена, простите меня. От всего сердца прошу у вас извинения.

Пейдж

Что ж, пойдем. Но, ручаюсь вам, и посмеемся же мы над ревнивым Фордом! А завтра утром, господа, я приглашаю вас всех на соколиную охоту. Какой у меня новый сокол! Вы сами увидите, как он бьет птицу с лету. Согласны, джентльмены?

Форд

Я на все согласен.

Эванс

А я по писанию: где двое, там и я.

Каюс

И я тоше. Где есть два, там я буду три — для компани.

Форд

Пожалуйста, прошу вас к столу.

Э в а н с

Но я очень прошу вспомнить завтра об этом вшивом мошеннике, хозяине «Подвязки».

К а ю с

О, карошо, шорт бобри, от всей сердца согласен.

Э в а н с

Чтобы этот вшивый мошенник смел так издеваться и глумиться над людьми!

Уходят.

С Ц Е Н А 4

Улица в Виндзоре перед домом мистера Пейджа.

Входит Фентон и Анна Пейдж.

Ф е н т о н

Мой друг, меня не любит твой отец.
Не посылай меня к нему напрасно!

А н н а

Но что ж нам делать?

Ф е н т о н

Будь сама собой.
Он думает, для вас я слишком знатен
И, в юности наследство промотав,
Хочу свой кошелек лечить приданым.
Все прошлое он ставит мне в вину —
Кутеж, разгул, пирушки холостые.
И говорит, что я в тебе люблю
Не красоту, не сердце, а богатство...

А н н а

А может быть, он правду говорит?

Ф е н т о н

О нет, клянусь надеждою на счастье!
Пускай тебя я добиваться стал,
Прельщенный блеском золотым и звоном.

Но скоро я узнал, что стóишь ты
Дороже самых полновесных слитков.
Редчайшее богатство — гы сама,
Другого мне не надо...

А н н а

Милый Фентон!

Предубеждение моего отца
Попробуйте преодолеть, но, если
Ни случай, ни смиренная мольба
Нам не помогут, есть одно спасенье.
Вот слушайте...

(Шепчет что-то ему на ухо.)

Из дома выходят Шеллоу, Слендер и миссис Куикли.

Шеллоу

Миссис Куикли, прервите их разговор. Мой племянник сейчас сам будет объясняться ей в любви.

Слендер

Да-да, я попробую. Попытка — не пытка.

Шеллоу

Только не бойся, племянник.

Слендер

Я не боюсь. Мне все равно... А все-таки страшно!

Миссис Куикли

Послушайте, мисс Анна, мистер Слендер хочет сказать вам на ухо одно словечко.

А н н а

Иду.

(Фентону.)

Вот выбор моего отца —
Смешение всех уродливых пороков,
Зато доход — три сотни фунтов в год!

Миссис Куикли

(тихо, Фентону)

Ну, как дела, добрый мистер Фентон? Позвольте вам сказать одно словечко.

Шеллоу

Она идет сюда. Смелей, племянник! Ведь и у тебя был отец!

Слендер

Да-да, у меня был отец, мисс Анна Пейдж. Дядя Шеллоу знает о нем разные смешные истории. Пожалуйста, дядюшка, расскажите мисс Нэн, как мой отец украл однажды двух гусей из птичника. Пожалуйста, добрый дядюшка!

Шеллоу

Мисс Нэн, мой племянник любит вас.

Слендер

Да, это правда. Я люблю вас, как и всех женщин в этом графстве.

Шеллоу

Вы будете жить за ним, как знатная леди.

Слендер

Ну, не совсем как леди, но и не так, как всякая мелкая сошка.

Шеллоу

Он выделил в ваше распоряжение сто пятьдесят фунтов.

Анна

Добрый мистер Шеллоу, позвольте ему самому объясниться.

Шеллоу

Охотно, прекрасная мисс Анна, с большим удовольствием. Благодарю вас. *(Слендеру.)* Она хочет поговорить с тобой, племянник. Я вам не буду мешать. *(Отходит в сторону.)*

Анна

Ну, мистер Слендер?

Слендер

Ну, мисс Пейдж?

Анна

Скажите, какова ваша последняя воля?

Слендер

Последняя воля? Вот так штука! Да я вовсе не так слаб здоровьем, чтобы думать об этом!

Анна

Вы меня не поняли, сэр. Я спрашиваю, чего вы от меня хотите?

Слендер

Откровенно говоря, очень мало или даже совсем ничего. Это ваш отец и мой дядюшка решили поженить нас. Если вы согласны, хорошо. Если нет, тоже недурно! Впрочем, мой дядюшка и ваш отец объяснят вам все это гораздо лучше меня. Вот спросите вашего отца. Он идет сюда.

Входят Пейдж и миссис Пейдж.

Пейдж

Ах, это мистер Слендер? — Дочка Анна,
Вот твой жених. Прошу его любить.—
А это кто? Конечно, мистер Фентон...
Зачем вы, сэр, врываетесь в мой дом?
Поймите же, я дал другому слово.

Фентон

Не гневайтесь, почтенный мистер Пейдж!

Миссис Пейдж

Оставьте нашу дочь, милейший Фентон!

Пейдж

Она для вас не пара.

Фентон

Я прошу —

Позвольте мне сказать одно лишь слово.

Пейдж

Довольно слов.— Пойдемте, мистер Шеллоу.
Пойдем и ты, мой будущий зятек.—
Прощайте, и надолго, мистер Фентон
Не оскорбляйте Анну и меня!

Пейдж, Шеллоу и Слендер уходят в дом.

Миссис Куикли

(тихо, Фентону)

Поговорите, сударь, с миссис Пейдж.

Фентон

Сударыня, я вашу дочь люблю
Так бескорыстно, вопреки преградам,
Наперекор сомнениям и упрекам!

Как рыцарь, я ношу ее цвета
На знамени и отступать не вправе...
Я вашей благосклонности прошу!

А н н а

О матушка, не выдавайте замуж
Единственную дочь за дурака!

М и с с и с П е й д ж

Не беспокойся, Анна. Я найду
Тебе другого жениха — получше.

М и с с и с К у и к л и

Мой доктор Каюс — этот женишок!

А н н а

Нет, пусть меня живую в гроб уложат
Иль закидают репою гнилой...

М и с с и с П е й д ж

Да что ты, Анна! Полно, не тревожься...—
А вам я обещаю, мистер Фентон,
Проверить чувства дочери моей.
Пусть ее любовь основой будет
Для моего решения, а пока
Не буду вам ни другом, ни врагом.
Ну, а теперь прощайте! Нам пора.
Воюсь, что мистер Пейдж сердиться будет.

Ф е н т о н

Прощайте, миссис Пейдж.— Прощайте, Анна.

Миссис Пейдж и Анна уходят.

М и с с и с К у и к л и

(Фентону)

Это все я, сэр! Все я! Нет, сказала я ей, как хотите, а грешно
выдавать дочку за дурня или за лекаря! Лучше посмотрите ка на
моего мистера Фентона! Уверю вас, я ей так и сказала.

Ф е н т о н

Спасибо, ты не пожалеешь об этом. Вот тебе за труды. А это
кольцо передай сегодня же вечером моей милой Анне. *(Дает ей
деньги и кольцо и уходит.)*

Миссис Куикли

(вслед)

Да пошлет вам бог удачи, сэр!.. Ах, какое у него доброе сердце! За такое сердце всякая женщина кинется в огонь и в воду. А все-таки, может быть, лучше, чтобы на Анне Пейдж женился мой доктор Каюс? Или мистер Слендер? Или все-таки мистер Фентон? Ладно, я буду им всем троим помогать по мере сил. Я дала им слово, а слово всегда надо держать! Но больше всего я буду помогать мистеру Фентону... Ах, что же это я?.. Ведь мне пора к сэру Джону,— у меня к нему порученье от двух моих дам... Что же я, ослица безмозглая, теряю даром время! (Уходит.)

СЦЕНА 5

Комната в гостинице «Подвязка».

Входит Фальстаф.

Фальстаф

Эй, Бардольф!

Бардольф

(входит)

К вашим услугам, сэр!

Фальстаф

Принеси мне кварту хереса. И поджаренного хлеба...

Бардольф уходит.

Неужели я дожил до этих лет только для того, чтобы меня погрузили в корзину, как отбросы из мясной лавки, и вывалили в Темзу? Ну, хорошо же! Если я позволю еще раз сыграть над собой такую шутку, пусть выбьют из моей головы мозги, поджарят на масле и скормят собакам под Новый год!.. Эти мошенники безо всякой жалости бросили меня в реку, точно одного из пятнадцати слепых щенят, которых принесла сука. А ведь я погружаюсь в воду, как это и полагается мне по моему весу, с необыкновенной быстротой. Даже если бы дно было глубоко, как преисподняя, я бы и то сразу же там очутился. Но, к счастью, река в этом месте мелка, и берега пологи. А то бы я непременно потонул... Противная смерть: от воды человек разбухает, а чем бы я стал, если бы еще разбух! Меня бы раздуло горой!

Появляется Бардольф с двумя кубками хереса.

Бардольф

С вамп, сэр, желает поговорить миссис Куикли.

Фальстаф

Погоди, я сначала подмешаю немного хереса к воде Темзы. В брюхе у меня такой холод, будто я наглотался снежных комьев вместо пилюль, чтобы охладить свои чресла. *(Выпивает кубок.)* Теперь зови ее.

Бардольф

Входи, женщина.

Входит миссис Куикли.

Миссис Куикли

С вашего позволения... Прошу извинить меня... С добрым утром, сэр Джон.

Фальстаф

(выпивает второй кубок. Бардольфу)

Возьми эти сосуды да вскипяти мне еще хереса, как полагается.

Бардольф

С яйцами, сэр?

Фальстаф

Без всяких примесей; не желаю я куриных зародышей в моем питье!

Бардольф уходит.

Ну, что скажешь?

Миссис Куикли

Сэр, я пришла к вашей милости от миссис Форд...

Фальстаф

От миссис Форд? Бр-р-р... Опять купаться? Нет, благодарю покорно, у меня и так брюхо полно холодной воды.

Миссис Куикли

Ах, я слышала про ваше несчастье. Бедняжка миссис Форд! Она тут совершенно ни при чем. Если бы вы знали, как она сердилась на своих слуг. Они все перепутали!

Ф а л ь с т а ф

Сам я запутался, доверившись вздорной женщине!

Миссис Куикли

Я оставила ее, голубушку, в слезах. У вас бы сердце изныло, если бы вы ее сейчас увидели... Ее муж отправляется нынче с утра на соколиную охоту, и она просит вас снова прийти к ней между восемью и девятью... Я должна передать ей ваш ответ. Уж она вознаградит вас, будьте в этом уверены!

Ф а л ь с т а ф

Что ж, я, пожалуй, наведуся... Так и передай ей. Но сначала пусть она подумает, что такое человек, какое это хрупкое создание... Только тогда она оценит мою храбрость и постоянство.

Миссис Куикли

Так и передам ей, сэр.

Ф а л ь с т а ф

Не забудь же!..

Бардольф вносит вино и уходит.

(*Пьет.*) Стало быть, между девятью и десятью?

Миссис Куикли

Между восемью и девятью, сэр.

Ф а л ь с т а ф

Хорошо, ступай. Я не заставлю себя ждать.

Миссис Куикли

Желаю вам доброго здоровья, сэр. (*Уходит.*)

Ф а л ь с т а ф

Что же это мистер Брук до сих пор не идет? Он присылал сказать, чтобы я его ждал. Мне нравятся его деньги. А, вот и он. Легко на помине!

Входит Ф о р д, переодетый.

Ф о р д

Здравствуйте, сэр.

Ф а л ь с т а ф

Ну, мистер Брук, вы, конечно, пришли узнать, как обстоят у меня дела с миссис Форд?

Ф о р д

Не скрою, сэр Джон, за этим я и пришел.

Ф а л ь с т а ф

Мистер Брук, не буду лгать вам. Я был у нее в условленный час.

Ф о р д

И дело кончилось удачей?

Ф а л ь с т а ф

Великой неудачей, мистер Брук!

Ф о р д

Как же так? Вы потеряли ее расположение, что ли?

Ф а л ь с т а ф

Нет, дорогой мистер Брук, на этот счет все обстоит благополучно. Но, едва только мы успели с ней обняться, поцеловаться, объясниться друг другу в любви, словом, разыграть пролог к нашей любовной комедии, как в дом ворвался ее муж, этот пронзливый рогач, который следит за ней днем и ночью и живет в вечной тревоге. А за ним — буйная шайка его приятелей, которых он привел для того, чтобы обыскать дом и найти любовника своей жены!

Ф о р д

Как? И вы были там в это время?

Ф а л ь с т а ф

Вот именно.

Ф о р д

Как же это он вас не нашел?

Ф а л ь с т а ф

Сейчас вы все узнаете... Мне просто повезло. Судьба послала нам миссис Пейдж, которая предупредила нас о том, что скоро явится Форд со всей своей шумной компанией. Эта хитрая миссис Пейдж и обезумевшая миссис Форд второпях запихали меня в корзину с бельем.

Ф о р д

В корзину с бельем!

Ф а л ь с т а ф

Клянусь богом, в корзину с бельем! Они обложили меня грязными рубашками и юбками, носками, чулками, засаленными салфетками... Черт побери, мистер Брук, никогда еще ноздрей благородного джентльмена не оскорбляло такое ужасное сочетание невыносимых запахов!

Ф о р д

И долго вы пробьли в корзине?

Ф а л ь с т а ф

Постойте, мистер Брук, я расскажу все по порядку, и вы поймете, сколько страданий я перенес с одной только целью — заставить эту женщину согрешить ради вашего блага. После того как меня втиснули в корзину, миссис Форд приказала двум своим мошеникам слугам отнести грязное белье — то есть меня — на берег Темзы. Они взвалили белье — то есть меня — к себе на плечи, по в дверях нам встретился этот ревнивец и полюбостествовал, что находится в корзине. Я так и замер от страха, как бы этот болван не запустил свою пятерню в корзину. Однако сама судьба, видимо, бесповоротно решив сделать его рогоносцем, удержала его руку. Он отправился искать меня по всему дому, а я двинулся на плечах моих носильщиков по направлению к Темзе под видом грязного белья. Вы подумайте только, мистер Брук: за один день я почти испытал три вида смерти. Во-первых, я чуть не умер от страха, когда думал, что меня найдет этот гнусный ревнивец, этот рогатый баран с колокольчиком. Во-вторых, я чуть не сломался пополам, когда меня согнули в кольцо, как сгибают лезвие испанской шпаги, — рукоятью к острию, головой к пяткам... И, наконец, я едва не задохнулся от испарений грязного белья, которое прело от пота и сала. Просто удивительно, что человек моей комплекции не умер от удушья и не растаял от жары, как масло. И вот в ту минуту, когда я парился в собственном соку, будто голландская говядина, меня бросили в реку и остудили сразу, со свистом, как раскаленную подкову. Вы только представьте себе все это, мистер Брук!..

Ф о р д

Право же, мне очень жаль, сэр, что из-за меня вы испытали столько мучений... Значит, теперь мне придется отказаться от своих надежд. Вы уже не будете больше ухаживать за женой Форда?

Ф а л ь с т а ф

Нет, мистер Брук. Пусть швырнут меня в самое жерло огнедышащего вулкана, как швырнули в Темзу, но я не оставляю в покое эту особу! Кстати, ее муж отправляется сегодня утром на соколиную охоту, и она дала мне об этом знать. Я должен быть у нее между восемью и девятью, мистер Брук.

Ф о р д

Восемь часов уже пробило, сэр!

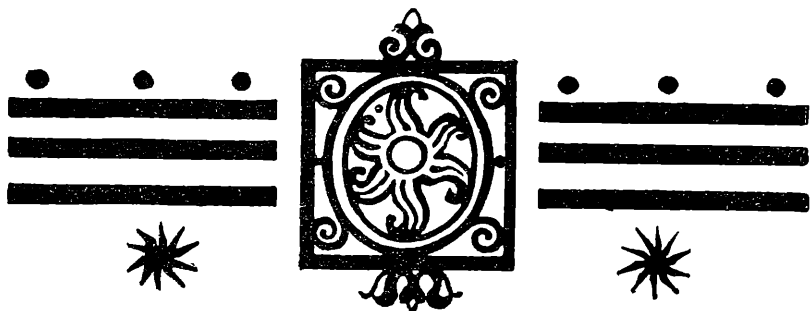
Ф а л ь с т а ф

Неужели? Ну, значит, пора мне на свидание к миссис Форд. Приходите ко мне, мистер Брук, как-нибудь на досуге, и я расскажу вам, далеко ли подвинулись наши дела. Помяните мое слово: ей не миновать в конце концов ваших объятий. Прощайте! Она будет вашей, мистер Брук, вы еще наставите рога этому проклятому Форду! (*Уходит.*)

Ф о р д

А?.. Что?.. Почудилось мне все это? Или это сон? Мистер Форд, проснитесь! Проснитесь, мистер Форд! В вашем праздничном кафтане — прореха. Теперь вы понимаете, что такое быть желатым? Теперь вы понимаете, что такое корзина с грязным бельем? Хорошо же! Я выставлю всем напоказ свое бесчестье. Я поймаю этого развратника с поличным. Он у меня в доме. На этот раз ему не удастся скрыться. Нет такого места, где бы я его не нашел. Не заберется же он, черт возьми, в кошелек или в перчатки! А чтобы дьявол, которому он служит, снова не пришел ему на помощь, я обыщу в доме каждую щель, каждый уголок. Пусть мне и не удастся избежать того, чем я, может быть, уже стал, пусть я стану тем, чем не хочу быть, — я и тогда не смирюсь перед судьбой! Если у меня выросли на голове рога, я напому вам старинную пословицу: не дразните рогатого зверя — он может взбеситься! (*Уходит.*)

А К Т IV

С Ц Е Н А 1

Улица.

Входят миссис Пейдж, миссис Кункли и Уильям.

Миссис Пейдж

Он уже у мистера Форда,— как ты думаешь?

Миссис Кункли

Да уж, наверно, там или вот-вот явится. Но, говоря по правде, он просто с ума сходит от ярости после того, как его бросили в воду. Миссис Форд просит вас прийти к ней сейчас же.

Миссис Пейдж

Скоро буду. Только отведу моего молодого человека в школу. Э, да вон идет его учитель. Должно быть, у них сегодня свободный день.

Входит сэр Хью Эванс.

Что случилось, сэр Хью? Уроков сегодня не будет?

Эванс

Не будет. По просьбе мистера Слендера я отпустил мальчиков играть.

Миссис Кункли

Благослови бог его доброту.

Миссис Пейдж

Сэр Хью, мой муж говорит, что книги пока что не прибавили ни капли ума нашему сыну. Прошу вас, задайте ему как бы незначай несколько вопросов.

Эванс

Подойди сюда, Уильям. Подними голову. Ну!

Миссис Пейдж

Да подойди же, сынок! Подними голову и отвечай своему учителю. Не бойся.

Эванс

Сколько чисел у имен существительных?

Уильям

Два.

Миссис Куикли

Вот как! А я, признаться, думала, что их гораздо больше. Да неужто двух чисел хватит на все имена?

Эванс

Перестаньте болтать пустяки.— Теперь скажи мне, Уильям, что значит прилагательное *durus, dura, durum*?

Уильям

Твердый, жестокий, суровый.

Миссис Куикли

Не знаю, как по-латыни, а по-нашему, дура это и есть дура.

Эванс

Помолчите немного, невежественная женщина! — Что такое *lapis*, Уильям?

Уильям

Камень.

Эванс

А камень — что такое?

Уильям

Ну, булыжник.

Эванс

Нет, камень — это *lapis*. Запомни раз навсегда.

У и л ь я м

Lapis.

Э в а н с

Хорошо, Уильям. А ну-ка, скажи, от какой части речи происходят члены?

У и л ь я м

От местоимений и склоняются так: именительный единственного числа: hic, haec, hoc.

Э в а н с

Правильно. Singulariter nominativo: hic, haec, hoc. И, пожалуйста, запомни — родительный, genetivo — hujus... Ну, а как будет винительный падеж — accusativo?

У и л ь я м

Accusativo — hinc.

Э в а н с

Запомни же, дитя мое, accusativo — hunc, hanc, hoc.

М и с с и с К у и к л и

Хунк, хок!.. Не понимаю, что это за язык такой — не то лай, не то хрюканье.

Э в а н с

Бросьте эти глупости, женщина! — А ты, Уильям, скажи мне, как это будет в звательном падеже — vocativo.

У и л ь я м

Гм, vocativo, гм..

Э в а н с

Запомни, Уильям, vocativo — caret ¹.

М и с с и с К у и к л и

Что, что? Покатила и шпарит? Ничего не понимаю!

Э в а н с

Угломонитесь, женщина.

М и с с и с П е й д ж

Помолчите.

¹ Отсутствует. (Лат.)

Э в а н с

Как будет родительный падеж множественного числа, Уильям?

У и л ь я м

Родительный падеж?

Э в а н с

Да, родительный.

У и л ь я м

Horum, harum, horum.

М и с с и с К у и к л и

Ничего не разберу... То ли хари поют хором, то ли харям дают корм...

Э в а н с

Постыдитесь, женщина!

М и с с и с К у и к л и

Нет, эго не мне, это вам стыдно учить ребенка таким словам. Они и сами-то набираются разных словечек довольно рано, а туг еще учитель икает точно пьяный: хик-хэк, хик-хэк! Фу, какой срам.

Э в а н с

Женщина, да в своем ли ты уме! Неужели ты и в самом деле ничего не понимаешь в склонениях и спряжениях? Глупее тебя нет никого в христианском мире!

М и с с и с П е й д ж

И вправду помолчи немного, Куикли.

Э в а н с

А ты, Уильям, просклоняй мне какое-нибудь местоимение.

У и л ь я м

Боюсь, что я их позабыл...

Э в а н с

А ты вспомни: qui, quae, quod. Да смотри больше не забывай. Если забудешь qui, quae, quod — который, которая, которое, — тебя высекут. А пока побегай, порезвись. Ну ступай, ступай!

Миссис Пейдж

Он знает больше, чем я думала.

Эванс

У него отличная память. Ну, прощайте, миссис Пейдж.

Миссис Пейдж

До свидания, добрейший сэр Хью.

Сэр Хью Эванс уходит.

Идем, мой мальчик. Мы и так запоздали.

Уходят.

СЦЕНА 2

Комната в доме Форда.

Входит Фальстаф и миссис Форд.

Фальстаф

Миссис Форд, ваша печаль — лучшая награда за мои страдания. Я теперь уверен в том, что вы меня любите; а я привык расплачиваться за все до последнего гроша, и заплачу вам не только любовью, но и всем, что в таких случаях полагается. Однако вы уверены, что ваш муж не явится сюда?

Миссис Форд

Он охотится на уток, милый сэр Джон.

Миссис Пейдж

(за сценой)

Эй, соседка, вы дома?

Миссис Форд

Спрячьтесь в эту комнату, сэр Джон.

Фальстаф скрывается за дверь, входит миссис Пейдж.

Миссис Пейдж

Здравствуйте, дорогая. Вы одна или у вас в доме есть постоянные?

Миссис Форд

Никого, кроме моих домашних.

Миссис Пейдж

В самом деле?

Миссис Форд

Ручаюсь вам! (*Шепотом.*) Говорите громче!

Миссис Пейдж

Ах, как я счастлива, что у вас нет посторонних!

Миссис Форд

Почему?

Миссис Пейдж

А потому, что ваш муженек опять впал в бешенство. Он спорит с моим мужем до хрипоты, клянет все женатое и замужнее человечество, угрожает мстостью всем дочерям Евы без разбора, бьет себя кулаком по голове и вопит: «Пробиваются, растут!» Самый буйный сумасшедший по сравнению с ним — тихий, ласковый, благовоспитанный ребенок. До такой ярости он дошел... Как хорошо, что у вас нет сейчас этого толстого рыцаря!

Миссис Форд

А разве и о нем говорит Форд?

Миссис Пейдж

Он только о нем и говорит! Уверяет всех, будто в прошлый раз сэра Джона Фальстафа вынесли от вас в корзине с грязным бельем. Клянется, что сэр Джон и сейчас здесь; отговорил всю компанию ехать на охоту и собирается снова проверить свои подозрения. Я так рада, что сэра Джона у вас нет. Наконец-то ваш муж сам поймет, как бессмысленны его подозрения...

Миссис Форд

А что, они уже близко отсюда?

Миссис Пейдж

В двух шагах. Сейчас будут здесь.

Миссис Форд

О, я погибла! Фальстаф у меня!

Миссис Пейдж

Ну, значит, вы навсегда опозорены, а он может уже считать себя покойником... И что вы за женщина такая! Избавьтесь от него, спровадьте его куда-нибудь... Уж лучше позор, чем убийство!..

Миссис Форд

Но куда же мне его девать, куда спрятать? Может быть, опять — в корзину?

Фальстаф

(выходит)

Нет уж, в корзину я ни за что больше не полезу! Разве я не успею выйти отсюда, прежде чем он войдет?

Миссис Пейдж

Поздно! У дверей стоят трое братьев Форда с пистолетами в руках — следят, чтобы никто из дома не вышел; не будь этого, вы могли бы ускользнуть отсюда.

Фальстаф

Что же мне сейчас делать? Я залезу в каминную трубу.

Миссис Пейдж

Мужчины, возвращаясь с охоты, стреляют в камин, чтобы разрядить ружья. Полежайте в печь.

Фальстаф

А где печь?

Миссис Форд

Да он вас везде найдет! Не беспокойтесь, он обыщет все сундуки, шкафы, корзины, чуланы, подвалы — ничего не пропустит. Нет, в доме вам не спрятаться!

Фальстаф

Ну, будь что будет,— я выйду через дверь!

Миссис Пейдж

Если вас узнают, вас убьют. Вам нужно переодеться.

Миссис Форд

Во что бы нам его переодеть?

Миссис Пейдж

Ох, беда! Прямо ума не приложу! Наши женские платья для него малы и тесны. А то мы могли бы надеть на него шляпу, шаль, накинуть на голову платок и тихонько выпроводить его.

Ф а л ь с т а ф

Добрые женщины, придумайте что-нибудь! Я на все согласен! Любой риск лучше верной смерти...

М и с с и с Ф о р д

Наверху у нас висит платье тетки моей служанки, толстой старухи из Бренфорда.

М и с с и с П е й д ж

Пожалуй, оно будет ему как раз впору. Она такая же толстая, как и он. Да вот и ее войлочная шляпа с бахромой и шаль. Бегите скорей наверх, сэр Джон!

М и с с и с Ф о р д

Идите, идите, милый сэр Джон. Мы с миссис Пейдж сейчас отыщем какой-нибудь платок вам на голову.

М и с с и с П е й д ж

Живей, живей! Мы сию минуту тоже поднимемся наверх и посмотрим, все ли у вас в порядке. А пока надевайте платье.

Ф а л ь с т а ф поднимается вверх по лестнице.

М и с с и с Ф о р д

Мне очень хотелось бы, чтобы мой муж и в самом деле принял его за старуху из Бренфорда. Он ее терпеть не может, уверяет, что она ведьма, и грозит поколотить ее, если она еще раз попадется ему на глаза у нас в доме.

М и с с и с П е й д ж

Пусть сам господь подтолкнет Фальстафа ему под руку и пусть сам дьявол управляет этой рукой!

М и с с и с Ф о р д

А это правда, что мой муж идет сюда?

М и с с и с П е й д ж

Сушая правда! Идет и что-то кричит по поводу корзины. И откуда он узнал про нее?

М и с с и с Ф о р д

Мы сейчас это выясним. Я велю слугам взять корзину и опять вынести ему навстречу, как в прошлый раз.

Миссис Пейдж

Но он сейчас будет здесь. Пойдем скорей, нарядим рыцаря бренфордской ведьмой.

Миссис Форд

Сейчас. Я только научу прислугу, что делать с корзиной. Ступайте наверх, я сейчас принесу для него платок. *(Уходит.)*

Миссис Пейдж

Ах, толстый, старый плут! Что бы мы с ним ни сделали — все будет мало.

Пускай отныне будет вам известно,
Что может женщина веселой быть и честной.
Верны мужьям шалуны и насмешницы,
А в маске благочестья ходят грешницы.

(Уходит наверх.)

Возвращается миссис Форд с двумя слугами.

Миссис Форд

Возьмите корзину и несите ее. Мистер Форд сейчас войдет сюда. Если он вам прикажет опустить корзину на пол, повинуйтесь. Скорей, скорей, поторапливайтесь! *(Уходит наверх.)*

Первый слуга

Ну, ну, подымай корзину!

Второй слуга

Авось на этот раз она не набита доверху этим рыцарем!

Первый слуга

Надеюсь, что нет. Я бы скорей согласился таскать свинцовые ядра!

Входят Форд, Пейдж, Шеллоу, Каюс и сэр Хью Эванс.

Форд

Вы меня считаете дураком, мистер Пейдж. Но если то, что я говорю, окажется правдой, вам придется изменить свое мнение! *(Видит, что слуги несут корзину.)* Мерзавцы, поставьте корзину на пол! Позовите мою жену! Знаю, кто у вас в корзине! Знаю. Сводники! Негодяи! Вас тут целая шайка, банда, волчья стая — все вы в заговоре против меня. Но сейчас самому дьяволу станет жарко!.. Ну, женушка, где ты там? Иди-ка сюда! Посмотрим, что за белье ты посылаешь в стирку!

Пейдж

Ну, это уж ни на что не похоже, мистер Форд! Вас больше нельзя оставлять на свободе. Придется надеть на вас смирительную рубашку.

Эванс

Это сумасшествие! Он взбесился, как пес от жары.

Шеллоу

Честное слово, мистер Форд, это нехорошо, честное слово, нехорошо!

Форд

Да уж что хорошего, джентльмены!

Входит миссис Форд.

Пожалуйста сюда, миссис Форд. Вот она — честная женщина, скромная жена, добродетельное создание, которое замучил ее муж, ревнивый дурак. Ведь я подозреваю вас напрасно, сударыня, не так ли?

Миссис Форд

Свидетель бог, ты подозреваешь меня напрасно.

Форд

Золотые слова, бесстыдница, — жаль только, что в них нет ни капли правды. Ну, вылезай из корзины, негодяй! *(Роемся в белье.)*

Пейдж

Это ни на что не похоже!

Миссис Форд

И тебе не стыдно? Оставь это грязное белье!

Форд

Теперь уж я тебя поймаю!

Эванс

Это бессмысленно! Неужели вы будете рыться в женском исподнем платье?

Форд

(слугам)

А ну-ка, — вываливайте все из корзины!

Миссис Форд

Да зачем тебе, зачем?

Форд

Мистер Пейдж, я могу вам поклясться, что вчера в этой самой корзине вынесли кой-кого из нашего дома. Почему бы этому молодчику и сегодня не сидеть в той же самой корзине? Я уверен, что он здесь, в моем доме. Сведения у меня вполне точные. Если я и ревную, то не без причины. Вываливайте белье!

Миссис Форд

Ну что же, если ты найдешь в корзине кого-нибудь живого, можешь прищелкнуть его ногтем.

Пейдж

Во всяком случае, человека в этой корзине нет.

Шеллоу

Уверяю вас, мистер Форд, это недостойно вас!

Эванс

Лучше молиться, мистер Форд, чем поддаваться причудам воображения. Это ревность!

Форд

Да... Здесь его нет...

Пейдж

Нигде его нет. Вы сами его выдумали.

Форд

Джентльмены, помогите мне обыскать дом. Ну, в последний раз! Если мы никого не найдем, издевайтесь надо мной, сколько хотите. Пусть я буду притчей во языцех. Пусть люди говорят: «Ревнив, как Форд, который искал любовника своей жены в пустом орехе»... Но только исполните мою просьбу: обыщите этот дом еще один раз!

Миссис Форд

Миссис Пейдж! А, миссис Пейдж! Послушайте! Идите сюда вниз вместе со старухой. Мой муж хочет осмотреть верхние комнаты.

Форд

Со старухой? С какой еще старухой?

Миссис Форд

Ах, это тетка моей служанки — старуха из Бренфорда.

Форд

Как! Опять она здесь. эта ведьма, сводня, сплетница, побирушка! Я же запретил ей приходить сюда. Небось притащилась с тайным поручением? Что, разве не так? Кто их знает, этих гадалок, чем они промышляют под видом всякой ворожбы, наговоров и заговоров!.. — А ну-ка, спускайся сюда, ты, чертова ведьма, старая шептунья, ядовитая жаба! Иди, иди сюда!

Миссис Форд

Прошу тебя, мой милый, дорогой муженек, не тронь ее! Джен-тльмены, не позволяйте ему бить старуху!

По лестнице сходят миссис Пейдж и Фальстаф, переодетый старухой.

Миссис Пейдж

Идем, идем, бабушка, дай мне руку.

Форд

Вот я ей покажу чертову бабушку! *(Бьет Фальстафа палкой.)*
Убирайся отсюда, старая крыса, потаскуха, дармоедка, проныра! Я тебе поворочу, я тебе погадаю! Вон отсюда! *(Гонится за Фальстафом с палкой.)*

Фальстаф убегает в дверь.

Миссис Пейдж

И вам не стыдно! Вы чуть было не убили бедную старушку!

Миссис Форд

От него всего можно ждать. Стыдитесь, сударь, вам это не делает чести.

Форд

Ко всем чертям се!

Эвапс

Грех осуждать, но я боюсь, что эта старая женщина и в самом деле ведьма. Не люблю я, когда у женщины растет борода! А у нее я заметил под шалью настоящую бороду.

Форд

Пойдемте, джентльмены! Умоляю вас, пойдемте! Вы будете свидетелями того, что у ревности моей есть причина. Если и на этот раз я не паведу вас на верный след, не доверяйте больше моему чутью.

Пейдж

Ну, так и быть, покоримся еще раз его причуде.

Все, кроме миссис Пейдж и миссис Форд, уходят.

Миссис Пейдж

Здорово же он его поколотил!

Миссис Форд

Да, от такой дубинки не поздоровится.

Миссис Пейдж

Знаете, я отнесу эту дубинку в церковь. Пусть ее освятят и повесят над алтарем. Она послужила добродетели!

Миссис Форд

Как вы думаете,— не изменяя женской скромности и сохраняя чистую совесть, не проучить ли нам его еще разок?

Миссис Пейдж

По-моему, мы отбили у него охоту волокаться за честными женщинами. Если только черт его опять не попутает, он никогда больше не посягнет на нашу честь.

Миссис Форд

А не рассказать ли нашим мужьям, как мы расплатились с Фальстафом?

Миссис Пейдж

Непременно! Хотя бы только для того, чтобы изгнать привидения, которые поселились в мозгу у вашего мужа. А если наши мужья найдут, что этот распутный толстяк недостаточно наказан, мы разыграем с ним еще одну комедию.

Миссис Форд

Только на этот раз нужно выставить его на посмешище всему свету. Иначе у нашей комедии не будет достойной развязки.

Миссис Пейдж

Ну, скорей за дело! Будем ковать железо, пока горячо!

Уходят.

СЦЕНА 3

Комната в гостинице «Подвязка».

Входят хозяин гостиницы и Бардольф.

Бардольф

Сэр, немцы требуют у нас трех лошадей. Завтра во дворец прибудет сам герцог, и они хотят встретить его.

Хозяин

Что это за герцог, который держит свой приезд в таком секрете! Я что-то ничего не слыхал о нем при дворе. Дай-ка, я потолкую с этими господами. Говорят они по-английски?

Бардольф

Да, сэр, говорят. Я сейчас позову их к вам.

Хозяин

Я дам им лошадей, но заставлю за это платить. Выжму из них денежки. Целую неделю они хозяйничали в моей гостинице, как у себя дома, и я вынужден был гнать от дверей других постояльцев. Так уж теперь пускай рассчитываются. Я из них вытрясу денежки. Идем!

Уходят.

СЦЕНА 4

В доме Форда.

Пейдж, Форд, миссис Пейдж, миссис Форд
и Эванс.

Эванс

Ни одной женщине еще не приходила в голову такая прекрасная мысль!

Пейдж

И он вам обоим послал эти письма в одно и то же время?

Миссис Пейдж

В одну и ту же минуту!

Форд

(становится на колени)

Прости, жена! Отныне все, что хочешь,
Вольна ты делать. Так тебе я верю,
Что заподозрю в холодности солнце
Скорее, чем в неверности тебя...
Кто был неистовым еретиком,
Тот ревностнее верит в добродетель!

Пейдж

Давно бы так! Но надо меру знать
В раскаянье, мой друг, как в подозренья!
Вернемся к нашим планам. Пусть опять
Назначат наши женушки свиданье
Повесе толстому, чтоб мы могли
Его поймать на месте преступленья
И перед целым светом обличить.

Форд

Для этого нет средства остроумней
Того, что жены предлагают нам.

Пейдж

Как? Назначить ему свиданье в лесу в полночь? Бросьте,
бросьте! Он ни за что не придет!

Эванс

Его уже бросали в реку, приняв за грязное бельё, и больно
били, приняв за бренфордскую ведьму. Я полагаю, он так напуган,
что ни в коем случае не явится на свидание. Плоть его жестоко на-
казана, и, надо надеяться, бес вожделения покинул его навсегда.

Пейдж

Так думаю и я.

Миссис Форд

Подумайте-ка лучше вы о том,
Что делать с ним, когда придет он в полночь.
А как его вернее заманить —
Вы предоставьте думать вашим женам!

Миссис Пейдж

Я вам напомним сказку древних дней.
Охотник Герн, который был лесничим
В тенистом нашем Виндзорском лесу,—
И после смерти навешает лес.
Зимою в полночь тихую он бродит
Вокруг большого дуба на опушке.
Огромнейшие острые рога
На лысой голове его ветвятся.
Он насылет порчу на стада,
В кровь превращает молоко коровье,
Деревья губит и крадет овец.
Его грехи на нем бряцают цепью.
И страшно слышать в полночь этот звон...
С младенчества мы сказку эту знаем.
Болтливая, седая старина
Ее как правду внукам рассказала.

Пейдж

Да, это так. Немало среди нас
Таких глупцов, что ночью к дубу Герна
Ни за какие деньги не пойдут.
Но что ж из этого?

Миссис Форд

Сейчас скажу.
Фальстафа мы попросим нарядиться
Лесничим Герном и явиться в лес.

Пейдж

Допустим, он придет, одетый Герном,
Но что мы дальше делать будем с ним?

Миссис Пейдж

Успели мы подумать и об этом.
Пусть наша Анна и наш младший сын
С подругами своими и друзьями
Оденутся как феи, эльфы, гномы,
В зеленые и белые одежды.
Дадим им факелы, трещотки, и когда
Мы обе в полночь встретимся с Фальстафом,
Пусть из оврага выбегут они,
Трещотками треща, грозя огнями,
С неистовою песней на устах!

Мы убежим от них в притворном страхе,
Оставив им Фальстафа. И тогда
Пусть, окружив повесу хороводом,
Они его толкают и щекочут,
И спрашивают все наперебой.
Как он посмел непрошеным явиться
На праздник фей и дерзостной стопой
Топтать траву лужайки заповедной?

Миссис Форд

И до тех пор, покуда толстый плут
Не скажет правды, пусть лесные феи
Его щекочут, щиплют, тормозят
И ослепляют беглыми огнями.

Миссис Пейдж

Когда же он покается в грехах,
Рога мы снимем с головы беспугной,
А сами сбросим маски и плащи
И старого бездельника проводим
Свистками и насмешками домой.

Форд

Но надо раньше обучить детей,
А то они не справятся с ролями.

Эванс

Что ж, я берусь дать детям наставленье, как разыграть такое
представленье. Я даже сам готов надеть любую личину, чтобы
только подпалить этого грешника своей свечкой.

Форд

Превосходно! Я сейчас же иду покупать маски.

Миссис Пейдж

Пусть Анна будет королевой фей.
Ее мы в платье белое оденем.

Пейдж

(в сторону)

За белым шелком в лавку я пойду.
Сегодня дочке предстоит венчаться:

Ее похитит мой любезный Слендер
И в белом платье в церковь поведет.

(Громко.)

Ну, живо посылайте за Фальстафом!

Ф о р д

О, нет! К Фальстафу забегу я сам
Опять под именем и маской Брука.
Он с Бруком откровенен, все расскажет
И на свиданье ночью прибежит.

М и с с и с П е й д ж

Уж в этом я ничуть не сомневаюсь.
Идите же наряды покупать.

Э в а н с

Скорей, скорей! Мы владыку повеселимся.
Святой обман простят нам небеса!
Все, кроме миссис Пейдж и миссис Форд, уходят.

М и с с и с П е й д ж

А все-таки, соседка, мы пошлем
К Фальстафу письмецо на всякий случай.

М и с с и с Ф о р д уходит.

А я отправлюсь к доктору тайком
Пускай сегодня он похитит Анну
Во время плясок, шуток и затей.
Я Фентону не верю — слишком знатен,
А Слендер глуп. Мой доктор и не глуп,
Да и не знатен — он для нас подходит.
К тому же деньги, связи при дворе...
Нет, только он получит нашу Анну.

(Уходит.)

С Ц Е Н А 5

Комната в гостинице «Подвязка».

Входит хозяйка гостиницы и Симпл.

Х о з я и н

Ну что тебе, простота? Чего тебе, неотесанный пень? Ну говори, выкладывай, рассуждай, да покороче, поскорей, поживей — одним духом!

С и м п л

Дело в том, сэр, что я пришел от моего хозяина, мистера Слендера, потолковать маленько с вашим постояльцем, сэрм Джоном Фальстафом.

Х о з я и н

Вон там его покои, его обитель, его замок, его спальня и опочивальня. На стенах намалевана самыми свежими красками старая повесть о блудном сыне. Поднимись и стукни в дверь кулаком. Он отзовется ревом людоеда. Ну ступай, колоти в дверь!

С и м п л

Да нет, к нему тут поднялась какая-то старуха, очень толстая старуха, сэр, в пестрой шали. Уж лучше я здесь постою, пока она не сойдет вниз. Она-то мне и нужна, старуха эта.

Х о з я и н

Что? Толстая старуха? Уж не грабят ли моего толстого рыцаря? Дай-ка, я его позову. Эй ты, старый буян, сэр Джон, отзовись во всю силу своих солдатских легких. Где ты там? Это я, твой хозяин, твой сотрапезник и собутыльник.

Голос Фальстафа: «Что случилось, хозяин?»

Тут какой-то парень, то ли цыган, то ли татарин, поджидает твою толстую старуху. Ну-ка, выпроводи ее сейчас же, греховодник! У меня честная гостиница, а ты здесь шашни заводишь. Тьфу!

Входит Фальстаф.

Ф а л ь с т а ф

Полно, хозяин! Ну, заходила ко мне на минутку старая толстая женщина... Но она уже ушла.

С и м п л

А скажите, сударь, сделайте милость, уж не была ли это старая гадалка из Бренфорда?

Ф а л ь с т а ф

Да, раковина без устрицы, это была она. А на что она тебе?

С и м п л

Понимаете, сэр, мой хозяин мистер Слендер, сэр, видел, как она бежала сюда по улице, сэр. Вот он и послал меня к ней, сэр, чтобы она погадала насчет золотой цепочки, которую стянул у него какой-то парень по имени Ним, сэр. Дескать, у него ли еще эта цепочка, сэр, или ее уже нет?

Ф а л ь с т а ф

А, насчет цепочки! Я уже спрашивал ее об этом.

С и м п л

А она что, сэр?

Ф а л ь с т а ф

Она говорит, что тот, кто украл у твоего хозяина цепочку, тот и стибрил ее.

С и м п л

Ишь ты!.. А все-таки мне бы самому с ней поговорить, сэр. У меня есть еще одно дельце к ней...

Ф а л ь с т а ф

Что такое? Рассказывай, что за дельце.

Х о з я и н

Ну, выкладывай, да поживее!

С и м п л

Мне велено не говорить, а молчать об этом, сэр.

Х о з я и н

Если будешь молчать, так у нас, чего доброго, навсегда замолчишь.

С и м п л

Что вы, сэр! Тут ничего такого нет. Только насчет мисс Анны Пейдж,— пойдет она за него или не пойдет? Как у него там на роду написано?

Ф а л ь с т а ф

Так и написано.

С и м п л

Да что написано, сэр?

Ф а л ь с т а ф

Что она пойдет за него или не пойдет. Ступай, передай ему это.

С и м п л

Так и передать?

Ф а л ь с т а ф

Да, сэр дубовый пень: слово в слово.

С и м п л

Благодарю вас, ваша милость. То-то обрадуется мой господин, когда узнает это! (*Уходит.*)

Х о з я и н

Ну и хитер же ты, сэр Джон, ну и хитер! А гадалка-то в самом деле была у тебя?

Ф а л ь с т а ф

Была, хозяин, была. И научила меня уму-разуму, как никто еще не учил за всю мою жизнь! Другие платят за науку, а тут со мной расплатились.

Входит Бардольф.

Б а р д о л ь ф

Беда, сэр, беда! Жульничество! Чистое жульничество!

Х о з я и н

Где мои лошади? Говори толком, негодяй!

Б а р д о л ь ф

Ускакали вместе с этими мошенниками. Как только мы проехали Итон, разбойник, за спиной которого я сидел, сбросил меня с седла в грязную канаву — и поминай, как звали! Все трое пришпорили коней и умчались прочь, как три немецких дьявола, три доктора Фауста!

Х о з я и н

Да нет, они просто отправились встречать герцога, дурень. Кто сказал, что они удрали? Немцы — честные люди.

Входит сэр Хью Эванс.

Э в а н с

Где хозяин гостиницы?

Х о з я и н

В чем дело, сэр?

Э в а н с

Берегитесь, хозяин. Один из моих приятелей, который только что прибыл в город, рассказывает, что три мошенника немца

обобрали всех содержателей гостиниц в Рединге, Мейденхеде, Кольбруке: выманили у них деньги и угнали лошадей. Для вашего же блага говорю вам: смотрите в оба! Вы человек умный, сами можете над кем угодно подшутить. Вам не к лицу попасть впросак. Прощайте.

Входит Каюс.

Каюс

Где мой хозяин «Подввязка»?

Хозяин

Здесь, господин доктор,— в смущенье и тягостном раздумье.

Каюс

Я не знаю, что это значило, но мне говорил, вы делали большой приготовлений для один немецки герцог. Я могу давать слово, королевский двор не ожидал никакой герцог. Я рассказывал вам это по секрет, потому что желал вам добро. Адье!

Хозяин

(Бардольфу)

Беги, кричи, зови на помощь, негодяй! (Фальстафу.) Помогите мне, рыцарь, я разорен! (Бардольфу.) Лети, беги, кричи, вопи, подлец! Я пропал! (Уходит.)

Фальстаф

Ох, как бы я хотел, чтобы весь этот бесчестный мир надули и обвели вокруг пальца! Ведь меня-то не только надули, но и вздули. Что если при королевском дворе узнают, в каких я побывал переделках, как меня полоскали, катали, колотили... То-то будет смеху! Из меня вытопят весь мой жир, каплю за каплей, и рыбаки станут мазать моим салом грубую кожу своих башмаков. Придворные остроусловы будут колоть меня иголками своих шуток, пока я не сморщусь, как сухая груша. Да, мне перестало везти с тех пор, как я, перевернув карту, поклялся именем святого Джона. Ах, если бы только одышка не мешала прочесть молитвы, я бы покался!

Входит миссис Куикли.

А! Ты откуда?

Миссис Куикли

От двух особ, сударь,— от кого же еще!

Фальстаф

Пусть одна пойдет к черту, а другая — к чертовой бабушке! Там этим особам и место! Я вынес ради них такие муки, какие только способна вынести эта хрупкая человеческая плоть.

Миссис Куикли

А они-то сами разве не измучились? В особенности одна из них. Мистер Форд так исколотил свою женушку, что она вся в синяках — ни одного белого пятнышка на ней не сыщешь.

Фальстаф

Что ты там толкуешь о синяках! Посмотрела бы, как расписали меня — с ног до головы — во все цвета радуги. Да мало того! Чуть не обвинили меня в том, что я — бренфордская ведьма! Если бы я не был так умен и находчив и не сумел бы сыграть роль честной, невинной старухи, я бы уже сидел в колодках — в обыкновенных тюремных колодках, как настоящая ведьма!

Миссис Куикли

Ах, сэр, разрешите только поговорить с вами по душам, наедине, в ваших покоях. Я расскажу, как идут наши с вами дела, и вы сами увидите, что все оборачивается к полному вашему удовольствию. Вот тут у меня письмецо для вас, прочтите, и вы кое-что узнаете... Ах, бедняжки мои, как трудно мне сводить вас. Уж наверно кто-нибудь из вас прогневал бога, что вам так не везет!

Фальстаф

Ладно уж, пойдем в мою комнату!

Уходят.

СЦЕНА 6

Другая комната в гостинице «Подвязка».

Входят хозяин гостиницы и Фентон.

Хозяин

Нет, и не говорите, мистер Фентон. На душе у меня тяжело. Я готов от всего отказаться...

Фентон

Мой старый друг, ты должен мне помочь!
Тебе клянусь я словом джентльмена,
Что ты получишь больше, чем утратил,
По крайней мере на сто золотых!

Хозяин

Ладно, я вас слушаю, мистер Фентон. И уж во всяком случае
ваша тайна останется при мне.

Фентон

Как я не раз тебе уж говорил,
Всем сердцем полюбил я Анну Пейдж,
И на любовь она мне отвечает —
В той мере, что зависит от нее, —
Взаимностью. Она письмо прислала,
Что и тебя, пожалуй, удивит.
В нем шутка так лукаво сплетена
С важнейшим для меня на свете делом,
Что их понять отдельно невозможно.
В затейной игре толстяк Фальстаф
Посмешищем для всех сегодня будет...
Но обо всем узнаешь из письма.
Сегодня в полночь возле дуба Герна
Готовится веселая забава.
Моей души царица — Анна Пейдж —
Изображать царицу эльфов будет.
И вот в разгаре шуток и веселья
По приказанию своего отца
Моя невеста Нэн должна бежать
С безмозглым Слендером в соседний город
И там без материнского согласия
С ним сочетаться браком в тот же час.
Бедняжка Нэн дала свое согласие...
Но слушай дальше, друг. У миссис Пейдж,
У матери моей прелестной Анны,
Другой жених для дочки припасен —
Петух задорный, пекий доктор Каюс.
Он явится туда же, к дубу Герна,
Чтобы во время праздничной потехи
Мою похитить Анну и тайком
С ней обвенчаться в церкви этой ночью.
Притворно подчинившись, Анна Пейдж
И доктору дала свое согласие...

Постой, еще не все. Отец велит
Ей нарядиться в белую одежду,
Чтоб Слендер сразу мог ее узнать.
А мать ей приказала быть в зеленом,
С венком из пышных лент на голове.
По этим-то приметам доктор Каюс
Ее при свете факелов найдет
Среди толпы в плащах и пестрых масках.

Х о з я и н

Кого ж она намерена надуть —
Отца или мать?

Ф е н т о н

Отца и мать, добрейший мой хозяин,
И убежать со мной. Прошу тебя:
Найди-ка нам священника такого,
Чтоб согласился нынче, ровно в полночь,
Святым обрядом бракосочетанья
Соединить влюбленные сердца!

Х о з я и н

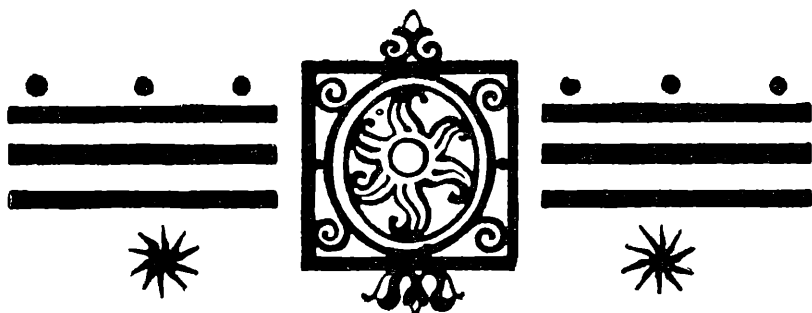
Ну что же, действуй. Я не подведу.
Была б невеста, поп всегда найдется!

Ф е н т о н

Тебе я вечно буду благодарен.
А вот пока задаток. Получай!

Уходят.

А К Т V

С Ц Е Н А 1

Комната в гостинице «Подвязка».

Входит Фальстаф и миссис Куикли.

Фальстаф

Довольно болтать. Слупай. Слово мое твердо. Так и быть, попытаю счастья в третий раз. Я верю в нечет и всегда ставлю на нечетные числа — говорят, счастье их любит. Ну, отправляйся!

Миссис Куикли

Я раздобуду для вас все, что нужно, — тяжелую цепь и парочку рогов.

Фальстаф

Ладно, не трать времени попусту. Голову вверх — и рысью, рысью!

Миссис Куикли уходит. Входит Форд.

А, мистер Брук! На этот раз могу вам сказать с уверенностью: сегодня ночью или никогда! Будьте в лесу в полночь возле дуба Герна, и вы увидите чудеса!

Форд

А разве вчера вы не были у нее? Ведь вы мне говорили, что она назначила вам свиданье.

Ф а л ь с т а ф

Да, я был у нее, мистер Брук. Но беда в том, что пошел я к ней бедным, но почтенным стариком, каким вы меня знаете, а ушел от нее бедной избитой старухой. Этот негодяй Форд, ее супруг, одержим таким бешеным духом ревности, какого свет не видал. Скажу прямо: он исколотил меня до полусмерти. А все потому, мистер Брук, что я был в образе женщины! О, если бы я в это время был в образе мужчины, мистер Брук, я бы не побоялся не только Форда с палкой, но и самого Голнафа с палицей. Я ведь знаю, что жизнь — это ткацкий челнок: вперед — назад, вперед — назад. Но мне пора. Пойдемте вместе. Я вам все расскажу по дороге. С младенчества, мистер Брук, с тех пор, когда я только и делал, что ошипывал чужих гусей, шлялся без дела и гонял волчок, я не знал, что такое розга. А вот теперь, на старости лет, узнал. Идемте, идемте! Я расскажу вам по дороге удивительные вещи об этом разбойнике Форде... Ничего! Сегодня ночью я с ним расплачусь за все и вручу его жену вам. Ну, за мной, за мной. Нас ждут чудеса, мистер Брук!

Уходят.

С Ц Е П А 2

Виндзорский парк.

Входят Пейдж, Шеллоу и Слендер.

Пейдж

Сюда, сюда, пожалуйста! Мы спрячемся во рву старого замка и будем ждать до тех пор, пока не увидим факелов, которые зажгут наши феи. Сынок Слендер, смотри не прозевай мою дочку!

Слендер

О нет, я не прозеваю! Мы с ней сговорились и придумали, как узнать друг друга в масках. Я подойду к девушке, которая будет в белом, и скажу: «Му-у!» — а она мне ответит: «Бэ-э!» — вот мы и узнаем друг дружку.

Шеллоу

Это хорошо, но при чем тут «му-у» и «бэ-э» — не понимаю! Ведь ты и так узнаешь ее по белому платью. Однако бьет десять часов...

Пейдж

Какая темная ночь выдалась! Самая подходящая для факелов и привидений. Да благословит небо нашу затею. Никто не хочет зла, кроме черта, а его мы узнаем по рогам. Пойдемте.

Уходят в парк.

СЦЕНА 3

Улица, ведущая к Виндзорскому парку.

Входят миссис Пейдж, миссис Форд Каюс.

Миссис Пейдж

Помните же, дорогой доктор, моя дочь будет в зеленом платье. Улучите удобную минуту, возьмите ее за руку — и скорее к отцу-настоятелю! Он вас обвенчает. А пока ступайте в лес. Я приду туда вместе с миссис Форд.

Каюс

Мерси, мадам, я тепер зналь, что буду делаль.

Миссис Пейдж

Желаю вам успеха!

Каюс уходит в лес.

Ах, я боюсь, что мой муж не так обрадуется сегодня нашей проделке над Фальстафом, как рассердится на меня, когда узнает, что я выдала Анну за доктора. Но что поделаешь! Лучше ненадолго поссориться с мужем, чем навсегда разбить сердце дочери.

Миссис Форд

Где она, ваша Анна, со всеми своими эльфами и феями? И куда девался наш священник, одетый дьяволом?

Миссис Пейдж

Все они прячутся в овраге возле дуба Герна. Как только мы встретим Фальстафа, они выбегут с факелами.

Миссис Форд

То-то он струсит, старый греховодник!

Миссис Пейдж

Если даже он не струсит, все равно мы над ним посмеемся влады. А если струсит, это будет лучше вдвое, потому что вдвое смешнее!

Миссис Форд

Ах, как мы его проведем, жирного волокиту!

Миссис Пейдж

Не грех прелюбодея провести,
Который нас пытался сбить с пути!

Миссис Форд

Но, кажется, пора. Скорее в лес к волшебному дубу!

Уходят.

СЦЕНА 4

Виндзорский парк.

Входят Эванс, одетый сатпром, Анна Пейдж, одетая царицей фей,
и другие, в костюмах фей.

Эванс

На носочках, на носочках, эльфы и феи! Пусть каждый помнит свою роль. Не робейте. Следуйте за мной в овраг. И, как только я подам вам сигнал, делайте то, о чем я вам говорил. За мной, за мной, на носочках, на носочках!

Уходят.

СЦЕНА 5

Другая часть парка.

Входит Фальстаф, одетый Герном.

Фальстаф

Виндзорский колокол пробил двенадцать раз. Вот она, долгожданная минута! Эй вы, боги с горячей кровью в жилах, помогите мне! Вспомни, старый Юпитер, тот день, когда ты сделался быком ради своей Европы. Любовь украсила и твою божественную голову рогами. О могущественная любовь! Зверя она превращает иной раз в человека, а человека — в зверя. Ты, Юпитер, превратился однажды в лебедя — помнишь, когда ты влюбился в Леду? О все-сильная любовь! Она заставила бога, отца богов, уподобиться глупой птице гусиной породы. «Он для коровы стал быком, а для гусыни — гусаком!» Ну уж если боги, полюбив, сидят точно на угольях, то чего же требовать от нас, бедных смертных! Что ка-

сается меня, то здесь, в Виндзоре, судьба превратила меня в рогатого оленя, — пожалуй, самого жирного в здешнем лесу. Помогите мне, Юпитер, охладите мою любовную горячку, чтобы я не растаял и не истек салом!.. Эй, кто там? Уж не моя ли легконогая лань?

Входят миссис Форд и миссис Пейдж.

Миссис Форд

Сэр Джон? Здесь ли ты, мой олень, мой рогатый красавец?

Фальстаф

Ах ты, моя лань с черным хвостиком! Пусть с неба вместо дождя сыплется картошка, пусть гром грянет песню о зеленых рукавах, пусть хлещет град из леденцов и метет сахарная метель, пусть разразится буря соблазнов и наслаждений — я ничего не боюсь, потому что я нашел приют на твоей груди! (*Обнимает миссис Форд.*)

Миссис Форд

Со мной вместе пришла сюда миссис Пейдж, мой милый!

Фальстаф

Ах, миссис Пейдж? Делите меня, как убитого оленя: каждой по окороку. Бока я оставлю себе, копыта — лесному сторожу, а рога завещаю вашим мужьям. Ну что, похож я на покойного лесничего? Похож на охотника Герна? Кажется, маленький плутишка Купидон вспомнил на этот раз, что он бог любви, и решил вознаградить меня за все прошлые испытания и бедствия!.. Дух Герна приветствует вас, прелестные дамы!

Слышатся звуки охотничьих рогов.

Миссис Пейдж

Но что там за шум?

Миссис Форд

Пусть небо просит наши грехи!

Фальстаф

Что бы это могло значить?

Миссис Форд и миссис Пейдж

Бежим, бежим!

Ф а л ь с т а ф

Видно, сам дьявол не желает моего грехопадения: должно быть, боится, как бы от жира моего адское пламя не спалило всю преисподнюю... Иначе зачем бы он стал мне так перечить!

Входят сэр Хью Эванс, одетый сатиром, духи и феи; среди них Пистоль, одетый хобгоблином, Анна Пейдж, одетая царицей фей, с восковыми свечками на головах.

А н н а П е й д ж

Слетайтесь, феи белые и черные,
Плясуньи ночи, месяцу покорные!
Вы, падчерицы роковых судьбин,
Места займите, соблюдая чин.
Пускай скликает вас хобгоблин, мой глашатай!

П и с т о л ь

С вас, эльфы, я начну. Потише. рой крылатый!
Сверчок, в дома виндзорские скачи!
Где не метён очаг, зола в печи,—
До черных синяков щипли хозяек.
Царица фей не жалуется лентяек.

Ф а л ь с т а ф

Что это? Феи, эльфы, гномы, черти?
Кто видит их, тот не избегнет смерти.
Хоть я и сам сейчас похож на духа,
Глаза прищурив, лягу я на брюхо!

Э в а н с

Где Бусинка? Лети и, коль в пути
Тебе случится девушку найти,
Что спать легла с молитвой троекратной,
Пошли ей сон младенчески приятный.
А тем, кто, не молясь, дерзнул уснуть,
Щипли бока, живот, колени, грудь!

А н н а П е й д ж

Спешите, эльфы! Из конца в конец
Вы облетите дремлющий дворец,
Усыпьте счастьем каждый пышный зал,
Чтоб до конца веков он устоял
Нетронутый, незыблемо-спокойный,
Достойнейших владетелей достойный.

Пускай цветы сладчайшие струят
На кресла Ордена свой аромат.
Пусть каждое сиденье, герб и щит
От разрушенья время сохранит.
Вы, феи луга, образуйте в пляске
Кружок, подобный Ордену Подвязки,
Зеленый, словно внешняя трава.
А из цветов сложите вы слова
«Ноппу soit qui mal у pense»¹, окраски
Такой же, как на Ордене Подвязки.
Пусть зеленеют буквы этих слов
Меж красных, синих, белых лепестков,
Как на шитье узорно-драгоценном
У рыцаря под согнутым коленом.
Спешите, феи! Вам язык цветов
Понятней всех на свете языков.
Внемлите мне. Сегодня ровно в час
Под дубом Герна будет пир у нас,
Как нам велит обычай наш старинный.

Э в а н с

Беритесь за руки и выступайте чинно.
Пусть светляки зажгут для нас скорей
Десятка два зеленых фонарей,
Пускай наш танец озарят их свечи...
Но, чур! Я чую запах человечесий!..

Ф а л ь с т а ф

Меня заметили. Спаси, господь,
Греховную и немощную плоть
От этого уэльского сатира!
Он съест меня, приняв за груды сыра.

П и с г о л ь

О гнусный червь, ты проклят до рожденья!

А н н а П е й д ж

Пускай для испытания огонь
Попробует лизнуть его ладонь.
Не тронет пламя праведного тела,
А если обожжет, так уж за дело!

П и с т о л ь

Эй, факелы!

¹ «Да будет стыдно тому, кто дурно об этом подумает» (франц.)— девиз английского Ордена Подвязки.

Э в а н с

Ну что ж, начнем
Бревно испытывать огнем.

Ф а л ь с т а ф

Ох! Ох! Ох! Ох!

А н н а П е й д ж

Нечист! Нечист! Порочной полон страсти!
Ну, если так, он будет в нашей власти.
Сложите, эльфы, песенку о нем,
Об этом старом, грузном волоките,
Испытывайте грешника огнем,
Его шиплите, жгите, щекочите!

Фси, танцуя, пробегают мимо Фальстафа, шиплют его и поют.

Ф е н п э л ь ф ы

Стыд и срам повесам,
Одержимым бессом,
Кто живет под властью
Духа сладострастья!
Если ты в себе зажег
Вожделенья огонек
И порочными мечтами
Распалил желаний пламя,—
Будем мы шипать, колоть
Взбунтовавшуюся плоть.
Здесь шипнем и там шипнем,
Будем жечь тебя огнем
До тех пор, пока погаснут
Сопмы звезд и месяц ясный!

(Переворачивают Фальстафа, щекочут и шиплют его.)

В продолжение этой сцены появляются Каюс, который убегает с феей в зеленом платье, Слендер, который убегает с феей в белом платье, и Фентон. Он убегает с Анной Пейдж. Звуки охотничьих рогов. Фальстаф встает и хочет бежать. Пейдж, Форд, миссис Пейдж и миссис Форд преграждают ему дорогу.

П е й д ж

Стой! Не уйдешь! Попался, толстый плут.
Ох, не к добру прикинулся ты Герном!

М и с с и с П е й д ж

Пора прервать веселую игру.
Достигли мы всего, чего желали.

Сэр Джон Фальстаф, что думаете вы
Теперь о нас, о женщинах виндзорских?
Не правда ли, ваш головной убор
В лесу уместней, чем в семейном доме?

Ф о р д

Ну что, сэр? Скажите по совести: кто из нас двоих оказался рогоносцем? Кто? Полюбуйтесь, мистер Брук: перед вами Фальстаф — рогатый мошенник. Вот его рога, мистер Брук. Он хотел отнять у Форда его жену и денежки, а познакомился только с его корзиной и с его дубиной, если не считать двадцати фунтов золотом, каковые сэр Джон Фальстаф не преминет возратить мистеру Бруку, если пожелает получить своих лошадей, которые взяты мистером Бруком в залог.

М и с с и с Ф о р д

Сэр Джон, нам с вами не повезло. Ни одно свидание нам не удалось. Я не возьму вас больше себе в любовники, но зато всегда буду считать своим оленем!

Ф а л ь с т а ф

Я вижу, что из меня уже сделали осла!

Ф о р д

Нет, вола. *(Показывает на рога.)* Оба доказательства налицо.

Ф а л ь с т а ф

Так это, значит, были не феи. Признаться, я и сам три-четыре раза подумал: тут что-то неладно!.. Однако нечистая совесть и внезапное помрачение ума заставили меня вопреки всякому здравому смыслу поверить в этот грубый балаган, в этих поддельных фей! Вот пример того, как умный человек может оказаться в дураках, ежели ум его занят глупостями!

Э в а н с

Сэр Джон Фальстаф, покайтесь в своих грехах, оставьте пути разврата, и тогда ни феи, ни пагубные страсти не будут больше терзать вашу грешную плоть!

Ф о р д

Хорошо сказано, отец сатир!

Э в а н с

А вам, мистер Форд, я желаю побольше ревности к нашей святой церкви и поменьше ревности к вашей жене!

Ф о р д

Клянусь, я больше не буду подозревать ее ни в чем, если только вы, ваше преподобие, не соблазните ее своей благочестивой проповедью.

Ф а л ь с т а ф

Уж не сидел ли я слишком долго на солнце и до того высушил свои мозги, что они больше не могут отличить правды от самого грубого обмана? Даже этот уэльский козел брыкает меня своим копытом. Как мог я позволить нахлобучить на себя дурацкий колпак? После этого мне остается только подавиться ломтиком жареного сыра!

Э в а н с

Из сыра, говорят, не выжмешь жира. А ваше чрево, сударь, туго набито жиром.

Ф а л ь с т а ф

Вот до чего я дожил! Выносить такие дурацкие шутки, да еще от кого? От человека, у которого во рту каша вместо английского языка! Этого одного довольно, чтобы положить конец старому доброму разврату и веселым ночным похождениям во всем нашем королевстве.

М и с с и с П е й д ж

А скажите мне, сэр Джон, по совести, как вы полагаете: ежели бы мы, замужние женщины, решились опрокинуть добродетель и принять на свою душу адский грех,— неужели бы мы выбрали для этой цели вас?

Ф о р д

Этакий пудинг из требухи! Этакий мешок сена!

М и с с и с П е й д ж

Этакий надутый пузырь!

П е й д ж

Старый потертый бурдюк с прокисшим вином!

Ф о р д

Лгун, злоречивый, как Сатана!

П е й д ж

Нищий, как Иов!

Ф о р д

И злой, как его жена!

Э в а н с

Раб всех смертных грехов — пьянства, чревоугодия, стяжания, прелюбодеяния, словоблудия, сквернословия... Трактирный завсегдатай, любовник винной бочки!

Ф а л ь с т а ф

Ладно, ладно, смейтесь надо мной, издевайтесь! Ваша взяла. Бейте лежачего. Мне даже нечего ответить этой уэльской фланелевой фуфайке. Само невежество топчет меня ногами. Делайте со мной что хотите!

Ф о р д

Что хотим? А вот мы сейчас поведем вас, сэр, в город Виндзор, к некоему мистеру Бруку. Вы у него, насколько мне известно, выудили немало денежек, обещая свести его с женой некоего мистера Форда. Вам придется вернуть должок сполна. Я полагаю, это будет для вас самым чувствительным наказанием из всех, какие вам пришлось испытать за последнее время!

П е й д ж

А впрочем, не унывай, рыцарь! Сегодня ночью я угощу тебя славным кубком вина за свадебным ужином, и у тебя будет случай вдоволь посмеяться над моей женой, которая сейчас так весело смеется над тобой. Ну-ка, ну-ка, скажи ей, что мистер Слендер только что женился на ее дочке Анне!

М и с с и с П е й д ж

Я знаю одного доктора, который мог бы с этим поспорить. *(Про себя.)* Если только Анна Пейдж и вправду моя дочь, то она сейчас уже стала докторшей Каюс.

С л е н д е р

(за сценой)

Ой, папаша Пейдж! О-го-го! Ау! *(Вбегает.)*

П е й д ж

Ну как, ну как, сынок? Сделано дело?

С л е н д е р

В том-то и дело, что до дела не дошло. Я подыму скандал на весь Глостершир! Пусть повесят меня, если не подыму скандала!

Пейдж

Да что же случилось, сынок?

Слендер

Я прихожу с ней в церковь венчаться, с вашей Анной Пейдж, и вдруг оказывается, что ваша Анна Пейдж — здоровенный мальчишка-почтальон. Не будь мы в церкви, перед алтарем, я бы его вздул... А может быть, и он — меня... Не сойти мне с этого места, если я не был уверен, что это мисс Анна Пейдж, а не мальчишка-почтальон!

Пейдж

Ах, черт возьми! Значит, ты ошибся?..

Слендер

Ясное дело, ошибся, если привел в церковь мальчишку вместо девочки. Хорошо еще, что нас не успели повенчать. Но, если бы даже повенчали, я бы ни за что не признал его своей женой!

Пейдж

Ты сам во всем виноват. Ведь я же тебе говорил, что Анна будет в белом платье!

Слендер

Он и был в белом платье, этот мальчишка. Я сказал: «Му-у!», а он сказал: «Бэ-э!», как мы и условились с вашей Анной. И все-таки оказалось, что он — не Анна Пейдж, а почтальон!

Миссис Пейдж

Дорогой муженек, не сердись на меня. Я узнала, что ты задумал, и потому велела Анне надеть не белое, а зеленое платье. В этом самом платье она только что повенчалась с доктором Каюс...

Входит Каюс.

Каюс

Где миссис Пейдж? Шорт бобри, меня обмануль! Я жениль на un garçon, на мальшик, un paysan, шорт бобри! Мальшик — это не Анна Пейдж. Шорт бобри, меня обмануль!

Миссис Пейдж

Как! Да ведь вы же увели ту, что была в зеленом?..

Каюс

Да, шорт бобри, и это биль мальшик, шорт бобри! Я весь Виндзор на ногу подниму! (*Уходит.*)

Форд

Странное дело! Кому же досталась настоящая Анна?

Пейдж

Сердце мое чует недоброе. Глядите-ка, мистер Фентон идет сюда!

Входят Фентон и Анна Пейдж.

Миссис Пейдж

И Анна с ним!

Анна

Прости меня, отец.

И матушка простит меня, надеюсь.

Пейдж

Погодите, сударыня. Сначала скажите, почему вы послушались моей воли и не последовали в церковь за мистером Слендером?

Миссис Пейдж

Почему ты обманула меня и не пошла венчаться с доктором Каюсом?

Фентон

Позвольте мне ответить за нее.
Не упрекайте дочь за непокорство
И за обман. Что было делать Анне?
Послушаться отца, обидев мать?
Иль материнской воле покориться
И оскорбить отца? Из двух мужей
Ни одного не смела выбрать Анна...
И, обещанье данное храня,
Она разумно выбрала меня.
Кого ж она при этом обманула?
Клянусь своею честью, никого!..
Обманом было бы — пред алтарем
В любви поклясться, если ты не любишь,
И проклинать потом отца и мать
И мужа-рогоносца проклинять!

Ф о р д

Ну что ж, соседи, дела не поправишь.
Что сделано, того не изменить.
На золото мы покупаем землю,
А жен сама судьба нам продает!

Ф а л ь с т а ф

И хорошо, что звонкая стрела,
Летя в меня, другую цель нашла!

П е й д ж

Да, это верно. Дорогой мой Фентон,
Да ниспошлют вам радость небеса.
Пусть неизбежное желанным будет!

Ф а л ь с т а ф

В почвом лесу охотничьи собаки
Нечаянно вспугнут любую дичь.

М и с с и с П е й д ж

Пора и мне с судьбою примириться.
Мой милый зять, будь счастлив с нашей Анной.
Прошу я всех пожаловать в мой дом
И там перед семейным очагом
За кружками веселых вин заморских
Отпраздновать победу жен виндзорских.

Ф о р д

Пусть будет так. А все-таки был прав,
Давая клятву мне, сэр Джон Фальстаф:
Бедняге Бруку обещал он твердо
Соединить его с женою Форда!

Уходят.

ГЕНРИХ V

Перевод
Е. БИРУКОВОЙ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Король Генрих V.

Герцог Глостер } братья короля.
Герцог Бедфорд }

Герцог Эксетер, дядя короля.

Герцог Йоркский, двоюродный брат короля.

Граф Солсбери.

Граф Уэстморленд.

Граф Уорик.

Архиепископ Кентерберийский.

Епископ Шийский.

Граф Кембриджский.

Лорд Скруп.

Сэр Томас Грей.

Сэр Томас Эрпингем }

Гауэр

Флюэллен

Мак-Моррис

Джеми

} офицеры армии
короля Генриха.

Бетс

Корт

Уильямс

} солдаты.

Пистоль.

Ним.

Бардольф.

Мальчик.

Герольд.

Карл VI, король французский.

Людовик, дофин.

Герцог Бургундский.

Герцог Орлеанский.

Герцог Бурбонский.

Коннетабль Франции.

Рамбюр
Гранпре } французские вельможи.
Комендант Гарфлера.
Монжуа, французский герольд.
Французские послы.
Изабелла, королева французская.
Екатерина, дочь Карла и Изабеллы.
Алиса, придворная дама Екатерины.
Хозяйка трактира в Истчипе (бывшая миссис
Куикли, недавно ставшая женой Пистоля).
Хор.

Лорды, леди, офицеры, солдаты,
горожане, гонцы, слуги.

Место действия — Англия и Франция.

А К Т I

П Р О Л О Г

Входит Хор.

Хор

О, если б муза вознеслась, пылая,
На яркий небосвод воображенья,
Внушив, что эта сцена — королевство,
Актеры — принцы, зрители — монархи!
Тогда бы Генрих принял образ Марса,
Ему присущий, и у ног его.
Как свора псов, война, пожар и голод
На травлю стали б рваться. Но простите,
Почтенные; что грубый, низкий ум
Дерзнул вам показать с подмостков жалких
Такой предмет высокий. И вместили ли
Помост петуший — Франции поля?
Вместит ли круг из дерева те шлемы,
Что наводили страх под Азинкуром?
Простите! Но значки кривые могут
В пространстве малом представлять миллион.
Позвольте ж нам, огромной суммы цифрам,
В вас пробудить воображенья власть.
Представьте, что в ограде этих стен
Заключены два мощных государства,
Что поднимают гордое чело
Над разделившим их проливом бурным.

Восполните несовершенства наши,
Из одного лица создайте сотни
И силой мысли превратите в рать.
Когда о конях речь мы заведем,
Их поступь гордую вообразите;
Должны вы королей облечь величьем,
Переносить их в разные места,
Паря над временем, сгущая годы
В короткий час. Коль помощи хотите,
Мне, Хору, выступить вы разрешите.
Я, как Пролог, прошу у вас терпенья,
Вниманья к пьесе, доброго сужденья!

(Уходит.)

С Ц Е Н А 1

Лондон. Передняя в королевском дворце.

Входят архиепископ Кентерберийский и епископ Илийский.

Архиепископ Кентерберийский

Милорд, узнайте: вновь грозит нам биль,
Рассмотренный при короле покойном
В одиннадцатый год его правленья;
Лишь смуты и раздоры прекратили
В палате общин прения о нем.

Епископ Илийский

Но как, милорд, сопротивляться нам?

Архиепископ Кентерберийский

Обдумать должно. Если биль пройдет,
Утратим мы владений половину:
Все земли, благочестием мирян
Завещанные церкви, отберут;
На их доходы будут содержать
Штат короля: пятнадцать знатных графов,
Пятнадцать сотен рыцарей, а также
Шесть тысяч двести избранных эсквайров;
А для призренья нищих, престарелых,
Убогих, непригодных для трудов
Построят сто прекрасных богаделен;
И каждый год вносить в казну мы будем
Червонцев тысячу — так биль гласит.

Епископ Илийский

Глоток изрядный!

Архиепископ Кентерберийский

Он осушит чашу.

Епископ Илийский

Но что же предпринять?

Архиепископ Кентерберийский

Король наш милостив и благосклонен.

Епископ Илийский

И чтит он искренне святую церковь.

Архиепископ Кентерберийский

Он в юности добра не обещал.

Едва отца дыханье отлетело,

Как необузданные страсти в сыне

Внезапно умерли; и в тот же миг,

Как некий ангел, появился разум

И падшего Адама прочь изгнал,

Преображая тело принца в рай,

Обитель чистую небесных духов.

Никто так быстро не обрел ученость

И никогда волна прекрасных чувств

Так бурно не смывала злых пороков,

И гидра своеволя никогда

Так быстро недр души не покидала,

Как в этот раз.

Епископ Илийский

Отрадна перемена!

Архиепископ Кентерберийский

Послушайте, как судит он о вере,—

И в изумление станете желать,

Чтобы король наш сделался прелатом.

Заговорит ли о делах правленья,—

Вы скажете, что в этом он знаток.

Войны ль коснется, будете внимать

Вы грому битвы в музыкальных фразах.

Затроньте с ним политики предмет,—

И узел гордиев быстрее подвязки

Развяжет он. Когда он говорит,
Безмолвен воздух, буйный ветрогон,
И люди, онемев от изумленья,
Дух затая, медвяной речи внемлют.
И кажется, теорию его
Искусство жизни, практика взрастила.
Непостижимо, где обрел он мудрость.
Он склонен был к беспутным развлеченьям
В компании невежд пустых и грубых;
В пирах, забавах, буйствах дни текли;
К науке рвенья он не проявлял;
Не знал уединенья, не чуждался
Публичных шумных мест, простонародья.

Епископ Илийский

Растет среди крапивы земляника;
Прекрасно зреют сладкие плоды
Вблизи других, неблагородных ягод.
Так размышленья долго прятал принц
Под маской буйства; без сомненья, разум
В нем возрастал, как травы по ночам,
Незримо, но упорно развиваясь.

Архиепископ Кентерберийский

Должно быть, так. Пора чудес прошла,
И мы теперь должны искать причину
Всему, что происходит.

Епископ Илийский

По, милорд,
Что предпринять для устранения билля,
Палатой принятого? Что, король —
За или нет?

Архиепископ Кентерберийский

Как будто равнодушен,
Но все ж скорее нас поддержит он,
Чем притязанья сгороны противной.
Его величеству я предложил
От имени церковного собора —
Ввиду французских дел, о чем беседу
Я с государем только что имел, —
Внести ему значительную сумму,
Крупнее, чем когда-либо давало
Его предшественникам духовенство.

Епископ Илийский

Как предложение принял он, милорд?

Архиепископ Кентерберийский

Его величество был благосклонен
И проявил заметный интерес,
Хоть не успел в подробностях дослушать
Обоснованье прав его законных
На герцогства различные и графства
И даже на французскую корону —
Тех прав, что прадед Эдуард оставил.

Епископ Илийский

Что ж помешало королю дослушать?

Архиепископ Кентерберийский

В тот миг посол французский попросил
Аудиенции. Теперь, наверно,
Настал приема час. Четыре било?

Епископ Илийский

Да.

Архиепископ Кентерберийский

Тогда пойдем, чтоб выслушать посла;
Хоть я заранее могу сказать,
О чем француз там будет говорить.

Епископ Илийский

Идем. И я хочу его послушать.

Уходит.

СЦЕНА 2

Там же. Приемный зал.

Входят король Генрих, Глостер, Бедфорд, Эксетер, Уоррик, Уэстморленд и свита.

Король Генрих

Где благородный лорд Кентерберийский?

Эксетер

Его здесь нет.

Король Генрих

За ним пошлите, дядя.

Уэстморленд

Позвать ли нам посла, мой государь?

Король Генрих

Повременим, кузен. Сначала надо
Решить один вопрос, весьма серьезный,
Что Франции касается и нас.

Входят архиепископ Кентерберийский и епископ
Илийский.

Архиепископ Кентерберийский

Храни господь священный ваш престол
И вас на много лет!

Король Генрих

Благодарим.

Ученый лорд, мы просим разъяснить нам,
Согласно праву и воззрениям церкви,
Препятствует ли нашим притязаньям
На Францию Салический закон.
Но сохрани вас бог, мой верный лорд,
Ученость вашу извратить лукавством
И на душу тяжелый грех принять,
Ссылаясь тут на мнимые права,
Противоречание в корне правде.
Известно богу, сколько унесет
Цветущих жизней роковая распря,
Которую вы пробудить готовы.
Итак, подумайте, на что обречь
Хотите нас, понудив меч поднять.
Во имя бога, будьте осторожны!
При столкновенье двух таких держав
Рекой прольется кровь. А кровь безвинных
Отмщенья жаждет, к небу вопиет,
Кляня того, кто наточил мечи,
Скосившие цветы короткой жизни.
С таким условием прошу начать,
А мы послушаем, всем сердцем веря,
Что совестью омыта ваша речь,
Как первородный грех — крещеньем.

Внимайте же, мой добрый государь,
 Внимайте, пэры, призванные жизнь
 Отдать престолу. Притязаньям вашим
 Преградой служит лишь один закон,—
 Его приписывают Фарамонду:
 «In terram Salicam mulieres ne succedant» —
 «В земле Салийской нет наследниц женщин».
 Ошибочно французы почитают
 Ту землю Францией, а Фарамонда —
 Создателем запрета женских прав.
 Но признают их авторы правдиво,
 Что та земля Салийская лежит
 В Германии, меж Эльбою и Залой;
 Там Карл Великий, покоривший саксов,
 На их угодьях франков поселил,
 А те, германских женщин презирая
 За их распущенное поведенье,
 Закон установили, что лишил
 В земле Салийской женщин прав наследства.
 И та земля, меж Эльбою и Залой,
 Теперь в Германии зовется Мейссен.
 Как видите, Салический закон
 Не предназначен для страны французской.
 Землей Салийской франки завладели
 Спустя четыреста и двадцать лет
 По смерти Фарамонда короля,
 Которому закон приписан ложно;
 Скончался он от рождества Христова
 В четыреста двадцать шестом году.
 А Карл Великий саксов покорил
 И поселил за тою Залой франков
 В году восемьсот пятом. Утверждают
 Их авторы, что свергший Хильдерика
 Пипин Короткий предъявил права
 На Франции корону как потомок
 Блितхильды, дщери Лотаря законной.
 Гуго Капет, похитивший корону
 У Карла Лотарингского, что был
 Карла Великого прямым потомком,—
 Желая тенью права подкрепить
 Свой титул,— стал производить свой род
 (Хотя неверно в корне) от Лингары —
 От Карломана дочери и внучки

Людовика, что сыном был родным
Карла Великого. Вот почему
Покою не было на гордом троне
Потомку узурпатора Капета,
Людовику Десятому, пока он
Не доказал, что род его от бабки,
Прекрасной королевы Изабеллы,
Восходит к королеве Эрменгарде,
Что Карлом Лотарингским рождена.
Через брак ее опять взошло потомство
Карла Великого на трон французский.
Итак, нам ясно, как сиянье дня,
Что притязанья короля Пипина,
Капета и Людовика всецело
Основаны на силе женских прав.
Так и теперь во Франции ведется,
Хотя они Салический закон
И ставят вам преградой, государь.
Они барахтаться в своих сетях
Предпочитают, чем лишиться прав,
Похищенных у вас и ваших предков.

К о р о л ь Г е р р и х

Могу я с чистой совестью, по праву
Потребовать, что мне принадлежит?

А р х и е п и с к о п К е н т е р б е р и й с к и й

Пусть будет грех на мне, мой государь!
Написано в священной Книге Числ,
Что если сын умрет, то переходит
Наследство к дочери. Властитель мой,
Восстаньте, взвейте ваш кровавый стяг!
На мощных предков обратите взор;
И на могиле прадеда-героя,
Вам давшего на Францию права,
Его бесстрашный дух вы призовите
И деда, Принца Черного Эдварда,
Который, разгромив войска французов,
Трагедию на славу разыграл,
В то время как отец его могучий
С холма взирал с улыбкою, как львеюк
Ручьями проливал французов кровь.
Тогда хватило нашим храбрецам
Лишь половины силы для победы,

Меж тем как половина войск другая
Стояла праздно и, смеясь, глядела!

Епископ Илийский

О, вспомните о славных мертвецах!
Их подвиги для мира воскресите!
Вы унаследовали их престол.
Их кровь геройская и в ваших жилах
Струится. О могучий государь!
Вы на заре весенних дней созрели
Для подвигов и грозных предприятий.

Эксетер

Все братья-короли, земли владыки,
Ждут с нетерпеньем, чтоб восстали вы.
Подобно львам отважным, вашим предкам.

Уэстморленд

Все знают, государь, что есть у вас
И сила и права; и ни один
Король английский не имел доселе
Дворян — богаче, подданных — верней.
Здесь, в Англии, теперь лишь их тела,
Сердца же их во Францию стремятся.

Архиепископ Кентерберийский

Так и телам туда лететь велите,
Чтобы на трон французский ваше право
Огнем, мечом и кровью подтвердить!
И церковь, чтобы в этом вам помочь,
Готова вам вручить такую сумму,
Какой еще ни разу не давало
Предшественникам вашим духовенство.

Король Генрих

Нам предстоит не только снарядить
Войска в поход, но часть оставить дома,
Чтоб дать отпор шотландцам: не замедлят
Они ворваться к нам.

Архиепископ Кентерберийский

Охрана пограничная должна,
Мой государь, служить стеной защитной,
Путь пресекая хищникам в страну.

К о р о л ь Г е н р и х

Не о грабителях мы речь ведем,—
Страшимся мы набега войск шотландских.
Шотландец был всегда сосед неверный.
История гласит, что всякий раз,
Как прадед мой во Францию вторгался,
В страну незащищенную шотландцы
Врывались, как поток в разлом плотины,
Напором буйным полнокровных сил,
Злосчастный край набегами терзали
И осаждали крепости и замки;
Вся Англия, лишенная защиты,
Перед соседом буйным трепетала.

А р х и е п и с к о п К е н т е р б е р и й с к и й

Он причинял скорее страх, чем вред.
Нам родина такой дает пример:
Когда все рыцарство ушло сражаться
Во Францию, го горькая вдова
Не только защитить себя сумела,
Но захватила короля шотландцев,
Как зверя, и во Францию послала,
Эдварда новым лавром увенчав
И уподобив хронику свою
Сокровищнице, славою богатой,
Как тинистого моря дно богато
Сокровищами с кораблей погибших.

У э с т м о р л е н д

Старинная пословица права:
«Коль хочешь Францию сломить,
Сумей Шотландию разбить».
Едва орел английский улетит,
В его гнездо шотландец лаской хищной
Крадется — царственных яиц вкусить;
И, словно мышь в отсутствие кота,
Не столько съест он, сколько перепортит.

Э к с е т е р

Итак, остаться дома должен кот?
Но в этом нет потребности насущной.
У складов наших — прочные замки
И для воришек славные капканы.
Пока рука за рубежом воюет,

Дом головою мудрою храним;
Все члены государства, от крупнейших
До самых мелких, действуют в согласье;
К финалу стройному они стремятся,
Как музыка.

Архиепископ Кентерберийский

Недаром в государстве
Труды сограждан разделило небо,
Усилия всех в движенье привело,
Конечной целью смертным указав
Повиновение. Так трудятся пчелы,
Создания, что людную страну
Порядку мудрому природы учат.
У них король и разные чины:
Одни, как власти, управляют ульем,
Ведут торговлю вне его другие,
А третьи, с острым жалом, как солдаты,
В набегах грабят пышные цветы,
И весело летят они с добычей
В палату властелина своего:
А он, сосредоточен, величав,
Следит, как рой строителей поющих
Возводит дружно своды золотые.
Заготавливают горожане мед,
И бедняки-носильщики толпятся
С тяжелой ношею в воротах тесных;
Суровое вручает правосудье
С гуденьем грозным бледным палатам
Ленивого, зевающего трутня.
Так вещи, однородные в основе,
Свершаться могут разными путями:
Как стрелы с разных точек в цель летят,
Как ряд путей ведет в единый город,
Как много рек в одно впадает море,
Как в центре круга многих линий встреча,—
Так тысячи предпринятых шагов
Приводят к одному с успехом полным.
Итак, во Францию, властитель мой!
Вы разделите на четыре части
Весь свой народ. Одну с собой возьмите,—
И Галлия пред вами затрепещет.
И если мы на родине без вас
С тройною силой пса прогнать не сможем,—

Пусть разорвет он нас и пусть навек
Утратим мы былую нашу славу.

К о р о л ь Г е н р и х

Послов дофина позовите к нам.

Несколько слуг уходят.

Решились мы, и с помощью господней
И вашей, доблестные наши мышцы,
Повергнем Францию к своим стопам,
Иль разорвем ее в клочки и станем
На троне Франции строною править
И герцогствами гордыми ее,
Иль прах свой мы в бесславной урне сложим,
И не воздвигнут в память нас гробницы.
Одно из двух: иль славу возгласит
Потомство нам, или могила наша,
Как турок с вырезанным языком,
Немою будет, надписи лишенной.

Входят французские послы.

Теперь готовы мы принять привет,
Что нам дарит дофин, кузен прекрасный;
Ведь им вы посланы, не королем.

П е р в ы й п о с о л

Угодно ль вам, о государь, чтоб мы
Свободно высказали вам посланье,
Иль передать вам в сдержанных словах
Лишь общий смысл послания дофина?

К о р о л ь Г е н р и х

Король мы христианский, не тиран,
И наши страсти разуму подвластны
И скованы, как пленники в тюрьме.
А потому — без страха передайте
Нам речь дофина.

П е р в ы й п о с о л

Вкратце вот она.

Вы, государь, через послов недавно
Потребовали некоторых герцогств
Во имя прав великого Эдварда.
В ответ на это принц, наш повелитель,
Вам говорит, что юность бродит в вас;

Он просит вам сказать, что не добьетесь
Вы ничего у нас веселой пляской,
И герцогства вам не добыть разгулом;
Поэтому он посылает вам
Сокровищ бочку, зная ваши вкусы
И требуя взамен, чтоб вы отныне
Про герцогства не заводили речь.

Король Генрих
(*Эксетеру*)

Какой там дар?

Эксетер
(*открыв бочонок*)
Для тенниса мячи.

Король Генрих

Мы рады, что дофин так мило шутит.
Ему — за дар, вам — за труды спасибо.
Когда ракеты подберем к мячам,
Во Франции мы партию сыграем,
И будет ставкою отцов корона.
Скажите, что затеял он игру
С противником, который устрашит
Все Франции дворы игрой. Мы видим:
На буйства дней былых он намекает,
Не зная, что из них мы извлекли.
Мы не ценили бедный трон английский:
Живя на стороне, мы предавались
Разгулу буйному. Ведь так ведется:
Вдали от дома людям веселей.
Скажите же ему: по-королевски
Я подниму величья паруса,
Когда взойду на мой французский трон;
Для этой цели, отстранив величье,
Трудился и корпел я, как поденщик;
Но я восстану и сияньем славы
Во Франции все взоры ослеплю;
Ослепнет сам дофин, смотря на нас.
Скажите принцу, что мячи насмешкой
Он в ядра пушечные превратил
И тяжким будет для него отмыщенье,
Что принесут они; насмешка эта
Разлучит много тысяч жен с мужьями,
С сынами — матерей, разрушит замки,—

И поколения, что в мир придут,
Проклятью шутку принца предадут.
Но это все еще в руках господних;
Я призову его. Во имя бога,
Скажите принцу: скоро я приду,
И отомщу, и праведной рукой
Свое святое дело сотворю.
Идите с миром и скажите принцу,
Что острота его утратит соль,
Когда заплачет от нее народ.—
С охраной проводите их.— Прощайте.

Французские послы уходят.

Эксетер

Веселое посланье!

Король Генрих

Пославшего мы покраснеть заставим.
Итак, не будем времени терять —
Подготовляться мы начнем к походу.
Теперь о Франции все наши мысли
И о творце, который нас ведет.
Поэтому все силы надлежит
Нам для войны собрать и все обдумать,
Что нам поможет быстро окрылить
Наш будущий успех. Во имя бога,
Накажем принца у его порога!
И должен каждый силы приложить,
Чтоб это дело славное свершить.

Трубы.

Уходят.

А К Т II

П Р О Л О Г

Входит Хор.

Хор

Теперь вся наша молодежь в огне;
Наряды шелковые — в сундуках,
И оружейники теперь в почете;
О славе помыслы в груди у всех;
Луга сбывают, чтоб купить коней.
За образом всех королей стремятся
Меркурии наши, окрылив пяты.
Над ними реет в вышине Надежда
И держит меч, который весь унизан
Коронами различных величин —
Для Гарри и сподвижников его.
Из верного источника проведая
Об этих грозных наших снаряженьях.
Дрожит француз и хитрою интригой
Разрушить хочет планы англичан.
О Англия! Ты дивный образец
Величия душевного! Геройский
Великий дух таишь ты в малом теле,
Какие подвиги ты б совершила,
Будь все твои сыны тебе верны!
Но вот вина твоя: нашел француз

В тебе гнездо пустых сердец и тщится
Их гнусными червонцами набить.
Три подлеца: одив — граф Ричард Кембридж,
Другой — лорд Генри Скруп Мешемский, третий —
Сэр Томас Грей, нортемберлендский рыцарь,
Продав себя (о, страшная вина!),
Вступили в заговор с врагом трусливым.
Коль сдержит слово яд и преступленье,
От их руки падет краса монархов
В Саутемптоне, до своего отплытья.
Терпенья наберитесь. Мы на сцене
Вам разных мест подобие представим.
Уплачено убийцам. План созрел.
Король покинул Лондон; и теперь,
Почтенные, мы перейдем в Саутемптон;
Там наш театр; там будете и вы.
Оттуда вас во Францию доставим,
Затем назад примчим, для переправы
Смирив пролив. Мы не хотим нимало,
Чтоб вам от нашей пьесы тошно стало.
Но, лишь когда король свой путь пройдет,
В Саутемптон наша сцена перейдет.

(Уходит.)

С Ц Е Н А 1

Лондон. Улица.

Входят капрал Ним и лейтенант Бардольф.

Бардольф

Здорово, капрал Ним.

Ним

Доброго утра, лейтенант Бардольф.

Бардольф

Что, примирился ты с прапорщиком Пистолем?

Ним

И не думал. Я больше помалкиваю. Но очень может статься, что будет у нас потеха. А впрочем, будь что будет. В драку я не лезу, по уху держу востро и меч наготове. Он у меня не из

важных, но что из того! На нем всегда можно поджарить кусок сыра, да и мороз он выдержит не хуже любого клинка, в этом вся соль.

Бардольф

Вот я угощу вас завтраком, да и примирю, и мы все трое махнем во Францию закадычными друзьями. Не упрямся, добрый капрал Ним.

Ним

Ей-богу, я буду жить, пока живется, уж это как пить дать. А когда станет жить невмоготу, я уж как-нибудь да вывернусь. Вот тебе и весь мой сказ.

Бардольф

Всем известно, капрал, что он женился на Нелль Куикли. А она, ясное дело, скверно с тобой обошлась: ведь она была с тобой помолвлена.

Ним

Ничего я не знаю. Будь что будет. Иной раз люди спят, а горло у них в целости; а ведь говорят — у ножей острое лезвие. Уж чему быть, того не миновать. Терпение, хоть и заморенная кляча, а все-таки тащится себе рысцой. Уж чем-нибудь это все да кончится. Ей-богу, ничего я не знаю.

Входят Пистоль и хозяйка трактира.

Бардольф

А вот и прапорщик Пистоль со своей женой. Добрый капрал, не горячись.— Ну как дела, хозяин Пистоль?

Пистоль

Хозяин я тебе, прохвост?

Клянусь рукой, мне гнусно это имя!

Не будет Нелль держать жильцов.

Хозяйка

Нет, честное слово, я это дело скоро брошу. Вздумай только дать приют и стол каким-нибудь десяти приличным женщинам, которые честно зарабатывают себе на хлеб иглой, и все кругом начнут кричать, что у тебя публичный дом.

Ним и Пистоль обнажают мечи.

Пресвятая дева! Уж он схватился за оружие! Сейчас мы увидим страшное убийство и кровосмешение!

Бардольф

Добрый лейтенант, добрый капрал, не затевайте ссоры!

Ним

ТЬфу!

Пистоль

ТЬфу, шавка на тебя. Исландский пес паршивый!

Хозяйка

Добрый капрал Ним, докажи свое мужество и вложи меч в ножны.

Ним

Отвяжись! — Попадись ты мне solus¹!

Ним и Пистоль вкладывают мечи в ножны.

Пистоль

Solus, паршивый пес? Ах ты, гадюка!
Тебе я solus в рожу закачу,
Дам в зубы solus, в глотку загоню,
И в легкие поганые, и в брюхо,
И, что похуже, — в пакостную пасть!
Я солуса всажу тебе в кишки.
Палить я мастер; вот нажму курок, —
И вылетит огонь.

Ним

Я тебе не Барбазон, и от меня не отделаешься заклятьями. У меня руки чешутся поколотить тебя хорошенько. Если ты вздумаешь лаяться, Пистоль, я здорово отделаю тебя своей рапирой; а станешь удирать — выпущу тебе в лучшем виде кишки. В этом вся соль.

Пистоль

Хвастуня проклятый! Бешеная тварь!
Зияет пасть могилы, смерть близка.
Итак, издохни!

Пистоль и Ним обнажают мечи.

¹ Оди́в. (Лат.)

Бардольф

Слушайте, слушайте, что я вам скажу: тому, кто первый ударит, я всажу в грудь меч по самую рукоятку. Клянусь честью солдата! (*Обнажает меч.*)

Пистоль

О, клятва грозная! Она умерит гнев.

(*Ниму.*)

Дай мне кулак, дай лапу мне твою;
Ты мужествен душой.

Ним

Я тебе в 'лучшем виде перережу глотку — не сегодня, так завтра. В этом вся соль.

Пистоль

Couple a gorge!¹

Тебя я вызываю вновь на бой!

О критский пес! Ты вздумал подобраться

К моей жене? Нет, в госпиталь ступай

И там из бочки смрадного позора

Достань чуму из племени Крессиды,

Долль Тершит имя ей; на ней женись!

A quondam² Куикли будет навсегда

Моей супругой. Рауса!³ Будет с нас.

Входит мальчик.

Мальчик

Хозяин Пистоль, идите скорей к моему господину, и вы, хозяйка, тоже. Он совсем расхворался и хочет лечь в постель.— Добрый Бардольф, сунь-ка свой нос в его простыни и согрей его вместо грелки. Право, ему очень плохо.

Бардольф

Пошел вон, плут!

¹ Выражение, означающее «головорез». (*Франц., искаж.*)

² Некогда (*лат.*), то есть бывшая, до брака своего с Пистолем, после чего она переименовала фамилию.

³ Мало (*лат.*), то есть довольно слов.

Х о з я й к а

Честное слово, не сегодня-завтра он станет колбасой для ворон. Король разбил ему сердце.— Добрый муженек, приходи скорей.

Х о з я й к а и мальчик уходят.

Б а р д о л ь ф

Ну как мне вас помирить? Ведь мы должны вместе ехать во Францию, так какого черта мы будем резать друг другу глотку?

П и с т о л ь

Разлейтесь бурно, реки! Войте, черти!

Н и м

Одашь ты восемь шиллингов, что проиграл мне, когда бился об заклад?

П и с т о л ь

Тот подлый раб, кто платит!

Н и м

Сейчас же выкладывай деньги! В этом вся соль.

П и с т о л ь

Пусть мужество решит, кто прав. Держись!

(Обнажает меч.)

Б а р д о л ь ф

Клянусь мечом, я уложу на месте того, кто нанесет первый удар! Клянусь мечом, уложу!

П и с т о л ь

Меч — это клятва. Надо верить клятвам.

Б а р д о л ь ф

Помирись с капралом Нимом; да ну же, помирись. А если не желаешь с ним мириться, то будешь и мне врагом. Прошу тебя, брось ты эту ссору.

Н и м

Получу я восемь шиллингов, что ты мне проиграл?

П и с т о л ь

Получишь ты немедля целый нобль;
В придачу водку от меня получишь,
И будет дружба, братство между нами:
Для Нима стану жить, он — для меня.
Так должно быть. При войске маркиантом
Пристроюсь, буду деньги наживать.
Дай руку мне.

Н и м

А получу я свой нобль?

П и с т о л ь

Получишь чистоганом.

Н и м

Ладно, коли так. В этом вся соль.

Входит х о з я й к а.

Х о з я й к а

Ради всего святого, идите скорей к сэру Джону. Ах, бед-
няжка! Его так трясет ежедневная перемежающаяся лихорадка,
что жалко смотреть. Милые мои, идите к нему.

Н и м

Король сорвал свой гнев на рыцаре,— в этом вся соль.

П и с т о л ь

Сказал ты правду, Ним:
В нем сердце треснуло, вконец разбито.

Н и м

Наш король — добрый король; но ничего не поделаешь, на
него иной раз находят капризы и причуды.

П и с т о л ь

Угешим рыцаря и будем жить, ягнятки!

Уходят.

СЦЕНА 2

Саутемптон. Зал Совета.

Входят Эксетер, Бедфорд и Уэстморленд.

Бедфорд

Скажу, как перед богом: наш король
Предателям доверился беспечно.

Эксетер

Должны их скоро всех арестовать.

Уэстморленд

А с виду так спокойны и смиренны,
Как будто преданность в груди несут,
Увенчанную верностью примерной.

Бедфорд

О заговоре королю известно,—
Их письма удалось перехватить.

Эксетер

Как! Человек, что ложе с ним делил
И милостями был осыпан щедро,
Подкуплен недругами и задумал
Предательски монарха умертвить!

Трубы.

Входят король Генрих, Скруп, Кембридж, Грей и приближенные.

Король Генрих

Попутный ветер дует. Поспешим! —
О лорд мой Кембридж, добрый лорд Мешемский
И вы, о рыцарь, дайте мне совет:
Как думаете, смогут наши силы
Сквозь рать французов проложить свой путь
И совершить великие деянья.
Ради которых мы собрали их?

Скруп

Да, государь, коль долг исполнит каждый.

Король Генрих

Сомнений нет у нас; мы твердо верим,
Что сердце каждого, кто едет с нами,

В согласье дружном с нашим сердцем бьется,
А души гех, кто остается дома,
Желают нам успеха и побед.

К е м б р и д ж

О государь, такой любви и страха
Монарх еще доселе не внушал.
Никто не знает скорби и тревог
Под сенью сладостной державы вашей.

Г р е й

И даже вашего отца враги
Сменили желчь па мед и служат вам,
Исполненные верности и рвенья.

К о р о л ь Г е н р и х

За это мы премного благодарны.
Скорей забудем мы свои заслуги,
Чем по заслугам наградить забудем
И в полной мере каждому воздать.

С к р у п

Стальные мышцы напряжет усердье,
И никому не в тягость будет труд:
Ведь всякий рад служить вам неустанно.

К о р о л ь Г е н р и х

Так мы и мыслим.— Дядя, отпустите
Преступника, что взят вчера в тюрьму
За оскорбление особы нашей;
Мы думаем: вино тому причиной;
Теперь он трезв, и мы его прощаем.

С к р у п

Такое милосердие опасно:
Пусть понесет он кару, чтоб других
Не заразил своим дурным примером.

К о р о л ь Г е н р и х

О, дайте проявить нам милосердье!

К е м б р и д ж

Тогда ему смягчите наказание.

Грей

Ему окажете большую милость,
Подвергнув каре и даруя жизнь.

Король Генрих

Ах! Вы в своей любви ко мне чрезмерной —
Защитники плохие для бедняги.
Но, если мы пощады не дадим
Вине случайной, как судить мы станем
То преступленье тяжкое, что крепко
Обдуманно, рассчитано, созрело? —
Я все-таки прошу того беднягу,
Хоть Кембридж, Грей и Скруп в своем усердьи
И в нежном попечении о нас
Хотели б кары. — К Франции вернемся.
Кто должен полномочья получить?

Кембридж

Я, государь;
Вы приказали вам о том напомнить.

Скруп

А также я, мой добрый властелин,

Грей

И я, мой повелитель.

Король Генрих

Граф Кембриджский, вот полномочье вам;
А также вам даю, лорд Скруп Мешемский,
И вам, сэр Грей, нортемберлендский рыцарь.
Прочтите их. Я знаю цену вам. —
Лорд Уэстморленд, кузен мой, нынче в ночь
Мы отплывем. — Что с вами, господа?
Что увидали вы в бумагах этих?
Вы побледнели? Что за перемена! —
Их лица — как бумага. — Что прочли вы?
Что напугало вас и с ваших лиц
Прогнало кровь?

Кембридж

Я признаю вину
И отдаю себя на вашу милость.

Грей и Скруп

Мы все взываем к ней!

Король Генрих

Она жила в нас час назад; но вы
Убили в нас ее своим советом.
Для вас позор — о милости молить!
Все ваши доводы на вас восстали,
Как на хозяев — псы, терзая вас. —
Смотрите ж, принцы, доблестные пэры.
На этих извергов английских! Вот он —
Лорд Кембридж. Вам известно, мы всегда
В своей любви почетом окружали
Высокий сан его. А он, польстившись
На горсть ничтожных крон, легко вступил
С врагами в заговор, поклявшись им
Здесь, в Хемптоне, меня убить. Поклялся
И этот рыцарь, нашей доброте
Не менее обязанный, чем Кембридж. —
О, что скажу тебе, лорд Скруп, жестокий,
Неблагодарный, дикий человек?
Ты обладал ключами тайн моих;
Ты ведал недра сердца моего;
Ты мог бы, если бы пришло желанье,
Меня перечеканить на червонцы.
Возможно ли, чтоб удалось врагу
Исторгнуть из тебя хоть искру зла,
Способную лишь палец повредить мне?
Хоть правда выступает предо мной,
Как черное на белом, — глаз не верит.
Идут измена и убийство рядом,
Как пара дружных дьяволов в ярме.
Работа их бесхитростна, груба
И не исторгнет крика изумленья;
Но ты, рассудку вопреки, заставил
Убийству и предательству дивиться!
И хитрый дьявол, что тебя толкнул
На это безрассудное деянье,
Отличия добьется в преисподней.
Все дьяволы, внушители измен,
Преступные деянья прикрывают
Заплатами, являющими блеск
И образ добродетели прекрасной;
Но тот, кто соблазнил тебя восстать,

Не дал тебе предложения для измены,
Лишь именем предагателя прельстив.
И, если демон, соблазнитель твой,
Весь мир пройдет, как лев, ища добычу,—
Вернувшись в Тартар, скажет он собратьям:
«Ничьей души отпыне не пленить
Мне так легко, как этого британца».
О, как во мне доверье подозреньем
Ты отравил! Мы ценим верных долгу,—
Ты был таким. Мы ценим лиц ученых,—
Ты был таким. Мы ценим родовитых,—
Ты был таким. Мы ценим крепких верой,—
Ты был таким. Мы ценим лиц воздержных,
Свободных от разгула, гнева, страсти,
Душою стойких, неподвластных крови,
Украшенных дарами совершенства,
Приемлющих свидетельства очей
И слуха лишь по зрелом обсужденье,—
Таким возвышенным казался ты.
Падение твое меня заставит
Впредь лучших и достойнейших людей
Подозревать. Ты будешь мной оплакан.
Вторичному грехопаденью равен
Проступок твой.— Виновость их ясна.
Возьмите их, предайте правосудью,
И да простит господь их тяжкий грех.

Э к с е т е р

Я арестую тебя за государственную измену, Ричард, граф
Кембриджский.

Я арестую тебя за государственную измену, Генри, лорд
Скруп Мешемский.

Я арестую тебя за государственную измену, Томас Грей,
рыцарь нортемберлендский.

С к р у п

Господь раскрыл наш замысел преступный.
Моя вина ужасней мне, чем смерть!
Молю у вас прощенья, государь,
Хоть за измену заплачу я жизнью.

К е м б р и д ж

Не золото врагов меня прельстило:
Я взял его как средство поскорее
Мое намеренье осуществить.

Но план разрушен — господу хвала!
Я стану радоваться в смертных муках,
Моля его и вас простить меня.

Г р е й

Никто не радовался так, встречая
Раскрытие государственной измены,
Как я сейчас ликую, что разрушен
Мой план проклятый. Пусть меня казнят,
Но все ж меня простите, повелитель.

К о р о л ь Г е н р и х

Бог да простит вас! Вот вам приговор.
Вы в заговор вступили против нас
С лихим врагом и золото его
Залогом нашей смерти получили:
Вы продали монарха на закланье,
Его вельмож и принцев — на неволю,
Его народ — на рабство и позор,
И всю страну — на горе и разгром.
Не ищем мы отплаты за себя,
Но дорожим спасеньем королевства,
Которое вы погубить хотели, —
И вас закону предаем. Идите,
Несчастные преступники, на смерть.
Пусть милосердный бог вам силу даст
Принять ее достойно, с покаяньем
В проступках ваших. — Уведите их. —

К е м б р и д ж, С к р у п и Г р е й уходят под стражей.

Теперь во Францию, милорды! Будет
Поход для нас богатым бранной славой.
Война счастливой будет, я уверен.
Господь по милости своей раскрыл
Измену, что подстерегала нас
В начале предприятия. Нет сомнений,
Преграды все устранимы с пути.
За дело, земляки! Мы наши силы
Поручим богу и в поход направим.
Садитесь веселей на корабли.
Развернуты знамена боевые.
Пускай лишусь я английского трона,
Коль не надену Франции корону.

Уходят.

С Ц Е Н А 3

Лондон. Перед трактиром «Кабанья голова» в Истчипе.

Входят Пистоль, хозяйка трактира. Ним, Бардольф и мальчик.

Х о з я й к а

Прошу тебя, сахарный ты мой муженек, позволь мне проводить тебя до Стенса.

П и с т о л ь

Нет, у меня и так в груди тоска.—
Ободришь, Бардольф.— Ним, распегушись.—
Мужайся, малый. Умер наш Фальстаф —
И мы скорбеть должны.

Б а р д о л ь ф

Хотел бы я быть с ним, где бы он ни был сейчас, на небесах или в аду.

Х о з я й к а

Нет, уж он-то наверняка не в аду, а в лоне Артуровом, если только кому удавалось туда попасть. Он так хорошо отошел, ну, совсем как новорожденный младенец; скончался он между двенадцатью и часом, как раз с наступлением отлива. Вижу я, стал он простыни руками перебирать да играть цветами, потом посмотрел на свои пальцы и усмехнулся. Ну, думаю, не жилец он больше на свете. Нос у него заострился, как перо, и начал он бормотать все про какие-то зеленые луга. «Ну как дела, сэр Джон? — говорю я ему.— Не унывайте, дружок». А он как вскрикнет: «Боже мой! Боже мой! Боже мой!» — так раза три или четыре подряд. Ну, я, чтобы его утешить, сказала, что ему, мол, незачем думать о боге; мне думалось, что ему еще рано расстраивать себя такими мыслями. Тут он велел мне потеплее закутать ему ноги. Я сунула руку под одеяло и пощупала ему ступни — они были холодные, как камень; потом пощупала колени — то же самое, потом еще выше, еще выше, — все было холодное, как камень.

Н и м

Говорят, он проклинал херес.

Х о з я й к а

Да, проклинал.

Бардо ль ф

И же н щ и н.

Хо з я й ка

Нет, этого не было.

Ма л ь ч и к

Как же нет? Он говорил, что они воплощенные дьяволы с мясом и костями.

Хо з я й ка

Вот уж что касается мяса, то он терпеть не мог мясного цвета.

Ма л ь ч и к

Он как-то сказал, что попадет к дьяволу в лапы из-за женщин.

Хо з я й ка

Да, случилось, он затрагивал женщин; но ведь он был ревматик и все толковал о вавилонской блуднице.

Ма л ь ч и к

Помните, раз увидел он блоху на носу Бардо ль фа — и говорит: «Это грешная душа горит в аду».

Бардо ль ф

Ну, теперь топливу-то пришел конец, нечем поддерживать огонь. Вот и все, что я нажил у него на службе.

Н и м

Не пора ли нам в путь? Король, пожалуй, уже отплыл из Саутемптона.

П и с т о л ь

Идем! — Любовь моя, подставь мне губки.
Оберегай имущество мое;
Разумной будь, тверди: «Пей и плати!» —
И никому не верь.
Ведь совесть — вафля, клятва же — солома.
Замок — вот пес надежный, мой утенок.
Пускай *caveto*¹ будет твой советник.

¹ Зорко следи. (Лат.)

Ну, осуши хрусталь своих очей! —
Во Францию, собратья по оружию!
Мы из французов высосем всю кровь.

М а л ь ч и к

Говорят, это нездоровая пища.

П и с т о л ь

Скорей целуй ее в уста. — Идемте!

Б а р д о л ь ф

Прощай, хозяйка. (*Целует ее.*)

Н и м

Я не могу целоваться — в этом вся соль. Однако прощайте.

П и с т о л ь

Хозяйкой крепкой будь — вот мой тебе завет.

Х о з я й к а

Счастливого пути. Прощайте.

Уходят.

С Ц Е Н А 4

Франция. Зал в королевском дворце.

Трубы.

Входят французский король со свитой, дофин, кон-
нетабль и другие.

Ф р а н ц у з с к и й к о р о л ь

Вся сила Англии идет на нас,
И приложить должны мы все старанья,
Чтоб царственный отпор пришельцам дать. —
Вы, герцоги Беррийский и Бретонский,
Брабантский, Орлеанский, двиньтесь в путь,
А также вы, дофин, и подготовьте
Все наши крепости к войне, снабдив
Припасами и смелым гарнизоном.
Вперед свирепо рвутся англичане,
Как воды в пасть разверстую пучины.
Должны мы осторожность проявить,

Которой учит нас пример недавний,
Когда на нивах наших англичане,
Столь презируемые нами, страх
На нас нагнали.

Д о ф и н

Грозный мой отец,
Вы правы — мы должны вооружиться.
Ведь даже мир не должен усыплять нас,
И, если б не было о битвах речи,
Уместна все-таки была б забота
Об усиление крепостей и войска,
Как если бы грозила нам война.
Итак, немедля двинемся мы в путь,
Осмотрим слабые места страны
Усердно, не выказывая страха,
Как если б собирались англичане
Плясать, как на гулянье в майский день;
Ведь их строною так небрежно правят,
И скиптр ее в руках у сумасброда,
У юноши пустого, вертопраха —
Чего ж бояться?

К о н н е т а б л ь

Тише, принц дофин!
Вы судите о нем совсем превратно.
Спросите, ваша светлость, у послов,
С каким величием принял он посланье,
Сколь мудрые советники при нем,
Как он в речах был сдержан, а меж тем
Как тверд и грозен в царственном решении,—
И вы поймете: буйство юных дней
Повадкой было римлянина Брута,
Что прикрывал свой ум безумья маской,
Как прикрывает опытный садовник
Навозом корни, что нежней других.

Д о ф и н

Нет, вы неправы, коннетабль почтенный:
Другого мнения мы; но все равно.
При обороне выгоднее думать,
Что враг сильнее, чем на самом деле,—
Тогда вернее защитимся мы.
А слабая и скудная защита

Подобна скряге, что, сукна кусочек
Жалея, портит весь камзол.

Французский король

Согласен.

Допустим, что силен король английский,—
Так будем же и мы его достойны.
Отведал нашей крови прадед Гарри;
Он — порожденье той семьи кровавой,
Что нас травила на родных дорогах.
Припомним самый черный наш позор —
Проигранную битву при Креси,
Когда все принцы были взяты в плен
Рукой и черным именем Эдварда
Уэльского, что звался Черным Принцем.
А на горе, сам мощный, как гора,
Стоял, увенчанный лучами солнца,
Его отец, с улыбкою любясь,
Как героический его наследник
Творения природы истреблял,
Губя цвет племени, что двадцать лет
Отцы и бог растили. Генрих — отпрыск
Победной ветви; будем же страшиться
Его природной мощи и судьбы.

Входит гонец.

Гонец

От короля английского послы
К вам просят доступа, мой государь.

Французский король

Мы примем их сейчас. Введите их.

Гонец и несколько придворных уходят.

Охота горяча. Как рвутся псы!

Дофин

К ним повернитесь — и замрут на месте.
Тогда лишь лают псы, когда добыча
От них бежит. Мой добрый властелин,
Покруче с ними будьте, покажите,
Какого государства вы глава.
Греха в гордыне меньше, чем в смиренье.

Входят придворные, с ними — Эксетер и свита.

Французский король
Вы к нам от английского короля?

Эксетер

Да. Он приветствует вас, государь,
И требует во имя всеблагого
Творца, чтоб вы от власти отреклись,
Сложив с себя заемное величье,
Что волей неба и людей законом
Ему с потомками его дано,—
Корону Франции и все права,
И титулы различные, издревле
Присущие короне. Чтоб вы знали,
Что это не пустое притязанье,
Почерпнутое в мусоре веков,
В пыли и прахе ветхого забвенья,—
Он эту родословную вам шлет,

(подает родословную таблицу)

Где ветви все начертаны правдиво,
И просит вас таблицу рассмотреть.
Когда вы убедитесь, что ведет
Свой род он от славнейшего из славных —
Эдварда Третьего, — он предлагает
Вернуть ему корону и страну,
Захваченные вами незаконно,
Поскольку он — природный их владыка.

Французский король
А если нет, — что будет?

Эксетер

Кровавая борьба; хотя б корону
В груди сокрыли вы, ее он вырвет.
Итак, на вас идет он грозной бурей,
В громах, колебля землю, как Юпитер,
Чтоб в случае отказа покорить.
Он закликает вас любовью божьей
Отдать корону, пожалев несчастных,
Которым жадною, разверстой пастью
Грозит война. Он говорит: падут
На вашу голову убитых кровь
И слезы горьких вдов, сирот, невест —
О женихах, супругах и отцах,—

Что будут пролиты в грядущей распре.
Вот что он требует, вот цель посольства.
Но, если здесь присутствует дофин,
Я передам ему привет особый.

Французский король
Мы ваше предложение обсудим
И завтра брату-королю ответ
Дадим.

Дофин

А что касается дофина,—
Я за него. Что Англия мне шлет?

Эксетер

Насмешку, ненависть, презренье, вызов
И все, что может мощный властелин
Вам выразить, себя не унижая,
И что считает он достойным вас.
Так молвит он, и, если ваш отец
Насмешки вашей горечь не смягчит
Согласием на требованья наши,
От вас потребуют расплаты жаркой,
И ваша дерзость эхом прогремит
В пещерах Франции и в подземельях
И к вам вернется в грохоте орудий.

Дофин

Скажите, что отец мой даст согласие
Лишь вопреки желанью моему.
Я жажду с Англией борьбы; затем-то,
Как подходящий дар его беспутству,
Я и послал парижские мячи.

Эксетер

Парижский Лувр за это потрясет он,
Будь там хотя бы первый двор Европы.
И разницу, поверьте, вы найдете,
Как подданные все его нашли,
Меж обещаньем юных дней его
И тем, что ныне он дает на троне;
По граммам взвешивает время он,—
Потери ваши это вам докажут,
Когда побудет он у вас подольше.

Французский король
Ответ подробный завтра мы дадим.

Эксетер

Скорей нас отпустите, или Генрих
Придет узнать причину промедленья:
Ведь он во Францию уже вступил.

Французский король
Мы скоро вас отпустим с добрым словом;
Лишь ночь себе дадим мы — срок ничтожный,
Чтобы решить серьезный столь вопрос.

Трубы.

Уходят.

А К Т III

ПРОЛОГ

Входит Хор.

Хор

Так наше действие летит вперед
На крыльях реюющих воображенья,
Быстрее дум. Представьте, как садится
Король в доспехах бранных на корабль
В Хемптонской гавани, и гордый флот
В сиянье Феба выпелами веет.
Взгляните вы фантазии очами,
Как по снастям карабкаются юнги;
Свисток услышите в рокоте нестройном,
Порядок водворяющий; смотрите,
Надул незримый ветер паруса,
Влекущие громады кораблей
Наперекор волнам. Вообразите,
Что с берега вы смотрите на город,
Качающийся на крутых валах,—
Так представляется могучий флот,
В Гарфлер плывущий. Следуйте за ним!
Цепляйтесь мыслью за корму судов;
Покиньте Англию, как ночь, немую,
Которую старухи стерегут
Да старики, утратившие силы,
Или младенцы, что еще в пеленках:

Ведь каждый, у кого на подбородке
Хоть волосок пробился, поспешает
Во Францию за рыцарями вслед.
Работу дайте мыслям. Перед вами —
Осада города: с лафетов пушки
Разверзли пасти грозно на Гарфлер.
Представьте, что из лагеря французов
Посол, вернувшись, сообщает Гарри,
Что предлагает дочь ему король
И герцогства ничтожные в придачу.
Отвергли предложение. Канонир
Подносит к пушке дьявольский фитиль.

Тревога. Пушечная пальба.

Все сметено. Игрой воображенья
Прошу восполнить наше представление.

(Уходит).

СЦЕНА 1

Франция. Перед Гарфлером.

Барабанный бой.

Входят король Генрих, Эксетер, Бедфорд, Глостер и солдаты, которые несут штурмовые лестницы.

Король Генрих

Что ж, снова ринемся, друзья, в пролом,
Иль трупами своих всю брешь завалим!
В дни мира украшают человека
Смирение и тихий, скромный нрав;
Когда ж нагрянет ураган войны,
Должны вы подражать повадке тигра.
Кровь разожгите, напрягите мышцы,
Свой нрав прикройте бешенства личиной!
Глазам придайте разъяренный блеск —
Пускай, как пушки, смотрят из глазниц;
Пускай над ними нависают брови,
Как выщербленный бурями утес
Над основанием своим, что гложет
Свирепый и нещадный океан.
Сцепите зубы и раздуйте ноздри;
Дыханье придержите; словно лук,
Дух напрягите. — Рыцари, вперед!

В вас кровь отцов, испытанных в бою,
Отцов, которые, как Александр,
С утра до ночи здесь упорно бились
И прятали мечи в ножны тогда лишь,
Когда уж нечего рубить им было.
Не опозорьте матерей своих,
Но докажите, что я впрямь родили
Вас те, кого зовете вы отцами.
Пример подайте вы простолюдинам;
Учите их сражаться.— Поселяне!
Вас Англия взрастила,— так теперь
Явите мощь свою, нам показав,
Что вы ее сыны. Я в том уверен;
Ведь нет среди вас столь низких, в чьих бы взорах
Теперь огонь не вспыхнул благородный.
Стоите, вижу, вы, как своры гончих,
На травлю рвущиеся. Поднят зверь.
С отвагой в сердце риньтесь в бой, крича:
«Господь за Гарри и святой Георг!»

Уходят.

Барабанный бой. Пушечная пальба.

СЦЕНА 2

Там же.

Входят Ним, Бардольф, Пистоль и мальчик.

Бардольф

Вперед, вперед, вперед! К пролому! К пролому!

Ним

Прошу тебя, капрал, погоди минутку. Уж больно горяча потасовка! А у меня ведь нет про запас лишней жизни. Тут, брат, шутки плохи. Вот такая тут музыка.

Пистоль

Здесь небу жарко, верно ты сказал.
Ударов град; рабы господни гибнут.

Но щит и меч
В кипенье сеч
Стягают славу нам.

М а л ь ч и к

Хотел бы я сейчас сидеть в кабачке, в Лондове. Я готов отдать всю славу на свете за кружку эля и безопасность.

П и с т о л ь

И я тоже.

О, если б было мне дано
Свершить желание одно —
Удрать в кабаk родной!

М а л ь ч и к

Не худо: но бежать отсюда
Трудней, чем птице петь.

Входит Ф л ю э л л е н.

Ф л ю э л л е н

К пролому, собаки вы этакие! Вперед, подлецы! (*Гонит их.*)

П и с т о л ь

Великий герцог, пощади бедняг!
Умерь свой гнев, свой мужественный гнев.
Умерь свой гнев, великий герцог!
Голубчик, дорогой! Будь милостив, смягчись!

Н и м

Славная шутка! А вот вашей чести не до шуток.

Все, кроме мальчика, уходят.

М а л ь ч и к

Как я ни зелен, а сумел разглядеть этих трех хвастунов. Я служу всем троим; а вот если бы им пришлось мне служить, они втроем не сумели бы угодить мне одному: ведь из трех таких лодырей не выкроить и одного настоящего человека. Бардольф молодец с лица, а душой овца: хорохорится, а драться не желает. Пистоль на язык лих, а на руку тих: на словах дерется, а за оружие не берется. А Ним где-то слышал, будто молчаливые люди самые храбрые; вот он и боится даже помолиться вслух, чтобы его не сочли за труса. Сквернословил он на своем веку мало, зато мало сделал и хорошего. Никому не разбивал он башки, кроме как самому себе, с пьяных глаз, о столб. Эти молодцы тащат все что угодно и говорят, что все это военная добыча. Бардольф как-то стянул футляр от лютни, проташил его двенадцать миль и продал за полтора пенса. Ним и Бардольф даже побратались, чтобы

вместе красть. В Кале они сташили лопатку для углей. Сразу видно: любят ребята жар загребать. Хотелось бы им, чтобы и мои руки, как перчатки и платки, были как дома в чужих карманах, да мне это не по нутру. Если будешь переключивать из чужих карманов в свои, только совесть замараешь. Надо мне бросить этих хозяев и поискать другой службы; желудок мой слаб и не переваривает их пакостей; надо изрыгнуть эту дрянь. *(Уходит.)*

Входит Флюэллен, за ним — Гауэр.

Гауэр

Капитан Флюэллен, вас требуют к подкосу: герцог Глостер хочет с вами поговорить.

Флюэллен

К подкосу? Скажите герцогу, что к подкосу не следует подходить. Этот подкос, видите ли, сделан не по всем правилам военного искусства, он недостаточно глубок. Противник, видите ли, подвел контрмину на четыре ярда глубже, — так и доложите герцогу. Ей-богу, они взорвут всех нас, если не последует лучших распоряжений.

Гауэр

Осадные работы поручены герцогу Глостеру, а он во всем положился на одного ирландца; кажется, это очень храбрый человек.

Флюэллен

Ведь это капитан Мак-Моррис, не правда ли?

Гауэр

Как будто бы так.

Флюэллен

Ей-богу, он осел, каких на свете мало; я готов сказать ему это в лицо. Он смыслит в военном искусстве — я имею в виду римское военное искусство — не больше, чем щенок.

Входят Мак-Моррис и капитан Джеми.

Гауэр

Вот он идет, а с ним шотландский капитан Джеми.

Флюэллен

Капитан Джеми — на редкость храбрый человек, это всем известно; он полон знаний и отлично изучил древнее военное искусство.

ство; это видно по его приказаниям. Ей-богу, он сумеет отстоять свое мнение не хуже любого военного, если речь пойдет о военном деле у древних римлян.

Д ж е м и

Добрый день, капитан Флюэллен.

Ф л ю э л л е н

Доброго дня и вашей чести, добрейший капитан Джемс.

Г а у э р

Ну, как дела, капитан Мак-Моррис? Вы бросили ваш подкоп? Саперы прекратили работу?

М а к-М о р р и с

Да. Скверное дело, ей-богу: работу бросили, протрубили отступление. Клянусь своей рукой и душой моего отца, скверное дело, — всё бросили. Да! Спаси меня бог, я бы в какой-нибудь час взорвал весь город. О, скверное дело, скверное дело, клянусь своей рукой! Совсем скверное.

Ф л ю э л л е н

Капитан Мак-Моррис! Умоляю вас, соблаговолите немного побеседовать со мной — как бы это сказать — о военном искусстве, о римском искусстве. Это, видите ли, будет спор и дружеская беседа, отчасти — чтобы я мог укрепить свое мнение, отчасти — для сатисфакции моего ума касательно принципов военной дисциплины; в этом все дело.

Д ж е м и

Честное слово, это будет очень хорошо, добрейшие мои капитаны. С вашего разрешения, я тоже приму участие в беседе и при случае вверну свое словцо, черт побери!

М а к-М о р р и с

Теперь не время для бесед, спаси меня бог! День горячий: тут вам и жара, и война, и король, и герцоги. Совсем не время для бесед. Город осажден. Слышите, трубы зовут нас к пролому, а мы тут болтаем и бездельничаем, истинный бог! Стыдно нам всем, спаси меня бог! — стыдно стоять без дела, клянусь моей рукой! — стыдно! Тут надо глотки резать и дело делать, а у нас ничего не сделано, спаси меня бог! Да!

Д ж е м и

Клянусь мессой, прежде чем закрою глаза на ночь, я сослужу хорошую службу или лягу костью; но, если придется умирать, я дорого продам свою жизнь — это уж как пить дать, коротко и ясно. Черт возьми, я бы охотно послушал вашу беседу!

Ф л ю э л л е н

Капитан Мак-Моррис! Я — как бы это сказать, — с вашего разрешения, полагаю, что немногие из вашей нации...

М а к-М о р р и с

Из моей нации? Что такое моя нация? Негодяи, что ли, какие-нибудь? Ублюдки? Мерзавцы? Мошенники? Что такое моя нация? Кто смеет говорить о моей нации?

Ф л ю э л л е н

Если вы, капитан Мак-Моррис, придаете моим словам — как бы это сказать — совсем другой смысл, то я, чего доброго, подумаю, что вы недостаточно любезны со мной, недостаточно меня уважаете. А ведь я ничем не хуже вас — и по части военной дисциплины, и по части происхождения, да и во всех других смыслах.

М а к-М о р р и с

Ну, этого я не думаю. Вот я снесу вам башку, спаси меня бог!

Г а у э р

Господа! Вы не поняли друг друга.

Д ж е м и

Ах, какая ужасная ошибка!

Слышны трубы, возвещающие о переговорах.

Г а у э р

Город вызывает нас на переговоры.

Ф л ю э л л е н

Капитан Мак-Моррис! При более подходящем случае — как бы это сказать — я вам докажу, что знаю военное искусство, а сейчас — довольно.

Уходят.

СЦЕНА 3

Там же. Перед воротами Гарфлера.

На стенах — комендант и несколько горожан; внизу —
английское войско.

Входит король Генрих со свитой.

Король Генрих

Ну как? На что решился комендант?
В последний раз ведем переговоры;
Поэтому на милость нашу сдайтесь
Иль в гордой жажде смерти бросьте нам
Свой вызов. Говорю вам как солдат, —
А это имя очень мне подходит, —
Начав бомбардировку вновь, не кончу,
Пока полуразрушенный Гарфлер
Не будет погребен под грудой пепла.
Замкнутся милосердия врата;
Свирепый воин, грубый, жесткий сердцем,
С душою необузданнее ада,
Рукой кровавой скосит, как траву,
Прекрасных ваших дев, детей цветущих.
Моя ль вина, коль ярая война
В уборе пламени, как тьмы владыка,
С лицом в крови, неистовства свершит,
Что связаны с борьбой и разрушеньем?
Моя ль вина — о нет, скорее ваша, —
Коль ваши девы в руки попадут
Горячего и буйного насилья?
Как удержать разнузданное зло,
Когда оно с горы стремится свой бег?
Ведь так же безнадежно обуздать
Солдат, воспламененных грабежом,
Как на берег призвать Левиафана.
Поэтому, о жители Гарфлера,
Свой город пожалейте, свой народ,
Пока еще подвластны мне войска,
Пока прохладный ветер милосердья
Уносит прочь отравленные тучи
Насилия, убийства, грабежа.
Иначе вы увидите тотчас же,
Как, весь в крови, от ярости слепой,
Солдат ухватит грязною рукой
За косы ваших дочерей кричащих.
Рванув отцов за бороды седые,

Им головы о стены раздробит;
Проткнет копьем детей полуодетых,
И, обезумев, матери рыданьем
Свод неба потрясут, как иудейки,
Когда младенцев Ирод избивал.
Что скажете? Вы город нам сдадите?
Иль это все вы претерпеть хотите?

Комендант

Надеждам нашим наступил конец;
Дофин, чьей помощи просили мы,
Ответил, что пока еще не в силах
С таким сразиться войском, чтобы нас
Освободить. Итак, король великий,
На вашу милость город мы сдаем.
Входите к нам; располагайте всем,—
Мы более не в силах защищаться.

Король Генрих

Открыть ворота! — Эксетер, мой дядя,
В Гарфлер войдите; пребывайте там
И укрепитесь против сил французских;
Всем окажите милость, добрый дядя.
Близка зима; растут в войсках болезни,
И мы вернемся временно в Кале.
Сегодня в городе гостим у вас,
А завтра в путь готовы в ранний час.

Трубы.

Король со свитой уходит в город.

СЦЕНА 4¹

Комната во дворце французского короля. Входят Екатерина
и Алиса.

Екатерина

Alice, tu as été en Angleterre, et tu parles bien le langage².

¹Вся эта сцена написана на французском языке XVI века, значительно отличающемся от современного. (Орфография в нашем издании модернизирована.) Даем перевод ее, заключая в скобки те слова, которые написаны на английском (слегка испорченном) языке и, следовательно, заменены в нашем тексте русскими.

²Екатерина. Алиса, ты была в Англии и хорошо говоришь на английском языке.

А л и с а

Un peu, madame¹.

Е к а т е р и н а

Je te prie, m'enseigne: il faut que j'apprenne à parler. Comment appelez-vous la main en Anglois?²

А л и с а

La ma'in? elle est appelée de hand³.

Е к а т е р и н а

De hand. Et les doigts?⁴

А л и с а

Les doigts? ma foi, j'oublié les doigts: mais je me souviendrai. Les doigts? Je pense qu'ils sont appelés de fingres⁵.

Е к а т е р и н а

La main, de hand; les doigts, de fingres. Je pense que je suis le bon écolier; j'ai gagné deux mots d'Anglais vite ment. Comment appelez-vous les ongles?⁶

А л и с а

Les ongles? nous les appelons de nails⁷.

Е к а т е р и н а

De nails. Ecoutez; dites-moi, si je parle bien: de hand, de fingres, et de nails⁸.

А л и с а

C'est bien dit, madame; il est fort bon Anglois⁹.

¹ А л и с а. Немножко, сударыня.

² Е к а т е р и н а. Пожалуйста, научи меня; я должна научиться говорить по-английски. Как говорится по-английски — рука?

³ А л и с а. Рука? Она называется [рука].

⁴ Е к а т е р и н а. [Рука]. А пальцы?

⁵ А л и с а. Пальцы? Ах, боже мой, я забыла, как будет пальцы; но сейчас припомню. Пальцы? Кажется, это называется [пальцы]; да [пальцы].

⁶ Е к а т е р и н а. Рука — [рука]; пальцы — [пальцы]. Мне кажется, я хорошая ученица; я быстро выучила два английских слова. А как говорится ногти?

⁷ А л и с а. Ногти? Мы их называем [ногти].

⁸ Е к а т е р и н а. [Ногти]. Послушайте, скажите, верно ли я говорю: [рука, пальцы и ногти].

⁹ А л и с а. Очень хорошо, сударыня. Вы отлично произносите по-английски.

Екатерина

Dites-moi l'Anglois pour le bras¹.

Алиса

De arm, madame².

Екатерина

Et le coude?³

Алиса

De elbow⁴.

Екатерина

De elbow. Je m'en fais la répétition de tous les mots que vous m'avez appris dès à présent⁵.

Алиса

Il est trop difficile, madame, comme je pense⁶.

Екатерина

Excusez-moi, Alice; écoutez: de hand, de fingres, de nails, de arm, de bilbow⁷.

Алиса

De elbow, madame⁸.

Екатерина

O Seigneur Dieu, je m'en oublié; de elbow. Comment appelez-vous le col?⁹

Алиса

De neck, madame¹⁰.

Екатерина

De nick. Et le menton?¹¹

¹ Екатерина. Скажите, как будет по-английски плечо?

² Алиса. [Плечо], сударыня.

³ Екатерина. А локоть?

⁴ Алиса. [Локоть].

⁵ Екатерина. [Лёкоть]. Я сейчас повторю все слова, которым вы меня научили.

⁶ Алиса. Мне кажется, это слишком трудно, сударыня.

⁷ Екатерина. Простите, Алиса, слушайте: [рука, пальцы, ногти, плечо, локоть].

⁸ Алиса. [Локоть], сударыня.

⁹ Екатерина. Ах боже мой, я забыла! [Лёкоть]. Как вы говорите — шея?

¹⁰ Алиса [Шея], сударыня.

¹¹ Екатерина. [Чей]. А подбородок?

А л и с а

De chin¹.

Е к а т е р и н а

De sin. Le col, de nick; le menton, de sin².

А л и с а

Oui. Sauf votre honneur, en vérité, vous prononcez les mots aussi droit que les natifs d'Angleterre³.

Е к а т е р и н а

Je ne doute point d'apprendre, par la grace de Dieu, et en peu de temps⁴.

А л и с а

N'avez vous pas déjà oublié ce que je vous ai enseigné?⁵

Е к а т е р и н а

Non, je réciterai à vous promptement: de hand, de fingres, de mails...⁶.

А л и с а

De nails, madame⁷.

Е к а т е р и н а

De nails, de arm, de ilbow⁸.

А л и с а

Sauf votre honneur, de elbow⁹.

Е к а т е р и н а

Ainsi dis-je; de elbow, de nick, et de sin. Comment appelez-vous le pied et la robe?¹⁰

¹ А л и с а. [Подбородок].

² Е к а т е р и н а. [Подборонок]. Чья, подборонек.

³ А л и с а. Так, с вашего разрешения, вы поистине произносите эти слова так же правильно, как природные англичане.

⁴ Е к а т е р и н а. Я не сомневаюсь, что с божьей помощью быстро научусь.

⁵ А л и с а. Вы еще не забыли того, чему я вас научила?

⁶ Е к а т е р и н а. Нет; я вам быстро все повторю: [рука, пальцы, ногти]...

⁷ А л и с а. [Ногти], сударыня.

⁸ Е к а т е р и н а. [Ногти, рука, локоть].

⁹ А л и с а. С вашего разрешения, [локоть].

¹⁰ Е к а т е р и н а. Я и говорю: [локоть, чья, подборонек]. Как будет — нога и платье?

А л и с а

De foot, madame, et de coun¹.

Е к а т е р и н а

De foot, et de coun? O Seigneur Dieu! Ce sont mots de son mauvais, corruptible, gros et impudique, et non pour les dames d'honneur d'user: je ne voudrais prononcer ces mots devant les seigneurs de France pour tout le monde. Foh! de foot et de coun! Néanmoins, je réciterai une autre fois ma leçon ensemble: de hand, de fingres, de nails, de arm, de elbow, de nick, de sin, de foot, de coun².

А л и с а

Excellent, madame!³

Е к а т е р и н а

C'est assez pour une fois; allons nous à dîner⁴.

Уходят.

С Ц Е Н А 5

Там же. Другая комната во дворце.

Входят французский король, герцог Бурбонский, коннетабль Франции и другие.

Ф р а н ц у з с к и й к о р о л ь

Сомнений нет: он Сомму перешел.

К о н н е т а б л ь

И, коль теперь мы не сразимся с ним,
Во Франции не жить нам, государь;
Покинем всё и варварам-пришельцам
Мы виноградники свои уступим.

¹ А л и с а. [Нога], сударыня, и [платье].

² Е к а т е р и н а. Нога и платье! Ах, боже мой! Это дурные, порочные, грубые и неприличные слова, они не годятся для благородных дам; я ни за что на свете не желала бы их произнести в присутствии французских сеньоров. А все-таки приходится: [нога] и [платье]. Я еще раз повторю все подряд: [рука, пальцы, ногти, плечо, локоть, чей, подбородок, нога, платье].

(Смущение Екатерины в предпоследней ее реплике объясняется тем, что английским словам foot и gown созвучны французские слова, имеющие непристойный смысл.— *Прим. ред.*)

³ А л и с а. Превосходно, сударыня!

⁴ Е к а т е р и н а. Довольно на один раз; пойдем обедать.

Д о ф и н

О Dieu vivant! ¹ Возможно ли побегам,
Рожденным сладострастьем наших предков,
Росткам, привитым к дикому стволу,
Подняться так внезапно к облакам,
Глумясь над их самих родившим стеблем?

Г е р ц о г Б у р б о н с к и й

Норманны! Всё норманнские ублюдки!
Mort de ma vie! ² Коль мы его не сможем
Остановить, я герцогство продам
И ферму грязную себе куплю
На острове зубчатом Альбиона.

К о н н е т а б л ь

Dieu de batailles! ³ Откуда пыл у них?
Их край туманен, холоден, угрюм,
И солнце бледное, сурово хмурясь,
Плоды их убивает. Разве может
Отвар из ячменя, для кляч пригодный,
Их ледяную кровь разгорячить?
А наша кровь, согретая вином,
Холодной станет? Ради нашей чести,
Не будем мы сосульками на кровле
Висеть, меж тем как тот народ холодный
Горячим потом нам кропит поля,
Что лишь бедны отвагою владельцев.

Д о ф и н

Клянусь я честью!
Все дамы говорят, смеясь над нами,
Что пыл у нас погас, что им придется
Отдать тела английской молодежи,
Чтоб Францию бойцами населить.

Г е р ц о г Б у р б о н с к и й

Шлют к англичанам нас — учить их танцам:
Летучим вольтам, сладостным курантам,—
И говорят, что наша сила в пятках:
Мы мастера лишь бегать от врага.

¹ Клянусь богом живым! (Франц.)

² Клянусь жизнью! (Франц.)

³ Клянусь богом сражений! (Франц.)

Французский король

Где наш герольд Монжуа? Послать его,
Пусть вызовом приветствует врагов.—
Воспряньте, принцы, и спешите в бой!
Острей меча пусть будет наша доблесть.
Шарль Делабре, французский коннетабль,
Вы, герцоги Бурбонский и Беррийский,
Брабантский, Орлеанский, Алансонский,
Бургундский, Барский; Водемон, Рамбюр,
Жак Шатильон, Бомон, Фуа, Фоконбер,
Гранпре, Русси, Лестраль и Бусико,—
Вы, герцоги, и принцы, и бароны,
Во имя ваших ленов — стыд наш смойте.
Английский Гарри рвется в глубь страны,
Гарфлера кровью обагрив знамена.
Вы на врага обруштесь, как лавина,
Что низвергают снеговые Альпы
С высот на дно подвластных им долин.
Ударьте разом,— сил у вас довольно,—
И привезите пленником в Руан
Его в повозке.

Коннетабль

Это будет славно!
Но жалко мне, что рать его мала,
Изнурена болезнями, походом.
Уверен я: при виде наших войск
Сорвется сердце Гарри в бездну страха,
И вместо подвигов он выкуп даст.

Французский король

Поторопите, коннетабль, Монжуа.
Пусть Генриху он скажет: мы желаем
Узнать, какой он нам предложит выкуп.—
Дофин, останетесь в Руане вы.

Дофин

О нет! Мой государь, я умоляю...

Французский король

Терпение. Останетесь вы с нами.—
Вы, коннетабль и принцы, все в поход!
Пускай скорей победы весть придет.

Уходят.

СЦЕНА 6

Английский лагерь в Пикардии.

Входят с разных сторон Гауэр и Флюэллен.

Гауэр

Ну как дела, капитан Флюэллен? Откуда вы? С моста?

Флюэллен

Уверяю вас, на мосту делаются славные дела.

Гауэр

Что, герцог Эксетер невредим?

Флюэллен

Герцог Эксетер настоящий герой, прямо Агамемнон. Этого человека я люблю и уважаю от всей души, от всего сердца; это мой священный долг: всю жизнь буду его любить изо всех сил. Слава богу, он пока целехонек, он защищает мост весьма доблестно, с отличным знанием военного дела. Там на мосту есть один прапорщик-лейтенант,— по совести скажу, мне думается, он храбр, как Марк Антоний; его никто на свете не уважает, а я сам видел, как храбро он нес службу.

Гауэр

Как его зовут?

Флюэллен

Его зовут прапорщик Пистоль.

Гауэр

Я его не знаю.

Входит Пистоль.

Флюэллен

Вот он.

Пистоль

Ну, капитан, мне милость окажи!
Ведь герцог Эксетер с тобой любезен.

Флюэллен

Да, слава богу; признаться, я заслужил его расположение.

П и с т о л ь

Бардольф, солдат отважный, крепкий сердцем
И редкой храбрости, — судьбой жестокой
И прихотью Фортуны колеса,
Слепой богини,
Стоящей на бегущем вечно камне...

Ф л ю э л л е н

С вашего разрешения, прапорщик Пистоль, Фортуны изображают слепой, с повязкой на глазах, чтобы показать, что она слепая; затем ее изображают на колесе, чтобы показать вам — и в этом заключается мораль, — какой у нее нрав: она неустойчива, непостоянна, ненадежна и вечно меняется; она стоит — как бы это сказать — ногами на круглом камне, и камень тот катится себе и катится. По правде говоря, поэт превосходно описывает Фортуны. Какая здесь прекрасная мораль!

П и с т о л ь

Фортуна Бардольфу — суровый враг:
Распятие похитил он — и будет
Повешен. Злая смерть!
Пусть вешают собак, не человека;
Веревка пусть ему не сдавит глотку.
Но Эксетер обрек его на смерть
За пустяковину.
Замолви перед герцогом словечко —
И пусть Бардольфа жизненную нить
Не перервет грошовая веревка.
Проси его. Я отплачу тебе.

Ф л ю э л л е н

Прапорщик Пистоль, я вас отчасти понимаю.

П и с т о л ь

Итак, возрадуйся.

Ф л ю э л л е н

Тут, право, нечему радоваться, прапорщик. Будь он мне даже — как бы это сказать — родной брат, я бы ни слова не сказал, если бы герцог отправил его на виселицу. Дисциплина прежде всего.

П и с т о л ь

Умри, проклятый! Фигу получай!

Ф л ю э л л е н

Хорошо.

П и с т о л ь

Испанскую!

(Уходит.)

Ф л ю э л л е н

Прекрасно.

Г а у э р

Это отъявленный плут и негодяй. Теперь я его припоминаю: сводник и карманник.

Ф л ю э л л е н

Уверяю вас, на мосту он говорил такие славные слова, что прямо душа радовалась. Ладно же; это отлично, что он сказал мне. Честное слово, я это ему припомню при случае.

Г а у э р

Конечно же, это болван, мошенник и шут, который время от времени отправляется на войну, чтобы, вернувшись в Лондон, красоваться в солдатской форме. Такие молодцы знают наизусть имена всех полководцев и отлично расскажут вам, какие где говорились дела, что делалось в таком-то редуте, в таком-то проломе, в таком-то прикрытии; кто отличился, кто был убит, кто разжалован, какие позиции защищал неприятель; они все это изложат вам как нельзя лучше, пересыпая свою речь военными выражениями и новомодными клятвами. Представьте себе, какое впечатление производит борода, подстриженная на манер генеральской, и боевые лохмотья на одурманенные элеме головы, среди пенящихся стаканов! Вы должны научиться распознавать этих проходивцев, позорящих наш век, не то можете здорово попасть впросак.

Ф л ю э л л е н

Вот что я вам скажу, капитан Гауэр. Я вижу, что он совсем не то, чем хотел бы казаться всему свету; и, если я найду у него какую-нибудь прореху, уж я ему выложу все, что о нем думаю.

Барабанный бой.

Слышите, король идет, а мне нужно рассказать ему насчет моста.

Под барабанный бой, с распущенными знаменами входят король Генрих, Глостер и солдаты.

Ф л ю э л л е н

Да благословит бог ваше величество!

К о р о л ь Г е н р и х

Ну как, Флюэллаен? Ты с моста, я вижу?

Ф л ю э л л е н

Да, с разрешения вашего величества. Герцог Эксетер весьма доблестно защищал мост; французы — как бы это сказать — удрали. Там были славные, смелые стычки. Противник хотел было захватить мост, но должен был отступить, и мост остался во власти герцога Эксете́ра. Могу сказать вашему величеству: герцог — храбрый человек.

К о р о л ь Г е н р и х

Как велики наши потери, Флюэллаен?

Ф л ю э л л е н

Потери противника очень велики, очень серьезны. Ей-богу, я полагаю, что герцог не потерял ни одного человека, если не считать некоего Бардольфа, которого должны повесить за кражу в церкви. Может быть, ваше величество его знает? У него все лицо в волдырях, в прыщах, в шишках и в красных пятнах; губы у него подходят к самому носу, а нос — совсем как головня: то посинеет, то покраснеет; но теперь его носу пришел конец, и пламя его потухло.

К о р о л ь Г е н р и х

Всех таких мерзавцев надо беспощадно искоренять. Мы отдаем строжайший приказ, чтобы во время нашего похода никто ничего не брал в деревнях силой, но чтобы за все платили и чтобы никого из французов не оскорбляли и не поносили бранными словами; ибо там, где кротость и жестокость спорят о короне, выиграет тот из игроков, который более великодушен.

Сигнальные рожки.

Входит М о н ж у а.

М о н ж у а

Меня по платью узнаете вы.

К о р о л ь Г е н р и х

Да, узнаю. Что от тебя узнаю?

Монжуа

Владыки моего решение.

Король Генрих

Открой его.

Монжуа

Вот что говорит мой король: «Скажи Гарри Английскому, что хотя мы и кажемся мертвыми, на самом деле мы только дремлем: благоразумие — лучший воин, чем торопливость. Скажи ему, что мы могли бы прогнать его от Гарфлера, но мы сочли за благо дать вполне созреть нашей обиде и лишь тогда отомстить за нее. Теперь настало для нас время говорить, и голос наш властен. Английский король раскается в своем безумье, увидев свою слабость, и изумится нашему долготерпению. Поэтому предложите Генриху подумать о своем выкупе, который должен быть соразмерен понесенным нами потерям, числу подданных, которых мы лишились, оскорблениям, которые мы перенесли. Если взвесить это как следует, то его ничтожество не в силах будет оплатить все это. Его казна слишком бедна, чтобы возместить наши потери; его королевство слишком малоллюдно, чтобы воздать нам за пролитую кровь, а что касается наших обид, то если бы даже он самолично встал перед нами на колени, это было бы лишь слабым и ничтожным удовлетворением. Прибавь к этому наш вызов и, наконец, скажи ему, что он обманул своих соратников, смертный приговор которым подписан».

Так говорит мой король и владыка, таково возложенное на меня поручение.

Король Генрих

Что ты посол, я знаю. Как зовешься?

Монжуа

Монжуа.

Король Генрих

Ты порученье выполнил прекрасно.
Вернись, Монжуа, и королю скажи,
Что битвы с ним пока я не ищу
И предпочел бы нынче без препятствий
В Кале вернуться. Ведь, сказать по правде,—
Хоть неразумно столько открывать
Могучему и хитрому врагу,—

Мои войска изнурены болезнью,
В числе уменьшились; остаток их
Не крепче равного числа французов.
Когда здоровы были,— знай, герольд,—
Я полагал на каждого из наших
По три француза. Но прости, господь,
Мне речь хвастливую! Французский воздух
Вдохнул в меня такой порок,— я каюсь.
Пойди и королю скажи: вот я;
Мой выкуп — эта немошная плоть.
Мои войска — мне слабая охрана.
Но с божьей помощью пойдем вперед,
Хотя бы встали и король французский
И с ним еще союзник, столь же сильный,
Нам на пути.— Вот за труды тебе.

(Дает ему кошелек.)

Скажи — пускай обдумает король:
Коль нас пропустит, мы пройдем; коль нет,
Мы вашу почву алой вашей кровью
Окрасим. А затем, Монжуа, прощай.
Вот содержанье нашего ответа:
Не ищем мы сражения теперь,
Однако избегать его не станем.
Так передай.

М о н ж у

Скажу. Благодарю вас, государь.

(Уходит.)

Г л о с т е р

Враги на нас не нападут, надеюсь.

К о р о л ь Г е н р и х

В руках мы божьих, брат, не в их руках.
К мосту ступайте снова. Ночь подходит.
Мы за рекою лагерь разобьем,
А завтра утром их погоним дальше.

Уходят.

С Ц Е Н А 7

Французский лагерь под Азинкуром.

Входит коннетабль Франции, Рамбюр, герцог Орлеанский
Дофин и другие.

Коннетабль

Да! Лучше моих доспехов нет на свете. Хоть бы скорее рас-
свело!

Герцог Орлеанский

Доспехи у вас превосходные, но отдайте должное и моему
коню.

Коннетабль

Это лучший конь в Европе.

Герцог Орлеанский

Неужели никогда не наступит утро?

Дофин

Вы, герцог Орлеанский, и вы, великий коннетабль, толкуете о
лошадях и доспехах...

Герцог Орлеанский

Вас-то не перешеголяет ни конем, ни доспехами никакой принц.

Дофин

Как тянется эта ночь! — Я не променял бы своего коня ни на
какое животное о четырех копытах. Ça, ha! ¹ Он отскакивает от
земли, словно мяч, набитый волосом: le cheval volant, Пегас, qui a
les narines de feu ². Когда я скачу на нем, я парю над землей; я со-
кол; он несется по воздуху; земля звенит, когда он заденет ее ко-
пытом. Самый скверный рог его копыт поспорит в гармонии со
свирелью Гермеса.

Герцог Орлеанский

А мастью — прямо мускатный орех.

Дофин

И горяч, как имбирь. Настоящий конь Персея. Он весь — воз-
дух и огонь, а тяжелые стихии — земля и вода — проявляют-
ся в нем, лишь когда он терпеливо стоит, готовый принять

¹ Да, скажу я вам! (Франц.)

² Летящий конь... огнедышащий. (Франц.)

в седло всадника. Да, это конь, а все остальные лошади перед ним — клячи.

К о н н е т а б л ь

В самом деле, принц, это самый лучший, самый прекрасный конь в мире.

Д о ф и н

Он король скакунов; его ржание звучит как приказ монарха, и его осанка внушает почтение.

Г е р ц о г О р л е а н с к и й

Довольно, кузен.

Д о ф и н

О нет! Кто не сможет воспевать моего скакуна с пробужденья жаворонка до отхода на покой ягнят, тот попросту глуп. Эта тема неисчерпаема, как море. Стань каждая песчинка красноречивым языком, всем им хватило бы разговоров о моем коне. Он достоин того, чтобы о нем размышлял король, чтобы на нем скакал король королей. Весь мир, ведомый нам и неведомый, должен был бы бросить все дела и только восхищаться им. Однажды я написал в его честь сонет, который начинается так: «Природы чудо...».

Г е р ц о г О р л е а н с к и й

Я слышал один сонет, написанный кем-то своей возлюбленной; он начинается именно так.

Д о ф и н

Значит, он подражал сонету, который я написал моему скакуну, ибо моя возлюбленная — это моя лошадь.

Г е р ц о г О р л е а н с к и й

Ваша возлюбленная хорошо вас носит.

Д о ф и н

Меня — хорошо! В этом-то и заключается совершенство хорошей и образцовой возлюбленной.

К о н н е т а б л ь

Однако, мне кажется, вчера ваша возлюбленная строптиво сбросила вас с себя.

Д о ф и н

Может быть, так же поступила с вами и ваша.

К о н н е т а б л ь

Но моя-то не была взнуздана.

Д о ф и н

О, должно быть, потому, что она у вас старая и смирная, и вы скакали на ней, как ирландский кёрн, без французских шаровар, в одних собственных штанах в обтяжку.

К о н н е т а б л ь

Вы, видно, знаете толк в верховой езде.

Д о ф и н

В таком случае я предостерегаю вас: кто так скачет без всяких предосторожностей, легко может угодить в гнилое болото. Я предпочитаю иметь возлюбленную лошадь.

К о н н е т а б л ь

А мне хочется, чтобы моя любовница была дикой лошадкой.

Д о ф и н

У моей возлюбленной, коннетабль, волосы по крайней мере свои.

К о н н е т а б л ь

Я мог бы также этим похвастаться, если бы моей возлюбленной была свинья.

Д о ф и н

Le chien est retourné à son propre vomissement, et la truie lavée au boubier¹. Ты ничем не брезгуешь.

К о н н е т а б л ь

Я, однако, не пользуюсь лошастью вместо возлюбленной и пословицами, не идущими к делу.

Р а м б ю р

Скажите, почтенный коннетабль, что изображено на доспехах, которые я видел вчера вечером у вас в палатке,— звезды или солнце?

К о н н е т а б л ь

Звезды.

¹ «Собака вернулась к своей блевотине, а вымытая свинья — к грязной луже». (Франц.)

Дофин

Боюсь, что утром немало их померкнет.

Коннетабль

На моем небе в звездах никогда не будет недостатка.

Дофин

Возможно, потому что на нем слишком много их, и вам же будет больше чести, если их поубавится.

Коннетабль

Так же обстоит и с вашим конем, которого вы нагрузили похвалами: он бы лучше скакал, если бы с него сбросили часть их.

Дофин

А я хотел бы нагрузить на него столько похвал, сколько он заслуживает.— Ах, неужели никогда не рассветет! Завтра я проскачу целую милю, и путь мой будет усыпан головами англичан.

Коннетабль

Ну, этого я себе не пожелаю: так, пожалуй, можно и сбиться с пути. Хоть бы скорее настало утро! Уж очень мне хочется схватить за уши англичан.

Рамбюр

Кто хочет бросить кости? Ставка — два десятка пленных англичан.

Коннетабль

Вам придется сначала рискнуть своими костями, чтобы добыть этих пленных.

Дофин

Уж полночь. Пойду вооружаться. *(Уходит.)*

Герцог Орлеанский

Дофин не может дожидаться утра.

Рамбюр

Он хочет отведать английской крови.

Коннетабль

Мне кажется, он съест всё, что убьет.

Герцог Орлеанский

Клянусь белоснежной ручкой моей дамы, он храбрый принц!

Коннетабль

Поклянитесь лучше ее ножкой, чтобы она могла растоптать вашу клятву.

Герцог Орлеанский

Он поистине самый деятельный человек во Франции.

Коннетабль

Быть деятельным — значит что-нибудь делать, а уж он всегда что нибудь да делает.

Герцог Орлеанский

Насколько мне известно, он никому не причинил вреда.

Коннетабль

Он и завтра никому не причинит вреда и сохранит свою репутацию добряка.

Герцог Орлеанский

Я знаю, что он храбр.

Коннетабль

Мне это говорил один человек, который знает его лучше, чем вы.

Герцог Орлеанский

Кто же это?

Коннетабль

Да он сам, черт возьми! Он еще прибавил, что ему все равно, знают об этом другие или нет.

Герцог Орлеанский

Ему в этом нет пужды; храбрость — не из скрытых его добродетелей.

Коннетабль

Клянусь честью, это не так; никто не видел его храбрости, кроме его лакея. Его храбрость, как сокол, в колпачке: стоит снять с нее колпачок — и она мигом улечувивается.

Герцог Орлеанский

«От недруга не жди доброго слова».

Коннетабль

Эту пословицу я покрою другой: «Дружба льстива».

Герцог Орлеанский

А я прихлопну вашу третью: «Отдай должное и черту».

Коннетабль

Метко сказано! В данном случае чертом является ваш друг. А вот еще пословица — не в бровь, а прямо в глаз: «Дай дьяволу в морду».

Герцог Орлеанский

Вы сильнее меня в пословицах; недаром говорится: «Дурак всегда стреляет быстро».

Коннетабль

Ваша стрела не попала в цель.

Герцог Орлеанский

Уж очень цель незаметная.

Входит гонец.

Гонец

Великий коннетабль, англичане находятся всего в полутора тысячах шагов от вашей палатки.

Коннетабль

Кто мерил расстояние?

Гонец

Сеньор Гранпре.

Коннетабль

Он храбрый и весьма опытный дворянин. Ах, скорее бы рассвело! Бедняга Гарри Английский! Уж он-то, наверно, не жаждет уга, как мы.

Герцог Орлеанский

Какой жалкий глупец этот английский король! Как он зарвался со своими тупоголовыми молодцами!

Коннетабль

Если бы у англичан была хоть капля здравого смысла, они бы удрали от нас.

Герцог Орлеанский

Да, им этого не хватает. Если бы их головы были защищены броней разума, они не носили бы на них таких гяжелых шлемов.

Рамбюр

Их остров — родина храбрых созданий: их бульдоги необычайно воинственны.

Герцог Орлеанский

Дурацкие псы! Они кидаются прямо в пасть русскому медведю, и он разгрызает их черепа, как гнилые яблоки. Так можно называть храброй и блоху, которая завтракает на губе льва.

Коннетабль

Верно-верно! Эти люди сильно смахивают на бульдогов. Они лезут напролом, оставив разум вместе с женами дома. Дайте им хороший кусок говядины да добрый меч в руки, — и они будут жрать, как волки, и драться, как дьяволы.

Герцог Орлеанский

Да, но сейчас эти англичане испытывают сильный недостаток в говядине.

Коннетабль

В таком случае мы завтра убедимся, что у них аппетит только к еде, а не к драке. — Однако пора вооружаться. Идемте, надо быть наготове.

Герцог Орлеанский

Теперь лишь два часа, а к десяти
По сотне пленных сможем нагрести.

Уходят.

А К Т IV

П Р О Л О Г

Входит Х о р.

Х о р

Теперь вообразите поздний час,
Когда ползущий гул и волны мрака
Корабль вселенной буйно заливают.
От стана в стан, сквозь недра хмурой ночи,
Гуденье войска долетает глухо,
И часовые могут различить
Враждебной стражи приглушенный шепот.
Костры отвечают кострам; в огнях
Видны врагов темнеющие лица,
И конь грозит коню, надменным ржаньем
Пронзая ночь глухую; а в шатрах
Хлопочут оружейники, скрепляя
На рыцарях доспехи молотком;
Растет зловещий шум приготовлений.
Запел петух, и заспанному утру
Часы на башне три часа пробили.
Своим числом гордясь, душой спокойны,
Беспечные и наглые французы
Разыгрывают в кости англичан,
Браня тоскливую, хромую ночь,
Что, словно ведьма старая, влачится
Так медленно. Бедняги англичане,

Как жертвы, у сторожевых костров
Сидят спокойно, взвешивая в мыслях
Опасность близкую; понурый облик,
Худые щеки, рваные мундиры
Им придают в сиянии луны
Вид мрачных призраков. Но кто увидит
Вождя высокого отрядов жалких,
Палатки обходящего и стражу,
Воскликнет тот: «Хвала ему, хвала!»
Обходит он один свои войска,
Приветствует со скромною улыбкой,
Зовет их: братья, земляки, друзья.
На царственном лице не видно страха
Пред мощной ратью, окружившей их.
Бессонная и тягостная ночь
Не согнала с его лица румянец;
Он смотрит бодро, побеждая немощь
С таким веселым, величавым видом,
Что каждый, как бы ни был он измучен,
В его глазах поддержку обретет.
Дары обильные, подобно солнцу,
Взор щедрый короля струит на всех.
Страх тает: каждый, знатный и прсстой,
Глядит на облик Генриха в ночи,
Начертанный рукою нашей слабой.
На поле битвы сцена перейдет,
И мы должны — о горе! — опорочить
Смешным и жалким подражаньем боя,—
Где четверо иль пятеро бойцов
Нелепо машут ржавыми мечами,—
Честь Азинкура. Все ж вообразите
Событий правду в жалкой передаче.

(Уходит.)

С Ц Е П А 1

Английский лагерь под Азинкуром.

Входят король Генрих, Бедфорд Глостер.

К о р о л ь Г е н р и х

Да, правда, Глостер, велика опасность:
Тем больше быть должна отвага наша.—
Брат Бедфорд, с добрым утром.— Боже правый!

Добра частица есть во всяком зле,
Лишь надо мудро извлекать ее.
Лихой сосед нас поднял спозаранку,—
Полезно это нам, а также делу;
Притом для нас он — как бы наша совесть
И проповедник: нас он призывает
Достойно приготовиться к кончине.
Так можем мы добыть из плевел мед,
У дьявола добру учиться можем.

Входит Эрпингем.

День добрый вам, сэр Томас Эрпингем.
Милей для вашей головы седой
Подушка мягкая, чем дерн французский.

Эрпингем

Нет, государь, мне любо это ложе;
Могу сказать: я сплю, как мой король.

Король Генрих

Как хорошо, когда пример нас учит
Любить невзгоды: на душе легко.
Когда же дух ободрен, без сомненья,
Все наши члены, мертвые дотоле,
Могильный сбросив сон, как змеи — кожу,
Придут в движенье бодро и легко.—
Сэр Томас, одолжи мне плащ твой.— Братья,
Мой утренний привет вы передайте
Всем принцам в нашем стане, а затем
Просите их в моем шатре собраться.

Глостер

Исполним, государь.

Глостер и Бедфорд уходят.

Эрпингем

А мне быть с вами?

Король Генрих

Нет, мой добрый рыцарь;
С моими братьями пойдите к лордам;
Совет с моей душой держать я должен,
И общества другого мне не надо.

Э р п и н г е м

Храни тебя господь, отважный Гарри!

(Уходит.)

К о р о л ь Г е н р и х

Спасибо, старина, на добром слове.

Входит Пистоль.

П и с т о л ь

Qui va là? ¹

К о р о л ь Г е н р и х

Свой.

П и с т о л ь

Скажи мне толком, кто ты: офицер?

Иль из народа низкого, простого?

К о р о л ь Г е н р и х

Я дворянин,— командую отрядом.

П и с т о л ь

Орудуешь копьем?

К о р о л ь Г е н р и х

Вот именно. А ты?

П и с т о л ь

Такой же дворянин, как император.

К о р о л ь Г е н р и х

Так, значит, ты знатнее короля.

П и с т о л ь

Король — миляга, золотое сердце,

Проворный парень и любимец славы;

Он родом знатен, кулаком силен.

Башмак его целую грязный. Сердцем

Люблю буяна. Как тебя зовут?

К о р о л ь Г е н р и х

Гарри Le Roy ².

¹ Кто идет? (Франц.)

² Король. (Франц.)

П и с т о л ь

Леруа! Должно быть, корнуэлец ты?

К о р о л ь Г е н р и х

Нет, я уэлец.

П и с т о л ь

Ты знаешь Флюэллена?

К о р о л ь Г е н р и х

Как же, знаю.

П и с т о л ь

Скажи ему: в Давидов день сорву я
С его башки порей.

К о р о л ь Г е н р и х

Смотри не носи в этот день кинжала в своей шапке, не то он
всадит его тебе в голову.

П и с т о л ь

Ты друг ему?

К о р о л ь Г е н р и х

Да, и к тому же его родственник.

П и с т о л ь

Так фигу получай!

К о р о л ь Г е н р и х

Спасибо. Бог с тобой.

П и с т о л ь

Меня зовут Пистоль.

(Уходит.)

К о р о л ь Г е н р и х

Свирепое тебе подходит имя.

Входят с разных сторон Флюэллен и Гауэр.

Г а у э р

Капитан Флюэллен!

Ф л ю э л л е н

Да, только, ради Христа, говорите потише. Вся вселенная негодует, когда не соблюдают добрых старых военных законов и обычаев. Если вы потрудитесь изучить войны Помпея Великого, уверяю вас, вы увидите, что в лагере Помпея никогда не было никакой болтовни и трескотни. Уверяю вас, вы увидите, что тогда все было совсем иное: и военные формальности, и правила, и поведение, и умеренность, и скромность.

Г а у э р

Да ведь неприятель-то шумит; его слышно всю ночь.

Ф л ю э л л е н

Если неприятель осел, дурак и болтливый хвастун, так разве мы должны тоже быть — как бы это сказать — ослами, дураками и хвастунами? Ну-ка, скажите по совести.

Г а у э р

Я буду говорить тише.

Ф л ю э л л е н

Прошу и умоляю вас об этом.

Г а у э р и Ф л ю э л л е н уходят.

К о р о л ь Г е н р и х

Уэлец этот, хоть и старомоден,
По мужеству, усерден, благороден.

Входят три солдата — Джон Бетс, Александер Корт
Майкл Уильямс.

К о р т

Братец Джон Бетс, что это, уж не светает ли?

Б е т с

Как будто бы так; только нам нечего особенно желать, чтобы настало утро.

У и л ь я м с

Вот мы сейчас видим, как занимается день, а конца его, может быть, и не увидим.— Кто там?

К о р о л ь Г е н р и х

Свой.

Уильямс

Из какого отряда?

Король Генрих

Сэра Томаса Эрпингема.

Уильямс

Это старый, славный начальник и очень добрый человек. Скажи мне, пожалуйста, что он думает насчет нашего положения?

Король Генрих

Он находит его похожим на положение людей, которые после крушения выброшены на отмель и ждут, что их унесет в море первый прилив.

Бетс

А он говорил это королю?

Король Генрих

Нет, да этого и не следовало делать. Ведь, между нами говоря, король — такой же человек, как я. Фиалка пахнет для него так же, как и для меня; небо представляется ему таким же, как и мне; все чувства у него такие же, как у всех людей. Если снять с него королевские его уборы, он окажется в наготе своей обыкновенным человеком, и, хотя его стремления взлетают выше наших, они опускаются на землю так же, как у всех нас. Значит, если у него, как и у нас, есть причины для опасений, то его страх ничем не отличается от нашего. Поэтому будем остерегаться заразить его своим страхом, ибо, если он проявит страх, все войско падет духом.

Бетс

Он может храбриться для вида сколько угодно, а все-таки я думаю, что, как ни холодна эта ночь, он предпочел бы сидеть теперь по горло в Темзе, — да и я с ним, что бы там со мной ни случилось, — только бы быть подальше отсюда.

Король Генрих

Скажу вам по совести свое мнение о короле: я думаю, что он хотел бы быть там, где он теперь, и больше нигде.

Бетс

Если так, я хотел бы, чтобы он был здесь один; тогда его наверно бы выкупили и много бедняг осталось бы в живых.

Король Генрих

Думаю, что ты не так уж его ненавидишь и не можешь от души пожелать, чтобы он оказался здесь один, а говоришь так нарочно, чтобы узнать мнение своих товарищей. Мне думается, нигде смерть не была бы мне так желанна, как возле короля; ведь дело его правое и притязания вполне законны.

Уильямс

Ну, этого нам не дано знать.

Бетс

Да и незачем нам в это вникать. Мы знаем только, что мы подданные короля, и этого для нас достаточно. Но если бы даже его дело было неправым, повиновение королю снимает с нас всякую вину.

Уильямс

Да, но если дело короля несправое, с него за это взыщется, да еще как. Ведь в судный день все ноги, руки, головы, отрубленные в сражении, соберутся вместе и возопиют: «Мы погибли там-то!», и одни будут проклинать судьбу, другие призывать врача, третьи — своих жен, что остались дома в нищете, четвертые горевать о невыплаченных долгах, пятые — о своих осиротевших маленьких детях. Боюсь, что мало солдат, умирающих в бою со спокойной душой; да и как солдату умирать с благочестивыми мыслями, когда у него одно лишь кровопролитие на уме? И вот, если эти люди умрут не так, как подобает, тяжелая ответственность падет на короля, который довел их до этого; ведь послушаться короля — значит нарушить законы и долг верности.

Король Генрих

Так, значит, по-вашему, если отец пошлет своего сына по торговым делам на корабле, а тот погибнет во грехах своих на море, то ответственность за его порочность должна пасть на его отца, который его послал? Или если хозяин пошлет куда-нибудь слугу с деньгами, а на того нападут по дороге разбойники и он умрет без покаяния, то приказ господина вы будете считать причиной гибели души слуги? Нет, это вовсе не так. Король не ответствен за смерть каждого отдельного из своих солдат, как и отец или господин не отвечают за смерть сына или слуги, потому что, отдавая им приказания, они не думали об их смерти. Вдобавок ни один король, как бы ни было безгрешно его дело, в случае если придется защищать его мечом, не может набрать войска из одних безгрешных людей. У одних может оказаться на совести предна-

меренное убийство; другие, может быть, обманывали девушек, нарушая данные им клятвы; третьи пошли на войну, чтобы скрыться, как за брестером, от суда за грабеж или насилие, которыми они успели осквернить чистое лоно мира. Но если всем этим нарушителям закона и удалось избежать наказания у себя на родине — ибо от людей они могли скрыться, — то нет у них крыльев, чтобы улететь от бога. Война — бич божий, кара господня; и потому здесь, на королевской войне, люди несут наказание за прежние нарушения королевских законов. Там, где они боялись смерти, они спасали свою жизнь, а там, где они считают себя в безопасности, они гибнут. Итак, если они умрут без покаяния, король не будет виновен в гибели их души, как и раньше он не был виновен в проступках, за которые они отвечают теперь. Каждый подданный должен служить королю, но душа каждого принадлежит ему самому. Поэтому каждый солдат, идя на войну, подобно больному на смертном ложе, должен очистить свою совесть от малейших частиц зла. Тогда, если он умрет, — благо ему; если же не умрет, то время, потраченное им на такое приготовление, не будет для него потеряно даром, и он получит великую пользу; и кто уцелеет, тому не грех думать, что в награду за такое усердие господь сохранил ему жизнь, дабы он познал величие божие и научил других готовиться к смерти.

У и л ь я м с

Разумеется, когда помирает грешник, его грехи падают на его голову, а король за это не может отвечать.

Б е т с

Я вовсе не хочу, чтобы он отвечал за меня, и все-таки я решил храбро за него драться.

К о р о л ь Г е н р и х

Я сам слышал, как король говорил, что он не хочет, чтобы за него платили выкуп.

У и л ь я м с

Ну да, он сказал это нарочно, чтобы мы лучше дрались; но, когда всем нам перережут глотку, все равно его выкупят, а нам от этого лучше не будет.

К о р о л ь Г е н р и х

Если я доживу до этого, я перестану верить его королевскому слову.

Уильямс

Подумаешь, испугал его! Для монарха гнев его жалкого подданного так же страшен, как выстрел из игрушечного ружья. Это все равно как если бы ты вздумал заморозить солнце, помахивая на него павлиньим пером. Он перестанет верить королевскому слову! Какой вздор!

Король Генрих

Ты слишком резок на язык; в другое время я бы этого не спустил тебе.

Уильямс

Давай рассчитаемся после, если останемся в живых.

Король Генрих

Согласен.

Уильямс

А как мне узнать тебя?

Король Генрих

Дай мне какой-нибудь залог — я буду носить его на шапке; и если ты осмелишься признать его, мы с тобой посчитаемся.

Уильямс

Вот моя перчатка; дай мне взамен твою.

Король Генрих

Бери!

Уильямс

Я буду тоже носить ее на шапке; и, если ты подойдешь ко мне завтра после битвы и скажешь: «Это моя перчатка», — клянусь рукой, я влеплю тебе пощечину.

Король Генрих

Если только я останусь в живых, я потребую мою перчатку обратно.

Уильямс

Рассказывай! Этак ты, пожалуй, и на виселицу добровольно полезешь.

Король Генрих

Я потребую ее у тебя даже в присутствии короля.

У и л ь я м с

Смотри сдержи слово. Прощай.

Б е т с

Помирись вы, английские дураки! Да ну же, помирись!
Довольно нам драки с французами; управьтесь сначала с ними.

К о р о л ь Г е н р и х

В самом деле, французы могут поставить двадцать французских крон против одной, что поколотят нас. Но англичанину не грех будет вырвать у них эти кроны, и завтра сам король примется за дело.

С о л д а т ы у х о д я т .

Все, все — на короля! За жизнь, за душу,
За жен, и за детей, и за долги.
И за грехи — за все король в ответе!
Я должен все снести. О тяжкий долг!
Близнец величия, предмет злословья
Глупца любого, что способен видеть
Лишь горести свои! О, скольких благ,
Доступных каждому, лишен король!
А много ль радостей ему доступно —
Таких, каких бы каждый не имел,
Коль царственную пышность исключить?
Но что же ты такое, идол-пышность?
Что ты за божество, когда страдаешь
Сильнее, чем поклонники твои?
Какая польза от тебя и прибыль?
О пышность, покажи, чего ты стоишь!
Чем вызываешь в людях обожанье?
Ведь ты не более как званье, форма,
Внушающие трепет и почтенье.
Тебя страшатся, а несчастней ты
Боящихся тебя.
Как часто вместо восхищенья пьешь
Ты лести яд! О, захворай, величье,
И пышности вели себя лечить.
Как думаешь, погаснет жар болезни
Пред титулами, что раздуты лестью?
Поклоны низкие недуг прогонят?
Тебя послушны нищего колени,
Но не его здоровье. Сон спесивый,
Играющий покоем короля,

Король постиг тебя! Известно мне,
Что ни елей, ни скипетр, ни держава,
Ни меч, ни жезл, ни царственный венец,
Ни вышитая жемчугом порфира,
Ни титул короля высокопарный,
Ни трон его, ни роскоши прибой,
Что бьется о высокий берег жизни,
Ни эта ослепительная пышность —
Ничто не обеспечит государю
Здоровый сон, доступный бедняку.
С желудком полным, с головой порожней,
Съев горький хлеб нужды, он отдыхает,
Не ведает ночей бессонных, адских:
Поденщиком с зари и до зари
В сиянье Феба трудится, а ночью
Он спит в Элизии. С рассветом встав,
Подводит он коней Гипериону,
И так живет он день за днем весь год,
В трудах полезных двигаясь к могиле.
Когда б не пышность, этаким бедняк,
Работой дни заполнив, ночи — сном,
Во всем счастливей был бы короля.
Ничтожный раб вкушает дома мир,
И грубому уму не догадаться,
Каких забот монарху стоит отдых,
Которым наслаждается крестьянин.

Входит Эрпингем

Эрпингем

Встревожены отлучкой вашей лорды,
Вас ищут, государь.

Король Генрих

Мой добрый рыцарь,
Вели им всем собраться в мой шатер;
Я буду там скорей тебя.

Эрпингем

Исполню.

(Уходит.)

Король Генрих

О бог сражений! Закали сердца,
Солдат избавь от страха и лиши

Способности считать число врагов,
Их устрашающее. На сегодня,
О, на сегодня, боже, позабудь
Про грех отца — как он добыл корону!
Прах Ричарда я царственно почтил,
И больше горьких слез над ним я пролил,
Чем крови вытекло из жил его.
Пять сотен бедняков я призреваю,
Что воздевают руки дважды в день,
Моля прощения за кровь. Построил
Я две часовни; грустные монахи
Там поминают Ричарда. Готов я
И больше сделать, хоть ничтожно все,
Пока я не покаюсь сам в грехах,
Взывая о прощенье.

Входит Глостер.

Глостер

Мой государь!

Король Генрих

Не Глостера ли голос? —
Меня ты ищешь? Я иду с тобой.—
Там ждут меня зоря, друзья и бой.

Уходят.

СЦЕНА 2

Французский лагерь.

Входят дофин, герцог Орлеанский, Рамбюр и другие.

Герцог Орлеанский

Луч золотит доспехи наши. В бой!

Дофин

Montez à cheval! ¹ Коня! Слуга! Стремянный!

Герцог Орлеанский

О, благородный пыл!

¹ Садитесь на коней! (Франц.)

Дофин

Via!.. Les eaux et la terre! ¹

Герцог Орлеанский

Rien plus? L'air et le feu! ²

Дофин

Ciel ³, мой кузен.

Входит коннетабль.

Ну что, мой коннетабль?

Коннетабль

Вы слышите, как ржут пред боем кони?

Дофин

На них вскочив, в бока вонзите шпоры,
Чтоб кровь их брызнула врагам в глаза,
И лихо убивайте англичан!

Рамбю

Коль кровью наших скакунов заплачут,
Их собственных мы не увидим слез.

Входит гонец.

Гонец

Враги уже готовы к бою, пэры.

Коннетабль

Так на коней, о принцы, на коней!
Взгляните лишь на этот сброд голодный
И обнищальный — и ваш гордый вид
У них тотчас все мужество отнимет
И превратит их в шелуху людей.
Работы мало здесь для наших рук:
В их скудных жилах еле хватит крови,
Чтобы кривые сабли обагрить,
Что обнажат французские герои
И вложат праздными в ножны; лишь душем —
И дух отваги нашей их убьет.
Вне всякого сомнения, сеньоры,

¹ В путь! Воды и земля! (Франц.)

² И это все? Воздух и огонь! (Франц.)

³ Небо. (Франц.)

Хватило бы обозных и крестьян,
Толпящихся в ненужной суетне
Вокруг отрядов наших, чтобы поле
Очистить от ничтожного врага;
А мы стояли б зрителями праздну
У основания этого холма.
Но не позволит это наша честь.
Что вам еще сказать? Нажмем слегка —
И дело сделано! Пусть трубный гром
Вам возвестит: в седло! — и бой начнем.
Едва появимся на поле, страх
Пред нами англичан повергнет в прах!

Входит Гранпре.

Гранпре

Что медлите, французские сеньоры?
Дрожа за шкуру, падаль островная
Собой пятнает утреннее поле.
Их тряпки рваные висят плачевно,
И ветер наш презрительно их треплет.
Марс кажется банкротом в их толпе:
Едва глядит сквозь ржавое забрало;
И всадники в недвижности своей
Походят на фигуры канделябров,
Что держат свечи; у несчастных кляч,
Что головы понурили свои,
Слезятся тусклые глаза, и кожа
Повисла складками на их боках.
Поникли удила у бледных губ,
Недвижные, испачканные жвачкой;
И палачи их, наглые вороны,
Кружа над нимп, часа смерти ждут.
Нет слов, чтобы живую дать картину
Безжизненности этих войск, какую
Они собою в жизни представляют.

Коннетабль

Они прочли молитвы; смерти ждут.

Дофин

Уж не послать ли им обед, и платья,
И корму для голодных лошадей,
Пред тем как бой начать?

К о н н е т а б л ь

Я стяг свой ожидаю. Но пора!
У трубача я стяг его возьму —
Он мне заменит мой. Вперед, вперед!
Высоко солнце, день нам славу шлет.

Уходят.

С Ц Е Н А 3

Английский лагерь.

Входят Глостер, Бедфорд, Эксетер, Эрпингем с английским войском, Солсбери и Уэстморленд.

Г л о с т е р

А где ж король?

Б е д ф о р д

Осматривает вражеское войско.

У э с т м о р л е н д

Их будет тысяч шестьдесят бойцов.

Э к с е т е р

Да, по пяти на одного — и свежих.

С о л с б е р и

Храни нас бог! Как силы неравны!
Прощайте, принцы: долг меня зовет.
Коль нам на этом свете не придется
Увидеться, то радостно пред смертью
Простимся мы, мой благородный Бедфорд,
Мой милый Глостер, Эксетер добрейший,
И ты, кузен, и воины! Прощайте!

Б е д ф о р д

Прощай, мой Солсбери! Желаю счастья.

Э к с е т е р

Прощай, мой добрый граф, сражайся храбро!
Хоть я напрасно это говорю:
Ты воплощение самой отваги.

С о л с б е р и уходит.

Бедфорд

Он полон мужества и доброты,
Как подобает принцу.

Входит король Генрих.

Уэстморленд

Если б нам
Хотя бы десять тысяч англичан
Из тех, что праздными теперь сидят
На родине!

Король Генрих

Кто этого желает?
Кузен мой Уэстморленд? Ну нет, кузен:
Коль суждено погибнуть нам, — довольно
Потерь для родины; а будем живы, —
Чем меньше нас, тем больше будет славы.
Да будет воля божья! Не желай
И одного еще бойца нам в помощь.
Клянусь Юпитером, не алчен я!
Мне всё равно: пусть на мой счет живут;
Не жаль мне: пусть мои одежды носят;
Вполне я равнодушен к внешним благам.
Но, если грех великий — жаждать славы,
Я самый грешный из людей на свете.
Нет, не желай, кузен, еще людей нам.
Клянусь создателем, я б не хотел
Делиться славой с лишним человеком.
Нет, не желай подмоги, Уэстморленд,
А лучше объяви войскам, что всякий,
Кому охоты нет сражаться, может
Уйти домой; получит он и пропуск
И на дорогу кроны в кошелёк.
Я не хотел бы смерти рядом с тем,
Кто умереть боится вместе с нами.
Сегодня день святого Криспиана;
Кто невредим домой вернется, тот
Воспрянет духом, станет выше ростом
При имени святого Криспиана.
Кто, битву пережив, увидит старость,
Тот каждый год в канун, собрав друзей,
Им скажет: «Завтра праздник Криспиана»,

Рукав засучит и покажет шрамы:
«Я получил их в Криспианов день».
Хоть старики забывчивы, но этот
Не позабудет подвиги свои
В тот день; и будут наши имена
На языке его средь слов привычных:
Король наш Гарри, Бедфорд, Эксетер,
Граф Уорик, Толбот, Солсбери и Глостер —
Под звон стаканов будут поминаться.
Старик о них расскажет повесть сыну,
И Криспианов день забыт не будет
Отныне до скончания веков;
С ним сохранится память и о нас —
О нас, о горсточке счастливых, братьев.
Тот, кто сегодня кровь со мной прольет,
Мне станет братом: как бы ни был низок,
Его облагородит этот день;
И проклянут свою судьбу дворяне,
Что в этот день не с нами, а в кровати:
Язык прикусят, лишь заговорит
Соратник наш в бою в Криспианов день.

Входит Солсбери.

Солсбери

Мой государь, готовьтесь бой принять:
Стоят французы в строе боевом;
Сейчас они обрушатся на нас.

Король Генрих

Коль мы готовы духом, — все готово.

Уэстморленд

Пушай погибнет тот, кто духом слаб!

Король Генрих

Кузен, подмоги больше ты не хочешь?

Уэстморленд

Будь божья воля, я вдвоем с тобою
Принять хотел бы этот славный бой!

Король Генрих

Пять тысяч воинов ты отвергаешь?
Мне это больше по душе, чем если б
Ты пожелал еще хоть одного.
Все по местам! Да будет с вами бог!

Трубы.

Входит Монжуа.

Монжуа

Еще раз прихожу узнать, король,
Не хочешь ли ты предложить нам выкуп,
Пока твое паденье не свершилось?
Ты, без сомненья, на краю пучины:
Она тебя поглотит. Коннетабль
Тебя во имя милосердия просит
Напомнить спутникам о покаянье,
Чтоб души их спокойно отлетели
С полей, где лягут жалкие тела
И будут гнить.

Король Генрих

Кем послан ты теперь?

Монжуа

Великим коннетаблем.

Король Генрих

Ответ мой прежний передай ему:
Сперва меня убейте, а потом
Мои продайте кости. Боже мой!
К чему так зло шутить над бедняками?
Был человек: он продал шкуру льва
Еще живого — и убит был зверем.
Не сомневаюсь, многие из нас
На родине могилу обретут,
Где бронза этот день увековечит.
А те, что кости сложат храбро здесь,
Хотя б их погребли в навозных кучах,
Получат славу; солнце их пригреет
И вознесет их доблесть к небесам,
Останки ж их отравят воздух ваш
И разнесут по Франции чуму.

Вот преимущество бойцов английских:
Они и мертвые, подобно пулям,
Что, о землю ударясь, отскочили,
Вторично свой полет возобновляют,
Неся с собою смерть и разрушение.
Я гордо коннетаблю говорю:
Для нас война — суровая работа;
В грязи одежда, позолота стерлась
От переходов тяжких и дождей;
На шлемах нет ни одного пера
(Залог того, что мы не улетим!),
И время превратило нас в верях...
Но мессою клянусь: наш дух исправен,
И обещали мне мои солдаты,
Что к ночи будут все в одеждах новых,
Сорвав камзолы пестрые с французов,
Из строя выбитых. Коль сдержат слово
(Бог даст, случится так), я выкуп мой
Внесу вам скоро. — Не трудись, герольд,
Не приходи за выкупом напрасно:
Лишь тело будет выкупом моим;
А я отдам его в таком лишь виде,
Что вам не будет пользы от него.
Так передай пославшему тебя.

М о н ж у а

Исполню, государь. Итак, прощай.
В последний раз внимаешь ты герольду.
(Уходит.)

К о р о л ь Г е н р и х

Боюсь, придешь ты снова толковать
О выкупе.

Входит герцог Йоркский.

Г е р ц о г Й о р к с к и й

О государь, молю вас
Мне поручить передовой отряд.

К о р о л ь Г е н р и х

Бери его, мой Йорк. — Войска, вперед! —
Пошли сраженью, бог, благой исход!

Уходят.

СЦЕНА 4

Поле сражения.
Шум битвы. Стычки.

Входят Пистоль, французский солдат и мальчик.

Пистоль

Сдавайся, пес!

Французский солдат

Je pense que vous êtes gentilhomme de bonne qualité ¹.

Пистоль

Калите? Calmie, custure me ².

Ты, верно, дворянин? Как звать тебя? Ответствуй.

Французский солдат

○ Seigneur Dieu! ³

Пистоль

О, сеньор Дью — наверно, дворянин.

Мои слова заметь, о сеньор Дью;

О сеньор Дью, умрешь ты от меча,

Коль ты, о сеньор Дью, мне не заплатишь

Изрядный выкуп.

Французский солдат

O, prenez miséricorde! Ayez pitié de moi ⁴.

Пистоль

Питьё? Тут не помогут и червонцы.

Я вырву у тебя путро сквозь горло

Кровавою рукой!

Французский солдат

Est-il impossible d'échapper la force de ton bras? ⁵

¹ Я думаю, вы знатный дворянин. (Франц.)

² Пистоль отвечает французу бессмысленным набором звуков, искажая припев ирландской народной песни: Coleen, oge astore. (Девушка, сокровище мое).

³ О боже мой! (Франц.)

⁴ О, будьте милосердны, пожалейте меня. (Франц.)

⁵ Неужели невозможно спастись от силы твоей руки? (Франц.)

П и с т о л ь

Добра? Ах, пес!
Проклятый, разжиревший ты кабан!
Какого там добра?

Ф р а н ц у з с к и й с о л д а т

O pardonnez moi! ¹

П и с т о л ь

Что ты сказал? Что предлагаешь мне?
Спроси мерзавца, мальчик, по-французски,
Как звать его.

М а л ь ч и к

Ecoutez: comment êtes-vous appelé? ²

Ф р а н ц у з с к и й с о л д а т

Monsieur Le Fer ³.

М а л ь ч и к

Он говорит, что его зовут мистер Фер.

П и с т о л ь

Мистер Ферт? Уж я его, этакое ферта, расферкаю, вконец его переферю! Растолкуй ему это по-французски.

М а л ь ч и к

Я не знаю, как будет по-французски: ферт, расферкаю и переферю.

П и с т о л ь

Скажи: ему я перережу глотку.

Ф р а н ц у з с к и й с о л д а т

Que dit-il, monsieur? ⁴

М а л ь ч и к

Il me commande de vous dire que vous faites vous prêt; car ce soldat ici est disposé tout à cette heure de couper votre gorge ⁵.

¹ О, простите меня! (*Франц.*)

² Послушайте, как вас зовут? (*Франц.*)

³ Господин Ле Фер. (*Франц.*)

⁴ Что говорит он, сударь? (*Франц.*)

⁵ Он мне велит передать вам, чтобы вы приготовились; ибо этот солдат намерен вам немедленно перерезать горло. (*Франц.*)

П и с т о л ь

Вуй, куп ла горже пермафуа ¹, болван;
Коль ты не дашь мне крон, прекрасных крон,—
Я искрошу тебя своим мечом!

Ф р а н ц у з с к и й с о л д а т

O je vous supplie, pour l'amour de Dieu, me pardonner! Je suis le gentilhomme de bonne maison: gardez ma vie, et je vous donnerai deux censt écus ².

П и с т о л ь

Что он сказал?

М а л ь ч и к

Он просит пощады. Он дворянин из хорошей семьи и обещает дать вам за себя выкуп в две сотни крон.

П и с т о л ь

Скажи ему: мой гнев утих, и кроны
Готов я взять.

Ф р а н ц у з с к и й с о л д а т

Petit monsieur, que dit-il? ³

М а л ь ч и к

Encore qu'il est contre son jurement de pardonner aucun prisonnier, néanmoins pour les écus que vous l'avez promis, il est content de vous donner la liberté, le franchissement ⁴.

Ф р а н ц у з с к и й с о л д а т

Sur mes genoux je vous donne mille remerciements, et je m'estime heureux que je suis tombé entre les mains d'un chevalier, je pense, le plus brave, vaillant, et très distingué seigneur d'Angleterre.

Да, перерезать горло, черт побери! (*Франц.*) (Пистоль коверкает те немногие слова, которые знает.)

² Эту реплику мальчик переводит ниже довольно точно.

³ Маленький господин, что он говорит? (*Франц.*)

⁴ То, что хотя он и поклялся не давать пощады ни одному из пленных, он все же согласен за те эку, которые вы ему обещали, отпустить вас на свободу. (*Франц.*)

Следующая реплика француза переведена ниже мальчиком тоже довольно точно.

П и с т о л ь

Ну, поясни мне, мальчик.

М а л ь ч и к

Он на коленях благодарит вас и почитает за счастье, что попал в руки самого храброго, по его мнению, самого благородного и достойного английского рыцаря.

П и с т о л ь

Хоть я пью кровь, но милость окажу.
Иди за мной.

М а л ь ч и к

Suivez-vous le grand capitane ¹.

Пистоль и французский солдат уходят.

Никогда еще я не слыхивал такого зычного голоса от такой ничтожной душонки. Верно говорит пословица: «Пустая бочка пуще гремит». Бардольф и Ним были в десять раз храбрее этого рыкающего дьявола из старинной комедии, — которому, однако, всякий может обрезать когти деревянным кинжалом, — а все-таки их обоих повесили. Да и с ним, наверно, то же случится, если у него хватит храбрости что-нибудь стибрить. Я должен оставаться при обозе с другими слугами. Если бы только французы узнали, что обоз у нас некому стеречь, кроме мальчишек, они бы здорово у нас поживились. (*Уходит.*)

С Ц Е Н А 5

Другая часть поля сражения.

Входят коннетабль, герцог Орлеанский, герцог Бурбонский, дофин и Рамбюр.

К о н н е т а б л ь

O diable! ²

Г е р ц о г О р л е а н с к и й

O seigneur! Le jour est perdu! Tout est perdu! ³

¹ Следуйте за великим полководцем. (*Франц.*)

² Черт возьми! (*Франц.*)

³ О господи! Погиб день! Все погибло! (*Франц.*)

Д о ф и н

Mort de ma vie! ¹ Всѣ, всѣ теперь погибло!
Позор и вечный стыд на шлемы наши!
O méchante fortune! ²
Зачем бежать?

Шум битвы нарастает.

К о н н е т а б л ь

Ведь сломлены ряды.

Д о ф и н

Позор навек! Скорей с собой покончим!
Не их ли мы разыгрывали в кости?

Г е р ц о г О р л е а н с к и й

Не у него ль мы требовали выкуп?

Г е р ц о г Б у р б о н с к и й

Стыд! Вечный стыд для нас! Один лишь стыд!
Умрем со славой! Снова на врага!
Кто не пойдет за герцогом Бурбонским,
Пусть прочь идет и с шапкою в руках,
Как подлый сводник, охраняет дверь,
Пока лакей, гнусней моей собаки,
Его прекраснейшую дочь бесчестит.

К о н н е т а б л ь

Нам в помощь беспорядок, что сгубил нас!
Идем толпой и жизни отдадим!

Г е р ц о г О р л е а н с к и й

Еще нас много здесь живых на поле,
И хватит, чтобы англичан сломить:
Лишь надо нам восстановить порядок.

Г е р ц о г Б у р б о н с к и й

Порядок к черту! Ринусь прямо в свалку!
Позор грозит нам. Жизни мне не жалко.

Уходят.

¹ Черт меня побери! (Франц.)

² О злая судьба! (Франц.)

СЦЕНА 6

Другая часть поля сражения.
Шум битвы.

Входят король Генрих, Эксетер и другие с войсками.

Король Генрих

Ну, земляки, мы хорошо сражались,
Но бой еще не кончен: враг — на поле.

Эксетер

Вам герцог Йоркский шлет привет, король мой.

Король Генрих

Он жив, мой дядя? Трижды видел я,
Как падал он и вновь вставал сражаясь;
От шпор до шлема был он весь в крови.

Эксетер

В уборе э том он, храбрец, лежит,
Равнину утучняя; рядом с ним,
Товарищ верный по кровавым ранам,
Лежит и Сеффолк, благородный граф.
Он умер первым; Йорк, залитый кровью,
Подполз к нему, лежавшему недвижно,
И, взяв за бороду, приник устами
К зиявшим ранам на его лице
И так молил: «О, подожди, кузен!
Моя душа с твоей умчится в небо.
Повремени, друг милый! Полетим
Мы вместе ввысь, как в этой битве славно
Сражались рядом, рыцари-друзья!»
Я подошел, стал ободрять его.
Он улыбнулся, протянул мне руку
И, чуть пожав, сказал: «Мой добрый лорд,
Вы королю привет мой передайте!»
И, раненой рукою шею друга
Обняв, поцеловал его в уста!
Так, обрученный смерти, он скрепил
Святой завет любви своею кровью.
Прекрасная картина эта слезы
Из глаз моих исторгла против воли:
Мне изменило мужество на миг
И слабость матери во мне воскресла
В потоке слез.

Король Генрих

Я вас не осуждаю:
Внимая вам, могу я лишь с трудом
Сдерживать туманящие взор мой слезы.

Трубят тревогу.

Но слушайте, что это за тревога?
Рассеянные силы враг собрал.
Пусть каждый пленников своих убьет!
Отдать приказ.

Уходят.

СЦЕНА 7

Другая часть поля сражения.

Входят Флюэллен и Гауэр.

Флюэллен

Избивать мальчишек и обоз! Это противно всем законам войны. Более гнусного злодейства — как бы это сказать — и придумать нельзя. Скажите по совести, разве я не правду говорю?

Гауэр

Да, ни одного мальчика не оставили в живых! И резню эту устроили трусливые мерзавцы, бежавшие с поля битвы! Мало того, они сожгли и разграбили все, что было в королевской палатке. И король поступил вполне справедливо, приказав, чтобы каждый перерезал глотку своему пленнику. О, наш король молодец!

Флюэллен

Да, капитан Гауэр, ведь он родился в Монмуте. Скажите, как называется город, где родился Александр Большой?

Гауэр

Александр Великий?

Флюэллен

А разве не все равно — Большой или Великий? Большой, великий, могучий, огромный, великолепный — все это. в конце концов, одно и то же, только слова разные.

Гауэр

Мне кажется, Александр Великий родился в Македонии. Насколько я знаю, его отца звали Филиппом Македонским.

Ф л ю э л л е н

Мне тоже кажется, что Александр родился в Македонии. Уверяю вас, капитан, если вы посмотрите на карту мира и сравните Македонию и Монмут, даю вам честное слово, вы убедитесь, что они — как бы это сказать — очень похожи по местоположению. В Македонии есть река, и в Монмуте точно так же имеется река; в Монмуте она называется Уай; но вот как называется та, другая река — у меня совсем вылетело из головы. Но все равно, они похожи друг на друга, как один палец моей руки на другой, и в обеих водятся лососи. Если вы хорошенько рассмотрите жизнь Александра, то увидите, что жизнь Гарри Монмутского очень хорошо ей подражает: вы во всем найдете сходство. Александр, как богу и вам известно, в гневе, в ярости, в бешенстве, в исступлении, в недовольстве, в раздражении и в негодовании, а также в опьянении, напившись эля и разъярившись, — как бы это сказать, — убил своего лучшего друга Клита.

Г а у э р

Наш король в этом отношении ничуть не похож на него: он никогда не убивал своих друзей.

Ф л ю э л л е н

Не годится — как бы это сказать — перебивать мой рассказ, когда он еще не окончен. Я говорю это только фигурально, иносказательно. Подобно тому как Александр убил своего друга Клита, напившись эля, точно так же и Гарри Монмутский, в здравом уме и твердой памяти, прогнал от себя жирного рыцаря с двойным брюхом. Он был шутник, весельчак, балагур и плут; я позабыл, как его звали.

Г а у э р

Сэр Джон Фальстаф.

Ф л ю э л л е н

Да-да, именно так. Смею вас уверить, славные люди рождаются в Монмуте.

Г а у э р

Вот идет его величество.

Барабанный бой.

Входят король Генрих, Уорик, Глостер, Эксетер
и другие с войском.

Король Генрих

Не гневался во Франции ни разу
Я, как сейчас. Возьми трубу, герольд:
Скачи к тем всадникам, что на холме;
Вели спуститься им, коль будут биться,
Иль пусть умчатся, не мозолят глаз.
А не хотят, — мы двинемся на них
И расшвыряем разом их, как камни,
Что из пращей метали ассирийцы.
К тому ж мы перережем глотку пленным;
Не пощадим ни одного из тех,
Кого еще возьмем. Скажи им это.

Входит Монжуа.

Эксетер

Идет герольд французский, государь.

Глостер

На этот раз смиренней вид его.

Король Генрих

Что значит твой приход, герольд? Ты знаешь,
Что только эти кости — выкуп мой.
Ты вновь за выкупом?

Монжуа

Нет, государь;
Я к вам пришел о милости просить.
Позвольте обойти нам поле битвы,
Убитых сосчитать, предать земле
Дворян отдельно от простых людей.
Из наших принцев многие — о горе! —
Лежат, в крови наемников купаясь,
А черни грубые тела смочила
Кровь принцев. Раненые кони бродят,
В крови по щетки, и в смятенье диком
Подковой бьют господ своих убитых,
Вторично умерщвляя их. Позволь же,
Король великий, поле осмотреть
И взять убитых!

Король Генрих

Но, сказать по правде,
За кем победа, я еще не знаю.

Немало ваших всадников я вижу,
По полю скачущих.

Монжуа

Победа — ваша.

Король Генрих

Не нам за то, а господу хвала! —
Как имя замку, что стоит вон там?

Монжуа

То Азинкур.

Король Генрих

Так будет зваться битва в день Криспина
Отныне битвою при Азинкуре.

Флюэллен

С разрешения вашего величества, я читал в хрониках, что ваш прославленный прадед, равно как и ваш двоюродный дед Эдуард, Черный Принц Уэльский, также одержали во Франции блистательные победы.

Король Генрих

Да, Флюэллен.

Флюэллен

Ваше величество изволили сказать истинную правду. Если ваше величество изволите помнить, уэльцы весьма отличились в огороде, где рос порей, а потому украсили свои монмутские шапки пореем; и это, как вашему величеству известно, до сих пор считается их знаком отличия. Я надеюсь, что и ваше величество не брезгует украшать себя пореем в Давидов день.

Король Генрих

Да, я ношу его в тот славный день:
Ведь я уэлец, добрый мой земляк.

Флюэллен

Скажу вам по правде: вся вода Уая не вымоет уэльской крови из тела вашего величества. Да благословит ее господь и да сохранит ее, пока это угодно ему и вашему величеству.

Король Генрих

Спасибо. мой земляк.

Ф л ю э л л е н

Клянусь Христом, я земляк вашего величества, и мне мало дела до того, знают ли об этом люди или нет; но я готов заявить об этом всему свету. Слава богу, мне нечего стыдиться вашего величества, пока ваше величество честный человек.

К о р о л ь Г е н р и х

Да сохранит господь меня таким! —
Герольды, с ним идите

(указывая на Монжуа)

и узнайте

Число убитых у сторон обеих. —
Позвать ко мне вон этого солдата.

(Указывает на Уильямса.)

Монжуа и другие уходят.

Э к с е т е р

Солдат, подойди к королю.

К о р о л ь Г е н р и х

Скажи, солдат, почему у тебя на шапке перчатка?

У и л ь я м с

С разрешения вашего величества, это залог одного человека; я должен с ним драться, если только он жив.

К о р о л ь Г е н р и х

Он англичанин?

У и л ь я м с

С разрешения вашего величества, это негодяй, который вздумал прошлой ночью со мной повздорить. Я поклялся, что если он останется в живых и осмелится потребовать назад свою перчатку, то я залеплю ему пощечину. Или, если я увижу свою перчатку на его шапке, — а он тоже поклялся честью солдата носить ее, если останется жив, — то мигом собью ее с его башки.

К о р о л ь Г е н р и х

Как вы думаете, капитан Флюэллен, должен этот солдат сдерживать свое слово?

Ф л ю э л л е н

С разрешения вашего величества, должен; иначе он будет трус и негодяй. Говорю вам это по совести.

К о р о л ь Г е н р и х

Но ведь его противник может оказаться знатным дворянином, которому не подобает сводить счеты с человеком низкого звания.

Ф л ю э л л е н

Будь он таким же знатным дворянином, как сам дьявол, как Люцифер или Вельзевул, он все-таки должен, с разрешения вашего величества, сдержать свое слово. Если он не сдержит своей клятвы, он — как бы это сказать — заслужит репутацию самого большого подлеца и негодяя, какой когда-либо попирает божью землю своими грязными башмаками. Говорю вам это по совести, да!

К о р о л ь Г е н р и х

Смотри же, сдержи свою клятву, когда увидишь этого молодца.

У и л ь я м с

Жив не буду, если не сдержу, государь.

К о р о л ь Г е н р и х

Кто твой начальник?

У и л ь я м с

Капитан Гауэр, государь.

Ф л ю э л л е н

Гауэр — славный капитан, человек знающий и весьма начитанный в военном деле.

К о р о л ь Г е н р и х

Позови его ко мне, солдат.

У и л ь я м с

Слушаю, государь. *(Уходит.)*

Король Генрих

Вот, Флюэллен, носи этот залог вместо меня на своей шапке. Когда мы в схватке с герцогом Алансонским свалились на землю, я сорвал эту перчатку с его шлема. Если кто-нибудь потребует ее обратно, значит, он друг герцога и наш враг. Когда встретишь этого человека, удержи его, если меня любишь.

Флюэллен

Ваше величество оказывает мне самую высокую честь, какой только может пожелать сердце подданного. Хотел бы я видеть человека о двух ногах, который выразил бы неудовольствие по поводу этой перчатки! Очень бы мне хотелось его увидеть; дай бог, чтобы мне удалось его увидеть.

Король Генрих

Ты знаешь Гауэра?

Флюэллен

Это мой близкий друг, с разрешения вашего величества.

Король Генрих

Отыщи его, пожалуйста, и приведи ко мне в палатку.

Флюэллен

Слушаю. (*Уходит.*)

Король Генрих

Прошу вас, брат мой Глостер и лорд Уорик,
За Флюэлленом следом вы идите,
Перчатка, что ему я дал сейчас,
Ему пощечину доставить может.
Она — того солдата; должен был бы
Я сам ее носить. Иди же, Уорик.
Коль тот его ударит (а, судя
По грубости его, он сдержит слово),
Легко произойти несчастье может.
Известно мне: отважен Флюэллен,
И вспылчив нравом, и горяч, как порох,
И оскорбление быстро возвратит.
Смотрите же, чтоб не было беды.—
Идемте, дядя Эксетер, со мною.

Уходят.

СЦЕНА 8

Перед палаткой короля Генриха.

Входят Гауэр и Уильямс.

Уильямс

Ручаюсь вам, капитан, он хочет посвятить вас в рыцари.

Входит Флюэллен.

Флюэллен

Видно, так богу угодно, капитан. Умоляю вас, идите поскорее к королю; может статься, что вас ждут такие блага, о которых вы не смеете и мечтать.

Уильямс

Знакома ли вам эта перчатка, сэр?

Флюэллен

Знакома ли мне перчатка? Всякий знает, что перчатка есть перчатка.

Уильямс

Я это знаю и требую ее назад! (*Бьет его.*)

Флюэллен

Проклятье! Это самый гнусный изменник во всей вселенной, во всей Франции и во всей Англии!

Гауэр

Это еще что такое? Ах ты, мерзавец!

Уильямс

Что ж, я, по-вашему, должен нарушить свою клятву?

Флюэллен

Отойдите в сторону, капитан Гауэр! Клянусь, я ему заплачу за измену ударами.

Уильямс

Я вовсе не изменник.

Флюэллен

Подавись своим враньем! Я требую именем короля, чтобы вы арестовали его: он приверженец герцога Алансонского.

Входят Уорик и Глостер.

Уорик

Что тут такое? Что случилось?

Флюэllen

Лорд Уорик, здесь — благодаренье богу! — обнаружена самая чудовищная измена. Теперь — как бы это сказать — все ясно, как божий день. — А вот и его величество.

Входят король Генрих и Эксетер.

Король Генрих

Что тут такое? Что случилось?

Флюэllen

Государь, вот подлец и изменник, который, изволите видеть, сбил с моей шапки перчатку, которую ваше величество сорвали со шлема герцога Алансонского.

Уильямс

Государь, это моя перчатка; вот и пара к ней. Человек, с которым я обменялся перчаткой, сказал, что будет носить ее на своей шапке. А я поклялся, что дам ему пощечину, если он посмеет это сделать. Вот я встретил его, увидел у него на шапке мою перчатку, ну и сдержал свое слово.

Флюэllen

Теперь ваше величество сами слышите, какой это. с разрешения вашего величества, гнусный, мерзкий, вшивый, паршивый негодяй. Надеюсь, ваше величество удостоверите, и засвидетельствуете, и признаете, что это перчатка герцога Алансонского, которую ваше величество мне дали. Скажите по совести, ведь это так?

Король Генрих

Дай мне свою перчатку, солдат. Смотри, вот пара к ней.

Тот, с кем ты обещал подраться, — я;
Ты мне порядком нагрубил, молодец.

Флюэllen

С разрешения вашего величества, за это должна ответить его шея, если только существуют в мире военные законы.

Король Генрих

Какое дашь мне удовлетворенье?

У и л ь я м с

Ваше величество, оскорбления наносятся в сердцах; а у меня никогда не было в сердце ничего такого, что могло бы оскорбить ваше величество.

К о р о л ь Г е н р и х

Но ты посмел мне нагрубить.

У и л ь я м с

Ваше величество были тогда не в истинном своем виде: я принял вас за простого солдата. Темная ночь, ваша одежда и простое обхождение обманули меня; и потому все, что ваше величество потерпели от меня в таком виде, я прошу вас отнести на свой собственный счет, а не на мой. Ведь если бы вы и впрямь были тем, за кого я вас принял, на мне не было бы никакой вины. И потому прошу ваше величество простить меня.

К о р о л ь Г е н р и х

Вы кронами мою перчатку, дядя,
Наполните.— Бери ее, солдат:
Как знак отличия, носи на шапке,
Пока я не потребую обратно.—
Дать крон ему.

(Флюэллеу.)

А вы с ним помиритесь.

Ф л ю э л л е н

Клянусь ясным светом дня, у этого молодца хватит храбрости. Вот, возьми двенадцать пенсов. Прошу тебя, живи праведно и держись подальше от всяких споров и раздоров, ссор и драк — и будет тебе благо.

У и л ь я м с

Не надобно мне ваших денег.

Ф л ю э л л е н

Я даю от чистого сердца. Поверь мне, они тебе пригодятся башмаки починить. Бери, не стесняйся. Твои башмаки никуда не годятся. Это хорошая монета, не фальшивая; если хочешь, могу переменить ее.

Входит английский герольд.

К о р о л ь Г е н р и х

Подсчитаны убитые, герольд?

Герольд

Вот список павших воинов французских.

(Подает бумагу.)

Король Генрих

Кто взят из знатных, дядя, нами в плен?

Эксетер

Карл, герцог Орлеанский,— королю
Племянник он; Бурбонский герцог Жан,
Сир Бусико и тысяча пятьсот
Баронов, рыцарей, оруженосцев,
Не говоря о множестве солдат.

Король Генрих

Легло французов в поле десять тысяч,—
Так в списке значится.— и в том числе
Владеющих знаменами дворян
И принцев полегло сто двадцать шесть;
А рыцарей, дворян, оруженосцев
Тут восемь тысяч и четыре сотни.
Из них пятьсот вчера возведены
В сан рыцарский. Итак, из всех убитых —
Лишь тысяча шестьсот простых солдат;
Все остальные — рыцари и принцы,
Бароны, графы, видные дворяне.
Вот имена знатнейших, павших в битве:
Шарль Делабре, великий коннетабль;
Жак Шатильон, французский адмирал;
Начальник лучников, сеньор Рамбюр;
Гроссмейстер Франции Гишар Дофен;
Жан, герцог Алансонский, Антуан,
Брабантский герцог (брат ему — Бургундский),
И герцог Барский Эдуард; из графов:
Гранпре, Русси и Фоконбер, Фуа,
Бомон и Марль, Лестраль и Водемон.
О, смерть пожала царственную жатву!
А где же список англичан убитых?

Герольд подает другую бумагу.

Граф Сеффолк, герцог Йоркский Эдуард,
Сэр Ричард Кетли, Деви Гем эсквайр;
И больше знатных нет, а прочих всех —
Лишь двадцать пять.— Твоя десница, боже,

Свершила все! Не мы, твоя десница.—
Когда случалось, чтоб в открытой схватке,
В простом бою, без хитростей военных
Такая разница была в потерях
У двух сторон? Прими, господь, победу;
Она — твоя!

Э к с е т е р

Да, это просто чудо!

К о р о л ь Г е н р и х

Пойдемте стройным шествием в селенье;
Пусть войскам объявят: смерть тому,
Кто будет хвастаться победой нашей;
Она — господня.

Ф л ю э л л е н

С разрешения вашего величества, позволяется ли объявить
число убитых?

К о р о л ь Г е н р и х

Да, капитан, но признавая тут же,
Что нам господь помог.

Ф л ю э л л е н

Да, говоря по совести, он нам сильно помог.

К о р о л ь Г е н р и х

Исполним все священные обряды:
Прослушаем «Non nobis» и «Te Deum»¹;
С молитвой мертвых предадим земле;
Потом — в Кале; потом — в свою страну.
Счастливей нас никто не вел войну.

Уходят.

¹ «Не нам...», «Тебя, господи» — благодарственные церковные песнопения. (Лат.)

А К Т V

П Р О Л О Г

Входит Х о р.

Х о р

Пусть те из нас, кто хроник не читал,
Позволят мне помочь им, а читавших
Прошу смиренно извинить мне то,
Что время, числа и поток событий
Здесь не даны со всею правдой жизни
И широтой. — Теперь перенесем
Мы Генриха в Кале; вою он уж там...
Затем помчим его на крыльях мысли
Через пролив. Покрыт английский берег
Плотиной тел: мужчины, жены, дети;
Их крики заглушают голос моря,
Что голосу глашатая подобен,
Путь пролагающего королю.
Сойдя на берег, путь он держит в Лондон.
Так мысли скор полет, что вы теперь
Представить можете, что он в Блекхите,
Где лорды домогаются нести
Его погнутый меч и шлем измятый
Пред ним по городу. Но Гарри, чуждый
И гордости и чванства, не согласен:
Всю славу, почести и восхваленья

Он богу отдаст. Теперь покажет
Вам всем прилежная работа мысли,
Как Лондон буйно извергает граждан.
Лорд-мэр и олдермены в пышных платьях,
Как римские сенаторы, идут;
За ними вслед толпой спешат плебеи
Навстречу цезарю-победоносцу.
Так было бы, хоть и в размерах меньших,
Когда бы полководец королевы
Вернулся из похода в добрый час —
И чем скорее, тем нам всем отрадней! —
Мятеж ирландский поразив мечом.
Какие толпы, город покидая,
Его встречали б! Но вполне понятно,
Что многолюдней встреча короля.
Он в Лондоне; французы умоляют,
Чтоб оставался в Англии король.
Вмешался в дело даже император,
Чтобы наладить мир. Теперь опустим
Событья, что произошли пред тем,
Как паш король во Францию вернулся.
Перенесем его туда. Поведал
Я обо всем, что в эти дни свершилось.
Простите сокращения мне и взор
Направьте вновь на Францию в упор.

(Уходит.)

С Ц Е Н А 1

Франция. Английский лагерь.

Входят Флюэлла и Гауэр.

Гауэр

Все это так; но почему у вас сегодня на шапке порей? Ведь Давидов день прошел.

Флюэлла

Для всех вещей, всюду и везде, есть основания и причины. Скажу вам как другу, капитан Гауэр, что этот мерзавец, плут, оборванец, этот вшивый хвостун и нахал Пистоль, — ведь всем известно, что он — как бы это сказать — совсем пропавший человек. — так вот, он приходит вчера ко мне, приносит хлеба и соли и требует — как бы это сказать, — чтобы я съел мой порей. Это

было в таком месте, где я не мог затеять с ним ссору; но я буду носить на шапке порей до тех пор, пока не встречу с ним; тут уж я наговорю ему теплых слов.

Гауэр

Вот он идет, надувшись, как индюк.

Входит Пистоль.

Флюрлен

Я не посмотрю на то, что он надувается, как индюк. — Храни вас бог, прапорщик Пистоль! Ах вы, грязный, вшивый мерзавец! Храни вас бог!

Пистоль

Ты из Бедлама? Жаждешь ты, троянец,
Чтоб я порвал тебе нить Парки? Прочь!
Меня тошнит от запаха порея.

Флюрлен

Прошу вас от всего сердца, вшивый и паршивый негодяй, исполнить мою просьбу, желание и ходатайство: съешьте — как бы это сказать — этот порей; потому что — как бы это сказать — вы его не очень любите, и ваши вкусы, аппетит и пищеварение вас к нему не располагают. Именно поэтому я и предлагаю вам его съесть.

Пистоль

Сам Кадуаладер с козами своими
Меня бы не заставил съесть его.

Флюрлен

Вот вам одна коза! (*Бьет его.*) Будьте же так добры, паршивый жулик, съешьте порей.

Пистоль

Троянец подлый, ты умрешь!

Флюрлен

Вы сказали сущую правду, паршивый жулик: когда господу это будет угодно, я умру. А пока что я хочу, чтобы вы еще пожили и съели это блюдо; вот вам и приправа к нему. (*Снова бьет его.*) Вчера вы называли меня горным эсквайром, а сегодня я сде-

лаю из вас эсквайра низин. Прошу вас, ешьте. Если вы можете издеваться над пореем, так можете и есть его.

Гауэр

Довольно, капитан: вы его совсем оглушили.

Флюэлен

Говорю вам, я заставляю его съесть немножко моего порея или же буду колотить его по башке четыре дня подряд.— Ешьте, прошу вас: это хорошо для ваших свежих ран и разбитого петушиного гребня.

Пистоль

Я должен это есть?

Флюэлен

Ну, конечно; это вне всякого сомнения, бесспорно и ясно, как божий день.

Пистоль

Клянусь этим пореем, я жестоко отомщу! Я ем, но, клянусь...

Флюэлен

Ешьте, пожалуйста. Не хотите ли еще приправы к порею? Тут слишком мало порея, чтобы им клясться.

Пистоль

Дубинку придержи; ты видишь — ем.

Флюэлен

На здоровье, паршивый жулик! Нет, прошу вас, ничего не бросайте: шелуха полезна для вашего расквашенного петушиного гребешка. Когда вам случится снова увидеть порей, попробуйте-ка еще раз поиздеваться над ним. Больше ничего не прибавлю.

Пистоль

Хорошо.

Флюэлен

Да, порей — хорошая вещь. Вот вам грош на лечение вашей башки.

Пистоль

Мне — грош?

Ф л ю э л л е н

Именно, и вы должны его взять, а не то у меня в кармане есть еще порей, который вам придется съесть.

П и с т о л ь

Беру твой грош как мщения залог.

Ф л ю э л л е н

Если я вам еще что-нибудь должен, я охотно расплачусь с вами ударами дубинки. Вы сделаетесь дровяником и будете покупать у меня одни дубинки. Бог с вами; да сохранит он вас и да исцелит вашу башку. *(Уходит.)*

П и с т о л ь

Я всколыхну за это целый ад!

Г а у э р

Полно, полно! Ты трус и негодяй; только корчишь из себя храбреца. Ты вздумал издеваться над старинным почтенным обычаем, над пореем, который носят как трофей в память давнишней победы,— и не сумел постоять за свои слова. Я уже два-три раза видел, как ты зубоскалил и дразнил этого достойного человека. Ты думал, что если он плохо владеет английской речью, так плохо владеет и английской дубинкой; теперь ты видишь, что ошибся. Желая, чтобы уэльский кулак научил тебя хорошему английскому поведению. Прощай. *(Уходит.)*

П и с т о л ь

Иль шлюхою моя Фортуна стала?
Узнал я, от французской хвори Нелль
В больнице умерла,
И я теперь прибежища лишен.
Я стал стареть, и выбивают честь
Дубинкой из моих усталых членов.
Ну, хорошо же! Сводником я стану
И легким на руку карманным воров.
Я в Англию сбегу и стану красть;
Кровоподтеки пластырем прикрою
И стану клясться, что обрел их в битвах.

(Уходит.)

СЦЕНА 2

Франция. Королевский дворец.

Входят в одну дверь — король Генрих, Эксетер, Бедфорд, Глостер, Уорик, Уэстморленд и другие лорды; в другую — французский король, королева Изабелла, принцесса Екатерина, Алиса и другие дамы; герцог Бургундский со свитой.

Король Генрих

Мир всем, собравшимся для примиренья!
Желаю счастья вам, наш брат король,
Прелестнейшей принцессе и кузине.
И вас приветствуем, Бургундский герцог,
Сочлен и отрасль царственной семьи,
Созвавший это славное собрание!
И принцам всем и перам мой привет!

Французский король

Сердечно рад я видеть пред собою
Вас, брат достойный, Англии король.—
Приветствуем и всех английских принцев.

Королева Изабелла

Да будет так же счастлив, брат король,
Свидания приятного исход,
Как нам отрадно видеть ваши очи,
Которые метали до сих пор
При встречах на французов роковые,
Убийственные взоры василисков.
И мы надеемся, что эти взоры
Утратили свой яд, и в этот день
Вражда и злоба сменятся любовью.

Король Генрих

Сказать «аминь» на это мы явились.

Королева Изабелла

Примите, принцы Англии, привет мой.

Герцог Бургундский

Мой долг священный — равная любовь
К обоим вам, великим государям
Британцев и французов. Приложил я
Всю силу разума и все старанья,

Чтоб на свиданье вы сюда пришли,—
Вы этому свидетели, монархи.
Теперь, когда я выполнил задачу,
И взором царственным, лицом к лицу,
Вы встретились,— да будет мне, монархи,
Дозволено спросить пред всем собранием,
Какое затрудненье иль преграда
К тому, чтоб мир, истерзанный, нагой, —
Богатства, радостей, искусства пастырь —
Явил свой лик в прекраснейшем саду,
Во Франции любезной и обильной.
Увы, он слишком долго был в изгнание,
И, в груды свалены, плоды земли
От изобилья своего гниют.
Лоза, веселия источник, сохнет,
Заброшенная. Изгороди наши,
Как пленники, заросшие щетиной,
Топорщатся ветвями. Поросли
Поля бурьяном, беленой, дурманом;
А между тем ржавеет праздно плуг,
Что должен сорняки искоренить.
Луга, где прежде аромат медвяный
Струили клевер, буквица, ромашка,
Не ведают ухода и покоса;
Владеют ими лень и запустенье;
Лишь белена, крапива да лопух
На них растут: ни пользы, ни красы.
И как дичают, вопреки природе,
Поля, уголья, изгороди наши,—
Так мы в своих домах и наши дети
За недостатком времени забыли
Науки, что должны служить страпе.
Как дикари, живем мы, как солдаты,
О крови помышляющие, взором
Суровые, небрежные в одежде,
Ругатели, погрязшие в пороках.
Чтоб родине вернуть благообразье,
Мы собрались. Я умоляю вас
Поведать, почему не может мир
К нам возвратиться и, прогнав разруху,
Нас прежним счастьем благословить.

Король Генрих

Коль вы желаете, о герцог, мира,
Отсутствие которого влечет

Столь много зол, должны купить вы мир
Согласием на требованья наши.
По пунктам все изложены условия,
И список требований вам вручен.

Герцог Бургундский
Король их выслушал, но до сих пор
Не дал ответа.

Король Генрих
Вам желанный мир
Зависит, герцог, от его ответа.

Французский король
Успел я посмотреть лишь беглым взором
Условия. Не угодно ли вам выбрать
Кого-нибудь из ваших приближенных,
Чтоб вместе с нами более подробно
Их рассмотреть? Мы обещаем вам
Дать свой прямой, решительный ответ.

Король Генрих
Извольте, брат мой.— Дядя Эксетер,
Вы, брат мой Кларенс, вы, брат Глостер, Уорик
И Хентингтон, пойдите с королем.
Даю вам полномочья утверждать,
Иль расширять, иль изменять условия,
Намеченные здесь, как ваша мудрость
Сочтет достойным нашего величья.
Согласье мы дадим.— А вы, сестра,
Останетесь или пойдете с ними?

Королева Изабелла
Любезный брат, я с принцами пойду;
Быть может, голос женский пригодится
При обсужденье спорного вопроса.

Король Генрих
Кузину нашу вы оставьте с нами:
Она ведь — главный пункт, на первом месте
Стоящий в списке требований наших.

Королева Изабелла
Мы разрешаем ей.

Все, кроме короля Генриха, Екатерины и Алисы, уходят.

Король Генрих

Екатерина,
Прекрасная, прекраснейшая в мире!
Не откажите научить солдата
Словам, приятным слуху нежной дамы
И в сердце зажигающим любовь.

Екатерина

Ваше величество смеетесь на меня. Я не умею говорить английский.

Король Генрих

Прекрасная Екатерина! Если вы можете крепко полюбить меня своим французским сердцем, то скажите мне об этом на вашем ломаном английском языке — и я буду счастлив. Мил ли я вам, Кет?

Екатерина

Pardonnez-moi¹, я не знаю, что это такое: «мил ли я вам».

Король Генрих

Вы милы, как ангел, Кет.

Екатерина

Que dit-il? que je suis semblable à les anges?²

Алиса

Oui, vraiment, sauf votre grace, ainsi dit-il³.

Король Генрих

Да, я это сказал, милая Екатерина, и мне не приходится краснеть за свои слова.

Екатерина

Oh bon Dieu! Les langues des hommes sont pleines de tromperies⁴.

Король Генрих

Что она говорит, красавица? Что у мужчин лживый язык?

¹ Простите меня. (*Франц.*)

² Что он говорит? Что я похожа на ангелов? (*Франц.*)

³ Да, действительно, с разрешения вашей светлости, он так говорит. (*Франц.*)

⁴ Ах, боже мой, языки мужчин так лживы. (*Франц.*)

Алиса

Оui¹, что язык мужчин сильно лживый. Это есть слова принцессы.

Король Генрих (в сторону)

Принцесса-то, пожалуй, сильнее в английском языке. (Громко.) Я надеюсь, Кет, тебе понятно, что я за тебя сватаюсь. Я рад, что ты не знаешь по-английски; а то, пожалуй, ты нашла бы, что я слишком уж прост для короля,— еще подумала бы, что я продал свою ферму, чтобы купить корону. Я не знаю разных любовных ухищрений, а прямо говорю: «Я вас люблю», и если вы потребуете от меня еще излишних, то пропало мое сватовство. Отвечайте же мне поскорее. Ударим по рукам, и дело с концом. Ну, что вы мне скажете, леди?

Екатерина

Sauf vorte honneur², я хорошо понимаю.

Король Генрих

Право, Кет, если бы вы меня заставили сочинять в вашу честь стихи или танцевать с вами, я бы пропал. Для стихов я не найду ни слов, ни размера, а в танцах не силен по части попадания в такт, хотя по части попадания в противника достаточно силен. Вот если бы можно было пленить девушку игрой в чехарду или прыжком в седло в полном вооружении, я бы — простите за хвастовство — живо допрыгался до жены. Или если бы мне пришлось ради моей любезной вступить в рукопашную или прогарцевать на коне, я бы дрался, как мясник, и сидел бы в седле цепко, как мартышка, которую ни за что не стряхнешь с седла. Но, ей-богу, Кет, я не умею томно вздыхать и красно говорить, уверяя в любви; я умею давать клятвы, которые никогда не даю без нужды, но зато и не нарушаю их даже по нужде. Можешь ты, Кет, полюбить молодца, у которого лицо такого закала, что даже солнцу глядеть на него неохота, и который если и смотрится в зеркало, то не из любви к тому, что там видит? Если можешь, так приукрась его собственным взором. Говорю с тобой попросту, по-солдатски: можешь полюбить меня, каков я есть,— так бери меня; а нет,— то если я скажу тебе, что умру, это будет правда, но если скажу, что умру от любви к тебе,— нет. А все-таки я люблю тебя от души. Бери себе, Кет, в мужа человека прямого и чест-

¹ Да. (Франц.)

² С разрешения вашей чести. (Франц.)

ного, без фальши; он уж, конечно, будет тебе верен, потому что не умеет увиваться за другими женщинами. А вот краснобаи, которые умеют ловко пленять женщин стишками, так же ловко и ускользают от них. Все эти говоруны — пустые врази, а стишкам их — грош цена. Стройная нога высохнет, прямая спина сгорбится, черная борода поседеет, кудрявая голова облысеет, красивое лицо покроется морщинами, блестящие глаза потускнеют; но верное сердце, Кет, оно — как солнце и луна; нет, скорее солнце, чем луна: оно всегда светит одинаково и не меняется, — оно твердо держит свой путь. Хочешь такого мужа, так бери меня; бери меня, бери солдата; бери солдата, бери короля. Ну, что ты ответишь на мою любовь? Говори, милая, и говори мило, прошу тебя.

Екатерина

Как можно, чтобы я полюбить враг Франции?

Король Генрих

Нет, Кет, полюбить врага Франции тебе невозможно. Но, полюбив меня, ты полюбишь друга Франции. Ведь я так люблю Францию, что не хочу расстаться ни с одной ее деревушкой. Я хочу иметь ее целиком. И вот, Кет, если Франция будет моя, а я — твой, то Франция будет твоя, а ты — моя.

Екатерина

Я не понимаю, что это.

Король Генрих

Не понимаешь, Кет? Ну, так я скажу тебе по-французски, хоть и знаю, что французские слова повиснут у меня на языке, словно новобрачная на шее у мужа, — никак не стряхнешь. Je quand sur le possession de France, et quand vous avez le possession de moi... (Как же дальше-то? Помогите мне, святой Дионисий!) donc votre est France et vous êtes mienne¹. Ей-богу, Кет, осилить такую речь по-французски для меня то же самое, что завоевать королевство. Никогда больше не буду уговаривать тебя по-французски: это может только рассмешить тебя.

Екатерина

Sauf votre honneur, le Français que vous parlez, il est meilleur que l'Anglais lequel je parle².

¹ Когда я буду владеть Францией, а вы мною... тогда Франция будет ваша, а вы моя. (Франц.)

² С разрешения вашей чести, ваш французский язык лучше моего английского. (Франц.)

Король Генрих

Нет, Кет, честное слово, это не так. Мой разговор на твоём языке и твой на моём — стоят друг друга. Но, Кет, ты ведь знаешь настолько английский язык, чтобы понять меня? Можешь ли ты меня полюбить?

Екатерина

Я не умеет это сказать.

Король Генрих

Так не сумеет ли кто-нибудь из твоих близких, Кет? Я спрошу у них. Но полно! Я знаю, что ты меня любишь, и сегодня вечером, в своей спальне, станешь расспрашивать обо мне свою подругу и, конечно, будешь бранить как раз то, что тебе больше всего во мне нравится. Но, милая Кет, будь ко мне снисходительна, главным образом потому, что очень уж крепко я тебя люблю, прекрасная моя принцесса. И если ты станешь моей, Кет, — а я верю всей душой, что так будет, — то выйдет, что я возьму тебя с боя, и ты непременно станешь матерью славных солдат. Не смастерить ли нам между днем святого Дионисия и днем святого Георга мальчишку, полуфранцуза-полуангличанина, который отправится в Константинополь и схватит турецкого султана за бороду? Хочешь? Что ты скажешь мне на это, моя прекрасная белая лилия?

Екатерина

Я это не знаю.

Король Генрих

Ну, конечно, знать об этом можно только потом. А пока что обещай мне, Кет, что ты со своей французской стороны позаботишься о таком мальчишке, а уж с английской стороны я позабочусь об этом — даю тебе слово короля и холостяка. Ну, так что вы мне ответите, *la plus belle Katharine du monde, mon très cher et divine déesse*¹.

Екатерина

Ваша *majesté* достаточно знает *fausseté* по-французски, чтобы обмануть самую *sage demoiselle*, который есть *en France*².

Король Генрих

К черту мой ломаный французский язык! Клянусь тебе че-

¹ Прекраснейшая из Екатериин в мире, моя милая и божественная богиня. (Франц.)

² Величество... фальши, притворства... благоразумную девушку... во Франции. (Франц.)

стью на самом настоящем английском языке: я люблю тебя, Кет! И хотя не могу поклясться честью, что и ты меня любишь, все же сердце мое льстит себя надеждой, что я мил тебе, несмотря на мое несчастное, неприглядное лицо. Черт побери честолюбие моего отца! Он думал только о междоусобных войнах, когда зачинал меня; потому-то я и вышел с таким угрюмым, словно железным лицом, которое пугает дам, как только я начинаю за ними ухаживать. Но, честное слово, Кет, с годами я буду все больше тебе нравиться. Меня утешает, что старость, эта плохая хранительница красоты, уже не испортит моего лица. Взяв меня теперь, ты возьмешь меня в самом худшем виде, и если теперь сможешь перенести меня, то впоследствии будешь переносить меня все лучше и лучше. Так скажи же мне, прекраснейшая Екатерина, хочешь ли ты взять меня? Отбрось свою девичью стыдливость и выскажи мысли своего сердца взглядом королевы: возьми меня за руки и скажи: «Гарри Английский, я твоя». И не успеешь ты меня осчастливить этими словами, как я воскликну: «Англия — твоя, Ирландия — твоя, Франция — твоя и Генрих Плантагенет — твой». И если он — говорю это ему прямо в глаза — и не лучший в мире король, то во всяком случае он лучший король для своих подданных. Ну, отвечай же мне своей нескладной музыкой — потому что, если твой английский язык нескладен, голос твой — музыка. Итак, Екатерина, королева всего мира, отвечай мне на ломаном английском языке: хочешь ли ты меня взять?

Екатерина

Да, если это угодит le roy mon père...¹.

Король Генрих

Это ему будет угодно, Кет. Он будет рад этому, Кет.

Екатерина

Тогда это и меня угодит.

Король Генрих

За это поцелую твою ручку и назову тебя своей королевой.

Екатерина

Laissez, mon seigneur, laissez! Ma foi, je ne veux point que vous abaissiez votre grandeur en baisant la main d'une de votre sei-

¹ Королю, моему отцу. (Франц.)

gneurie indigne serviteur; excusez moi, je vous supplie, mon très puissant seigneur ¹.

Король Генрих

Ну, так я поцелую тебя в губки, Кет.

Екатерина

Les dames et demoiselles pour être baisées devant leur nocés, il n'est pas la coutume de France ².

Король Генрих

Госпожа переводчица, что она говорит?

Алиса

Что это не есть обычай pour les дам Франции... не знаю, как по-английски baiser ³.

Король Генрих

Целовать.

Алиса

Ваше величество entendre лучше que moi ⁴.

Король Генрих

У французских девушек нет обычая целоваться до свадьбы? Это она хотела сказать?

Алиса

Oui, vraiment ⁵.

Король Генрих

О Кет! Ничтожные обычаи склоняются перед великими королями. Дорогая Кет, нас с тобой нельзя запереть в слабой ограде местных обычаев. Мы сами создаем обычаи, Кет, и свобода, которой мы пользуемся в силу самого положения нашего, зажимает рот всем хулителям: совсем так, как я сейчас зажму ваш ротик за то, что вы придерживаетесь строгих обычаев вашей страны и отказываете мне в поцелуе. Стерпите и уступите. (*Целует ее.*) В ваших губках, Кет, волшебная сила: в их сладком прикоснове-

¹ Не надо, государь, не надо, не надо! Право же, я не хочу, чтобы вы унижали ваше величие, целуя руку вашей недостойной служанке; увольте, прошу вас, великий государь. (*Франц.*)

² Не в обычае французских дам и девиц позволять себя целовать до свадьбы. (*Франц.*)

³ Для... целовать. (*Франц.*)

⁴ Понимать... чем я. (*Франц.*)

⁵ Да, действительно. (*Франц.*)

нии больше красноречия, чем в языках всего Государственного Совета Франции, и они скорее убедят Гарри Английского, чем просьбы всех монархов мира.— Но вот идет ваш отец.

Входят французский король с королевой, герцог Бургундский и другие вельможи.

Герцог Бургундский

Бог да хранит ваше величество! Вы учите принцессу по-английски, мой царственный кузен?

Король Генрих

Я хотел бы втолковать ей, мой добрый кузен, как сильно я люблю ее,— чисто по-английски.

Герцог Бургундский

Что ж, она — илхая ученица?

Король Генрих

Наш язык груб, кузен, да и сам я не слишком любезен; и потому я, не обладая ни голосом, ни сердцем льстеца, не в силах вызвать в ней духа любви в его настоящем виде.

Герцог Бургундский

Простите мне вольную шутку, которою я вам отвечу. Если вы хотите подвергнуть ее действию волшебства, вы должны очертить ее кругом. Если вы вызовете духа любви в его настоящем виде, то он предстанет пред нею нагим и слепым. Так можно ли упрекнуть девушку, на щеках которой пылает девственный румянец стыдливости, за то, что она не хочет увидеть нагого и слепого мальчика в своем собственном обнаженном и зрячем сердце? Девушке трудно подчиниться такому требованию, государь.

Король Генрих

Однако девушки подчиняются, замурив глаза, когда слепая любовь их принуждает.

Герцог Бургундский

В таком случае, государь, их надо извинить, раз они не видят того, что творят.

Король Генрих

Так уговорите, мой добрый герцог, вашу кузину согласиться замурить глаза.

Герцог Бургундский

Я подмигну ей, государь, чтобы она дала свое согласие, если только вы сумеете втолковать ей мое мнение на этот счет. Ведь девушки, воспитанные в тепле и неге, похожи на мух в Варфоломеев день: они слепы, хотя глаза у них на месте; их можно тогда ловить руками, хотя раньше они не позволяли даже взглянуть на себя.

Король Генрих

Отсюда вывод, что я должен возложить надежды на время и дожидаться жаркого лета? В конце концов я поймаю вашу кузину, как муху, потому что она будет слепа?

Герцог Бургундский

Как и сама любовь, государь: прежде чем полюбить, надо ослепнуть.

Король Генрих

Правда; и кое-кто из вас может поблагодарить любовь за мою слепоту: я не вижу многих прекрасных французских городов из-за прекрасной французской девушки, которая встала на моем пути.

Французский король

Нет, государь, вы их видите, но как бы в кривом зеркале: они приняли образ девушки; ибо они окружены девственными стенами, через которые еще никогда не вторгалась война.

Король Генрих

Будет Кет моей женой?

Французский король

Да, если вам это угодно.

Король Генрих

Я этому очень рад. В таком случае пусть девственные города, о которых вы говорите, станут ее прислужницами, и девушка, преградившая путь моим желаниям, укажет путь моей воле.

Французский король

Мы приняли разумные условия.

Король Генрих

А вы что скажете, друзья мои?

Уэстморленд

Король все наши пожеланья принял:
Во-первых, дочь дает он, а затем
Все пункты принимает он всецело.

Эксетер

Он не подписал только одного пункта, где ваше величество требует, чтобы французский король при всяком письменном обращении к вам по какому бы то ни было поводу именовал и титуловал вас по-французски: «Notre très cher fils Henri, Roi d'Angleterre, Héritier de France», а по-латыни: «Praeclarissimus filius noster Henricus, Rex Angliae, et Haeres Franciae»¹.

Французский король

Нет, не вполне отверг я это, брат;
По вашей просьбе соглашусь на это.

Король Генрих

Я вас прошу в залог любви и дружбы
Принять и этот пункт в ряду других,
А также дочь свою мне дать в супруги.

Французский король

Ее берите, сын мой, и потомство
Произведите с ней,— да прекратится
Вражда давнишняя двух королевств,
Чьи берега от зависти бледнеют,
На благоденствие друг друга глядя.
Пусть нежный ваш союз в их сердце дружбу
И христианский мир произрастит;
И пусть отныне меч войны кровавый
Не разделит содружные державы.

Все

Аминь!

Король Генрих

Ну, Кет, привет тебе! Как королеву
Тебя целую па глазах у всех.

Трубы.

Королева Изабелла

Господь, премудрый устроитель браков,
Сольет сердца и страны воедино!

¹ Наш дрожайший сын Генрих, король Англии и наследник Франции.

Как муж с женой сливаются в любви,
Так две страны соединятся в браке.
Пусть никогда раздор и злая ревность,
Тревожащие ложе добрых браков,
Не омрачают дружбы наших стран,
Чтобы расторгнуть мирный их союз.
Дружите с англичанами, французы!
Пусть бог скрепит навеки эти узы!

В с е

Аминь!

Король Генрих

Мы к свадьбе подготовимся. В тот день,
Бургундский герцог, вы мне присягнете,
А также пары, чтобы мир скрепить.
Кет милой клятву верности я дам,
Она же — мне. Да будет благо нам!

Трубы.

Уходят.

Э П И Л О Г

Входит Хор.

Хор

Итак, рукой неловкою своей

Наш автор завершил повествованье,
Вмещая в тесный круг — больших людей

И ослабляя подвигов сиянье.

Не долго в славе дни твои текли,

Свет Англии! Но взыскан ты судьбою:

Ты приобрел прекрасный сад земли,

И сыну он завещан был тобою.

И стал младенец Генрих королем,

И Англии и Франции владыкой.

За власть боролись многие при нем,—

Отпала Франция в разлуке дикой.

Все это представляли мы не раз;

Примите ж ныне милостиво нас.

(Уходит.)

МНОГО ШУМА ИЗ НИЧЕГО

Перевод

Т. ЩЕПКИНОЙ-КУПЕРНИК

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Дон Педро, принц Арагонский.

Дон Хуан, его побочный брат.

Клавдио, молодой знатный флорентинец.

Бенедикт, молодой знатный падуанец.

Леонато, мессинский губернатор.

Антонио, его брат.

Бальтазар, слуга дона Педро.

Борачно }
Конрад } приближенные дон Хуана.

Отец Франциск, монах.

Кизил, полицейский пристав.

Булава, помощник его.

Протоколист.

Мальчик.

Геро, дочь Леонато.

Беатриче, племянница Леонато.

Маргарита }
Урсула } камеристки Геро.

Гонцы, стража, свита, слуги.

Место действия — Мессина.

А К Т I

СЦЕНА 1

Перед домом Леонато.

Входят Леонато, Геро, Беатриче и гонец.

Леонато

Я вижу из этого письма, что герцог Арагонский прибудет сегодня вечером к нам в Мессину.

Гонец

Сейчас он уже близко: я его оставил мили за три отсюда.

Леонато

Сколько же дворян потеряли вы в этом сражении?

Гонец

Очень немного; а из знатных — никого.

Леонато

Победа — двойная, когда победители возвращаются без потерь. В письме сообщается, что дон Педро весьма отличил молодого флорентинца по имени Клавдио.

Гонец

Он вполне заслужил это, и дон Педро, упомянув о нем, лишь воздал ему должное: синьор Клавдио превзошел все, что можно

было ожидать от него в его возрасте: он дрался, как лев во образе агнца. Словом, он превысил все надежды настолько, что это превышает мое умение рассказывать.

Леонато

В Мессине у него есть дядя, которого эти вести очень поражают.

Гонец

Я уже вручил ему письма: он очень обрадовался им — до такой степени, что радость из стыдливости прибегла к наружным признакам горести.

Леонато

Он заплакал?

Гонец

Неудержимо.

Леонато

Сердечный избыток сердечности! Что может быть правдивее лица, омытого подобными слезами? Насколько лучше плакать от радости, чем радоваться слезам!

Беатриче

А скажите, пожалуйста, синьор Фехтовальщик вернулся с войны или нет?

Гонец

Я такого имени не слыхал, синьора. В нашем войске такого человека не было.

Леонато

О ком это ты спрашиваешь, племянница?

Геро

Кузина имела в виду синьора Бенедикта из Падуи.

Гонец

А, он вернулся; и такой же весельчак, как всегда.

Беатриче

Он по всей Мессине развесил объявления, вызывая Купидона на состязание в стрельбе острыми стрелами; а дядюшкин шут прочел вызов, расписался за Кунидона и предложил состоя-

заться тупыми стрелами. Скажите, пожалуйста, много людей он на этой войне убил и съел? То есть много ли он убил? Потому что съесть всех, кого он убьет, обещала я.

Леонато

Право, племянница, ты слишком нападаешь на синьора Бенедикта; но я не сомневаюсь, что он поладит с тобой.

Гонец

Он очень отличился на войне, сударыня.

Беатриче

Верно, у вас был залежалый провиант, и он помог вам с ним управиться? Он доблестный обжора; желудок у него превосходный.

Гонец

Он превосходный воин, сударыня.

Беатриче

Да, когда с дамами; а каков-то он с кавалерами?

Гонец

С кавалером он — кавалер, и с воином — воин: он полон всяких достоинств.

Беатриче

Прямо-таки начинен им, как пирог: но что до качества начинки... все мы — люди смертные.

Леонато

Не принимайте, сударь мой, всерьез выходок моей племянницы. Между нею и синьором Бенедиктом идет шуточная война: стоит им только сойтись, как сейчас же начинается перестрелка остротами.

Беатриче

Увы, он никогда не остается в выигрыше! В нашей последней стычке четыре из его пяти умственных способностей получили тяжелое увечье, и теперь им управляет одна единственная; если у него хоть малая толика ума осталась — так хватит разве на то, чтобы отличить его от его лошади. Это единственное, что дает ему право называться разумным существом. А кто теперь его приятель? У него ведь каждый месяц новый названный братец.

Гонец

Возможно ли?

Беатриче

Очень даже возможно; его верность — все равно что фасон его шляп: меняется с каждой новой болванкой.

Гонец

Я вижу, сударыня, что этот кавалер не записан у вас в книге почета.

Беатриче

Нет! Будь это так, я сожгла бы всю мою библиотеку. Но все-таки — кто же его приятель? Неужели нет какого-нибудь молодого шалопа, который готов с ним вместе отправиться хоть к самому черту?

Гонец

Он чаще всего бывает в обществе благородного Клавдио.

Беатриче

О господи! Он пристанет к нему, как болезнь: он прилипчивее чумы, а кто им заразится, тот непременно сойдет с ума. Помогите, создатель, благородному Клавдио! Если он заразился Бенедиктом, лечение обойдется ему в тысячу фунтов.

Гонец

Разрешите мне быть вашим другом, синьора.

Беатриче

Сделайте одолжение, милый друг.

Леонато

Ну, племянница, тебе-то уж не грозит опасность сойти с ума.

Беатриче

Разве что в январе жара хватит.

Гонец

Идет дон Педро.

Входят дон Педро, дон Хуан, Клавдио, Бенедикт
и Бальтазар.

Дон Педро

Добрейший синьор Леонато, вы сами причиняете себе беспокойство. Другие стараются избежать лишних расходов, а вы сами напрашиваетесь на них.

Леонато

Беспокойство никогда не является в мой дом в лице вашего высочества. Ведь когда беспокойство исчезает — остается облегчение, а когда вы от меня уезжаете — остается огорчение, а счастье говорит: «прости».

Дон Педро

Вы слишком охотно берете на себя заботы.— Это, вероятно, ваша дочь?

Леонато

По крайней мере ее мать не раз мне это говорила.

Бенедикт

А вы разве сомневались в этом, что спрашивали ее?

Леонато

Нет, синьор Бенедикт, потому что вы тогда были еще ребенком.

Дон Педро

Получайте, Бенедикт! Теперь ясно, чем вы стали, когда сделались мужчиной.— Но, право, ее лицо ясно говорит, кто ее отец. (*К Геро.*) Будьте счастливы, сударыня: вы походите лицом на достойнейшего человека.

Бенедикт

Хотя синьор Леонато и отец ей, однако я уверен, что она за всю Мессину не согласилась бы иметь его голову на своих плечах,— как ни велико между ними сходство.

Беатриче

Удивляюсь, как это вам охота все время болтать, синьор Бенедикт, когда на вас никто не обращает внимания.

Бенедикт

Как, милейшая Шпилька, вы еще живы?

Б е а т р и ч е

Может ли Шпилька умереть, когда у нее есть такой удобный предмет для уколов, как синьор Бенедикт? Сама Любезность должна превратиться в Шпильку в вашем присутствии.

Б е н е д и к т

Тогда Любезность станет оборотнем. Но одно верно: в меня влюблены все дамы, за исключением вас одной. А я, хоть и от всего сердца хотел бы, чтобы мое сердце не было таким жестоким, ни одной из них не люблю.

Б е а т р и ч е

Какое счастье для женщин! Иначе им пришлось бы терпеть убийственного поклонника. Благодарю бога и мою холодную кровь за то, что в этом я похожа на вас: для меня приятнее слушать, как моя собака лает на ворон, чем как мужчина клянется мне в любви.

Б е н е д и к т

Да укрепит небо вашу милость в подобных чувствах! Это избавит немало синьоров от царапин на физиономии.

Б е а т р и ч е

Если физиономия вроде вашей, так от царапин хуже не станет.

Б е н е д и к т

Ну, вам бы только попугаев обучать.

Б е а т р и ч е

Птица моей выучки будет лучше, чем животное, похожее на вас.

Б е н е д и к т

Хотел бы я, чтобы моя лошадь равнялась быстротой и неутомимостью с вашим язычком. Впрочем, продолжайте с богом; я кончил.

Б е а т р и ч е

Вы всегда кончаете лошадиной остротой. Я это давно знаю.

Д о н П е д р о

Отлично, Леонато.— Синьор Клавдио и синьор Бенедикт, мой дорогой друг Леонато приглашает нас всех к себе. Я ему сказал,

что мы пробудем здесь по меньшей мере месяц, но он выражает сердечное желание, чтобы какая-нибудь случайность задержала нас еще дольше. И я готов поклясться, что это не притворство, а чистая правда.

Леонато

Если вы в этом покланяетесь, ваше высочество, то не рискуете оказаться клятвопреступником. (*Дону Хуану.*) Позвольте мне приветствовать и вас, ваша светлость. Раз вы примирились с вашим братом, я весь к вашим услугам.

Дон Хуан

Благодарю. Я не люблю лишних слов, но... Благодарю.

Леонато

Не угодно ли вашему высочеству пройти вперед?

Дон Педро

Вашу руку, Леонато: войдемте вместе.

Все, кроме Бенедикта и Клавдио, уходят.

Клавдио

Бенедикт, заметил ты дочь синьора Леонато?

Бенедикт

Заметить не заметил, но видел ее.

Клавдио

Какая скромная молодая девушка!

Бенедикт

Как вы спрашиваете меня: как честный человек — только затем, чтобы узнать мое искреннее мнение, или хотите, чтобы я ответил вам, по своему обыкновению, как признанный враг женского пола?

Клавдио

Нет. Прошу тебя, отвечай просто и прямо.

Бенедикт

Что ж, по-моему, для большой похвалы она слишком мала; для высокой — слишком низка ростом; для ясной — слишком смугла. Одно могу сказать в ее пользу: будь она иной, она была бы нехороша; а такая, как есть, она мне не нравится.

К л а в д и о

Ты думаешь, что я шучу? Нет, я прошу тебя сказать искренне, как она тебе нравится.

Б е н е д и к т

Да что ты, купить ее, что ли, хочешь, что так о ней расспрашиваешь?

К л а в д и о

Разве может кто-нибудь в мире купить такую драгоценность?

Б е н е д и к т

О да, и даже найти футляр, чтобы уложить ее. Но что это ты — серьезно говоришь или так, играешь в остроумие, вроде болтунов, утверждающих, что Купидон — хороший охотник на зайцев, а Вулкан — отличный плотник? Скажи, в каком ключе надо тебе подпевать, чтобы попасть в тон твоей песне?

К л а в д и о

На мой взгляд, это прелестнейшая девушка, какую я когда-либо видел.

Б е н е д и к т

Я могу еще обходиться без очков, однако ничего такого не вижу. Вот ее сестра — не вселись в нее бес, — была бы лучше ее настолько, насколько первые дни мая лучше конца декабря. Но, я надеюсь, тебе не захотелось обратиться в женатого человека? Или захотелось?

К л а в д и о

Я не поверил бы самому себе, если бы поклялся в противном, согласись только Геро стать моей женой.

Б е н е д и к т

Вот до чего дело дошло! Да неужели же во всем мире нет ни одного человека, который бы желал носить на голове шапку, не вызывая подозрений? Неужели так мне никогда и не видать шестидесятилетнего холостяка? Ну что ж, валяй! Раз ты непременно хочешь носить ярмо, подставляй шею и вздыхай напролет все воскресные дни. — Смотри, дон Педро идет сюда: должно быть, он ищет нас.

Входит дон Педро.

Дон Педро

Какие это секреты задержали вас здесь, помешав последовать за Леонато?

Бенедикт

Я бы хотел, чтобы ваше высочество принудили меня открыть вам все.

Дон Педро

Повелеваю тебе именем твоей присяги на верность.

Бенедикт

Ты слышишь, граф Клавдио? Я умею хранить тайны, как немой,— ты в этом не должен сомневаться. Но именем моей присяги на верность — слышишь, присяги на верность! — он влюблен! «В кого?» (Это спрашивает ваше высочество.) Заметьте, до чего быстр его ответ: «В маленькую Геро, дочь Леонато».

Клавдио

Если это действительно так, ответ правильный.

Бенедикт

Как в старой сказке, ваше высочество: «Это не так, и не было так, и дай боже, чтобы этого не было».

Клавдио

Если страсть моя внезапно не исчезнет, дай боже, чтобы так оно и было.

Дон Педро

Аминь, если вы любите ее; она вполне достойна любви.

Клавдио

Вы это говорите, чтобы меня поймать, ваше высочество?

Дон Педро

Клянусь честью, я искренне высказал свои мысли.

Клавдио

И я, клянусь истиной, высказал свои.

Бенедикт

А я клянусь и честью и истиной, что высказал свои.

К л а в д и о

Что я люблю ее — я это чувствую.

Д о н П е д р о

Что она достойна любви — я это знаю.

Б е н е д и к т

А вот я так не чувствую, как ее можно любить, и не знаю, достойна ли она любви. Таково мое мнение, и его из меня огнем не выжечь: готов за него на костре умереть.

Д о н П е д р о

Ты всегда был закоренелым еретиком в отношении прекрасного пола.

К л а в д и о

И он всегда выдерживал эту роль только благодаря силе воли.

Б е н е д и к т

Я очень благодарен женщине — за то, что она меня родила, и за то, что меня выкормила, тоже низжайше благодарю; но чтобы у меня на лбу играла роговая музыка или чтобы привесить мне рожок на невидимый ремешок, — нет, тут уж пусть женщины меня извинят. Я не желаю оскорбить своим недоверием какую-нибудь одну из них и потому не верю ни одной. Окончательный вывод тот, что меня не проведешь, и я до конца жизни останусь холостяком.

Д о н П е д р о

Прежде, чем умру, я еще увижу тебя побледневшим от любви.

Б е н е д и к т

От злости, от болезни или от голода, ваше высочество, но уж никак не от любви. Если я начну бледнеть от любви, вместо того чтобы краснеть от вина, — позволяю вам выколоть мне глаза пером плохого стихоплета и повесить меня вместо вывески над входом в публичный дом в качестве слепого Кулидона.

Д о н П е д р о

Ну, если ты когда-нибудь отречешься от своих слов, ты будешь славной мишенью для насмешек.

Б е н е д и к т

Если отрекись, повесьте меня, как кошку, в кувшине и стреляйте в меня. И, кто в меня попадет, того можете хлопнуть по плечу и назвать Адамом Беллом.

К л а в д и о

Время покажет! Говорят ведь: «И дикий бык свывается с ярмом!»

Б е н е д и к т

Дикий бык — может быть; но если благоразумный Бенедикт влезет в ярмо — спилите у быка рога и нацепите мне их на голову, потом размалуйте меня и подпишите под портретом огромными буквами, — как пишут: «Здесь сдается в наем хорошая лошадь», — «Здесь показывают женатого Бенедикта».

К л а в д и о

Если это случится, ты, пожалуй, станешь бодаться.

Д о н П е д р о

Нет. Если только Купидон не растратил в Венеции всех своих стрел, не миновать тебе этого потрясения.

Б е н е д и к т

Скорее землетрясение случится.

Д о н П е д р о

Время покажет. А пока что, любезнейший синьор Бенедикт, отправляйтесь к Леонато, передайте ему мой привет и скажите, что я не премину прийти к нему на ужин. Он затеял большие приготовления...

Б е н е д и к т

Вот такое поручение особенно охотно исполню. «А засим вручаю вас...»

К л а в д и о

«...милости божией. Писано в моем доме, если бы он был у меня...»

Д о н П е д р о

«...июля шестого дня. Ваш любящий друг Бенедикт».

Б е п е д и к т

Нечего смеяться, нечего смеяться. Красноречие ваше заштопано лохмотьями, да и те плохо держатся на нем. Вы бы посоветились пускать в ход старые остроты. На этом я вас оставляю.
(Уходит.)

К л а в д и о

Я вас прошу помочь мне, государь.

Д о н П е д р о

Моя любовь помочь тебе готова.
Но как? Скажи — и выучит она
Урок труднейший, чтоб тебе помочь.

К л а в д и о

Есть сын у Леонато, государь?

Д о н П е д р о

Наследница и дочь одна лишь — Геро.
Ее ты любишь?

К л а в д и о

О мой государь,
Когда мы шли в поход, что ныне кончел,
Я любовался ею как солдат,
Которому суровый долг мешает
Дать нежной склонности расцвести в любовь.
Но я вернулся — бранные заботы
Меня покинули; на место их
Стеклись толпою сладкие желанья
И шепчут мне: прекрасна Геро;
Что до войны была уж мне мила.

Д о н П е д р о

Теперь всех слушателей как влюбленный
Потоком слов ты станешь донимать!
Ты любишь Геро — ну так и люби.
С ее отцом и с ней поговорю я:
Она твоею будет. Не затем ли
Ты стал плести искусный свой рассказ?

К л а в д и о

Как нежно вы врачуете любовь,
По бледности поняв ее страданья!

Чтоб вы ее внезапной не сочли,
Хотел помочь я делу длинной речью.

Дон Педро

Зачем же шире речки строить мост?
Подарок лучший — то, в чем есть потребность.
Смотри, как это просто: ты влюблен,
А я тебе лекарство предоставлю.
Сегодня ночью будет маскарад.
Я за тебя могу сойти под маской.
Скажу прекрасной Геро, что я Клавдио,
От сердца к сердцу все открою ей,
И слух ее я силой в плен возьму
И пылким приступом влюбленной речи.
Затем с ее отцом я потолкую,
И в заключение — она твоя.
Давай скорее примемся за дело.

Уходят.

СЦЕНА 2

Комната в доме Леонато.

Входит с разных сторон Леонато и Антонио.

Леонато

Ну что, братец? Где же мой племянник, где твой сын? Позаботился он о музыке?

Антонио

Хлопочет изо всех сил. Но послушай-ка, братец: я сейчас расскажу тебе такие новости, что тебе и во сне не снились.

Леонато

А хорошие это новости?

Антонио

Смотря по тому, как развернутся события; но на первый взгляд неплохие, я бы сказал даже — очень хорошие. Принц и граф Клавдио прогуливались в густой аллее у меня в саду, и один из моих слуг подслушал их разговор. Принц признавался Клавдио, что он влюблен в мою племянницу, твою дочь, и на-

мерен открыться ей нынче всером, во время танцев; и если получит ее согласие, то времени терять не станет, а сейчас же переговорит с тобой.

Л е о н а т о

А у него есть царь в голове? У того, кто это тебе говорил?

А н т о н и о

Это малый смысленый; я пошлю за ним — расспроси его сам.

Л е о н а т о

Нет-нет. Будем считать это сном, пока все не сбудется в действительности. Но дочь мою надо предупредить — на случай, если это окажется правдой. Ступай, расскажи ей это.

Входят слуги.

Вы, голубчики, знаете, что вам надо делать. (*К Антонио.*) Эй, дружок, сделай милость, пойдем со мной. Придется тебе проявить всю свою сноровку. Уж постарайся, голубчик, помоги мне в хлопотах.

Уходят.

СЦЕНА 3

Там же.

Входят дон Хуан и Конрад.

К о н р а д

Что это значит, ваша светлость? Почему вы так безмерно печальны?

Д о н Х у а н

Причина этому превышает всякой меры; оттого и у моей печали нет границ.

К о н р а д

Вам бы следовало послушаться доводов рассудка.

Д о н Х у а н

Ну, а если я их послушаюсь, какую пользу мне это принесет?

К о н р а д

Если это и не доставит вам быстрое облегчение, то по крайней мере поможет терпеливо переносить неприятности.

Д о н Х у а н

Странно! Ты сам говоришь, что родился под знаком Сатурна, а вместе с тем пытаешься предложить мне нравственные средства против смертельного недуга. Я не умею скрывать свои чувства: когда у меня есть причина для печали, я должен быть печальным и ни на чьи шутки не улыбаться; когда я голоден, я должен есть и никого не дожидаться; когда меня ко сну клонит, должен спать, не заботясь ни о чьих делах; когда мне весело, смеяться — и никогда не подделываться под чье бы то ни было настроение.

К о н р а д

Да, но вам не следует выказывать свой характер, пока вы не будете вполне самостоятельны. Вы так недавно восставали против вашего брата; сейчас он вернул вам свою милость, но, чтобы вам утвердиться в ней, уж вы сами должны позаботиться о хорошей погоде. Сумейте выбрать время для своей жатвы.

Д о н Х у а н

Я бы лучше хотел быть чертополохом у забора, чем розой в саду его милости. По моей натуре, мне приятнее терпеть общее презрение, чем приговорством красть чью-нибудь любовь. Хотя и нельзя сказать, что я лстиво добродетелен, никто не станет отрицать, что я откровенный негодяй. Мне доверяют, надев намордник, и дают свободу, опутав ноги. Вот я и решил: не буду петь в клетке! Снимите с меня намордник — я буду кусаться; дайте мне свободу — я буду делать все, что хочу. Пока что дай мне быть самим собой и не старайся изменить меня.

К о н р а д

Неужели вы не можете извлечь какой-нибудь пользы из вашего недовольства?

Д о н Х у а н

Я из него извлекаю всю пользу, какую могу, потому что это все, что у меня есть! Кто это идет?

Входит Б о р а ч и о.

Что нового, Борачио?

Борачио

Я только что с великолепного ужина. Леонато по-царски принимает вашего брата. Могу вам сообщить о предстоящей свадьбе.

Дон Хуан

Нельзя ли из этого устроить какую-нибудь каверзу? Какой дуралей хочет обручиться с заботами?

Борачио

Представьте себе, правая рука вашего брата.

Дон Хуан

Кто? Очаровательный Клавдио?

Борачио

Он самый.

Дон Хуан

Прекраснейший кавалер. Но на ком же? На ком? Кто прельстил его?

Борачио

Представьте себе, Геро — дочь и наследница Леонато.

Дон Хуан

Быстро же он оперился! Но как ты это узнал?

Борачио

Мне приказали покурить в комнатах. И вот, когда я зашел в одну непроветренную комнату, вдруг вижу: идут мне навстречу принц и Клавдио под ручку и о чем-то серьезно разговаривают. Я мигом юркнул за занавеску и оттуда все слышал — как они условились, что принц посватает Геро и, получив ее согласие, вручит ее графу Клавдио.

Дон Хуан

Ого! Пойдем-ка туда. Пожалуй, тут есть на чем сорвать мою досаду. Этот юный выскочка — причина моего падения, и, если я хоть как-нибудь сумею насолить ему, я буду очень счастлив. Верны ли вы оба и беретесь ли мне помочь?

К о н р а д

По гроб жизни, ваша светлость.

Д о н Х у а н

Пойдем же на их великолепный ужин. Их веселье еще увеличивается сознанием, что я побежден. О, если бы повар разделял мои чувства! Но пойдем посмотрим, что тут можно сделать.

Б о р а ч и о

Мы к услугам вашей светлости.

Уходят.

А К Т II

С Ц Е Н А 1

Зал в доме Леонато.

Входят Леонато, Антонио, Геро, Беатриче и другие.

Леонато

А графа Хуана не было за ужином?

Антонио

Я не видел его.

Беатриче

Какое кислое выражение лица у этого господина! Стоит на него взглянуть — и меня потом целый час изжога мучает.

Геро

Он очень меланхолического нрава.

Беатриче

Вот если бы взять среднее между ним и Бенедиктом, превосходный вышел бы человек: один — совсем истукан, ничего не говорит; другой, как любимый сынок, вечно болтает без умолку.

Леонато

Значит, если бы половину языка сеньора Бенедикта в уста графа Хуана, а половину меланхолии графа Хуана на лицо сеньора Бенедикта...

Б е а т р и ч е

...да еще вдобавок стройные ноги, дядюшка, и побольше денег в кошельке. О, такой мужчина покори́л бы любую женщину в мире, если бы только мог заслужить ее благосклонность!

Л е о н а т о

Право, племянница, ты никогда не найдешь себе мужа, если будешь так остра на язык.

А н т о н и о

Да, уж очень любит она бодаться.

Б е а т р и ч е

Не страшно! Ведь говорят: «Бодливой корове бог рог не даст».

Л е о н а т о

Так ты думаешь, что и тебе бог рог не даст?

Б е а т р и ч е

Конечно, если он не даст мне мужа, о каковой милости я коленопреклоненно молю его денно и ночью. О господи! Бородатый мужчина — какой ужас! Да я лучше соглашусь спать на шерстяных простынях!

Л е о н а т о

Может попасться и безбородый.

Б е а т р и ч е

А что мне с ним делать? Одеть его в мое платье и сделать своей горничной? У кого есть борода, тот уже не юноша; у кого ее нет, тот еще не мужчина. Если он уже не юноша, он для меня не годится; если он еще не мужчина, я для него не гожусь. Лучше уж наймусь к вожаку медведей и буду водить его обезьян в аду.

Л е о н а т о

Что же это, ты намерена отправиться в ад?

Б е а т р и ч е

Нет, только до ворот, дядюшка! Там меня встретит дьявол — этот старый роконосец — и скажет: «Ступай на небо, Беатриче, ступай на небо! Тут вам, девицам, нет места!» Тогда я ему оставлю обезьян, а сама — к святому Петру на небеса. Он мне укажет, где помещаются холостяки, и тут пойдет у нас веселье день-деньской.

Антонио

(к Геро)

А ты, племянница, надеюсь, будешь повиноваться отцу?

Беатриче

О, конечно. Кузина сочтет своим долгом присесть и сказать: «Как вам будет угодно, батюшка!» — Но смотри, кузина, пусть это будет красивый малый, а то лучше присядь в другой раз и скажи: «Как будет угодно мне, батюшка!»

Леонато

Хорошо-хорошо, племянница. А я все-таки надеюсь в один прекрасный день увидеть тебя замужем.

Беатриче

Нет, пока бог не создаст мужчину из какой-нибудь другой материи, чем земля! Не обидно ли для женщины, чтобы ею управлял комок земли? Отдавать отчет в своем поведении куску грубой глины! Нет, дядюшка, я этого не желаю. Все мужчины мне братья по Адаму, а выходить за родственников я считаю грехом.

Леонато

Помни, дочка, что я тебе сказал: если принц будет просить твоего согласия, ты знаешь, что ему ответить.

Беатриче

Он погрешит против музыки, кузина, если посватается не в такт. Если принц будет слишком настойчив, ты скажи ему, что во всякой вещи надо соблюдать меру, и протанцуй ему свой ответ. Потому что — поверь мне, Геро, — сватовство, венчанье и раскаянье — это все равно что шотландская джига, менуэт и синкпес. Первое протекает горячо и бурно, как джига, и так же причудливо; венчанье — чинно и скромно, степенно и старомодно, как менуэт; ну, а потом приходит раскаянье и начинается разбитыми ногами спотыкаться в синкпесе все чаще и чаще, пока не свалится в могилу.

Леонато

Ты все видишь в дурном свете, племянница!

Беатриче

У меня хорошее зрение, дядюшка. Днем я могу даже церковь разглядеть.

Леонато

Вот и маски, братец. Дадим им место.

Входят дон Педро, Клавдио, Бенедикт, Бальтазар, дон Хуан, Борачио, Маргарита, Урсула и другие, в масках.

Дон Педро

Не угодно ли вам пройти с вашим поклонником, синьора?

Геро

Если вы будете идти медленно, смотреть нежно и ничего не говорить, я готова пройти с вами,— особенно чтобы уйти в сторону.

Дон Педро

Вместе со мной?

Геро

Может быть, и так, если мне вздумается.

Дон Педро

А в каком случае вам это вздумается?

Геро

Если мне понравится ваше лицо. А то вдруг, упаси боже, лютия окажется такой же, как футляр!

Дон Педро

Моя маска — вроде крыши Филемоновой хижины: внутри нее — Юпитер.

Геро

Так отчего же на ней нет соломы?

Маргарита

Говорите тише, если хотите потолковать о любви.

Бальтазар

(уводит ее в сторону)

Хотел бы я вам понравиться!

Маргарита

А я бы этого не хотела — ради вас самих, потому что у меня очень много недостатков.

Бальтазар

Ну, например, хоть один.

Маргарита

Я молюсь вслух.

Бальтазар

Тем более вы мне милы: кто будет вас слушать, может приговаривать: «аминь».

Маргарита

Пошли мне боже хорошего танцора!

Бальтазар

Аминь.

Маргарита

И убери его с глаз моих, как только танец кончится! Ну что же, пономарь?

Бальтазар

Ни слова больше: пономарь получил ответ.

Урсула

Я вас узнала: вы синьор Антонио.

Антонио

Даю слово, нет.

Урсула

Я вас узнала по тому, как у вас голова трясется.

Антонио

Сказать по правде, я его передразниваю.

Урсула

Нет, так ловко это проделывать умеет только сам синьор Антонио. И рука у вас сухая и с той и с другой стороны, точь-в-точь как у него. Узнала, узнала!

Антонио

Даю слово, нет.

Урсула

Полно, полно! Вы думаете, я не узнаю вас по вашему замечательному остроумию? Разве талант можно скрыть? Будет, не спорьте: вы — Антонио, вы — Антонио. Достоинства всегда обнаруживаются — и дело с концом!

Б е а т р и ч е

Вы так и не скажете мне, кто это вам говорил?

Б е н е д и к т

Простите, нет.

Б е а т р и ч е

И не скажете мне, кто вы?

Б е н е д и к т

Пока — нет.

Б е а т р и ч е

Что я капризница и что все мое остроумие заимствовано из «Ста веселых рассказов» — это, наверно, сказал синьор Бенедикт.

Б е н е д и к т

А кто он такой?

Б е а т р и ч е

Я уверена, что вы его отлично знаете.

Б е н е д и к т

Уверю вас, нет.

Б е а т р и ч е

Он ни разу не заставлял вас смеяться?

Б е н е д и к т

Да кто же он такой, скажите, пожалуйста?

Б е а т р и ч е

Принцев шут, совсем плоский шут. Единственный его талант — выдумывать самые невероятные сплетни. Нравится он одним только распутникам, да и те ценят в нем не остроумие, а подлость. Он одновременно забавляет людей и возмущает их, так что они и смеются и колотят его. Я уверена, он где-нибудь здесь крейсирует. Хотела бы я, чтобы он причалил ко мне.

Б е н е д и к т

Когда я познакомлюсь с этим господином, я передам ему ваш отзыв о нем.

Б е а т р и ч е

Сделайте милость! Он только разразится на мой счет двумя-тремя сравнениями; а если этого никто не заметит и не рассмеется, он погрузится в меланхолию — и тогда за ужином уцелеет какое-нибудь крылышко от куропатки, потому что в этот вечер шут не будет ужинать.

Музыка.

Нам нужно следовагь за первой парой.

Б е н е д и к т

Во всем хорошем, надеюсь?

Б е а т р и ч е

Ну, если она поведет нас к дурному, я ее покину при первом же туре.

Танцы.

Все, кроме дон Хуана, Борачио и Клавдио, уходят.

Д о н Х у а н

Положительно мой брат влюблен в Геро. Он увел ее отца, чтобы просить ее руки. Дамы последовали за ней, и осталась только одна маска.

Б о р а ч и о

Это Клавдио, я его узнаю по осанке.

Д о н Х у а н

Вы не синьор Бенедикт?

К л а в д и о

Вы угадали: он самый.

Д о н Х у а н

Синьор, вы очень близки с моим братом. Он влюбился в Геро. Прошу вас, постарайтесь как-нибудь отвлечь его от нее. Она не ровня ему по рождению: вы сыграете благороднейшую роль в этом деле.

К л а в д и о

Откуда вы знаете, что он ее любит?

Дон Хуан

Я слышал, как он клялся ей в любви.

Борачио

Я тоже. Он клялся, что готов на ней жениться сегодня же вечером.

Дон Хуан

Однако пойдем ужинать.

Дон Хуан и Борачио уходят.

Клавдио

Вот так я отвечал за Бенедикта;
Но Клавдио дурную весть услышал.
Так, значит, принц хлопчет для себя!
Во всех делах бывает дружба верной,
За исключением любовных дел.
Любя, надейся лишь на свой язык
И доверяй любовь своим лишь взглядам.
Посредникам не верь: растает верность
В крови от чар колдуны-красоты.
Случается все это ежечасно,
А я о том забыл.— Прощай же, Геро!

Входит Бенедикт.

Бенедикт

Граф Клавдио?

Клавдио

Он самый.

Бенедикт

Пу что ж, идем?

Клавдио

Куда?

Бенедикт

Очевидно, до ближайшей ивы, по вашему же делу, граф. Как вы намерены носить свою гирлянду? На шее, как цепь богатого ростовщика? Или через плечо, как перевязь лейтенанта? Так или иначе, а вам ее надеть придется: принц подцепил вашу Геро.

К л а в д и о

На здоровье.

Б е н е д и к т

Гм! Так говорят честные торговцы скотом, продав быка. Но скажите-ка, вы ожидали, что принц так удружит вам?

К л а в д и о

Прошу вас, оставьте меня.

Б е н е д и к т

Ого! Это вроде как слепой дерется: мальчишка стянул мясо, а вы колотите по столбу.

К л а в д и о

Если вы не удалитесь, так я уйду. (*Уходит.*)

Б е н е д и к т

Увы, бедная подстреленная птичка! Теперь пойдет и спрячется в камышах. Но как странно: синьора Беатриче и знает меня и не знает! Принцев шут! А может быть, я получил это прозвище потому, что всегда весел? Ну нет, тут я сам к себе несправедлив: репутация моя не такова. Это только злой и едкий язык Беатриче выдает ее мысли за общее мнение. Ну хорошо же, я сумею за себя отомстить.

Входит дон Педро.

Д о н П е д р о

Послушайте, синьор, где граф? Вы его видели?

Б е н е д и к т

По правде говоря, ваша светлость, я сыграл роль госпожи Молвы. Я его нашел здесь — он был грустен, как заброшенная сторожка в лесу. Я сказал ему — и думаю, что сказал правду, — что вашей светлости удалось добиться благосклонности молодой особы, и вызвался проводить его до ближней ивы, чтобы сплести ему гирлянду в знак траура, как покинутому любовнику, или связать пук розог, потому что его стоит высечь.

Д о н П е д р о

Высечь? Но в чем же он провинился?

Б е н е д и к т

Сглумил, как школьник: на радостях, что нашел птичье гнездо, показал его товарищу — а тот его и украл.

Дон Педро

Доверчивость ты ставишь ему в вину? Виноват тот, кто украл.

Бенедикт

А все-таки не мешает и пучок розог связать и гирлянду сплести: гирлянда ему самому пригодится, а розги он мог бы предоставить вам, потому что, как я понимаю, вы-то его гнездо и украли.

Дон Педро

Я только научу пташек петь, а потом верну владельцу.

Бенедикт

Если они запоют в лад с вашими словами, то вы честный человек.

Дон Педро

Беатриче очень сердита на вас: кавалер, с которым она танцевала, сказал ей, что вы плохо о ней отзывались.

Бенедикт

О, да она сама обошлась со мной так, что бревно не выдержало бы! Дуб, будь на нем хоть один зеленый листочек, и тот не смолчал бы: сама моя маска начала, кажется, оживать и браниться с ней. Не догадавшись, что это я сам с ней, она заявила мне, что я «принцев шут», что я несноснее осенней распутицы, и пошло, и пошло: насмешка за насмешкой сыпались с такой невероятной быстротой, что я себя чувствовал мишенью, в которую стреляет целая армия. Ее слова — кинжалы; каждое из них наносит рану. Будь ее дыханье так же ядовито, как ее речи, около нее не осталось бы ничего живого: она бы отравила все и всех, вплоть до Полярной звезды. Я бы не женился на ней, даже если бы в приданое за ней дали все, чем владел Адам до грехопадения. Она бы самого Геркулеса засадила за вертел, а палицу заставила бы его расщепить на растопку. Бросим о ней говорить. Вы должны будете согласиться, что это сама адская богиня Ата в модном наряде. Молю бога, чтобы какой-нибудь чародей заговорил нас от нее. Поистине, пока она на земле, в аду живется спокойно, как в святом убежище, и люди нарочно грешат, чтобы попасть туда. Где она, там смуты, ссоры и беспокойство.

Входят Клавдио, Геро и Леонато, с другой стороны — Беатриче.

Дон Педро

А вот и она.

Бенедикт

Не угодно ли вашему высочеству дать мне какое-нибудь поручение на край света? Я готов за малейшим пустяком отправиться к антиподам, что бы вы ни придумали; хотите, принесу вам зубочистку с самой отдаленной окраины Азии, сбегаю за меркой с ноги пресвитера Иоанна, добуду волосок из бороды Великого Могола, отправлюсь послом к пигмеям? Все будет мне приятнее, чем перекинуться тремя словами с этой гарпией. Есть у вас для меня какое-нибудь дело?

Дон Педро

Единственно, чего я хочу от вас, это наслаждаться вашим приятным обществом.

Бенедикт

О боже мой, нет — это кушанье мне не по вкусу: я терпеть не могу трешоток. (*Уходит.*)

Дон Педро

Да-да, синьора Беатриче, вы потеряли сердце синьора Бенедикта.

Беатриче

Это правда, ваше высочество: он мне его на время давал взаймы, а я ему за это платила проценты — и он получил обратно двойное сердце. Он его у меня когда-то выиграл мечеными костями, так что ваше высочество правы, говоря, что оно для меня потеряно.

Дон Педро

Вы его положили на обе лопатки, синьора, на обе лопатки.

Беатриче

Только бы не он меня, — чтобы мне не народить дураков. Я привела вам графа Клавдио, за которым вы меня посылали.

Дон Педро

Что это, граф? Отчего вы так печальны?

Клавдио

Я не печален.

Дон Педро

Так что же, больны?

Клавдио

И не болен, ваше высочество.

Беатриче

Граф ни печален, ни весел, ни болен, ни здоров. Он просто благопристоен, благопристоен, как апельсин, и такого же желтого цвета — цвета ревности.

Дон Педро

Я нахожу, синьора, что ваше описание весьма правильно. Но клянусь — если это так, то воображение обмануло его. — Знай, Клавдио, я посватался от твоего имени, и прекрасная Геро согласна. Я переговорил с ее отцом — он тоже согласен. Назначай день свадьбы, и дай тебе бог счастья.

Леонато

Граф, возьмите мою дочь и с ней все мое состояние. Его высочество устроил этот брак, и да скажет милость небесная: «аминь».

Беатриче

Говорите, граф: сейчас ваша реплика.

Клавдио

Молчание — лучший глашатай радости. Если бы я мог высказать, как я счастлив, я не был бы счастлив. — Геро, вы — моя, как и я — ваш; я себя отдаю за вас и в восторге от этой мены.

Беатриче

Теперь говори ты, кузина, а если не можешь, то закрой ему рот поцелуем, — пусть и он больше не говорит.

Дон Педро

Поистине, синьора, у вас веселое сердце.

Беатриче

Да, ваше высочество, я ему очень благодарна, моему бедному глупенькому сердцу, что оно все принимает с лучшей стороны. Кузина говорит графу на ушко, что он завоевал ее сердце.

К л а в д и о

Совершенно верно, кузина.

Б е а т р и ч е

Вот мы с вами и породнились! Так-то вот все на свете устраиваются, кроме только одной меня, бедной чернушки. Остается мне сесть в уголок и кричать: «Дайте мне мужа!»

Д о н П е д р о

Синьора Беатриче, я вам доставлю мужа.

Б е а т р и ч е

Лучше бы мне его доставил ваш батюшка. Нет ли у вашего высочества брата, похожего на вас? Ваш батюшка наготовил превосходных мужей,— лишь бы девушки им нашлись под пару.

Д о н П е д р о

Хотите пойти за меня?

Б е а т р и ч е

Нет, ваше высочество, разве только у меня будет еще муж для будничных дней. Ваше высочество слишком драгоценны, чтобы носить вас каждый день. Но простите меня, ваше высочество; такая уж я уродилась: болтаю одни пустяки и ничего серьезного.

Д о н П е д р о

Я не простил бы вам только молчания: веселость очень вам к лицу. Без сомненья, вы родились в веселый час!

Б е а т р и ч е

Нет, конечно: моя матушка ужасно кричала. Но в это время в небе плясала звезда, под ней-то я и родилась.— Кузина и кузен, дай вам бог счастья!

Л е о н а т о

Племянница, ты позаботишься, о чем я тебя просил?

Б е а т р и ч е

Извините, дядя.— Прошу прощения, ваше высочество. (*Уходит.*)

Д о н П е д р о

Клянусь честью, превеселая девушка!

Леонато

Да, ваше высочество, элемента меланхолии в ней очень мало. Она бывает серьезна, только когда спит. Да и то не всегда: моя дочь рассказывает, что Беатриче нередко видит во сне какие-нибудь проказы, и тогда она просыпается со смехом.

Дон Педро

Она и слышать не хочет о замужестве?

Леонато

Никонм образом: насмешками всех женихов отваживает.

Дон Педро

Вот была бы превосходная жена для Бенедикта.

Леонато

О господи! Ваше высочество, да они в неделю заговорили бы друг друга насмерть.

Дон Педро

Граф Клавдио, когда же свадьба?

Клавдио

Завтра, ваше высочество. Время тащится на костылях, пока любовь не исполнит всех своих обрядов.

Леонато

Нет, мой дорогой сын, не раньше понедельника, ровно через неделю. И то это слишком мало времени, чтобы все устроить, как мне хочется.

Дон Педро

Я вижу, ты покачиваешь головой, услышав о такой отсрочке. Но ручаюсь тебе, Клавдио, что время у нас пролетит незаметно. Пока что я попытаюсь совершить один из подвигов Геркулеса — возбудить безумную любовь между синьором Бенедиктом и синьорой Беатриче. Мне ужасно хочется устроить этот брак, и я не сомневаюсь в успехе предприятия, если только вы все трое будете мне помогать и действовать по моим указаниям.

Леонато

Ваше высочество, я весь к вашим услугам, если даже мне придется для этого не спать десять ночей подряд.

К л а в д и о

Я также, ваше высочество.

Д о н П е д р о

И вы тоже, прелестная Геро?

Г е р о

Я готова исполнить любое скромное поручение, чтобы помочь кузине получить хорошего мужа.

Д о н П е д р о

А Бенедикт — не самый безнадёжный из всех, кого я знаю. Смело могу сказать в похвалу ему: он благородного происхождения, испытанной смелости и неоспоримой честности. Я научу вас, как подействовать на вашу кузину, чтобы она влюбилась в Бенедикта, а сам с вашей помощью так настрою Бенедикта, что при всем своем остром уме и привередливом вкусе он влюбится в Беатриче. Если мы этого добьемся, не зовите больше Купидона стрелком: он уступит нам свою славу, и мы станем единственными божествами любви. Идемте со мной, я вам расскажу мой план!

Уходят.

С Ц Е Н А 2

Другая комната в доме Леонато.

Входят дон Хуан и Борачио.

Д о н Х у а н

Значит, это правда: граф Клавдио женится на дочери Леонато?

Б о р а ч и о

Да, ваша светлость; но я могу этому помешать.

Д о н Х у а н

Каждая помеха, каждая преграда, каждое препятствие будет лекарством для меня. Я болен ненавистью к нему, и все, что противоречит его желаниям, совпадает с моими. Как ты можешь помешать этой свадьбе?

Б о р а ч и о

Нечестным путем, ваша светлость, но так искусно, что нечестности этой никто не заметит.

Дон Хуан

Расскажи в двух словах: как?

Борачио

Кажется, я говорил вашей светлости — уже с год тому назад, — что я пользуюсь милостями Маргариты, камеристки Геро?

Дон Хуан

Припоминаю.

Борачио

Я могу в неурочный час ночи попросить ее выглянуть из окна спальни ее госпожи.

Дон Хуан

Что же тут такого, что могло бы расстроить свадьбу?

Борачио

От вас зависит приготовить настоящий яд. Ступайте к принцу, вашему брату, и без обиняков скажите ему, что он позорит свою честь, способствуя браку славного Клавдио, к которому вы преисполнены величайшего уважения, с такой грязной распутницей, как Геро.

Дон Хуан

Какие же доказательства я представляю?

Борачио

Вполне достаточные для того, чтобы обмануть принца, вывести из себя Клавдио, погубить Геро и убить Леонато. Вам этого мало?

Дон Хуан

Чтобы только досадить им, я на все готов.

Борачио

Ступайте же. Улучите минутку, чтобы поговорить с доном Педро и графом Клавдио наедине. Скажите им, что вы знаете о любовной связи Геро со мной. Притворитесь, что вами руководит дружеское расположение к ним, что вы открываете все это, дорожа честью вашего брата, который устраивает эту свадьбу, и репутацией его друга, которого хотят обмануть поддельной девственностью. Они едва ли без доказательств поверят этому. Представьте им улики самые убедительные: они увидят меня под

окном спальни Геро и услышат, как я буду называть Маргариту «Геро», а Маргарита меня — «Борачио». Покажите им это как раз в ночь накануне свадьбы. Я подстрою тем временем так, что Геро не будет в комнате, и неверность ее будет представлена так правдоподобно, что ревность станет уверенностью, и все приготовления к свадьбе рухнут.

Д о н Х у а н

К какому бы роковому исходу это дело ни привело, я берусь за него! Устрой это половчее, и награда тебе будет — тысяча дукатов.

Б о р а ч и о

Будьте только настойчивы в обвинениях, а уж моя хитрость не посрамит себя.

Д о н Х у а н

Пойду узнаю, на какой день назначена свадьба.

Уходят.

С Ц Е Н А 3

Сад Леонато.

Входит Бенедикт.

Б е н е д и к т

Мальчик!

Входит мальчик.

М а л ь ч и к

Синьор?

Б е н е д и к т

В моей комнате на окне лежит книга: принеси мне ее сюда в сад.

М а л ь ч и к

Слушаю, синьор. Я здесь.

Б е н е д и к т

Знаю, что здесь. Но я хотел бы, чтоб ты исчез, а потом появился здесь снова.

М а л ь ч и к уходит.

Удивляюсь я: как это человек, видя, какими глупцами становятся другие от любви, издевается над этим пустым безумием — и вдруг сам становится предметом насмешек, влюбившись. Таков Клавдио. Помню я время, когда он не признавал другой музыки, кроме труб и барабанов, — а теперь он охотнее слушает тамбурин и флейту. Помню, как он готов, бывало, десять миль пешком отмахать, чтобы взглянуть на хорошие доспехи, — а сейчас может не спать десять ночей подряд, обдумывая фасон нового колета. Говорил он, бывало, просто и дельно, как честный человек и солдат; а теперь превратился в какого-то краснбая: его речи — это фантастическая трапеца с самыми невиданными блюдами. Неужели и я могу так измениться, пока еще смотрят на мир мои глаза? Не знаю. Не думаю. Клятвы не дам, что любовь не превратит меня в устрицу. Но в одном клянусь смело: пока я еще не стал устрицей, подобным глупцом любовь меня не сделает. Одна женщина прекрасна, — но я уцелел. Другая умна, — но я уцелел. Третья добродетельна, — но я уцелел. Пока я не встречу женщины, привлекательной во всех отношениях зараз, — ни одна не привлечет меня. Она должна быть богата — это обязательное условие; умна — или мне ее не надо; добродетельна — или я за нее не дам ни гроша; красива — иначе я и не взгляну на нее; кротка — иначе пусть и близко ко мне не подходит; знатна — иначе ни за какие деньги ее не возьму; она должна приятно разговаривать, быть хорошей музыкантшей, а волосы пусть будут такого цвета, как богу угодно. Вот и принц с мсье Купидоном! Спрячусь в беседке. (*Прячется.*)

Входят дон Педро, Клавдио и Леонато, за ними — Бальтазар с музыкантами.

Дон Педро

Ну что ж, хотите музыку послушать?

Клавдио

Да, добрый принц. Как вечер тих! Он будто Притих, чтобы гармонии внимать.

Дон Педро

Ты видел, где укрылся Бенедикт?

Клавдио

Отлично видел. Музыку прослушав,
Поймаем мы лисенка в западню.

Дон Педро

Ну, Бальтазар, спой снова нам ту песню.

Б а л ь т а з а р

Не заставляйте, ваша светлость, вновь
Позорить музыку столь скверным пеньем.

Д о н П е д р о

Вернейшая порука мастерства —
Не признавать свое же совершенство.
Пой! Что ж, тебя молить мне, как невесту?

Б а л ь т а з а р

Когда на то пошло, я вам спою:
Ведь часто о любви невесту молят,
Невысоко ценя ее, и все же
Клянясь в любви.

Д о н П е д р о

Ну полно, начинай!
А хочешь дальше спорить, — спорь, но только
По ногам.

Б а л ь т а з а р

Раньше сообщу вам ноту:
Нет в нотах у меня достойных нот.

Д о н П е д р о

Он говорит как будто бы по нотам.
Нет в нотах нот, — довольно же нотаций!

Музыка.

Б е н е д и к т

(в сторону)

Теперь последует божественная песня! И душа его воспарит!
Не странно ли, что овечьи кишки способны так выгигивать из
человека душу? Нет, что до меня, так я бы за свои деньги лучше
послушал роговую музыку.

Б а л ь т а з а р

(поет)

К чему вздыхать, красотки, вам?
Мужчины — род неверный:
Он телом — здесь, душою — там,
Все ветрены безмерно.

К чему ж вздыхать?
Их надо гнать,
Жить в радости сердечной
И вздохи скорби превращать —
Гей-го! — в припев беспечный.
Не пойте ж нам, не пойте вы
Напевов злой кручины:
Спокон веков уж таковы
Коварные мужчины.
К чему ж вздыхать?
Их надо гнать,
Жить в радости сердечной
И вздохи скорби превращать —
Гей-го! — в припев беспечный.

Дон Педро

Честное слово, хорошая песня.

Бальтазар

Но плохой певец, ваше высочество.

Дон Педро

Нет-нет: ты поешь совсем недурно, на худой конец.

Бенедикт
(в сторону)

Если бы пес так выл, его бы повесили. Молю бога, чтобы его голос не накликал нам беду. По-моему, лучше ночного ворона слушать, какое бы несчастье он ни сулил.

Дон Педро

Да, конечно. Послушай, Бальтазар, раздобудь нам, пожалуйста, самых лучших музыкантов: мы хотим завтра ночью устроить серенаду под окнами синьоры Геро.

Бальтазар

Постараюсь, ваше высочество.

Дон Педро

Так сделай это. Прощай.

Бальтазар и музыканты уходят.

Послушайте, Леонато, что это вы говорили сегодня? Будто ваша племянница Беатриче влюбилась в Бенедикта?

К л а в д и о

Да-да! (*Тихо, дону Педро.*) Подкрадывайтесь, подкрадывайтесь: дичь уже села. (*Громко, к Леонато.*) Вот уж не подумал бы никогда, что эта особа может в кого-нибудь влюбиться.

Л е о н а т о

Я тоже. А всего удивительнее, что она с ума сходит по Бенедикту, которого, судя по ее поведению, она всегда ненавидела.

Б е н е д и к т

(*в сторону*)

Возможно ли? Так вот откуда ветер дует!

Л е о н а т о

По чести, ваше высочество, не знаю, что об этом и подумать. Но она безумно любит его: это превосходит всякое воображение.

Д о н П е д р о

Может быть, она только притворяется?

К л а в д и о

Похоже на то.

Л е о н а т о

Бог мой! Притворяется! Да никогда притворная страсть так не походила на истинную, как у нее!

Д о н П е д р о

Но в чем же эта страсть выражается?

К л а в д и о

(*тихо*)

Насаживайте приманку на крючок: рыба сейчас клюнет.

Л е о н а т о

В чем выражается? Она сидит и... да вы слышали, как моя дочь рассказывала.

К л а в д и о

Да, правда.

Д о н П е д р о

Что? Что? Прошу вас! Вы изумляете меня: я всегда считал ее сердце неуязвимым для стрел любви.

Л е о н а т о

Я тоже готов был поклясться в этом. Особенно по отношению к Бенедикту.

Б е н е д и к т
(в сторону)

Я бы считал это за надувательство, если бы не его седая борода. Плутство не может скрываться под такой почтенной внешностью.

К л а в д и о
(тихо)

Яд подействовал: подлейте еще.

Д о н П е д р о

Что же, она открыла свои чувства Бенедикту?

Л е о н а т о

Нет. И клянется, что никогда этого не сделает: это-то ее и мучает.

К л а в д и о

Совершенно верно. Ваша дочь передавала, что она говорит: «Как же я, которая всегда относилась к нему с таким пренебрежением, и вдруг напишу ему, что люблю его?»

Л е о н а т о

И говорила это она, когда садилась за письмо к нему. Раз двадцать она вставала в одной рубашке и списала целый лист с обеих сторон. Так дочь рассказывала.

К л а в д и о

Кстати, о листе бумаги: я вспомнил одну забавную мелочь, о которой рассказывала ваша дочь.

Л е о н а т о

Да-да! Когда она написала письмо и стала перечитывать, то вдруг заметила, что если письмо сложить, то имена «Бенедикт» и «Беатриче» ложатся вместе.

К л а в д и о

Вот-вот.

Леонато

Тогда она разорвала письмо в мелкие клочки и стала корить себя за нескромность — писать к тому, кто, как она знает, только посмеется над ней. «Я сужу по себе,— говорит она: — ведь если бы он вздумал написать мне, я бы подняла его на смех. Да-да, хоть и люблю его, а на смех бы подняла».

Клавдио

А потом падает на колени, стонет, рыдает, бьет себя в грудь, рвет на себе волосы, молится, проклиная: «О мой милый Бенедикт! Боже, пошли мне сил!»

Леонато

Действительно, она все это проделывает: так говорит моя дочь. Страсть ею так владеет, что моя дочь боится — как бы она с отчаяния не сделала что-нибудь над собой. Истинная правда!

Дон Педро

Надо, чтобы Бенедикт узнал об этом от кого-нибудь другого, раз уж она сама не хочет открыться ему.

Клавдио

К чему? Он только бы высмеял это и измучил бедную девушку еще больше.

Дон Педро

Если бы он так поступил, так его повесить мало! Она прелестная, милая девушка и, уж вне всяких сомнений, добродетельная.

Клавдио

И необычайно умна при этом.

Дон Педро

Умна во всем, если не считать того, что влюбилась в Бенедикта.

Леонаго

Ах, ваше высочество, когда рассудок и страсть борются в таком хрупком теле, можно поставить десять против одного, что победит страсть. Мне жаль ее, и я имею для этого достаточное основание, будучи ее дядей и опекуном.

Дон Педро

Хотел бы я, чтобы она избрала меня предметом своего увлечения: я отбросил бы все другие соображения и сделал бы ее

своей дражайшей половиной. Прошу вас, расскажите все это Бенедикту: посмотрим, что он скажет.

Леонато

Вы думаете, это будет хорошо?

Клавдио

Геро уверена, что Беатриче умрет. Она сама говорит, что умрет, если он ее не полюбит; и тут же добавляет, что скорей умрет, чем признается ему в любви; и еще — что если он посвящается к ней, то она скорей умрет, чем отступится от своей обычной насмешливости.

Дон Педро

Она права. Если она признается ему в своей любви, очень возможно, что он станет над ней издеваться. Ведь вы знаете, какой он заносчивый человек.

Клавдио

Но красавец мужчина!

Дон Педро

Это правда, внешность у него счастливая.

Клавдио

Ей-богу, по-моему, он очень умен.

Дон Педро

Да, у него бывают проблески остроумия.

Леонато

Я считаю его очень храбрым человеком.

Дон Педро

Настоящий Гектор, уверяю вас. А в делах чести необычайно мудр: он либо старается избежать поединка, либо, уж если решается на него, так с истинно христианским страхом.

Леонато

Если в нем есть страх божий, так он и должен соблюдать мир, а уж если нарушать его, так со страхом и трепетом.

Дон Педро

Так он и поступает: он человек богобоязненный, хоть этому и трудно поверить, судя по его слишком вольным иногда шуткам.

Но мне жаль вашу племянницу. Хотите, разыщем его и расскажем о ее любви?

К л а в д и о

Нет, не говорите ему ничего: может быть, ее сердце само справится с этой страстью.

Л е о н а т о

Невозможно: скорее оно перестанет биться.

Д о н П е д р о

Ну, хорошо. Мы узнаем о дальнейшем от вашей дочери. А тем временем пусть все это немного поостынет. Я очень люблю Бенедикта, но хотел бы, чтобы он взглянул на себя беспристрастно и понял, насколько он недостоин такой прекрасной жены.

Л е о н а т о

Не угодно ли пожаловать, ваше высочество? Обед готов.

К л а в д и о

(тихо)

Если после этого он в нее не влюбится, я перестану верить чему бы то ни было.

Д о н П е д р о

(тихо)

Теперь надо расставить такие же сети и для нее. Этим пусть займется ваша дочь и ее камеристка. Вот-то будет потеха, когда каждый из них вообразит, что другой его обожает, а на самом деле — ничего подобного. Хотел бы я видеть эту сцену: славная получится пантомима! Пошлем ее звать его к обеду!

Д о н П е д р о, К л а в д и о и Л е о н а т о уходят.

Б е н е д и к т

(выходит из беседки)

Нет, это не может быть подстроено: разговор шел в самом серьезном тоне. Они узнали всю правду от Геро. По-видимому, они жалеют Беатриче. Кажется, страсть ее дошла до предела. Влюбилась в меня! За это надо вознаградить ее. Слышал я, как они обо мне судят: думают, что я зазнаюсь, если замечу ее любовь; по их словам, она скорее умрет, чем выдаст чем-нибудь свое чувство. Я никогда не собирался жениться; но не надо казаться гордым. Счастлив тот, кто, услышав о своих недостатках, может

исправиться. Они говорят, что она красавица: это правда — могу сам засвидетельствовать; и добродетельна — и это так: ничего не могу возразить; и умна, если не считать того, что влюбилась в меня, — по чести, это не очень-то говорит в пользу ее ума, но и не доказывает ее глупости, потому что я готов в нее по уши влюбиться. Конечно, тут не обойдется без разных сарказмов и зата-сканных острот по поводу того, что я так долго издевался над браком. Но разве вкусы не меняются? В юности человек любит какое-нибудь кушанье, а в старости его в рот не берет. Неужели колкости и шуточки, эти бумажные стрелы, которыми перебрасываются умы, должны помешать человеку идти своим путем? Нет, мир должен быть населен! Когда я говорил, что умру холостяком, я думал, что не доживу до свадьбы! Вот идет Беатриче. Клянусь дневным светом, она прехорошенькая девушка! Я замечаю в ней некоторые признаки влюбленности.

Входит Беатриче.

Беатриче

Меня, против моей воли, прислали просить вас идти обедать.

Бенедикт

Прекрасная Беатриче, благодарю вас за труд.

Беатриче

Мне стоило не больше труда заслужить вашу благодарность, чем вам поблагодарить меня. Если бы это было трудно, я бы не пришла.

Бенедикт

Значит, это поручение доставило вам удовольствие?

Беатриче

Так, на грошик. У вас нет аппетита, синьор? Тогда прощайте. *(Уходит.)*

Бенедикт

Эге! «Меня, против моей воли, прислали просить вас идти обедать» — в этом заключается двойной смысл. «Мне стоило не больше труда заслужить вашу благодарность, чем вам поблагодарить меня!» — это то же, что сказать: «Всякий труд для вас мне так же легок, как вам — благодарность». Если я не сжалюсь над ней, я буду негодяем! Будь я турок, если не полюблю ее! Постараюсь достать ее портрет. *(Уходит.)*

А К Т III

С Ц Е Н А 1

Сад Леонато.

Входят Геро, Маргарита и Урсула.

Геро

Ступай скорее, Маргарита, в зал.
Там ты найдешь кузину Беатриче
Беседующей с Клавдио и с принцем:
Шепни ей на ушко, что мы с Урсулой
В саду гуляем и о ней толкуем;
Скажи ей, что подслушала ты нас,
И предложи ей спрятаться в беседке,
Где жимолость так разрослась на солнце,
Что солнечным лучам закрыла вход:
Так фаворит, монархом вознесенный,
Порою гордо восстает на власть,
Что гордость эту в нем и породила.
Здесь спрячется она, чтоб нас подслушать.
Сыграй получше роль свою. Ступай.

Маргарита

Ручаюсь вам, она придет, и скоро.

(Уходит.)

Г е р о

Как только Беатриче подойдет,
Давай, Урсула, лишь о Бенедикте,
Гуляя по аллее, говорить.
Лишь назову его — ты начинай
Хвалить его превыше всякой меры.
Я ж буду говорить, что Бенедикт
Любовью к Беатриче прямо болен.
Ведь Купидон отлично может ранить
Своей стрелой и через слух.

В глубине сцены показывается Беатриче.

Начнем!

Смотри: как пёвочка, к земле прикикнув,
Скользит она в траве, чтоб нас подслушать.

У р с у л а

Удильщику всего приятней видеть,
Как рыбка золотыми плавниками
Вод рассекает серебро, чтоб жадно
Коварную приманку проглотить.
Так мы сейчас поймаем Беатриче,
Что в жимолости притаилась там.
Не бойтесь, диалога не испорчу.

Г е р о

Пойдем поближе, чтоб не проронила
Она ни крошки из приманки сладкой.

Подходят к беседке.

Нет, право, слишком уж она спесива.
Душа ее пуглива и дика,
Как горный сокол!

У р с у л а

Но скажите, правда ль,
Что Бенедикт влюблен в нее так страстно?

Г е р о

Так говорят и принц и мой жених.

У р с у л а

И поручили вам сказать ей это?

Г е р о

Просили, да. Но я их убедила —
Пусть, если только любят Бенедикта,
Внушат ему, чтоб чувство поборол он
И никогда любви ей не открыл.

У р с у л а

Но почему? Ужель он не достоин
Счастливого супружеского ложа,
Какое заслужила Беатриче?

Г е р о

Клянусь Амуром, он всего достоин,
Чего мужчина может пожелать.
Но женщины с таким надменным сердцем
Природа до сих пор не создавала;
Глаза ее насмешкою блещут,
На все с презреньем глядя; ум свой цепит
Она так высоко, что все другое
Ни в грош не ставит. Где уж там любить!
Она любви не может и представить —
Так влюблена в себя.

У р с у л а

Да, это верно.
Уж лучше о любви его совсем
Не говорить ей, чтоб не засмеяла.

Г е р о

Да, ты права. Как ни был бы мужчина
Умен, красив собою, молод, знатен,—
Навыорот она его представит.
Будь миловиден — «годен в сестры ей»,
А смугл — так «кляксу сделала природа,
Шутя рисуя»; коль высок — так «пика
С тупой верхушкой»; мал — «плохой брелок»;
Красноречив — «игрушка ветра, флюгер»;
А молчалив — так «неподвижный пень»:
Так вывернет любого наизнанку
И никогда не будет справедливой
К заслугам доблести и прямоты.

У р с у л а

Разборчивость такая не похвальна.

Г е р о

И быть такую странной, своенравной,
Как Беатриче,— вовсе не похвально.
Но кто посмеет это ей сказать?
Осмелся я — да ведь она меня
Насмешкой уничтожит, вгонит в гроб!
Пусть лучше, словно пламень приглушенный,
Наш Бенедикт зачахнет от любви:
Такая легче смерть, чем от насмешки.
Ужасно от щекотки умереть!

У р с у л а

Но все ж сказать бы; что она ответит?

Г е р о

Нет, лучше к Бенедикту я отправлюсь
И дам совет — преодолеть любовь,
Да что-нибудь дурное с доброй целью
Про Беатриче сочиню. Кто знает,
Как можно страсть убить одним лишь словом!

У р с у л а

Ах нет, не обижайте так сестру.
Она не может быть так безрассудна,
Чтоб, при живом ее уме, который
Так ценят в ней, отвергнуть жениха
Столь редкого, синьора Бенедикта.

Г е р о

В Италии такого больше нет,
За исключением Клавдио, конечно.

У р с у л а

Прошу вас не прогневаться, но я
Скажу вам так: синьора Бенедикта
По храбрости, уму и красоте
Во всей Италии считают первым.

Г е р о

Да, слава превосходная о нем.

У р с у л а

А славу заслужил он превосходством.—
Когда же ваша свадьба?

Геро

Хотела бы, чтоб завтра.— Ну, пойдем;
Посмотрим платья; ты мне дашь совет —
В какое лучше завтра нарядиться.

Урсула

(тихо)

Попалась птичка, уж ручаюсь вам!

Геро

(тихо)

Коль так, в любви случайно все на свете:
Есть у Амура стрелы, есть и сети.

Геро и Урсула уходят.

Беатриче

(выходит из беседки)

Ах, как пылают уши! За гордыню
Ужель меня все осуждают так?
Прощай, презренье! И прости отныне,
Девичья гордость! Это все пустяк.
Любовью за любовь вознагражу я,
И станет сердце дикое ручным.
Ты любишь, Бенедикт,— так предложу я
Любовь союзом увенчать святым.
Что ты достоин, все твердят согласно,
А мне и без свидетельств это ясно.

(Уходит.)

СЦЕНА 2

Комната в доме Леонато.

Входят дон Педро, Клавдио, Бенедикт и Леонато.

Дон Педро

Я дождусь только, когда вы отпразднуете свадьбу, а затем
отправляюсь в Арагон.

Клавдио

Я провожу вас туда, ваше высочество, если вы разрешите
мне.

Дон Педро

Нет, это слишком омрачило бы новый блеск вашего счастья. Это все равно что показать ребенку новое платье и запретить его надевать. Я только позволю себе попросить Бенедикта быть моим спутником: он с головы до пят — воплощенное веселье. Два-три раза он перерезал тетиву у Купидона, и этот маленький мучитель не отваживается больше стрелять в него. Сердце у него крепкое, как колокол, и язык хорошо привешен, так что у него всегда что на сердце, то и на языке.

Бенедикт

Господа, я уже не тот, что прежде.

Леонато

Вот и я то же говорю: по-моему, вы стали серьезнее.

Клавдио

Хочу надеяться, что он влюблен.

Дон Педро

Черт побери этого гуляку! Да в нем нет ни капли настоящей крови, чтобы почувствовать настоящую любовь. Если он загрузил, значит, у него нет денег.

Бенедикт

У меня зуб болит.

Дон Педро

Вывать его!

Бенедикт

К черту его!

Клавдио

Сперва послать к черту, а потом вывать.

Дон Педро

Как! Вдыхать от зубной боли?

Леонато

Из-за какого-нибудь флюса или нарыва?

Бенедикт

Другому легко советы давать, а вот сами бы попробовали.

К л а в д и о

А я все-таки говорю: он влюблен.

Д о н П е д р о

В нем нет ни малейшего признака любви, если не считать его любви к странным переодеваниям: сегодня он одет голландцем, завтра — французом, а то и вместе соединяет две страны: от талии книзу у него Германия — широчайшие штаны, а от талии вверх — Испания: не видно камзола. Если только он не влюблен в эти глупости, как мне кажется, то во всяком случае не поглупел от влюбленности, как вам кажется.

К л а в д и о

Если он не влюблен в какую-нибудь женщину, так ни одной старой примете нельзя верить. Он каждое утро чистит свою шляпу, — к чему бы это?

Д о н П е д р о

Видел его кто-нибудь у цирюльника?

К л а в д и о

Нет, но цирюльника у него видели, и то, что было украшением его щек, пошло на набивку теннисных мячей.

Л е о н а т о

Правда, он выглядит гораздо моложе, сбрив бороду.

Д о н П е д р о

Мало того: он натирается мускусом; заметили, как от него пахнет?

К л а в д и о

Яснее ясного: прелестный юноша влюблен.

Д о н П е д р о

Но главное доказательство — это его меланхолия.

К л а в д и о

А бывало ли когда-нибудь, чтобы он так мыл свою физиономию?

Д о н П е д р о

Да, или подкрашивался? Об этом уже поговаривают.

К л а в д и о

А вся его веселость переселилась в струну лютни и управ-
ляется струнными ладами.

Д о н П е д р о

Печальный случай. Это выдает его. Ясно, ясно: он влюблен.

К л а в д и о

А я знаю, кто в него влюблен.

Д о н П е д р о

Хотел бы и я это знать. Ручаюсь, что кто-нибудь, кто не
знает его.

К л а в д и о

Напротив, она знает все его недостатки и тем не менее уми-
гает от любви к нему.

Д о н П е д р о

Придется ее похоронить лицом кверху.

Б е н е д и к т

Все это зубной боли не заговорит! — Почтенный синьор Лео-
нато, пройдемтесь немного: у меня есть для вас десяток умных
слов, которых эти пустомели не должны слышать.

Б е н е д и к т и Л е о н а т о у х о д я т .

Д о н П е д р о

Клянусь жизнью, он будет свататься к Беатриче.

К л а в д и о

Без сомнения, Геро и Маргарита уже разыграли свою коме-
дию с Беатриче, и теперь, когда эти два медведя встретятся, они
уже не погрызутся.

В х о д и т д о н Х у а н .

Д о н Х у а н

Мой повелитель и брат, храни вас бог.

Д о н П е д р о

Добрый день, братец.

Д о н Х у а н

Если у вас есть минута досуга, я бы хотел поговорить с вами.

Дон Педро

Наедине?

Дон Хуан

Если позволите. Впрочем, граф Клавдио может слушать, так как то, что я имею сообщить, касается его.

Дон Педро

В чем дело?

Дон Хуан

(к Клавдио)

Ваша милость собирается венчаться завтра?

Дон Педро

Вы же знаете это.

Дон Хуан

Я не уверен в этом, если он узнает то, что известно мне.

Клавдио

Если есть какое-нибудь препятствие, прошу вас, откройте его.

Дон Хуан

Вы вправе думать, что я не люблю вас. Дайте срок — время покажет; и будьте лучшего мнения обо мне после того, что я вам сейчас сообщу. Что касается моего брата, он, видимо, очень расположен к вам и от чистого сердца помог вам устроить этот брак. Поистине, это плохая услуга и напрасный труд.

Дон Педро

Что такое? В чем дело?

Дон Хуан

Я затем и пришел, чтобы все рассказать вам. Оставляя в стороне разные подробности — ибо уже и без того мы слишком долго о ней толкуем, — скажу просто: девушка нечестна.

Клавдио

Кто? Геро?

Дон Хуан

Вот именно, она: дочь Леонато, ваша Геро, чья угодно Геро!

К л а в д и о

Нечестна?

Д о н Х у а н

Это слово слишком мягко, чтобы выразить ее безнравственность. Я бы сказал: она хуже чем нечестна. Придумайте худшее выражение, и я применю его к ней. Не удивляйтесь, пока не получите доказательства. Пойдемте сегодня ночью со мной. Вы увидите, как лазают в окна ее спальни даже накануне ее свадьбы. Если и тогда любовь ваша устоит, венчайтесь завтра; но для вашей чести было бы лучше изменить ваши намерения.

К л а в д и о

Может ли это быть?

Д о н П е д р о

Не хочу и думать об этом.

Д о н Х у а н

Если вы не захотите верить своим глазам, отрицайте очевидность. Последуйте за мной — я покажу вам достаточно. А когда вы все увидите и услышите, — поступите соответственно.

К л а в д и о

Если я увижу этой ночью что-нибудь такое, что помешает мне жениться на ней, я завтра в той самой церкви, где хотел венчаться, при всех осрамлю ее.

Д о н П е д р о

А я, который был твоим сватом, присоединюсь к тебе, чтобы опозорить ее.

Д о н Х у а н

Не стану больше порочить ее, пока вы сами не увидите все. Потерпите до полуночи — дальнейшее само за себя скажет.

Д о н П е д р о

О, день неожиданных несчастий!

К л а в д и о

О, ужасное злополучие!

Д о н Х у а н

«О, счастливо предотвращенный позор!» — скажете вы, увидав развязку.

Уходят.

С Ц Е Н А 3

Улица.

Входят Кизил, Булава и сторожа.

К и з и л

Вы люди честные и верные?

Б у л а в а

Еще бы! А то ни стояли бы они того, чтобы претерпеть спасение души и тела.

К и з и л

Нет, мало было бы с них такого наказания, будь у них хоть капля верноподданничества, — раз они выбраны в охрану самого принца.

Б у л а в а

Ладно, дай им теперь наказ, сосед Кизил.

К и з и л

Во-первых, кто, по-вашему, всех непригоднее быть полицейским?

Первый сторож

Хью Овсянка или Франсис Уголек, потому они оба читать и писать умеют.

К и з и л

Подойди поближе, сосед Уголек. Бог тебе послал добрую славу; потому что красота — это дар судьбы, а грамотность — ну, это уж от природы.

Второй сторож

И то и другое, господин пристав...

К и з и л

Тебе дано? Я так и знал, что ты это ответишь. Ну, так вот, за свою красоту воздай богу благодарение, да не хвались ею; а что до грамотности, то применяй ее там, где в этой чепухе нет надобности. Ты, говорят, самый непригодный на полицейскую должность,— так бери фонарь. Вот тебе наказ: хватай всех праздношатающихся и останавливай всех именем принца.

Второй сторож

А если кто не захочет остановиться?

К и з и л

Не обращай на него внимания; пусть себе уходит. А затем созови всех остальных сторожей и возблагодарите господа, что избавились от мошенника.

Бу ла ва

Если он не остановился по твоему приказанию, значит, он не из подданных принца.

К и з и л

Правильно, потому что страже можно вмешиваться только в дела принцевых подданных. Затем, вы не должны производить на улицах шума. Разговаривать да болтать для ночных сторожей — дело самое дозволительное и никак не допустимое.

Второй сторож

Зачем разговаривать? Мы лучше всхрипнем. Мы знаем, что сторожам полагается.

К и з и л

Да, ты рассуждаешь как сторож бывалый и надежный. И я так думаю: кто спит, тот не грешит. Смотри только, чтобы у вас алебарды не стащили. Ну, затем надо вам в пивные заходить, и кого там найдете пьяных — гнать их домой спать.

Второй сторож

А если кто не захочет домой?

К и з и л

Так оставьте его в покое, пока не протрезвится. А если он и на это не согласится, скажите, что он не тот, за кого вы его приняли.

Второй сторож

Слушаю, господин пристав.

К и з и л

Если встретите вора, то в силу вашего звания можете его заподозрить, что он человек непорядочный. А чем меньше с такими людьми связываться, тем лучше для вашего достоинства.

Второй сторож

А если мы наверняка знаем, что он вор, надо нам его хватать?

К и з и л

По правде сказать, в силу вашего звания можете его схватить. Но я так полагаю: тронь деготь — замараешься. Самый для вас спокойный выход, если захватите вора, — дайте ему возможность самому показать, что он за птица, и улизнуть из вашей компании.

Б у л а в а

Тебя, братец, недаром зовут милосердным человеком, соседка.

К и з и л

Верно, я по своей воле и собаки бы не повесил, а тем более человека, в котором есть хоть капля честности.

Б у л а в а

Если услышите ночью, что где-нибудь младенец плачет, позовите мамку, чтобы успокоила его.

Второй сторож

А если мамка спит и не слышит?

К и з и л

Тогда проходите с миром; пусть уж ребенок сам криком ее разбудит. Если овца не слышит, как ее ягненок блеет, тем более на мычанье теленка не отзовется.

Б у л а в а

Что верно, то верно.

К и з и л

Вот и вся недолга. Ты — пристав, стало быть, представляешь особу самого принца. Если принца ночью встретишь, ты и его можешь задержать.

Булава

Нет, ей-богу, этого он, мне думается, не может.

Кизил

Ставлю пять монет против одной! Всякий, кто знает судебные у сыновления, скажет тебе: можешь, но только с согласия его высочества. Потому что стража никого не должна оскорблять, а насильно задержать человека — это уж оскорбление.

Булава

Ей-богу, верно!

Кизил

Ха-ха-ха! Ну, ребята, доброй ночи. Если что особенно важное случится, зовите меня. Слушайтесь вашего собственного разума и советов товарищей. Спокойной ночи. Идем, соседushка.

Второй сторож

Ладно, господа хорошие, мы свое дело знаем: посидим вот тут у церкви на лавочке часов до двух, а потом на боковую.

Кизил

Еще одно слово, соседushки: приглядывайте-ка за домом синьора Леонато. Там завтра свадьба, так всю ночь будет суматоха. Прощайте. А главное — будьте бдительны. Честью прошу.

Кизил и Булава уходят.
Входят Борачио и Конрад.

Борачио

Ну, Конрад!

Второй сторож

(тихо)

Тихо! Не шевелись!

Борачио

Конрад! Да где же ты?

Конрад

Здесь я, брат, у самого твоего локтя.

Борачио

Клянусь обедней, то-то у меня локоть чешется. Я думал, что у меня парша завелась.

К о н р а д

Я тебе это еще припомню! А теперь досказывай свою историю.

Б о р а ч и о

Станем сюда под навес, а то дождь накрапывает. Я расскажу тебе все без утайки, как истый пьяница.

П е р в ы й с т о р о ж

(тихо)

Тут дело нечисто, ребята. Стойте смирно!

Б о р а ч и о

Так знай: я заработал у дона Хуана тысячу дукатов.

К о н р а д

Неужели за подлость так дорого платят?

Б о р а ч и о

Ты лучше спроси: неужели подлость может быть так богата? Ведь когда богатый подлец пуждается в бедном, так бедный может заломить какую угодно цену.

К о н р а д

Удивляюсь.

Б о р а ч и о

Что доказывает твою неопытность! Не все ли равно, какого фасона на человеке камзол, или шляпа, или плащ?

К о н р а д

Ну да, все равно — одежда.

Б о р а ч и о

Я про фасон говорю.

К о н р а д

Ну да: фасон фасоном.

Б о р а ч и о

Фу! Я мог бы сказать: а дурак дураком. Разве ты не знаешь, какой ловкач этот фасон? Как хочет, так людей и уродует и обворовывает.

Первый сторож

(в сторону)

Знаю я, про кого они говорят: этот Фасон уж лет семь как воровством занимается. А разгуливает как настоящий кавалер! Я его имя запомнил.

Борачио

Ты ничего не слышал?

Конрад

Нет, это флюгер на крыше скрипит.

Борачио

Так вот, разве ты не знаешь, какой ловкий вор этот фасон? Как он всем людям от четырнадцати до тридцати пяти лет головы кружит? Фасон рядит их то как фараоновых солдат на закопченных картинах, то как вааловых жрецов на старых церковных окнах, то как бритого Геркулеса на засаленных и вытертых стенных коврах, причем гульфик на штанах сделан величиной будто для его палицы.

Конрад

Все это я знаю. Знаю и то, что фасон скорее изнашивает платя, чем человек. Но у тебя самого, видно, от фасонов голова закружилась, что ты перескочил со своей истории на разглашательства о фасонах!

Борачио

Ничуть не бывало. Знай же, что этой ночью я любезничал с Маргаритой — камеристкой синьоры Геро, причем называл ее «Геро»; а она высунулась ко мне из окна спальни своей госпожи и тысячу раз желала мне доброй ночи. Я плохо рассказываю свою историю: мне надо было сначала сказать тебе, что принц, Клавдио и мой хозяин издали, из сада, подсматривали наше нежное свидание. А свел, и привел, и подвел их мой хозяин — дон Хуан.

Конрад

И они приняли Маргариту за Геро?

Борачио

Двое из них, принц и Клавдио. Но этот дьявол, мой господин, отлично знал, что это была Маргарита. И вот, отчасти послед-

ствие его заверений, которыми он сначала опутал их, отчасти из-за почной темноты, которая ввела их в заблуждение, а главное — из-за моей подлости, подтвердившей клевету дона Хуана, — Клавдио пришел в ярость и убежал, поклявшись, что завтра в церкви вместо свадьбы осрамит Геро при всем честном народе, рассказав все, что видел ночью, и отошлет ее домой невенчанною.

Первый сторож
(выступая вперед)

Именем принца — стой!

Второй сторож

Позовите сюда пристава. Мы тут открыли такое беспутное распутство, какого еще не бывало в нашем государстве.

Первый сторож

И некто Фасон с ними заодно: я его знаю, у него еще локон на лбу.

Конрад

Братцы, братцы!..

Второй сторож

Ладно, вы нам этого Фасона предоставите, ручаюсь вам.

Конрад

Братцы...

Первый сторож

Нечего разговаривать. Мы вас арестуем. Извольте повиноваться и следовать за нами.

Борачио

В славную историю мы попали, нечего сказать: напоролись прямо на алебарды.

Конрад

Слава сомнительная, ручаюсь тебе. Ладно, мы повинемся.

Уходят.

СЦЕНА 4

Комната Геро.

Входят Геро, Маргарита и Урсула.

Геро

Милая Урсула, разбуди кузину Беатриче и скажи ей, что пора вставать.

Урсула

Слушаюсь, синьора.

Геро

Да попроси ее прийти сюда.

Урсула

Будет исполнено. (*Уходит.*)

Маргарита

Право, мне кажется, что другой воротник будет лучше.

Геро

Оставь, дорогая Маргарита, я надену этот.

Маргарита

Уверю вас, этот не так красив; ручаюсь, что и кузина ваша то же скажет.

Геро

Кузина моя — дурочка, и ты тоже. Не надену никакого другого.

Маргарита

Ваша новая накладка мне ужасно нравится; вот только волосы должны были бы быть чуточку потемнее. А фасон вашего платья, право, замечательный! Я видела платье герцогини Миланской, которое так расхваливают.

Геро

Говорят, что-то необыкновенное.

Маргарита

Честное слово, в сравнении с вашим — просто ночной капот! Золотая парча с отделкой и с серебряным кружевом, усыпано

жемчугом, верхние рукава, нижние рукава, круглая баска на голубоватой подкладке; но что касается тонкости, красоты и изящества фасона, так ваше в десять раз лучше.

Геро

Дай бог, чтобы мне в нем было радостно! У меня ужасно тяжело на сердце.

Маргарита

Скоро станет еще тяжелее: мужчина ведь весит.

Геро

Фи, как тебе не стыдно!

Маргарита

Чего же мне сгидиться? Что я высказываю честные мысли? Разве брак не честное дело, даже для нищего? И разве ваш повелитель не честный человек, даже и без свадьбы? Вам, верно, хотелось бы, чтобы я сказала: «С вашего разрешения, ваш муж»? Мои слова надо понимать без задней мысли. Я никого не хотела сбидеть. Что плохого, если сказать: «Ваш муж весит»? По-моему, ничего, если речь идет о законном муже и законной жене; иначе это было бы не тяжело, а совсем легко. Спросите хоть синьору Беатриче; да вот она сама идет сюда.

Входит Беатриче.

Геро

С добрым утром, кузина.

Беатриче

С добрым утром, милая Геро.

Геро

Что с тобой? Отчего у тебя такой унылый тон?

Беатриче

Вероятно, я потеряла всякий другой тон.

Маргарита

Затяните тогда «Свет любви». Его поют без припева. Вы пойте, а я попляшу.

Беатриче

Да, «Свет любви» — это как раз тебе подходит. Найдись только для тебя муж — о припходе уж ты позаботишься.

Маргарита

Какие вы ужасные вещи говорите! Делаю вид, будто их не слыхала.

Беатриче

Скоро пять часов, кухня: тебе пора уже быть готовой. Я пре-скверно себя чувствую. Ох-хо-хо!

Маргарита

О чем этот вздох? О соколе, о скакуне или о супруге?

Беатриче

О букве «С», с которой начинаются все эти слова.

Маргарита

Ну если вы не стали вероотступницей, так больше нельзя держать путь по звездам.

Беатриче

На что эта дуручка намекает, скажите?

Маргарита

Я? Ни на что. Пошли, господа, каждому исполнение его желаний!

Геро

Вот перчатки, которые мне прислал граф: как они чудно пахнут!

Беатриче

У меня нос заложило, кухня, совсем дышать не могу: такая тяжесть!

Маргарита

Девушка — и отяжелела! Видно, основательно простудились.

Беатриче

Милостивый боже! С каких пор это ты принялась за остроты?

Маргарита

С тех пор как вы их бросили. А разве остроумие ко мне так уж нейдет?

Б е а т р и ч е

Что-то не заметно его. Ты бы его к чепцу приколола. Право, я совсем больна.

М а р г а р и т а

Возьмите настойку *Carduus benedictus*¹ и приложите к сердцу. Это лучшее средство против тошноты.

Г е р о

Уколола, как чертополохом.

Б е а т р и ч е

Benedictus! Почему *Benedictus*? На что ты намекаешь?

М а р г а р и т а

Намекаю? И не думаю намекать. Я просто говорила о целебном чертополохе. Вы, пожалуй, думаете, что я считаю вас влюбленной? О нет, клянусь, я не так глупа, чтобы думать все, что мне вздумается, и не хочу думать того, что мне может вздуматься, да и вообще не могу подумать, — хоть и не знаю, до чего бы додумалась, — что вы влюблены, или будете влюблены, или можете быть влюблены. Хотя вот Бенедикт был совсем вроде вас, — а теперь все же стал настоящим мужчиной. Он клялся, что ни за что никогда не женится, — а теперь, хоть и не по сердцу, кушает свою порцию и не поморщится. Можете ли вы также перемениться — не знаю; но, по-моему, вы стали смотреть такими же глазами, как все другие женщины.

Б е а т р и ч е

Ох какую прыть твой язычок развил!

М а р г а р и т а

Да, но мимо цели не проскачет.

Входит У р с у л а.

У р с у л а

Синьора, приготовьтесь. Принц, граф, синьор Бенедикт, дон Хуан и все городские кавалеры собрались, чтобы проводить вас в церковь.

Г е р о

Помогите мне одеться, милая кузина, милая Маргарита, милая Урсула.

Уходят.

¹ Целебный чертополох. (Лат.)

С Ц Е Н А 5

Другая комната в доме Леонато.

Входят Леонато, Кизил и Булава.

Леонато

Чего вы от меня хотите, почтенный сосед?

Кизил

Да вот, синьор, мне бы с вами маленькую конфиденцию: дело вас касается...

Леонато

Только покороче, прошу вас. Сейчас время для меня очень хлопотливое.

Кизил

Вот уж правда, время такое, синьор.

Булава

Что верно, то верно: такое время.

Леонато

Так в чем же дело, друзья?

Кизил

Кум Булава, синьор, порасскажет вам кое-что. Человек он старый, разум у него уж не такой острый, как бы мне, с божьей помощью, того хотелось бы. Но, даю слово, человек он честный, с головы до пят.

Булава

Да, благодарение богу, человек я честный: любого старика возьмите — честнее меня не будет.

Кизил

Сравнения тут ни при чем: поменьше слов, кум Булава.

Леонато

Какне вы, однако, канительщики, братцы!

Кизил

Вашей чести угодно нас так называть, хотя мы всего лишь смиренные принцевы слуги. Однако скажу по совести: будь у меня этой канители столько, сколько у короля, я всю бы ее предоставил вашей чести.

Л е о н а т о

Всю канитель — мне? Ого!

К и з и л

Да, и будь ее даже на тысячу фунтов больше, потому что у вас в городе такая превосходная репетиция, как мало у кого. И хоть я маленький человек, а рад это слышать.

Б у л а в а

Также и я.

Л е о н а т о

Но я хотел бы знать, что вы имеете мне сообщить.

Б у л а в а

Так что, ваша милость, наша стража нынче ночью — не при вас будь сказано — изловила парочку таких мошенников, каких в Мессине еще не видывали.

К и з и л

Добрейший старик, синьор, любит потолковать. Как говорится, старость в двери — ум за двери. Господи прости, много чего на своем веку видывал. — Правильно сказано, кум Булава, правильно, — божий ты человек! А все-таки, если двое на одной лошади едут, так кому-нибудь приходится сидеть позади. — Честнейшая душа, ваша милость, честью клянусь: мало таких найдется из тех, что хлеб жуют. Но, благодарение богу, не все люди бывают одинаковы. Так-то, соседushка.

Л е о н а т о

Действительно, братец, ему за тобой не угнаться.

К и з и л

Это уж божий дар.

Л е о н а т о

Я должен оставить вас.

К и з и л

Одно словечко, ваша милость: наша стража действительно задержала две обозрительных личности, и мы хотели бы их нынче утром допросить в присутствии вашей милости.

Леонато

Допросите их сами и принесите мне потом протокол. Я сейчас очень занят, вы сами видите.

Кизил

Все исполним в аккуратности.

Леонато

Выпейте по стакану вина перед уходом. Прощайте.

Входит слуга.

Слуга

Ваша милость, вас ждут, чтобы вы вручили вашу дочь жениху.

Леонато

Иду-иду. Я готов.

Леонато и слуга уходят.

Кизил

Сходи, кум, за Франсисом Угольком, вели ему принести в тюрьму перо и чернильницу: мы там учиним допрос этим молодчикам.

Булава

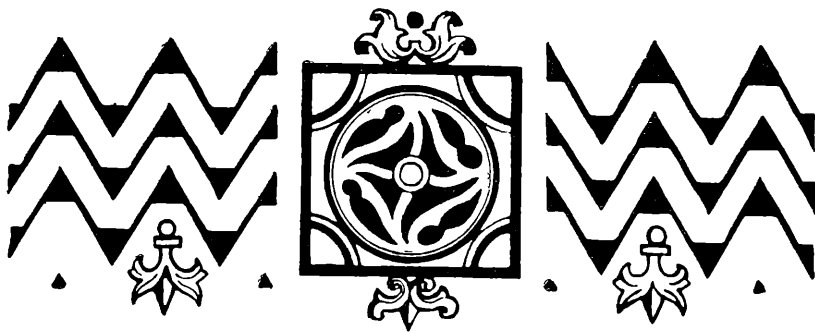
Это нужно сделать умненько.

Кизил

Да уж ума не пожалеем, ручаюсь тебе. (*Показывая на голосу.*) Здесь хватит, чтобы загнать их в тупик. Только приведи ученого писца, чтобы записать всю эту э к с к о м м у н и к а ц и ю. Встретимся в тюрьме.

Уходят.

А К Т IV

СЦЕНА 1

Внутренность церкви.

Входят дон Педро, дон Хуан, Леонато, монах, Клавдио, Бенедикт, Геро, Беатриче и другие.

Леонато

Покороче, отец Франциск. Совершите только свадебный обряд, а наставление об их обязанностях вы прочтете потом.

Монах

(к Клавдио)

Вы пришли сюда, синьор, затем, чтобы заключить брачный союз с этой девушкой?

Клавдио

Нет.

Леонато

Он пришел, чтобы вступить в брачный союз, а уж заключите его вы, отец Франциск.

Монах

(к Геро)

Вы пришли сюда, синьора, затем, чтобы вступить в брачный союз с графом?

Геро

Да.

М о н а х

Если кому-либо из вас известны тайные препятствия к заключению этого союза, ради спасения ваших душ предписываю вам открыть их.

К л а в д и о

Известно вам какое-нибудь препятствие, Геро?

Г е р о

Нет, мой супруг.

М о н а х

А вам, граф?

Л е о н а т о

Решусь ответить за него: нет.

К л а в д и о

О, на что только не решаются люди! На что только они не дерзают! Чего только они не делают ежедневно, сами не зная, что они делают!

Б е н е д и к т

Это еще что за междометия? Можно бы найти и повеселее, например: ха-ха-ха!

К л а в д и о

Постой, монах.— Отец, прошу ответить:
Вы с легкою душой и добровольно
Мне отдаете в жены вашу дочь?

Л е о п а т о

Да, сын мой, как се господь мне дал.

К л а в д и о

А чем вам отплату? Какой ценою —
За этот щедрый, драгоценный дар?

Д о н П е д р о

Ничем. Вернув ее обратно разве.

К л а в д и о

Принц! Благодарности учусь у вас.—
Возьмите ж дочь обратно, Леонато.
Гнилым плодом не угощайте друга:

Ее невинность — видимость, обман.
Смотрите: покраснела, как девица!
О, как искусно, как правдоподобно
Скрывать себя умеет хитрый грех!
Не знак ли добродетели чистейшей
Румянец этот? Кто бы не поклялся
Из всех вас здесь, что девушка она,
Судя по виду? Но она не дева.
Она познала ложе страстный жар.
Здесь краска не стыдливости — греха.

Л е о н а т о

Что это значит, граф?

К л а в д и о

Что не женюсь я
И душу не свяжу с развратной тварью.

Л е о н а т о

О, дорогой мой граф, когда вы сами
Над юностью победу одержали
И погубили девственность ее...

К л а в д и о

Я знаю, вы сказать хотите: если
Я ею овладел, то потому лишь,
Что видела она во мне супруга,
Грех предвосхищенный смягчая тем...
Нет, Леонато:
Ес не соблазнял я даже словом,
Но ей показывал, как брат сестре,
Любви безгрешной искренность и робость.

Г е р о

Когда-либо иной я вам казалась?

К л а в д и о

«Казалась»? Постыдись! Я так сказал бы:
Ты кажешься Дианою небесной
И чище перасцветшего цветка;
Но в страсти ты несдержанней Венеры
И хуже, чем пресытившийся зверь,
Что бесится в животном сладострастье.

Г е р о

Здоров ли граф? Он говорит так странно.

К л а в д и о

Что ж вы молчите, принц?

Д о н П е д р о

Что я скажу?

Я честь свою тем запятнал, что друга
Хотел связать с развратницей публичной.

Л е о н а т о

Что слышу я? Иль это снится мне?

Д о н Х у а н

Нет, это явь, и слышите вы правду.

Б е н е д и к т

(в сторону)

Здесь свадьбою не пахнет!

Г е р о

Правду? Боже!

К л а в д и о

Я ль это, Леонато?

А это принц? А это — брат его?

А это — Геро? Не обман ли зренья?

Л е о н а т о

Все это так; но что же из того?

К л а в д и о

Один вопрос задать хочу я Геро;
А вы священной отцовской властью
Ей прикажите нам ответить правду.

Л е о н а т о

Дитя мое, я требую всей правды.

Г е р о

О господи, спаси! Какая мука!
Что надо вам? Зачем такой допрос?

К л а в д и о

Чтоб честно вы назвали ваше имя.

Г е р о

Или оно не Геро? Это имя
Кто может очернить?

К л а в д и о

Сама же Геро
Невинность Геро может очернить.
Какой мужчина с вами говорил
У вашего окна вчера за полночь?
Когда вы девушка, ответьте нам.

Г е р о

Я в этот час ни с кем не говорила.

Д о н П е д р о

Так вы не девушка! — О Леонато,
Мне жаль вас, но, клянусь моею честью,
Я сам, мой брат и бедный граф видали
И слышали среди ночи, как она
С каким-то проходившем говорила,
Который, как завязанный негодяй,
Припоминал позорную их связь
И тайные свиданья.

Д о н Х у а н

Стыд! Их речи
Нельзя ни повторить, ни передать;
Чтоб выразить их, слух не оскорбляя,
Нет слов хоть сколько-нибудь скромных.— Грустно,
Красавица, что так порочна ты.

К л а в д и о

О Геро! Что за Геро ты была бы,
Когда бы вполосину так прекрасна
Была душой и сердцем, как лицом!
Прощай! Ты хуже всех — и всех прекрасней!
Невинный грех и грешная невинность!
Из-за тебя замкну врата любви,
Завешу взоры черным подозреньем,
Чтоб в красоте лишь зло предполагать
И никогда в ней прелести не видеть.

Л е о н а т о

Кто даст кинжал мне, чтоб с собой покончить?

Геро лишается чувств.

Б е а т р и ч е

Ты падаешь, кузина? Что с тобой?

Д о н Х у а н

Уйдем! Разоблаченье этих дел

Сразило дух ее.

Д о н П е д р о, д о н Х у а н и К л а в д и о уходят.

Б е н е д и к т

Что с Геро?

Б е а т р и ч е

Умерла? На помощь, дядя!

О Геро! — Дядя! — Бенедикт! — Отец!

Л е о н а т о

О рок, не отклоняй десницы тяжкой!

Смерть — лучший для стыда ее покров,

Какой желать возможно.

Б е а т р и ч е

Геро, Геро!

М о н а х

Утешься, Беатриче.

Л е о н а т о

Что? Очнулась?

М о н а х

А почему же не очнуться ей?

Л е о н а т о

Как — почему? Да разве все живое

Ей не кричит: «позор»? Ей не отвергнуть

Того, в чем обличил ее румянец.—

Не открывай глаза для жизни, Геро!

О, если бы я знал, что не умрешь ты,

Что дух твой может пережить позор,—

Тебя убил бы я своей рукою!

А я жалел, что дочь одну имею!
Я сетовал на скупость сил природы!
О, слишком много и тебя одной!
Зачем ты мне прекрасною казалась?
Зачем я милосердною рукой
Не подобрал подкидыша у двери?
Пусть запятнал бы он себя позором,—
Я б мог сказать: «Здесь нет моей вины.
Позор его — позор безвестной крови».
Но ты — моя, моя любовь, и радость,
И гордость. Ты моя, моя настолько,
Что сам я не себе принадлежал,
Скорей тебе,— и вот свалилась в яму
Столь черной грязи, что в безбрежном море
Не хватит капель, чтоб тебя омыть,
Ни соли, чтоб от порчи уберечь
Гнилую плоть!

Б е н е д и к т

Прошу вас, успокойтесь.
Что до меня, я так всем поражен...
Не знаю, что сказать.

Б е а т р и ч е

Клянусь душой, сестру оклеветали.

Б е н е д и к т

Вы прошлой ночью спали вместе с ней?

Б е а т р и ч е

Не с нею, нет. Но до последней ночи
Я вместе с нею целый год спала.

Л е о н а т о

Так-так! Еще сильнее подтвердилось
То, что и без железа тверже.
Солгут ли принцы? И солжет ли граф,
Любивший так, что омывал слезами
Ее позор. Уйдите! Пусть умрет.

М о н а х

Послушайте меня.
Недаром я молчал, предоставляя
Всему своим свершаться чередом.

Я наблюдал за ней, и я заметил,
Как часто краска ей в лицо кидалась,
Как часто ангельскою белизной
Невинный стыд сменял в лице румянец.
Огонь, в глазах ее сверкавший, мог бы
Сжечь дерзкие наветы на ее
Девичью честь. Глупцом меня зовите,
Не верьте наблюдениям моим,
Что опыта печатью подтверждают
Мою ученость книжную; не верьте
Моим летам, ни званию, ни сану —
Когда не злостной сражена ошибкой
Девушка милая.

Л е о н а т о

Не может быть!
Ты видишь сам: лишь тем свой грех смягчая,
Она его не хочет ложной клятвой
Отягощать. Она не отрицает!
Зачем прикрыть ты хочешь извиненьем
То, что предстало в полной наготы?

М о н а х

Кто тот, с кем вас в сношеньях обвиняли?

Г е р о

Кто обвинял, тот знает; я не знаю.
И если с кем-нибудь была я ближе,
Чем допускает девичья стыдливость,
Пусть же господь мне не простит грехов!
Отец мой, докажи, что я с мужчиной
Вела беседу в неурочный час,
Что этой ночью тайно с ним встречалась,—
Гони меня, кляни, пытай до смерти!

М о н а х

В каком-то странном заблужденье принцы.

Б е н е д и к т

Двоим из них присуще чувство чести,
И, если кто-нибудь их ввел в обман,—
Тут происки проклятого бастарда:
Ему бы только подлости творить.

Л е о н а т о

Не знаю. Если есть в словах их правда,
Убью ее своей рукой; но если
Ее оклеветали, то, поверьте,
Я проучу наглешего из них.
Года во мне не иссушили крови,
Не выела во мне рассудка старость,
Судьба меня богатства не лишила,
Превратности не отняли друзей.
В злой час для наших недругов найдутся
И руки сильные, и разум ясный,
И средства, и подмога от друзей,
Чтоб рассчитаться с ними.

М о н а х

Подождите:

Я в этом деле вам подам совет.
Ведь принцы вашу дочь сочли умершей:
Так вот ее от всех на время скройте
И объявите, что она скончалась,
И, соблюдая траур показной,
На родовом старинном вашем склепе
Повесьте эпитафии, свершив
Пред этим похоронные обряды.

Л е о н а т о

Зачем? К чему все это поведет?

М о н а х

К тому, что клеветавшие на Геро
Раскаются тогда: и то уж благо.
Но не о том мечтал я, замышляя
Свой необычный план: чреват он бóльшим.
Узнавши с ваших слов, что умерла
Она под гнетом тяжких обвинений,
Жалеть ее, оплакивать все станут,
Оправдывать. Ведь так всегда бывает:
Не ценим мы того, что мы имеем,
Но, стоит только это потерять,
Цены ему не знаем и находим
В нем качества, которых не видали
Мы прежде. Вот и с Клавдио так будет:
Узнав, что он своим жестоким словом
Убил ее, в своем воображеньи

Оп в ней увидит прежний идеал.
Все, что в ней было милого, живого,
Каким-то новым светом облечется,
Прелестнее, нежней, полнее жизни
В глазах его души, чем это было
При жизни Геро. Если он любил,
Оплакивать ее тогда он станет,
Жалеть о том, что обвинил ее,—
Хотя б еще в ее виновность верил.
Устроим так, и верьте мне: успех
Прекрасней увеичает наше дело,
Чем я могу представить вам сейчас.
Но если бы я даже ошибался,
То слух о смерти Геро заглушит
Молву о девичьем ее бесчестье;
А в худшем случае он вам поможет
Укрыть ее поруганную честь
В каком-нибудь монастыре, подальше
От глаз, от языков и от обид.

Б е н е д и к т

Послушайтесь монаха, Леонато.
Хотя, как вам известно, близок я
И Клавдио и принцу и люблю их,
Но я клянусь быть с вами заодно,
Как заодно ваш дух и ваше тело.

Л е о н а т о

Я так сейчас тону в потоке горя,
Что за соломинку готов схватиться.

М о н а х

Я рад согласью вашему. Итак,
Каков недуг, такое и лечение.

(К Геро.)

Умри, чтоб жить! И, может быть, твой брак
Отсрочен лишь. Мужайся и — терпенье.
Все, кроме Бенедикта и Беатриче, уходят.

Б е н е д и к т

Синьора Беатриче, вы все это время плакали?

Б е а т р и ч е

Да, и еще долго буду плакать.

Б е н е д и к т

Я не ждал бы этого.

Б е а т р и ч е

И не к чему желать: я и так плачу.

Б е н е д и к т

Я вполне уверен, что вашу прекрасную кухню оклеветали.

Б е а т р и ч е

Ах, что бы я дала тому человеку, который доказал бы ее невиновность!

Б е н е д и к т

А есть способ оказать вам эту дружескую услугу?

Б е а т р и ч е

Способ есть, да друга нет.

Б е н е д и к т

Может за это дело взяться мужчина?

Б е а т р и ч е

Это мужское дело, да только не ваше.

Б е н е д и к т

Я люблю вас больше всего на свете. Не странно ли это?

Б е а т р и ч е

Странно, как вещь, о существовании которой мне неизвестно. Точно так же и я могла бы сказать, что люблю вас больше всего на свете. Но мне вы не верьте, хотя я и не лгу. Я ни в чем не признаюсь, но и ничего не отрицаю. Я горюю о своей кухне.

Б е н е д и к т

Клянусь моей шпагой, Беатриче, ты любишь меня!

Б е а т р и ч е

Не клянитесь шпагой, лучше проглотите ее.

Б е н е д и к т

Буду клясться ею, что вы меня любите, и заставлю проглотить ее того, кто осмелится сказать, что я вас не люблю.

Б е а т р и ч е

Не пришлось бы вам проглотить эти слова!

Б е н е д и к т

Ни под каким соусом! Клянусь, что я люблю тебя.

Б е а т р и ч е

Да простит мне господь!

Б е н е д и к т

Какой грех, прелестная Беатриче?

Б е а т р и ч е

Вы вовремя перебили меня: я уж готова была поклясться, что люблю вас.

Б е н е д и к т

Сделай же это от всего сердца.

Б е а т р и ч е

Сердце все отдано вам: мне даже не осталось, чем поклясться.

Б е н е д и к т

Прикажи мне сделать что-нибудь для тебя.

Б е а т р и ч е

Убейте Клавдио!

Б е н е д и к т

Ни за что на свете!

Б е а т р и ч е

Вы убиваете меня вашим отказом. Прощайте.

Б е н е д и к т

Постойте, милая Беатриче...

Б е а т р и ч е

Я уже ушла, хоть я и здесь. В вас нет ни капли любви. Прошу вас, пустите меня!

Б е н е д и к т

Беатриче!

Б е а т р и ч е

Нет-нет, я ухожу.

Б е н е д и к т

Будем друзьями.

Б е а т р и ч е

Конечно, безопаснее быть моим другом, чем сражаться с моим врагом.

Б е н е д и к т

Но разве Клавдио твой враг?

Б е а т р и ч е

Разве он не доказал, что он величайший негодяй, тем, что оклеветал, отвергнул и опозорил мою родственницу? О, будь я женщиной! Как! Носить ее на руках, пока не добился ее руки, и затем публично обвинить, явно оклеветать с неудержимой злобой! О боже, будь я мужчиной! Я бы съела его сердце на рыночной площади!

Б е н е д и к т

Выслушайте меня, Беатриче...

Б е а т р и ч е

Разговаривала из окна с женщиной! Славная выдумка!

Б е н е д и к т

Но, Беатриче...

Б е а т р и ч е

Милая Геро! Ее оскорбили, оклеветали, погубили!

Б е н е д и к т

Беат...

Б е а т р и ч е

Принцы и графы! Поистине, рыцарский поступок! Настоящий граф! Сахарный графчик! Уж именно, сладкий любовник! О, будь

я мужчиной, чтобы проучить его! Или имей я друга, который выказал бы себя мужчиной вместо меня! Но мужество растаяло в любезностях, доблесть — в комплиментах, и мужчины превратились в сплошное пустословие и красноречие. Теперь Геркулес тот, кто лучше лжет и клянется. Но раз по желанию я не могу стать женщиной, мне остается лишь с горя умереть женщиной.

Б е н е д и к т

Постой, дорогая Беатриче. Клянусь моей рукой, я люблю тебя.

Б е а т р и ч е

Найдите вашей руке, из любви ко мне, лучшее применение, чем клятвы.

Б е н е д и к т

Убеждены ли вы в том, что граф Клавдио оклеветал Геро?

Б е а т р и ч е

Убеждена, как в том, что у меня есть душа и убеждение.

Б е н е д и к т

Довольно; обещаю вам, что пошлю ему вызов. Целую вашу руку и покидаю вас. Клянусь моей рукой, Клавдио дорого мне заплатит. Судите обо мне по тому, что обо мне услышите. Идите утешьте вашу кузину. Я буду всем говорить, что она умерла. Итак, до свиданья.

Уходит.

С Ц Е П А 2

Тюрьма.

Входят Кизил, Булава и протоколист в судейских мантиях; стража вводит Конрада и Борачио.

К и з и л

Вся диссамблея в сборе?

Б у л а в а

Эй, табурет и подушку для писца.

П р о т о к о л и с т

Где гут злоумышленники?

К и з и л

Так что я и мой приятель.

Б у л а в а

Так-так, правильно: мы должны произвести э к з а м и н а ц и ю.

П р о т о к о л и с т

Да нет, где обвиняемые, с которых будут снимать показание? Пусть они подойдут к старшему из вас.

К и з и л

Да, понятно, пусть они ко мне подойдут.— Как тебя зовут, приятель?

Б о р а ч и о

Борачио.

К и з и л

Запишите, пожалуйста: Борачио.— А тебя как звать, малый?

К о н р а д

Я дворянин, сударь, и мое имя — Конрад.

К и з и л

Запишите: дворянин Конрад.— Веруете ли вы в бога, господа?

К о н р а д и Б о р а ч и о

Да, сударь, надеемся, что так.

К и з и л

Запишите: надеются, что веруют в бога. Да поставьте бога на первом месте: упаси боже поставить бога после таких мерзавцев! — Ну, судари мои, уже доказано, что вы немногим лучше мошенников, и вскорости все в этом убедятся. Что вы о себе скажете?

К о н р а д

Что мы вовсе не мошенники, сударь.

К и з и л

Удивительно хитрый малый, честное слово! Но я с ним справлюсь.— Подойдите-ка вы поближе. Словечко вам на ушко, сударь: говорю вам — утверждают, что вы мошенники.

Б о р а ч и о

А я утверждаю, что мы не мошенники.

К и з и л

Ладно, отойдите в сторонку.— Ей-богу, они сговорились. Записали вы, что они не мошенники?

П р о т о к о л и с т

Господин пристав, вы неправильно ведете допрос: вы должны вызвать сторожей, которые являются обвинителями.

К и з и л

Ну конечно, это самый лучший способ. Пусть подойдет стража.— Ребята, именем принца приказываю вам: обвиняйте этих людей.

П е р в ы й с т о р о ж

Вот этот человек, сударь, говорил, что дон Хуан, принцев брат, подлец.

К и з и л

Запишите: принц дон Хуан — подлец. Да ведь это подлинное к л я т в о п р е с т у п л е н и е — принцева брата назвать подлецом!

Б о р а ч и о

Господин пристав...

К и з и л

Сделай милость, помолчи, милейший; право, мне твоя физиономия не нравится.

П р о т о к о л и с т

Что он еще говорил?

В т о р о й с т о р о ж

Что он получил от дона Хуана тысячу дукатов, чтобы ложно обвинить синьору Геро.

К и з и л

Чистейший грабеж, какой только можно себе представить!

Б у л а в а

Клянусь обедней, верно!

П р о т о к о л и с т

Еще что?

П е р в ы й с т о р о ж

Что граф Клавдио, поверив его словам, решил осрамить Геро при всем честном народе и отказаться от женитьбы на ней.

К и з и л

Ах, мерзавец! Ты будешь за это осужден на вечное и с к у п л е н и е.

П р о т о к о л и с т

Еще что?

В т о р о й с т о р о ж

Это все.

П р о т о к о л и с т

Всего этого более чем достаточно, и никакие отпирательства, братцы, вам уже не помогут. Дон Хуан сегодня утром тайно бежал. Геро была по указанной причине обвинена, отвергнута и скоростижно умерла от потрясения. Господин пристав, велите связать этих молодцов и отвести их к синьору Леонато. Я пойду вперед и ознакомлю его с протоколом допроса. (*Уходит.*)

К и з и л

Мы с ними живо управимся.

Б у л а в а

Связать их!

К о н р а д

Прочь, болван!

К и з и л

Господи боже мой! Где протоколист? Пусть запишет: принцев слуга — болван! Вяжите их! Ах ты, жалкий мошенник!

К о н р а д

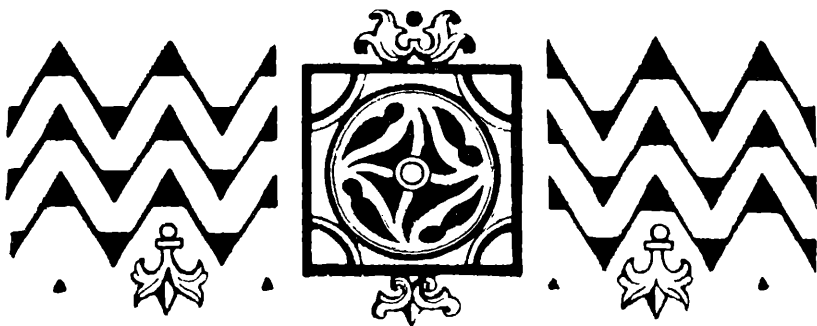
Убирайся прочь, осел! Осел!

К и з и л

Как! Никакого подозрения к моему чину! Никакого подозрения к моему возрасту! Ах, будь здесь протоколист, чтобы записать, что я осел! Но хоть это и не записано, не забудьте, что я осел! — Ты, негодяй, хоть и полон почтения, а свидетели на тебя найдутся. Я парень не дурак, да подымай выше — принцев слуга, да подымай выше — отец семейства, да подымай выше — не хуже кого другого во всей Мессиние. И законы я знаю — вот как! И денег у меня довольно — вот как! И дефектов у меня сколько хочешь — вот как! Да у меня два мундира, да и все у меня в порядке — вот как! — Ведите его! Экая досада: не успели записать, что я осел!

Уходят.

А К Т V

С Ц Е Н А 1

Перед домом Леонато.

Входят Леонато и Антонио.

А н т о н и о

Таким путем ты сам себя убьешь!
Разумно ли так поддаваться горю
Во вред себе?

Л е о н а т о

Прошу, оставь советы.
Они проходят через слух бесследно,
Как в решете вода. Оставь советы!
Меня утешить мог бы только тот,
Чьи горести совпали бы с моими.
Дай мне отца, чтоб так же дочь любил,
Чью радость так же вырвали б жестоко, —
И пусть он говорит мне о терпенье.
Измерь его страдания по моим,
И, если между ними нет различья
И скорбь его точь-в-точь моей равна
Во всех чертах, и образах, и видах,
И, если он с усмешкой. вместо вздоха,
«Прочь горе!» крикнет, бороду погладив,
Остротами заштопав грудь, пропьет

С кутилами беду,— дай мне его —
И от него я научусь терпению.
Но нет такого человека, брат!
Советовать умеет каждый в горе,
Которого еще не испытал.
В беде же сам совет на ярость сменит,
Кто от нее прописывал лекарства,
Хотел связать безумье шелковинкой
И сердца боль заговорить словами.
Нет, нет! Всегда советуют терпеть
Тем, кто под тяжким грузом скорби гнется.
Но смертным не дано ни сил, ни власти
Свои советы на себе проверить,
Когда беда у них. Оставь советы!
Сильней, чем увещанья, боль кричит.

А н т о н и о

Так в чем ребенок разнится от мужа?

Л е о н а т о

Прошу, молчи. Я только плоть и кровь.
Такого нет философа на свете,
Чтобы зубную боль сносил спокойно,—
Пусть на словах подобен он богам
В своем презренье к бедам и страданиям.

А н т о н и о

Но не бери всю тяжесть на себя:
Обидчики пусть тоже пострадают.

Л е о н а т о

Вот тут ты прав. Я так и поступлю.
Мне сердце говорит — невинна Геро;
И это должен Клавдио узнать,
И принц, и все, кто дочь мою позорил.

Входят дон Педро Клавдио.

А н т о н и о

Вот принц и Клавдио спешат сюда.

Д о н П е д р о

День добрый.

К л а в д и о

Добрый день вам, господа.

Л е о н а т о

Послушайте...

Д о н П е д р о

Спешим мы, Леонато.

Л е о н а т о

Спешите, принц? Желаю вам удачи.
Вы так спешите? Что же, все равно.

Д о н П е д р о

Не затевайте ссор, старик почтенный.

А н т о н и о

Когда бы ссорой мог помочь он делу,
Один из нас лежал бы мертвым здесь.

К л а в д и о

Кто оскорбил его?

Л е о н а т о

Кто? Ты, притворщик!
Ты, ты. Да, нечего за меч хвататься.
Не испугаешь!

К л а в д и о

Пусть рука отсохнет,
Что старости бы стала угрожать.
Без умысла рука взялась за меч.

Л е о н а т о

Молчи, шутить со мной я не позволю!
Я не безумец и не враль пустой,
Чтоб, прикрываясь старости правами,
Хвалиться тем, что «в молодости делал»
Иль «сделал бы, не будь я стар». Но слушай:
Ты так меня и Геро оскорбил,
Что принужден я, сан мой забывая,
Мои седины и обиды лет,
Тебя на поединок вызывать. Знай:
Ты дочь мою безвинно опорочил,
И клевета пронзила сердце ей.
Она лежит теперь в гробнице предков,
Где никогда позор не почивал.
Ее ж позор ты создал подлой ложью.

К л а в д и о

Как! Я?

Л е о н а т о

Да, ты. Ты, говорю тебе!

Д о н П е д р о

Старик, неправда это.

Л е о н а т о

Принц, ту правду

Я докажу сейчас же, невзирая
На все его искусство в фехтованье,
На юность майскую и сил расцвет.

К л а в д и о

Довольно! Я с тобой не стану биться.

Л е о н а т о

Не ускользнешь! Ты дочь мою убил;
Убив меня — убьешь ты мужа, мальчик.

А н т о н и о

Обоих нас, мужей, убить он должен.
Но все равно! Я первым с ним дерусь.
Пусть победит меня, но мне ответит.
За мной, молокосос! Иди за мною!
Тебя хочу я отстегать, мальчишка,—
Да, слово дворянина, отстегать!

Л е о н а т о

Мой брат...

А н т о н и о

Молчи. Бог видит, как любил я Геро!
Она мертва, убита подлецами,
Которые так жаждут поединка,
Как жажду я змею схватить за жало.
Мальчишки, хвастуны, молокососы!

Л е о н а т о

Антонио...

А н т о н и о

Молчи. О, я их знаю
И цену им. Я вижу их насквозь:
Лгуны, буяны, франты, пустоцветы,
Что только лгут, язвят, клеветуют, льстят,
Кривляются, десятком страшных слов
И грозным видом запугать хотели б
Своих врагов, когда бы лишь посмели,—
Вот и всего.

Л е о н а т о

Но, брат Антонио...

А н т о н и о

Не в этом дело.
Ты не мешайся; предоставь мне все.

Д о н П е д р о

Мы не хотим вас раздражать, синьоры.
Я всей душой скорблю о смерти Геро.
Но честью вам клянусь: ее вина
Доказана вполне и неопровержимо.

Л е о н а т о

Мой принц!..

Д о н П е д р о

Я вас не стану слушать.

Л е о н а т о

Нет?

Пойдем же, брат: я слушать их заставлю.

А н т о н и о

Да; или один из нас за то заплатит.

Л е о н а т о и А н т о н и о уходят.

Входит Бенедикт.

Д о н П е д р о

Смотри, вот тот, кого искали мы.

К л а в д и о

Ну, синьор, что нового?

Б е н е д и к т

Добрый день, ваше высочество.

Д о н П е д р о

Привет, синьор. Вы пришли почти вовремя, чтобы разнять почти драку.

К л а в д и о

Нам чуть не откусили носов два беззубых старика.

Д о н П е д р о

Леонато и его брат. Что ты на это скажешь? Если бы мы с ними сразились, боюсь, что мы оказались бы слишком молоды для них.

Б е н е д и к т

В несправедливой ссоре настоящей храбрости нет. Я искал вас обоих.

К л а в д и о

Мы сами тебя повсюду разыскивали. На нас напала ужасная меланхолия, и нам хотелось бы ее разогнать. Не поможешь ли нам своим остроумием?

Б е н е д и к т

Оно в моих ножнах. Прикажете его вытащить?

Д о н П е д р о

Разве ты носишь свое остроумие сбоку?

К л а в д и о

Этого еще никто не делал, хотя многим их остроумие вылезает боком. Мне хочется попросить тебя ударить им, как мы просим музыкантов ударить в смычки. Сделай милость, развлеки нас.

Д о н П е д р о

Клянусь честью, он выглядит бледным.— Ты болен или сердит?

К л а в д и о

Подбодрись, дружок! Хоть говорят, что забота и кошку уморить может, у тебя такой живой нрав, что ты можешь и заботу уморить.

Б е н е д и к т

Синьор, я ваши насмешки поймаю на полном скаку, если они ко мне относятся. Нельзя ли выбрать другую тему для разговора?

К л а в д и о

Так дайте ему другое копьё: он разломал свое на куски.

Д о н П е д р о

Клянусь дневным светом, он все более меняется в лице. Помоему, он не на шутку сердит.

К л а в д и о

Если так, он знает, какую занять позицию.

Б е н е д и к т

Разрешите сказать вам словечко на ухо.

К л а в д и о

Не вызов ли, боже упаси?

Б е н е д и к т

(тихо, к Клавдио)

Вы негодяй. Я не шучу. Я готов подтвердить это где вам будет угодно, как вам будет угодно и когда вам будет угодно. Я требую удовлетворения, или я при всех назову вас трусом. Вы убили престелстную девушку, и смерть ее дорого обойдется вам. Жду вашего ответа.

К л а в д и о

(громко)

Я охотно принимаю ваше приглашение и рассчитываю, что вы хорошо меня угостите.

Д о н П е д р о

Что такое? Пирушка?

К л а в д и о

Да, я ему очень благодарен. Он приглашает меня на телячью голову и каплуна. И, если мне не удастся его разрезать как следует, можете считать, что мой нож никуда не годится. А не будет ли там еще вальдшнепа?

Б е н е д и к т

Ваше остроумие легко на ногу — бежит хорошей ивоходью.

Дон Педро

Надо рассказать тебе, как на днях Беатриче расхваливала твое остроумие. Я сказал, что у тебя тонкий ум. «Верно,— говорит,— такой тонкий, что и не заметишь».— «Я хочу сказать, широкий ум».— «Да,— говорит,— плоскость необозримая».— «Я хочу сказать, приятный ум».— «Правильно,— говорит,— никого не обидит».— «Я хочу сказать, что он большой умница».— «Вот именно,— говорит,— ум за разум заходит».— «Он отлично владеет языками».— «Верно,— говорит,— он мне поклялся кое в чем в понедельник вечером, а во вторник утром уже нарушил клятву. Он двуязычный человек, хорошо владеет двумя языками». Так она битый час выворачивала наизнанку твои достоинства; но в конце концов заявила со вздохом, что лучше тебя нет человека во всей Италии.

Клавдио

При этом горько заплакала и сказала, что ей нет до тебя дела.

Дон Педро

Да, так оно и было. Но дело в том, что, если бы она не ненавидела его смертельно, она бы его страстно полюбила. Дочь старика нам все рассказала.

Клавдио

Решительно все. И то, как «бог видел его, когда он прятался в саду».

Дон Педро

Но когда же мы водрузим рога дикого быка на голову мудрого Бенедикта?

Клавдио

Да, и с надписью: «Здесь живет Бенедикт, женатый человек».

Бенедикт

Прощай, мальчик. Ты понял меня. Предоставляю вас вашему болтливому настроению. Вы сыплете остротами, как хвастуны машут мечами,— не задевая, слава богу, никого.— Ваше высочество, я очень вам благодарен за ваши милости ко мне, но принужден оставить вас. Ваш побочный брат бежал из Мессины. Вы с ним сообща убили прелестную невинную девушку. А с этим молокососом мы еще встретимся. Пока желаю ему счастливо оставаться. *(Уходит.)*

Д о н П е д р о

Он говорил серьезно.

К л а в д и о

Как нельзя более серьезно. Ручаюсь вам, что это из-за любви к Беатриче.

Д о н П е д р о

Он вызвал тебя на дуэль?

К л а в д и о

Без всяких околичностей.

Д о н П е д р о

Какая забавная штука — человек, когда он надевает камзол и штаны, а рассудок забывает дома!

К л а в д и о

Он ведет себя как великан перед мартышкой, а в сущности, перед таким человеком и мартышка — мудрец.

Д о н П е д р о

Но довольно! Надо собраться с мыслями и огнесгись к делу серьезно. Он, кажется, сказал, будто мой брат скрылся?

Входят Кизил, Булава и стража с Конрадом и Борачио.

К и з и л

Идем, идем, сударь. Если правосудие не справится с вами, так не вешать ему на своих весах ничего путного. Хотя вы и лицемер проклятый, вас уж там разберут.

Д о н П е д р о

Что это? Двое из приближенных моего брата связаны! И один из них — Борачио!

К л а в д и о

Спросите, за что их арестовали, ваше высочество.

Д о н П е д р о

Господа, в чем провинились эти люди?

К и з и л

Так что, сударь, они сделали ложный донос; кроме того, сказали неправду; во-вторых, оклеветали; в-шестых и последних,

оболгали благородную девицу; в-третьих, подтвердили неверные вещи; и, в заключение, они лгуны и мошенники.

Д о н П е д р о

Во-первых, я спрашиваю, что они сделали? В-третьих, я спрашиваю, в чем их вина? В-шестых и последних, за что они арестованы? И, в заключение, в чем их обвиняют?

К л а в д и о

Правильное рассуждение, по всем пунктам, честью клянусь, один и тот же вопрос в разных формах!

Д о н П е д р о

Что вы совершили, господа, что вас ведут связанными к допросу? Этот ученый пристав так хитроумен, что ничего не понять. В чем ваше преступление?

Б о р а ч и о

Добрый принц, не велите меня вести к допросу: выслушайте меня сами, и пусть граф убьет меня. Я обманул ваши собственные глаза. То, чего ваша мудрость не могла обнаружить, открыли эти круглые дураки. Сегодня ночью они подслушали, как я признавался вот этому человеку в том, что ваш брат дон Хуан подговорил меня оклеветать синьору Геро. Я рассказал ему, как вас привели в сад и вы там видели мое свидание с Маргаритой, одетой в платье Геро, как затем вы опозорили Геро в самый момент венчания. Моя подлость занесена в протокол. Но я охотнее запечатаю ее своей смертью, чем повторю рассказ о своем позоре. Девушка умерла от ложного обвинения, взведенного на нее мной и моим хозяином. Короче говоря, я не желаю ничего, кроме возмездия за мою низость.

Д о н П е д р о
(к Клавдио)

Он не вонзил ли сталь в тебя речами?

К л а в д и о

Внимая им, я выпил страшный яд.

Д о н П е д р о
(к Борачио)

Ужель мой брат толкнул тебя на это?

Б о р а ч и о

Да, и за труд он заплатил мне щедро.

Дон Педро

В себе он вероломство воплощал
И, подлость эту совершив, бежал.

Клавдио

О Геро, вновь в душе воскрес твой образ
В той красоте, какую я любил!

Кизил

Ну, уведите истцов! Теперь протоколист уже реформировал обо всем синьора Леонато. А главное, господа, не забудьте подтвердить в надлежащее время и в надлежащем месте, что я — осел.

Булава

А вот идет и синьор Леонато с протоколистом.

Входят Леонато и Антонио с протоколистом.

Леонато

Где негодяй? Я на него взгляну,
Чтоб, встретивши такого же злодея,
Я мог поостеречься. Кто из них?

Борачио

Хотите знать злодея? Он пред вами.

Леонато

Так это ты, подлец, убил словами
Невинное создание?

Борачио

Я один.

Леонато

Нет, негодяй, ты на себя клеветешь.
Гляди: вот два почтенных человека,
А третий скрылся,— это дело их!
Спасибо, принцы, за убийство Геро.
Вы к вашим громким подвигам прибавьте
Еще и это славное деянье.

Клавдио

Не знаю, как просить вас о терпенье,
Но не могу молчать. Назначьте сами,

Какое вы хотите, искупленье
За этот грех,— хотя лишь тем я грешен,
Что заблуждался.

Д о н П е д р о

Как и я, клянусь.
Но, чтоб вину загладить перед старцем,
Приму любую тягостную кару,
Что он назначит мне.

Л е о н а т о

Я не могу вам повелеть, чтоб вы
Ожить велели ей: вы в том не властны.
Но я прошу вас огласить в Мессине,
Что умерла невинною она.
И, если даст любовь вам вдохновенье,
Ее почитите надписью надгробной:
Пусть в эту ночь она звучит как гимн.
А завтра утром я вас жду к себе.
И, если не могли вы стать мне зятем,
Племянником мне будьте. Дочка брата —
Двойник покойной дочери моей.
Она наследница отца и дяди.
Отдайте ж ей, что назначалось Геро,—
И месть умрет.

К л а в д и о

Какое благородство!
Я тронут вашей добротой до слез.
Согласен я; во всем располагайте
Отныне бедным Клавдио.

Л е о н а т о

Так завтра утром жду обоих вас.
Пока — прощайте. Этого злодея
Сведем мы в очной ставке с Маргаритой:
Она замешана в позорном деле,
Подкуплена...

Б о р а ч и о

Нет, нет, клянусь душою,
Она не знала цели разговора,
Но честною была всегда и верной,—
Я в этом за нее ручаюсь вам.

К и з и л

Кроме того, сударь, хоть это и не занесено в протокол белым по черному, но этот истец и обидчик назвал меня ослом. Прошу вас, пусть это припомнят, когда будут назначать ему на казание. И еще: стража слышала, как они толковали о некоем Фасоне. Говорят, он всегда носит у уха камертон, ходит в локонах и у всех клянит денег взаймы. И он так давно этим занимается, никогда не отдавая долгов, что люди очерствели душой и не хотят больше давать ему денег взаймы во имя божие. Прошу вас допросить его по этому пункту.

Л е о н а т о

Благодарю тебя за заботу и честный труд.

К и з и л

Ваша милость говорит как признательный и почтительный юноша, и я хвалю за вас бога.

Л е о н а т о

Вот тебе за труды.

К и з и л

Благослови, господи, вашу обитель.

Л е о н а т о

Ступай. Я снимаю с тебя надзор за арестованными. Благодарю тебя.

К и з и л

Поручаю этому отъявленному мерзавцу вашу милость. И прошу вашу милость: примерно накажите себя, другим в поучение. Спаси господи вашу милость. Желая всякого благополучия вашей милости. Верни вам бог здравие. Имею честь уволить себя от вашего присутствия, а коли желательна приятная встреча, так с божьего н е д о з в о л е н и я.— Идем, сосед!

Кизил, Булава и протоколист уходят.

Л е о н а т о

Итак, до завтра, господа. Прощайте!

А н т о н и о

Ждем утром вас. Прощайте, господа.

Д о н П е д р о

Придем.

К л а в д и о

Всю ночь скорбеть о Геро буду.

Д о н П е д р о и К л а в д и о уходят.

Л е о н а т о

(первому сторожу)

Ведите их. Допросим Маргариту,
Как с мерзким плутом сблизилась она.

Все уходят в разные стороны.

С Ц Е Н А 2

С а д Л е о н а т о .

Входят, навстречу друг другу, Б е н е д и к т и М а р г а р и т а .

Б е н е д и к т

Прошу тебя, милая Маргарита, сослужи мне службу: помоги
мне поговорить с Беатриче.

М а р г а р и т а

А вы напишете за это сонет в честь моей красоты?

Б е н е д и к т

В таком высоком стиле, Маргарита, что ни один смертный не
дотянется до него. Даю слово, ты вполне заслуживаешь этого.

М а р г а р и т а

Чтобы ни один смертный не дотянулся до меня? Неужели же
мне век сидеть под лестницей?

Б е н е д и к т

Остроумие у тебя, что борзая: сразу хватает.

М а р г а р и т а

А ваше похоже на тупую рапиру: попадает, но не ранит.

Б е н е д и к т

Остроумие, подобающее мужчине: не хочет ранить даму. Так
прошу тебя, позови Беатриче: я побежден и отдаю тебе щит.

М а р г а р и т а

Отдавайте нам мечи,— щиты у нас свои найдутся.

Б е н е д и к т

Если вы будете пускать в ход щиты, нам придется прибегнуть к пикам, а для девушек это небезопасно.

М а р г а р и т а

Так я сейчас позову к вам Беатриче. Полагаю, что ноги у нее есть. *(Уходит.)*

Б е н е д и к т

Значит, она придет.

(Поет.)

«О бог любви,
С небес взгляни.
Ты знаешь, ты знаешь,
Как слаб и жалок я...»

Я подразумеваю: в искусстве пения, потому что в смысле любви ни знаменитый пловец Леандр, ни Троиц, первый, прибегший к сводникам, ни весь набор былых щеголей, чьи имена так плавно катятся по гладкой дороге белых стихов, не терзался любовью так, как я, несчастный. Правда, на рифмы я не мастер: бился, бился — ничего не мог подобрать к «прекрасная дама», кроме «папа и мама», — рифма слишком невинная; к «дорога» — кроме «рога», — рифма слишком опасная; к «мудрец» — кроме «глупец», — рифма слишком глупая. Вообще очень скверные окончания. Нет, я родился не под поэтической планетой и неспособен любезничать в торжественных выражениях.

Входит Беатриче.

Милая Беатриче, неужели ты пришла потому, что я позвал тебя?

Б е а т р и ч е

Да, синьор, и уйду по вашему приказанию.

Б е н е д и к т

О, оставайся до тех пор, пока...

Б е а т р и ч е

Вы уже сказали «до тех пор»; так прощайте! Впрочем, я не уйду, пока не получу того, зачем пришла: что было у вас с Клавдио?

Б е н е д и к т

Кроме бранных слов — ничего. По этому случаю я тебя поцелую.

Б е а т р и ч е

Слова — ветер, а бранные слова — сквозняк, который вреден; поэтому я уйду без вашего поцелуя.

Б е н е д и к т

Ты не можешь не исказить прямого смысла слов: таково уж твое остроумие. Но я тебе скажу прямо: Клавдио принял мой вызов, и мы должны вскоре с ним встретиться — или я его ослаблю трусом. А теперь скажи, пожалуйста: за какой из моих недостатков ты влюбилась в меня?

Б е а т р и ч е

За все вместе. Они так искусно охраняют в вас владычество дурного, что не допускают никакой хорошей примеси. А теперь я спрошу: какое из моих достоинств заставило вас заболеть любовью ко мне?

Б е н е д и к т

Заболеть любовью? Отлично сказано: я действительно болен любовью, потому что люблю тебя вопреки моей воле.

Б е а т р и ч е

Значит, вопреки вашему сердцу? Увы, бедное сердце! Но, если вы ему противоречите из-за меня, я тоже хочу ему противоречить из-за вас. Я никогда не полюблю врага моего друга.

Б е н е д и к т

Мы с тобой слишком умны, чтобы любезничать мирно.

Б е а т р и ч е

Судя по этому признанию, вряд ли: ни один умный человек умом хвалиться не станет.

Б е н е д и к т

Старо, старо, Беатриче: это было верно во времена наших прабабушек. А в наши дни если человек при жизни не соорудит себе мавзолея, так о нем будут помнить только пока колокола звонят да вдова плачет.

Б е а т р и ч е

А сколько же времени это длится, по-вашему?

Б е н е д и к т

Трудно сказать. Думаю, так: часок на громкие рыдания и четверть часика на заплаканные глаза. Поэтому для умного чело-

века — если только ее величество Совесть этому не препятствует — выгоднее всего самому трубить о своих достоинствах, как я это и делаю. Ну, довольно о похвалах мне, который — могу это засвидетельствовать — вполне достоин их. А теперь скажите мне, как себя чувствует ваша кузина?

Б е а т р и ч е

Очень плохо.

Б е н е д и к т

А вы?

Б е а т р и ч е

Тоже очень плохо.

Б е н е д и к т

Молитесь богу, любите меня и старайтесь исправиться. Теперь я с вами прощусь, потому что кто-то спешит сюда.

Входит У р с у л а.

У р с у л а

Синьора, пожалуйста скорее к дядюшке. У нас в доме страшный переполох. Стало известно, что синьору Геро ложно обвинили, принц и Клавдио были обмануты, а виновник всего, дон Хуан, бежал и скрылся. Идите скорее.

Б е а т р и ч е

Хотите пойти со мной. чтобы узнать, в чем дело?

Б е н е д и к т

Я хочу жить в твоём сердце, умереть у тебя на груди и быть погребённым на дне твоих глаз; а кроме того, хочу пойти с тобой к твоему дядюшке.

Уходят.

С Ц Е Н А 3

Церковь.

Входят дон Педро, Клавдио и трое или четверо вельмож с факелами.

К л а в д и о

Так это — склеп фамильный Леонато?

Один из вельмож

Да, граф.

К л а в д и о

(читает по свитку)

«Убитой гнусной клеветой
Прекрасной Геро здесь могила.
В награду Смерть ее покой
Бессмертной славой озарила,
И жизнь, покрытую стыдом,
Смерть явил в блеске неземном!»

(Прикрепляет свиток к гробнице.)

Вещайте здесь хвалу над нею,
Меж тем как в скорби я немею.

Теперь — торжественный начните гимн.

П е с н я

Богиня ночи, о, прости
Убийц твоей невинной девы!
К ее могиле принести
Спешим мы скорбные напевы.
Ты, полночь, с нами здесь рыдай,
Наш стон и вздохи повторяй
Уныло, уныло.
Могила, милый прах верни!
Взываем в гробовой сени
Уныло, уныло.

К л а в д и о

Спи с миром! Буду я вперед
Свершать обряд здесь каждый год.

Д о н П е д р о

Уж близко утро — факелы гасите.
Замолкли волки; первый луч заря
Пред колесницей Феба шлет. Взгляните:
Спешит уж день, огнем восток пестря.
Благодарю вас всех; ступайте с богом.

К л а в д и о

Прощайте; расходитесь по домам.

Дон Педро

Идем. Одежду сменим на другую
И — к Леонато, где с утра нас ждут.

Клавдио

Пошли ж нам, Гименей, судьбу иную,
Чем та, что мы оплакивали тут.

Уходят.

СЦЕНА 4

Комната в доме Леонато.

Входят Леонато, Антонио, Бенедикт, Беатриче,
Маргарита, Урсула, монах и Геро.

Монах

Я говорил вам, что она невинна!

Леонато

Как невиновны Клавдио и принц;
Лишь по ошибке обвинили Геро.
Но Маргарита здесь не без вины,
Хотя и против воли, как нам ясно
Установил подробнейший допрос.

Антонио

Я рад, что все окончилось удачно.

Бенедикт

Я тоже. Иначе я должен был бы
Сразиться с Клавдио на поединке.

Леонато

Прекрасно. Дочь моя и все вы, дамы,
Пока в свои покои удалитесь.
Когда вас позовут, придите в масках.

Дамы уходят.

Леонато
(к Антонио)

И принц и Клавдио мне обещали
Прийти с утра. Ты знаешь роль свою:
Племяннице отцом на время станешь
И Клавдио отдашь в супруги.

Антонио

Спокоен будь: я роль свою исполню.

Бенедикт

Отец Франциск, мне вас просить придется...

Монах

О чем, мой сын?

Бенедикт

Одно из двух: связать иль развязать.
(К Леонато.)

Синьор мой, наконец-то на меня
Взглянула благосклонно Беатриче.

Леонато

Ей одолжила дочь моя глаза.

Бенедикт

И я ей отвечаю нежным взглядом.

Леонато

Которым вы обязаны как будто
Мне, Клавдио и принцу. В чем же дело?

Бенедикт

Таит загадку ваш ответ, синьор.
Но к делу: дело в том, чтоб ваша воля
Совпала с нашей. Нас соедините
Сегодня узами святого брака,—
В чем, брат Франциск, нужна и ваша помощь.

Леонато

Согласен я.

М о н а х

И я готов помочь вам.
Вот принц и Клавдио.

Входят дон Педро, Клавдио двое или трое вельмож.

Д о н П е д р о

Приветствую почтенное собрание.

Л е о н а т о

Привет, мой принц; и Клавдио, привет.
Мы ждали вас. Ну что же, вы решились
С племянницей моею обвенчаться?

К л а в д и о

Согласен, будь она хоть эфиопка.

Л е о н а т о

Брат, позови ее; свершим обряд.

Антонио уходит.

Д о н П е д р о

День добрый, Бенедикт. Но что с тобой?
Ты смотришь февралем; морозом, бурей
И тучами лицо твое мрачится.

К л а в д и о

Он вспоминает дикого быка.
Смелей! Твои рога позолотим мы —
И всю Европу ты пленишь, как встарь
Европу бог Юпитер полонил,
Во образе быка явив свой пыл.

Б е н е д и к т

Тот бык мычать с приятностью привык.
Теленка дал подобный странный бык
Корове вашего отца, и, кстати, —
По голосу вы брат того теляти.

Входят Антонио и дамы в масках.

К л а в д и о

Ответ за мной, — сейчас не до того.
Которая ж из дам моя по праву?

А н т о н и о

Вот эта: я ее вручаю вам.

К л а в д и о

Она — моя? — Но дайте вас увидеть.

Л е о н а т о

О нет, пока не поклянетесь вы
Перед святым отцом с ней обвенчаться.

К л а в д и о

Так дайте руку: пред святым отцом
Я — ваш супруг, когда вам то угодно.

Г е р о

(снимая маску)

При жизни — ваша первая жена;
И вы — мой первый муж, пока любили.

К л а в д и о

Вторая Геро!

Г е р о

Истинно — вторая.
Та умерла запятнанной, а я
Живу и, так же как жива, невинна.

Д о н П е д р о

Та Геро! Та, что умерла!

Л е о н а т о

Она

Была мертва, пока жило злоречье.

М о н а х

Я разрешу вам все недоуменья,
Когда окончим мы святой обряд,
О смерти Геро рассказав подробно.
Пока же чуду вы не удивляйтесь
И все за мной последуйте в часовню.

Б е н е д и к т

Отец, постойте. Кто здесь Беатриче?

Б е а т р и ч е

(снимает маску)

Я за нее. Что от нее угодно?

Б е н е д и к т

Вы любите меня?

Б е а т р и ч е

Не так чтоб очень.

Б е н е д и к т

Так, значит, дядя ваш, и принц, и Клавдио
Обмануты: они клялись мне в том.

Б е а т р и ч е

Вы любите меня?

Б е н е д и к т

Не так чтоб очень.

Б е а т р и ч е

Так Геро, Маргарита и Урсула
Обмануты: они клялись мне в том.

Б е н е д и к т

Они клялись, что вы по мне иссохли.

Б е а т р и ч е

Они клялись, что насмерть влюблены вы.

Б е н е д и к т

Все вздор! Так вы не любите меня?

Б е а т р и ч е

Нет — разве что как друга... в благодарность...

Л е о н а т о

Брось! Поклянись: ты любишь Бенедикта.

К л а в д и о

Я присягну, что любит он ее.
Вот доказательство — клочок бумаги:
Хромой сонет — его ума творенье —
В честь Беатриче.

Г е р о

Вот вам и другой,
Украденный у ней, — ее здесь почерк:
Признание в нежной страсти к Бенедикту.

Б е н е д и к т

Вот чудеса! Наши руки свидетельствуют против наших сердец.
Ладно, я беру тебя; но, клянусь дневным светом, беру тебя только
из сострадания.

Б е а т р и ч е

Я не решаюсь вам отказать; но, клянусь светом солнца, я уступаю
только усиленным убеждениям, чтобы спасти вашу жизнь;
ведь вы, говорят, дошли до чахотки.

Б е н е д и к т

Стой! Рот тебе зажму я!
(*Целует ее.*)

Д о н П е д р о

Как Бенедикт женатый поживает?

Б е н е д и к т

Вот что я вам скажу, принц: целая коллегия остряков не заставит
меня отказаться от моего намерения. Уж не думаете ли вы, что я
испугаюсь какой-нибудь сатиры или эпиграммы? Если бы острое
слово оставляло след, мы бы все ходили перепачканные. Короче
говоря: раз уж я решил жениться, так и женюсь, хотя бы весь мир
был против этого. И нечего трунить над тем, что я прежде говорил
другое: человек — существо непостоянное, вот и все. — Что
касается тебя, Клавдио, я хотел было тебя поколотить, но раз ты
сделался теперь чем-то вроде моего родственника, то оставайся
невредим и люби мою кузину.

К л а в д и о

А я-то надеялся, что ты откажешься от Беатриче: тогда я выйди
бы из тебя дух за такую двойную игру. А теперь, без сомнения, ты
будешь ее продолжать, если только кузина не будет хорошенько
присматривать за тобой.

Б е н е д и к т

Ладно, ладно, мир! — Давайте-ка потанцуем, пока мы еще не обвенчались: пусть у нас порезвятся сердца, а у наших невест — ноги.

Л е о н а т о

Танцевать будете после свадьбы!

Б е н е д и к т

Нет, до свадьбы, клянусь честью! — Эй, музыка! — У вас, принц, унылый вид. Женитесь, женитесь! Плох тот посох, у которого на конце нет рога.

Входит гонец.

Г о н е ц

Принц! Дон Хуан, ваш брат бежавший, схвачен
И приведен под стражу в Мессину.

Б е н е д и к т

Забудем о нем до завтра, а там уж я придумаю ему славное наказание. Эй, флейты, начинайте!

Танцы.

Все уходят.

**СТАТЬИ
И ПРИМЕЧАНИЯ**

«ГЕНРИХ IV»

Несомненно, что замысел «Генриха IV» возник у Шекспира тогда, когда он завершал хронику о Ричарде II, продолжением которой являются две пьесы о царствовании Генриха IV. За это говорит даже не столько то, что в конце «Ричарда II» епископ Карлайль пророчествует о бедах, ожидающих Англию в наказание за свержение законного короля, сколько упоминание о бесчинствах молодого принца Генри, наследника нового монарха Болингброка. Последний жалуется на то, что уже три месяца не видел сына, и посылает на поиски в таверны, где он бродит со всяким сбродом («Ричард II», V, 3). Упоминание принца в таком контексте является анахронизмом для данной пьесы. Ему во время низложения Ричарда II было всего тринадцать лет, и явно, что, вводя эту характеристику, Шекспир уже носил в голове, а может быть, начал излагать на бумаге историю беспутного принца.

Именно она и является основным сюжетным мотивом хроники «Генрих IV» в гораздо большей степени, чем судьба его отца, чьим именем названы обе пьесы. Ясно также и то, что уже в это время у Шекспира созрел план драматизации всей истории принца, а впоследствии король Генрих V, прославленного в анналах истории Англии своими победами над Францией в Столетней войне. Его биография и история царствования были красочно описаны в летописях Холиншеда и других историков. О Генрихе V в народе ходили легенды, и он был в сознании масс таким же мужественным, справедливым, «хорошим» королем, каким во Франции позже представляли себе Генриха IV Наваррского.

Героический образ короля-воина рапо привлек внимание английских драматургов эпохи Возрождения, и его история была инсценирована еще до Шекспира. Когда над Англией нависла опасность испанского вторжения, театры, поддерживая патриотический дух народа, ставили пьесы, прославлявшие прошлые победы англичан над чужеземцами. Тогда-то и появилась первая пьеса на данный сюжет — «Славные победы Генриха V», написанная неизвестным автором. Она была поставлена не позже 1588 года. (Это установлено благодаря тому, что сохранились сведения об участии комика Тарлтона в исполнении пьесы, а так как он скончался в 1588 году, то это приблизительно фиксирует дату.)

Пьеса имела успех и довольно долго продержалась на сцене. В 1592 году Томас Нэш в памфлете «Пирс безгрошовый», хваля театры за то, что они развивают в народе чувство национальной гордости, упоминает эту хронику: «Как замечательно, что на сцене показывают Генриха V, взятие им в плен французского короля и то, как он вынуждает его и дофина присягнуть ему на верность». Вероятно, именно эта пьеса под названием «Генрих V» была занесена в 1594 году в реестр книг, предполагавшихся к печатанию, и о ней же идет речь в документе о представлении, состоявшемся в 1595 году. Она была напечатана в 1598 году, и это издание сохранилось, благодаря чему исследователи могли сравнить пьесу с шекспировскими хрониками на тот же сюжет.

«Славные победы Генриха V» — примитивная инсценировка известных исторических фактов и легенд об этом короле. Это откровенно пропагандистская пьеса биографического характера, с невыразительной обрисовкой персонажей. Но при всем том ее неизвестный автор проявил некоторую выдумку, создав беглый и местами живой сценический рассказ о жизни и деяниях Генриха V. Следуя преданиям о беспутной молодости короля, он ввел сцены, изображающие его в компании веселых собутыльников, среди которых есть опустившийся рыцарь сэр Джон Олдкасл — прообраз Фальстафа. Есть в пьесе и эпизод, когда принц дает пощечину верховному судье. Наконец, мы находим здесь и сцену, подавшую Шекспиру идею изобразить принца и Фальстафа репетирующими сцену встречи короля с принцем. В «Славных победах» это происходит иначе: там двое из трагичной компании комически повторяют ссору принца с верховным судьей. Не приходится сомневаться в том, что Шекспир воспользовался пьесой своего предшественника. Он не только заимствовал из нее отдельные детали, она в целом послужила ему канвой и для двух частей «Генриха IV» и для «Генриха V».

Инсценировка предшественника была скупой на факты и схематичной по построению. Явно, что Шекспир дополнил многое по Холиншеду. Но с обоими источниками Шекспир обращался вольно, подчиняя отдельные факты и характеристики своей, совершенно самостоятельной концепции пьесы. Ничто так наглядно не свидетельствует о творческой зрелости, достигнутой в это время Шекспиром, как свежесть и смелость, с какой он обработал материалы своих предшественников.

Особенно стремился Шекспир к рельефности фигур главных персонажей, сочетая их по признаку контраста. Для этого он не постеснялся отступить от хронологии. Возраст Генриха IV Шекспир значительно увеличил, представив его человеком на склоне лет, приближающимся к могиле, тогда как на самом деле в год битвы при Шрусбери ему было всего тридцать шесть лет. Хотспер был даже старше короля, а Шекспир сделал его намного моложе, сравнив по годам с принцем Генрихом, и разница в характере и поведении их от этого стала особенно выразительной. А во второй части «Генриха IV», где уже нет Хотспера, Шекспир для сохранения контраста ввел фигуру другого сына короля, Джона Ланкастерского, которого ни Холинshed, ни другие историки не упоминают в связи с данными событиями. Шекспиру он понадобился, чтобы опять-таки оттенить беспутство принца Генриха по сравнению с чопорным и надменным другим королевским сыном. В летописях в связи с данными событиями женщины не упоминаются. Шекспир создал образы леди Мортимер и леди Перси. Наконец, из слегка намеченных эпизодов с собутыльниками принца Шекспир создал бесподобные фальстафовские сцены, принадлежащие к лучшим образцам его юмора.

Первая часть «Генриха IV» была напечатана в 1598 году без имени автора, переиздана в 1599 году с указанием на авторство Шекспира, печаталась дополнительно в 1604, 1608, 1613 годах и еще три раза после

смерти Шекспира, попав также в фоллио 1623 года. Вторая часть вышла в 1600 году и была повторена в фоллио. В 1844 году был найден «манускрипт Деринга» — рукописный вариант, сделанный в начале XVII века, по-видимому, для какого-то домашнего спектакля. Эта рукопись, следовавшая печатным текстам, интересна как первая дошедшая до нас попытка монтажа двух частей хроники.

Основной современного текста первой части является кварто 1598 года, как самое полное. Для второй части более надежным оказался текст фоллио 1623 года. Он на 150 строк полнее кварто 1600 года. В недавнее время Л. Л. Шюкинг (1930) и А. Харт (1934) убедительно доказали, что сокращения в кварто в основном были сделаны по цензурным соображениям, так как в некоторых репликах могли быть усмотрены намеки на королеву Елизавету, так же как это было со сценой низложения Ричарда II (см. статью о «Ричарде II» в третьем томе настоящего издания).

Две пьесы о царствовании Генриха IV составляют срединную часть тетралогии, началом которой является «Ричард II», а кондом — «Генрих V». Хотя все они связаны последовательностью исторических событий и общностью некоторых персонажей, пьесы о царствовании Генриха IV выделяются, образуя самостоятельное художественное целое, отличааясь по содержанию, духу и тону от хроник, обрамляющих тетралогия.

В «Ричарде II» преобладает трагическая тональность, в «Генрихе V» — тональность эпико-героическая. И здесь и там с предельной ясностью проводится определенный политический тезис: в «Ричарде II» — критика «божественного права» королей, в «Генрихе V» — воинственный патриотизм. Определить «идею» «Генриха IV» в такой же тезисной форме едва ли возможно. Эта пьеса вообще меньше всего поддается определениям в духе традиционных рубрик.

Начать с того, что она уже по своему объему превосходит любую из пьес Шекспира. Если каждая из частей «Генриха VI» представляет собой законченное драматическое произведение, то этого нельзя сказать о двух частях «Генриха IV». Верно, что каждая из них требует отдельного спектакля, но тем не менее идейно и художественно они образуют единое целое. В этом сходятся большинство критиков, начиная с С. Джонсона вплоть до Дж. Довер Уилсона. Единство обеих частей прежде всего определяется тем, что их содержанием является судьба трех лиц — короля Генриха IV, принца Генриха и Фальстафа. В полном объеме облик каждого из них раскрывается лишь в ходе действия, охватывающего обе хроники.

Против этого можно возразить, сказав, что каждая из пьес имеет свою фабулу. Но фабула первой части не является вполне законченной. Развязка первой части не содержит драматургического решения всех узлов, завязанных началом пьесы. Здесь решается лишь та часть драматического конфликта, которая строится на противопоставлении принца Генриха и Хотспера, а это хотя и существенно в общем плане пьесы, но все же не больше, чем эпизод. Драматургическая конструкция «Генриха IV» вообще характеризуется эпическим нанизыванием эпизодов. Американский шекспировед Феликс Шеллинг правильно определил «Генриха IV» как хронику эпического типа, в отличие от хроник-трагедий «Ричард III» и «Ричард II». Но это не было возмратом Шекспира к несколько рыхлой манере второй и третьей частей «Генриха VI». В «Генрихе IV» при полном отсутствии единства действия есть изумительно осуществленное «единство интереса». Он сосредоточивается на судьбах отдельных людей и на судьбах целой страны, картина жизни которой раскрывается с такой полнотой, что перед нами возникает зрелище истории, как она реально творится.

«Генрих IV» — грандиозная историческая драма, содержание которой столь обширно, что оно не уместилось в рамки одного спектакля, и Шекспир, никогда не считавшийся с формальными правилами, написал пьесу в десяти актах. Художественная задача, взятая им на себя, была тем труднее, что в сюжете не было такого стержня, как, например, в «Ричарде III», и Шекспир нашел новые средства, чтобы держать внимание публики в напряжении. В других хрониках Шекспира драматизм определялся в первую очередь тем, что происходит. В «Генрихе IV» Шекспир покоряет изображением того, как совершаются события, как творится история. Справедливости ради скажем, что в предшествующих хрониках Шекспир уже стремился к этому, но в полной мере он решил данную художественную задачу впервые именно в «Генрихе IV».

Поэтому-то каждая часть «Генриха IV» интересна сама по себе. Но и отдельные эпизоды внутри каждой из частей тоже обладают качествами, придающими им самостоятельный интерес. Более того, некоторые из них обладают своей внутренней законченностью. Все сцены, связанные с ограблением купцов на большой дороге, нападением принца и Пойнса на грабителей, и, наконец, рассказ Фальстафа об этом происшествии составляют законченную комедию фарсового типа, точно так же как эпизоды Хотспера составляют трагедию, вкрапленную в общую композицию «Генриха IV». Это не просто линии действия, а драматически завершенные сюжеты. Они есть и во второй части. Фальстаф и миссис Куикли, король и принц Генрих — в одном случае фарс, в другом — драма взаимоотношений отца и сына — образуют такого рода законченные, самостоятельные драматические сюжеты.

Самое изумительное в драматургической композиции «Генриха IV» — это, однако, то сложное единство, которое создается сплавом всех разнообразных элементов, входящих в драму. Из малозначительных баронских восстаний XV века Шекспир извлек материал для создания исторической драмы большого социального смысла. Может быть, именно то обстоятельство, что, взятые сами по себе, данные события не отличались большой красотой, и позволило Шекспиру сосредоточить внимание на характерах, показать их в живой связи с историей.

Мы могли видеть по предшествующим хроникам, что главное внимание Шекспира было обращено на формирование централизованного национального государства. Подобно другим пьесам этого жанра, как в первой, так и во второй части «Генриха IV» драматический конфликт имеет в основе борьбу между королевской властью и феодалами. Но нигде раньше Шекспир не достигал такой широты изображения исторического процесса и такой глубины в раскрытии его движущих пружин, как в «Генрихе IV».

Конфликт между Генрихом IV и его феодалами раскрывается в такой живой конкретности, что это типичное противоречие эпохи обретает неповторимо индивидуальный облик. Участники конфликта предстают перед нами каждый с своеобразными чертами, и именно эта индивидуализация их таит глубочайший смысл, создавая в конечном счете ощущение поражающей жизненной полноты действия. Максимальная степень реализма достигается благодаря тому, что Шекспир не создает прямого соответствия между моральным обликом персонажа и той государственной, политической идеей, носителем которой он является.

В этом смысле, с точки зрения композиционной, ясно выявляется, что цель драмы — утвердить принцип централизованной монархии. Но король Генрих IV, являющийся живым носителем этого государственного принципа, далеко не идеальный монарх. Более того, он несет в себе противоречие этому принципу, ибо сам достиг власти посредством свержения законного монарха. Это противоречие между личностью короля

и принципом, который он отстаивает, делает для нас живой и исторически правдивой картину процесса, изображаемого Шекспиром. Сознал ли Шекспир это, или такое изображение явилось результатом, не предусмотренным автором, но в его изображении обнаруживаются двойственность и противоречивость абсолютистской государственности, утверждающей, с одной стороны, законность, а с другой — подчиняющей эту законность индивидуальной воле и, в конечном счете, произволу одного человека.

Сам король ощущает противоречивость своего положения. Его душу постоянно терзает сознание вины в убийстве Ричарда II. Он полон недоверия к окружающим феодалам, особенно к тем, кому обязан был своим возвышением. Неумолимая логика властолюбия побуждает его в первую очередь укротить именно своих наиболее энергичных пособников, ибо они представляют для короля главную опасность. Опасны в глазах правителя те, кто, не разделяя священного трепета толпы перед властью, знают, что приобретение ее — дело рук человеческих. А Нортемберленд, Перси и другие знают «технику» этого дела, ибо сами приводили в действие колеса механизма, вознесшего Генриха IV на трон. Именно поэтому они, в свою очередь, полны притязаний и непокорства, так как им кажется, что, посадив Генриха на трон, они связали его вечным обязательством благодарности... Но логика классовой политики такова, что как раз обязанность быть благодарным в первую очередь и побуждает Генриха IV к неблагодарности.

Слишком поздно понимают бывшие соратники Генриха IV по бунту, что они ошиблись. В их руках, правда, остается прежнее оружие — бунт против короля, которого они сами поставили у власти. Но самый их мятеж обнаруживает главную внутреннюю и, мы бы сказали, исторически предопределенную слабость их позиции. Нортемберленд, Вустер, Хотспер, восставшая против Генриха IV, лихорадочно ищут союзников даже среди прежних врагов. Шекспир с гениальной прозорливостью раскрывает беспринципность политических оппозиций, имеющих в основе корыстные, властолюбивые стремления меньшинства. И вот в лагере противников короля оказываются законный претендент на власть — Мортимер, наследник Ричарда II, шотландец Дуглас, воевавший с Англией, предводитель мятежного Уэльса Глендаур, с которым только что воевали английские феодалы. Самое разительное то, что Хотспер, недавний победитель шотландца Дугласа, теперь вынужден объединиться с ним.

Семейство Перси, являющееся душой мятежа, вступает в союз со всеми внутренними и внешними врагами английской монархии. Логика борьбы делает их врагами своей же нации, тогда как Генрих IV при всей его личной моральной безупречности оказывается защитником национальных интересов. Морально-политически он более прав, чем его противники, каковы бы ни были его личные недостатки и пороки.

Лагерь мятежников как в первой, так и во второй части изображен Шекспиром с поразительным многообразием. Все они — носители принципа феодального сепаратизма. Каждый из них движим эгоистическими соображениями, но сколь различны они между собой! Вот Нортемберленд, старый прожженный политик, хладнокровный в своих расчетах, а рядом — его брат Вустер, беспокойный, подозрительный и беспощадный интриган. За ними наследственный опыт бесчисленных феодальных склок, мятежей, придворных интриг. Они, так сказать, носители «цивилизованного» интриганства. С ними заодно феодалы иной, исторически более низкой и примитивной ступени — шотландец Дуглас и уэльский бунтарь Глендаур. В Дугласе мы видим сочетание храбрости горца с хитростью политика, привыкшего к сложным отношениям вечно враждовавших кланов. Поэтому он выбирает, когда пускаться в ход воинствен-

ный задор и когда — выждать. Наконец, Глендаур — феодал самого примитивного варварского склада. Воинственный и хвастливый, он то ли в самом деле верит в колдовство, то ли устрашает врагов и друзей своим знанием магии и умением заставить служить себе таинственные силы стихий природы, во всяком случае, он одновременно храбрец и шарлатан.

Удивительное историческое чутье побудило Шекспира очень ярко изобразить то, что противниками короля и самого принципа абсолютной монархии были носители отсталых понятий и представлений. Личное честолюбие, надменность, хвастовство, коварство — все это как нельзя точнее характеризует феодальных мятежников. Но есть среди них один, выделяющийся своими качествами, хотя и близкий им по многим чертам, — это Хотспер.

Он — само воплощение феодальной воинственности. Честь — его кумир. Но понимает он ее как типичный феодал. Она в том для него, чтобы утверждать свое превосходство силой. Хотспер — своеобразный поэт кулачного права, в этом отношении бесстрашный и по-своему безупречный. У него нет холодной расчетливости его отца, Нортмберленда, нет ни придворного интриганства, ни варварского коварства. Он прям, горяч и откровенен. Хотя и он сражается за весьма реальные интересы и феодальные права, в известном смысле его можно назвать самым бескорыстным и убежденным борцом за принципы феодального рыцарства. Он последний представитель рыцарственного героизма среди других феодалов, которые уже борются не только мечом, но и оружием политической хитрости. Их политиканству он противопоставляет рыцарскую мужественность, бесстрашие, готовность сражаться в самых неблагоприятных условиях. И есть нечто обаятельное в его горячем безрассудстве, когда, покинутый своими союзниками, он вступает в неравный бой, в котором и гибнет смертью героя. И тогда его победитель, принц Генрих, тот самый, который справедливо пародировал феодальную воинственность Хотспера (часть первая, II, 2), столь же искренне восхищается чистой мужественностью, бессмысленно растраченной воинственным Перси (V, 4).

Итак, два лагеря противостоят друг другу на авансцене истории: лагерь короля и лагерь мятежных баронов. Как богато и многообразно показан конфликт между ними через раскрытие живых образов людей, составляющих обе партии! Общий антагонизм между ними дополняется бесчисленными мелкими антагонизмами внутри каждого лагеря. Мы уже очертили разнообразие облика и нравственного склада мятежников. В королевском лагере главный антагонизм — между Генрихом IV и его сыном, принцем Генрихом. В том, что принц чуждается двора, яхшается со всяким сбродом, Генрих IV видит не только своего рода кару свыше за свершенное им злодеяние, но и постоянный живой упрек себе. В отчуждении сына ему чудится осуждение принцем своего отца. Так воспринимает свои отношения с сыном король.

Для принца во всем этом иной смысл. Он живет в атмосфере, где интересы власти непрестанно душат человечность. Власть требует от своих посетителей непреклонности, жестокости. Давая человеку в руки огромное могущество, она в то же время лишает его элементарных человеческих удовольствий — веселья, дружбы, возможности по желанию распорядиться собой. Принц видит, что его отец, в сущности, не принадлежит себе. А молодому Генриху хочется быть самим собой, не втискивать свое тело и душу в корсет придворных условностей и обязанностей, связанных с королевским званием. По контрасту он выбирает себе общество людей, совершенно отвергнувших какие бы то ни было нравственные принципы и обязательства в жизни. С ними ему по крайней мере

легко и весело, здесь, в таверне, он чувствует себя непринужденно, имея возможность в любой миг сказать и грубую правду в лицо своим собутыльникам.

Если он бежал от двора и нашел прибежище в таверне, то это еще не значит, что он признал своим этот низменный мир. С самого начала мы слышим речь принца (I, 2), ясно свидетельствующую о том, что душой он не принадлежит и этому миру. Принц ищет такой принцип нравственности, который позволил бы сочетать полную духовную и практическую свободу с требованиями человечности. Он жаждет естественности. Поэтому начинает он с того, что опускается в среду, где царят простые, первобытные, физические инстинкты. Это лучше, чем подчинение искусственному ритуалу власти, стесняющему человечность, и лучше подчинения ложному принципу чести, заставляющему Хотспера утверждать свое достоинство бесопечными убийствами. Но ошибаются Фальстаф и его другие собутыльники, думая, будто принц безраздельно с ними. На самом деле они для него — только проявления природы в ее низшем естестве, и ему доставляет удовольствие потешаться над ними, особенно над Фальстафом, которого он одновременно любит и презирает. Любит за жизнерадостность и непосредственность, за веселый нрав и шутливость, презирает за то, что, свободный от морали, Фальстаф — раб своей плоти.

Яснее всего нравственная проблема, над решением которой бьется принц, раскрывается в троекратно повторенном мотиве отношения к чести. Для Хотспера честь — фетиш, принцип, которому он слепо подчиняет всю свою жизнедеятельность (монолог Хотспера о чести, I, 3). Для Фальстафа понятие чести — пустой звук (V, 1). Ригористическое следование принципу чести приобретает у Хотспера несколько аскетический оттенок. У Фальстафа, наоборот, отрицание чести доходит до потворства самым низменным животным инстинктам.

Принц Генрих хочет сохранить верность «природе», но в нем живет и сознание своего личного и общественного долга: личного — перед отцом и общественно — перед государством. Когда наступает критический момент — отцу грозит потерять корону, может быть, даже жизнь, а государству угрожает анархия, — принц бросает забавы, проникается сознанием своего долга и борется за честь семьи, государства, но — и это Шекспиром подчеркнуто — не за личную честь. Одержав победу над самым страшным и сильным противником, Хотспером, он даже не протестует, когда Фальстаф пытается приписать эту заслугу себе. Принцу Генриху не важно, узнают ли другие о его подвиге, для него существеннее сознание выполненного долга.

Но все это — поиски принцем своего морального кодекса как частного лица. В первой части хроники мы видим его на той стадии личного развития, когда он решает вопрос о своих жизненных нормах как индивид, один из многих в обществе и государстве. Принц Генрих отстаивает свое право жить так, как он хочет. В этом отношении он типичный человек начинающего утверждаться буржуазного миропорядка. Здесь принц выступает как носитель партикуляризма, сочетающего свободный выбор образа жизни с признанием элементарных обязанностей по отношению к государству, в котором он живет и которое должно обеспечить ему право на эту свободу.

Во второй части хроники положение принца становится иным. Здесь всячески подчеркивается близкая перспектива возведения его в королевский сан. Принц Генрих и сам все более осознает, что он не простое частное лицо, а наследник престола. В нем живет внутреннее сопротивление этому. Нагляднее всего это проявляется в оскорблении верховного судьи.

Если в первой части узловый нравственной проблемой была честь, то во второй — закон. Отношение индивида к закону раскрывается через образ Фальстафа прежде всего. Фальстаф презирает закон. Он любыми средствами будет пытаться обойти его, как он это делает, когда его привлекают к ответственности за неуплату долгов. Но, с другой стороны, Фальстаф не прочь и воспользоваться законом, если откроется такая возможность. Одним словом, он смотрит на закон с точки зрения личной выгоды. Он возлагает большие надежды на то, что сможет хорошо погреть руки, когда его приятель принц Генрих станет королем. Известие о возведении принца на престол разжигает самые безудержные мечты толстого рыцаря, когда, держа в руках бразды закона, он сможет творить любые беззакония. На предупреждения принца по этому поводу Фальстаф не обращает внимания, а между тем Генрих с самого начала очень иронически отвечал на рассуждения Фальстафа о том, что они смогут сделать, когда Гарри станет королем.

Впрочем, и сам принц до поры до времени относится к закону и его представителям враждебно. Однако, в отличие от Фальстафа, принц никогда не смотрел на законность с точки зрения своей выгоды. Он соотносил ее только со своим стремлением к личной свободе. Именно утверждая свою независимость, он и дал затрепину верховному судье, за что тот посадил его в тюрьму.

И вот умирает Генрих IV. Глядя на его корону, принц размышляет о «золотом бремени», каким она является для ее обладателя. Но он готов принять его на себя, и теперь принц Генрих отлично сознает, что, став королем, он должен отречься от прежней свободы. Отныне у него будут только обязанности. Напрасно опасается умирающий Генрих IV, будто воцарение его сына приведет к разгулу беззакония. Принц будет еще вернее следовать закону, чем его отец.

Два эпизода завершают формирование личности Генриха V. Первый — встреча с верховным судьей. Теперь он может отплатить ему за то, что тот посадил его в тюрьму. Но принц признает правоту судьи. Тот действовал по закону, и его не остановило даже то, что нарушителем закона был сам наследный принц. То обстоятельство, что законность в государстве он ставит выше личностей, распространяя ее даже на особу короля и его наследника, делает верховного судью идеальным представителем законности. Новый король с уважением склоняется перед ним, прощая ему личную обиду.

Второе испытание принца, ставшего королем, — встреча с Фальстафом. Толстый рыцарь спешит на коронацию, как если бы короновали его самого. Во всяком случае, он убежден, что теперь начнется его царство. А Генрих V делает вид, что даже не узнал его. Для него теперь Фальстаф — это дурной сон его молодости. Старика он призывает оступиться и поручает надзор за ним верховному судье. Закон победил беззаконие, но, хотя нравственный принцип торжествует, мы ощущаем некое неразрешимое противоречие в чувствах. Конечно, с точки зрения высокой нравственности поведение новоиспеченного короля правильно. Но вместе с тем мы видим, что милый, обаятельный в своей безыскусственности принц преобразился, очерствел. Он утрачивает что-то от своей человечности. И, хотя Шекспир с логической последовательностью обрисовал нам путь принца Генриха, хотя с точки зрения морали такой конец является обоснованным, на самом деле проблема, поднятая самим Шекспиром, не получила и не могла получить действительного решения.

Со свойственной ему способностью резко обнажать противоречия действительности Шекспир остро поставил проблему «естественной» человечности и ее отношения к существующей государственности. Прими-

рить их было нельзя, ибо природа того государства, которое Шекспиру хотелось увидеть как идеал, была такова, что она неизбежно вступала в противоречие с человечностью. В пределах личной жизни Шекспиру еще видится возможность некоего среднего пути, компромисса. В государстве этот компромисс оказывается невозможным. В «Генрихе V» Шекспир вернется к этой теме и даст ей то же самое решение. И неизбежность этого была не только в природе тогдашнего государства, но и в социальной природе человеческой личности, как она формировалась вместе с ростом буржуазных общественных отношений. Всякого рода индивидуализм — все равно, будь то хищнический, эгоистический, принципиальный или бездумный, жестокий или идеальный — оказывался в неразрешимом противоречии с принципом идеальной государственности, иллюзию которой питали гуманисты.

Рассматривая обе хроники «Генрих IV» под этим углом зрения, мы можем сказать, что Шекспир нарисовал не только картину конфликтов феодального общества. В том своеобразном сочетании прошлого с современным, которое присуще всей драматургии Шекспира, феодальное своеволие баронов ничем, в сущности, не отличается от буржуазного индивидуализма. В этом смысле «Генрих IV» не только историческая драма, но и произведение глубоко современное для людей шекспировской эпохи. В конечном счете здесь та же проблематика, что и в великих трагедиях Шекспира, отразивших коренные противоречия эпохи Возрождения.

В «Генрихе IV» Шекспир, однако, еще старается удержаться на позициях гуманистического оптимизма. Вот почему для него все конфликты, изображенные в пьесе, являются все же отходящей в прошлое историей. Процесс ее развития, как думается Шекспиру, дает основания для веры в торжество лучших начал. Но, как мы показали, сам реализм Шекспира подтачивает этот оптимистический вывод, формально утвержденный в финале пьесы, но художественно опровергаемый обеднением личности того, кто искал этот идеал, — принца Генриха.

Широкое полотно исторической жизни, созданное Шекспиром, не представляет собой, таким образом, просто хроники событий и яркой обрисовки индивидуальных судеб. Все проникнуто у Шекспира глубокой идейностью. Нити ее тянутся, сплетаясь и перекрещиваясь, через все многообразное действие пьесы, и мы здесь наметили лишь основные мотивы, далеко не исчерпав всего богатства проблематики обширной шекспировской драмы.

Однако, как ни увлекательно следить за мыслью художника, его идейными поисками, отраженными в конфигурации персонажей, в их характеристиках, сила этой драмы прежде всего и больше всего в ее мощном реализме, в богатстве жизни и движения, в динамике конфликтов, резких контрастах, бурных столкновениях людей и классов.

Шекспир соединил в одном потоке и трагедию гибнущего феодального рыцарства, и драму несправедливой власти, и духовные искания героя (им мы считаем принца Генриха), и неподражаемую комедию нравов лондонского дна, историю и быт.

Большие исторические события уже самим драматизмом всегда в чем-то театральны. Эта театральность истории была почувствована уже молодым Шекспиром. Когда он еще только начинал свой драматургический путь. Чем глубже проникала мысль великого художника в существо исторического процесса, тем яснее становилось для него, что за величественным фасадом истории кроется многое, чего нельзя упускать из виду. В «Генрихе IV» Шекспир полностью отказался от какой бы то ни было парадности в изображении истории. Театральная эффектность, на которую явно рассчитывают такие люди, как

Хотспер, снимается иронией других, а сам исторический процесс в целом предстает в своей реалистической наготе благодаря обнаружению не идеальных, а действительных и вполне практических стремлений борющихся друг с другом людей.

Шекспир показал не только то, что творилось на авансцене истории, но и то, что происходило на ее задворках. Фальстафовские сцены, справедливо считающиеся главным украшением пьесы, являются самым ярким выражением шекспировского реализма. Недаром они затеяют все сстальное, особенно во второй части, где читатель или зритель только и ждет, когда на сцене снова появится Фальстаф.

В «Генрихе IV» критика давно увидела смелейший пример сочетания возвышенного и комического. Надо при этом заметить: то, что формально следует считать возвышенным (рыцарские и придворные сцены), Шекспиром снижено до уровня, когда маски внешнего благородства падают с представителей знати, а комические сцены, изображающие «низменную среду», подняты на такую идейную и художественную высоту, что иные из «высоких комедий» кажутся мелкими и низменными по сравнению с огромным человеческим содержанием, вложенным Шекспиром в самый, казалось бы, грубый фарс — «фальстафиаду». Здесь с наибольшей силой выразил Шекспир дух Ренессанса, отразил противоречия старого и нового в своей эпохе, пока еще в том же оптимистическом духе, которым проникнута и «серьезная» часть хроники. Но это уже не составляет нашей темы, и мы отсылаем читателя к статье А. Смирнова о «Виндзорских насмешниках» и образе Фальстафа.

А. Аникст

ПРИМЕЧАНИЯ К ТЕКСТУ «ГЕНРИХА IV»

Стр. 5. Действующие лица. Все царствование Генриха IV (1399—1413) было рядом интриг, заговоров и восстаний. Недовольные первым королем феодалы распространяли слух, что Ричард II жив, или же выдвигали кандидатуру на престол Эдмунда Мортимера младшего, которого Ричард II еще в 1385 году объявил своим наследником и которого Генрих IV держал в строгом заключении в Тауэре. Первое большое восстание против короля был поднято в 1403 году крупнейшими феодалными властителями севера Англии, семьей Перси — графом Нортемберлендом, его сыном Генри Перси, прозванным за свою пылкость Хотспером (Горячая Шпора), и братом Нортемберленда Вустером. Их союзниками оказались: архиепископ Йоркский Скроп, шотландский граф Арчиболд II Дуглас и крупнейший из князьков Уэльса Глендаур вместе со старшим Эдмундом Мортимером (дядей претендента), который незадолго перед тем женился на дочери Глендаура. Истинной причиной восстания было недовольство семьи Перси Генрихом IV, которому они помогли отнять престол у Ричарда II. Хотя он и осыпал их всяческими наградами и милостями, все же, последовательно осуществляя абсолютистскую политику, он ограничил влияние на государственные дела этой типично феодальной семьи, стремившейся к тому, чтобы управлять королем и страной. Внешним поводом к восстанию послужило требование, предъявленное королем к Хотсперу, отдать захваченных им в сражении шотландских баронов. Мятежники были разгромлены в кровопролитной битве при Шрусбери 21 июля 1403 года.

Второе крупное восстание было поднято в 1405 году графом Нор-

тем берлендом (который после предыдущего восстания был прощен королем, ввиду того что в последнюю минуту по не вполне ясным причинам он уклонился от прямого выступления), лордом Бардольфом, лордом Маубреем и архиепископом Йоркским. Против последних двух выступила армия второго сына короля, Джона Ланкастерского, который 29 мая разбил мятежников около г. Йорка и казнил архиепископа и Маубрея. Против Нортемберленда и Бардольфа двинул войска сам король, но они, уклонившись от боя, бежали сначала в Шотландию, затем в Уэльс. Только в 1408 году, когда они снова попытались поднять восстание в Йорке, причем натолкнулись на сопротивление местного шерифа, они 19 февраля были убиты в сражении при Брамхем-Муре. Что касается Глендаура, то, скрываясь в горах северного Уэльса, он продолжал оказывать отчаянное сопротивление до самой своей смерти в 1416 году.

Принц Генрих, которому в момент захвата его отцом власти было двенадцать лет, не только согласно анонимной пьесе о нем, но и по свидетельству Холиншеда и всех других старых историков, отличался в юности крайней распушенностью. Современник Шекспира Стоу сохранил предание об участии юного принца в одном ограблении, весьма похожем на изображенное в первой части пьесы. Король очень любил сына, осыпал его милостями и, между прочим, подарил ему в 1410 году в Лондоне дом поблизости от вполне исторической харчевни «Кабанья голова». Он старался привлечь юношу к государственным делам, но тот убегал из дворца и беспутничал в «фальстафовской» компании. В 1402 году принцу Генриху было поручено (конечно, фиктивное, под руководством опытных военачальников) командование армией, действовавшей против Глендаура, а в следующем году он отличился в битве при Шрусбери, хотя и не убивал в ней лично Хотспера, так же как не спасал жизнь отцу от меча Дугласа. Генрих IV до самой смерти страдал от дурного поведения сына, и нелады между ними обострялись еще слухами о том, что принц Генрих жаждет смерти отца, чтобы поскорее взойти на престол.

В первоначальной редакции обеих частей пьесы Фальстаф (такова традиционная, сохраняемая нами форма этого имени, которая по-английски произносится — Фолстаф) именовался, как и в «Славных победах Генриха V», сэрлом Джоном Олдкаслем. Это было имя одного рыцаря начала XV века, который принадлежал к секте доллардов (предшественников пуритан) и жестоко пострадал за свои убеждения. Папистская традиция превратила этого весьма достойного человека в плута и труса. Согласно преданию, его потомки, увидев его изображенным таким образом в шекспировской пьесе, заявили протест, и по требованию Елизаветы Шекспир подставил вместо его имени имя другого, также весьма достойного рыцаря, Джона Фастолфа (1378—1439), который уже раньше был изображен большим трусом в первой части «Генриха VI» (III, 2 и III, 4), лишь слегка изменив на этот раз форму имени. Однако следы имени Олдкасла сохранились в пьесе. В первой части, сцена I, 2, принц Генрих называет Фальстафа «my old lad of the castle» (в буквальном переводе: «мой старый паренёк из замка»), что получает смысл только тогда, когда мы соединим вместе второе и последнее слово. В тексте 1-го кварто второй части перед одной из реплик Фальстафа стоит Old, то есть Oldcastle. Но отчетливее всего замена имени засвидетельствована в конце эпилога к части второй. Тем не менее «олдкасловская» традиция продолжала еще жить и после этой замены. В 1600 году была издана анонимная пьеса «Сэр Джон Олдкасл», в прологе которой говорится: «Мы изображаем не бездельника и обжору, а добродетельного человека». Еще в 1618 году Нетеньел Филд вспоминал «толстого рыцаря,

высокого Олдкласа». Несомненно поэтому, что, вопреки печатному тексту, еще долгое время во многих постановках шекспировской пьесы «толстый рыцарь» в силу актерской традиции именовался Олдкласом.

Все спутники Фальстафа — лица вымышленные.

В пьесе, особенно во второй части, встречается немало смысловых имен. Хозяйка трактира носит имя Куикли (Quickly), что значит «быстро», «живо», Тершит (Tearsheed) — «рвущая простыни», Пистоль — «пистолет». Имена двух судей означают: Шеллоу (Shellow) — «пустой», Сайленс (Silence) — «молчок». Имена двух полицейских: Фенг (Fang) — «коготь», Снер (Snare) — «силок». Имена рекрутов, сплошь смысловые, поскольку с ними связаны многочисленные казачьи лабурсы, мы в тексте даем в переводе.

Часть первая

Стр. 5. Арчибальд, граф Дуглас. — Между английским родом Перси и шотландским родом Дугласов была давняя вражда.

Истчип — название улицы в Лондоне, где находились таверны, харчевни и лавки мясников.

Стр. 11. ...нами управляет, как и морем, благородная и целомудренная владычица Луна... — Луна — «владычица вод», потому что она управляет морскими приливами и отливами. Она также покровительница разбойников, так как они совершают свои нападения и грабежи ночью.

Гибла — город в Сицилии, славившийся своим медом.

...разве не сладко тебе будет прогуляться за решеткой в куртке из буйволовой кожи? — Куртки из буйволовой кожи носили тюремщики.

Стр. 13. ...как ноющая линкольнширская волынка. — Многие бродячие волынки были родом из Линкольншира.

...если я сравню тебя с зайцем или с мрачным Мурским рвом? — Заяц (по причине своей «трусости») считался «меланхолическим» животным. Мурский ров, отделявший Лондон с северной стороны от пригорода, был полон грязной воды и примыкал к болотам, а потому производил мрачное впечатление.

«Премудрость вопиет на стогах, и никто не внемлет ей». — Изречение из библейских «Притч» Соломона. Стогна — городская площадь или широкая улица.

Стр. 14. Нед — уменьшительная форма от имени Эдуард.

...всем быть у Гедсхила. — Здесь Гедсхил — название местности, с которым случайно совпало имя Гедсхила — персонажа, появляющегося в пьесе дальше.

Кентербери — город со знаменитым монастырем, куда массами направлялись богомольцы.

Стр. 15. Рочестер — город, во времена Шекспира насчитывавший около двух тысяч жителей. Через Рочестер проходила дорога из морского порта Довера в Лондон.

Стр. 21. Болингброк — так звался Генрих IV до своего восшествия на престол.

Стр. 30. ...они повстречаются с молодцами святого Николая. — Святой Николай считался покровителем странствующих школьников, всяких бродяг и, наконец, воров и грабителей.

Стр. 31. Среди нас есть такие троянцы... — троянцами (первоначальное значение — доблестные воины, герои) стали в шутку называть разбойников.

Стр. 33. Ступай повесься на своей королевской подвязке! — Шуточный намек на орден Подвязки, которым, по мнению Фальстафа, принц Генрих должен был обладать.

Стр. 37. Входит Хотспер, читая письмо. — Хотспер читает письмо, полученное от его союзника, графа Денбара Марча.

Стр. 38. Василиски и кулевины — старинные типы пушек.

Стр. 39. *Espérance (франц. — надежда)* — девиз, начертанный на гербе дома Перси.

Стр. 41. ...настоящий коринфянин. — Жители Коринфа (в Древней Греции) были известны распущенностью нравов. Отсюда коринфянин — шуточное обозначение пьяницы и бездельника.

...смогу пьянствовать с любым медником... — Медники считались большими пьяницами (ср. медника Слая в «Укрошении строптивой»).

Пинта — мера жидкостей, немногим более полулитра.

Комната Полумесяца. — Отдельные комнаты или залы в тогдашних гостиницах и тавернах носили особые названия, дававшие им по какой-нибудь детали убранства или орнамента на стенах или потолке. Немного ниже упоминается Гранатовая комната.

Стр. 43. ...кусоч сахара, что ты мне дал, стоит пени... — В те времена многие любили подслащивать вино сахаром. Для этой цели трактирные слуги всегда имели при себе пакетики с сахаром.

Стр. 44. ...в кожаной куртке со стеклянными пуговицами, гладко обстриженного, с агатовым перстнем на пальце, в серых чулках с подвязками из шерстяных лент... — Довольно типичный костюм зажиточного горожанина того времени. Принц Генрих имеет в виду хозяина гостиницы.

В Берберии, сэр, это так скоро не делается. — Берберия — область на северном побережье Африки. Принц Генрих говорит слова, лишённые всякого смысла, только чтобы задержать Франсиса.

Стр. 45. «Rivo!» — Смысл и происхождение этого восклицания, часто раздававшегося в лондонских трактирах того времени, неясны.

Стр. 46. В херес опять подмешана известь. — Трактирщики добавляли в плохое вино известь, чтобы отбить его кислый вкус. Хотел бы я быть ткачом — распевал бы себе псалмы и тому подобное. — Многие ткачи того времени были пуританами, которые постоянно распевали псалмы.

Стр. 53. Ты мог действовать огнем и мечом... — Огнем принц называет огненно-красный нос Бардольфа.

Стр. 54. Амамон — имя беса, будто бы побежденного Глендауром. Синие шапки — прозвище шотландцев.

Стр. 55. ...со страстью, на манер царя Камбиза. — Здесь и дальше — сатирические намеки на чрезвычайно насыщенную трагедию «Камбиз», написанную актером Престоном около 1570 года. Две стихотворные цитаты, которые немного ниже произносит Фальстаф, взяты из этой трагедии.

Стр. 58. Меннингтрийский бык. — Город Меннингтри славился крупным рогатым скотом.

Порок, Безбожие, Тщеславие — аллегорические фигуры, выводившиеся в средневековых правоучительных пьесах («моралите»).

...тощие фараоновы коровы — намек на библейский рассказ о том, как однажды египетский фараон увидел во сне семь тучных и семь тощих коров, причем последние пожрали первых. Этот сон предвещал Египту семь урожайных, а затем семь неурожайных лет.

Стр. 61. Собор святого Павла — лондонский собор, нередко служивший местом встреч для заключения торговых и иных сделок.

Галлон — мера жидких тел, около четырех литров.

Стр. 62. Бангор — город в северном Уэльсе.

Ланкастер — здесь — король Генрих IV.

Стр. 65. Шрусбери — главный город графства Шропшир (западная Англия, на границе с Уэльсом).

Стр. 68. Мерлин — легендарный уэльский поэт и мудрец, живший, по преданию, в VI в. н. э., во времена сказочного короля Артура. На его «предсказаниях», сфабрикованных в значительно более позднюю эпоху, уэльсцы долгое время основывали свои надежды в борьбе за независимость против англичан.

Гриф — сказочное чудовище, имевшее будто бы туловище льва, а голову и крылья орла.

Стр. 70. ...прилечь на этом мягком тростнике... — В Англии того времени, даже во дворцах, полы вместо ковров устилались тростниками.

...а музыканты, что играть нам станут, за сотни миль от нас в пространстве реют... — Глендаур говорит о духах, улаждающих слух людей своей волшебной музыкой.

Стр. 71. Финсбери — место гулянья на окраине Лондона.

Стр. 78. ...я вспоминаю об адеском пламени о богаче, который при жизни всегда одевался в пурпур... — Намек на евангельский рассказ о богаче, который при жизни роскошествовал, а после смерти попал в ад.

Саламандра — сказочное животное, будто бы живущее в огне.

Стр. 81. Девка Марианна. — На народных праздниках нередко разыгрывались сценки на сюжет сказаний о благородном разбойнике Робине Гуде и его возлюбленной Марианне.

Стр. 89. Огнеокая дева — Беллона, в римской мифологии — богиня войны, сестра Марса.

Стр. 90. День судный. — По христианским верованиям, день, когда наступит конец мира, и мертвые, восстав из могил, явятся на суд перед богом.

Ангел — старинная английская золотая монета стоимостью в 10 шиллингов.

Стр. 91. Лазарь — прокаженный нищий, который упоминается в евангелии.

...младшие сыновья младших братьев. — Существовал обычай (отчасти сохранившийся в буржуазных странах до наших дней и нередко закреплявшийся законом), по которому имущество, особенно недвижимое, переходило от отца к старшему сыну. Поэтому «младшие сыновья младших братьев» оказывались вдвойне обездоленными.

...блудных сыновей, которые еще недавно пасли свиней и питались помоями и отбросами. — Блудный сын — юноша, о котором рассказывается в евангелии; растратив в дурной компании полученное наследство, он дошел до такой нищеты, что был вынужден питаться помоями, которые давали свиньям.

Стр. 95. Лен — земельное владение, дарованное королем и переходившее после этого из поколения в поколение по наследству.

Стр. 97. ...пакет с печатью... маршалу доставьте... — Имеется в виду лорд Маубрей, выведенный во второй части «Генриха IV».

Стр. 109. Султан Григорий. — Фальстаф в шутку дает турецкому султану христианское имя. Здесь это намек на папу Григория VII, являвшегося для англичан ненавистной фигурой.

Стр. 119. Действующие лица. Шеллоу, Сайлеспс, деревенские судьи. — В Англии того времени такие судьи, избиравшиеся из числа местных помещиков, были довольно значительными административными лицами, в обязанности которых входило наблюдение за общественным спокойствием и за исполнением королевских приказов.

Стр. 121. Уоркуорт — город и замок того же имени, находящиеся в графстве Нортемберленд.

Молва — образ из моралиге (в средневековом аллегорическом театре), нередко выводившийся на сцену во времена Шекспира.

Стр. 125. ...и шпора Перси юного остыла. — Намек на прозвище Перси — Хотспер (Горячая Шпора).

Стр. 129. И этот пастырь узами двойными теперь связал приверженцев своих. — Мортон говорит о двойной власти архиепископа Йоркского: духовной и светской.

Стр. 130. Он кровью Ричарда кропит повстанцев, скобленную с помфретских камней... — Помфрет — замок, где был заточен и убит Ричард II.

Стр. 131. Ах ты, поганый корешок мандрагоры! — Существовало мнение, что корень мандрагоры (растение, встречающееся в Греции и на Гималайских горах) имеет сходство с фигурой человека.

...человечек ростом с агат на перстне. — На агатах, вставлявшихся в перстни, нередко вырезывались человеческие фигурки.

Ахитофель — имя одного из бесов.

...у него на лбу — рог изобилия. — Рогом изобилия Фальстаф называет в шутку «рога» обманутого мужа.

Смитфилд — центральный скотный двор в Лондоне; недобросовестность смитфилдских барышников вошла в пословицу. Фальстаф намекает на пословицу: «Не выбирай жену в Уэстминстере, слугу в соборе святого Павла и лошадь в Смитфилде, не то получишь шлюху, мошенника и клячу».

Стр. 134. Гален — знаменитый греческий врач II в. н. э., труды которого очень ценились в эпоху Возрождения.

Стр. 136. ...дурной ангел легковесен... — Игра слов: «злой ангел», по суеверным христианским представлениям, всегда следящий за человеком и толкающий его на все дурное, и «дурной ангел» — монета дурной чеканки, то есть неполновесная.

Стр. 137. ...пусть мне никогда больше не плеватьсь белой слюной! — Считалось, что у пьяниц слюна отличается особенной белизной.

Стр. 138. Грот — старинная монета стоимостью в четыре пенса.

Стр. 148. Немецкая охота — так называлась охота на кабанов.

Стр. 151. ...все твои голландские запасы — запасы голландского полотна, из которого изготовлялось белье.

Стр. 153. Он... окликнул меня, милорд, через красную оконную решетку. — Отличительным признаком таверн были красные решетки на окнах.

Стр. 154. ...поэтому я и называю его сном Алфеи. — Алфей (миф.) — жена этолийского царя Энея. Здесь смешаны два античных предания: об Алфее, которая, разгневавшись на своего сына Мелеагра, бросила в огонь головню, от сохранения которой зависела его жизнь, и о троянской царице Гекубе, которой перед рождением Париса (погубившего Троя) приснилось, что она родила пылающую головню.

Стр. 155. Иафет.—Согласно библии, у Ноя, спасшегося от потопа вместе с семьей, было три сына—Сим, Хам и Иафет, которые стали родоначальниками человечества.

Стр. 156. С эфесцами, милорд, людьми старого за-
кала.—Поскольку жители древнегреческого города Эфеса слыли лю-
бителями всякой роскоши и увеселений, во времена Шекспира эфесцами
в шутку называли гуляк.

Стр. 165. Ирина—героиня утраченной трагедии современника Шек-
спира Пия «Турецкий Магомет и прекрасная гречанка Ирина».

Вот шутка, нечего сказать! и т. д.—пародийно изменен-
ная цитата из трагедии современника Шекспира Марло «Подвиги вели-
кого Тамерлана».

...дерзают с каннибалами равняться...—С канниба-
лами—вместо «с ганнибалами».

...и царь их Цербер...—Цербер был не царем, а псом, охраняв-
шим вход в подземное царство Плутона.

Стр. 166. Ешь и толстей, моя Калиполида—пародийно
измененная цитата из другой трагедии Пия—«Битва при Алькасаре».

Ильмы не любовались с тобою вместе Большой
МедведицеЙ?—то есть не проводили ночи вместе в кутежах.

Знаем мы этих галлоуэйских кляч.—Галлоуэй—об-
ласть на юго-западе Шотландии, где разводятся пони.

Атропос—имя одной из трех Парок.

Стр. 167. ...в десять раз лучше всех девяти героев.—На
маскарадах и в живых картинах того времени нередко изобража-
лась «процессия девяти героев» или «девяти мужей славы», состояв-
шая из следующих фигур: три иудея—Иисус Навин, Давид, Иуда Мак-
кавей; три язычника—Александр Македонский, Гектор, Юлий Цезарь;
три христианина—король Артур, Карл Великий и Готфрид Буль-
онский.

Стр. 168. Мертва голова—одна из вздорных выдумок тогдаш-
ней магии: искусственная человеческая голова, которая должна была
верно отвечать на все вопросы и предсказывать будущее.

Стр. 169. ...ест морских угрей с укропом.—Морские угри с
укропом—любимая закуска тогдашних пьяниц.

Сатурн нынче в соединении с Венерой. Что гово-
рит на этот счет календарь?—Помимо мифологического
смысла (встреча старика Фальстафа с жрицей любви Долль) это выра-
жение содержит астрологический смысл: схождение в небе двух светил
(в данном случае—планет Сатурна и Венеры), как могущее оказать
определенное влияние на судьбы человеческие, отмечалось в тогдаш-
них календарях.

Посмотрите, как этот огненный Тригон... шепчется
со старой счетной книгой своего хозяина...—Тригон
(буквально—треугольник)—старинное название одной из частей Зо-
диака. Огненным Тригоном здесь назван Бардольф за багровый цвет его
лица. Счетная книга Фальстафа—миссис Куикли, которая все время за-
писывает его долги.

Стр. 180. Джон Дойт, Джордж Барнс, Франсис Пикбон,
Уилл Скуил—все эти имена, а также упоминаемые дальше Сток-
фиш, Шуркард, Дебл и Найтуэрк—смысловые: Дойт значит—
грошик, Пикбон—блюдолиз, Скуил—пискун, Стокфиш—вяленая
треска; Шуркард—играющий в карты наварняка (то есть шулер),
Дебл—двуличный, Найтуэрк—ночная работа.

Томас Маубрей—покойный отец выведенного в этой пьесе
лорда Маубрея.

Стр. 181. Псалмопевец — царь Давид, о котором рассказывается в Библии, что он слагал и пел псалмы.

Джон Гант — герцог Ланкастерский, покойный отец Болингброка, ставшего королем Генрихом IV.

Стр. 185. У нас уже немало теней в списках — то есть «мертвых душ» (фигуривно числящихся).

Стр. 186. Целая армия — паразиты, кишачище в лохмотьях.

Стр. 187. Я вызвал на два человека больше, чем вам требовалось... — Небрежность Шекспира или ошибка в счете со стороны Шеллоу. На самом деле только одним больше, так как на сцену перед этим было выведено пять рекрутов, а не шесть.

Стр. 189. Добрейший господин капрал-капитан... — Плесень от волнения смешивает два разных чина.

Стр. 191. Артуровы игры (названные так по имени легендарного короля Британии Артура, при дворе которого жили будто бы особенно доблестные и искусные в военном деле рыцари) — состязания в стрельбе из лука, устраивавшиеся в Майленд-Грине (поляна близ Лондона), причем их участники принимали имена персонажей «артуровских» романов.

Сэр Дагонет — имя шута легендарного короля Артура.

Стр. 192. ...хвастал передо мной... своими подвигами на Торнбульской улице. — На Торнбульской улице в Лондоне находилось множество притонов.

...женщины звали его мандрагорой. — Плоды мандрагоры считались возбуждающим средством.

Тильт-Ярд — поле для турниров в Уэстминстере.

...сказал Джону Ганту, что он отколотил свое собственное прозвище. — Имя Гант (герцогский титул, происходящий от названия города Гента во Фландрии) созвучно английскому слову «gaunt» — тощий, исхудалый.

...и будь я не я, если не сделаю себе из него два философских камня. — Алхимики пытались изготовить два состава, которые они называли двумя видами «философского камня»: один из них должен был обладать способностью обращать все металлы в золото, другой — исцелять от всех болезней.

Стр. 196. ...из-за расправы, постигшей моего родного брата. — Брат архиепископа Йоркского, лорд Скруп, граф Уилтшир, был казнен Генрихом IV (см. первую часть этой трагедии, акт I, сцена 3).

Стр. 197. Граф Херинфорд — титул Болингброка, будущего короля Генриха IV.

Стр. 207. «Пришел, увидел, победил» — слова Юлия Цезаря.

Стр. 216. Двери сна — глаза.

Стр. 217. Надевает корону. — Согласно старинному английскому обычаю, когда король был при смерти, рядом с ним клали его корону, которую после смерти короля тут же надевал на себя его наследник.

Стр. 220. ...другое, низшей пробы, драгоценней, затем что исцеляет от недугов. — В состав некоторых лекарств того времени входило золото, которое было более низкой пробы, чем золото королевской короны.

Стр. 229. Не Амурат — преемник Амурата... — Намек на события, происходившие при турецком дворе незадолго до написания этой пьесы. В 1574 г. султан Амурат, взойдя на престол, умертвил всех своих братьев как возможных соперников. После его смерти, в 1596 году, его сын, также называвшийся Амуратом, сделал, взойдя на престол, то же самое.

Стр. 235. Саминго — искажение имени Сап-оминго, то есть святого Доминика, считавшегося покровителем пьяниц.

Стр. 236. Пуф из Барсона — великан из города Барсона (иначе Барстона); его показывали за деньги на ярмарках.

Стр. 237. Плевать мне на весь свет...— Здесь и дальше в речах Пистоль — пародия на напыщенный стиль некоторых английских трагедий того времени. Фальстаф отвечает в тон Пистолю.

Король Кофетуа — персонаж популярной народной баллады, неоднократно упоминаемый Шекспиром.

Робин Гуд, Джон, Скарлет — персонажи старинных английских баллад.

Геликон — горная цепь в Греции, считавшаяся обиталищем бога искусств Аполлона.

Стр. 238. Гвоздь дверной — большой гвоздь во входной двери, в который ударяли подвешенным около него молотком, что заменяло современнейший звонок.

Пусть коршуны ему терзают печень! — Намек на миф о Прометее, которого Зевс (Юпитер) приковал к скале, велел коршуну каждую ночь выклевывать ему печень, за день вырвавшую снова.

Стр. 239. ...тогда у тебя будет опять дюжина подушек; а сейчас их у тебя только одиннадцать. — Полицейский хочет сказать, что хозяйка дала одну из своих подушек Долль, которая привязала ее к животу, симулируя беременность. Смысл этой хитрости в том, что беременным женщин избавляли от суровых наказаний.

Ах ты, сила павозная муха! — Полицейские носили синие куртки.

Неужто правда одолеет силу? — Одна из обмолвок хозяйки, которая хочет сказать: «неужто сила одолеет правду?»

Стр. 242. Алекто — имя одной из фурий; согласно преданию, голова ее была увита змеями.

Стр. 244. Идем, лейтенант Пистоль. — Пистоль — лишь прапорщик, но Фальстаф, рассчитывая на свое влияние при дворе, мысленно производит его уже в лейтенанты.

Флит — название тюрьмы в Лондоне.

Стр. 247. ...развеселит вас, показав прекрасную Екатерину Французскую. — В пьесе Шекспира «Генрих V», написанной через год или два после окончания «Генриха IV», изображаются победы Генриха V во Франции, а затем его брак с французской принцессой Екатериной.

...как известно Олдкасл умер смертью мученика, но это совсем другое лицо. — См. послесловие к «Виндзорским насмешницам».

«ВИНДЗОРСКИЕ НАСМЕШНИЦЫ» И ОБРАЗ ФАЛЬСТАФА У ШЕКСПИРА

I

Комедия «Виндзорские насмешницы» при жизни Шекспира была издана один раз — в 1602 году — под весьма сложным названием: «Чрезвычайно занятая и весьма остроумная комедия о сэре Джоне Фальстафе и виндзорских насмешниках. Содержащая разные забавные выходы уэльского рыцаря сэра Хью, судьи Шеллоу и его премудрого пле-

мянника мистера Слендера. С пустым хвастовством прапорщика Пистоля и капрала Нима. Сочинение Уильяма Шекспира. Как она не раз исполнялась слугами достопочтенного лорда-камергера и в присутствии ее величества, и в других местах». Это кварто, переполненное грубейшими искажениями и пропусками (сцены III, 4 и III, 5 переставлены, сцены V, 1—4 совсем выпущены и т. п.) было выполнено, несомненно, без всякого участия Шекспира, скорее всего на основе «воровски» сделанной стенографической записи спектакля, вдобавок еще плохо напечатанной. Второе отдельное издание комедии (кварто) вышло после смерти Шекспира, в 1609 году, и представляет собой перепечатку первого кварто, с воспроизведением всех его ошибок. Лишь фоллио 1623 года дает удовлетворительный текст пьесы.

Ясно, что комедия возникла в период между появлением «Генриха IV» (1597), где Шекспир впервые вывел на сцену Фальстафа, и январем 1602 года, когда в книгопродавческих списках была сделана заявка на издание первого кварто. Долгое время исследователи были склонны приписывать пьесу, насколько возможно, к этому позднему пределу, датируя ее 1600 или 1601 годом ввиду отсутствия сведений о более ранних постановках. Получалось, таким образом, что два сценических облика Фальстафа, появившиеся из-под пера Шекспира, отделены дистанцией в три-четыре года.

Такая датировка хорошо согласовывалась и с показанием Мереса, который в свой список пьес Шекспира, составленный в 1598 году (см. т. 1, стр. 32—33), данную комедию не включил. С этой поздней датировкой связывалось и предание, относящееся к началу XVIII века. В 1702 году некий Джон Деннис, издавший свою переработку шекспировской комедии под заглавием «Комический любовник, или Любовные затеи сэра Джона Фальстафа», оправдывал в предисловии свое право на переделку пьесы Шекспира ее «грубостью», а также другими причинами. «Я хорошо знал,— писал он,— что комедия Шекспира снискала одобрение одной из величайших королев, когда-либо живших на свете, королевы, которая была велика не только своей мудростью в управлении государством, но и познаниями в науках и тонким вкусом в драматическом искусстве. Что она обладала таким вкусом, в этом мы можем быть уверены, так как она ведь особенно любила писателей древности. Так вот, эта комедия была написана по ее повелению и указанию, и она с таким нетерпением ожидала увидеть ее на сцене, что велела, чтобы комедия была готова в две недели. И предание гласит, что королева потом, при представлении, осталась очень довольна ею». То же предание сообщает в 1709 году и первый биограф Шекспира Н. Рау, уточняющий: «Королева Елизавета так восхищалась достойным удивления характером Фальстафа, что велела вывести его еще в другой пьесе, изобразив его в ней влюбленным». Спешностью выполнения комедии объясняется, по мнению многих критиков, то, что она почти целиком написана прозой, а поздним ее возникновением — глубокое изменение в ней образа Фальстафа, который в творческой фантазии Шекспира, успевшего к этому времени им пресытиться и охладеть к нему, утратил прежнюю свою масштабность и глубину и в соответствии с новым заданием, полученным от королевы, превратился в заурядный водевильный персонаж.

Однако в недавнее время был найден документ, свидетельствующий о том, что комедия Шекспира исполнялась (видимо, в первый раз) в день св. Георгия, 27 апреля 1597 года, на празднике в честь ордена Подвязки в Гринвиче. Эта новая датировка, по существу, ничего не меняет. Напротив, она лишь подтверждает предание о «заказе», данном Елизаветой еще под свежим впечатлением постановки «Генриха IV».

А с другой стороны, это сведение проливает свет на возникновение пьесы, объясняя появление в ней ряда эпизодов чужеродных и никак не связанных с ее основной фабулой, например выбор места действия (Елизавета часто любила проводить время в Виндзоре), восхваление виндзорского замка и ордена Подвязки (V, 5), капитул которого соби-рался в Виндзоре, а также неожиданное и непонятное упоминание ка-кого-то проезжего немецкого герцога, связанное с загадочным эпизодом кражи лошадей на постоялом дворе (IV, 3 и IV, 5). Дело в том, что в 1597 году в Англию приезжал некий немецкий герцог, который посетил Елизавету в Виндзоре, хлопотал о награждении его орденом Подвязки (орден, который давался лишь особам королевского рода или лицам особенно заслуженным), но ничего не добился и стремительно уехал, надевав много шуму.

Весьма вероятно, что в связи с этим молниеносным приездом и отъ-ездом герцога возникли какие-то местные анекдоты, отразившиеся в на-званных сценах, хорошо известные той публике, для которой была по-ставлена пьеса. Как мы видим, «заказ» был дан не одной Елизаветой, а всем ее придворным кругом, любившим и поощрявшим зрелища легкие, развлекательные и полные намеков на обстоятельства жизни высшего общества.

И до и после этого Шекспиру случалось писать подобного рода пьесы. Так, «Сон в летнюю ночь», «Как вам это понравится», «Зимняя сказка», «Буря» полны черт пасторали и комедии масок, столь излюблен-ных придворным зрителем. Но в данном случае Шекспир пошел другим путем: он сделал своим средством не фантатику и декоративность, а веселое бытовое обозрение — жанр, по сути дела, буржуазный, но также имевший хождение и в аристократической аудитории. Фигуры забавных меццан с их гротескными манерами, комичным выговором (особенно, ко-нечно, иностранных слов), нелепыми похождениями — развлекали, сме-шили, увеселяли утонченного зрителя, искавшего в театре не назидания, или обличения, или углубленной трактовки больших моральных и со-циальных проблем, а лишь беспечного и добродушного веселья, приятной смены забавных и живописных ситуаций, — и все это завершается при-мирительным финалом.

Наша пьеса имеет немало общего (вплоть до интимно-бытовых дета-лей, а также шуточно-декоративного появления фей) хотя бы с довольно известным образцом этого жанра — «Игрой в беседке» аррасского трувера XIII века Адама де-Ла-Галля, который был также автором придворной пасторальной «Игры о Робене и Марион». Пьесы такого типа не пере-водились в течение XIV—XVI веков как во Франции, так и в Англии, осо-бенно в конце этого периода, при дворе английских королей, и к их тра-диции и восходят «Виндзорские насмешницы». Но, как обычно бывало с Шекспиром, он в данном случае, используя готовую литературную (или театральную) схему, вложил в нее глубокое реалистическое содер-жание.

Прежде всего характерна изображаемая им на сцене общественная среда. Пейджи и Форды со всем их окружением — это в основном не старое родовое дворянство, но и не быстро крепнущее в ту пору ис-ковно городское сословие, а нечто среднее между тем и другим — джентри, то есть мелкое дворянство, усваивавшее все навыки бога-теющей буржуазии и пополнявшееся из ее рядов¹. Обе центральные па-ры — Пейджи и Форды — ведут сытое и солидное существование, чуждое смелых мыслей и высоких чувств. Перед нами проходят или упоми-наются охота, стирка белья, пивоварня, радужные приемы соседей,

¹ См. подробнее во вступит. статье — т. 1, стр. 11.

беседы с пастором, близким к домам обеих семей. Жены — мастерицы на веселые выдумки, что не мешает им соблюдать верность своим мужьям.

Все их окружение, за исключением лишь единственного положительного «героя» пьесы, изящного дворянина Фентона (по уверению Пейджа в III, 2, состоявшего раньше в дружбе с принцем и Пойнсом из «Генриха IV») и, понятное дело, самого Фальстафа, этого проторевого придворного рыцаря, — богатейшая коллекция комических типов и штрихов, которые, как на выставке, проходят перед зрителем. И, что особенно характерно, ситуации, в которых они предстают перед нами, совсем не являются обязательным условием или решающим поводом для обнаружения их комизма, но служат всякий раз лишь внешней опорой, одним из множества возможных поводов для этого. Именно в этих типах, а не в образе Фальстафа или в его приключениях, заключено основное комическое содержание пьесы.

Хорошо известно замечание Энгельса, что «в одном только первом акте» этой пьесы «больше жизни и движения, чем во всей немецкой литературе»¹. Вполне возможно, что Энгельс не отказался бы распространить свою оценку и на всю комедию в целом, но все же он считал подходящим назвать один первый акт, где Фальстаф почти совсем не выступает и где об интриге его с обеими виндзорскими дамами нет и речи, но зато богато представлена среда и составляющие ее персонажи.

Мы видим перед собой как живых глупого и ничтожного, втянувшегося дворянскими и служебными титулами провинциального судью Шеллоу; его хилого и совсем уж слабоумного племянника Слендера — второй, еще ухудшенный «экземпляр» сэра Эндрю Эггючика из «Двенадцатой ночи»; смешного педанта и резонера пастора Хью Эванса; забавную картину экзамена маленького Пейджа, дающую неплохое представление о схоластическом способе обучения того времени; задорного чудака доктора Каюса с гротескной сценой его дуэли с Эвансом; обстановку постоянного двора с его грубоватым и оборотливым весельчаком хозяином; расторопную и готовую услужить за деньги кому угодно и чем угодно миссис Куинкли, тоже перекочевавшую в эту комедию из «Генриха IV»; комически зловещую компанию также интересно нюансированных бездельников (Бардольф), наглых головорезов (Пистоль) и мелких плутов, приятелей Фальстафа, тоже перекочевавших с ним оттуда; простака Симпла и т. д. — целая гамма глупости и порождаемого ею смеха. А надо всем этим высятся две мастерски нарисованные супружеские пары — Пейджи и Форды, эти полудворяне-полумещане, по-вые поднимающиеся «господа Англия», самодовольно деловитые, горделиво солидные, сытые и бесконечно ограниченные. Если обе женщины и превосходят остротой ума и способностью к веселым выдумкам своих дубоватых супругов, они все-таки тоже лишь заурядные обывательницы, истинные мешанины, способные находить достоинства в сумасбродном докторе Каюсе, падкие на всякие сплетни и сенсации. Из этой среды несколько выделяются только Анна Пейдж и Фентон, впрочем, лишь бегом обрисованные и представляющие собой лишь условные фигуры, подобно юным «любовникам» итальянской или французской комедии XVI—XVII веков.

В комедии собраны все оттенки и все формы проявления человеческой глупости и нелепости — картина, которой позавидовал бы и Бен Джонсон, изобразитель «юмор», то есть индивидуальных и типических причин и несуразностей человеческого характера («Всяк в своем

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные письма, 1948, стр. 289.

праве», «Вольпоне», «Алхимик» и т. д.). В сравнении со всем этим на второй план в пьесе отступают как сам характер Фальстафа, так и его любовные похождения, не выходящие за пределы фарсового шаблона и ничем не обогащающие характеры их участников. Все это сложное приключение, например, несколько не значительнее психологически, чем любовная интрига Фентона и Анны Пейдж или эпизод дуэли доктора Каюса с Хью Эвансом.

История проказницы жены, дурачащей незадачливого поклонника, а заодно издевающейся и над ревнивым простаком мужем, была распространена в эту эпоху в большом количестве новеллистических обработок, из которых многие, вероятно, были известны Шекспиру и могли послужить ему источником. В частности, к излагаемой им версии очень близки две итальянские новеллы — Страпаролы (в его сборнике «Тринадцать весело проведенных ночей», 1550—1553) и Джованни Фьорентино (в том же самом сборнике его «Овечья голова», 1378, откуда Шекспиром заимствован сюжет и «Венецианского купца»). В первой из них три дамы, которым некий студент объясняется одновременно в любви, узнают об этом друг от друга и решают проучить наглеца, назначая ему свидания, а затем пугая его неожиданным возвращением мужа и подвергая всяким унижениям. Во второй студент хвастается перед старым учителем своими успехами у некой юной красавицы, которая оказывается женой этого самого учителя, и тот пытается поймать виновного, но безуспешно, ибо жена всякий раз ловко прячет любовника, притом один раз — в куче грязного белья.

Есть и другие рассказы (а также и пьесы, в том числе одна немецкая), содержащие детали, которые мы находим в комедии Шекспира. Трудность установления его прямого и основного источника увеличивается оттого, что многие мотивы (муж, невольно помогающий любовнику или по крайней мере не умясующий его поймать; спасительная корзина с грязным бельем; желание любовника «перестраховать» себя, приводящее к полному его провалу, и т. п.) могли возникнуть параллельно в нескольких рассказах без каких-либо влияний и заимствований, а единственно лишь в силу естественной логики комического воздействия или же сходства бытовой обстановки, подсказывающей соответствующий новеллистический мотив.

Второе же, что необходимо заметить, это глубокое несходство моральной обстановки действия в шекспировской пьесе и в тех повеллах, которые обычно приводятся в качестве ее «источников». Что общего между опустившимся старым распутником Фальстафом и проказливым студентом итальянского новелиста? И как непохожи грубо несдержанный мистер Брук на старого обманутого ученого! Совсем несходны также в шекспировской и в нешекспировских версиях побуждения, смысл и стиль поведения всех участников мнимо-адультерного фарса. Он, конечно, сделан со всем обычным у Шекспира мастерством. Но искать в нем глубокую мысль и тонкое искусство автора «Двенадцатой ночи» или хотя бы «Укрощения строптивой» — не приходится.

И тем не менее Фальстаф остается и ведущим образом и композиционным центром всей комедии. Но своим местом в этой пьесе, тем ореолом, в каком он сразу же здесь появляется, он обязан главным образом своей предысторией. При первом же выходе его на сцену тогдашние зрители прежде всего думали о незадолго перед тем ими виденном и стоявшем у них в глазах Фальстафе из «Генриха IV». К этому последнему мы и должны на время вернуться, чтобы понять значение нового появления в этой комедии «жирного рыцаря» и смысл последней метаморфозы, которой он в ней подвергся. Ибо метаморфоз у него было несколько.

Фальстаф начал жить раньше, чем приобрел свое театральное имя и вышел с ним на подмостки. У него было несколько предков: один исторический и целый ряд литературных.

Исторический предок его, сэр Джон Олдкасл, лорд Кобем, состоял при дворе Генриха IV и был другом принца Уэльского (ставшего в 1613 году королем Генрихом V). Несмотря на свое знатное происхождение, он примкнул к секте лоллардов, этих предшественников пуритан. По преданию, он сам переписывал и распространял экземпляры библии на английском языке, запрещенные католической церковью. Олдкасл отрицал главенство папы и обличал злоупотребления католического духовенства, за что собор епископов в 1415 году осудил его на смерть. Несмотря на уговоры молодого короля отречься от «ереси», Олдкасл не сделал этого и был заключен в Тауэр, откуда вскоре ему удалось с чьей-то помощью (быть может, самого короля) бежать. Два года он скрывался в Уэльсе, но в 1417 году, когда король воевал во Франции, был схвачен, вторично судим и сожжен на костре.

Однако, воспользовавшись именем Олдкасла, Шекспир в корне изменил его характер, превратив благороднейшего человека и мученика в старого шута и бездельника. Чем он при этом руководствовался, мы сейчас бессильны установить. Нам известно только, что после первых же постановок пьесы под влиянием протестов со стороны потомков Кобема, занимавших видное положение при дворе, Шекспир изменил имя своего героя, переименовав его в Фальстафа. При этом Шекспир совершил другую несправедливость, используя с небольшим изменением фамилию другого вполне приличного человека, лишь один раз в жизни проявившего недостаток мужества. Баронет Джон Фастолф (1377—1428), современник Генриха V, сражался вместе с ним при Азинкуре, но впоследствии был лишен воинских чинов за бегство с поля битвы при Патэ — эпизод, изображенный Шекспиром в сценах III, 2 и IV, 1 первой части «Генриха V».

Следы старого имени, однако, сохранились в дошедшей до нас редакции «Генриха IV». В одном месте пьесы Фальстаф назван «the old lad of the castle» — старым молодцом из Касла (замка): если в этом выражении соединить первое слово с последним, получится — Олдкасл. Еще яснее говорит об этом одно место эпизода второй части пьесы, где, говоря о Фальстафе, поясняется: «Кстати сказать, он и Олдкасл — совсем разные лица, и Олдкасл умер мучеником».

Но, как бы ни назывался старый плут и весельчак, Шекспир раскрасил его образ чертами, почерпнутыми из богатой комедийной традиции как средневековой Англии, так и античности. Главными литературными предшественниками Фальстафа в этом смысле являются: с одной стороны, жирный и разгульный Порок (Vice), аллегорический персонаж средневекового моралите, одновременно смешадный и возмущающий зрителя своим забавным и уродливым бесстыдством, своими уморительными и гнусными выходками; а с другой стороны, тип «хвастливого воина» древнеримской комедии, забияки и труса, глупца и нахала, который при первом же серьезном испытании с позором проваливается, — тип, который привился и в английской дошекспировской комедии¹.

Однако из обоих этих источников Фальстаф перенял лишь некоторые внешние черты: свою непомерную толщину, паразитический образ

¹ См. о комедии Юделла «Ральф Ройстер Дойстер» в нашей вступительной статье, т. 1, стр. 17—18.

жизни, склонность к пьянству и озорству, трусость, плутоватость и лживость; но черты эти в его облике органически слиты вместе, восполнены и реалистически углублены тем, что под них подведена крепкая социальная база, что весь образ приобрел жизнь и оказался осмыслен в плане совершавшегося в эту эпоху социально-исторического и культурного процесса.

Фальстаф в «Генрихе IV» — не просто условный и абстрактный театральный тип веселого забавника, вроде Ланса в «Двух веронцах» или некоторых других шутовских персонажей в ранних комедиях Шекспира; это образ, выражающий важнейший момент в истории общества и в развитии сознания той эпохи. Фальстаф — разорившийся и деклассированный рыцарь эпохи первоначального капиталистического накопления, когда знатность рода и звучное имя утрачивали свое значение, ис будучи подкреплены неотчуждаемыми земельными владениями или звонким металлом, когда смелый купец и ловкий промышленник отступали на задний план обедневшего рыцаря, не желавшего идти в ногу с веком и упорствовавшего в желании по-прежнему вести паразитарное существование. Такова первая великая метаморфоза (а их будет еще несколько), которой подвергся в «Генрихе IV» Фальстаф в творческом воображении Шекспира.

Младший сын младшего сына видного феодала и тем самым лишенный земельных владений и прочих благ, он не сумел занять выгодного положения в обществе или пойти в ногу с веком, занявшись какой-нибудь прибыльной деятельностью, но был вынужден смолodu служить и прислуживаться у знатных лиц (см. часть вторая, III, 2). Военная служба его не обогатила по причине его лености и трусости. Сейчас, когда ему перевалило за шестьдесят, он состоит на положении не то компаньона, не то шута при наследном принце, кормясь на его счет и не брезгуя при этом подработать путем ограбления проезжих путешественников (часть первая, II, 1—2) или займов у влюбленной в него и мечтающей стать путем брака с ним «знатной барыней» хозяйки постоялого двора.

При всем том, лишенный подлинной «рыцарственности», он не отказался от аристократических замашек. Он сыплет направо и налево рыцарскими клятвами, умеет разговаривать с первыми лицами государства (Джон, принц Лапкастерский, лорд верховный судья), умеет занимать деньги и негодует на портного, отказывающегося сшить ему костюм в кредит (часть вторая, I, 2). Критиками было отмечено, что Фальстаф, особенно в первой части хроники, не лишен хороших манер, образованности, художественного вкуса. Но самая выразительная примета аристократического происхождения Фальстафа — это окружающая его шайка бездельников (Бардольф, Пистоль и т. д.), не состоящих у него на жалованье, но служащих на вассальных началах — за корм и долю в случайной добыче, подобно феодальным дружинам средневековых баронов. Хотя перечень пороков Фальстафа мог бы быть продлен до бесконечности, в большинстве своем это черты типично дворянские.

Можно было бы составить весьма внушительный список пороков Фальстафа. И тем не менее, несмотря на явное намерение Шекспира сделать образ Фальстафа в моральном отношении отталкивающим, в нем есть стороны, которые действуют на современного зрителя (как действовали они и на тогдашнего зрителя) чрезвычайно привлекательным образом. Фальстаф нас радует, веселит, удовлетворяет наши очень глубокие душевные запросы. Причины этого в том, что Фальстаф хроника воплощает в себе некоторые прекраснейшие черты Возрождения, составляющие крупнейшее достижение той эпохи и придавшие совершенно новое направление мировой истории.

Первым таким свойством Фальстафа является его ум, для которого характерна не столько глубина, сколько свобода от всех средневековых догм, от всех предрассудков. Сама деклассированность его, пезантересованность в поддержании каких-либо сословных идеалов и норм сообщают ему эту свободу. Он не верит в те рыцарские понятия и нормы, которыми ловко оперирует, и глумится над ними. В первой же сцене, в которой он появляется, он претендует для себя и для своих сотоварищей на звание «лесничих Дианы, рыцарей мрака, фаворитов Луны» (часть первая, I, 2). Особенно замечательно его рассуждение о рыцарской чести, целиком направленное против старых феодально-рыцарских идеалов Генри Хотспера и ему подобных: «А что если честь меня обескрылит, когда я пойду в бой? Что тогда? Может честь приставить мне ногу? Нет. Иль руку? Нет. Или унять боль от раны? Нет... Что же такое честь? Слово. Что же заключено в этом слове? Воздух. Хорош барыш! Кто обладает честью? Тот, кто умер в среду. А он чувствует ее? Нет. Слышит ее? Нет. Значит, честь неошутима? Для мертвого — неошутима. Но, может быть, она будет жить среди живых? Нет. Почему? Злословие не допустит этого. Вот почему честь мне не нужна. Она не более как щит с гербом, который несут за гробом. Вот и весь сказ» (часть первая, V, I).

Но главным образом свобода фальстафовского ума проявляется в его способности возвыситься над собственным положением. Он говорит: «Я не только сам остроумен, но и пробуждаю остроумие в других» (часть вторая, I, 2). Несомненно, что выходки Фальстафа служат ему средством снискать благоволение принца, при котором он состоит чем-то вроде платного шута. Но еще важнее выгоды, доставляемой ему этим, сам процесс шутки или проделки, от которой он испытывает как бы артистическую радость, чистую и в сущности своей бескорыстную. Этим Фальстаф возвышается над самим собой и бесконечно превосходит свои названные выше литературные прототипы — как хвастливого воина, стремящегося наглостью чего-то достигнуть, так и старый Порок, погрязший в своей низости и в своих вожделениях.

Будучи стар и с виду тяжеловесен, Фальстаф отличается необыкновенной легкостью чувств, мыслей и всех движений. С конем он справляется, видимо, довольно лихо, да и жалобы его на непомерную трудность пешего передвижения (II, 4) выглядят не признаниями старого оживевшего человека, а скорее веселым комедиантством. Вообще же он перемещается, удирает, вновь появляется с удивительной подвижностью; но еще подвижнее его мысль, мгновенно приспособляющаяся ко всевозможным обстоятельствам, гибкая, живая, изобретательная. Можно сказать, что Фальстаф обладает вечной молодостью, что уже всегда бывает привлекательно, особенно на сцене, и его разговоры об одолеваящих его болезнях (напр., часть первая, I, 2) — это не горестные его признания, а прием, чтобы приbedниться, сделаться интереснее, вызвать к себе сочувствие, подобно тому как в других случаях он кокетничает, выражая намерение покаяться и утверждая, что не он развращает принца, а наоборот, именно принц оказывает на него, честного старого человека, дурное влияние (часть первая, I, 2).

Другая черта Фальстафа, связанная с его свободомыслием и также имеющая корни в духе всего Возрождения, — это его переливающая через край жизнерадостность, его эпикуреизм, чувственное, плотское восприятие жизни. Всем своим существом он выражает протест против аскетизма, вызов ему. Любовь жирного рыцаря к хересу и каплунам, приверженность к чувственным наслаждениям полны такой наивной непосредственности, такой душевной ясности, что почти не вызывают у нас осуждения. Реабилитация плоти тесно связана у Фальстафа с

освобождением ума, как органически связаны у него и оба его облика — физический и душевный. Есть нечто общее между жизнерадостным и красочным мироощущением Фальстафа и философией великого современника Шекспира, основателя материализма Бэкона, у которого, по выражению Маркса и Энгельса, «материя улыбается своим поэтически-чувственным блеском всему человеку»¹. Это тот разгул красок и расцвет плоти, какой мы встречаем у Рабле и какой мы наблюдаем на картинах развивающейся около этого времени фламандской школы. Не случайно Фальстаф одним из персонажей (правда, уже в «Виндзорских насмешницах») назван «фламандским пьянчугой».

С жизнелюбием и свободомыслием Фальстафа связана еще третья, менее существенная, но тоже характерная его черта, также типичная для эпохи. Фальстаф воспринимает жизнь не односторонне и статически, но в ее постоянном движении, изменчивости, переливчатости красок. Эта непрерывная трансформация, эта гибкая и мгновенная реакция на меняющуюся обстановку, типичная для Фальстафа, находит свое наиболее ясное выражение в принципе игры, маскировки, ряженья, которые он при всяком случае пускает в ход. Все, что он делает и говорит, он не столько выполняет целеустремленно, сколько разыгрывает на потеху себе и другим (нападение на путешественников, пикировка с принцем, буффонады на войне). Им владеет страсть к игре, перевоплощению как выражение жизненных сил и фантазии, типичное для эпохи Возрождения. Он привирает большей частью бескорыстно, как виртуоз лжи, любящий вранье как веселую забаву, и ломается, как площадной актер, в ожидании хохота и аплодисментов.

Два самых блестящих игровых перевоплощения Фальстафа, следующих непосредственно одно за другим,— это гениальный по фантастичности рассказ о битве на проезжей дороге, а затем, без перехода, придуманная Фальстафом, чтобы заманить его смущенные, инсценировка, в которой он изображает короля, жуящего принца за дружбу... («с этим старым развратником Фальстафом»... Но, вообще говоря, во всем, что делает или заявляет Фальстаф, чувствуется поза, рисовка, особенная манера.

Те же самые свойства мы находим у другого блестящего представителя духа Ренессанса, такого же деклассированного и бесшабашного искателя приключений и такого же дерзкого вольнодумца (кстати сказать, такого же любимца наследного принца,—но это уж просто «счастливое совпадение»), что и Фальстаф, у Панурга из романа Рабле. У обоих—те же бесконечные проделки и вольный ум. Но оба эти почти что современники, будучи продуктом одной эпохи (Панург на полвека опередил Фальстафа, но ведь и Возрождение оформилось во Франции раньше!), многим весьма существенно друг на друга непохожи. Панург сух, костляв, колюч, и ум у него злой и мстительный, ибо он выразитель французского плебейства, теперь жестоко, поотмашь мстящего за долгие века угнетения разряженным и пустоголовым сеньорам. Тучный и хохочущий Фальстаф, наоборот, порождение «старой веселой Англии», где иллюзия контакта между разными прослойками прикрывала остроту классовой борьбы. Вот почему Фальстаф, если он и совершает жестокости и бесчинства (грабеж на больших дорогах, методы набора рекрутов), не до конца отдавая себе отчет в творимом им зле и субъективно пезлобив и добродушен.

Однако это бескорыстие и безобидность Фальстафа объективно не имеют никакой цены, ибо он обладает способностью искажать самые прекрасные человеческие качества. Фальстаф — ограниченный и непол-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 2, 1955, стр. 143.

ноценный вариант человека Возрождения, критицизм которого принимает у него форму нигилизма, индивидуализм — беззакония, апология плоти — гипертрофия ее, свобода — разлузданности. Эпикуреизм Фальстафа насквозь антисоциален, и «гуманизм» его оказывается антигуманистичным. Вот почему мы вполне солидарны с молодым королем, отдаляющим от себя в финале второй части старого шута — притом отдаляющим в достаточно мягкой и милостивой форме, что не всегда бывает отмечено сердобольными критиками, упрекающими за это принца в сухом морализме, бездушии и неблагодарности.

И вот, незаметно для зрителя и, может быть, даже для самого автора, по мере развития пьесы внешний блеск Фальстафа тускнеет, и все более проступает наружу истинная его сущность. Уже к концу первой части, где сосредоточены все наиболее увлекательные сцены с Фальстафом, он начинает несколько блекнуть, повторяться, как бы выцветать. Но отчетливо новая метаморфоза обозначается во второй части, где остроты Фальстафа уже приедаются и где собраны все его не только низкие (ограбление путешественников и комедию с телом убитого Перси иначе не назовешь), но все же занимательные, а в подлинном смысле слова — грязные, отталкивающие проделки: насмешки над верховным судьей, сцены с Долли Тершит, взяточничество при наборе рекрутов, грубое (и не очень остроумное) издевательство над другом юных лет Шеллоу...

И, наконец, еще одна, последняя метаморфоза Фальстафа — когда он появляется в «Виндзорских насмешниках». Слишком решительны критики, утверждающие, что между Фальстафом хроники и Фальстафом комедии нет ровно ничего общего, кроме имени. Внимательное изучение всех «возобновляемых», то есть пересаживаемых из одной пьесы в другую, фигур (Антоний в «Юлии Цезаре» и в посвященной ему трагедии, Болингброк в «Ричарде II» и в «Генрихе IV», Ричард Глостер в двух хрониках Шекспира и т. д.) показывает, что эти образы сохраняют связь с их первым наброском, но в то же время сильно отклоняются от него — отчасти оттого, что оказываются перемещены в другие обстоятельства, отчасти в силу внутреннего своего развития. И то и другое случилось с Фальстафом. Сообразуясь с духом времени, он решил изменить свою натуру — отказаться от своего «бескорыстия» и «беспечности», от «чистого искусства» веселой жизни и начать наживать деньги. Он надумал распустить свою феодальную банду и густиться в интриги и спекуляции, оперируя своим знатым именем (своего рода пародия на Дон-Жуана) и искусством притворства:

«Фальстаф теперь не тот: он научился
Расчетливости века своего.

Пускай останусь я с одним нажом:
Без вас двоих мы больше сбережем» (I, 3)

За эту измену лучшему, что в нем было, он сурово наказан: он потерял всю свою легкость, свой блеск, свое очарование, и все его замыслы заканчиваются позорным провалом.

В превосходной комедии «Виндзорские насмешницы» ее главный герой играет жалкую роль. В сцене I, 1 Фальстаф всего лишь обвинен в дебоширстве, причем отбивается он без особого остроумия. В I, 3, решив перестроиться, он ограничивается пошлыми прибаутками и присказками. В I, 4 он совсем отсутствует, в II, 2 (разговор с Фордом) вял и бесцветен. Нет былой его живости и в III, 3 (первая ловушка с корзиной) и т. д. Лишь в III, 4 (монолог о купанье) мы находим проблески если не фальстафовского остроумия, то хотя бы его красноречия.

ства, так же как и в IV, 5. И это все. В остальной части пьесы Фальстаф, фавбульно действуя, как характер почти отсутствует.

Заметим, кстати, что такому же обесчечению подверглись все компаньоны Фальстафа, особенно Куикли, из лихой хозяйки развеселого постоянного двора ставшая, в соответствии с «духом времени», скучной экономкой чудака доктора и ординарной свахой.

Фальстаф проделал благодаря творческому воображению Шекспира и под пером его удивительный путь метаморфоз: доблестный реформатор и мученик, «хвастливый воин» и сдобородый распутник, бог плоти и дух веселья, мудрец и гаер, свободолюбец и распутник, придворный и люмпен-пролетарий, дерзкий авантюрист и осмеянный герой фарса... Но всеми этими метаморфозами жирного рыцаря руководила не одна лишь причудливая и неисчерпаемая фантазия создавшего его поэта, но и некая закономерность.

У шекспиристов старого времени (эпохи романтизма) была склонность выделять в творчестве Шекспира последнее пятилетие XVI века, предшествующее появлению «Гамлета», в особый «фальстафовский» период. Для присвоения целому периоду имени одного образа, прошедшего через два или три произведения на протяжении каких-либо пяти лет (как думали тогда; теперь мы считаем: одного-двух лет), нет серьезных оснований. И тем не менее образ Фальстафа в творчестве Шекспира имеет особый выразительный смысл.

Самый конец XVI века в истории английской культуры носит особый характер. Это начало кризиса ренессансного мировоззрения, вскрытие острых противоречий гуманизма. Образ Фальстафа — это лебединая песнь Шекспира «старой веселой Англии», духу бездумной радости, духу легкой и светлой комедии и раскрытие острых противоречий прежнего беззаботного оптимизма.

Метаморфозы Фальстафа — это метаморфозы в душе Шекспира и в то же время метаморфозы самой Англии. Старая веселая (подчас озорная) шутка кончилась, наступил век Пейджей и Фордов, а вместе с тем век верховного судьбы.

В последней сцене комедии Фальстаф говорит: «...смейтесь надо мной, издевайтесь!.. Бейте лежачего... Само невежество топчет меня ногами. Делайте со мной что хотите!»

А. Смирнов

ПРИМЕЧАНИЯ К ТЕКСТУ «ВИНДЗОРСКИХ НАСМЕШНИЦ»

Стр. 251. Звездная палата — верховное уголовное судилище, учрежденное в XVI веке; названо так потому, что на потолке зала заседаний суда были изображены звезды.

Стр. 252. ...двенадцать серебряных ершей на своем гербе! — В подлиннике другая игра слов, основанная на созвучии: luses — шуки и louses — вши. Биографы пытались связать это место с фактом из биографии юного Шекспира, который, якобы браконьерствуя в лесах сэра Джона Люси, чей заповедник находился неподалеку от Стретфорда, был привлечен за это к суду (или бежал от суда в Лондон). Сейчас эта легенда опровергнута.

Стр. 256. Ах ты, бенберийский сыр! — Насмешка над худобой Слендера. Бевбери — городок в Оксфордшире, известный изготовлением тощих сыров.

Стр. 257. Клянусь этими перчатками, он! — Во времена Шекспира перчатки были предметом большого щегольства, и Слендер

из фатовства клянется перчатками, как признаком того, что он следит за модой.

Стр. 258. Скарлет и Джон.— Так звали двух товарищей Робин Гуда в старой английской балладе. Scarlet (багровый) — намек на красный нос Бардольфа.

Стр. 259. Ты захватил с собой мою книжку загадок? — Здесь имеется в виду сборник «Книга веселых загадок», весьма популярных во времена Шекспира.

Стр. 263. Секерсон — кличка медведя, которого часто спускали с цепи и травили в Парижском саду, поблизости от театра «Глобус».

Стр. 268. Она, как Гвиана, полна золота и всяческого изобилия. — Намек на рассказы о богатствах Гвианы сэра Уолтера Роли после его экспедиции в Южную Америку, в 1596 году.

Стр. 278. Ах он, Ирод иудейский! — Намек на чувственность Ирода, отмщенную в библии.

Разве я подала этому фламандскому пьянчуге какой-нибудь повод? — Во времена Шекспира фламандцы считались большими пьяницами.

Стр. 279. Сэр Алиса Форд!.. — У англичан и сейчас жена носит сословное звание и имя своего мужа.

...так же далеки друг от друга, как сотый псалом и песенка о зеленых рукавах. — Комический контраст между популярным веселым напевом и священным текстом.

...скорее согласилась бы стать великаншей и лежать под горой Пелионом. — Согласно античному мифу, гиганты, восставшие против богов Олимпа, пытались взобраться на него, «громоздя Оссу на Пелион».

Стр. 285. Так, просто для шутки, Брук. — В устах Форда этот псевдоним звучит как синоним: brook значит — ручей, ford — брод.

Стр. 302. Здесь у ручья под сенью скал... — Песенка Эванса, находящегося в состоянии тревожного ожидания, построена на эффекте полной спутанности мыслей: тут и начальная строка из стихотворения Марло, говорящая о птичках, поющих мадригалы, и стих из 137 псалма Давида, и отрывок из популярной баллады, и дважды всплывающая ассоциация: shallow — shallow (пустой — Шеллуу).

Стр. 305. ...кто из вас посмеет сказать, что я не политик, не хитрец, не Макнавелль? — Имя Николло Макиавелли, автора итальянского политического трактата «Государь» (начала XVI в.), уже в шекспировские времена сделалось в Англии нарицательным для обозначения человека, который не останавливается ни перед чем для достижения своих целей.

Стр. 306. До сих пор ты следовал за своим господином, а теперь ведешь даму. Что тебе больше нравится?... — По обычаю того времени, знатные и богатые дамы, отправляясь гулять, брали с собой щегольских пажей, которые шли впереди своих хозяек; мужчин же сопровождал мальчишка, идущий сзади. Должность пажа была почетной, на что указывают слова миссис Пейдж и ответ Робинна.

Стр. 308. Актеон (греко-римск. миф.) — юноша, во время охоты случайно увидевший в лесу купающуюся Диану. Разгневанная богиня обратила его за это в оленя, и его собственные собаки растерзали его.

Стр. 312. «Тебя ли я пашел, алмаз небесный!» — Начало одного стихотворения из сборника современного Шекспиру поэта Ф. Сидни «Астрофель и Стелла».

Стр. 351. ...как три немецких дьявола, три доктора Фауста.— Намек на пьесу современника Шекспира Марло «Доктор Фауст».

Стр. 360. Пусть с неба вместо дождя сыплется картошка...— Картофель в те времена считался возбуждающим средством.

Стр. 361. Хобгоблин — один из духов английского фольклора, вроде нашего лешего.

Вы падчерицы роковых судьбин...— Имеются в виду дети людей, усыновленные фелми.

«ГЕНРИХ V»

В конце второй части «Генриха IV» Шекспир обещал публике, что она еще раз увидит Фальстафа, а заодно и французскую принцессу Катерину (см. эпилог). Своего обещания он полностью не сдержал. Когда в 1599 году был поставлен «Генрих V», зрители не увидели здесь своего любимца. Вместо этого из уст миссис Куикли они узнали о том, что Фальстаф умер. Эта перемена была обусловлена глубокими причинами.

Сюжет «Генриха V» не содержит ничего драматического. Шекспир, правда, мог взять из истории царствования этого короля его борьбу против восставших доллардов. Но, поскольку это движение носило религиозный характер, он уклонился от изображения его, ибо всегда предпочитал избегать сюжетов, затрагивающих религиозные споры современников. Тогда оставалось показать воинские победы этого короля, и Шекспир положил их в основу сюжета. Как всегда, он внимательно прочитал Холлиншеда и воспользовался его повествованием в качестве канвы для фабулы пьесы. Несколько деталей он заимствовал из последней части хроники «Славные победы Генриха V», но, как и прежде, подчинил весь заимствованный материал собственному творческому замыслу.

«Генрих V» — произведение странное по сочетанию несомненного мастерства и сравнительной пустоты содержания. Даже самые безоговорочные поклонники Шекспира вынуждены признать, что это произведение стоит в ряду тех, которые меньше всего говорят о величии Шекспира.

Понять сильные и слабые стороны пьесы можно лишь в связи с конкретными условиями ее создания.

Написать эту хронику Шекспир был просто обязан. Дело было не только в обещании, данном в эпилоге второй части «Генриха IV». Всем предшествующим развитием цикла исторических драм Шекспир как бы подводил себя к теме «Генриха V». Он создал картины прошлого Англии, когда страну раздирали внутренние противоречия. В каждой из пьес утверждалась идея патриотического единства нации, управляемой мудрым и справедливым государем. Такое единство и такого государя надо было показать. Уже весь диптих «Генрих IV» подводил к этому. Он и был, вероятно, задуман в таком плане, однако, осуществляя замысел, Шекспир сделал открытие — создал Фальстафа и фальстафовский фон, и это так увлекло его, что уже в конце второй части он оказался перед противоречием. Оно состояло в том, что симпатии публики к юмору Фальстафа невозможно было примприть с идеей государственности, которая логически должна была завершать пьесу.

Фальстаф вырос в жизненную силу, опрокинувшую все идеологические расчеты. Поэтому, приступая к созданию «Генриха V», Шекспир с самого начала должен был решить очень важный для него как художника вопрос: как быть с Фальстафом? Сохранить его означало заранее

лишить себя возможности создать пьесу, в которой во весь рост встало бы величие Генриха V как «народного» короля, каким он был в сознании масс. Поэтому Шекспир решил: Фальстаф должен умереть. Он, правда, умирает по-фальстафовски в великолепном монологе миссис Куикли, но умирает так, чтобы уже не воскреснуть и не затенить величия нового героя, какого намеревался показать Шекспир.

«Генрих V» — патристическая пьеса, прославляющая монархию и монарха, воинскую доблесть англичан и оправдывающая внешние завоевания. Это со всей ясностью выражено в произведении, драматические эффекты которого рассчитаны так, как это мог сделать только мастер ранга Шекспира. Мы не найдем здесь почти никаких следов всепроникающего шекспировского гуманизма. Нет никаких оснований подвергать в данном случае сомнению авторство Шекспира (на это не решались даже самые отчаянные дезинтеграторы шекспировского текста), и нам остается лишь присоединиться к тем критикам, которые считают это произведение выполненным по «социальному» заказу.

Время, когда писался «Генрих V», было напряженное. Опять подвиглась Ирландия, и Англия вооружилась, чтобы привести непокорный Зеленый остров к повиновению. Карательную экспедицию возглавил граф Эссекс, фаворит королевы и лондонской толпы. Шекспир прямо указывает на него в прологе к V акту «Генриха V», желая ему, «генералу нашей милосердной королевы», подавить ирландское восстание.

Итак, внутренней логикой собственного творчества и внешними обстоятельствами текущего момента Шекспир был подведен к созданию пьесы, утверждающей сложившуюся к тому времени абсолютистскую государственность как политический идеал. И он это сделал, сделал со всем мастерством, накопленным за десять лет драматургической работы.

Трудно было найти менее подходящий для драмы материал. Шекспир решил тем не менее извлечь из него все, что было возможно. Истории давала повод лишь для эпической драмы, и Шекспир мастерски драматизировал эпопею царствования Генриха V. Он отбросил ряд подробностей, оставив в центре одно событие — битву при Азинкуре. Читая внимательно пьесу, можно увидеть, как Шекспир тянет все нити действия к этому событию. Он смещает обычный пункт кульминации действия, который у него, как правило, приходится на III акт, то есть на середину пьесы. В «Генрихе V» кульминационный пункт придвинут почти к финалу. Кульминация и развязка в хронике совпадают — они приходятся на IV акт. Здесь пьеса, по существу, кончается. V акт — своеобразный апофеоз уже достигнутой победы — как бы закручивает все, сглаживая примирением все острые углы предшествующего этического конфликта между Англией и Францией.

Ни в одной пьесе Шекспира нет столь откровенной риторичности, как в «Генрихе V». Каждое действие наполнено звучными тирадами персонажей, особенно самого Генриха V, наиболее красноречивого из всех действующих лиц. Любопытно отметить, что эта самая, казалось бы, воинственная из всех пьес Шекспира непосредственного изображения битв не содержит.

Мы помним, что во всех предшествующих хрониках на сцене постоянно происходили сражения. Вероятно, их разыгрывали, как шутил впоследствии Бен Джонсон, при помощи четырех заржавленных мечей. Шекспир отказался от этого приема в «Генрихе V». О битвах и сражениях здесь говорят, но публика их не видит. По-видимому, Шекспир опасался, что современными ему сценическими средствами он не сможет передать величия побед британского оружия. Тогда он решил прибегнуть к силе слова, возбуждающего воображение зрителей. Это ясно из пролога, открывающего пьесу, где автор призывает зрителей помочь театру своим

воображением. Он просит публику мысленно представить себе все то, о чем актеры будут говорить.

Бравурный тон воинственной риторики действительно создает впечатление действия, наполненного стычками и сражениями. А на самом деле ни одно из них в пьесе не показано. Это ли не признак удивительного мастерства Шекспира, умеющего активизировать воображение его зрителей и читателей?

Но красноречие не является единственным средством в руках Шекспира. Он слишком хорошо знает, что патетика создает лишь впечатление искусственности. Стремясь придать жизненную достоверность действию, он вводит в него бытовые штрихи и детали, используя опыт исторической драмы, накопленный при создании «Генриха IV». Фальстафа, правда, нет, но фальстафовский фон оставлен. Прежние спутники и собутыльники толстого рыцаря — Бардольф, Пистоль и новый персонаж — Ним, появившийся в «Виндзорских насмешниках», — участвуют в походе Генриха V. Правда, они производят жалко-комическое впечатление. Но другого Шекспир в данном случае и не хочет. Они должны быть смешны, но вместе с тем и вызывать презрение, чтобы тем яснее вставало величие мужественного короля.

К этому фальстафовскому фону добавлена еще группа персонажей: это воины различных национальностей — шотландец капитан Джеми, ирландец Мак-Моррис и уэлец Флюэлен. Из них последний, пожалуй, наиболее яркий образ в пьесе после Генриха V. В нем есть подлинная мужественность в сочетании со старомодной приверженностью к ритуалам рыцарства.

Изображение противоположного лагеря в «Генрихе V» несколько не отличается от карикатурной обрисовки французов в ранней хронике Шекспира «Генрихе VI» (первая часть). Видимо, в этом Шекспир должен был следовать за предрассудками, возникшими в извечной войне между Англией и Францией, так же, впрочем, как и французские авторы, которые в своих поэмах о Жанне д'Арк и Столетней войне рисовали противников англичан не в лучшем виде. Перо Шекспира смягчается лишь тогда, когда он с добродушным юмором изображает французскую принцессу, в которой трогательно перемешиваются придворное воспитание с непосредственной живостью юной девушки.

Пьеса имеет лишь одного героя. Все остальные персонажи, как ни живо обрисованы некоторые из них, составляют лишь фон для Генриха V. В этом смысле можно было показать, что принцип композиции хроники повторяет структуру «Тамерлана» Марло. Но лишь в схеме эти произведения могут быть сопоставлены. В тональности, характере героя и идейном смысле концепции Марло и Шекспира не только различны, но и противоположны. Тамерлан знает только одно оправдание — свое желание. Этого ему достаточно, чтобы притязать на обладание всем миром. Генрих V исходит из законности. Вспомним хотя бы, как он ищет обоснования своим притязаниям на французскую территорию в наследственном праве. Если Тамерлан одержим личной страстью к завоеванию, то Генрих V исходит из интересов страны. Так, во всяком случае, он думает сам.

Но не только Тамерлану, — Генрих V противопоставит всем героям-индивидуалистам английской драмы эпохи Возрождения, в том числе и героям, выведенным самим Шекспиром, — Ричарду II, Ричарду III, даже своему отцу — Генриху IV. В образе Генриха V Шекспир стремился показать идеального короля и образец подлинного народного героя. Нужно сразу же сказать, что Генрих V в этой пьесе имеет мало общего с принцем Генрихом, каким он выведен в «Генрихе IV». Он, несомненно, выдающаяся личность, но личного в нем осталось мало. В себе самом он видит только короля, никаких личных стремлений и интересов у него не оста-

лось. Правда, он обладает индивидуальностью, и она сказывается в его поведении — то в гневе, то в сомнениях, то в шутках. Но Генрих-человек всегда подчинен Генриху-королю.

Он не политик — в том смысле, в каком это слово употреблялось Шекспиром. Быть политиком — значит хитрить, притворяться, лицемерить, и таким «политиком» был отец Генриха V, хитростью и силой добившийся престола. Генрих V — человек прямой. В нем нет ни капли макиавеллизма. Свои цели он объявляет открыто и идет к ним прямой дорогой. Таков он в государственных делах, на войне и в личных отношениях. Он без лицемерия — наоборот, с горячностью — заявляя французам, что хочет получить их земли. принадлежащие ему по праву. Военачальника осажденного Гарфлера он предупреждает, что, если крепость не сдастся, пощады никому не будет. Наконец, руки французской принцессы он добывается без всяких галаптийностей, просто объявляя ей о своем желании взять ее в жены.

Прямой и горячий, он может простить вину, как прощает он человека, поносившего его личность, но он беспощаден даже к прежним друзьям, когда они замышляют убить его (II, 2), потому что усматривает в этом преступление против государственной власти.

Полнее всего личность Генриха V раскрывается в ночной сцене — накануне битвы при Азинкуре. Генрих V понимает, что судьба его и государства зависит от простых людей, составляющих армию. Он беседует с ними переодетый, стараясь понять их настроения и вселить в них бодрость, сознание долга перед страной. Демократизм Генриха V искренний, он проистекает из ясного понимания того, что сила государства покоится на преданности подданных. Он знает язык простых людей, понимает их мысли и вместе с тем сознает свой долг, состоящий в том, чтобы быть руководителем, направляющим их поступки на благо страны. Подлинным пафосом проникнута его знаменитая речь перед боем, в которой он взывает к лучшим чувствам воинов — их национальной гордости, патриотизму, чести и достоинству.

Генрих V сочетает качества справедливого монарха, храброго воина и честного, прямодушного человека. К тому же он прост и естествен в обращении, и эти качества вместе взятые должны сделать его в наших глазах идеальным и одновременно убедительным в своей жизненности.

Шекспир вложил много старания и мастерства как в построение действия, так и в характеристику образа Генриха V. Мастерства, умения здесь, бесспорно, много. Только мало сердца. Генрих V оставляет нас холодными. Возможно, что для публики шекспировского театра этот образ был иным. Мы не исключаем того, что пьеса могла зажигать современников чувством патриотизма. Она несомненно была злободневным произведением и отвечала настроениям времени. Может быть, даже это была не только пьеса широкого патриотического звучания, но и драматический документ более узкого политического значения — прославление завоевательной политики британской короны в Ирландии и восхваление полководца, выполнявшего эту отнюдь не благородную миссию, Эссекса. Бесспорно, что этой хронике недостает обычной шекспировской глубины, не только той, какой он достиг в великих трагедиях, а хотя бы той, которая уже явственна в произведениях второй половины 1590-х годов — «Ромео и Джульетта», «Ричарде II», «Генрихе IV». Иначе и не могло быть.

Искренне или неискренне пытался здесь Шекспир создать образ идеального короля, для нас несущественно. Шекспир-мыслитель мог всерьез разделять иллюзию гармонического сословного государства, в котором все трудятся, подобно пчелам в улье, как об этом говорит архиепископ Кентерберийский (I, 2). Шекспир — художник-реалист не мог найти этому вполне убедительного воплощения. Во всяком случае, сам

Генрих V сознает всю трудность положения, когда он как король обязан объединить индивидуальные стремления своих подданных и повести их к единой цели (IV, 2).

Живее всего в пьесе именно те сцены, где проявляются центробежные силы, то, что свидетельствует о непрочности и иллюзорности национального единства в классовом государстве.

Всего лишь один год отделяет «Генриха V» от «Юлия Цезаря». Едва ли разница в изображении общественной жизни может быть отнесена за счет внезапного перелома в мировоззрении Шекспира. Скорее и естественнее предположить, что в «Генрихе V» было немало уступок идеологии официальной государственности, чем то, что Шекспир разделял иллюзии относительно природы современной ему абсолютной монархии. Впрочем, и это безразлично, ибо ни вынужденный отказ от реалистического взгляда на сословное государство, ни искривление иллюзии относительно его природы в равной мере не способствуют достижению жизненной правды в искусстве. «Генрих V» остается памятником того, что даже такой великий мастер, как Шекспир, свободно распоряжавшийся всем арсеналом художественных средств драмы, не мог безнаказанно парусить законов жизненной правды в искусстве. Попытка искусственной идеализации абсолютистского государства даже у Шекспира не могла привести к большому художественному свершению. Великого реалиста Шекспира мы узнаем в этой пьесе лишь в частностях.

А. Аникст

ПРИМЕЧАНИЯ К ТЕКСТУ «ГЕНРИХА V»

Стр. 371. Действующие лица. Крупнейшим событием недолгого царствования Генриха V (1413—1422) была война с Францией. Заключив тайный союз с герцогом Бургундским, Генрих выступил в поход в июле 1415 года с войском в 10 000 человек. Взяв в сентябре Гарфлер, он был вынужден 25 октября принять при Азинкуре бой с французской армией, во много раз превосходившей его силы, и одержал полную победу. Малочисленность его войск все же заставила его вскоре затем вернуться в Англию.

Одной из главных причин военного бессилия Франции была происходившая внутри ее господствующих классов борьба за власть нескольких партий, принявшая форму настоящей гражданской войны. Ввиду слабоумия короля Карла VI официальным правителем Франции являлся его старший сын, дофин; но власть его партии фактически оспаривалась партией графа Арманьяка и его зятя, герцога Орлеанского. Третью группу образовала партия крупнейшего феодала, почти совершенно независимого от французской короны, герцога Бургундского, союзника королевы Изабеллы, которая за распутное поведение была сослана партией дофина в Тур. В процессе борьбы между этими партиями Париж несколько раз переходил из рук в руки.

Воспользовавшись этой междоусобицей, Генрих V в 1417 году принял второй поход во Францию, длившийся три года. К концу 1419 года он овладел всей Нормандией, и вскоре Франция должна была капитулировать.

В мае 1420 года был заключен мир. Генрих получил ряд областей Франции и был объявлен законным наследником Карла VI, а при жизни его (лишь номинально, в виде почетного титула) правителем всей Франции. Вслед за этим произошло обручение Генриха с младшей дочерью Карла VI Екатериной.

Этим моментом заканчивается шекспировская хроника. Дальнейшие события были таковы: дофин не признал договора и вскоре возобновил борьбу.

Чтобы окончательно закрепить свое господство над Францией, Генрих V в 1422 году предпринял новый поход, протекавший очень успешно, но среди своих побед он внезапно заболел и умер, после чего королем Англии был провозглашен малолетний сын его Генрих VI (см. хронику Шекспира «Генрих VI»).

Из числа вымышленных Шекспиром персонажей, Флюэллен, Джеми и Мак-Моррис говорят ломаным английским языком, с сильным акцентом, соответствующим фонетическому складу их родных языков («п» вместо «б»), «ш» вместо «с» и т. п.).

Эти особенности мы не сочли возможным воспроизвести в переводе и ограничились лишь передачей некоторой тяжеловесности речи названных персонажей.

Стр. 373. И вместит ли помост петуший — Франции поля? — Сцены некоторых лондонских театров были переделаны из сцен для петушиных боев.

Вместит ли круг из дерева... — Здание театра «Глобус» первоначально имело круглую форму.

Стр. 378. Салический закон. — Имеется в виду одно из положений Салической правды, древнейшего свода законов у франков, некогда владевших Францией.

Стр. 379. Притязаньям вашим преградой служит лишь один закон... — Вся аргументация архиепископа целиком заимствована Шекспиром из «Хроник» Холиншеда. На самом деле притязания Генриха V на французскую корону, даже если допустить наследование по женской линии, были юридически неосновательны, так как такого рода права могли иметь только Мортимеры (см. генеалогическую таблицу) в качестве потомков старшего внука Изабеллы Французской, жены английского короля Эдуарда II и матери Эдуарда III.

Фарамонд — легендарный основатель династии меровингов; его имя в достоверных хрониках не упоминается.

Стр. 380. Людовику Десятому... — На самом деле — Людовику IX (Шекспир повторяет здесь ошибку, сделанную Холиншедом).

Книга Числ — одна из книг библии.

Стр. 387. ...Меркурьи наши, окрылив пяты. — На дошедших до нас изображениях Меркурия, быстролетного вестника богов, он представлен с крыльшками у пяток.

Стр. 388. ...Чтоб вам от нашей пьесы тошно стало. — Шуточный намек на морскую болезнь.

Стр. 389. Ну как дела, хозяин Пистоль? — Пистоль стал «хозяином» с тех пор, как женился на хозяйке трактира Куикли.

...страшное убийство и кровосмешение. — Хозяйка говорит «кровосмешение» вместо «кровопролития».

Стр. 390. Палить я мастер; вот нажму курок, — и вылетит огонь. — Намек на имя Пистоля: pistol значит «пистолет».

Барбазон — имя одного из дьяволов.

Стр. 391. О критский пес! — Крит славился своими лютыми охотничьими псами.

Крессида — гречанка, неверная возлюбленная троянского царевича Троила. Ее имя стало синонимом «распутницы» (см. пьесу Шекспира «Троил и Крессида»).

Стр. 393. Нобль — старинная золотая монета.

Стр. 397. Хемптон — сокращенная форма, вместо: Саутемптон.

Стр. 398. ...поскорей мое намерение осуществить. —

В хронике Холиншеда сообщается, что граф Кембриджский стремился к низложению Генриха V в пользу Мортимера.

Стр. 400. ...позволь мне проводить тебя до Стенса.— Местечко Стенс было конечным пунктом первого перегона по дороге из Лондона в Саутемптон.

...в лоне Артуровом.— Хозяйка хочет сказать: «в лоне Авраамовом». Артур — легендарный король древних бриттов. Авраам — библейский персонаж, считавшийся одним из «патриархов», то есть родоначальников племен.

...скончался он... как раз с наступлением отлива.— По старинному поверью, люди умирают, когда начинается отлив.

Стр. 401. Но ведь он был ревматик...— Хозяйка говорит rheumatic (ревматик) вместо lunatic (безумный).

Стр. 103. Брут Старший — древнеримский герой, который долгое время притворялся слабым, чтобы вернее осуществить свой план свержения царя-тирана Тарквиния Гордого.

Стр. 404. ...проигранную битву при Креси...— Битва эта произошла в 1346 году.

Стр. 408. Гарфлер — небольшой приморский город поблизости от Гавра; в старину был крупным портом.

Стр. 410. Прошу тебя, капрал...— Небрежность Шекспира: выше, в сцене II, 1, Бардольф назван лейтенантом.

Стр. 410—411. Но щит и меч... О, если б было мне дано...— отрывки из не дошедших до нас английских песен.

Стр. 421. Всё норманские улюлки! — Намек на происхождение английского королевского дома от нормандского герцога Вильгельма Завоевателя (XI в.), который был незаконнорожденным.

Стр. 428. Вот за труды тебе.— Существовал обычай одаривать послов даже вражеских государств, приносивших дурные или оскорбительные вести.

Благодарю вас, государь.— Благодарность эта относится к щедрому дару.

Стр. 429. Самый скверный рог его копыт...— Рог—двумысленно: как роговая ткань и как музыкальный инструмент. «Самый скверный» — потому, что разные части копыт состоят из вещества разного качества.

...поспорит в гармонии со свирелью Гермеса.— Пастушеский бог Гермес умел искусно играть на свирели.

Стр. 430. Весь мир, ведомый нами неведомый...— Неведомый мир — еще неоткрытые земли.

Стр. 432. Мне кажется, он съест всё, что убьет.— Коннетабль хочет сказать, что дофин умеет убивать только дичь, а не людей.

Стр. 437. ...каждый, знатный и простой, глядит на облик Генриха в ночи, начертанный рукою нашей слабой.— Поэтический паралогизм: солдаты, по ходу пьесы глядящие на Генриха, сливаются со зрителями, которых драматург приглашает посмотреть на выведенный им на сцене образ короля.

Стр. 440. ...в Давидов день сорву я с его башки порей.— В битве при Креси (происходившей в день св. Давида), в которой Эдуард III разбил наголову французов, отряд уэльцев отличился в стычке, имевшей место в огороде, засеянном пореем. В память об этом уэльцы в день св. Давида стали украшать свои шапки пореем, сделавшимся своего рода их национальной эмблемой.

Стр. 446. ...вырвать у них эти кроны.— В подлиннике игра слов: «crown» корона (монета) и макушка головы.

Стр. 447. Гиперион — одно из наименований Феба — Аполлона.

Стр. 448. Прах Ричарда я царственно почтил.— Тело Ричарда II, погребенное без всяких почестей в Ленгли (в Херифордшире), Генрих V велел торжественно перенести в Уэстминстерское аббатство.

Стр. 450. ...падала островная собой пятнает утреннее поле. Их тряпки рваные висят плачевно...— Предвосхищая события, Гранпре говорит об англичанах уже как о трупах, об английских знаменах — как о рваных трипках.

Стр. 451. И ты, кузен...— Солсбери обращается к Уэстморленду.

Стр. 452. Криспин и Криспиан — два брата, празднование памяти которых приходилось на один и тот же день (25 октября).

Стр. 462. ...ведь он родился в Монмуте. — Монмут находится в Уэльсе, на родине Флюэллена.

Стр. 475. ...когда бы полководец королевы вернулся из похода в добрый час... мятеж ирландский поразив мечом.— Намек на экспедицию Эссекса, предпринятую летом 1599 года с целью подавления восстания в Ирландии.

Вмешался в дело даже император... — Германский император Сигизмунд пытался, хоть и безуспешно, выступить посредником между Англией и Францией.

Стр. 476. Кадуаладер, или, точнее, Кадуаладр,—последний уэльский король. Его именем названа гора в Уэльсе, славившаяся обилием коз.

Вчера вы называли меня горным эсквайром... — Насмешки над пустынными горами Уэльса были обычными в устах англичан.

Стр. 479. Убийственные взоры василисков. — В подлиннике «роковые ядра смертоносных василисков», с двойным значением слова «basilisk»: василиск — сказочное чудовище, убивающее будто бы одним своим взглядом, и василиск — старинный тип пушек.

«МНОГО ШУМА ИЗ НИЧЕГО»

Комедия эта при жизни Шекспира была издана лишь один раз в quarto 1600 года. Это вполне удовлетворительный текст, от которого по-смертное фолио отличается очень мало.

Время возникновения пьесы определяется тем, что она не упоминается у Мереса в списке шекспировских пьес, опубликованном в 1598 году. Еще точнее можно ее датировать благодаря тому обстоятельству, что в нескольких репликах Кизила в quarto говорящий обозначен именем не изображаемого персонажа, а его исполнителя — известного комика Кемпа. Между тем мы знаем, что Уильям Кемп ушел из шекспировской труппы в 1599 году. Таким образом, появление пьесы несомненно относится к театральному сезону 1598/99 года.

У Шекспира мало найдется пьес, где бы он так близко придерживался своего сюжетного источника. История оклеветанной с помощью инсценировки любовного свидания девушки и притворной смерти ее как средства восстановления ее чести, составляющая главную сюжетную основу комедии, встречается в новелле 22-й Банделло (1554), переведенной на французский язык тем самым Бельфоре («Трагические истории», 1569, рассказ 3), у которого была взята и фабула шекспировского «Гамлета». Кроме того, сюжет этой новеллы воспроизвел с большой точностью, изменив лишь имена и место действия, Ариосто в эпизоде Ариоданта и Джиневры («Неистовый Роланд», песнь V). Еще до появления в 1591 году пол-

ного перевода на английский язык поэмы Ариосто эпизод этот был переведен отдельно и использован как в поэме Спенсера «Царяда фей» (1590; песнь V), так и в анонимной, не дошедшей до нас пьесе «Ариодант и Джиневра», исполнявшейся в придворном театре детской труппой в 1583 году.

Шекспир, без сомнения, был знаком с обеими редакциями этой повести — как Банделло (через посредство Бельфоре), так и Ариосто (прямо или через посредство одной из названных английских его переделок), ибо только у Бельфоре приводятся имена Леонато и Педро Арагонского и действие происходит в Мессине, а с другой стороны, хитрость клеветника в этой редакции сводится лишь к тому, что его слуга влезает ночью через окно в одну из комнат дома Леонато, без сознательного сообщничества служанки героини, которое добавлено у Ариосто, но отсутствует у Шекспира.

В сюжетном отношении Шекспир почти ничего не изменил в своих источниках. Целесообразно также сказать, чтобы он особенно углубил характеры главных персонажей, которые у него даны довольно схематично. Интересное развитие получил только образ дона Хуана, прототип которого обрисован в обеих версиях очень слабо. У Банделло, например, клеветник (Тимбрео) — отнюдь не злой человек; он опорочивает девушку только из зависти, а после того как план его удался, раскаивается и сам открывает жениху всю правду. У Шекспира, наоборот, все действия дона Хуана последовательны и достаточно мотивированы гордостью и озлобленностью незаконнорожденного и нелюбимого при дворе принца.

Зато вполне оригинальна присоединенная Шекспиром к основной фабуле вторая сюжетная линия — история Бенедикта и Беатриче, характеры которых, кстати, наиболее индивидуализированы в пьесе. А к этому надо еще добавить великолепно развитый и разросшийся почти до самостоятельного действия эпизод с двумя полицейскими.

Основную прелесть этой комедии, пользовавшейся во времена Шекспира огромным успехом на сцене — подобно тому как она пользуется им и сейчас, — составляет то мастерство, с каким Шекспир слил вместе эти три идейно и стилистически столь разнородные темы, совместив требования драматического единства со своим обычным стремлением обогатить и разнообразить действие. Средством для этого ему служат единая идея, проходящая в трех разных планах и крепко связывающая пьесу одним общим чувством жизни. Это — чувство зыбкости, обманчивости наших впечатлений, которое может привести к великим бедам и от которой человеку неоткуда ждать помощи и спасения, кроме счастливого случая, доброй судьбы.

Вся пьеса построена на идее обмана чувств, иллюзорности наших впечатлений, и эта иллюзорность симметрично прослеживается в трех планах, образуя глубокое стилистическое и идейное единство комедии. Внешне этой цели всякий раз служит один и тот же драматический прием — вольное или невольное подслушивание (или подсматривание), но всякий раз психологически и морально осмысливаемое по-иному.

Первая и основная тема пьесы — история оклеветанной Геро — носит отчетливо драматический характер. Примесь трагического элемента присутствует в большей или меньшей степени почти всем комедиям, написанным Шекспиром в пятилетие, предшествующее созданию его великих трагедий (например, «Венецианский купец», «Как вам это понравится» и т. д.). Но ни в одной из них этот элемент так не силен, как в рассматриваемой комедии. Кажется, в ней Шекспир уже предвосхищает тот мрачный взгляд на жизнь, то ощущение неотвратимости катастроф, которое вскоре станет господствующим в его творчестве. Но только сейчас у него еще сохра-

ияется «комедийное» ощущение случайности, летучести всего происходящего, оставляющее возможность внезапного счастливого исхода, и не возобладало представление о неизбежности конфликтов, завершающихся катастрофой.

В частности, ситуация «Много шума» имеет много общего с ситуацией «Отелло». Клавдио — благороднейшая натура, но слишком доверчивая, как Отелло, и чрезмерно пылкая, как и он. Оскорбленный кокетством между видимой чистотой Геро и примеревшимся ему предательством, он не знает меры в своем гневе и к отвержению невесты присоединяет еще кару публичного унижения (что, впрочем, соответствовало понятиям и нравам эпохи). Дон Хуан помимо естественного чувства обиды самой природой своей расположен ко злу: как для Яго невыносима «красота» существования Кассио, так и подлому бастарду нестерпимы благородство и заслуги Клавдио. Также и Геро, подобно Дездемоне, бессильно и безропотно склоняется перед незаслуженной карой как перед судьбой. Наконец, и Маргарита не лишена сходства с чересчур беспечной и бездумной, покорной мужу (или любовнику) Эмилией. Им обоим чужда моральная озлобленность, активная преданность любимой госпоже: иначе такое чувство предостерегло бы их и побудило бы предостеречь жертву.

Но мы здесь в мире доброй, ласковой сказки, — вот почему все кончается счастливо. И потому, заметим, все изображено бархатными, пастельными, а не огненными, жгучими тонами «Отелло». А отсюда — возможность стилистического слияния с двумя другими, комическими частями пьесы — не только с историей Беатриче и Бенедикта, но и с эпизодом двух очаровательных полицейских.

Вторая, комическая тема пьесы тесно связана с первой. Обе они дополняют друг друга не только сюжетно, но и стилистически. Первая в решительный момент переводит вторую в серьезный и реалистический план, тогда как вторая смягчает мрачные тона первой, возбуждая предчувствие возможной счастливой развязки. Возникает ощущение сложной, многоплановой жизни, где светлое и мрачное, смех и скорбь не сливаются между собой (как в «Венецианском купце» или хотя бы в «Двух веронцах»), но чередуются, соседят друг с другом, подобно тому как в рисунках «белое и черное» оба тона оттеняют один другой силой контраста, придавая друг другу выразительность и приводя целое к конечному единству. Отсюда, при мягкости и гармонии речи этой пьесы, в ее конструкции и общем колорите есть нечто «испанское» (по жгучести и пылкости), напоминающее позднейшую «Меру за меру».

Взрыву любви Бенедикта — Беатриче предшествует долгая пикировка между ними, блестящее состязание в колкостях и каламбурах, которое похоже на войну двух убежденных холостяков, но на деле прикрывает глубокое взаимное влечение, не желающее самому себе признаться. Комментаторы, ищущие всюду и во всем готовых литературных источников, полагают, что кое-что в этой перестрелке наваяно такой же дуэлью остроумия между Гаспаро Паллавичина и Эмилией Пиа, описанной в книге Бальдассаре Кастильоне «Придворный» (1528), переведенной на большинство европейских языков, и в том числе на английский — в 1561 году. Книга эта, считавшаяся руководством благородного образа мыслей и изящных бесед, была, без сомнения, известна Шекспиру, и он мог мимоходом почерпнуть из нее несколько острот и каламбуров, вложенных им в уста Беатриче и Бенедикта. Но ситуация у Кастильоне совсем иная, не говоря о том, что кое в чем могли быть и просто совпадения. Существеннее то, что уже в целом ряде более ранних своих комедий Шекспир разрабатывал ту же самую ситуацию: поединок остроумия между молодым человеком и девушкой, предшествующий зарождению

между ними любви. Довольно развернуто дана такая ситуация в «Укрощении строптивой», но еще более разработана она в «Бесплодных усилиях любви», где пара Бирон — Мария является прямой предшественницей пары Бенедикт — Беатриче.

Параллелизм этот, по-видимому, не случаен, ибо в том самом 1598 году, как возникла комедия «Много шума», старая названная нами пьеса, написанная за четыре-пять лет до того, была не только поставлена на сцене придворного театра, но и издана кварто. Видимо, интерес к названному мотиву оживился к этому времени снова, и у Шекспира явилось желание разработать его еще раз, и притом углубленно, что он и сделал. Веселую сцену пикировки, лишенную в «Бесплодных усилиях любви» всякого психологического обоснования, он здесь насквозь психологизировал.

Прежде всего, Бирон у него совсем не является по своей натуре таким женоненавистником, как Бенедикт. С другой стороны, Розалинда далеко не так строптива, как Беатриче. Их перестрелка не выходит за пределы обычного поддразнивания и заигрывания, свойственных тому, что нынешние потомки Шекспира называют «флиртом». Но Беатриче — натура гордая и требовательная. Ей нужно, чтобы ее избранник не был ни молодым вертопрахом, ни человеком с увядшими чувствами, ищущим спокойного и удобного брака; ей нужен человек, который соединял бы в себе пылкость юноши и опытность мужчины. А где такого найти? И что если, делая выбор (а он, кажется, ею уже сделан!), ошибешься? Беатриче — натура сильная, мало чем уступающая Порции в «Венецианском купце». Она хочет научить уважать себя как человека. И потому из гордости она не выдает своих чувств, боясь насмешки, и приходит к отрицанию любви.

Как обычно бывает у Шекспира, он более тщательно, более заботливо исследует чувства женщины, обозначая чувства мужчины суммарно и лаконично, как более натуральные, более понятные зрителю. Но и в задорном упрямстве Бенедикта мы видим проявление его личного характера, нечто принципиальное, роднящее его с Беатриче: такое же благородство чувств и такую же сердечную гордость. Но последняя является вместе с тем и преградой, разделяющей их.

Однако несчастье, постигшее Геро, ломает эту преграду и, пробудив в юных сердцах их лучшие чувства: в ней — верность и твердость дружбы, в нем — способность к самопожертвованию, — бросает их в объятия друг друга. И одно мгновение кажется — такова композиционная тонкость пьесы, — что основное, серьезное действие только и существует для того, чтобы служить опорой второму действию, собственно комедийному. Горе — жалость — любовь: вот линия развития всей пьесы. В сравнении с этой мощной логикой чувств чисто подсобную роль играет та интрига, которая внешним образом приводит к желанному результату. Это тот же прием подслушивания, который явился пружиной и основного, трагического действия. Но только здесь прием подслушивания использован на редкость оригинально: заговорщики, шепчущие именно то, что они хотят довести до сведения влюбленных, заставляют последних вообразить, что они случайно подслушали разговор. Минус на минус в алгебре дает плюс; две перемноженные фикции в действительности дают истину. Закон шекспировской комедии: чем смешнее, тем трогательнее; чем иллюзорнее, тем правдивее.

Комическое (или комедийное) в этой удивительной пьесе перевешивает трагическое. Но, как все это нами было изложено выше, оно слишком абстрактно, ему недостает материальной плотности. Чтобы придать ее пьесе, Шекспир вносит в нее третью тему, элемент бытового гротеска: эпизод с двумя полидейскими. Эпизод этот имеет весьма реальное основа-

ние. Кандлер Елизаветы Берли в 1586 году писал другому ее министру Уолсиному в выражениях, весьма близких к тексту комедии, что Англия полна таких блостителей общественного порядка, которые «сторонятся преступления, как чумы», предпочитая болтать, спать, пить эль и ничего не делать. Как мы видим, шекспировские зрители воспринимали эти образы не только как гротеск, но и как кусочек действительности. Поясним, между прочим, что Кизил и его собратья не являются полицейскими на королевской службе. Они принадлежат к той добровольной страже, которая создавалась корпорациями горожан для охраны порядка, особенно в ночное время. В такие стражи нанимались те, кто ни к какому другому делу не был приспособлен. Не случайно поэтому литература той эпохи полна шуток и острот по адресу безалаберных и перасторопных людей, взявших на себя миссию охраны общественного порядка.

О том, что Шекспир списал образы стражников с натуры, сохранилось предание, записанное в 1681 году любителем старины Джоном Обри. «Бен Джонсон и он (Шекспир.— А. А.),— сообщает Обри,— где бы они ни оказывались, повседневно подмечали странности людей (humours)». И вот пример этого: «Характер констебля из «Сна в летнюю ночь» он списал в Грендоне-на-Баксе, по дороге из Лондона в Стретфорд, и этот констебль еще жил там в 1642 году, когда я впервые направлялся в Оксфорд. Мистер Джоз Хоу из этого прихода знал его». Простим антиквару его ошибку — он слутал «Сон в летнюю ночь» с «Много шума из ничего», но предание, сообщаемое им, от этого не утрачивает своей ценности. Оно лишний раз подтверждает наше ощущение жизненности этих забавных фигур, введенных Шекспиром. Но, конечно, только Шекспир мог сделать их такими живыми в пьесе и так вплести в ее действие, что без них оно многое теряет в комизме.

Кизил — вероятно чванливый глупец, к тому же постоянно путающий слова. Желая придать себе как можно больше значительности, он любит пользоваться юридическими терминами, помпезными словами и выражениями, но, будучи малограмотным, все время впадает в ошибки. Его постоянный спутник Булава под стать ему.

Словоохотливость Кизила способна вывести из себя самого терпеливого человека. Уже обладая ключом к той грязной интриге, которая направлена против Геро, он, однако, не в состоянии помешать тому, чтобы клевета пала на чистую девушку. Да его это и не заботит. Он, как мы помним, больше всего взволнован тем обстоятельством, что его обозвали ослом. Он и ходит теперь жаловаться на это, разнося повсюду, что его обругали ослом, и требуя, чтобы это было документально зафиксировано.

Незачем распространяться о том, насколько комична эта фигура и сколько юмора вложил Шекспир в изображение ее. Парадоксально однако, то, что именно глупость Кизила в конечном счете приводит к спасению чести Геро. То, чего не смогли сделать все умные люди из круга героини, сделали эти нелепые ночные стражи. Они нашли виновников клеветы и содействовали их разоблачению. Понятно, этим комическая окраска финала и всей пьесы еще усиливается.

И, наконец, не следует забывать еще об одном аспекте пьесы — нарядном и праздничном, несмотря на прорезывающие ее трагические нотки. Действие все время развивается на фоне торжественных встреч, празднеств, балов, прогулок по парку, на фоне цветущей природы знойного юга, благоухающих в ночной темноте цветов, шляп, украшенных перьями, и гибких клинков шпаг. В этой комедии еще больше, чем в других, Шекспир хотел дать почувствовать всю роскошь жизни и притаившееся в ней, стерегущее человека зло.

А. Смирнов

Стр. 493. Действующие лица: Борачио — смысловое имя. По-испански оно означает «пьяница» (*borracho*).

Стр. 496—497. ...предложил состязаться тупыми стрелами. — Тупые стрелы употреблялись при стрельбе в птиц, чтобы подшибать их не ранив. Они же были постоянным атрибутом шутов.

Стр. 497. ...четыре из его пяти умственных способностей получили тяжелое увечье. — Пятью умственными способностями считались: здравый смысл, воображение, изобретательность, способность суждения и память. По мнению Беатриче, Бенедикт сохранил из них только здравый смысл.

Стр. 500. Ну, вам бы только попугаев обучать. — Любители грубых шуток нередко обучали своих попугаев ругательным словам.

Отлично, Леонато. — Во время словесной дуэли между Бенедиктом и Беатриче дон Педро о чем-то тихо разговаривал с Леонато.

Стр. 502. Купидон — хороший охотник на зайцев, а Вулкан — отличный плотник. — Примеры нелепостей, так как Купидон изображался с завязанными глазами, а Вулкан, бог подземного огня, был кузнецом, а не плотником.

...носить на голове шапку, не вызывая подозрений. — Намек на «рога» обманутого мужа, торчащие из-под шапки.

Стр. 504. ...привесит мне рожок на невидимый ремешок. — «Невидимый» — в отличие от «видимого» ремня, на котором висит охотничий рог.

Стр. 505. ...Адам Белл — знаменитый английский стрелок, воспетый в балладах.

Если только Купидон не растратил в Венеции всех своих стрел. — Венеция считалась городом, особенно богатым любовными приключениями.

...июля шестого дня. Ваш любящий друг Бенедикт. — Клавдий и дон Педро цитируют заключительные строки воображаемого любовного письма Бенедикта.

Стр. 509. ...родился под знаком Сатурна. — Согласно астрологическим представлениям, люди, родившиеся под знаком планеты Сатурна, должны были обладать меланхолическим темпераментом.

Стр. 513. ...буду водить его обезьян в аду. — Согласно старому английскому поверью, старым девам суждено после смерти в аду прогуливать чужих детей в наказание за то, что при жизни они не имели своих.

Стр. 514. ...отдавать отчет в своем повсдении куску грубой глины! — Намек на библейское сказание о том, что бог создал первого человека Адама из глины.

Синкпес — танец в пять па (от французского *cinq-pas*).

Стр. 515. Моя маска — вроде крыши Филемоновой хижины: внутри нее — Юпитер. — В «Метаморфозы» Овидия входит сказание о Филемоне и Бавкиде, благочестивой чете старых любящих супругов, которые радушно приняли в своей хижине посетивших их под видом усталых путников Зевса и Гермеса.

Стр. 516. И рука у вас сухая и с той и с другой стороны. — Сухая ладонь считалась признаком отсутствия темперамента.

Стр. 517. «Сто веселых рассказов» — распространенный в те времена список анекдотов.

Стр. 519. На шее, как цепь богатого ростовщика. — Богатые горожане нередко носили на шее массивную золотую цепь.

Стр. 520. Так говорят честные торговцы скотом, продав быка.— После заключения сделки продавец высказывал покупателю пожелание, чтобы тот счастливо владел скотиной.

Стр. 521. Ата (греч. миф) — божество мести и раздора.

Стр. 522. Пресвитер (священник) Иоанн — в средневековых легендах — владыка христианского царства в глубине Азии.

Великие Моголы — тюркская династия в Индии, основанная в начале XVI века.

Стр. 531. Да, конечно.— Во время предыдущей реплики Бенедикта дон Педро тихо разговаривал с Леонато или Клавдио о задуманной последними сцене, и начальные слова этой реплики обращены им к одному из них.

Стр. 544. ...от талии кверху—Испания: не видно камзола.— Испанды тоже носили камзолы, но обычно у них камзол был прикрыт плащом и потому мало заметен.

Стр. 548. ...претерпеть спасение души и тела.— Подобно многим другим персонажам у Шекспира, Кизил и Булава здесь и дальше коверкают слова или говорят противоположное тому, что надо сказать. Например, «претерпеть» — вместо «заслужить», далее «наказания» — вместо «награды», «непригоднее» вместо «пригоднее» и т. д.

Стр. 556. «Свет любви» — популярная песня.

Стр. 557. ...если вы не стали вероотступницей, так больше нельзя держать путь по звездам.— Маргарита хочет сказать: «Если вы не изменили своей закоренелой ненависти к мужчинам, право, нельзя больше доверять ясным указаниям, которые дает нам природа».

Стр. 558. Carduus benedictus — целебный чертополох, считавшийся хорошим средством при сердечных заболеваниях.

Стр. 585. ...боюсь, что мы оказались бы слишком молоды для них — то есть слишком сильными противниками.

Стр. 586. Синьор, я ваши насмешки поймаю на полном скаку... — образ из практики рыцарских турниров, содержащий скрытую угрозу вызова на поединок.

Стр. 587. ...«бог видел его, когда он прятался в саду».— Шутливый намек на библейский рассказ о грехопадении Адама.

Стр. 592. Благослови, господи, вашу обитель.— Такими словами нищие обычно выражали свою благодарность, когда получали милостыню в монастыре.

Стр. 600. Европа — дочь финикийского царя Агенора, которую влюбленный в нее Юпитер похитил, приняв образ быка.

СОДЕРЖАНИЕ

ГЕНРИХ IV. Часть первая. Перевод Е. Бирковой	5
ГЕНРИХ IV. Часть вторая. Перевод Е. Бирковой	119
ВИНДЗОРСКИЕ НАСМЕШНИЦЫ. Перевод С. Маршака и М. Морозова	249
ГЕНРИХ V. Перевод Е. Бирковой	371
МНОГО ШУМА ИЗ НИЧЕГО. Перевод Т. Щепкиной-Куперник	493
А. Аникст. Послесловие к «Генриху IV»	607
А. Смирнов. «Виндзорские насмешницы» и образ Фальстафа у Шекспира	624
А. Аникст. Послесловие к «Генриху V»	636
А. Смирнов. Послесловие к «Много шума из ничего»	643

Примечания к текстам пьес составлены
А. Смирновым

Уильям Шекспир
ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
В ВОСЬМИ ТОМАХ, Т. 4

Редактор *Т. А. Путинцева*
Оформление художников
А. Д. Гончарова и А. В. Ермакова
Художественный редактор *В. П. Богданов*
Технический редактор *Г. Я. Шебалина*
Корректоры *Н. Г. Антокольская и Т. М. Медведовская*

Сдано в набор 13/XII 1958 г. Подп. в печ. 15/V 1959 г.
Форм. бум. 60 × 92¹/₁₆. Печ. л. 41,38. Уч. изд. л. 33,07.
Тираж 225 000 (1—125 000) экз. Изд. № 12071.
Зак. тип. № 4289.

«Искусство», Москва И-51, Цветной бульвар, 25.

Типография «Красный пролетарий»
Госполитиздата Министерства культуры СССР.
Москва. Краснопролетарская, 16.

Цена 15 руб.

